

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЕЖЕГОДНИКА

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом от одного до двух авторских листов (от 40 тыс. до 80 тыс. знаков, включая примечания); научные сообщения, рецензии и обзоры – до одного авторского листа (40 тыс. знаков). При оформлении текстов убедительно просим соблюдать следующие правила.

- В ежегоднике принята так называемая «поливановская» транскрипция, за исключением общепринятых названий: *Токио, Иокогама*.

- В отношении японских имен собственных принят существующий в Японии порядок написания: сначала фамилия, потом имя. При первом упоминании просим указывать фамилию и имя, далее – инициал и фамилию: *Обути Кэйдзо* и *К. Обути*.

- Японские имена собственные и географические названия не склоняются.

- Сноски имеют общую нумерацию в пределах статьи и помещаются внизу страницы.

- Просим представлять распечатку статьи в одном экземпляре и качественную дискету с аналогичным текстом в системе Windows/Word.

- Просим обратить внимание на предохранение представляемых дискет от вируса.

- Сроки представления статей в редакцию – до конца октября текущего года.

Рукописи, представленные с нарушением перечисленных правил, рассматриваться редакцией не будут.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЕЖЕГОДНИКА

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом от одного до двух авторских листов (от 40 тыс. до 80 тыс. знаков, включая примечания); научные сообщения, рецензии и обзоры – до одного авторского листа (40 тыс. знаков). При оформлении текстов убедительно просим соблюдать следующие правила.

- В ежегоднике принята так называемая «поливановская» транскрипция, за исключением общепринятых названий: *Токио, Иокогама*.

- В отношении японских имен собственных принят существующий в Японии порядок написания: сначала фамилия, потом имя. При первом упоминании просим указывать фамилию и имя, далее – инициал и фамилию: *Обути Кэйдзо* и *К. Обути*.

- Японские имена собственные и географические названия не склоняются.

- Сноски имеют общую нумерацию в пределах статьи и помещаются внизу страницы.

- Просим представлять распечатку статьи в одном экземпляре и качественную дискету с аналогичным текстом в системе Windows/Word.

- Просим обратить внимание на предохранение представляемых дискет от вируса.

- Сроки представления статей в редакцию – до конца октября текущего года.

Рукописи, представленные с нарушением перечисленных правил, рассматриваться редакцией не будут.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ЯПОНИЯ 2012

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2012

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Э. В. МОЛОДЯКОВА

РЕДКОЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
И. П. ЛЕБЕДЕВА, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, А. И. СЕНАТОРОВ, Д. В. СТРЕЛЬЦОВ

Я 70 Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2012. – 450 с.

В 2012 году «Ежегодник» отмечает свой сорокалетний юбилей. Это уникальное по своему характеру издание предусматривает публикацию новейших исследований ученых по различным направлениям на данный момент. На протяжении десятилетий Ежегодник сохранял верность избранной концепции. В юбилейном выпуске исследуется широкий круг проблем современной жизни Японии, касающийся внешней и внутренней политики, состояния экономики и особенностей менеджмента. Большое внимание уделяется вопросам культуры и искусства Японии, как прошлого, так и настоящего времени. Серьезный интерес представляют исследования новых тенденций в развитии современного общества. Традиционно важную часть занимают статьи, касающиеся разных периодов японской истории. В нынешнем юбилейном издании достойно представлено молодое поколение японоведов, работающих в различных городах России и за рубежом.

С 1994 г. издание осуществляется при поддержке Японского фонда

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISBN 978-5-91022-159-2

© Ассоциация японоведов, 2012

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Три премьер-министра в интерьере трехлетнего правления демократов

Э. В. Молодякова

Положение Демократической партии Японии (ДПЯ) после трехлетнего правления (2009–2012 гг.) формально напоминает то, в котором находилась Либерально-демократическая партия (ЛДП) перед сокрушительным поражением на всеобщих выборах в августе 2009 г. и тотальной победой демократов. В течение трех предшествующих лет сменилось три премьер-министра (Абэ Синдзо, Фукуда Фумио, Асо Таро). Популярность Т. Асо стала падать уже через два месяца после формирования его кабинета осенью 2008 г. К февралю 2009 г. рейтинг премьера опустился до критической отметки в 14%¹. Кроме того, обозначилась перспектива раскола ЛДП. Многие её депутаты опасались потерять свои мандаты на предстоящих выборах в палату представителей. Верхняя палата контролировалась оппозицией с 2007 г., что осложняло и нарушало полноценную деятельность правительства и парламента.

За три года правления ДПЯ сменилось три премьер-министра, которые при избрании имели высокий рейтинг, но двое ушли в отставку с критически низким уровнем. Уместно привести замечание аналитика журнала «Economist» о том, что «одним из признаков неблагополучия в Японии является система, которая позволяет слабым политикам подниматься на вершину, после чего их меняют на следующего премьера, такого же невзрачного»². В парламенте уже новая оппозиция контролирует палату советников, что требует постоянных поисков компромиссов. Положение в ДПЯ осложнено наличием в ней различных фракций, самая крупная из которых под руководством Одзава Итиро, постоянно угрожала внутрипартийным бунтом и вынуждала руководство искать баланс сил.

Перед победой демократов события на политической сцене менялись как в калейдоскопе. В мае 2009 г. отставка тогдашнего председа-

¹ Асахи. 10.02.2009.

² Economist. 3.03. 2011.

теля ДПЯ Одзава Итиро из-за получения незаконных политических пожертвований его секретарем несколько подняла рейтинг популярности Т. Асо и его кабинета, но это уже не имело принципиального значения. Либерал-демократы стремительно теряли поддержку избирателей, внутри партии обострились разногласия по поводу проведения основного курса и даже встал вопрос об отставке Т. Асо с поста главы ЛДП. Демократы, несмотря на уход И. Одзава с поста председателя партии, который был движущей силой при подготовке партии к выборам, с избранием нового председателя Хатояма Юкио продолжали продвигаться к достижению поставленной цели – замене ЛДП во власти.

Успех ДПЯ превзошел все ожидания. Результаты прошедших выборов были ошеломляющими. Во-первых, оппозиционная партия впервые пришла к власти, получив большинство мандатов в ключевой нижней палате. Во-вторых, вообще впервые такое число мест принадлежит одной партии. В-третьих, поражение ЛДП, сохранившей чуть более трети прежних мандатов (119 из 300), стало ее настоящим разгромом. В одномандатных округах либерал-демократы провели только 62 кандидата (демократы – 221).

Аналитики заговорили о кризисе политической системы Японии в целом и о необходимости перемен. По оценке газеты «Асахи», «мощная волна народных надежд на перемены открыла новую главу в политической истории нации, возвещая смену власти. Масштабная победа партии отражала надежды населения на реальные изменения в политике, вызванные их недовольством существующим положением»³.

Аналитик журнала «Economist» делал вывод о том, что «электорат одним махом отверг не только одну партию, но и всю систему»⁴. Сокрушительное поражение ЛДП можно расценивать как кульминацию глубоких сдвигов в политической жизни, которые готовились не одно десятилетие. В данный момент «избиратели пошли» за ДПЯ.

Привел партию к победе и стал первым демократическим премьер-министром Японии Хатояма Юкио (1947). Он представляет четвертое поколение одной из самых влиятельных политических династий современного истеблишмента. Его прадед Кадзуо был спикером нижней палаты в конце XIX в., дед Итиро в 1954–1956 гг. – премьер-министром, отец Иитиро – заместителем министра финансов и министром иностранных дел. Не лишним отметить, что мать Ю. Хатояма – наследница основателя всемирно известной корпорации по производству автомобильных покрышек «Бриджстоун», оказывала финансовую поддержку проведению избирательных кампаний своего сына.

Ю. Хатояма окончил отделение вычислительной техники технического факультета престижного Токийского университета и продолжил

образование в университете Стэнфорда, где получил кандидатскую степень. Вернувшись в Японию, он несколько лет преподавал в университете Сэнсю, но карьера университетского профессора не увлекла его. В 1981 г. Юкио начал свою политическую карьеру, став, как это принято в японском политическом мире, личным секретарем своего отца Иитиро. Это была хорошая школа для начинающего политика. Уже в 1983 г. он впервые был избран в палату представителей парламента от одного из избирательных округов на о. Хоккайдо, который является его «вотчиной» по сей день.

В начале 1990-х годов Ю. Хатояма покинул ЛДП и присоединился к созданной вышедшими из нее диссидентами небольшой партии «Инициатива» (Сакигакэ). Совместно с политическим партнером Кан Наото он подготовил и создал в 1996 г. демократическую партию. Создание этой партии сенсацией не стало в тот период бурного возникновения и распада различных партий. Сенсацией стал тандем ее создателей, столь разных даже по внешнему виду. Меланхоличный замкнутый Юкио Хатояма, получивший прозвище «инопланетянин» за отстраненность от повседневности, и энергичный немного грубоватый, привыкший к активной общественной работе, хороший оратор Наото Кан. Союз этих двух политиков оказался очень удачным.

Оба стали ее сопредседателями, а затем после неоднократных реформирований, слияний и объединений не раз меняли друг друга на посту председателя. В нынешнем виде партия существует с 1998 г. Однако, подобные перестановки ничего не дали, и демократы решили, как говорится, «позвать на царство» Одзава Итиро, у которого была небольшая, но хорошо структурированная Либеральная партия. Они рассудили, что харизматический и очень опытный политик, в свое время один из наиболее эффективных и успешных руководителей партийного аппарата ЛДП, сочетающий популизм с навыками закулисной борьбы, несмотря на имидж «правого» и даже «ястреба», поможет поднять авторитет партии. В отличие от других, демократическая партия строилась не по принципу «пирамиды», а по принципу «горизонталей», с опорой на местные отделения.

После избрания Хатояма председателем ДПЯ вместо Одзава Итиро весной 2009 г. экспресс-опросы общественного мнения показывали, что Хатояма пользуется большей поддержкой населения, чем тогдашний премьер-министр либерал-демократ Т. Асо. На период председательства Ю. Хатояма и пришлась победа демократов на выборах 30 августа 2009 г. Во многом она была подготовлена бывшим председателем партии Одзава Итиро, которого называли «богом избирательных кампаний».

Несмотря на то, что, по данным газеты «Йомиури», 53% избирателей не возлагали на него каких-либо надежд⁵, шансы демократов на победу

³ Асахи. 01.09.2009.

⁴ http://www.economist.com/printedition/displaystory.cfm?story_id=...

⁵ Асахи. 17.05.2009; Йомиури. 17.05.2009.

быстро росли. ДПЯ в одиночку не надеялась получить необходимое большинство в палате представителей, поэтому подстраховалась созданием предвыборного альянса с Социал-демократической партией Японии (СДПЯ) и небольшой Новой народной партией (ННП), созданной «диссидентами» из ЛДП.

В первом официальном заявлении после оглашения результатов парламентских выборов Ю.Хатояма заявил, что «партия принимает результаты выборов с исключительной серьезностью. Она полна решимости оправдать оказанное доверие... Я считаю, что результат выборов больше, чем просто победа Демократической партии. Итог голосования показал недоверие нашего народа к существующей политике, его неприятие провалившейся политической и экономической системы и вытекающее из этого резкое недовольство»⁶.

Демократы одержали блестящую победу, но как показал опрос общественного мнения, проведенный газетой «Асахи» сразу же после выборов, поддержка населения была не так безусловна, как считали лидеры ДПЯ, и представляла достаточно сложную картину. По оценке газеты, ожидания общества были тесно переплетены с беспокойством. В частности, 74% респондентов возлагали большие надежды на новую администрацию демократов, но при этом только 32% ожидали радикальных перемен в политике страны. Результаты опроса показывали, что избиратели в целом приветствуют изменения на политической сцене, но многие совсем не были очарованы предвыборными популистскими обещаниями ДПЯ и не убеждены, что партия выполнит их⁷.

Полученный результат на выборах позволял демократам сформировать однопартийный кабинет. Однако новое правительство стало коалиционным, чтобы обеспечить ДПЯ большинство и в палате советников, заручившись поддержкой младших партнеров СДПЯ и ННП, лидеры которых получили министерские посты в кабинете Ю. Хатояма.

Проголосовав на выборах в палату представителей парламента за ДПЯ, население выдало ей большой кредит доверия. Демократы обещали, что сумеют радикально улучшить процесс выработки политических решений, изменить отношения между политиками и бюрократами. Они предложили стране многообещающую и весьма конкретную политическую и экономическую программу, многие элементы которой оценивались их противниками как популистские и даже демагогические. В частности, ДПЯ обещала выплачивать пособие на каждого ребенка в возрасте до 15 лет приблизительно в 270 долларов в месяц, отменить оплату за проезд на скоростных дорогах, снизить ставку налога на бензин, выплатить пособия фермерским хозяйствам, а повышение ставки потребительского налога отложить, по крайней мере, до очередных всеобщих

выборов. «Сила администрации Хатояма будет проверяться ее политическим управлением и политикой развития» – заметил бывший вице-министр экономики, торговли и промышленности Фукукава Синдзи⁸. Другими словами, встал вопрос: сможет ли демократическая партия реализовать свой потенциал управлять страной в широком смысле этого слова.

Создавшаяся при господстве либерал-демократов двойная система управления правительства и партии извращала систему, в которой главная роль должна была принадлежать кабинету министров, а глубоко укоренившееся недоверие между политиками и бюрократами серьезно препятствовало эффективности принятия решений и их исполнения. Правительство Хатояма решило укрепить и расширить функции кабинета в принятии решений и побудить государственных служащих выполнять свои административные задачи в соответствии с политическими решениями кабинета.

Прежде всего, Хатояма Юкио заявил о своей решимости реализовывать независимую от бюрократии политику⁹. Он провозгласил повышение значимости и роли политиков орудием борьбы с «господством чиновников» в управлении государством. С этой целью в кабинете министров было создано Бюро национальной стратегии и введен пост вице-премьера (который не входит в постоянную номенклатуру японского правительства), предназначенные специально для второго человека в партии Кан Наото. С созданием этого органа инициатива в бюджетном процессе переходила в руки правительства.

Бюро национальной стратегии решало вопрос о сокращении ассигнований на тот или иной проект или закрытии малоэффективных проектов¹⁰. Символом «разбазаривания» бюджетных средств на общественные работы было признано выделение 460 млрд. иен на проект сооружения дамбы Ямба в префектуре Гумма, о чем говорилось в «Манифесте» – основном политическом документе ДПЯ. Проект был заморожен, но спустя два года правительство 23 декабря 2011 г. возобновило его осуществление и включило необходимые расходы в бюджет 2012 г.¹¹. Таким образом, было нарушено одно из разрекламированных предвыборных обещаний демократов.

Пересмотр государственных инфраструктурных инвестиций с целью отмены малоэффективных проектов вызывал протесты местных органов власти и населения, поскольку они служили источниками поступления в местные бюджеты и создавали рабочие места. Однако это направление деятельности правительства было признано чрезвычайно

⁶ Асахи. 31.09.2009.

⁷ Асахи. 31.08.2009.

⁸ The Japan Times. 03.10.2009.

⁹ Асахи. 17.09.2009.

¹⁰ <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/press/index/shtml>

¹¹ The Japan Times. 30.12.2011.

важным и актуальным, ибо остро стоял вопрос: откуда взять средства на реализацию целого ряда бюджетных мероприятий, которые демократическая партия обещала избирателям во время предвыборной кампании.

Крупный японский бизнес начал выражать беспокойство тем, что подобные планы правительства могут замедлить восстановление экономики страны. В частности Японская федерация бизнеса критиковала широко разрекламированное правительством сокращение «лишних расходов» и экономию части средств, которые правительство либерал-демократов выделяло на стимулирование экономики. Демократы выступали также за повышение минимума заработной платы для работников, серьезное снижение выбросов углекислого газа на предприятиях, планировали увеличить упавший до рекордного минимума внутренний спрос за счет поддержания сильного курса иены. Все эти мероприятия могли понизить конкурентоспособность японских фирм на международном рынке.

Правительство демократов решило активизировать и внешнюю политику. Еще во время предвыборной кампании Хатояма обещал, что Япония установит более равноправные и независимые отношения с Вашингтоном. Но конкретно имелось в виду изменение условий размещения американских баз на японской территории, в частности вывод их за пределы острова Окинава. Именно предвыборное обещание демократов решить вопрос с перемещением авиабазы Футэмма принес значительную долю голосов избирателей. Речь шла о торжественном обещании Хатояма «пересмотреть» с большим трудом достигнутую в 2006 г. договоренность Японии и США о передислокации базы из густонаселенного жилого района Гинован в городок Наго на том же острове Окинава. Вашингтон считал этот вариант единственно возможным и требовал его неукоснительного соблюдения. Поиск места для передислокации базы Футэмма с первых дней работы кабинета демократов стал не только камнем преткновения в японо-американских отношениях, но и в значительной степени способствовал отставке премьера Хатояма, который не смог договориться ни с местными властями, ни с Вашингтоном. В глазах избирателей он стал выглядеть как слабый, неэффективный политик.

В итоге Япония была вынуждена признать договоренности 2006 г., несмотря на протесты местных жителей и несогласие входящих в правящую коалицию социал-демократов. В знак протеста против такого решения СДПЯ вышла из коалиционного правительства. Таким образом, конкретная проблема переноса авиабазы Футэмма стала серьезным раздражителем в двусторонних отношениях, не только осложнила отношения между Токио и Вашингтоном, но и вызвала внутривнутриполитические разногласия в правительстве.

Восемь с половиной месяцев работы администрации Хатояма привели к неутешительным для нее итогам. База Футэмма осталась в пре-

делах Окинавы. Сделать скоростные дороги бесплатными не удавалось, поскольку, как уже говорилось, против этого выступали местные власти. Выплаты на детей оказывались меньше обещанных и начались позже, как и постепенный перевод школ второй ступени на бесплатное обучение.

Все это привело к резкому падению рейтинга поддержки кабинета Хатояма, по данным различных опросов чуть ниже отметки в 20%. Беспрецедентная победа на выборах сменилась беспрецедентным падением популярности – как в процентном выражении, так и по скорости. Аналитики отмечали, что правительство работало в условиях нервного цейтнота, его ослабляли недостаток у премьера лидерских качеств, противоречия между министрами, их привычки к резким, не всегда обдуманном заявлением. Можно сказать, что они никак не могли избавиться от замашек оппозиционеров. Поэтому уход в отставку премьер-министра Хатояма Юкио не был неожиданностью.

Выходом из создавшегося положения оказалась одновременная отставка Ю. Хатояма с поста председателя ДПЯ и премьер-министра и И. Одзава с поста генерального секретаря партии, что позволило правящей партии повысить свой рейтинг. Уход с политической сцены дуэта Хатояма-Одзава оказался хорошим политическим шагом. Сформированное Кан Наото правительство поддержало 60% населения страны. Создавалось впечатление, что демократам удастся повторить прошлогодний маневр, когда уход в отставку тогдашнего непопулярного лидера ДПЯ Одзава Итиро и приход Хатояма Юкио, которому удалось создать положительный образ реформатора и успешно завершить избирательную кампанию. Но события развивались по другому сценарию.

Ставший председателем ДПЯ и премьер-министром Кан Наото – политик, «сделавший себя сам». Он единственный из руководителей Демократической партии, который не являлся выходцем из ЛДП. Хатояма и Кан во многом отличаются друг от друга, как по происхождению, так и по жизненному пути, который привел их к власти. Оба принадлежат к послевоенному поколению политиков, среди которого есть выходцы из старых политических кланов, и те, кто, как говорится, «сделал себя сам».

Наото Кан (1946) в противовес аристократичному Хатояма – выходец «из народа», что не забывает подчеркивать. Он вышел из среды служащих, так называемых сарариманов, которые в большинстве своем живут на одну зарплату. Кан любит напоминать, что он не имеет ни наследственных капиталов, ни связей.

Будучи амбициозным молодым провинциалом (родился в г. Убэ, на самом юге префектуры Ямагути в южной части острова Хонсю), Наото Кан решил получить образование в столице и выбрал Токийский технологический университет, не рискуя поступать в самые престижные вузы. Буквально с первых дней своей политической карьеры столкнулся

с большими трудностями, поскольку не принадлежал ни к одной из основных политических партий, которые обеспечивают своим послушным ставленникам депутатский мандат. Он решил действовать самостоятельно, но дважды проваливался на выборах в палату представителей и один раз в палату советников. В это время он сближается с небольшой партией Социал-демократический союз (СДС), которую создали правые социалисты, покинувшие Социалистическую партию Японии (СПЯ). В 1980 г. в 34 года он получил от этой партии депутатский мандат, которым владеет непрерывно по настоящее время. В СДС он быстро сделал политическую карьеру, но в палате представителей был всего лишь рядовым членом одного из комитетов.

Участие СДС в коалиционном правительстве после ухода в краткосрочную оппозицию ЛДП в 1993 г. дало Наото Кан возможность возглавить Комитет по внешней политике. После распада СДС Кан вступил в партию Сакигакэ. Эта партия стала младшим партнером по коалиции, вернувшейся к власти ЛДП, которая нуждалась в поддержке малых партий для получения большинства. Это был шанс для молодого и амбициозного оппозиционного политика войти в большую политику. В 1996 г. его заметил бывший в то время премьер-министром Хасимото Рютаро и предложил пост министра здравоохранения и обеспечения (благополучия) в своем правительстве. Это был неплохой старт для перспективного политика. Кан Наото предстояло разобраться с громким скандалом с импортной донорской кровью, зараженной вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), затем со скандалом с острым кишечным заболеланием. Решая эти проблемы, он сумел проявить себя как борец с коррупцией, засильем бюрократов, как энергичный политик, склонный к быстрым и нестандартным решениям. Одним словом он стал заметной политической фигурой национального масштаба.

На выборах председателя партии в 2010 г. за Кан Наото проголосовал 291 из 423 парламентариев от ДПЯ. Его кандидатуру на пост премьер-министра поддержали 313 из 480 депутатов этой палаты, а основной соперник либерал-демократ Танигаки Садакадзу сумел набрать только 116 голосов. В палате советников Кан поддержали 123 из 242 депутатов, а Танигаки – лишь 71 законодатель. Ему предстояло исполнять обязанности премьера до новых выборов председателя ДПЯ в сентябре того же года.

Формируя команду, Кан Наото по возможности старался ослабить все еще очень сильные позиции Одзава, но проблема с ним оставалась «головной болью» нового премьера.

Правительство разработало новую стратегию экономического роста Японии, рассчитанную до 2020 г. Она предусматривала экономический рост более чем на 2% ежегодно. Для реализации этой стратегии предусматривалось поощрение инвестиций в такие перспективные сектора, как новые виды энергетики и сохранение окружающей среды, здравоохранение, расширение торговли и деловых операций с азиатскими

странами, туризм и оздоровление региональной экономики, наука и технологии, занятость и человеческий ресурс, улучшение финансовых условий¹².

Одновременно Н. Кан выступил с заявлением о возможности повышения потребительского налога с 5% до 10%. В принципе это была необходимая мера для решения проблемы колоссального государственного долга (до 200% ВВП), но она вела к серьезным социальным издержкам. Это очень болезненный вопрос, который требует конкретных мер по компенсации потерь населения. Демократам постановка вопроса о повышении подоходного налога стоила потери рейтинга поддержки избирателей до 20%, а затем во многом и поражения на выборах в палату советников 11 июля 2010 г., когда переизбиралась половина ее состава. Это явилось серьезным моральным ударом для них. По итогам голосования ДПЯ получила только 44 мандата, а ее партнер по коалиции – Социал-демократическая партия Японии (СДПЯ) – ничего. В результате демократы располагают в верхней палате парламента только 110 мандатами, а совокупная оппозиция – 131, из которых 84 принадлежат ЛДП. Реальная ситуация такова, что демократы контролируют палату представителей, а оппозиция – верхнюю.

Помимо постановки проблемы налоговой реформы, на рейтинге правительства негативно сказывалась доставшаяся «по наследству» проблема передислокации базы ВМС США Футэмма, неприятным моментом для ДПЯ являлось продолжение коррупционного скандала вокруг И. Одзава, а также противостояние оппозиционных сил.

Несмотря на призыв премьер-министра к сотрудничеству, оппозиция начала методично проваливать в верхней палате все правительственные законопроекты, выносить порицания министрам и пр. ЛДП поступает с правительством так же, как действовал сам Н. Кан, будучи в оппозиции, используя тактику «булавочных уколов». Но благоприятным моментом для демократической партии, несмотря на все сложные проблемы, являлось отсутствие в стране сильной действенной оппозиции, готовой представить конструктивные предложения.

В сентябре 2010 г. Кан Наото успешно переизбрался на пост председателя ДПЯ и соответственно во второй раз стал премьер-министром и достаточно радикально обновил кабинет. Это привело к росту рейтинга его правительства до 64,4% и определенной популярности партии. 40% респондентов назвали себя сторонниками ДПЯ¹³.

Наряду с программой развития правительство сразу же заявило о том, что важнейшими его действиями будет проведение налоговой реформы и реформы социального обеспечения, которые тесно связаны друг с другом. Неотложность этих реформ диктуется тем, что страна

¹² Japan Brief/FPCJ, № 1020. 22.06.2010.

¹³ Киодо цусин. 21.09.2010.

сталкивается с трудностями в обеспечении фондов для оплаты постоянно возрастающих мер социального благосостояния. Намерение правительства повысить потребительский налог явилось нарушением своеобразного табу. Оно было вызвано необходимостью дополнительно оплачивать систему социального обеспечения. План повышения этого налога предусматривает стабилизацию финансов в стране.

Большой разброс мнений не только в обществе, но и в партии вызвало заявление премьер-министра о возможности присоединения Японии к организации Транс-тихоокеанское партнерство (ТТП), несмотря на то, что это радикально скажется на многих сторонах жизни в Японии, прежде всего на сельском хозяйстве. Премьер пообещал представить план сельскохозяйственной реформы, нацеленный на превращение сельского хозяйства в отрасль, ориентированную на экспорт, вместо традиционного дорогостоящего непродуктивного рисоводства. Фермеры – производители риса защищены тарифами почти в 800%. Их пересмотр нарушал еще одно табу. Именно фермеры старшего поколения образуют влиятельный слой избирателей, и они, скорее всего, выступят против такой реформы.

Недовольство правительством Кан вызывала также его неспособность, как и его предшественника, решить проблему передислокации авиабазы Футэмма, а также обострение отношений с сопредельными государствами: с КНР из-за островов Сэнкаку и с Россией после визита президента РФ Д. А. Медведева на Кунашир. Все это привело к резкому падению рейтинга кабинета Кан: в конце ноября он составил только 23,6% против 32,7% во время опроса в начале месяца.

В такой ситуации премьер провел реорганизацию кабинета накануне открытия очередной сессии парламента 24 января 2011 г., на которой предстояло принять государственный бюджет на новый финансовый год. В преддверии сессии Н. Кан достаточно осторожно дал понять, что правительству придется частично пересмотреть предвыборный «Манифест», в частности, широкомасштабные обещания выплаты ежегодных пособий на детей, отмены оплаты за проезд на скоростных автодорогах и пр. Это серьезно осложнило для премьера возможность маневра в парламенте, поскольку депутаты-демократы, близкие к бывшим партийным лидерам Одзава Итиро и Хатояма Юкио решительно призывали партию строго придерживаться «Манифеста», который они рассматривают как основу политики ДПЯ. Возникают опасения того, что, если руководство партии будет жестко давить на Одзава, то его сторонники могут взбунтоваться.

Н. Кан больше всего опасался именно бунта внутри партии, поскольку уже появились раскольники в ее рядах. Сразу 16 депутатов-демократов в нижней палате решили выйти из ее парламентской фракции и создать собственную. При этом они заявили, что сохраняют

членство в партии. Но бывший тогда генеральным секретарем Окада Кацуя категорически отверг такой вариант.

Почти сразу после начала работы сессии парламента президент ЛДП С. Танигаки потребовал роспуска парламента и проведения досрочных выборов в палату представителей, что стало постоянной угрозой для правительства, рейтинг которого опускался даже чуть ниже критической отметки в 20%, а примерно половина респондентов высказалась за немедленную отставку премьера¹⁴. Н. Кан заявлял, что не покинет свой пост, пока не проведет задуманные им реформы, и не намерен распускать ключевую палату представителей парламента для проведения досрочных выборов.

У правительства было не слишком много времени. К первому апрелю, когда в Японии начинается новый финансовый год, необходимо принять государственный бюджет, и связанные с ним законопроекты. Непринятие законопроектов не позволяет правительству реализовать около 40% расходной части бюджета, достигшей рекордного уровня в 92,4 триллиона иен. Это, в свою очередь, поставит под вопрос запланированное снижение налога на корпорации, что необходимо для оживления экономики и реализацию социальных программ. По оценке агентства Киодо, «трудно даже предположить возможные негативные последствия этого».

11 марта страна и люди пережили страшный шок, о чем много и подробно писалось. Когда прошел первый шок, то оказалось, что органы местной власти в пострадавших префектурах оказались на высоте, а поведение центральных властей вызвало несравнимо более серьезную критику. Противники обвинили Н.Кан «в недостатке лидерских качеств», что ставилось в упрек и его предшественнику на этом посту Хатояма Юкио.

Катастрофа примерно на месяц заставила забыть о межпартийных расприх и позволила в срок принять государственный бюджет на 2012 фин. год и соответствующие законопроекты. ЛДП изменила свою линию поведения с конфронтации на сотрудничество. Было объявлено перемирие между ДПЯ и ЛДП. Но при обсуждении необходимых законов для финансирования работ по ликвидации последствий бедствия и восстановлению по каждой позиции шел ожесточенный торг. Например, для демократов главным было сохранение положений манифеста о социальных выплатах, в то время как ЛДП предложила, чтобы правительство полностью отменило программу детских пособий, характеризуя ее как «казенный пирог».

Первым шагом к решению проблем, вызванных катастрофой, явилось создание в тот же день Общенационального штаба по ликвидации последствий землетрясения под руководством премьер-министра. Штаб

¹⁴ Майнити. 03.2011.

взял на себя оценку ситуации на аварийной АЭС «Фукусима 1», подготовку законопроектов о порядке покрытия ущерба населению и кампаниям и выплате 200 млрд. иен (2,44 млрд. долл.) из бюджетного резерва на первоочередные расходы. Затем правительство приняло первый дополнительный бюджет на текущий финансовый год. Он предусматривал выделение 4,02 трлн. иен (около 50 млрд. долл.) на ликвидацию последствий землетрясения и последовавших за ним аварий¹⁵. Непосредственно после катастрофы уровень поддержки правительства поднялся до 28,3%. Примерно половина респондентов не поддержала меры правительства по ликвидации последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» и столько же поддерживали усилия по оказанию помощи пострадавшим. 67,5% одобрили временное повышение налогов для преодоления нынешних бедствий¹⁶.

Лидеры оппозиции не проявляли откровенно обструкционистских действий, но сохранили критическое отношение к правительству Кан. Спустя неделю после землетрясения премьер предложил ЛДП образовать «большую коалицию» или хотя бы войти в состав правительства¹⁷. Танигаки заявил, что его партия будет сотрудничать с демократами в ликвидации последствий катастрофы и восстановления страны, даже не входя в правительство. Но формирование «большой коалиции» невозможно без достижения договоренности по принципиальным политическим и экономическим вопросам, которые не имеют отношения к произошедшей трагедии.

Однако 4 марта ЛДП, учитывая сложившуюся в стране ситуацию, сняла свое требование о роспуске парламента и проведении досрочных выборов в палату представителей. «До марта наша политика заключалась в оказании давления на правительство везде, где только можно, но после трагических событий мы не можем продолжать это», заявил С. Танигаки¹⁸. Но совместно с лидерами других оппозиционных сил ЛДП потребовала отставки премьер-министра, который «явно не имеет лидерских качеств необходимых для вывода страны из кризиса».

Еще одним негативным фактором для правительства и премьера стало фактическое поражение демократов на выборах в органы местного самоуправления, которые проходили в два тура 10 и 24 апреля. Японцы избирали 136 глав администраций городов и деревень и 6 тыс. 985 членов муниципальных советов. В первом туре непосредственная борьба между представителями ДПЯ и ЛДП шла в 10 избирательных округах, и здесь с небольшим перевесом победили либерал-демократы. Эксперты оценили первый тур местных выборов как серьезное пора-

жение ДПЯ¹⁹. Во втором туре от ДПЯ в советы прошли 397 человек, от ЛДП – 499 и от Комэйто – 903. На выборах в муниципальные советы в 21 округе Токио ДПЯ добилась только 45 мест из 409. Однако наибольшее число кандидатов – 4 тыс. 321 человек или 61,9%, не состоят ни в одной партии, что отражает растущую потерю доверия избирателей к устоявшимся политическим партиям.

Полгода, прошедшие после Великого восточно-японского землетрясения поставили перед страной и ее руководством множество стратегических и тактических задач. Среди них – скорейшая ликвидация последствий аварии на «Фукусима-1», точнее, предотвращение их разрастания и принятие для этого всех необходимых технических мер. С этим непосредственно связан глобальный вопрос о дальнейшем использовании «мирного атома», который дает японской экономике 25–30% электроэнергии. Общественность выступала за полный отказ от ее использования, но деловые и промышленные круги однозначно признавали необходимость использования «мирного атома» даже при сокращении объемов и отказа от строительства новых АЭС. Затем «Возрождение региона Тохoku», которое правительство объявило приоритетным направлением национальной политики, должно стать мощным стимулом для ряда отраслей экономики, связанных со строительством жилья, инфраструктуры и пр.²⁰.

В начале июня оппозиция внесла в парламент резолюцию о вотуме недоверия кабинету Канн Наото. При других обстоятельствах ДПЯ, обладая большинством мест в парламенте, легко отклонила бы эту резолюцию. Но положение осложнялось тем, что соратники по партии (в том числе ее бывшие председатели Хатояма и Одава) склонялись поддерживать вотум недоверия непопулярному премьеру и сформировать новое правительство. Премьер в ходе переговоров с различными группами в партии убедил их голосовать против резолюции в обмен на его согласие уйти в отставку спустя некоторое время. Н. Кан объяснял все проволочки в решении вопроса об отставке необходимостью принятия ряда мер необходимых для восстановления пострадавших районов: о размещении пакета гособлигаций, о расширении использования возобновляемой энергии и проекта второго дополнительного бюджета на 2011 г. Было принято решение продлить сессию на 70 дней. Настроение в стране было не в пользу Н. Кан. В июле рейтинг правительства упал рекордно низко: в его поддержку высказалось лишь 17,1% (самый низкий за все время пребывания ДПЯ у власти) против 24% в конце июня.

Буквально накануне отставки Н. Кан сумел добиться соглашения с оппозицией на принятие дополнительного бюджета по восстановлению после землетрясения и законопроекта по развитию возобновляемых источ-

¹⁵ Киодо цусин. 22.04.2011.

¹⁶ Киодо цусин. 01.04.2011.

¹⁷ Киодо цусин. 18.03.2011.

¹⁸ NHK. 04.04.2011.

¹⁹ РИА-новости. 25.04.2011.

²⁰ В. Э. Молодяков. Япония после 11 марта: итоги и уроки Великого восточно-японского землетрясения // Япония. Ежегодник 2011. М., 2011, с. 13–15.

ников энергии в ответ на отказ демократов от некоторых социальных субсидий. Подобный компромисс вызвал протест в рядах демократов.

В конце июля был спешно избран новый председатель партии – Нода Ёсихико, который и стал очередным премьер-министром. Этому предшествовала чрезвычайно напряженная борьба между пятью претендентами, что выявило личное соперничество, присущее ДПЯ с тех пор, как она пришла к власти. В первом туре ни один из пятерых претендентов не сумел набрать более половины голосов 395 депутатов парламента от ДПЯ, которые имеют право выбора нового лидера. Нода был вторым. Во втором туре он сумел заручиться поддержкой сторонников ранее проигравших кандидатов и стать третьим премьер-министром от ДПЯ. Выборы лидера партии проходили по ускоренной схеме, что исключало участие в них местных членов ДПЯ и других сторонников. В свое время именно с их помощью сумел победить своих соперников Кан Наото.

Нода Ёсихико (1957) поднялся к вершинам власти благодаря собственным усилиям. Он вышел из семьи офицера 1-й воздушно-десантной бригады сухопутных сил страны. Эта элитная часть расквартирована к северо-востоку от Токио в преф. Тиба, но Нода не выбрал карьеру военного и в детстве мечтал стать журналистом. Он закончил факультет политики и экономики престижного частного университета Васэда, который считается одним из оплотов либерализма. Затем он был в числе первых выпускников созданного основателем корпорации «Панасоник» Мацусита Коноскэ Института управления, который предназначен для подготовки будущей элиты страны. Ё. Нода эти надежды оправдал. В 29 лет он стал депутатом законодательного собрания своей родной префектуры, а в 1993 г. впервые был избран в парламент от Новой партии Японии (Нихон синто), которая вошла в том же году в коалиционное правительство, ненадолго отстранившее от власти ЛДП. Позднее эта партия стала составной частью ДПЯ.

Новый премьер, по мнению обозревателей, выглядел откровенно бледно на фоне своих соперников. Они поспешили вынести вердикт о том, что в Японии к власти пришел очередной заурядный премьер-министр. Ё. Нода и позиционировал себя как «обычного человека». Он сравнил себя с небольшой непривлекательной придонной рыбкой, голец, живущей в проточной воде. «Гонец имеет свои качества, даже если он не может поступать как золотая рыбка»²¹.

Новый председатель ДПЯ сразу же приступил к кадровым перестановкам в партийном руководстве, направленным на укрепление единства партии. Пост генерального секретаря – «человека номер два» – получил 75-летний политик-ветеран Адзума Косииси, возглавляющий фракцию ДПЯ в верхней палате. Это не случайное назначение, ибо он ближайший политический союзник Одава и вокруг него группируются

противники Нода. Главой политического комитета ДПЯ стал бывший министр иностранных дел Маэхара Сэйдзиро, выступивший конкурентом Нода на выборах лидера партии. Третий по значимости пост – председателя парламентского комитета – получил бывший генсек правительства Хирано Хирофуми, который близок к экс-премьеру Хатояма Юкио. Аналитики полагают, что выбор Нода, который не имеет массовой поддержки в партийных рядах и не является одним из ее основателей, означает стремление дать новый старт ДПЯ. Предстояло сплотить раздираемую противоречиями партию и расколотое общество, а также восстановить доверие к правительству. Нода был избран премьер-министром в обеих палатах парламента. В ключевой нижней палате за него отдали голоса 308 депутатов из 476, а его главный соперник лидер ЛДП Танигаки получил 118 голосов. Победил он и в верхней палате: за него проголосовало 110 депутатов, а за Танигаки – 107.

Созданное Нода правительство представлялось одним из самых сбалансированных за последние годы, в чем проявились его незаурядные качества по улаживанию ситуации в партии, где существует несколько полюсов силы. Он не обидел никого из партийных лидеров, чего не удалось сделать его предшественнику на этом посту. Однако оппозиция сразу обвинила нового премьера в том, что, формируя правительство, он руководствовался в первую очередь стремлением избежать раскола внутри ДПЯ. Рейтинг нового кабинета, согласно опросу газеты «Йомиури», составил 65%. 71% респондентов заявили, что «одобряют взятую премьер-министром линию на урегулирование внутрипартийных разногласий в интересах скорейшего преодоления последствий мартовского стихийного бедствия». 61% участников исследования поддержали планы премьера повысить потребительский налог²².

Ё. Нода – сторонник жестких мер по оздоровлению финансов и сокращению государственного долга, обеспечению ядерной безопасности, реорганизации энергетического сектора с перспективой на будущее, созданию социальной инфраструктуры для поддержки быстро стареющего общества. Безусловно, остро стоит вопрос обеспечения финансирования для восстановления опустошенного северо-востока страны.

Не ДПЯ виновата в существующих финансовых проблемах, но именно правительству Нода пришлось заняться разрешением проблемы затрат на социальное обеспечение и государственные расходы, которые в течение многих лет все больше выходили из-под контроля. «Стремительно растущие расходы на социальное обеспечение радикально изменили структуру финансовых бюджетов и распределение средств между различными конкурирующими секторами, в результате чего восстановление государственных финансов Японии превратилось в очень сложную и запутанную проблему. Это объясняет, почему сменявшие

²¹ Guardian.co.uk 29.08.2011.

²² Йомиури. 04.09.2011.

друг друга правительства ЛДП в течение десятилетий бежали от этой проблемы, как от чумы. ДПЯ не повезло – время ее правления пришлось на “точку невозврата”, сразу после завершения почти непрерывного правления ЛДП в послевоенный период, и сегодня правительству ДПЯ приходится разгребать накопившиеся финансовые завалы»²³.

Несмотря на обещания демократов не повышать потребительский налог до следующих всеобщих выборов, у нынешнего правительства не было иного варианта действий, как заняться налоговой реформой и реформой системы социального обеспечения. Прежде всего, речь идет о повышении налогов с населения, чего не решался делать ни один премьер-министр до Ё. Нода. Весь предыдущий опыт учит, что подготовка вопроса о повышении налогов требует тщательности и осторожности, создания политической обстановки, в которой правительство и политики пользуются доверием населения.

13 января 2012 г. Нода произвел формальное реформирование своего кабинета. Главным было введение в его состав Окада Кацуо на пост вице-премьера специально для проведения в жизнь задуманных реформ, а также для координации политики с другими партиями. Считается, что Окада умеет успешно общаться с оппозицией, прежде всего с либерал-демократами, которые считаются с его мнением. Кроме того, он один из вероятных кандидатов на пост премьер-министра при очередной смене кабинета.

Перед нынешним правительством не стоит вопрос вводить или нет потребительский налог и если вводить, то когда. Вопрос заключается лишь в том, насколько высокой будет ставка налога. Правительство предлагает увеличить налог с продаж до 8% в апреле 2014 г. и до 10% в октябре 2015 г. Двукратное повышение приблизит его к уровню, существующему в ведущих странах ЕС. По замечанию заместителя управляющего директора Международного валютного фонда Н. Синохара, «ставку налога следует повысить примерно до 15%, чтобы Япония смогла выйти из нынешнего финансового кризиса»²⁴. Повышение налога с продаж было бы лучшим средством для оздоровления японских истощенных государственных финансов, но его введение негативно скажется на различных группах, включая пожилых людей.

С целью экономии бюджетных средств на текущей сессии парламента предполагалось принять закон, уменьшающий число депутатских мест в палате представителей с 480 до 400. Одновременно обсуждался законопроект о сокращении расходов на государственных служащих, согласно которому их заработная плата будет в среднем сокращена на 7,8% в течение двух лет, что должно дать экономию в 500 млрд. иен. Полученные в результате этих мер средства предназначены на восста-

новительные работы в регионе Тохоку²⁵. Таким путем правительство хотело «подсластить пилюлю» в виде двойного повышения потребительского налога. В кабинете министров впервые за время его работы большинство министров не поддерживало законопроект.

Новым конкретным шагом в деле восстановления пострадавших от стихийных бедствий и аварии на атомной электростанции «Фукусима-1» районов явилось учреждение 10 февраля 2012 г. Агентства по восстановлению, которое, по сути, представляет собой административную систему для осуществления восстановительных работ. На нем лежит ответственность за действенное руководство всем процессом. В частности, оно должно сломать бюрократические препоны между различными министерствами и ведомствами, чтобы они могли быстро реагировать на запросы местных органов власти и местных жителей.

В настоящее время внутри- и внешнеполитические проблемы тесно связаны друг с другом. Как и два предыдущих демократических премьера Нода, который считается «ястребом» во внешней политике, встречается с серьезнейшими внешнеполитическими вызовами, которые требуют разрешения. В первую очередь речь идет о возможности присоединения страны к ТТП, что выявило глубокие разногласия в правящей партии. Успокаивая внутрипартийные страсти, Нода заявил, что речь идет лишь о том, чтобы «начать переговоры с заинтересованными странами в направлении участия в переговорах по ТТП». Нода, как и его предшественник Н. Кан, заявляет, что полон решимости сохранять традиционную японскую культуру, ее прекрасные деревни, где выращивают рис, но настаивает на необходимости движения в сторону ТТП. За острыми разногласиями по ТТП в правящих кругах просматривается попытка сбалансировать отношения с США – главным военным и стратегическим союзником Японии с интеграцией в Азии, особенно с Китаем. «Япония, которая построила свое процветание на торговле, должна воспринять энергию АТР, чтобы передать свое богатство будущим поколениям»²⁶.

Одновременно заявления Нода о приверженности ТТП можно рассматривать как решительную поддержку со стороны Японии более широкой американской кампании против Китая. Кан в свое время неоднократно подвергался нападкам со стороны однопартийцев, которые требовали, чтобы Япония заняла более независимую от Вашингтона позицию и улучшила отношения с Китаем. Новый премьер публично поддержал Вьетнам и Филиппины в их споре с Пекином в Южно-Китайском море – ключевом вопросе в кампании администрации Обамы по противодействию китайскому влиянию в регионе. Затем он посетил с официальным визитом Индию и провел первое заседание саммита США-Индия-Япония. Он также призвал к жесткости в вопросе об островах Сэнкаку, которые

²³ The Japan Times. 17.02.2012.

²⁴ The Japan Times. 18.02.2012.

²⁵ The Japan Times. 24.02.2012.

²⁶ Джон Чан 17.01.2011

Пекин объявил своей территорией. Более того, Нода высказал свое несогласие с решениями Токийского трибунала для Дальнего Востока и не считает, что приговоренные на нем к смерти лидеры милитаристского режима были военными преступниками. Тема исторического прошлого – давняя болевая точка японо-китайских отношений.

В такой непростой для демократов ситуации в середине марта 2012 г. заговорили о создании «большой коалиции» – ДПЯ-ЛДП, несмотря на то, что обе партии публично отвергли такую возможность²⁷. Инициатором идеи выступил К. Окада, по словам которого «такой альянс позволил бы нам всем лучше работать на благо нашей общей страны». У демократов – уверенное большинство в ключевой нижней палате парламента, не растраченный пока полностью кредит народного доверия и относительно успешное преодоление последствий прошлогодних стихийных бедствий. У либерал-демократов – опыт почти полувекового управления страной и взаимодействия с бизнесом и бюрократическим аппаратом. Но подобная идея была официально признана ДПЯ, как «личное мнение» Окада. Договориться эти две крупнейшие партии не могут не только из-за личных амбиций политиков, но, в частности и потому, что нынешние лидеры ЛДП прямо заявляют, что их главная цель – свалить демократов вместо того, чтобы действовать в национальных интересах и совместно возрождать страну.

Либерал-демократы настойчиво требуют досрочного роспуска нижней палаты и новых выборов в нее. Они, если и не победят, то, что более вероятно, могут лишить демократов монополии на власть. Демократы не соглашались на выборы, поскольку точно не смогут повторить успех 2009 г. Сейчас опросы общественного мнения отдадут обеим главным партиям примерно поровну – чуть меньше 20% голосов респондентов. Исход такой патовой ситуации может зависеть от небольших партий вроде Комэйто или Партии всех (Минна-но то), поскольку остальные либо слишком слабы, либо не рассматриваются как партнеры по коалиции (Коммунистическая партия Японии). Однако в стране есть многочисленная политическая сила тех, кто не поддерживает ни одну из существующих партий. В последние месяцы их количество вплотную приблизилось к 50%, и столько же имеют в сумме все остальные партии. Одновременно на политической арене появляются новые фигуры, которые присматриваются и к демократам, и к либерал-демократам и хотят вести свою политическую игру. Например, мэр города Осака, а ранее губернатор одноименной префектуры – харизматичный и ориентированный на реформы Хасимото Тору, которого начинают воспринимать уже в масштабе страны.

Создание мощной коалиции или союза ДПЯ с ЛДП отвечало бы национальным интересам, но либерал-демократы ведут конфронтационную

политику. Будучи правящей партией ЛДП выступала за удвоение потребительского налога до 10%, но став оппозиционной партией, выступает против. Совместные действия с оппозиционными партиями, прежде всего с ЛДП, по словам К. Окада, чрезвычайно важны, для утверждения в парламенте законопроектов о повышении налогов. Для этого необходим консенсус при обсуждении в палате представителей. Тем более, что лидер Новой народной партии (ННП) Камэи Сидзука пригрозил возможностью ее выхода из коалиции с ДПЯ, если они будут приняты. Он также заявил, что готов к созданию новой партии, которую мог бы возглавить губернатор Токио Исихара Синтаро²⁸. Несмотря на такие резкие заявления, большинство этой партии выступает за сохранение партнерства с ДПЯ.

Однако обсуждение законопроектов о повышении налогов вело к расколу в рядах правящей партии. Зачинщиками выступили депутаты из окружения Одзава. Первой ласточкой стал выход из ее рядов в первый раз избранного депутата от 9-го округа Токио Такатанэ Киути²⁹. «Выход из партии – единственный для меня путь остаться верным своим принципам», – заявил он. Теперь К. Такатанэ – независимый депутат. Не исключена возможность, что такие демократические депутаты-новобранцы, у которых слабая база поддержки в избирательной кампании, могут лишиться мандатов при очередных выборах. Четверо членов партии, включая заместителей министров благосостояния и труда и просвещения и науки, в знак протеста подали заявления об отставке. Генеральный секретарь кабинета Фудзимура Осаму настаивает на интенсивном обмене мнениями и просит оппонентов не уходить в отставку. Вызывания Одзава о его возможном голосовании против законопроектов служат определенным посланием сторонникам покинуть партию.

Подождем дальнейшего развития событий. Этими словами была закончена статья, когда в начале июня месяца была сдана в редакцию. Развитие событий не заставило себя ждать. Во-первых, ушел из ДПЯ, уведя с собой около полусотни сторонников Одзава Итиро. Другими словами, свершился ожидаемый бунт в рядах демократов. Во-вторых, создание им новой партии под названием «Жизнь народа прежде всего» сказывается на конфигурации лагеря оппозиции. В третьих, в конце июня был принят многострадальный закон о повышении потребительского налога при поддержке ведущих сил оппозиции – ЛДП и Комэйто. Ценой такого решения стали роспуск нижней палаты парламента и проведение досрочных выборов. Поскольку очередные выборы председателя ДПЯ назначены на 21 сентября, то парламентские выборы вряд ли состоятся ранее.

²⁷ The Japan Times. 18.03.2012.

²⁸ The Japan Times. 02.04.2012.

²⁹ Там же.

Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992–2009 г.)

Н. Ю. Мурашкин

Введение

Анализируя японскую дипломатию в Центральной Азии, следует принимать во внимание тот факт, что консенсус в отношении ее целей и мотивов пока не достигнут. Одни наблюдатели «дипломатии Великого шелкового пути»¹ (так эта политика значит в дискурсе официального Токио), как и дипломаты, часто указывают на превалирование содействия экономическому развитию, а не геополитических интересов, как основного стимула этой дипломатии. Согласно этой точке зрения, Япония не соревнуется ни с Китаем, ни с Россией в какой-либо «Новой Большой игре»² между великими державами в Центральной Азии. Эту «игру» часто сравнивают с «Большой игрой», происходившей между Российской и Британской империями примерно в том же регионе в конце XIX в. В этом случае участие Японии «доброжелательно», поскольку ее помощь предоставляется в отсутствие чрезмерных амбиций или надежды на взаимность³, в отличие, например, от Официальной помощи развитию (ОПР), направляемой странам Ближнего Востока с целью обеспечения поставок углеводородов. Подобные интерпретации коррелируют с установками, которые в свое время были сформулированы в так называемых доктринах Ёсида⁴ и Фукуда⁵. Их нередко и

¹ Под регионом «Великого шелкового пути» (ВШП) официальный Токио (например, в речи премьер-министра Хасимото Рютаро, провозглашающей «евразийскую дипломатию») подразумевает новые независимые государства Кавказа и Центральной Азии, ссылаясь на их историческую вовлеченность в торговлю на ВШП. Тем не менее, постепенно фактическое употребление этого термина сужалось до стран Центральной Азии. В данной статье термины «Центральная Азия» и «страны Великого шелкового пути» употребляются как синонимы и обозначают пять республик бывшего СССР: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

² Kawato, Akio in Len et al.; Round table East Asian Perspectives on the Architecture of the Global Community at Chatham House, 16 March 2010.

³ Uyama, Tomohiko in Len, Christopher, Tomohiko Uyama, and Tetsuya Hirose, eds. Japan's Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008 (http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2008_len-et-al-eds_japans-silk-road-diplomacy.pdf)

⁴ Согласно первому японскому послевоенному премьер-министру Ёсида Сигэру, Японии следовало сделать приоритетом свое экономическое развитие, а дипломатию вести сознательно сдержанно, таким образом доверяя вопросы обороны США.

сейчас излагают японские действующие и вышедшие в отставку дипломаты. Реже такая позиция встречается у иностранных исследователей японской внешней политики или ее стратегии на «Великом шелковом пути» (например, у Майкла Грина или Эсена Усубалиева), равно как и среди бывших японских официальных лиц, специализирующихся в областях, отличных от дипломатии. Необходимо отметить, что разница в толкованиях японской дипломатии ВШП ее экспертами (подчеркивающими отсутствие стратегического видения или геополитических стремлений) и зарубежными учеными (считающими, что у Японии наличествуют как прагматическая стратегия, так и реалистический подход) также присутствует в более общем анализе японской внешней политики и стратегии как таковой.

В этой статье проверяется гипотеза, согласно которой японская центральноазиатская дипломатия, рассматриваемая в общем контексте международной безопасности, воплощает четкие геополитические устремления и стратегическое мышление, при этом необязательно характеризуясь как часть более широкого конфликта типа «Большой игры». С этой целью излагается эволюция японского стратегического восприятия азиатской и национальной безопасности в период после холодной войны, в частности делается акцент на премьерстве Хасимото Рютаро (1996–1997) и окончании срока правления Абэ Синдзо (сентябрь 2007). Такие временные рамки выбраны, поскольку именно при Хасимото были впервые сформулированы на официальном уровне цели японского вовлечения в Центральную Азию. Далее Асо Таро, возглавляя МИД в кабинете Абэ, выступил с наиболее поздней на данный момент концептуализацией, затрагивающей Центральную Азию в японской дипломатии – а именно, концепцией «Дуга свободы и процветания». В одноименной книге, излагая свои основные взгляды, он посвятил отдельную главу этому обширному региону. В данной статье, в частности, оценивается степень, в какой японская дипломатия в ЦА может быть интерпретирована в отношении таких ключевых вопросов японской внешней политики, как адаптация к меняющейся международной системе с целью сохранения лидирующих позиций, противодействия «дальним» угрозам в рамках концепции «глобальной безопасности» и реагирования на рост влияния КНР.

1. Определение безопасности и стратегии для Японии

⁵ «Доктрина Фукуда» была набором принципов японской внешней политики, изложенными премьер-министром Фукуда Такэо в 1977 г., когда он заявил, что Япония не должна становиться военной державой и должна строить равноправное сотрудничество с АСЕАН и другими странами Юго-восточной Азии. Однако после начала войны между Кампучией и Вьетнамом, Япония решила поддержать АСЕАН и продемонстрировала прохладное отношение к официальному Ханю. Nishihara, Masashi. East Asian Security and the Trilateral Countries. A Report to the Trilateral Commission. New York, 1985, p.16.

Понятие национальной безопасности является основной концепцией в неореалистской парадигме теории международных отношений⁶. Согласно этому теоретическому подходу, государства в анархичной международной структуре следуют принципу «помоги себе сам» и стремятся обеспечить выживание как минимальное требование для достижения дальнейших целей. По сравнению с реалистской парадигмой, в неореалистском варианте государства стремятся обеспечить скорее безопасность, нежели баланс сил⁷. В международных отношениях безопасность традиционно рассматривалась как защита государства от вооруженного нападения⁸. Однако, впоследствии, особенно после «холодной войны», ее различные невоенные измерения вышли на первый план, такие как устойчивость перед экономическими кризисами, охрана окружающей среды, борьба с международным терроризмом, преступностью, масштабными эпидемиями⁹. Это стимулировало концептуализацию темы безопасности в альтернативных парадигмах, в частности, конструктивистской, один из представителей которой, Оле Уэвер, выдвинул следующее определение: «безопасность – это возможность общества сохранять свой особый характер, несмотря на меняющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы»¹⁰.

Государства прибегают к определенным стратегиям, чтобы поддерживать такую возможность. Понятие стратегии, в свою очередь, тоже весьма вариативно, в рамках данной статьи будет использоваться следующее его определение: «стратегия – это наука (если акцент делается на знании или методе) или искусство (если акцентируется опыт) добровольного, целенаправленного и комплексного человеческого действия». Цель стратегии – придать осознанный и просчитанный характер решениям, за счет которых планируется успешно провести в жизнь ту или иную политику¹¹.

Предметом продолжающейся дискуссии среди исследователей японской политики¹² является вопрос о том, есть ли у Японии нацио-

нальная стратегия как атрибут «нормального государства», и является ли она таковым государством, особенно в том, что касается ее положения в международной политике. Консенсус в этой области довольно ограничен. Многие зарубежные авторы (например, Майкл Грин, Кеннет Пайл, Гилберт Розман, Ричард Самуэльс) склонны считать, что официальный Токио обладает стратегическим видением, тогда как многие японские исследователи¹³ рассматривают Японию как страну, которой не достает такого стратегического видения (например, Тадокоро Масаюки, Ириэ Акира, Тамамото Масару, политик Одзава Итиро). Аналогичный водораздел можно наблюдать и в исследованиях, касающихся японской внешней политики в Центральной Азии. В случае если Японии приписывали наличие международной стратегии, то она характеризовалась учеными как проистекающая из собственного восприятия уязвимости (*фуан*), адаптивная и реактивная.

В понимании того, какие политические действия могут считаться стратегическими, данное исследование опирается на подход, отраженный в коллективной монографии «Japanese Strategic Thought toward Asia». Оценивая стратегический характер современной японской политики в Азии, авторы исследования выделяют следующие критерии стратегичности мысли. «Мы задаемся вопросом, в какой степени мышление было нацелено на то, чтобы сделать Японию более безопасной, процветающей и уважаемой. Также мы учитываем, насколько оно было направлено, во-первых, на успокоение японской общественности, а не на ее встряску, во-вторых, на разрешение признанных проблем, а не на их откладывание или обострение и, в-третьих, на организацию процесса внутренней дискуссии и зарубежных консультаций. Эти критерии выделяют преследование долгосрочных целей, уравнивание расширения влияния Японии за рубежом с успешным завоеванием доверия и избеганием чрезмерной зависимости с признанием необходимости усиленной взаимозависимости»¹⁴.

власти в сентябре 2009 г. после первой победы Демократической партии Японии на парламентских выборах. См. пресс-конференцию премьера Хатоямы от 16 сентября 2009 г. (http://www.kantei.go.jp/foreign/hatoyama/statement/200909/16kaiken_e.html). Абэ Синдзо в начале своего срока намеревался учредить Совет по национальной безопасности, однако этот план не был претворен в жизнь в его правление.

¹³ У этого разделения есть характерные исключения, одним из которых является Нисихара Масаси. Он последовательно подчеркивал стратегический характер японской внешней политики по отношению к странам ЮВА, хотя и с упором на экономические средства. См. *Nishihara, Masashi*. East Asian Security and the Trilateral Countries. A Report to the Trilateral Commission. New York, 1985, p.16–18; *Нисихара Масаси*. Сэнряку кэнкю но сикаку. Андзэн хосё сэнряку докухон: Хэйва то андзэн но тамэ но дзю ни сё. (Перспектива стратегических исследований. Хрестоматия политики в области безопасности: Двенадцать глав во имя мира и безопасности). Токио, 1988, с. 186–87.

¹⁴ *Rozman, Gilbert, Kazuhiko Togo and Joseph P. Ferguson*. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 2.

⁶ Основные работы: *Kenneth Waltz*. Theory of International Politics, 1979; *John Mearsheimer*. The Tragedy of Great Power Politics, 2001; *Stephen Walt*. The Origins of Alliances, 1987.

⁷ Основные работы: *Hans Morgenthau*. Politics among nations, 1948; *E.H. Carr*. The Twenty Years' Crisis, 1939; *Reinhold Niebuhr*. Christian Realism and Political Problems, 1953.

⁸ *de Montbrial, Thierry*. L'action et le système du monde [Action and the world system]. Paris: Presses Universitaires de France-Quadrige, 2002, p. 218.

⁹ *Ibid.*, p. 219.

¹⁰ *Ole Waever, et al.*, Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. London, 1993, pp. 17–40, Цит. по: *de Montbrial, Thierry*. L'action et le système du monde [Action and the world system]. Paris: Presses Universitaires de France-Quadrige, 2002, p. 219.

¹¹ *de Montbrial, Thierry*. L'action et le système du monde [Action and the world system]. Paris: Presses Universitaires de France-Quadrige, 2002, p. 129.

¹² Примечательно, что первым послевоенным министром, сформировавшим специальное государственное учреждение, которое бы ведало вопросами национальной стратегии (Кокка сэнряку кёку, или Агентство по национальной стратегии) был Хатояма Юкио, пришедший к

Какой выбор стратегий безопасности есть в японских теориях? Согласно неореалистской парадигме, ввиду неуверенности в намерениях других государств в международных отношениях присутствует недостаток доверия, называемый «дилемма безопасности». При столкновении с этой дилеммой стратегические ответы государств на воспринимаемые угрозы могут принимать различные формы: «вовлечение» (engagement), «балансирование» (balancing), «перестраховка», или «хеджирование» (hedging), «следование за более сильным [государством]» (bandwagoning) или комбинация нескольких из них. Вовлечение можно характеризовать как «усилия по расширению обменов и контактов с помощью положительных и не принудительных средств», часто пересекаясь с мягкими опциями умиротворения или компромисса¹⁵. Балансирование может выражаться в виде «демонстрируемого обязательства сдерживания или срыва роста державы-соперника путем наращивания сил»¹⁶ (внутреннее балансирование), заключения союзов и/или превентивной войны¹⁷ (внешнее балансирование). Перестраховку можно рассматривать как вариант внутреннего балансирования. Она является выбором государства, предпочитающего осторожные действия дерзкому упреждению¹⁸. Следование за сильнейшим – вариант перестраховки, означающий или принятие стороны сильнейшей державы для раздела «прибыли» и получения «френты» (то есть, наступательное «следование») или присоединение к державе, которая намеревается оспорить доминирование гегемона, считающегося большей угрозой (так называемое оборонительное «следование»)¹⁹.

После окончания «холодной войны» внешнеполитический курс Токио включал в себя все перечисленные составляющие. Это может считаться критерием нормальности рационального государственного актора в рамках парадигмы реализма, согласно которой государственные стратегии появляются естественно, будучи почти предписанными конъюнктурой²⁰. Согласно Ричарду Самуэльсу, японская дипломатия в целом интерпретировалась как предпочитающая перестраховку, а также следование. Вместе с тем ее позиция по отношению к росту Китая была охарактеризована южнокорейским исследователем Чон Чжэ Хо как комбинация балансирования и вовлечения. Как указывает Самуэльс,

¹⁵ Chung, Jae Ho. East Asia Responds to the Rise of China: Patterns and Variations. Pacific Affairs: Volume 82, No.4, Winter 2009–2010, p. 660.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia, NY., 2007, p. 7.

¹⁹ Chung, Jae Ho. East Asia Responds to the Rise of China: Patterns and Variations, Pacific Affairs: Volume 82, No.4, Winter 2009–2010, p. 660–661.

²⁰ Soeya Yoshihide, Masayuki Tadokoro, and David A. Welch, eds. Japan as a Normal Country? A Nation in Search of its Place in the World. Toronto, 2011, p. 16–19.

уже с эпохи Токугава и особенно после вступления Японии в международную политику при императоре Мэйдзи страна занимала сторону государства, которое она считала на тот момент доминирующим (т. е. следовала за сильнейшим): Нидерландов, Великобритании, Германии и США. Со структуралистской точки зрения (неореализм еще называют «структурным реализмом» за акцент на определяющее влияние международной структуры на поведение государств), со времен Мэйдзи Япония стремилась обеспечить высокое положение в международной иерархии, возглавляемой западными державами. Она продолжила этот курс и после Второй мировой войны. Но теперь Япония прибегала преимущественно к экономическим средствам, учитывая конституционный отказ от войны как способа разрешения международных споров и оборонный союз с США²¹. В то же время такая интеграция и институционализация с Западом, отраженная, например, в членстве в Трехсторонней комиссии, необязательно предполагала согласование с Западом японской внешней политики. Япония перестраховывалась от европейского и американского протекционизма поддержкой региональной экономической интеграции в Восточной Азии²². Самуэльс назвал такой подход «консенсусом Златовласки»²³: «большая стратегия, не являющаяся не слишком жесткой, но и не слишком мягкой, не чрезмерно азиатской и не чересчур западной»²⁴. Автор данной статьи развивает тезис, согласно которому по отношению конкретно к Центральной Азии японская дипломатия после распада СССР сочетала вышеописанные элементы «перестраховки» и «следования».

Указанные модели выбора стратегии преимущественно касаются поведения государства по отношению к угрозам, воспринимаемым от других государственных акторов. Однако после «холодной войны» в мировой политике возросло число негосударственных акторов (например, транснациональные экстремистские сети, подобные Аль-Каиде) и угроз международной безопасности, исходящих от них. Угрозу представляют и глобальные проблемы, такие, как ядерное распространение, неравный доступ к энергетическим ресурсам, первоначально важный для поддержания роста в развивающихся экономиках. В связи с этим поведение Японии как государственного участника международных отношений следует рассматривать не только сквозь парадигму неореа-

²¹ Arase, David. Buying Power. The political economy of Japan's Foreign Aid London, 1995, p. 204–205.

²² Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. NY., 2007, p. 8.

²³ Златовласка – имя главной героини западного варианта сказки о трех медведях. «Консенсус Златовласки» в англоязычной академической литературе отсылает к ситуации в сказке, где героиня обнаруживает по три предмета разного размера, из которых один оказывается не больше и не меньше, а «в самый раз».

²⁴ Ibid., p. 9.

лизма как набор стратегий, нацеленных на обеспечение безопасности по отношению к другим государствам, но и со структуралистской точки зрения международной политической экономии – как стремление повысить свой статус в международной системе, где главенствует Запад²⁵.

С 1991 г. возросло внимание исследователей к неореалистским интерпретациям японской дипломатии как сочетающей реалистический курс в области безопасности и меркантилистскую экономическую политику (иногда воспринимаемую как агрессивную²⁶). Подвергались критике прежде доминировавшие либерально-идеалистические воззрения²⁷, которые отмечали демократичность, элитистский меркантилизм Японии²⁸ и самоограниченность пацифистскими нормами, подобными 9-й статье Конституции²⁹. Принятие послевоенной Японией либерально-демократической модели развития, называемой «К миру и счастью через экономическое развитие и демократию»³⁰, и ее значительные арсеналы «мягкой силы» до сих пор оказывают ощутимое воздействие на формулирование внешней политики страны. Они активно используются влиятельной группой так называемых «среднедержавных интернационалистов» (middle-power internationalists) с 1990-х годов, к которым после 11 сентября 2001 г. присоединились меркантилисты и сторонники сближения с Азией³¹.

В соответствии с либеральной парадигмой международных отношений и ее «теорией демократического мира», постулирующей редкость войн между демократиями, Япония может рассматриваться как демократическая рыночная экономика и ответственный «глобальный гражданин», стремящийся способствовать демократизации, социально-экономическому развитию и рыночным реформам во всем мире, и в частности в Азии, включая Центральную Азию. Таким образом, современные японские представления о международной безопасности не

²⁵ Ibid.

²⁶ Sato, Yoichiro and Hirata Keiko, eds. Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy. New York, 2008, p. 11.

²⁷ Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S., Power and Interdependence: World Politics in Transition, 1977.

²⁸ Этот термин был введен в оборот Косака Масатака, политологом и биографом премьер-министра Ёсида Сигэру, с целью представить оптимальную стратегию для Японии – подобно Венеции в XIII в. и Голландии в XVII в., процветавшим во время поддержания мира другими государствами. Косака в частности считал, что наличие флота для защиты морских коммуникаций как таковое не делало эти государства чрезмерно агрессивными. Цит. по Samuels, Richard. Securing Japan: The Current Discourse, The Journal of Japanese Studies 33.1, 2007, p. 125–52.

²⁹ Sato, Yoichiro and Hirata Keiko, eds. Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy. New York, 2008, p. 9–11.

³⁰ Aco, Tapo. Дзюто то ханъэй но ко (Дуга свободы и процветания). Токио, 2007, с. 225.

³¹ Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. NY., 2007, p. 14.

могут сводиться к предотвращению потенциальных конфликтов с другими странами за счет достижения паритета с их могуществом. Они включают в себя также стремление внести вклад в демократию и процветание в целом как залог более мирного международного сообщества, в котором Япония, будучи крупным экспортером, может обеспечить и укрепить свои торговые позиции.

В данной статье отдается предпочтение толкованию японской политики в Центральной Азии в рамках неореалистской и либеральной парадигмы ввиду их комплиментарности, а также в контексте внутриазиатских перемен в Японии. Один из примеров подобного комбинированного подхода – «аналитическая эклектика», предложенная Питером Катценштайном³². С одной стороны, эти два эпистемологических подхода опираются на общую посылку: восприятие японской элитой своей страны в международной структуре как уязвимой и опасющейся изоляции. С другой стороны, исключительно неореалистская интерпретация свела бы отношения Японии с другими государствами к «игре с нулевой суммой», недооценивая влияние структурных факторов, затрудняющих внутренний процесс принятия решений, например, частоты бюрократических перестановок и недостаточного взаимодействия между различными ведомствами (например, Министерством иностранных дел и Министерством финансов). Кроме того, такой взгляд чреват излишне антропоморфным восприятием Японии как монолитного актора. Напротив, чрезмерно либеральный взгляд может быть легко оспорен интерпретациями современной японской внешней политики в прагматическом и реалистском ключе, особенно после 1991 г.

2. Ранние отношения между Японией и Центральной Азией: структурное «следование за сильным»?

Низкая приоритетность Центральной Азии на внешнеполитической повестке дня Токио может объясняться такими факторами, как отсутствие территориальной близости в отличие от России или Китая, отсутствие истории тесных отношений и относительно второстепенное место региона в системе международной безопасности. Согласно основополагающему документу «Основные направления программы национальной обороны» 2004 г., в то время ядерный статус КНДР, нерешенные территориальные споры с Китаем, Республикой Корея и Россией, а также неопределенность в отношениях между КНР и Тайванем признавались зоной ее непосредственных рубежей обороны³³. В конце XX в. японские представления о безопасности постепенно эволюционировали от концепции «всеобъемлющей безопасности» (*сого андзэн*

³² Suh, J. J., Katzenstein, Peter J., and Carlson, Allen, eds. Rethinking Security in East Asia. Identity, Power, and Efficiency. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2004.

³³ http://www.mod.go.jp/e/d_policy/pdf/national_guideline.pdf

хосё) 1980-х годов, ставящей акцент на экономических средствах дипломатии (включая ОПР, особенно в отношении азиатских соседей страны), до восприятия безопасности в глобальном масштабе.

Это особенно проявилось после 11 сентября 2001 г., когда премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро посетил США с тем чтобы выразить свою поддержку в борьбе с терроризмом. Помощь Японии, выразилась в частности, в организации дозаправочной миссии для кораблей коалиции Международных сил содействия безопасности в Афганистане и в направлении гуманитарного контингента Сил самообороны в Ирак. Однако начало этой тенденции было положено еще при правлении Хасимото Рютаро. Он настаивал скорее на ситуационном толковании сотрудничества в области безопасности с США, нежели географическом, которое свело бы такое сотрудничество строго к Дальнему Востоку³⁴.

Перед тем, как рассматривать евразийские инициативы Хасимото и более поздние концепции безопасности в расширяющемся глобальном масштабе, уместно вспомнить предшествовавшие стратегические концепции, начиная с окончания Второй мировой войны. Они соответствовали пяти основным этапам. Первый этап политолог Иногути Такаси описывает как «битву между сторонниками и противниками оборонного альянса» в 1945–1960 гг. Эта фаза, большая часть которой пришлось на американскую оккупацию, была отмечена прагматизмом премьер-министра Ёсида и острой внутриполитической дискуссией о том, как вести дела с США. Его преемник Хатояма Итиро, попытался дистанцироваться от США и восстановить отношения с СССР, однако с ограниченным успехом³⁵. Поворотным моментом стал 1960 г., когда премьер-министру Киси Нобусукэ удалось добиться пересмотра договора безопасности, несмотря на сопротивление общественности, особенно с левого фланга политического спектра. Договор надолго заблокировал нормализацию отношений с СССР, оставшимся основной угрозой безопасности Японии до 1991 г.³⁶

Второй этап – с 1960 г. по 1972 г. характеризовался максимально сдержанной политической позицией и сосредоточенностью на экономических приоритетах (*сэйкэй бунри*) доктрины Ёсида. В 1960 г. премьер Икэда Хаято провозгласил десятилетний план удвоения доходов, способствовавший японскому экономическому чуду, которым страна воспользовалась для нормализации отношений с соседними азиатскими государствами посредством «дипломатии чековой книжки». В глобальном масштабе Япония заявила о себе, как об ответственном гражданине

мира, оказывающем существенную поддержку ООН. В области безопасности Япония, по выражению генерала Шарля де Голля, пользовалась «бесплатной ездой» (*free riding*) в рамках союза с США, противостоявшего экспансии коммунистических режимов в Азии³⁷.

Однако в 1972–1973 гг. американский президент Ричард Никсон резко улучшил отношения с КНР, поставив официальный Токио перед фактом, что впоследствии в Японии назвали «шоком Никсона». В связи с этим в 1970-х годах японское руководство решило сосредоточиться на многосторонней дипломатии, продолжая налаживание доверительных и партнерских отношений с соседними государствами, в частности в регионе Юго-Восточной Азии.

Проявив колебания во время нефтяного кризиса 1973 г. Япония постепенно стала эволюционировать от «ездок» к системному помощнику американоцентричной международной системы, что достигло кульминации в 1980-х годах. В это время произошла активизация оборонительного союза, вызванная очередным витком напряженности в «холодной войне»³⁸, и тесными отношениями между президентом Рональдом Рейганом и премьером Накасонэ Ясукиро. Вместе с тем, в начале 1980-х годов произошло развитие новой концепции «всеобъемлющей безопасности». Этот подход к обеспечению национальной безопасности предполагал больший акцент на экономических и дипломатических средствах, чем на военных³⁹.

Невоенный аспект этой стратегии был в дальнейшем расширен в 1988 г. в рамках Инициативы международного сотрудничества премьера Такэсита, сфокусированной на большем вкладе Японии в поддержание международного мира, увеличении Официальной помощи развитию и способствовании международным культурным обменам. Эта инициатива была подхвачена преемниками Такэсита – Кайфу и Уно⁴⁰. После распада СССР в 1991 г. и становления отношений между Японией и пост-советскими государствами, последние две основы указанного международного сотрудничества проявились и в японской дипломатии по отношению к Центральной Азии.

С изменением международной обстановки в сфере безопасности по окончании «холодной войны» понятие национального интереса вышло на первый план в японских внешнеполитических дискуссиях, принимавших все более реалистическую тональность. Геостратегические мотивы существовали параллельно с культурной дипломатией и ОПР на первых порах налаживания отношений между Японией и странами Великого

³⁴ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 85.

³⁵ Green, Michael J. Japan's reluctant realism. New York, 2001, p. 14.

³⁶ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson, Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 37–39.

³⁷ Ibid., p. 39–40.

³⁸ Ibid., p. 40.

³⁹ Akaha, Tsuneo. Japan's Comprehensive Security Policy: A New East Asian Environment. Asian Survey, Vol. 31, No. 4 (Apr., 1991), University of California Press, p. 324.

⁴⁰ Ibid., p. 328.

шелкового пути. По мнению исследователя Райнхарда Дрифте, одним из главных мотивов пришествия Японии в Центральную Азию в начале 1990-х годов было ее опасение изоляции, вытекающей из сближения между странами бывшего социалистического блока и западными структурами в области безопасности, например, СБСЕ, принявшем в 1994 г. организационную форму ОБСЕ, и инициативами НАТО: Советом североатлантического сотрудничества и Партнерством во имя мира⁴¹. Сотрудничество не ограничивалось только европейской частью бывшего СССР и Организации Варшавского договора. Страны Центральной Азии и Кавказа стали членами ОБСЕ (в январе 1992 г., за исключением Грузии, принятой в марте того же года) и партнерами НАТО (в середине 1994 г., Таджикистан присоединился только в 2002 г.).

С исчезновением СССР как основной угрозы безопасности Японии во время «холодной войны» обстановка изменилась, потребовав адаптации восприятия *фуан* политическим истеблишментом к новой конъюнктуре. Япония отреагировала принятием статуса ассоциированного члена ОБСЕ, где она считалась провайдером мягкой безопасности ввиду ведущего положения чистого донора ОПР не только во всемирном масштабе, но и в регионе Великого шелкового пути, в частности.

В численном отношении сравнительная стоимость ОПР Токио в Центральной Азии по отношению к ОПР Вашингтона стремительно возросла с 36% в 1994 г. до 108% в 1997 г.⁴² Более того, Япония способствовала принятию стран региона в международные банки развития. С ее помощью бывшие советские республики вступили не только в Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), основанный для поддержания переходной экономики в постсоциалистических странах, но и в Азиатский банк развития (АБР), где Япония является ведущим спонсором, одним из двух крупнейших акционеров наряду с США и председателем с момента создания банка в 1996 г.⁴³. Такое параллельное членство являлось беспрецедентным⁴⁴. Стремление догнать западные страны по росту влияния в регионе Центральной Азии логично укладывается в идею «следования» и подтверждения места Японии на верху международной иерархии после произошедших перемен. Интересно отметить и активную историческую роль Японии в развитии АБР и привлечении стран Юго-Восточной Азии, по мере того как Япония

стремялась вернуть доверие с соседями, пострадавшими от японского империализма⁴⁵.

В случае с Казахстаном еще одним мотивом развития сотрудничества была денуклеаризация этой среднеазиатской страны, возникшей, как независимая ядерная держава полного цикла после распада СССР⁴⁶, имеющая неучтенные и недостаточно охраняемые ядерные запасы⁴⁷. Приверженность Японии принципам нераспространения ядерного оружия является частью ее дипломатии. Сотрудничество с Казахстаном в атомной сфере постепенно развилось в партнерство по добыче и поставкам урана, имеющее особую важность ввиду тогдашней зависимости японской электроэнергетики на 25% от атомной генерации⁴⁸.

Основания для более близких отношений с центральноазиатскими республиками не ограничивались политико-экономическими вопросами, но и включали в себя культурное и, в некоторой степени, романтическое измерение. Согласно известной теории С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»⁴⁹, после завершения глобального идеологического противостояния одним из сценариев развития мировой политики стала новая перегруппировка ее акторов вдоль цивилизационных границ. Россия и Восточная Европа стали частью Новой Европы. Странам Центральной Азии удалось одновременно войти в евроатлантические структуры и возродить чувство культурной близости с другими азиатскими государствами. По аналогии с налаживанием контактов между Турцией и тюркскими народами региона Япония стала острее осознавать культурные, цивилизационные узы с Центральной Азией. Этому способствовало общее монгольское и северо-восточное азиатское историческое наследие⁵⁰. В течение 1980-х годов японский телеканал NHK показал серию из тридцати документальных фильмов, посвященных истории Великого шелкового пути, снятых совместно с Центральным телевидением КНР.

Япония выступала особенно выгодным партнером для стран региона. Она рассматривалась местными лидерами, которым нередко вменялись в вину авторитарные тенденции, как страна нейтральная и менее требовательная в вопросах демократизации и прав человека, что выразилось в гораздо меньшей зависимости ее экономической помощи региону от

⁴⁵ Funabashi, Yoichi. Asia Pacific Fusion. Japan's role in APEC. Washington D.C.: Institute for International Economics, 1995, p. 228.

⁴⁶ Интервью с профессором Сиддхартмом Саксена (Кембриджский университет, май 2010).

⁴⁷ Half a Ton of Uranium – and a Long Flight. Washington Post, 21.09. 2009.

⁴⁸ Japan signs nuclear pact with Kazakhstan, Reuters, 02.03. 2010: (<http://uk.reuters.com/article/idUKTOE62107I20100302>)

⁴⁹ Тезис Хантингтона пользовался популярностью в первой половине 1990-х гг., однако впоследствии эта теория была многократно оспорена историческими событиями, например, евроатлантическими устремлениями Украины, Грузии и Сербии в начале нового века.

⁵⁰ Hickok, Michael Robert. The Other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative. Central Asian Survey 19, no. 1 (2000), p. 25.

⁴¹ Akiner, Shirin, ed. The Caspian: politics, energy and security, School of Oriental and African Studies Central Asia research forum. London, 2004, p. 279.

⁴² Hickok, Michael Robert. The Other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative. Central Asian Survey 19, no. 1 (2000), p. 24.

⁴³ Asian Development Bank and Japan, fact sheet, p. 1–6 (http://www.adb.org/Documents/Fact_Sheets/JPN.pdf)

⁴⁴ With Oil and West's Appeals in Mind, Tokyo Plans for Central Asia, International Herald Tribune, 16.12. 1992. Quoted from Akiner, p. 280.

внутриполитической ситуации его стран. Принятие японской модели политического и социально-экономического развития 1950–1970-х гг. предполагало для центральноазиатских республик большую независимость от Европы и США, строго подходящих к проведению реформ в соответствии с западными моделями.

Кризис японской «экономики мыльного пузыря» и последовавшее «потерянное десятилетие» воспринимались центральноазиатскими лидерами скорее как плата за прогресс и как один из многих возможных сценариев, нежели как неизбежный этап «японского пути». Неудивительно, что главы государств Казахстана и Узбекистана, имевшие претензии на региональное лидерство, объявили о своей ориентации на японскую модель развития в рамках поддержания равновесия между различными державами, имеющими интересы в Центральной Азии. Медиа-дискурс центральноазиатских республик, касавшийся отношений с ЕС, США и Японией, подчеркивал предпочтение азиатских ценностей европейским⁵¹. Эти ценности вкупе с соответствующей моделью развития предполагали, что демократизация следует за становлением рыночной экономики, по аналогии с Южной Кореей⁵². В случае восточноевропейских стран (Чехословакии, Венгрии и Польши) демократизация и рыночные реформы предусматривали одновременное осуществление⁵³.

В начале становления отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии профессиональное регионоведческое знание об этих странах в Японии было ограничено, как и число дипломатов с соответствующей компетенцией. Подобная ситуация возникла в период «холодной войны» когда в МИД преобладали кадры со специализацией американистов и, в меньшей степени, китайстов. Страны западной Азии обозначались на дипломатическом жаргоне как «к западу от Бирмы», и многие дипломаты старались избегать в своей карьере командировок в этом направлении. Распад Советского Союза был сравнительно «менее очевиден» для Японии, в отличие от ее союзников в Западной Европе. На Дальнем Востоке границы и территориальные проблемы остались прежними – сосед просто сменил название на «Российскую Федерацию»⁵⁴. Этот контекст объясняет причины замедленного темпа расширения присутствия Японии в Центральной Азии в начале 1990-х годов. Несмотря на разнообразные проекты в области развития, первое офи-

циальное «укоренение» Центральной Азии на внешнеполитической повестке дня Токио произошло в 1997 г. при Хасимото.

3. Евразийская дипломатия Хасимото

В середине последнего десятилетия XX в. японская политика в отношении Китая изменилась на более консервативную и осторожную. Официальная оценка Японией потенциальной китайской угрозы стала более отчетливой, когда одобренная правительством Программа национальной обороны 1995 г. озвучила косвенную отсылку к Китаю и соответственно выделила необходимость усиления оборонительного альянса с США. Договор о союзничестве был продлен в 1996 г. и повысил роль Японии. Последующие японские «Белые книги по обороне» делали акцент на баллистических ракетах КНР. Параллельно с этим японская ОПР Китаю подпала под более строгий контроль, тогда как ее объем был сокращен⁵⁵.

24 июля 1997 г. премьер-министр Хасимото выступил с речью перед Японской ассоциацией предпринимателей (*Кэйдзай Доюкай*), в которой он поместил японскую политику в отношении России, Китая и бывших республик СССР под новую зонтичную концепцию «Евразийской дипломатии». В речи был использован термин «СНГ», включавший на тот момент все бывшие советские республики кроме Прибалтики. Хасимото конкретно упомянул «регион Великого шелкового пути, охватывающий центральноазиатские республики и страны Кавказа»⁵⁶ и не включающий Белоруссию, Молдову и Украину.

Полное название новой политики Хасимото – «Евразийская дипломатия со стороны Тихого океана». Тихоокеанское измерение здесь важно, поскольку контекст выступления предполагал реагирование Японии на уже имеющие место действия со стороны атлантических держав в отношении новых независимых государств. Хасимото признал, что внимательно наблюдал за новой архитектурой безопасности, возникающей в странах с переходной экономикой. По его выражению, эта структура брала начало из США, проходила через Атлантический океан, Европу и бывший Советский Союз, чтобы достичь Тихого океана, таким образом принимая характер Евразийской дипломатии со стороны Атлантики⁵⁷.

В этой речи важно обратить внимание на следующие пять пунктов. Во-первых, термин «Евразия» с фокусом на Россию, Китай и Центральную Азию заставляет вспомнить геополитические концепции «хартленда» и

⁵¹ Kaiser, Markus. Eurasien: Neo-imperialistischer Diskurs oder gesellschaftliche Realität? Working Paper No 337, Sociology of Development Research Centre, University of Bielefeld, 2001.

⁵² Calder, Kent E. and Kim Viktoriya. Korea, the United States, and Central Asia: Far-Flung Partners in a Globalizing World. Korea Economic Institute Academic Paper Series, Number 9, Volume 03, 12. 2008. (<http://www.keia.org/Publications/AcademicPaperSeries/2008/APS-CalderKim.pdf>, p. 3)

⁵³ Kaiser, Markus. Eurasien: Neo-imperialistischer Diskurs oder gesellschaftliche Realität? Working Paper No 337, Sociology of Development Research Centre, University of Bielefeld, 2001, p. 14.

⁵⁴ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 62.

⁵⁵ Yee, Herbert and Ian Storey, eds. The China threat: Perceptions, Myths and Reality. London, 2002, p. 159.

⁵⁶ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives, 24.07.1997 (<http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html>).

⁵⁷ Ibid.

Евразии, о которых писал Халфорд Маккиндер в статье «Географическая ось истории» (1904 г.)⁵⁸. Мы не можем провести прямые параллели между геополитическим дискурсом начала XX в. и выступлением японского премьер-министра, однако геостратегический аспект его «Евразийской речи» отчетливо просматривается.

Во-вторых, Хасимото указал на связь своей идеи с действиями, предпринятыми атлантическими союзниками японцев, и сопоставил эти действия со своей собственной инициативой, продолжая намеченную ранее тенденцию «следования» Японии за другими государствами в регионе. Это препятствует восприятию мотивов японской Евразийской дипломатии как исключительно благожелательных и незаинтересованных благотворительных намерений.

В-третьих, премьер упомянул о взаимном культурном интересе Японии и Центральной Азии. «К счастью, эти страны выказывают большие ожидания от Японии как азиатской страны, и в то же время в Японии ощущается ностальгия по этому региону, восходящая к славе времен Шелкового пути»⁵⁹.

В-четвертых, Хасимото предложил три основных направления для японской внешней политики в регионе: (1) политический диалог, (2) сотрудничество в области экономики и природных ресурсов и (3) сотрудничество в поддержании мира посредством ядерного нераспространения, демократизации и содействия стабильности. Таким образом, сотрудничество было расширено за пределы ОПР⁶⁰.

Наконец, Хасимото продемонстрировал внимание не только к сотрудничеству между западными и евразийскими странами, но и к наметившемуся партнерству между Россией и Китаем, «ключевому для формирования нового международного порядка»⁶¹. Затем премьер сделал акцент на необходимости более конструктивных отношений с Россией и Китаем. Он выступил с позиций реализма, поскольку в долгосрочной перспективе упущение таких сдвигов в международной системе грозило бы вынужденной необходимостью иметь дело с союзом России и Китая, имеющих неразрешенные территориальные споры с Японией.

Кроме того, история японо-китайских и японо-российских отношений после окончания «холодной войны» была неудовлетворительной.

⁵⁸ Тезис Халфорда Маккиндера был одним из ранних геополитических концептов и был введен в оборот в контексте соперничества Российской и Британской империй за Среднюю Азию («Большой игры»), частично поддержанного британским союзом с Японией, находившейся в конфликте с Россией.

⁵⁹ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives, 24.07. 1997 (<http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html>).

⁶⁰ Rozman, Gilbert, *Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia*. New York, 2007, p. 231.

⁶¹ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives, 24.07. 1997 (<http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html>).

Хасимото же обозначил поворотную точку: он улучшил связи с Россией, поддержав ее присоединение к политическим дискуссиям Большой восьмерки (1997) и АТЭС (1998), а также отошел от догматической позиции своих предшественников по территориальному вопросу⁶² на двусторонних встречах с российским руководством. Китай все больше воспринимался японским оборонным истеблишментом как угроза после жесткого поведения Пекина в третьем тайваньском кризисе и ввиду продления японо-американского договора о безопасности в 1996 г.

Концепция «дипломатии Великого шелкового пути» была разработана Того Кадзухико, бывшим в то время заместителем директора департамента по делам Европы и Океании МИД. По свидетельствам очевидцев взаимодействие между премьер-министром и МИД в проведении новой политики было весьма слаженным⁶³. За утверждением дипломатической стратегии последовала организация поездки по региону высокопоставленных японских официальных лиц. Однако дальнейшему претворению стратегии в жизнь помешали несколько факторов. Среди них – отвлечение имеющихся ресурсов на борьбу с Азиатским экономическим кризисом 1997–1998 гг., а также такие внутренние причины, как регулярная ротация в МИД, отставка Хасимото из-за поражения Либерально-демократической партии на выборах в палату советников в 1998 г. и отсутствие преемственности последовавших кабинетов Обути и Мори. В итоге отношения с Центральной Азией отличались «включением-выключением» и развивались медленнее, чем предусматривалось концепцией «Евразийской дипломатии»⁶⁴.

4. Дипломатия Шелкового пути при Коидзуми: новые сферы сотрудничества

В период правления Коидзуми забота о безопасности Центральной Азии стала частью противодействия дальним угрозам⁶⁵. Об этом можно судить по докладу «Восточноазиатский стратегический обзор» Национального института оборонных исследований – «мозгового треста» Министерства обороны. Обеспечение «глобальной безопасности» и борьба с терроризмом имели свое «человеческое» измерение – необходимость стабилизации государств, в которых могли скрываться члены Аль-Каиды. Произошло осознание того, что глобализация сделала Японию уязвимой даже от ситуаций и их последствий в дальних регионах, и, следовательно, для защиты своих интересов страна должна

⁶² Интервью с Того Кадзухико (Токио, март 2012 г.).

⁶³ Rozman, Gilbert, *Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia*. New York, 2007, p. 231.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ East Asian Strategic Review 2009 (http://www.nids.go.jp/english/publication/east-asian/pdf/2009/east-asian_e2009_08.pdf).

быть глобальным актором. Одним из результатов такого мышления стало проведение дозаправочной миссии японских кораблей, о чем уже говорилось выше.

Ввиду сложного положения и потенциала исламистской дестабилизации, Центральная Азия включалась администрацией Буша в рамки как «Большого Ближнего Востока», так и «Дуги нестабильности». Предотвращение потенциальных конфликтов в этом регионе встало и перед Японией в контексте ее союза с США и содействия в борьбе с терроризмом. В 2001 г. японское правительство предоставило Узбекистану и Таджикистану срочные гранты на сумму более, чем 20 млн. долл. США⁶⁶ с целью поддержания политической стабильности и экономического развития.

После 2000 г. одним из основных направлений японской стратегии в области безопасности все больше становится поддержка стабильных поставок природного газа⁶⁷, которым регион богат наряду с нефтью. Страны Шелкового пути, не обладающие этими ресурсами в достаточной мере, играют важную роль потенциальных транспортных коридоров для углеводородов. Кроме того, центральноазиатские запасы газа важны для Японии с точки зрения охраны окружающей среды: трансграничное морское и воздушное загрязнение Японии со стороны Китая сократилось бы, если бы КНР увеличила долю природного газа в ущерб углю в своем топливно-энергетическом балансе. Позднее Япония ачала сотрудничать с Казахстаном и Россией в сфере добычи урана. Казахстан на настоящий момент экспортирует в Японию 3–4% добытого урана, однако японские импортеры были намерены значительно увеличить эту долю до 30–40% с учетом планировавшегося тогда развития атомной энергетики в Японии⁶⁸.

В то же время в японском подходе к Центральной Азии в начале 2000-х годов можно усмотреть и логику более широких глобальных коалиций. Согласно киргизскому исследователю Эсену Усубалиеву, в 2002 г. Япония способствовала укреплению отношений между Узбекистаном и США, включая открытие американской военной базы в Ханабаде, необходимой для поддержания операций в Афганистане⁶⁹. Внешняя стратегия Узбекистана с момента получения независимости включала как стремление к лидерству в регионе, так и постоянное маневрирование между великими державами: Россией, США и Китаем.

⁶⁶ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 232.

⁶⁷ Akiner, Shirin, ed. The Caspian: politics, energy and security, School of Oriental and African Studies Central Asia research forum, London, 2004, p. 286–287.

⁶⁸ Abiru, Taisuke. The Tokyo-Moscow-Astana triangle: strategic partnership in nuclear energy is inevitable, Security Index No. 3 (85), Volume 14, p.117–118.

⁶⁹ Усубалиев, Эсен. Политика Японии в Центральной Азии – геополитический аспект. East Time, 4 апреля 2007 г. (<http://easttime.ru/analitic/3/9/150.html>).

Согласно бывшему послу Японии в Узбекистане Кавато Акио, в 2002 г. президент Узбекистана Ислам Каримов, скорее всего, выбрал ориентацию на Запад, чтобы предотвратить потенциальное колониальное подчинение России⁷⁰. Он посетил Вашингтон в марте 2002 г. и подписал соглашение о стратегическом партнерстве, затем побывал в Японии, где предложил аналогичное партнерство руководству страны.

В силу ряда внутривластных событий в Японии ее сотрудничество с центральноазиатским регионом продвигалось медленными темпами. Однако в конце 2003 г. отдел Центральной Азии МИД подвергся кадровой перестановке, и новое руководство было настроено на улучшение связей. Эта организационная перемена стала причиной первой институционализацией взаимодействия в виде форума «Центральная Азия плюс Япония». Он был создан после визита в Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан бывшего тогда министра иностранных дел Кавагути Ёрико в августе 2004 г. Дипломатам удалось создать формат, способный функционировать без необходимости регулярного одобрения со стороны кабинета министров⁷¹. В 2003 г. японские дипломаты в регионе стали неофициально обсуждать идею центральноазиатской организации, подобной АСЕАН и включающей в себя официальных лиц стран региона.

Представляется интересным тот факт, что изначально японские государственные деятели рассматривали возможность присоединения к Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), но решили, что Япония, как единственное западное капиталистическое государство (sic), может оказаться использованной другими членами ШОС в своих интересах, и склонились к формату «Центральная Азия плюс Япония»⁷². Таким образом, иерархические представления о международной структуре в японском стратегическом мышлении сохранились. Во время упомянутого визита Кавагути активно подчеркивала важность соблюдения прав человека и развития демократии, впоследствии выделив три принципа в отношениях с регионом: «уважение разнообразия, конкуренция и координация, открытое сотрудничество»⁷³. Такое сочетание апеллирования к демократическим ценностям и уважения местной страновой специфики совпадало с подходами японской дипломатии Великого шелкового пути в 1990-х годах.

Вовлечение Японии в центральноазиатские вопросы отличалось некоторой двойственностью в отношениях с западными партнерами страны.

⁷⁰ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 232.

⁷¹ Akiner, Shirin, ed. The Caspian: politics, energy and security, School of Oriental and African Studies Central Asia research forum, London, 2004, p. 235.

⁷² Ibid., p. 234.

⁷³ Policy Speech by Yoriko Kawaguchi, Minister for Foreign Affairs of Japan, at the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan on August 26, 2004, Adding a New Dimension: Central Asia plus Japan (<http://www.mofa.go.jp/region/europe/uzbekistan/speech0408.html>).

Име дело с «жесткими» угрозами безопасности, подобными ситуации в Афганистане, она сотрудничала с США, однако в сфере экономики и мягкой безопасности, как-то проблемы прав человека или перехода к демократии, демонстрировала автономную позицию и даже соперничество с Западом. Наиболее показательным случаем этой двойственности была реакция Японии на события в Андижане, где в 2005 г. восстание в этом узбекском пограничном городе было жестоко подавлено властями. США и Евросоюз раскритиковали действия правительства этой страны, и ЕС ввел санкции. Узбекистан совершил геостратегический маневр, противоположный развороту на Запад в 2002 г. и начал улучшать отношения с Россией и Китаем. Японская реакция на события в Андижане не содержала публичного осуждения.

В августе 2006 г. Коидзуми даже отправился в Казахстан и Узбекистан с кратким визитом, став первым и пока единственным японским премьером, посетившим эти страны⁷⁴, а также первым «западным» лидером, побывавшем в Узбекистане после андиджанской трагедии⁷⁵. Однако он не сформулировал какой-либо новой региональной стратегии, а делал лишь заявления о необходимости сотрудничества в области энергетики. При этом он призвал частный бизнес взять здесь на себя ведущую роль. В Казахстане японский премьер подписал меморандум о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии и в развитии добычи урана. Кроме того, его визит совпал с легкой «оттепелью» в отношениях Узбекистана с ЕС и США⁷⁶. Постоянным на фоне различных перегруппировок в регионе оставался вклад Японии в социально-экономическое развитие и энергетическое сотрудничество.

5. Китайское измерение дипломатии Великого шелкового пути: Япония и ШОС

Фокус японской центральноазиатской политики Японии на ОПР был использован для определения курса на развитие и демократизацию как преобладающую движущую силу японского присутствия в регионе⁷⁷. Однако такой взгляд может быть оспорен примером японской реакции на инцидент в Андижане. Япония иногда отстранялась от позиций Запада, занимая менее требовательную позицию в вопросах демократизации

и авторитаризма в развивающихся странах (например, в Мьянме)⁷⁸. В случае с Центральной Азией такая позиция Японии совпала с критическим отношением к ШОС, высказанным, например, бывшим послом в Узбекистане А. Кавато, считавшим его антизападным и антияпонским формированием, или Сайто Цутому, главным редактором правоконсервативной газеты «Санкэй Симбун». Во время встречи в Бишкеке с участниками программы Японского агентства по международному сотрудничеству (JICA) для молодых лидеров в Центральной Азии, Сайто заявил, что странам региона следует отказаться от сотрудничества с КНР в рамках ШОС и поддерживать более дружественные отношения с Западом.

Япония и ШОС обе заинтересованы в поддержании мира, стабильности и развития в регионе⁷⁹. Целями ШОС являются, в частности, «поддержание совместных усилий по упрочению и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе»; «движение к установлению нового, демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»⁸⁰. На практике первая цель предусматривает борьбу с угрозой исламского радикализма, имеющего место в Киргизстане, Таджикистане и Узбекистане. Члены ШОС – КНР, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Россия поддержали позицию узбекских властей в Андижане. Согласно ШОС⁸¹, андиджанские волнения были инспирированы радикальными исламистами. Западные правительства почти единогласно осудили Узбекистан.

С другой стороны, ШОС можно рассматривать как инструмент влияния России и Китая в Центральной Азии⁸². Российские устремления – это обеспечение стабильности в ближнем зарубежье, сотрудничество в сфере природных ресурсов. Для пекинских лидеров ШОС во многом является средством поддержания безопасности по соседству с сепаратистски настроенным Синьцзян-Уйгурским автономным округом (СУАО), граничащим с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном⁸³. Однако официальный Пекин также активно продвигал экономическое

⁷⁸ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007, p. 14.

⁷⁹ Press Release of Central Asia plus Japan Dialogue/Senior Officials Meeting, 4 March 2005 (<http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2005/3/0304-2.html>)

⁸⁰ SCO official website (<http://www.sectsco.org/EN/brief.asp>).

⁸¹ Human Rights Overview: China, Human Rights Watch, 18 January 2006 (<http://www.hrw.org/english/docs/2006/01/18/china12270.htm>).

⁸² Казанцев, Андрей. Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008; Len, Christopher, Uyama Tomohiko, and Hirose Tetsuya, eds. Japan's Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008 (http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2008_len-et-al-eds_japans-silk-road-diplomacy.pdf).

⁸³ Clarke, Christopher M. Xinjiang – Where China's Worry Intersects the World, YaleGlobal, 19 March 2010 (<http://yaleglobal.yale.edu/content/xinjiang-where-chinas-worry-intersects-world>).

измерение сотрудничества в рамках ШОС в интересах укрепления китайского экономического присутствия в Центральной Азии, которое растёт с момента независимости стран региона.

В военном плане российское военное присутствие в Центральной Азии наиболее существенно: войска РФ дислоцированы в Киргизии и Таджикистане⁸⁴, тогда как все страны региона, за исключением Туркменистана, являются членами Организации договора о коллективной безопасности. После смягчения советско-китайских трений в 1980-х годах и частичной демилитаризации границы (как известно, ШОС появилась как преемник комиссии, занимавшейся демаркацией границы между Центральной Азией, Китаем и Россией) китайское военное присутствие в регионе сводится к силам безопасности в СУАО. Однако Пекин весьма чувствительно отнесся к размещению войск США в Карши-Ханабаде (Узбекистан) и Манасе (Киргизия). В 2005 г. страны ШОС сделали заявление в котором потребовали от США свернуть военные базы в регионе⁸⁵. Впоследствии американские войска были выведены из ханабадской базы в ноябре 2005 г. по требованию правительства Узбекистана, а база в Манасе сменила формат на центр транзитных коммуникаций, несмотря на противодействие со стороны России и Китая. Тем не менее, ни российско-китайско-американская напряженность, ни другая специфика ШОС не выявила достаточных подтверждений тезиса об антияпонской направленности этой организации. Высказывались и предложения о сотрудничестве Японии с ШОС, например, экспертом Хоккайдского университета Ивасита Акихиро⁸⁶.

Китай: балансирование или вовлечение?

На рубеже веков и в начале XXI в. Китай активно развивал экономические и политические отношения в АТР, особенно концентрируясь на Юго-Восточной Азии (ЮВА). КНР укрепила связи с АСЕАН посредством зоны свободной торговли, договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА и Декларации о поведении в Южно-Китайском море. Пекин отказался от применения силы в разрешении споров. Параллельно он выступил посредником между режимом в Мьянме и другими заинтересованными участниками⁸⁷. Эти процессы проходили одновременно с китайским вовлечением в ШОС и могут рассматриваться как часть «мирного подъема» посредством интеграции в региональную систему и ее платформы. Такая китайская стратегия на начальных порах принесла

плоды и укрепила доверие: все страны отвергли идею сдерживания Китая и признали, что Региональный форум АСЕАН является скорее средством социализации КНР, нежели сдерживания⁸⁸.

В этом контексте разумно задаться вопросом о возможности проведения параллелей между упомянутым андиджанским инцидентом и содействием Мьянме со стороны премьер-министра Хасимото в 1997 г. несмотря на тяжелое положение этой страны в области соблюдения прав человека и соответствующую критику со стороны США. Хасимото считал помощь Японии необходимой для предотвращения потенциального «дрейфа» Мьянмы в сторону Китая. Курс Хасимото на сближение с Мьянмой предусматривал ОНР как основное средство давления и конкурировал с западным подходом. Некоторые японские исследователи назвали такую политику «тихой дипломатией»⁸⁹. Если японская азиатская дипломатия пыталась реагировать на китайское продвижение в ЮВА со второй половины 1990-х и в правление Коидзуми⁹⁰, то стоит попробовать применить эту логику к японской политике в Центральной Азии⁹¹.

По сравнению с Восточной Азией центральноазиатские страны лишены таких препятствий для японской дипломатии, как память о Второй мировой войне и опасения усиления Японии. Кроме того, она представляет для них модель развития. Можно утверждать, что китайский опыт постепенного перехода от коммунизма к капитализму тоже нередко берется как пример в республиках бывшего СССР. Однако для государств Шелкового пути стоит задача сохранения независимости и предотвращения вовлечения в орбиту синоцентричной системы, которую они уже испытывали на себе в истории расширения Цинской империи⁹² (например, при завоевании государства джунгаров в XVIII в.⁹³). Также, во время «культурной революции» более 70 тыс. беженцев покинули СУАО, чтобы укрыться в Центральной Азии⁹⁴.

Беспокойство по поводу «китайской угрозы» слабее в странах, которые не имеют общей границы с КНР, например, в Узбекистане⁹⁵. Напротив, государства-соседи, особенно небольшие по размеру, а именно Киргизия и

⁸⁸ Ibid., 2005, p.54.

⁸⁹ Takeda, Isami. Japan's Myanmar Policy: Four Principles. Гайко форуму, No.154, (май 2001).

⁹⁰ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007.

⁹¹ Shambaugh, David, ed. Power Shift. China and Asia's New Dynamics. Berkeley, 2005, p. 52–53.

⁹² Казанцев, Андрей. Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008, p. 347.

⁹³ Michael Edmund Clarke. In the Eye of Power (doctoral thesis), Brisbane, 2004, p. 37; Peter Perdue. China marches west: the Qing conquest of Central Eurasia, p. 283–87. A. Dirk Moses. Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History, 2008, p. 188.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Burles, Mark. Chinese Policy toward Russia and the Central Asian Republics. RAND Corporation, 1999 (http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1045/ p.54).

⁸⁴ The Military Balance 2010, pp. 364, 366, 372, 373

⁸⁵ China, Russia-led alliance wants date for U.S. pullout, USA Today, 05.07.2005 (http://www.usatoday.com/news/world/2005-07-05-asia-summit_x.htm).

⁸⁶ Вагакуни но юрасиа гайко – Сянхай кёрёку кико о тюсин ни (Евразийская дипломатия нашей страны – ШОС «в фокусе»), Нихон кокусай мондай кэнкюдзё, март 2007 г.

⁸⁷ Shambaugh, David, ed. Power Shift. China and Asia's New Dynamics. Berkeley, 2005, pp. 32–33.

Таджикистан, проявляют озабоченность⁹⁶. Даже отношение Казахстана, который можно отнести к региональным лидерам, в отношении возрастающей зависимости от Китая сочетает алармизм и прагматизм.

Признание официальным Токио Китая основной потенциальной угрозой было впервые сформулировано в «Основных направлениях национальной оборонной политики 2004 г.»⁹⁷, а также подтверждено в новейшей редакции этого документа в 2011 г. Однако, беспокойство по поводу усиления Китая прослеживается и в 1990-х годах⁹⁸.

Изменение международной обстановки после «холодной войны» поставило Японию перед новой дилеммой безопасности: отношения в треугольнике с США и Китаем. Найти ответ на усиление КНР стало одним из центральных вопросов повестки дня японской дипломатии. Как заметил автор концепции Евразийской дипломатии Хасимото бывший дипломат К. Того, Япония хочет избежать двух кошмаров: конфликта между США и КНР и сближения США и КНР в обход Японии, подобное так называемому шоку Никсона начала 1970-х годов⁹⁹. Нахождение оптимальной комбинации балансирования и вовлечения Китая стало одной из задач японской дипломатии со второй половины 1990-х, и, судя по всему, выйдет за пределы первого десятилетия XXI в. Как полагает Самуэльс, в поисках оптимального консенсуса Япония должна найти способ стратегической конвергенции, приемлемый для США и привлекательный для КНР¹⁰⁰.

Потенциальные партнеры для такой перестраховки могли бы найтись в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Некоторые исследователи упоминали в этом отношении Тайвань и Монголию¹⁰¹, Австралию¹⁰², Индию¹⁰³. Правительство Коидзуми активно пыталось предотвратить движение России к Китаю.

Линия на соперничество в японо-китайских отношениях при Коидзуми отразилась в различных японских инициативах. Примером служит визит премьера в ЮВА в 2002 г., активизация усилий по улучшению связей в

области безопасности с различными странами на южных и западных границах Китая, включая как Индию, Пакистан и Афганистан¹⁰⁴, так и Центральную Азию. Последняя с учетом ее стратегического географического положения и обильных ресурсов могла выступать одновременно как препятствие китайской экспансии и как партнер в вовлечении Китая, поскольку стабильность и демократизация в Центральной Азии имели бы положительное влияние на турбулентный Синьцзян.

С точки зрения реалистской парадигмы международных отношений, еще одной исторической параллелью отношениям между Японией и Центральной Азией, пусть далекой и радикальной, могло бы служить содействие Франции Польше по укреплению польского национального государства в межвоенный период XX в. Оно проистекало из обеспокоенности обеих стран в отношении Германии. Польша, как бывшая часть империи, опасалась рецидива со стороны Германии или России, а Франция воспринимала Германию как основного потенциального противника. Очевидно, что такое сопоставление имеет строгие ограничения, поскольку в отношениях Японии и Центральной Азии нет и отдаленного намека на военный альянс, подобный польско-французскому. Коренным образом отличается и современная международная обстановка в области безопасности от ситуации между Версальским договором и нападением Третьего Рейха на Польшу, не говоря уже о невозможности сравнения современного Китая и Веймарской республики или Третьего Рейха. Тем не менее, в рамках теории баланса сил, сильная и стабильная Центральная Азия могла бы быть для Японии тем же, чем была для Франции Польша – естественный барьер по другую сторону от экспансивного соседа. В этой статье не утверждается, что такое представление присутствовало или присутствует среди лиц, принимающих решения в Японии или Центральной Азии. Однако в нем присутствует сходство, пусть ограниченное, основ для сотрудничества: отсутствие общих границ и территориальных споров, а также коллективное внимание за поведением усиливающегося соседа.

Официальное восприятие Японией расширения Китая

В открытой форме возможность балансирования Китая через Центральную Азию японскими официальными лицами практически не упоминается. Вместе с тем, «точки внимания» к усилению КНР в Японии совпадают хронологически с центральноазиатскими инициативами. Первая попытка вовлечения Китая имела место при правлении Хасимото после третьего Тайваньского кризиса 1995–1996 гг., тогда же, была сформулирована Евразийская дипломатия в отношении России, Китая и стран Шелкового пути. Стоит упомянуть, что в бытность министром

⁹⁶ Ibid., p. 52.

⁹⁷ Tow, William T., Thomson, Mark J., Yamamoto Yoshinobu and Limaye, Satu P. Asia-Pacific Security. US, Australia and Japan and the New Security Triangle. London, 2007, p. 95.

⁹⁸ Yee, Herbert and Ian Storey, eds. The China threat: Perceptions, Myths and Reality. London, 2002, p. 151.

⁹⁹ Rozman, Gilbert, Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia. New York, 2007.

¹⁰⁰ Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. NY., 2007, p. 201.

¹⁰¹ Chung, Jae Ho. East Asia Responds to the Rise of China: Patterns and Variations, Pacific Affairs: Volume 82, No.4 Winter 2009–2010, p. 660.

¹⁰² Ibid.; Tow, William T., Thomson, Mark J., Yamamoto Yoshinobu and Limaye, Satu P. Asia-Pacific Security. US, Australia and Japan and the New Security Triangle. London, 2007, p. 92;

Абэ Синдзо. Уцукусий куни э [К прекрасной стране], Токио, 2006, p. 160.

¹⁰³ Абэ Синдзо. Уцукусий куни э [К прекрасной стране], Токио, 2006, p. 159.

¹⁰⁴ Sutter, Robert G. China's rise in Asia: promises and perils. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2005, pp. 125–126.

финансов в начале 1990-х Хасимото, с одной стороны, был сторонником сближения с Китаем и возобновления ОПР после событий на площади Тяньаньмэнь, а с другой – сохранял связи с фракцией Мори, активно вовлеченной в отношения Японии и бывшего СССР.

Второе примечательное событие произошло в 2004 г., когда Китай впервые был обозначен, как потенциальная угроза в оборонной доктрине, и тогда же был учрежден форум «Центральная Азия плюс Япония», и последовала критика ШОС. Бывший премьер Абэ Синдзо¹⁰⁵ упомянул о важности сотрудничества с Центральной Азией в своей программной книге «К прекрасной стране» (2006) в той же главе, где обосновывалась необходимость партнерства Японии с Индией и Австралией¹⁰⁶. В дальнейшем, пристальное внимание к Центральной Азии и вовлечению Китая были совмещены в книге-манифесте Асо Таро. В ней вновь говорится о концепции «Дуги свободы и процветания», протянувшейся через легко уязвимые страны, расположенные преимущественно в Азии, где требовался вклад Японии в дальнейшие демократические реформы и стабильность, т. е. ценностно-ориентированная дипломатия, согласно автору. В книге есть глава о странах Шелкового пути, расположенных в этой нестабильной зоне. Помимо центральноазиатских стран, в дугу входят Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Грузия, Азербайджан и Украина. Многие из них (а именно, Центральная Азия, Камбоджа, Вьетнам и Лаос) разделяют обеспокоенность в отношении усиления Китая, в котором они усматривают потенциальный вызов своей безопасности.

Уязвимость центральноазиатских республик метафорически описывается Асо как «внутренняя континентальная магма». Он предлагает три основы для японской политики в Центральной Азии: безопасность и развитие (чтобы «охладить магму»), открытое региональное сотрудничество и универсальные ценности. В заключении главы высказывается идея интеграции Афганистана в структуру «Центральная Азия плюс Япония»¹⁰⁷.

Такой подход может рассматриваться как последовательный в контексте прошлых центральноазиатских инициатив Токио. Более того, Асо рассматривал их и как аспект сотрудничества с Западом и НАТО, что перекликалось с обоснованием Евразийской дипломатии Хасимото и «догоняющей» логикой в отношении сближения Европы и Центральной Азии в начале 1990-х. Кроме того, в кабинете Хасимото Асо служил генеральным директором управления экономического планирования, разделял взгляды премьера на отношения со странами Шелкового пути

и являлся членом высокопоставленных делегаций, посетивших регион после речи Хасимото.

Вместе с тем, внутренняя несогласованность снова воспрепятствовала развитию и проведению инициативы, как и в случае с Евразийской дипломатией после Хасимото. Во время премьерства Абэ инициатива Глобального партнерства НАТО начала ослабляться, а внешнеполитические взгляды премьера не совпадали с Асо, поскольку Абэ больше интересовали отношения с Индией и Австралией. В 2007 г. Матимура Нобутака сменил Асо на посту главы МИД, а Фукуда занял кресло председателя ЛДП. Ни Матимура, ни Комура Масахико, возглавивший МИД при прокитайски настроенном Фукуда, не продолжили идею «Дуги свободы и процветания». Такие перемены, с одной стороны, не препятствовали прохождению диалога «Центральная Азия плюс Япония», но с другой, не давали импульса к серьезному развитию, оставляя диалог на уровне формальных встреч.

Концепция «Дуги свободы и процветания» истолковывалась как политика балансирования Китая¹⁰⁸. В то же время она не была воплощена при правлении Абэ, Фукуда и Асо¹⁰⁹ по нескольким причинам: недостаточная преемственность и последовательность курса, постоянная смена приоритетов, ориентация Фукуда на Китай и срочная необходимость борьбы с финансовым кризисом 2008–2009 гг. как внутри Японии, так и за ее пределами.

Заключение

В данной статье проанализировано сотрудничество Японии с Центральной Азией в годы после «холодной войны» через призму японских представлений о безопасности того времени. Японские руководители неоднократно формулировали дипломатическую стратегию по отношению к Центральной Азии, хотя нередко в реагирующем, а не проактивном духе. Эта стратегия была последовательной, пока не подвергалась воздействию структурных проблем процесса принятия решений: частых смен руководства, недостатка координации различных ведомств, ротаций внутри МИД и переносе внутреннего равновесия при Коидзуми от фракций и бюрократов в кабинет министров. Японская дипломатия на центральноазиатском направлении эволюционировала в соответствии с воспринимаемыми императивами безопасности политической элиты, такими, как адаптация к новой международной структуре сразу

¹⁰⁸ Lee Cheng-hung. Japan's arc of freedom shifting the balance. Taipei Times, Thursday, Aug 30, 2007, p. 8; интервью с бывшим сотрудником Министерства экономики, торговли и промышленности (Токио, февраль 2012 г.).

¹⁰⁹ Len, Christopher, Uyama Tomohiko, and Hirose Tetsuya, eds. Japan's Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008 (http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2008_len-et-al-eds_japans-silk-road-diplomacy.pdf, p. 47).

¹⁰⁵ Samuels, Richard J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. NY, 2007, p. 15.

¹⁰⁶ Абэ Синдзо. Уцукусий куни э (К прекрасной стране), Токио, 2006, с. 161.

¹⁰⁷ Асо, Таро. Дзюю то ханьзэй но ко (Дуга свободы и процветания). Токио, 2007, с. 220–234.

после окончания «холодной войны», противодействие угрозе международного терроризма после 11 сентября 2001 г. и политика в отношении усиления Китая. В своей внешней политике в регионе Япония продемонстрировала больше согласования со своими американскими и европейскими партнерами в вопросах «жесткой безопасности» и сохраняла более автономную линию в области экономического сотрудничества и социального развития.

Японо-американские отношения во внешней политике ДПЯ

О. А. Добринская

Смена власти в любой стране всегда вызывает определенные ожидания и опасения ее внешнеполитических партнеров. Это относится и к Японии, где долгие годы почти бессменно у руля оставалась одна и та же Либерально-демократическая партия, чья внешняя политика была вполне предсказуемой. Победа оппозиции не могла не вызывать некоторой озабоченности в Белом доме. Демократическая партия Японии уже давно была известна довольно жесткой позицией по вопросам, так или иначе затрагивающим японо-американский союз, выступая за более независимую от США внешнюю политику и за укрепление связей с Восточной Азией.

Приход к власти демократов в США и Японии произошел с небольшим разрывом во времени. Так же как в США новый президент стал символом надежды и перемен, так и победа ДПЯ в Японии означала, что население устало от несменяемости власти и требует обновления в политической жизни. Неудивительно, что даже в лексиконе американского президента и японского премьер-министра постоянно фигурировали почти одни и те же фразы о «победе народа» на выборах и об исторических переменах, которые она несет¹. Немало схожих положений содержалось и во внешнеполитических программах обоих лидеров. И Б. Обама и Ю. Хатояма в ходе предвыборной кампании делали акцент на глобальных проблемах, на вопросах изменения климата и энергетики. Оба говорили о важности «мягкой силы» и необходимости решать вопросы переговорным, а не военным путем, что давало основания оптимистам говорить об общности взглядов двух лидеров, которая могла бы лечь в основу новых отношений между странами².

В то же время американскую сторону не могли не беспокоить лозунги, выдвинутые ДПЯ в ходе предвыборной кампании. «Манифест» партии, опубликованный в июле 2009 г., гласил, что Япония будет строить тесные и равноправные отношения с США. С этой целью она

¹ *Кодзи Мурама*. Хатояма сэйкэнка-но нитибэй канкэй (Японо-американские отношения в период правления Ю.Хатоямы) // Мондай то кэнкю. (Проблемы и исследования). Декабрь 2009, с. 57. Тайваньский институт международных отношений – (<http://iir.nccu.edu.tw/attachments/journal/add/10/1-3.pdf>).

² Obama goes to Asia. Understanding the President's trip. 06.11. 2009. The Brookings institution. (http://www.brookings.edu/events/2009/1106_obama_asia_trip.aspx).

намерена заняться изучением функций и ролей стран в рамках союза, на основе самостоятельной внешней политики³. Суть равноправных отношений, по словам Ю. Хатояма, состоит в том, чтобы Япония активно участвовала в определении глобальной роли альянса, а также выдвигала предложения по конкретным направлениям его деятельности⁴.

Эти предложения ДПЯ озвучила еще накануне выборов. Прежде всего, речь шла о намерении добиваться переноса авиабазы Корпуса морской пехоты США Футэмма за пределы Японии или, как минимум, за пределы Окинавы; намерении пересмотреть соглашение о статусе войск, а также отказ от продолжения миссии по дозаправке судов анти-террористической коалиции в Индийском океане. Помимо этих решений, напрямую затрагивавших союзнические отношения, Ю. Хатояма обозначил и другие планы, способные повлиять на функционирование отлаженного механизма двустороннего альянса. В частности, лидер ДПЯ поставил целью борьбу с чрезмерным влиянием бюрократического аппарата на процесс принятия политических решений. Между тем, в обеспечении управления альянсом именно чиновники традиционно играют важную роль, выполняя основную работу по согласованию спорных вопросов. Все это давало основания полагать, что начало нового этапа в отношениях не будет гладким.

В преддверии смены руководства в Японии американская сторона заняла осторожную и выжидательную позицию. В США рассчитывали, что, придя к власти, демократы откажутся от некоторых предвыборных обещаний. Там полагали, что именно вопросы обеспечения функционирования альянса являются важным критерием оценки эффективности любого японского правительства⁵. Кроме того, американцы видели, что внутри ДПЯ существуют разногласия по вопросам политики в сфере безопасности, и, возможно, отчасти рассматривали пребывание ДПЯ у власти как кратковременное явление. Все это позволяло им оптимистично смотреть на будущее союза безопасности и даже находить в инициативах демократов важные новшества, необходимые для переоценки и развития альянса⁶.

Вашингтон также охотно принял во внимание идею достижения равноправия в союзе. По словам заместителя госсекретаря по Азии К. Кэмпбелла, США заинтересованы видеть Японию уверенной и независимой страной, что делает совпадение интересов обеих стран объективной реальностью. Кроме того, США хотели, чтобы Япония играла

более активную роль в Азии⁷. Принцип равноправного партнерства позже был отражен и в Стратегии национальной безопасности США, вышедшей в свет в мае 2010 г., в которой говорилось о намерении модернизировать союзы с Японией и Республикой Корея. Однако если в глазах японцев «равноправие» означало повышение права голоса в определении направлений деятельности союза, то для США это, прежде всего, подразумевало рост военных обязательств их азиатского союзника, чего уже давно добиваются в Пентагоне. По наблюдению японского политолога М. Камия, в то время как ДПЯ продолжала говорить об углублении альянса, делая акцент на сотрудничестве в невоенной сфере и в нетрадиционных областях, в США это вызывало сожаление и раздражение⁸.

Американская сторона неоднократно подчеркивала важность присутствия своих баз на Окинаве, поскольку они представляют собой единственную площадку быстрого развертывания между Гавайями и Индией. Кроме того, американцы особенно подчеркивают, что их функции не ограничиваются защитой Японии или реагированием на чрезвычайные ситуации, но также играют важную гуманитарную роль⁹.

В Японии отношение к американским базам всегда было неоднозначным. Их противники считают, что главный мотив американского присутствия – это не оборона Японии, а возможность обеспечения глобальных военных акций, таких как война в Афганистане и Ираке. Символом противостояния противников баз и правительства стала ситуация вокруг авиабазы Корпуса морской пехоты США Футэмма, расположенной в районе густонаселенного г. Гинован, которая давно вызывает недовольство местных жителей, поскольку представляет собой источник опасности, шума, загрязнения окружающей среды. Несмотря на то, что еще в 1996 г. сторонам удалось прийти к согласию о необходимости переноса базы, этот вопрос за почти 16 лет так и не сдвинулся с мертвой точки.

В 2006 г. Дз. Коидзуми и Дж. Буш-младший приняли документ под названием «Дорожная карта передислокации», в котором были прописаны условия и место переноса базы, а также достигнута договоренность о переводе с Окинавы на Гуам 8 тыс. американских военнослужащих и

⁷ Ibid.

⁸ Камия Матакэ. Нихон-но адзэн хосё сэйсаку то нитибэй домэй – рэйсэнго-но тэнкай то конго-но кадай (Политика Японии в области обеспечения безопасности и японо-американский союз – развитие после «холодной войны» и дальнейшие задачи). Нитибэй канкэй-но конго-но тэнкай то нихон-но гайко. (Дальнейшее развитие японо-американских отношений и японская дипломатия). 05.09.2011, с.139 (http://www2.jiia.or.jp/pdf/resarch/h22_nichibei_kankei/13_Chapter1-11.pdf).

⁹ US-Japan relations: enduring ties, recent developments. Statement of Michael Schiffer Deputy Assistant Secretary of Defense for East Asia submitted to the House Foreign Affairs committee subcommittee on Asia, the Pacific and the global environment. 17.03.2010.

³ Manifesto 2009. (<http://www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2009.pdf>).

⁴ Policy Speech by Prime Minister Yukio Hatoyama at the 173rd Session of the Diet. 26 October 2009. (www.kantei.go.jp).

⁵ Japan's changing role: statement before the House foreign affairs committee. M. Green. 25.06.2009. (www.csis.org).

⁶ Understanding Japan's elections: what the elections mean for Asia and the United States. Center for strategic and international studies. 02.09.2009. Washington, D.C.

возврате префектуре земель к югу от базы Кадэна. Договоренность о строительстве нового объекта в районе мыса Хэноко около г. Наго вызвала массу нареканий, прежде всего с точки зрения экологии. В связи с этим правительство занялось составлением доклада об оценке последствий переноса базы для окружающей среды, что затянулось на несколько лет и на время затормозило процесс подготовки к реорганизации американского присутствия на Окинаве.

После прихода к власти администрация Б. Обамы дала понять, что придает вопросу передислокации большое значение. На посты, связанные с Японией, в государственном департаменте и министерстве обороны были назначены лица, непосредственно курировавшие вопросы размещения американских войск в Японии при Дж. Буше-младшем. В ходе первого зарубежного турне Х. Клинтон в феврале 2009 г. в Японии было подписано Международное соглашение по Гуаму, подтвердившее содержание «Дорожной карты». Как международное соглашение этот документ подлежал ратификации в парламенте Японии, что и было сделано в мае 2009 г. Таким образом, в преддверии ухода Т. Асо администрация США закрепила договоренности по передислокации ВС, которые стали бы юридически обязательными для следующего кабинета.

Решение ДПЯ о пересмотре существующих планов немедленно вызвало ответную реакцию в Вашингтоне. Уже 31 августа 2009 г. спикер Государственного департамента заявил о намерении США придерживаться соглашения 2006 г. Позже американская сторона смягчила тон и дала понять, что не собирается «загонять в угол» новый кабинет, понимая, что ему требуется время для того, чтобы разобраться во всех вопросах. Таким образом, американцы демонстрировали готовность вести спокойный диалог с Токио, без выдвижения каких-либо временных условий по спорному вопросу¹⁰. Однако первоначальная спокойная реакция США была неверно истолкована японской стороной как согласие с тем, что делает правительство Ю. Хатояма¹¹.

У американцев существовала надежда, что со временем демократы займут более реалистичную позицию. Возможно, так бы и произошло, если бы они находились у власти единолично. Однако в связи с необходимостью обеспечить себе большинство в палате советников демократы были вынуждены заключить коалиционное соглашение с Социал-демократической партией и с Народной новой партией. Любопытно, что после нескольких дней непростых переговоров в текст коалиционного соглашения были дословно включены положения предвыборного манифеста ДПЯ, хотя сами демократы настаивали на смягчении формулировок, касающихся отношений с США¹².

Между тем из Токио в Вашингтон поступали противоречивые сигналы: если Ю. Хатояма настаивал на переносе базы за пределы префектуры Окинава, то министр иностранных дел К. Окада поддерживал идею переноса части функций базы Футэмма на базу Кадэна, а министр обороны Т. Китадзава и вовсе высказывался в пользу существующего плана. Отсутствие согласованной позиции по вопросу переноса базы вызывало непонимание и раздражение в США.

В преддверии готовящегося турне Б. Обамы по странам Азии американцы решили форсировать переговоры по переносу базы Футэмма, поскольку хотели окончательно решить вопрос во время визита. Япония была первой точкой, которую президент должен был посетить в ходе поездки, и провал переговоров с главным союзником США в регионе, безусловно, бросил бы тень на азиатскую политику Б. Обамы. С целью «подготовки почвы» для этого визита Японию посетил министр обороны Р. Гейтс, подход которого уже в корне отличался от первоначального «понимания и терпения», демонстрируемого американцами ранее. Министр отказался от участия в ряде торжественных протокольных мероприятий, а на переговорах жестко дал понять, что в случае несоблюдения договоренности по переносу базы Футэмма о передислокации морских пехотинцев на Гуам не может быть и речи. Этот визит впервые явно продемонстрировал, что японо-американские противоречия вышли наружу, и разногласия приняли публичный характер.

Для того чтобы снять остроту проблемы, было решено перевести тему Футэммы в плоскость обсуждения в рамках рабочей группы, а в ходе визита уделить внимание другим вопросам. Во время саммита в Токио стороны высказали общее видение проблемы нераспространения ядерного оружия, приняв соответствующее совместное заявление. Также было подписано совместное заявление по борьбе с глобальным потеплением, тематике, которой демократы придавали большое значение.

На саммите премьер-министр Ю. Хатояма официально сообщил своему коллеге о скором завершении миссии в Индийском океане. Свое решение он объяснил стремлением найти вариант, позволявший содействовать борьбе с терроризмом «по-японски», то есть с упором на невоенную помощь¹³.

Миссия сил самообороны в Индийском океане по дозаправке кораблей участников антитеррористической коалиции долгое время была символом японского вклада в борьбу с международным терроризмом. Однако если для Японии участие в этой зарубежной операции означало политический прорыв, то США неоднократно давали понять, что этого недостаточно.

¹⁰ Obama goes to Asia. Understanding the President's trip. 06.11.2009. The Brookings institution (http://www.brookings.edu/events/2009/1106_obama_asia_trip.aspx).

¹¹ Моримото Сатоси. Футэмма-но надзо. Кити хэнкан мондай но 15нэн-но мэйсо о субэтэ. (Загадка Футэммы. 15-летняя история вопроса о возвращении базы). Токио, 2010, с. 374.

¹² Там же, с. 365.

¹³ Нитибэй сиюно кёдо кисьякайкэн. 13.11.2009. Сюсё кантэй. Совместная пресс-конференция глав государств Японии и США. 13.11.2009 (http://www.kantei.go.jp/jp/hatoyama/statement/200911/13usa_kaiken.html).

Для администрации Б. Обамы, рассматривавшей Афганистан и Пакистан в числе главных приоритетов внешней политики, помощь Японии, безусловно, имела бы большое значение. Тем не менее, решение нового правительства было достаточно спокойно воспринято в Белом доме, хотя в Вашингтоне дали понять, что ожидают от союзника дальнейших шагов по решению афганской проблемы. «Мы будем надеяться, что вклад Японии будет соответствовать ее статусу великой державы», заявил министр обороны США Р. Гейтс¹⁴.

Объявив о решении уйти из Индийского океана, Япония начала поиск альтернативы участию в решении проблемы Афганистана. В начале октября 2009 г. в Кабул и Исламабад направился министр иностранных дел К. Окада для подготовки японских предложений по Афганистану к японо-американскому саммиту в ноябре 2009 г. В процессе их формирования выдвигалось предложение присоединиться к Международным силам содействия безопасности (МССБ), однако оно не получило дальнейшего обсуждения, и Токио принял решение о переориентации на сугубо невоенное содействие. На эти цели было решено выделить около 5 млрд. долл. в течение пяти лет. Одновременно Япония подтвердила обязательство продолжать финансовое содействие Пакистану.

Следует отметить, что с провозглашением нового курса Япония обозначила намерение тратить на решение проблем региона значительные суммы, в несколько раз превышающие средства, выделенные за предыдущие годы.

Большая часть японского общества приветствовала этот шаг, хотя некоторые наблюдатели обвинили правительство в возврате к дипломатии «чековой книжки». В академических кругах США тоже звучали довольно жесткие высказывания по этому поводу. Например, по словам П. Кронина, стороны не должны забывать о той роли, которую играет в военно-политическом союзе «жесткая сила». В этом смысле решение Токио свернуть присутствие в Индийском океане означает игнорирование роли «жесткой силы» и возвращает альянс к временам кризиса в Персидском заливе¹⁵.

Решение прекратить миссию в Индийском океане стало первым независимым шагом нового правительства, идущим в разрез с интересами США. Он был воспринят с пониманием, что демонстрировало готовность Вашингтона уважать независимые решения своего союзника. Однако когда речь шла о вопросах, затрагивающих непосредственно судьбу военно-политического альянса, реакция Белого дома была совсем иной.

Столкнувшись с жесткой риторикой со стороны США и в то же время вынужденные учитывать позицию партнеров по коалиции, демократы оказались в сложной ситуации. Ю. Хатояма решил отложить

решение проблемы на 2010 г. В декабре 2009 г. демократам была необходима поддержка СДП для одобрения бюджета на 2010 г., поэтому до конца года они не хотели предпринимать никаких решительных шагов. Кроме того, они ожидали результатов выборов мэра г. Наго в январе 2010 г. Однако времени для принятия решений оставалось немного – летом в преддверии выборов в парламент ДПЯ не решилась бы на непопулярные решения, а в ноябре ситуация усугубилась бы предвыборной кампанией губернатора Окинавы. С учетом этих факторов Ю. Хатояма обещал выработать финальные предложения о переносе базы к концу марта и окончательно решить вопрос к концу мая 2010 г.

Как можно было ожидать, в разгар «страстей по Футэмме» тема переноса базы стала политическим козырем в предвыборных кампаниях на Окинаве. На выборах мэра г. Наго, победил С. Инаминэ, который выступал против размещения базы в окрестностях этого города, в отличие от предыдущего градоначальника, рассматривающего появление базы как возможность создания новых рабочих мест и привлечения инвестиций. В преддверии выборов изменил риторику и губернатор Х. Накаима, ранее высказывавшийся за поиск компромисса с Вашингтоном.

Между тем ни один из вариантов, предлагаемых Токио, не устраивал США. В арсенале демократов оказались либо старые давно отвергнутые варианты (например, объединение с базой Кадэна или строительство искусственного острова на участке между местечком Белый пляж и полуостровом Капурэн), либо те, которые не получили бы согласия местного населения (предлагаемый Ю. Хатоямой перенос вертолетной площадки на остров Токуносима). Из-за раздутой кампании против размещения американских баз уже ни одна префектура Японии не хотела получить военные объекты на своей территории.

Отсутствие единства во мнениях членов кабинета, неспособность четко донести свою позицию, непоследовательность вызывали раздражение в Вашингтоне. Тупиковая ситуация негативно сказалась на двусторонних отношениях. В 50-летнюю годовщину Договора о сотрудничестве и гарантиях безопасности Япония и США даже не приняли совместного заявления на высшем уровне, посвященного этой дате. Наглядной демонстрацией отношения к Японии стал Саммит по ядерной безопасности в апреле 2010 г., когда вместо запрашиваемой японской стороной полноценной встречи Б. Обама уделил своему коллеге всего десять минут. Такое отношение дало повод американской прессе весьма язвительно пройтись по Ю. Хатояме, назвав его «незадачливым», «не в себе», «крупнейшим неудачником на саммите». По мнению японского аналитика Ё. Фунабаси, этот десятиминутный разговор стал фактическим ультиматумом со стороны Б. Обамы в том, что вопрос должен быть решен путем возврата к соглашению 2006 г.¹⁶

¹⁴ American forces press service. 21.10.2009 (www.defense.gov).

¹⁵ Troubles waters for the US-Japan alliance? 13.11.2009. American enterprise institute (<http://www.aei.org/events/2009/11/13/troubled-waters-for-the-us-japan-alliance-event>).

¹⁶ Political games have no place in security policy // Asahi shimbun. 08.06.2010. (www.easiaforum.org).

В то же время политика Ю. Хатояма вызывала растущее раздражение и у населения Японии. Например, согласно опросу общественного мнения, проведенному в апреле 2010 г., 51% респондентов ответили, что Ю. Хатояма должен уйти, если не сможет решить вопрос авиабазы Футэмма¹⁷.

На фоне охлаждения отношений с США Япония столкнулась с эскалацией напряженности в регионе. Такие факторы, как потопление КНДР южнокорейского корвета Чхонан в Желтом море, а также активизация военно-морской деятельности Китая вблизи Японии позволили Ю. Хатояме сослаться на сложную обстановку в регионе, диктующую необходимость тесных отношений с США при соблюдении существующих договоренностей. Уже 28 мая 2010 г. двусторонняя комиссия по вопросам безопасности приняла заявление о намерении выполнять «Дорожную карту» 2006 г. Этим Ю. Хатояма подписал себе приговор как премьер-министру. 30 мая 2009 г. СДПЯ объявила о выходе из коалиции. К этому прибавились яростные протесты жителей Окинавы, катастрофическое падение рейтинга, сопровождавшееся финансовыми скандалами вокруг самого премьер-министра, и вскоре он вынужден был подать в отставку. Было бы неверным считать проблему авиабазы Футэмма основной причиной ухода Ю. Хатоямы, однако можно сказать, что невозможность решить вопрос о базе на своих условиях стала символом его неспособности осуществлять эффективное управление страной и недостатка лидерских качеств, что вкупе с финансовыми скандалами привело к отставке главы государства.

С точки зрения японо-американских отношений период нахождения у власти кабинета Ю. Хатояма характеризуется отсутствием хорошего политического контакта на высшем уровне, неудачной попыткой выйти из накатанной колеи двусторонних отношений и отсутствием четкого стратегического видения альтернативы. Приходится констатировать, что второстепенный вопрос о переносе базы затмил остальные темы двустороннего сотрудничества. Более того, его значимость настолько возросла, что для американской стороны он стал пробным камнем отношения Японии к альянсу и показателем уровня доверия в японо-американском союзе¹⁸.

Неудивительно, что принявший наследие Ю. Хатоямы Н. Кан поспешил подтвердить намерение выполнять все существующие японо-американские договоренности, одновременно пообещав прилагать усилия к тому, чтобы снизить нагрузку, выпавшую на долю окинавцев. В отличие от Ю. Хатоямы, посетившего Окинаву только в мае 2010 г., его преемник Н. Кан незамедлительно отправился на остров, где принес извинения

жителям префектуры за то бремя, которое им приходится нести. Тогда же, в годовщину битвы за Окинаву, палата представителей конгресса США приняла резолюцию, в которой населению Японии приносилась благодарность за размещение баз.

Следует отметить, что рейтинг Н. Кана в первое время пребывания у власти превышал 60%, несмотря на то, что он сразу обозначил намерение выполнять столь непопулярное соглашение 2006 г.¹⁹. Это доказывает, что в целом население Японии не воспринимает перенос авиабазы Футэмма как проблему первостепенной важности и с пониманием относится к американскому военному присутствию в стране.

В предвыборном манифесте ДПЯ накануне выборов в парламент летом 2010 г. уже четко говорилось о важности углубления японо-американского союза, а также было четко обозначено намерение выполнять японо-американские договоренности и стремиться уменьшить нагрузку на жителей Окинавы²⁰. В части, касающейся японо-американских отношений, предвыборная программа ДПЯ уже в принципе не отличалась от обещаний либерал-демократов на выборах 2009 г. Это стало подтверждением тому, что независимо от своей партийной принадлежности японская правящая элита проявляет единодушие в вопросе о необходимости развития и совершенствования союзнических связей с США²¹.

Как и в 2009 г., демократы в предвыборной программе 2010 г. повторяли тезис о намерении строить доверительные отношения с Китаем, Кореей и другими азиатскими странами с прицелом на формирование восточно-азиатского сообщества (ВАС). Азиатское направление политики демократов беспокоило американцев. Кроме того, выступая в парламенте в июне 2010 г. Н. Кан фактически поставил рядом союз с США и азиатскую политику: «Японо-американский альянс является краеугольным камнем нашей дипломатии, и одновременно мы будем укреплять партнерство с азиатскими странами»²². Это насторожило некоторых наблюдателей в США, которые еще не знали, чего ожидать от нового лидера Японии. Хотя атмосфера на первой встрече в ходе саммита «двадцатки» в Торонто в июле 2010 г. была уже совершенно иной, говорить о восстановлении доверия в двусторонних отношениях было преждевременно. Неслучайно, выступая в Совете по международным делам в сентябре 2010 г., Х. Клинтон, говоря об отношениях с союзниками, упомянула Японию на втором месте после Республики Корея.

¹⁹ Comparative connections. July 2010. Center for strategic and international studies (http://csis.org/files/publication/1002qus_japan.pdf).

²⁰ Manifesto 2010 (<http://www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2010.pdf>).

²¹ А. В. Шлындов, Н. П. Тебин. Преемственность политики новой администрации в сфере безопасности // Япония после смены власти. М., 2011, с. 166.

²² Дай 174 кай коккай ни окэру Кан найкаку соридайдзин сёсин хэмэй эндзэцу. 11.06.2010. (Выступление премьер-министра Н. Кан на 174 сессии парламента. Канцелярия премьер-министра). (<http://www.kantei.go.jp/jp/kan/statement/201006/11syosin.html>).

¹⁷ Stars and stripes. 22.04.2010 (www.strips.com).

¹⁸ Моримото Сатоси. Бэйкоку-но Адзиа дзюси сэйсаку то нитибэй домэй (Политика США в Азии и японо-американский союз)//Кокусай мондай, № 609, март 2012, с. 43 (<http://www2.jiia.or.jp/ebook/latest.pdf>).

Ситуация изменилась после кризиса в японо-китайских отношениях, связанного с инцидентом в районе спорных островов Сэнкаку 7 сентября 2010 г., когда китайский траулер столкнулся с патрульными судами Управления безопасности на море. Капитан рыболовного судна был задержан в Японии, что вызвало негодование китайской стороны и переросло в серьезный политический конфликт. Китайское правительство отменило встречи на высоком уровне, в Китае были задержаны четверо японских граждан по подозрению в шпионаже, а также было введено эмбарго на поставки жизненно важных для Японии редкоземельных металлов. Мощная волна антияпонских выступлений в Китае и антикитайских – в Японии поставила под вопрос возможность достижения тех доверительных отношений, о которых еще недавно говорили демократы.

В ходе инцидента правительство США выступило на стороне Японии, а уже 23 сентября 2010 г. Х. Клинтон четко заявила, что на острова распространяется Договор безопасности между Японией и США. Реакция США на инцидент между Японией и Китаем привнесла положительную динамику в состояние альянса.

В продолжение дипломатической поддержки, оказанной Японии в споре с Китаем, Вашингтон обозначил ее и в других ситуациях. Так, после визитов российского руководства на Курильские острова, вызвавших озабоченность Японии, официальный представитель Госдепа 1 ноября 2010 г. заявил, что США «поддерживают Японию в вопросе о северных территориях»²³. Такая публичная солидарность Вашингтона со своим союзником продемонстрировала, что США по-прежнему придают большое значение отношениям с Токио, и способствовала улучшению политической атмосферы.

Визит Б. Обамы в ноябре 2010 г. прошел в конструктивном ключе. Н. Кан поблагодарил Америку за поддержку, оказанную в отношении «проблем с Китаем и Россией», и заявил о намерении укрепить сотрудничество по афганской проблеме. Премьер-министр даже согласился изучить вопрос о возможности направить в Афганистан медицинский персонал сил самообороны для обучения медиков из Афганской национальной армии. Однако после организации специальной миссии, направленной на изучение обстановки в плане безопасности, позже эта идея исчезла из повестки дня.

В ходе встречи Б. Обама пригласил своего японского коллегу в Вашингтон, предложив во время будущего визита принять совместное заявление, посвященное видению альянса в XXI в. Таким образом, со сменой руководства и обозначившимся определенным отказом от «азиатизации» внешнеполитического курса Японии в ущерб отношениям США стороны посчитали возможным вернуться к предметному

обсуждению нового видения союза, то есть того, что должно было произойти в 50-летнюю годовщину альянса.

В национальной программе обороны, выпущенной в декабре 2010 г., Япония дала понять, что ее дальнейшие шаги (принятие концепции «динамической обороны» и усиление юго-западных районов страны) обусловлены растущей угрозой со стороны Китая, что вызвало негодование Пекина. Таким образом, «китайский фактор» вновь оказал решающее влияние на внешнеполитический курс Японии, вернув его в привычное русло укрепления японо-американского альянса. По мнению ученых, в условиях быстрого превращения Китая в супердержаву союзнические отношения с США вновь стали восприниматься как реальное противодействие этой феноменальной силе²⁴.

Оказала влияние на состояние отношений трагедия 11 марта 2011 г., ставшая испытанием для японо-американского альянса. Б. Обама немедленно отреагировал на события в Японии, заверив Токио, что США готовы оказать помощь японскому народу²⁵. Для ликвидации последствий землетрясения и цунами Япония и США совместно провели беспрецедентную операцию, получившую название «Операция друзья». В ней приняли участие 16 тыс. военных, 20 кораблей и 140 самолетов США. Это была крупнейшая в истории союза двусторонняя миссия и первый случай того, что американские военные подразделения действовали под японским командованием в реальных условиях²⁶.

Помимо непосредственного участия в ликвидации последствий стихийных бедствий США предоставили Японии гуманитарную помощь порядка 95 млн. долл. В апреле 2011 г. стороны объявили о начале программы частно-государственного партнерства, направленного на восстановление экономики Японии. Действия США в ответ на события 11 марта способствовали укреплению двусторонних отношений. По словам министра иностранных дел К. Гэмба, альянс не только является краеугольным камнем безопасности Японии, но и необходим для ее восстановления и процветания после бедствия 11 марта²⁷. Безусловно, помощь в ликвидации последствий трагедии, проявленная солидарность улучшили имидж альянса в глазах японского населения. Японцы на практике смогли убедиться в эффективности двустороннего союза, а американцы – доказать его необходимость и значимость для безопасности страны.

²⁴ Саркисов К. О. США или Китай? Дилемма стратегического выбора для ДПЯ // Япония после смены власти. М., 2011. с.124.

²⁵ Statement By The President On The Earthquake In Japan And The Resulting Tsunami Warning Throughout The Pacific. White house (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/03/11>).

²⁶ Japan-U.S. relations: issues for congress.23.09.2011, p. 11 (<http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33436.pdf>).

²⁷ Нихон кия курабу ни окэру Гэмба гаймудайдзин коэн. Нихон-но ютакаса ва адзиа тайхэйё тиики-то томони. (Выступление министра иностранных дел Гэмба в японском пресс-клубе. Благоосостояние Японии зависит от Азиатско-тихоокеанского региона. 14.12.2011. Министерство иностранных дел Японии) (http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/23/egnb_1214.html).

²³ Philip J. Crowley, Assistant Secretary Daily Press Briefing, Washington, DC, 01.11.2010 (<http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2010/11/150252.htm#JAPAN>).

В связи со сложной ситуацией в стране визит Н. Кан и планируемое подписание совместного заявления так и не состоялись, что, однако, не означало паузу в развитии двусторонних отношений. В конце июня 2011 г. было проведено первое за годы правления демократов заседание консультационной комиссии «2+2», на котором прошло предметное и основательное обсуждение повестки дня военно-политического сотрудничества. В частности, был принят новый вариант «Общих стратегических целей», определяющих приоритеты альянса в регионе и в мире. В атмосфере взаимопонимания, особенно ощутимой после событий марта 2011 г., плодотворно прошло обсуждение направлений дальнейшего развития альянса и были заложены основы для ревизии системы военно-политического сотрудничества.

Приход к власти в сентябре 2011 г. Ё. Нода не привнес кардинальных перемен в двусторонние отношения. Еще накануне выборов наблюдатели характеризовали Ё. Нода как лидера, от которого не стоит ожидать прорывных инициатив, направленных на усиление глобального влияния Японии. Притом, что он является сторонником альянса с США и поддерживает активную позицию Японии на международной арене, его как бывшего министра финансов больше волнует то, какой ценой обойдется его стране вовлечение в мировые дела²⁸.

Выступая в парламенте 13 сентября 2011 г., Ё. Нода охарактеризовал японо-американский союз как «общественное достояние», необходимое условие стабильности и процветания как в АТР, так и в мире²⁹. Он повторил формулировку, которую использовал в речах его предшественник, таким образом, обозначив преемственность политики нового кабинета в отношении альянса.

Первая встреча Ё. Нода и Б. Обамы во время Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке прошла в деловом ключе. Американцы сразу обозначили темы, которые они хотели бы урегулировать как можно скорее, а именно, прогресс по вопросу о базе Футэмма и ряд экономических вопросов, в том числе перспективу присоединения Японии к соглашению о Транс-тихоокеанском партнерстве (ТТП). Уже к следующей двусторонней встрече, которая состоялась в ноябре 2011 г., Ё. Нода «выполнил домашнее задание», как язвительно отметила газета «Асахи»³⁰. Во-первых, он сообщил о решении начать переговоры по присоединению Японии к ТТП, соглашению, направленному на снижение торговых тарифов и преследующему целью создание в АТР зоны свободной торговли. Это

соглашение оценивается в Японии неоднозначно. С одной стороны, оно стимулирует развитие экспортно-ориентированных отраслей промышленности. С другой стороны, основные опасения Японии связаны с необходимостью открытия внутреннего рынка сельскохозяйственных продуктов. Аграрный сектор японской экономики, дотируемый из бюджета, не конкурентоспособен³¹. Мнения о целесообразности присоединения к этому соглашению разделились даже в самой ДПЯ, не говоря уже о резко негативной реакции представителей сельского хозяйства. Это решение не прибавило сторонников премьер-министру, рейтинг которого уже в первые месяцы пребывания у власти значительно упал: с 60% в сентябре до 40% в декабре 2011 г.

На саммите в ноябре 2011 г. Ё. Нода пообещал, что до конца года завершит подготовку доклада об экологической оценке последствий переноса базы. Таким образом, ему удалось продемонстрировать столь желаемый американцами прогресс в решении вопроса авиабазы Футэмма. Несмотря на то, что доклад, одобряющий строительство объекта в прибрежной зоне около г. Наго, был привезен в местную администрацию накануне новогодних праздников рано на рассвете, в обстановке строгой секретности, он был встречен толпами демонстрантов и вызвал волну возмущения на Окинаве.

В то же время снижение популярности Ё. Ноды в Японии резко контрастировало с его имиджем в Вашингтоне, подкрепленным решительной позицией по вопросу присоединения к ТТП, а также смягчением трех принципов на экспорт вооружений и конструктивными встречами с американским коллегой³². США также демонстрировали готовность оказывать Японии военно-политическую поддержку, особенно актуальную в связи с развитием событий на Корейском полуострове. Так, узнав о смерти лидера КНДР Ким Чен Ира, Ё. Нода немедленно связался по телефону с Б. Обамой, который подтвердил приверженность США обязательствам по защите своих ближайших союзников.

Повышенное внимание к Азиатско-тихоокеанскому региону, которое Белый дом проявляет в свете пересмотра своих военных приоритетов после вывода войск из Ирака и Афганистана, влияет на развитие японо-американских отношений. В ноябре 2011 г., выступая в Канберре, Б. Обама заявил о том, что АТР имеет для США приоритетное значение, и обозначил намерение усилить американское присутствие в регионе. Этот курс был зафиксирован в новой оборонной стратегии, принятой в январе 2012 г., в соответствии с которой США намерены наращивать и реорганизовывать военную мощь в АТР. «В долгосрочной перспективе рост Китая как региональной державы может негативно влиять на эко-

²⁸ Cucek Michael. Why DPJ leadership race matters. The diplomat, 29.08.2011 (<http://the-diplomat.com/2011/08/29/why-dpj-leadership-race-matters/2/>).

²⁹ Дай 178 кай коккай ни окэру Нода соридайдзин-но сёсин хёмэй эндзэцу. (Выступление премьер-министра Ё.Нода на 178-й сессии парламента). 13.09. 2011. Канцелярия премьер-министра Японии). (<http://www.kantei.go.jp/jp/noda/statement2/20110913syosin.html>).

³⁰ Noda meets Obama's requests. Asia and Japan watch by Asahi shimbun. 15.11.2011. (http://ajw.asahi.com/article/behind_news/politics/AJ201111150010).

³¹ Семин А. В. Япония на пути присоединения к транстихоокеанскому партнерству. 24.10.2011 // Новое восточное обозрение. (<http://www.journal-neo.com/?q=ru/node/10064>).

³² Comparative connections, Vol3, No 3. January 2012. Center for strategic and international studies (http://csis.org/files/publication/1103qus_japan.pdf).

номику и безопасность США³³. Новая стратегия предполагает сокращение военных расходов и оптимизацию войск за рубежом, что сказалось и на тянущемся годами процессе вывода части ВС с Окинавы.

В Японии внимательно следили за дебатами в Конгрессе о финансировании военных программ Пентагона, где в том числе поднимался вопрос о целесообразности выделения средств на поддержание передового присутствия ВС США в АТР. Еще в мае 2011 г. группа сенаторов выступила с совместным заявлением, в котором призывала пересмотреть существующие планы размещения ВС США в Восточной Азии. В том числе предлагалось изучить альтернативные варианты, например, ранее отвергнутую идею перевести оборудование для морских пехотинцев с базы Футэмма на базу Кадэна³⁴. Закон о национальном военном бюджете на 2012 г., подписанный 31 декабря 2011 г., предусматривает сокращение на 150 млн. долл. расходов по передислокации военных с Окинавы на Гуам, а также требует провести независимую оценку размещения американских войск в АТР³⁵.

8 февраля 2012 г. Токио и Вашингтон выступили с совместным заявлением о разделении процессов передислокации военных с Окинавы и переноса базы Футэмма. Министр К. Гэмба назвал это решение большим прогрессом в отношениях. В то же время он подчеркнул, что решение проявлять гибкость на переговорах не означает, что база Футэмма останется на нынешнем месте³⁶.

Это решение было воспринято в Японии неоднозначно. С одной стороны, это дало повод активизироваться оптимистам, считающим, что теперь Япония сможет повлиять на выбор места для новой базы. С другой стороны, пессимисты расценили этот шаг как явный признак того, что США намерены оставить базу на прежнем месте. Второй вариант выглядит более реалистичным, особенно с учетом неизменной позиции губернатора Окинавы Х. Накаима, отказавшегося принять результаты доклада об экологической оценке, несмотря на убеждения премьер-министра и на внесенный в бюджет пакет мер по стимулированию экономики префектуры.

Ситуация вокруг авиабазы Футэмма подтверждает очевидный вывод. Япония не сможет играть определяющую роль в вопросе о военных базах на Окинаве, пока эти базы имеют важное значение в общей глобаль-

ной стратегии США³⁷. Как отмечает японский ученый М. Камия, еще после ухода Дз. Коидзуми среди японистов в США начали звучать опасения о «само-маргинализации» Японии³⁸. Представляется, что пребывание демократической партии у власти не способствовало изменению такого восприятия Японии в глазах американского истеблишмента. Неудивительно, что за последние два года возросло число американцев, считающих главным партнером в АТР Китай, а не Японию³⁹.

Несмотря на то, что последствия политики Ю. Хатоямы удалось сгладить, они до сих пор бросают тень на отношения между двумя странами. Как выяснила газета «Йомиури», восприятие США среди японцев несколько ухудшилось за последние два года: в декабре 2011 г. только 35% охарактеризовало отношения как хорошие, плохими их считали 41%. При этом более 80% респондентов уверены, что отсутствие прогресса в вопросе о Футэмме негативно сказалось на двусторонних отношениях⁴⁰.

* * *

Развитие японо-американских отношений в годы правления ДПЯ продемонстрировало, что в политике в отношении США возобладали черты преемственности. Попытки пересмотреть устоявшуюся систему военно-политического союза завершились крахом. Перемены, о которых говорили после победы демократы, как в США так и в Японии, не затронули двусторонние отношения.

Действия Ю. Хатоямы, которые получили название «заблуждение» или «отклонение от курса» (*Хатояма мэйсо*), омрачили картину отношений, однако не смогли существенно повлиять на объективный процесс укрепления и реорганизации альянса, который будет продолжаться в свете особого внимания Вашингтона к Азиатско-тихоокеанскому региону.

События рассматриваемого периода в очередной раз подтверждают, военно-политический альянс Японии и США является не только основой внешней политики Японии, но и играет важную роль в ее внутриполитической жизни.

Приход к власти ДПЯ не смог обеспечить стабильность в управлении страной и не привел к выдвижению сильного лидера, который мог

³³ Sustaining U.S. global leadership: priorities for 21st century defense. January 2012. (www.defense.gov – http://www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf).

³⁴ Press Releases Senators Levin, McCain, Webb Call for Re-Examination of Military Basing Plans in East Asia. May 11, 2011 (<http://webb.senate.gov/newsroom/pressreleases/05-11-2011-01.cfm>).

³⁵ Press Releases Senator Webb: US-Japan Joint Statement “an acknowledgment” that East Asia Basing Plan Needs Revision.Calls for DoD to complete Congressional Reporting Requirements before moving forward February 8, 2012 (<http://webb.senate.gov/newsroom/pressreleases/2012-02-08-03.cfm>).

³⁶ Гайму дайджин кися кайкэнроку. 08.02.2012. (http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/kaiken/gaisho/g_1202.html#14).

³⁷ 50 years of the Japan-US alliance and the Futenma controversy. Watanabe Hirotaka. 26.08.2010. (www.japanechoweb.jp/editors-blog/jewb008).

³⁸ Камия Матакэ. Нихон-но адзэн хосё сэйсаку то нитибэй домэй – рэйсэнго-но тэнкай то конго-но кадай (Политика Японии в области обеспечения безопасности и японо-американский союз – развитие после «холодной войны» и дальнейшие задачи).Нитибэй канкэй-но конго-но тэнкай то нихон-но гайко. (Дальнейшее развитие японо-американских отношений и японская дипломатия). 05.09.2011, с.139. (http://www2.jia.or.jp/pdf/resarch/h22_nichibei_kankei/13_Chapter1-11.pdf).

³⁹ 2011 image of Japan study in the U.S // Ministry of foreign affairs of Japan (http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/23/6/PDF/110609_02_02.pdf).

⁴⁰ Yomiuri shimbun. 19.12.2011. (www.yomiuri.co.jp).

бы эффективно и долго руководить государством. Постоянная смена премьер-министров негативно сказывается на развитии японо-американских связей, что напоминает картину двусторонних отношений после ухода Дз. Коидзуми. Можно предположить, что пока лидеры будут озабочены вопросами поддержания популярности, они вряд ли будут способны принимать неоднозначные решения по ключевым вопросам внешней и оборонной политики. Кроме того, из-за частой смены политического руководства в Японии невозможно создать условия для постоянного контакта на высшем уровне, укрепления личных связей и построения действительно доверительных отношений.

Новые моменты в развитии японо-американского военно-политического союза

Д. В. Стрельцов

После окончания биполярной эпохи японо-американский «договор безопасности» приобрел новый смысл существования. Особенностью японо-американского договора явилась определенная его «неполноценность» по сравнению с сетевым форматам обеспечения безопасности, например, блоком НАТО. Уровень стратегического интегрирования Японии в америкоцентристскую систему безопасности в послевоенный период продолжал оставаться на порядок ниже, чем у стран НАТО, в отличие от которых Япония официально отказывает США в размещении на своей территории ядерных средств и воздерживается от создания каких-либо форм совместного с Пентагоном военного командования, участвует в военных действиях лишь при непосредственной угрозе своему суверенитету. В целом же этот договор составлял один из несущих элементов пресловутой «системы оси и спиц», в рамках которой Вашингтон заключает серию двусторонних военных и военно-политических договоров с ключевыми союзниками в восточноазиатском регионе.

Со второй половины 1990-х гг. на фоне военного и экономического подъема Китая, и в особенности проводимой им политики технической модернизации вооруженных сил, роль и функции японо-американского военно-политического союза подверглись серьезной модификации. Союзники стали рассматривать рост военной мощи Китая как фундаментальный вызов, требующий выработки стратегии сдерживания. Пентагон приступил к реализации стратегии «огораживания», предполагающей перенос центра активности военно-морских сил из Атлантического океана в Тихий, фундаментальную перегруппировку войск и изменение структуры военных баз с учетом китайского фактора. Одновременно для укрепления своих позиций в Восточной Азии Вашингтон взял курс на то, чтобы оптимизировать систему двусторонних договоров безопасности, повысив уровень военного вклада своих стратегических союзников и обеспечив большее равноправие в системе оперативного и стратегического взаимодействия с ними.

В то же время трансформировалось и восприятие значимости Японией военного союза с Америкой. В Токио стали ощущать прямую военную угрозу от Китая, который из категории «партнера» и «ответственного акционера» переместился в категорию «военного соперника».

Особенно быстро этот процесс пошел после событий сентября 2010 года, когда Пекин оказал на Токио беспрецедентное военно-дипломатическое давление в связи с обострением ситуации вокруг островов Сэнкаку. Переоценка КНР происходила не только на уровне политического руководства, но и в сознании рядовых японцев, которые стали испытывать ощущение прямой военной опасности.

Новый уровень сотрудничества в военно-стратегической сфере стал фиксироваться в ходе ежегодных совещаний по вопросам безопасности с участием министров обороны и иностранных дел (формат «два плюс два»). В июне 2011 г. стороны открыто выступили за налаживание многостороннего взаимодействия в сфере безопасности с Австралией, Южной Кореей, Индией и другими странами, что явилось новым моментом в стратегии безопасности в контексте обозначенных в совместном заявлении общих военных угроз.

Постепенно Япония начала наращивать уровень не только оперативно-технического, но и военно-стратегического взаимодействия с партнером по союзу. Это выражалось, в частности, в развитии новых форм оперативного планирования и координации действий с Соединенными Штатами. Например, на американской базе ВВС Йокота Япония и США развернули совместный пункт управления противовоздушной обороны, на котором работают офицеры «сил самообороны» и ВВС США¹. Расширяется зона ответственности Японии и за совместное патрулирование морских коммуникаций, которая сейчас уже охватывает зону до Тайваньского пролива.

О достигнутом уровне координации можно судить по операции «Томодати» («Друзья»), проведенной военными двух стран после катастрофы 11 марта 2011 г. Если ранее взаимодействие отрабатывалось в основном в ходе военных учений, то теперь, пожалуй, впервые за всю историю оно позволило говорить о полномасштабной совместной операции с участием всех родов войск. Японские вертолеты базировались на американских авианосцах, американские боевые корабли перевозили к району бедствия персонал «сил самообороны» и спасательную технику. Для обеспечения взаимодействия на оперативном уровне стороны обменялись офицерами связи.

Япония продолжала развивать совместно с США систему Противоракетной обороны Театра военных действий (ПРО ТВД), основанную на противоракетных средствах защиты морского и наземного базирования. Данная система стала разрабатываться после 1998 г., когда Пхеньян осуществил пуски баллистических ракет «Тэпходон», перелетевших остров Хонсю и упавших в открытом море. В рамках данной программы на четырех эсминцах военно-морских «сил самообороны» были установлены современные противоракетные системы «Иджис»,

имеющих в своем составе ракеты SM-3, а на территории страны – несколько противоракетных комплексов РАС-3. Япония активизировала усилия по развитию совместных с американцами систем радарного наблюдения. Программа ПРО предусматривает совместные разработки противоракетных систем нового поколения и модернизацию ракетных комплексов SM-3. В рамках программы ПРО ТВД в военно-морские «силы самообороны» должны поступить от четырех до шести эсминцев с новейшими противоракетными комплексами «Иджис», способными сбивать северокорейские ракеты класса «Нодонг».

В рамках союзнических отношений решался вопрос о закупках Японией в США новейших истребителей пятого поколения. Вопрос об оснащении ими «сил самообороны» возник в связи с существенным изменением военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии, где Китай и Россия – страны, в той или иной степени причисляемые Токио к категории потенциальных военных соперников, активно разрабатывают и разворачивают истребители с функциями «самолета-невидимки». Свою роль играло и то обстоятельство, что Япония встала перед необходимостью постепенной замены своих устаревших истребителей F-4 и F-15.

Первоначально Токио планировал заменять их истребителями пятого поколения F-22 Raptor. Однако действующее законодательство США (поправка Обей) запрещает экспорт этих видов вооружений. Юридическую проблему составляют закупки F-22 и для самой Японии, которая в силу конституционных ограничений не может иметь вооружения, имеющие наступательный характер. После длительных дебатов Япония приняла в декабре 2011 года решение закупить истребители F-35 Joint Strike Fighter компании Lockheed Martin. Первые четыре самолета, каждый из которых обойдется Токио по 9,9 млрд иен (около 121,62 млн. долл.), должны поступить на вооружение к марту 2017 г.² Общие затраты японской стороны на закупку истребителей при этом могут, как считают специалисты, составить около 13 млрд. долл. Предполагается, что к середине 2020-х гг. Япония получит около 40 истребителей³.

Выбор в пользу данного вида истребителя был сделан, исходя из следующих соображений. Во-первых, он имеет лучший уровень технической оснащенности и защищенности от обнаружения радарными, а также иные технические характеристики, выгодно отличающие истребитель от конкурентных моделей, в частности, F/A-18 Hornet и Eurofighter Typhoon. Во-вторых, соглашение с американцами обеспечивает допуск японских компаний к участию в операциях по сборке, техническому обслуживанию и модернизации самолета – общий вклад японцев в производство истребителя оценивается в 40%, а это, как ожидается,

¹ http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/02/japan_awakens

² Japan Times 22.12.2011.

³ http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/02/japan_awakens

даст существенный толчок национальной промышленности. Особенно высоко японцы оценили тот факт, что компания «Lockheed» согласилась в интересах технологического сотрудничества с Японией передать партнерам абсолютно секретную информацию по конструкции фюзеляжа самолета. Это обстоятельство позволяет японским компаниям участвовать в передовых военно-технических разработках, которые могут быть применены в национальном самолетостроении. Например, концерн «Mitsubishi Heavy Industries» рассчитывает использовать их в производстве новейшего истребителя Shinshin.

В-третьих, играют свою роль и военно-политические соображения, в частности, тот факт, что F-35 принимается на вооружение в армиях основных военных союзников Токио по региону – США и Австралии. Закупки истребителей, кроме того, служат задаче улучшения стратегических отношений с американцами, которые после 2009 г. переживали определенный кризис, связанный с нерешенностью проблемы базы Футэмма. Наряду с операцией «Томодати» сделка по F-35 мыслится во многом в качестве символического шага, олицетворяющего прогресс в отношениях между союзниками.

В 2000-е гг. определенную проблему для военно-политического союза с Америкой представляет вопрос о выполнении Японией в полном объеме ее финансовых обязательств по обеспечению работы американских военных баз, размещенных на ее территории. Япония оплачивает значительную (около трех четвертей от общей суммы) часть расходов по жизнеобеспечению американских военных объектов, а также заработную плату занятых на них примерно 25 тыс. японских граждан. Общая годовая сумма расходов по статье «финансовые обязательства принимающей стороны» составляет около 188 млрд. иен (или 2,2 млрд. долл. США при курсе 82 иены за долл.). Проблема заключается в том, что Япония, стоящая на пороге кризиса государственных финансов, делает все возможное для сокращения бюджетных расходов и постоянно ставит перед партнером вопрос об уменьшении своих обязательств.

В декабре 2010 г. стороны пришли к соглашению о том, что начиная с 2011 фин. г. Япония продолжит выполнять свои финансовые обязательства по базам в течение следующих пяти лет на текущем уровне. Вместе с тем, уступая требованиям японской стороны, США согласились на постепенное сокращение численности японского персонала баз, а также на снижение японской доли расходов на жизнеобеспечение баз с 76 до 72%.

Одной из сложных проблем союза продолжает оставаться вопрос о передислокации базы Футэмма на Окинаве. Принципиальное решение о передислокации базы морской пехоты Футэмма в город Хэноко на севере Окинавы было принято в 2006 г. с целью облегчить положение жителей близлежащих районов, страдающих от шума и иных рисков в связи с полетами вертолетов в непосредственной близости от городских

кварталов. Достигнутая договоренность явилась результатом более тринадцатилетних переговоров, ход которых периодически осложнялся различными инцидентами с участием американских военных. В числе последних – изнасилование японской школьницы американским военнослужащим в 1995 г., а также падение американского военного вертолета на территорию университетского городка в 2004 г. Договоренность, получившая название «дорожной карты», носила характер пакетной сделки и предполагала передислокацию базы в менее населенный район острова, включая строительство там нового аэродрома, а также одновременный вывод 3-го экспедиционного корпуса морской пехоты (8 тыс. военнослужащих) с Окинавы на о-в Гуам. Реализация плана позволила бы сократить американское военное присутствие на Окинаве и ослабить бремя префектуры, связанное с размещением американских войск на острове (на Окинаве, площадь которой составляет около 1% площади Японии, размещено 65% от общего числа американских войск, расквартированных в стране). Япония брала на себя обязательство покрыть около 60% от общей суммы расходов на передислокацию базы, по тогдашним оценкам составлявших около 10,3 млрд. долл.

Наибольшую проблему для японского правительства представляла позиция местных властей города Хэноко, которые под давлением общественного мнения выступили против данного плана (по закону для его реализации требуется согласование с местным муниципалитетом). Во многом по причине того, что альтернативного варианта с переносом базы на территории Японии найти не удалось, правительство Ю. Хатояма ушло в 2010 г. в отставку. Не было найдено взаимоприемлемого решения и при правительстве Н. Кан, которое сосредоточилось на первоочередных задачах по восстановлению страны после природно-техногенной катастрофы 11 марта 2011 г.

В результате вопрос о передислокации базы Футэмма, ставший «острым шипом» в двусторонних отношениях, перешел по наследству пришедшему ему на смену в августе 2011 г. кабинету Ё. Нода. Его глава фактически оказался в безвыходном положении. Оставлять его в замороженном состоянии стало недопустимым по той причине, что это поставило бы под удар проводимую США реформу системы военного присутствия в Западной части Тихого океана, одним из ключевым пунктов которой является перевод на Гуам части морской пехоты, расквартированной на базах в Японии. Нужно было срочно выводить отношения с партнером по союзу из состояния спячки и перед лицом угроз, непосредственно затрагивающих интересы военной безопасности страны. Степень актуальности этих угроз Япония смогла оценить в период 2010–2011 гг., когда напряженность в близлежащих районах становилась все более острой. Именно в этот период произошел инцидент с китайским рыболовным судном в районе островов Сэнкаку и обострилась ситуация на Корейском полуострове (обстрел острова Ёнпхэндо, испы-

тание ракеты-носителя в КНДР и проч.) Свою роль играли и внутривнутриполитические причины: ДПЯ, катастрофически теряющей поддержку избирателей, срочно потребовались внешнеполитические успехи в преддверии новых парламентских выборов.

Однако реализация «дорожной карты» 2006 г. сталкивалась с большими трудностями из-за ее неприятия местной общественностью, мнение которой ДПЯ, пришедшая к власти на волне популизма, игнорировать не могла. В Японии не удалось найти ни одного места, где местные власти оказались бы готовы дать согласие на размещение базы. К тому же план 2006 г., предполагающий строительство вертолетной базы и иных дорогостоящих объектов военной инфраструктуры, столкнулся с оппозицией внутри американского конгресса. Три влиятельных сенатора (Карл Левин, Джон Мак-Кейн и Джим Вебб) в мае 2011 г. выступили с заявлением о том, что реализация плана влечет слишком большие расходы для американских налогоплательщиков, в связи с чем следует подумать о перемещении базы на уже имеющиеся на Окинаве военные объекты, например, на военно-воздушную базу Кадэна. Сенат, от решения которого зависит финансирование плана, передал его на независимую экспертизу в один из неправительственных «мозговых центров» – Центр стратегических и международных исследований. Между тем мэр города Кадэна заявил о решительном отказе местной власти давать согласие на передислокацию. Свои сомнения в целесообразности переноса базы морской пехоты в Кадэна, которая в этом случае стала бы выполнять несвойственные ей функции, высказали и в Пентагоне. На этом фоне американцы к концу 2011 г. пришли к выводу о том, что «топить» японского партнера за невыполнение старых договоренностей будет политически нецелесообразно, а потому следует срочно искать взаимоприемлемый вариант выхода из патовой ситуации.

В феврале 2012 г. США и Япония пришли к соглашению о том, чтобы рассматривать вопрос о передислокации базы отдельно от более широкого вопроса о сокращении и оптимизации американского военного присутствия в Японии, включая тему вывода американских морских пехотинцев. В тексте принятого 8 февраля совместного заявления правительства США и Японии говорилось о том, что план передислокации в Хэноко «остается единственным реалистичным решением». Однако вне связи с передислокацией базы было принято решение о переводе 4 тыс. морских пехотинцев с базы Футэмма на военные объекты США в различных точках бассейна Тихого океана, включая Австралию (Дарвин) и Гавайи.

30 апреля 2012 г. в Вашингтоне состоялась первая за последние три года официальная встреча на высшем уровне между премьер-министром Японии Ё. Нода и президентом США Б. Обамой. Большой перерыв между саммитами во многом связывается с застоем в политических отношениях между Токио и Вашингтоном, который наметился после

прихода в Японии в 2009 г. к власти правительства Демократической партии. Его первый глава Ю. Хатояма провозгласил приоритет азиатского направления во внешней политике, рассматривая его в качестве противовеса традиционному курсу на безоговорочную поддержку США на международной арене. Однако Ю. Хатояма так и не смог выполнить взятые на себя обязательства по решению вопроса о передислокации базы Футэмма, что явилось причиной самого серьезного похолодания в японо-американских связях за весь период существования союза.

Визит японского премьера в США проходил в обстановке нарастающего в Японии внутривнутриполитического кризиса, связанного с жестким противостоянием в парламенте правящей партии и оппозиции, силы которых оказываются примерно равными. Этот кризис максимально суживает возможности Нода для дипломатического маневра и принятия неких прорывных решений. На этом фоне первоочередная задача обоих партнеров заключалась в том, чтобы вывести проблему передислокации из центра повестки дня стратегических отношений и придать ей в какой-то степени «периферийный» характер. Это позволило бы привести стратегические отношения двух стран в равновесное положение, создать некий «нулевой баланс» с тем, чтобы на следующем этапе появилась возможность наполнить их позитивной повесткой.

27 апреля, т. е. перед самым началом саммита, правительства двух стран выработали общее заявление с оценкой «дорожной карты» 2006 г. В документе говорилось о том, что план передислокации базы должен соответствовать четырем критериям: быть эффективным в оперативном, жизнеспособным в политическом, ответственным в финансовом и значимым в стратегическом отношениях⁴.

В заявлении содержалось важное добавление по отношению к предыдущей редакции: план передислокации оценивался в качестве единственного реалистичного решения, «существующего на данный момент». Иными словами, нынешнее совместное заявление оставляет возможность изучения и принятия прочих вариантов передислокации. Очевидно, в основе данной формулировки лежит ясное понимание того, что план перевода базы в Хэноко (Кэмп Шваб) в условиях протестов общественности явно не соответствует тому, чтобы быть «жизнеспособным в политическом отношении». Вместе с тем указание на «единственную реалистичность» данного плана, по мнению газеты The Japan Times, отражает скептицизм официальной точки зрения по поводу предложений американских сенаторов относительно перевода базы в Кадэну⁵. Кроме того, заявлением подтверждался принятый в 2009 г. верхний предел расходов, которые надлежит нести японской стороне в связи с передислокацией морских пехотинцев на Гуам – 2,8 млрд. долл. США⁶.

⁴ The Japan Times. 01.05.2012.

⁵ Ibid.

⁶ Майнити симбун. 02.05.2012.

Результатом прошедшего саммита между лидерами США и Японии явилось совместное заявление под заголовком «Общее видение будущего», ставшее первым подобного рода документом начиная с 2006 г. В заявлении утверждается, что японо-американский союз стал в результате своего развития «комплексным партнерством, которое вносит свой вклад в мир и стабильность в АТР». Военно-политический союз характеризуется как «краеугольный камень мира, безопасности и стабильности в АТР». В заявлении декларируется, что «Япония и Соединенные Штаты обязуются реализовать взятые на себя обязательства путем использования широкого диапазона возможностей по поддержанию регионального и глобального мира, процветания и безопасности»⁷.

В заявлении содержалось указание на то, в каких направлениях стороны будут развивать сотрудничество двух стран в области безопасности. Для Японии это курс на развитие «динамичной обороны», в рамках которого «силы самообороны» должны укреплять свой потенциал в области раннего предупреждения и сбора разведывательной информации в районе островов Нансэй и на Окинаве. Этот курс был зафиксирован в «Основных направлениях Программы национальной обороны», опубликованных еще в декабре 2010 г. в Японии. Декларированный в них переход от «базовой» к «динамичной» обороне призван обеспечить более гибкий ответ на внешние военные угрозы, в числе которых были названы рост военной мощи Китая, усиление активности его военно-морского флота в Восточно-Китайском море, а также ракетно-ядерная программа Северной Кореи. В соответствии с концепцией «динамичных возможностей» «силы самообороны» Японии должны быть готовы к реагированию на самый широкий спектр угроз, включая теракты, провокации и иные формы нападения как в традиционных сферах (морские и наземные пространства), так и в космосе и киберпространстве. Главный упор в программе модернизации «сил самообороны» будет сделан на укрепление потенциала береговой охраны в Восточно-Китайском море, в котором, как предполагается, Китай разместит свой модернизированный авианосный флот.

В заявлении по итогам японо-американского саммита 30 апреля 2012 г. отмечалось, что США будут придерживаться планов передислокации частей морской пехоты на Окинаве, Гуаме, Гавайях и Австралии с целью обеспечения наиболее эффективной в оперативном отношении системы их размещения в регионе⁸. Нода и Обама подтвердили действенность соглашения о передислокации базы и выводе за пределы Окинавы 9 тыс. американских морских пехотинцев, включая передислокацию 5 тыс. военнослужащих на о. Гуам⁹. Еще одним шагом, призванным

⁷ Йомиури симбун. 02.05.2012.

⁸ The Japan Times. 04.05.2012.

⁹ Йомиури симбун. 02.05.2012.

снизить нагрузку на Окинаву в связи с размещением военных баз США, явилась договоренность двух лидеров о том, чтобы закрыть пять военных объектов к югу от базы Кадэна и передать в три этапа освободившуюся землю ее владельцам¹⁰.

Вместе с тем отсутствие в итоговых документах саммита указания на конкретный план передислокации базы Футэмма вызывает в Японии большое недовольство. Это означает, что база в течение неопределенного срока продолжит функционировать на старом месте, что, по мнению многих, станет для Японии наихудшим среди всех возможных сценариев. Масла в огонь подлило то, что правительства Японии и США в своем совместном заявлении выразили намерение активно проводить в жизнь проекты по обновлению базы Футэмма. В японской печати сообщалось о том, что США уже представили на рассмотрение японской стороны план по обновлению базы стоимостью 20 млрд. долл., рассчитанный на 8 лет начиная с 2012 фин. г.¹¹

Длившийся несколько лет кризис в двусторонних отношениях был преодолен. Оставив вопрос о передислокации базы открытым, Токио и Вашингтон, безусловно, не избавились от раздражителя в отношениях, однако за счет его отделения от проблемы вывода войск за пределы Японии им удалось перевести его на задний план, придав ему статус тлеющего, но не полыхающего конфликта. Стороны фактически договорились о том, чтобы отложить решение вопроса по передислокации на неопределенный срок, что позволяет им сосредоточиться на первоочередных задачах развития союзных отношений.

Среди этих задач – необходимость ответа на вызовы, связанные с военным и экономическим подъемом Китая. Хотя Китай в официальных документах саммита не позиционируется в качестве непосредственного источника военной угрозы, японский премьер и американский президент обсудили конкретные вопросы стратегического сотрудничества в рамках пресловутой политики «огораживания» Пекина. В их числе – объединение финансовых ресурсов двух стран для создания системы боевой подготовки и проведения совместных учений на Гуаме и одном из северных островов Марианского архипелага. Было решено, что одно из подразделений «сил самообороны» будет на постоянной основе размещено на острове Тиниан для ведения совместной подготовки.

Обсуждался также вопрос о том, чтобы Япония предоставила Филиппинам по линии ОНР несколько патрульных кораблей береговой охраны. Данный вопрос получил особую актуальность в свете обострения в апреле 2012 г. ситуации в Южно-китайском море, связанной с территориальными претензиями Китая в отношении Филиппин. Хотя передача кораблей противоречит ограничениям на экспорт вооруже-

¹⁰ Майнити симбун. 02.05.2012.

¹¹ The Japan Times. 01.05.2012.

ний, она может состояться, если будет представлена как действие, направленное на поддержание мира и международной безопасности. В любом случае тема экспорта военных судов, равно как и направления воинских контингентов для «обучения» за пределы Японии, ставшие предметом обсуждения в ходе саммита, затрагивают крайне щекотливую тему интерпретации девятой статьи Конституции Японии. Однако достижение конкретных договоренностей однозначно свидетельствует о том, что курс Токио на максимально свободную интерпретацию этой статьи, проводимый на протяжении более чем двух последних десятилетий, остается неизменным.

Нода и Обама провели обмен мнениями по вопросу о ситуации в КНДР, отметив важность взаимодействия с целью предотвратить новые провокации со стороны Пхеньяна (речь шла о неудачном запуске космической ракеты, проведенном в апреле 2012 г.) Лидеры США и Японии подтвердили на саммите намерение своих стран развивать сотрудничество в деле повышения безопасности атомных реакторов и развития альтернативных источников энергии, используя уроки, полученные в ходе преодоления последствий фукусимской аварии. Заинтересованность Японии в США как партнере в сфере безопасности на АЭС, помимо фукусимского аспекта, связана с тем обстоятельством, что Токио считает расширение экспорта своих ядерных технологий важной частью стратегии экономического роста.

Вопрос о ядерных гарантиях США продолжает оставаться достаточно острой проблемой в двусторонних отношениях. Ракетно-ядерная программа Пхеньяна, а также инцидент с китайским рыболовным траулером в сентябре 2010 г. дали основания для усиления алармистских настроений в японском общественном мнении. Тема американского «ядерного зонтика», вернее, актуальности «ядерных гарантий» в условиях изменения стратегического расклада сил, стала одной из наиболее обсуждаемых в современном дискурсе по вопросам национальной безопасности.

В контексте изменившейся военно-политической ситуации многие в Японии задаются более общим вопросом, а именно – сможет ли Япония обеспечить свою безопасность традиционными методами, т. е. через военный союз с Америкой. В отношении США стали появляться определенные подозрения по поводу возможности изменения традиционной политики Вашингтона по развитию военных союзов с «дружественными» странами, либо принятия им иных шагов, способных изменить баланс сил в регионе. Говоря более конкретно, вопрос ставится в плоскости того, пойдут ли американцы на использование ядерного оружия (или угрозу такого использования) в случае нападения на Японию, например, в рамках территориального конфликта с Китаем (вокруг Сэнкаку), либо вооруженных провокаций со стороны Пхеньяна. Несмотря на словесные заверения со стороны представителей администрации США, неоднократно звучавшие в период президентства Буша и Обамы, ответ на него

для Токио по-прежнему неоднозначен. Иными словами, Япония имеет достаточно веские основания сомневаться в готовности США идти на риск быть втянутыми в ядерный конфликт, отстаивая интересы союзников в их территориальных спорах с соседями.

Вопрос о ядерных гарантиях США имеет для Японии и внутривнутриполитическое измерение. Одним из ключевых предвыборных обещаний Демократической партии Японии, пришедшей в 2009 г. к власти на волне популистской политики, явилось коренное изменение места и роли Японии в рамках союза с Соединенными Штатами в сторону большей самостоятельности, придание союзу большей равноправности и открытости. При кабинете Ю. Хатояма руководство ДПЯ придало гласности достигнутые в 1960-е гг. тогдашним руководством страны секретные договоренности с Вашингтоном о транзите ядерного оружия через японскую территорию. В апреле 2010 г. министр иностранных дел Японии К. Окада выступил в этой связи с публичными извинениями и подтвердил неизменность позиции Токио в деле соблюдения «трех неядерных принципов». В этих условиях особенно рельефно проявился амбивалентный характер японского подхода к вопросам национальной обороны, проявляясь в существовании так называемой «ядерной дилеммы». Суть ее заключается в сочетании двух взаимоисключающих концептуальных подходов к решению ядерной проблемы. С одной стороны, Япония позиционирует себя как неядерная держава, несущая моральные обязательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия. С другой стороны, приняв от США гарантии безопасности, она де-факто признает легитимность использования американского ядерного оружия для защиты Японии от внешнего нападения¹².

Провозглашенные демократами принципы предполагают отказ от непубличных договоренностей и перевод всей политики в сфере военной безопасности в плоскость публичных и юридически безупречных решений. Если ранее деликатные вопросы военного и военно-технического сотрудничества с США (включая ядерные его аспекты) можно было регулировать в непубличном формате, то теперь любые договоренности между союзниками стали требовать соответствующего публично-правового оформления.

В последнее время наблюдается тенденция постепенного отхода Японии от мирных положений в законодательных актах, закрепляющих ее мирный статус. Речь идет не столько о прямом отказе от 9-й статьи конституции, по которой Япония отказывается от войны как средства разрешения международных споров, сколько об интерпретации вытекающих из нее и являющихся ее продолжением нормативных документов, принципов, соглашений.

¹² Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010, с. 212.

Одним из препятствий для дальнейшего развития союза американцы считают юридические ограничения на полномасштабный военный вклад Японии в развитие союза. В целом Вашингтон смирился с тем, что свою конституцию Японии изменить будет не так просто. Действительно, 9-я статья не помешала ей направить войска за пределы страны для участия в миротворческих миссиях ООН и в антитеррористической коалиции в Ираке, а с недавнего времени японские «силы самообороны» открыли в Джибути первую за весь послевоенный период военную базу за пределами Японии. Вместе с тем многие указывают на то, что миссии японских миротворцев потенциально могли бы быть гораздо более эффективными, если бы не жесткая интерпретация конституционных положений, ограничивающих их право использовать оружие исключительно целями самообороны.

Особые нарекания вызывает у США вытекающий из Конституции Японии запрет на ведение «коллективной самообороны». Вашингтон опасается, что данный запрет может стать фактором пассивности Токио в деле развития коллективных форматов безопасности в АТР, на которые США стали делать ставку в контексте военного подъема Китая. В рамках общей стратегии «окружения Китая» США стремятся создать под своей эгидой несколько сетевых структур со взаимно переплетающимся составом участников, которые бы наладили между собой взаимодействие в направлении противостояния общей угрозе (США – Япония – Южная Корея, США – Австралия – Япония – Индия, США – Филиппины – Япония). На этом фоне можно ожидать усиления со стороны Вашингтона давления на Токио в направлении дальнейшего смягчения законодательных норм, ограничивающих право страны на «коллективную самооборону».

Другой момент, не устраивающий американцев – несовершенство внутреннего японского законодательства, регулирующего военную компоненту обязательств Японии по союзу. По действующему порядку, для участия «сил самообороны» в каждой операции нужно принимать специальный закон, который подлежит ежегодному продлению, что создает большие неудобства для военного планирования. Например, в 2007 г. неспособность кабинета С. Абэ добиться принятия парламентом закона о продлении антитеррористической миссии «сил самообороны» в Индийском океане привела к острому политическому кризису и отставке правительства, затруднив выполнение Японией обязательств перед партнерами по коалиции. По мнению Вашингтона, законодательная процедура, обеспечивающая участие «сил самообороны» Японии в международных операциях, по сравнению с другими союзниками слишком сложна, в связи с чем американцы продолжают ставить перед Токио вопрос о необходимости принятия общего закона, легализующего отправку военнослужащих за пределы страны.

Япония в своих военно-стратегических отношениях с США стоит перед достаточно сложным выбором, который таит в себе существенные риски. Уместно привести мнение проф. Массачусетского Института технологии Р. Самюэлса, который отмечал: «Если Япония предпочтет сопротивляться попыткам США вовлечь ее в “коалиции доброй воли” для проведения военных операций за пределами страны, либо откажется предоставить США свою территорию под военные базы, она рискует “быть брошенной на произвол судьбы”». Без защиты США Японии придется существенно увеличить свои военные ассигнования, либо стать самой ядерной державой. С другой стороны, объединяясь с Соединенными Штатами и заявляя о глобальной миссии Америки в обеспечении национальной безопасности, Япония рискует оказаться втянутой в войны, которые не отвечают ее выбору»¹³. Отчасти соглашаясь с американским политологом, можно говорить о проводимой Токио на протяжении нескольких десятилетий политике хеджирования рисков, требующей тонкого балансирования между курсом на продолжение глобального партнерства с Америкой и политикой обеспечения национальных интересов, которые не обязательно совпадают с определяемой Вашингтоном «генеральной линией». Исторический опыт наглядно демонстрирует специфику послевоенной политики Японии по отношению к Китаю, Ирану, странам арабского Востока, Мьянме и другим странам, по отношению к которым позиция США существенно отличалась от японской.

С учетом постепенного выхода американских войск с Ближнего и Среднего Востока, усиления восточноазиатского направления глобальной стратегии США в сфере национальной безопасности в контексте противостояния Китаю значимость Японии как ключевого военно-политического союзника Америки будет неизбежно возрастать. Однако в то же время нельзя не согласиться с проф. Токийского университета Сусуму Ямакагэ, который отмечал: «Если глобальная безопасность Японии в значительной степени обеспечивается тесными отношениями с Соединенными Штатами, то вопросы ее региональной безопасности находятся больше в плоскости ее собственной оборонной политики»¹⁴. Иными словами, Япония будет вынуждена четче определять свою линию по отношению к региональным аспектам политики обеспечения национальной безопасности в Северо-Восточной и Восточной Азии, действуя без оглядки на своего заокеанского партнера.

¹³ Samuels R. *Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia*. Cornell University Press, 2007. p. 151.

¹⁴ Network Power: Japan and Asia / Peter J. Katzenstein and Takashi Shiraiishi, eds. Cornell University Press, 1997. p. 280.

**О применении японской системы управления
на азиатских филиалах**

И. П. Лебедева

Среди зарубежных производственных баз японских промышленных компаний в настоящее время наиболее мощной является восточноазиатская. Здесь насчитывается порядка 9,5 тыс. японских филиалов, из них около 3,8 тыс. расположены в Китае, 2,8 тыс. – в АСЕАН и 2,9 тыс. – в НИЭ Азии. В последние годы на этот регион приходилось 40–45% общего объема продаж всех зарубежных японских филиалов и более 70% занятых (около 2200 тыс. человек)¹.

Первые японские предприятия появились в Азии еще в 1970-е годы. Стремясь преодолеть высокие ввозные пошлины, введенные странами Восточной Азии в рамках проведения политики импортзамещения, японские компании стали создавать здесь сборочные заводы (в первую очередь, автомобилестроительные и электромашиностроительные), ввозя все необходимые детали из Японии и реализуя продукцию на местных рынках. Всего за 1970-е годы японские компании инвестировали в Восточную Азию порядка 9 млрд. долл.

В 1980-е годы, особенно во второй их половине, масштабы экспорта японского капитала в Восточную Азию значительно возросли. В этот период страны региона взяли курс на поощрение экспорта, и японские компании начали активно налаживать здесь производство разнообразной промышленной продукции (в таких отраслях, как текстильная, химическая, металлургическая, судостроение, деревообработка, автомобилестроение, электромашиностроение и т. д.). Главной их целью было использование местных конкурентных преимуществ для производства продукции на экспорт (как в третьи страны, так и в саму Японию). Абсолютные размеры японских инвестиций в страны Восточной Азии за 1981–1985 гг. составили около 9,6 млрд. долл., а за 1986–1990 гг. – около 17 млрд. долл.²

В 1990-е годы и в начале 2000-х годов динамика прямых японских инвестиций в страны Восточной Азии приобрела крайне неровный,

скачкообразный характер. В первой половине десятилетия из-за тяжелого финансового положения многих компаний, вызванного глубоким кризисом японской экономики, масштабы вывоза капитала существенно сократились. Так, за 1991–1994 гг. в восточноазиатские экономики было вложено всего лишь 6,5 млрд. долл. С 1995 г. объемы прямых инвестиций в регион стали быстро нарастать, но поступательное развитие этого процесса было прервано азиатским кризисом 1997–1998 гг., поразившим все государства Восточной Азии. В результате, если за 1995–1998 гг. в Восточную Азию было вложено 36,6 млрд. долл., то в 1999–2000 гг. – всего лишь около 4 млрд. долл.

С 2001 г. началось постепенное восстановление инвестиционной активности японских фирм в Азии, в середине десятилетия перешедшее в настоящий бум. Всего за 2001–2010 гг. прямые инвестиции японских компаний в Восточной Азии составили около 190 млрд. долл., из них 127 млрд. долл., или более 2/3, были инвестированы в 2005–2010 гг.³.

Особенностью структуры прямых инвестиций японских компаний в странах Восточной Азии является гораздо более высокая, чем в других регионах мира доля обрабатывающей промышленности. Так, по данным на конец 2010 г., из общей суммы накопленных прямых японских инвестиций в Восточной Азии, составившей 212,8 млрд. долл., 138,5 млрд. долл. или 65 % было вложено в обрабатывающую промышленность⁴.

Так же как и в других регионах мира, японские компании пытаются применять на восточноазиатских филиалах свою знаменитую систему организации и управления производством, в самой Японии доказавшей высокую эффективность. Поскольку восточноазиатские страны с точки зрения особенностей культуры (в широком смысле слова) более близки к Японии, чем, например, Северная Америка или Европа⁵, интересно посмотреть, насколько успешными оказываются их усилия по внедрению этой системы на азиатских филиалах.

Прежде чем переходить к рассмотрению этого вопроса, напомним, из каких элементов состоит и на каких принципах основывается японская система организации и управления производством.

С точки зрения организации собственно процесса производства японская система характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, она ориентирована на производство малыми партиями разнообразной продукции, частую смену продуктового ряда, выпуск разнообразных продуктов на одной и той же производственной линии.

³ Рассчитано по: Japan's FDI by country/region (www.jetro.go.jp/en).

⁴ Тёкусэцу тоси (сисан) дзандака тиикибэцу гёсюбэцу (Накопленные прямые зарубежные инвестиции по регионам и отраслям) (www.boj.or.jp/en/statistics/).

⁵ О применении японской системы на американских и европейских филиалах см.: И. П. Лебедева. Японская система организации и управления производством: испытание глобализацией // Япония: экономика и общество в океане проблем (коллективная монография), М., 2012.

¹ Цусё хакусё (Белая книга о торговле) Токио, 2010, с. 176; Trends in Overseas Subsidiaries. METI. 2009, February, с. 1.

² Япония: смена модели экономического роста, М., 1990, с. 206–207; Japan's Outward FDI (www.jetro.go.jp).

Во-вторых, она нацелена на минимизацию запасов деталей и материалов, используемых в процессе производства, на управление их поставками в режиме реального времени (по принципу *камбан* или «just in time»).

В-третьих, характерной чертой этой системы является встроенность функции контроля качества в производственный процесс. В отличие от западных компаний, где контроль качества возложен на специальные подразделения и осуществляется на конечной стадии производственного процесса, на японских предприятиях он носит тотальный перманентный характер и охватывает все стадии производства – начиная с проверки качества материалов, используемых для производства деталей, и кончая контролем качества конечной продукции. При этом к контролю качества привлекаются по сути все категории работников (прежде всего, производственные рабочие).

Наконец, в-четвертых, отличительной чертой японской системы является безупречное состояние производственного аппарата. Оно обеспечивается не только за счет постоянного контроля за оборудованием со стороны специально обученных работников и широкого использования практики превентивного ремонта, но и за счет того, что сами производственные рабочие тщательно ухаживают за ним, следят за работой различных механизмов, самостоятельно устраняя мелкие неполадки.

Наряду с отмеченными выше технико-организационными особенностями производства огромную роль в обеспечении высокой конкурентоспособности японских компаний играет и применяемая ими система организации труда, также отличающаяся большой спецификой. Этой системе присущи следующие характерные черты.

1. Гибкая организация процесса труда, хрупкость (нежесткость) горизонтальных и вертикальных перегородок между различными видами работ. В отличие от западных компаний в японских фирмах обязанности, вменяемые каждому отдельному работнику, не фиксируются жестко. Производственные задания поручаются не отдельному работнику, а группе, в рамках которой и происходит распределение работы в соответствии с квалификацией работников. При этом в процессе труда содержание работы может меняться, и работники могут пробовать свои силы в разных видах работ. Гораздо менее жесткие, чем в западных компаниях, и вертикальные границы. Так, рядовой рабочий может подняться до уровня мастера участка – нижней ступени управленческой иерархии – и даже выше. А для белых воротничков существует возможность добраться до самых высоких ступеней управленческой вертикали, поскольку высшие посты в японских фирмах заполняются, как правило, «людьми компании», а не нанятыми со стороны специалистами.

2. Формирование у работников многопрофильной квалификации. Японские компании уделяют этому аспекту особое внимание, поскольку считают, что многопрофильная квалификация не только помогает преодолеть рутинность работы, свойственную многим видам физического

труда, но и способствует более полному раскрытию возможностей каждого работника, а также повышает его самооценку. Помимо гибкой организации процесса труда, овладению рядовыми работниками несколькими видами рабочих профессий способствует система ротации (т. е. периодической смены рабочего места), а также система внутрифирменного обучения.

3. Использование системы заработной платы и продвижения по службе, ориентированной на учет индивидуальных показателей. Хотя основным элементом, определяющим уровень заработной платы в японских компаниях, является длительность трудового стажа, огромное внимание уделяется и индивидуальным достижениям работника – как при определении траектории его продвижения по служебной лестнице, так и при установлении заработной платы. Но при этом в отличие от западных компаний, где в расчет принимаются лишь результаты труда, японские фирмы оценивают сам процесс труда (такие его составляющие, как технические навыки работника, профессиональные знания, способности к творчеству, лидерские качества, чувство ответственности, активность, готовность к сотрудничеству и т. д.).

4. Особый характер отношений между менеджментом и рядовыми работниками. В японских компаниях отношения между синими и белыми воротничками лишены налета конфронтационности, типичного для западных фирм. И те, и другие являются членами одного и того же профсоюза, носят одинаковую униформу (различающуюся лишь по цвету), пользуются одними и теми же столовыми и автостоянками. Разница в оплате труда между менеджерами и рядовыми работниками в японских фирмах существенно меньше, чем в западных компаниях.

5. Продолжительный характер отношений между компанией и наемными работниками. Как известно, в крупных японских компаниях на основной персонал распространяется так называемая практика пожизненного найма, предполагающая, что всю свою трудовую жизнь (с момента окончания учебного заведения и до достижения предельного возраста пребывания в фирме) работник будет трудиться в одной и той же фирме. Не вдаваясь в анализ основных элементов этой системы и базовых принципов ее функционирования⁶, отметим лишь, что только при долгосрочных формах найма персонала оказываются экономически целесообразными отмеченные выше особенности организации труда в японских компаниях и, прежде всего, их усилия по формированию у работников многопрофильной квалификации.

Очевидно, что японская система организации и управления производством представляет собой целостную структуру, все элементы которой

⁶ См.: Т. Н. Мамрусова. Изменения на рынке труда и в системе управления кадрами в фирмах Японии // Япония: смена модели экономического роста. М., 1990; ее же, Японская система управления персоналом в условиях экономической депрессии // Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998 и др. работы автора.

тесно взаимосвязаны и тщательно подогнаны друг к другу. Поэтому, как справедливо отмечает профессор Т. Кавамура, существует опасность ее повреждения и даже разрушения при тех или иных обстоятельствах, в частности, при ее переносе в другую бизнес-среду⁷.

Для изучения вопроса о возможности применения японской системы организации и управления производством на зарубежных филиалах японских компаний в конце 1980-х годов была создана специальная группа – «Japanese Multinational Enterprise Study Group», состоявшая из японских и зарубежных ученых и специалистов. Этой группой была разработана единая методика оценки степени применения японской системы на зарубежных филиалах и был проведен ряд полевых исследований в разных странах и регионах мира.

Суть методики, использовавшейся названной выше группой, состояла в следующем. Японская система организации и управления производством была расчленена на 23 базовых элемента, степень переноса которых в другую бизнес-среду оценивалась по пятибалльной системе. Если тот или иной элемент применялся на зарубежных филиалах в абсолютно таком же виде, что и на национальных предприятиях, он получал 5 баллов, означавших высшую степень его аппликативности в местных условиях. Если он был полностью заменен одним из элементов местной системы управления, то получал 1 балл, отражавший полную степень адаптации японской модели к местным условиям. Оценки от 2 до 4 баллов получали различные варианты соотношений между аппликативностью и адаптивностью японской модели⁸.

Выделенные в качестве базовых 23 элемента японской системы организации и управления производством с учетом их взаимозависимости и взаимодополняемости были объединены в шесть групп. При этом показатели аппликативности японской системы рассчитывались как по каждому элементу, так и по каждой группе, а также в целом – как среднее арифметическое групповых значений.

Примененная исследователями классификация элементов японской системы организации и управления производством выглядит следующим образом.

Группа 1. Организация труда.

1. Классификация видов работы (учитывается количество квалификационных разрядов и уровней заработной платы).

2. Формирование многопрофильной квалификации (оцениваются широта кругозора и умение работников разрешать проблемы за счет повышения квалификации в процессе ротации).

⁷ Т. Кавамура. Гуробару кэйдзай сита-но Америка никкэй кодзё (Японские заводы в Америке в условиях глобальной экономики). Токио, 2005, с. 54.

⁸ The Hybrid Factory in Europe (The Japanese management and Production System Transferred). Ed. by H. Kumoh, T. Abo. Hampshire, 2004, p. 8).

3. Система образования и обучения (оцениваются возможности организации внутрифирменного обучения в различных формах, включая и переподготовку в Японии).

4. Система заработной платы (учитывается, насколько система заработной платы стимулирует работника к приобретению многопрофильной квалификации, в какой степени принимаются во внимание стаж, квалификация и трудовые показатели).

5. Система продвижения по службе (оцениваются критерии, на основании которых принимаются решения о продвижении работника и сама система продвижения).

6. Роль мастера участка (принимаются во внимание квалификация и функции мастера участка, а также то, рекрутируется ли он из числа работников компании или нанимается со стороны).

Группа 2. Управление производством.

7. Производственное оборудование (определяется, ввезено ли установленное оборудование из Японии или приобретено на местных заводах, и если это так – то в какой степени оно соответствует японскому аналогу).

8. Ремонт и поддержание оборудования (оценивается, в какой степени в этом участвуют производственные рабочие, готовятся ли специалисты, занимающиеся ремонтно-профилактическими работами, в самой компании или нанимаются со стороны).

9. Контроль качества (оцениваются такие аспекты, как разделение труда между контролерами и производственными рабочими, уровень брака на различных стадиях производства, уровень качества конечной продукции).

10. Управление производственным оборудованием (оценивается использование технических возможностей для организации производства разнообразной продукции мелкими партиями, для перестройки работы при меняющихся объемах выпуска и т. д.).

Группа 3. Поставки деталей и материалов.

11. Доля местных поставок в общем их объеме.

12. Доля поставок из Японии или от местных японских субподрядчиков.

13. Условия поставок (оценивается продолжительность отношений между головной фирмой и ее поставщиками, а также степень применения системы «just in time»).

Группа 4. Групповое сознание.

14. Деятельность малых групп (оценивается степень участия в них работников).

15. Обмен информацией (оцениваются интенсивность обмена информацией между работниками и методы, используемые компанией для стимулирования такого обмена).

16. Чувство единства (учитываются такие моменты, как наличие общих для всех работников столовых, обеспечение персонала фирменной одеждой, использование менеджментом открытых кабинетов, проведение совместных мероприятий).

Группа 5. Трудовые отношения.

17. Процедура найма.

18. Характер занятости (оцениваются показатели текучести кадров и усилия менеджмента по удержанию работников в компании).

19. Гармоничность трудовых отношений (принимается во внимание характер вопросов, выносимых на обсуждение между менеджментом и рядовыми работниками, а также ситуация с забастовками).

20. Разрешение конфликтов (определяется, каким образом разрешаются конфликты и снимается недовольство работников – через мастера участка, профсоюз или другими способами).

Группа 6. Отношения между материнской компанией и ее зарубежным филиалом.

21. Доля японцев в общем числе занятых.

22. Степень независимости филиала (оценивается делегированный филиалу объем полномочий и степень самостоятельности его менеджмента в выборе продуктов, вопросах инвестирования и найма персонала).

23. Позиции местных управленцев (учитывается доля местных специалистов на постах президента, вице-президента, начальников отделений)⁹.

Как видно из приведенной выше классификации, большая часть элементов японской системы организации и управления производством, которые принимались во внимание исследователями (прежде всего, элементы групп 1, 4 и 5), либо прямо, либо косвенно связана с особенностями социальных отношений и социально-экономической среды, сформировавшихся в Японии в послевоенный период. И хотя с экономической точки зрения эти элементы вполне рациональны и целесообразны, понятно, что они не могут быть напрямую встроены в другую социально-экономическую среду, в другую культуру управления. Это наглядно подтверждают и приводимые ниже оценки степени внедрения этой системы на японских филиалах, расположенных в разных странах и регионах мира.

Как видно из данных табл. 1, во всех странах и регионах средний показатель степени внедрения японской системы составляет немногим более 3 баллов. Это означает, что нигде в мире японская система не была перенесена на местные филиалы в полном объеме, и что применяемая на них система управления представляет собой некую комбинацию или гибрид, немногим более чем наполовину состоящий из

японских элементов и немногим менее чем наполовину – из местных. При этом общий для всех регионов показатель, несколько превышающий трехбалльную отметку, отражает, вероятно, существование неких объективных пределов применимости японской системы в другой среде.

Таблица 1

Степень внедрения японской системы организации и управления производством на зарубежных филиалах промышленных компаний*

Группы элементов	Континентальная Европа	Центральная и Восточная Европа	Великобритания	США	НИЭ	АСЕАН	Китай
Группа 1	3,0	3,3	3,4	2,9	3,7	3,3	3,5
Группа 2	3,1	3,3	3,5	3,3	3,5	3,4	3,3
Группа 3	2,8	2,6	2,5	3,0	3,2	3,2	3,0
Группа 4	2,7	2,8	3,3	3,2	3,4	3,2	3,0
Группа 5	3,2	3,3	3,5	3,6	3,4	3,1	3,1
Группа 6	3,0	2,8	2,8	3,6	2,3	2,9	2,7
Средний Балл	3,0	3,1	3,2	3,3	3,3	3,2	3,2

* Источник: Japanese Hybrid Factories (a Comparison of Global Production Strategies). Ed. by Tetsuo Abo. Hampshire, 2007, p. 134–135, 156–157; Тютоо – но никкэй хайбриддо кодзё (Японские гибридные заводы в Центральной и Восточной Европе). Токио, 2006, с. 154.

Ниже будут рассмотрены характерные черты гибридных систем, сформировавшихся в восточноазиатских странах, а также проанализированы факторы, предопределившие их формирование.

Как известно, восточноазиатский регион с точки зрения культуры, истории, государственно-политического устройства, уровня социально-экономического развития и т. д. входящих в него стран отличается крайним разнообразием. С учетом этих различий в аналитических работах и международной статистике в составе этого региона обычно выделяют три группы стран – новые индустриальные экономики (НИЭ), страны АСЕАН и Китай. Эта же классификация была применена исследователями и при изучении вопроса о внедрении японской системы на азиатских филиалах¹⁰.

¹⁰ Группа НИЭ представлена Тайванем и Ю. Кореей, а группа АСЕАН – Таиландом, Малайзией и Сингапуром.

⁹ Ibid., p. 9–12.

Как показывают данные табл. 1, в рассматриваемом регионе наиболее высокая степень аппликативности японской системы характерна для НИЭ – 3,3 балла. При этом по некоторым основополагающим элементам группы 1 (Организация труда) и группы 2 (Управление производством) эти страны имеют самые высокие показатели не только в Восточной Азии, но и в мире.

При среднем уровне аппликативности элементов группы 1 в 3,7 балла наиболее высокими показателями отличаются 1-й элемент (Классификация видов работ) и 4-й элемент (Система заработной платы) – соответственно 4,9 балла и 3,9 балла. Поскольку таких высоких оценок и такого сочетания степени внедрения этих двух элементов нет нигде в мире, резонно предположить, что местная среда оказалась особенно благоприятной для внедрения японской системы.

Действительно, оценка 4,9 балла по Классификации видов работ означает, что в НИЭ практически полностью применяется японская система организации труда, для которой характерны подвижность горизонтальных и вертикальных перегородок между различными видами работ, отсутствие жесткого определения сфер ответственности и обязанностей, вменяемых работникам, поручение производственных заданий не отдельному работнику, а группе, в рамках которой и происходит распределение работы, частая смена видов деятельности.

Среди факторов, способствовавших столь высокой степени внедрения этого элемента, главными стали следующие. Во-первых, то, что многие японские компании пришли сюда в то время (1970-е годы), когда НИЭ лишь приступали к индустриализации и, следовательно, еще не имели собственных укоренившихся производственных систем. Во-вторых, то, что в силу культурно-исторической близости этические нормы, лежащие в основе японского менеджмента, в том числе в области трудовых отношений, оказались весьма схожими с местными нормами.

Эти же факторы обусловили и самую высокую среди стран и регионов мира степень внедрения на местных филиалах принципов японской системы заработной платы. Когда японские компании начали открывать здесь свои филиалы, они обнаружили, что местные системы заработной платы ориентируются, как и в Японии, на работника, а не на выполняемую работу, и в расчет при этом принимаются такие факторы, как образовательный уровень, старшинство и квалификация. Поэтому здесь довольно легко был внедрен японский принцип оценки индивидуальных показателей труда и способностей работника. Основная заработная плата (определяемая соответствующим разрядом) составляет порядка 70–80% от общей суммы выплат, а остальная часть зависит от индивидуальных достижений¹¹.

В НИЭ японцам удалось достичь также весьма высокой степени аппликативности 5-го элемента – Продвижение по службе (3,7 балла, что

является самым высоким показателем в мире). Это означает, что, как и в Японии, стартовые позиции определяются уровнем образования, а продвижение происходит с учетом продолжительности работы в компании и индивидуальных способностей работников. Например, для производственных рабочих установлены 4–6 разрядов, по которым они продвигаются с учетом старшинства и индивидуальных показателей, причем именно последний фактор либо ускоряет, либо замедляет карьерный рост. Отличие от Японии состоит в том, что для этой категории «потолком» является должность мастера участка, так как для более высоких управленческих должностей обязательным является наличие высшего образования.

В то же время обращает на себя внимание значительный разрыв между степенью внедрения упомянутых выше элементов – с одной стороны, и 2-го элемента – Формирование многопрофильной квалификации – с другой (2,9 балла). Главная причина этого разрыва – высокая текучесть кадров (на уровне 20–30 %), причем не только среди новичков, нанятых на места производственных рабочих, но и среди молодых инженеров и технических специалистов, занятых ремонтно-профилактическими работами. Это обстоятельство сужает возможности для внедрения и таких элементов японской системы, как участие производственных рабочих в поддержании хорошего состояния оборудования (3,5 балла), организация внутрифирменного обучения (3,4 балла), деятельность малых групп (3,4 балла).

Еще одной особенностью гибридной модели, сформировавшейся на местных филиалах, является относительно невысокий – 3,4 балла – уровень аппликативности элементов группы 5 – Трудовые отношения. Главным фактором, который «гасит» достаточно высокий потенциал аппликативности этих элементов (предопределяемый близостью этических норм) является существование в обществе осязаемых социальных барьеров, проявляющихся, в том числе и в различном уровне образования представителей разных социальных слоев. Существование этих барьеров сказывается и на атмосфере, царящей на предприятиях, вызывая в простых рабочих чувство определенного отчуждения от компании, снижая их желание участвовать в процессе управления производством (что является одной из главных целей японской системы).

Такая ситуация связана, по-видимому, и с тем, что японцев среди специалистов и управленцев, работающих на местных филиалах, крайне мало. Высокий уровень подготовки местных кадров, понимание ими особенностей японской системы управления, знание многими из них японского языка – все это позволило свести к минимуму число японских специалистов, но одновременно и ослабило их возможности напрямую влиять на характер трудовых отношений на местных филиалах.

Наконец, еще одной особенностью местной гибридной модели является весьма высокий уровень аппликативности элементов группы 2 –

¹¹ Japanese Hybrid Factories, p. 100–102.

Управление процессом производства (3,5 балла) и, прежде всего, 9-го элемента – Контроль качества (3,6 балла). Среди местных филиалов есть немало предприятий, где на выходе уровень качества продукции соответствует японским показателям. Это достигается главным образом за счет достаточно высокой культуры производства, хорошего состояния оборудования, грамотных действий технических специалистов и инженеров. Эти факторы позволили также успешно реализовать на местных филиалах японскую концепцию производства малыми партиями разнообразной продукции. В то же время говорить о встроенности функции контроля качества в производственный процесс применительно к местным филиалам не приходится, и уровень брака в процессе производства здесь заметно выше, чем в Японии. Не удалось реализовать здесь и такой важный принцип японской системы контроля качества, как постоянный обмен информацией между предыдущими и последующими звеньями производственного процесса, не говоря уже о непрерывных контактах с производителями деталей и материалов. Однако, как отмечают специалисты, недостатки в области управления процессом производства на местных филиалах видны лишь при сравнении их с японскими предприятиями, а в целом дела здесь обстоят лучше, чем в других странах и регионах¹².

Что касается стран АСЕАН, то как показывают данные табл. 1, по степени аппликативности на местных филиалах японской системы организации и управления производством они заметно уступают НИЭ. Отчасти это связано с тем, что раньше, чем японцы, сюда пришли западные компании со своими системами управления. Кроме того, Малайзия и Сингапур были английскими колониями, что также сказывается на местной управленческой среде (в частности, через систему высшего образования). Но главная причина состоит в том, что из-за относительно невысокого уровня культуры производства в этих странах японские компании с самого начала были не слишком активны в усилиях по внедрению своих принципов управления на местных филиалах. При этом это относится не только к тем филиалам, которые были созданы в 1970-е годы и производят продукцию для местных рынков, но и к тем, которые были созданы позже и ориентированы на экспорт продукции.

В группе 1 – Организация труда – высокий уровень аппликативности (4,5 балла) получил 1-й элемент – Классификация видов работы. Это означает, что в силу относительно невысокого уровня социально-экономического развития этих стран здесь не существует институциональных или формальных препятствий для применения японских подходов к организации процесса труда, а именно к использованию облегченной классификации видов работ, гибкого распределения производственных

заданий, ориентации на группу, а не на отдельного работника и т. д. Но при этом гораздо более низкую оценку, чем в НИЭ, здесь получил 4-й элемент – Система заработной платы (3,1 балла и 3,9 балла соответственно). В принципе на местных филиалах система заработной платы также подобна японской, т. е. ориентирована на работника и основана на учете таких факторов, как продолжительность работы в компании, уровень образования, возраст, индивидуальные показатели труда. Причем даже там, где в силу специфики производства заработная плата ориентирована на выполняемую работу, в рамках одного и того же разряда она дифференцируется с учетом индивидуальных показателей (через выплату годовых бонусов). Главная же причина невысокой степени аппликативности этого элемента – существенно больший, чем в Японии, разрыв в уровнях заработной платы как между синими и белыми воротничками, так и среди производственных рабочих (между разрядами), а также в рамках самой управленческой иерархии. Так, например, если в Японии уровень заработной платы управленцев среднего звена в 3–4 раза превышает уровень заработной платы производственных рабочих, то в Таиланде и Малайзии – более чем в 10 раз¹³. Эти разрывы связаны с особенностями социальной организации и социальных отношений в этих странах, характеризующихся наличием жестких барьеров между классами и стратами, влияющих в том числе и на возможности получения образования.

Практически на всех местных филиалах организованы системы внутрифирменного обучения (3,3 балла), причем здесь этому направлению уделяется гораздо большее внимание, чем в каком-либо другом регионе. Масштабы этой работы таковы, что часто для этих целей необходимо вызывать технических специалистов из Японии, которые проводят обучение в цехах на рабочем месте (обычно для этого им даже не требуются услуги переводчика). Одновременно все большее число местных специалистов и рабочих (в первую очередь те, кто занимается ремонтно-профилактическими работами и контролем качества) направляются на стажировку в Японию.

В то же время японские менеджеры сознательно ограничивают использование на местных филиалах такого важного элемента, как формирование многопрофильной квалификации. Ротация применяется в крайне ограниченных масштабах (степень ее внедрения – 2,6 балла – самая низкая среди стран и регионов), а обычной практикой является ограничение видов выполняемых работ, сужение круга трудовых обязанностей работника. Объясняется это тем, что из-за недостаточно высокой культуры производства на данном этапе главным является четкое выполнение работниками производственных заданий.

По этой же причине ремонт и поддержание хорошего состояния оборудования и контроль качества поручаются специально обученным

¹² Ibid., p. 103–105.

¹³ Ibid., p. 109.

работникам, а о привлечении к этой работе производственных рабочих речь пока не идет. Поскольку этим направлениям японский менеджмент уделяет первостепенное внимание (особенно на предприятиях, производящих продукцию на экспорт), а на местах ощущается нехватка специалистов соответствующей квалификации, обычной практикой являются кратковременные командировки на местные филиалы специалистов из Японии.

Хотя в общем числе занятых на местных филиалах доля японцев невелика, они занимают большую часть управленческих должностей, в том числе все ключевые должности (ответственных за производство, технологии, контроль качества, поставки, бухгалтерию, продажи и т. д.). Это связано как с общей нехваткой местных управленцев, обычной для здешних предприятий высокой текучестью кадров, так и с достаточно пассивным отношением местной молодежи к восприятию японской системы управления (из-за сильного влияния западной культуры, особенно на людей с высшим образованием, в силу историко-культурных различий между этими странами и Японией, языковых барьеров и т. д.)¹⁴.

Наличие жестких социальных барьеров препятствует внедрению на местных филиалах и элементов группы 5 – Трудовые отношения, в которых наиболее ярко проявляется эгалитаризм, свойственный японской системе управления трудом. Средний балл аппликативности по этой группе составляет 3,2 балла, в том числе по 19-му элементу – Гармоничность трудовых отношений – 3,3 балла, что является самым низким показателем среди стран и регионов.

Интересно отметить, что хотя гибридная система, сформировавшаяся в странах АСЕАН, далеко не во всем удовлетворяет японский менеджмент, местные филиалы достигли достаточно высокого уровня рентабельности. Главная причина этого – на порядок более дешевая, чем в Японии, рабочая сила. Поэтому в период азиатского кризиса 1997–1998 гг. японские компании приложили максимум усилий для того, чтобы сохранить здесь предприятия, причем использовали для этого свои методы. Так, например, на заводе «Тоёта» в Индонезии, введенном в строй незадолго до кризиса, даже тогда, когда пришлось остановить конвейер, не было увольнений среди основного персонала. Около половины работников оставались дома (и получали не только заработную плату, но и доплату на питание), другие занимались переподготовкой, в том числе 130 человек были направлены на обучение в Японию. В то же время работникам старше 45 лет предлагался такой вариант, как добровольное увольнение с выплатой выходных пособий, достаточных для того, чтобы они могли жить на проценты¹⁵. С большой долей уве-

ренности можно предположить, что эта сторона японского менеджмента не вызвала отторжения у местных рабочих и специалистов.

В последние 10–15 лет все более сильную конкуренцию НИЭ и странам АСЕАН в привлечении японских инвестиций составляет Китай. Число созданных в стране японских филиалов быстро увеличивается, и одновременно все более определенными становятся отличительные черты местного гибрида и характер существующих здесь проблем.

Прежде всего, следует отметить, что с такой специфической макросредой, как в Китае, японцы не сталкивались нигде в мире. Как известно, Китай переживает период экономической трансформации, а именно перехода от господства государственной собственности и планирования к рыночной экономике (или к социализму с китайской спецификой). Но поскольку политические и идеологические основы государства остаются неизменными, даже те предприятия, которые оперируют в рыночной среде (в первую очередь – принадлежащие иностранному капиталу или с определенной долей иностранного капитала), оказываются в сфере влияния законодательных норм и институтов, несущих на себе явный отпечаток прошлого.

Еще одной особенностью Китая является быстрое изменение законодательства, причем в силу достаточно большой степени самостоятельности провинций в осуществлении текущей политики каждая из них применяет законодательные нормы, исходя из местной специфики. К этому следует добавить и «особенности правоприменительной практики», под которыми имеется в виду сильное влияние партийно-бюрократического аппарата на прохождение решений по тем или иным вопросам, включая и вопросы, связанные с деятельностью иностранных предприятий на территории Китая.

В силу этих причин, а также вследствие того, что долгое время в Китае сохранялись разного рода ограничения в отношении иностранного капитала, подавляющее большинство пришедших сюда японских компаний предпочли организовать бизнес в форме совместных с китайской стороной предприятий. Очевидно, что этот факт напрямую сказался на возможностях внедрения японской системы организации и управления производством на местных филиалах.

По общей оценке аппликативности японской системы, составляющей 3,2 балла (см. табл. 1), ситуация на китайских филиалах практически не отличается от положения дел в НИЭ, странах АСЕАН или в других странах и регионах. «Китайская специфика» начинает проступать при более детальном анализе.

По степени аппликативности элементов группы 1 – Организация труда (3,5 балла) – Китай уступает лишь НИЭ (3,7 балла). При этом наиболее высокий балл получил 1-й элемент – Классификация видов работы (4,4 балла). Это означает, что в силу переходного характера экономики здесь нет институциональных или законодательных ограничений,

14 The Japanese Production System. Hybrid Factories in East Asia. Ed. by Hiroshi Itagaki. Hampshire, 1997, p. 369–371.

15 Ibid., p. 116–118.

которые препятствовали бы внедрению японских принципов облегченной классификации видов работ и гибкой организации процесса труда (новые нормы еще не выработаны, а прежние уже не действуют). Достаточно высокую оценку (3,4 балла) получил и 4-й элемент – Система заработной платы. Внедрению японских принципов организации заработной платы на местных филиалах способствовали такие факторы, как существовавшая в социалистическом Китае система уравнительной оплаты труда, отсутствие типичных для других азиатских стран жестких социальных барьеров, приводящих к значительному разрыву в уровнях заработной платы между производственными рабочими – с одной стороны, и специалистами и управленцами – с другой, а также практика материального поощрения передовиков производства.

Самый низкий балл аппликативности в группе 1 получил 2-й элемент – Формирование многопрофильной квалификации (3,0 балла), хотя эта оценка выше, чем в других азиатских странах. Более полному внедрению этого элемента на китайских филиалах препятствует, в частности, принятый в 1994 г. Закон о труде, который обязал все предприятия заключать с работниками индивидуальные контракты, содержащие в том числе и описание характера поручаемой им работы. Как и во многих других странах и регионах, на местных филиалах основным средством формирования многопрофильной квалификации является не ротация, а внутрифирменное обучение (3,5 балла), и хотя работающие здесь японские менеджеры очень активно занимаются этим направлением, высокая текучесть кадров снижает результативность их усилий.

Поскольку формирование многопрофильной квалификации и внутрифирменное обучение имеют экономический смысл только в условиях длительного найма, японский менеджмент китайских филиалов предлагает максимум усилий для удержания персонала, в первую очередь квалифицированных рабочих и инженеров. Особенно активны в этом автомобильные компании, которые распространяют на персонал своих китайских филиалов меры поощрения и стимулирования, аналогичные применяемым на японских заводах, а трудовые контракты, о которых упоминалось выше, продлевают, по сути, автоматически. Характерно, что оценки степени аппликативности ряда ключевых элементов японской системы на автомобильных заводах выше, чем в других отраслях (например, по Внутрифирменному обучению – 4,0 балла, по Системе заработной платы – 4,0 балла, по Роли мастера участка – 3,8 балла, по Формированию многопрофильной квалификации – 3,3 балла)¹⁶.

Это объясняется, по-видимому, еще и тем, что представители китайской стороны на этих предприятиях, отдавая должное высокой международной конкурентоспособности японского автомобилестроения, не препятствуют внедрению на них японской системы управления, обеспечившей эту конкурентоспособность.

Правда, что касается таких важных компонентов японской системы, как участие производственных рабочих в поддержании хорошего состояния оборудования, встроенность контроля качества в производственный процесс и деятельность малых групп, то они не слишком приживаются на местной почве даже в автомобилестроении, не говоря уже о других отраслях (хотя китайской специфики в этом нет, поскольку за исключением НИЭ такая ситуация типична и для других регионов).

Самым слабым звеном китайской гибридной модели оказалась группа 5 – Трудовые отношения (3,1 балла), что связано, по-видимому, и с тем, что на местных филиалах этот круг вопросов находится в основном в ведении китайской стороны. Этот факт затруднил также и само обследование местных филиалов, поскольку многие стороны трудовых отношений остались неясными для японских исследователей.

Проблемы этой сферы закладываются еще на стадии найма и связаны как с особенностями нанимаемого контингента, так и с условиями найма.

Китай, как известно, располагает огромными ресурсами рабочей силы молодых возрастов, поэтому с количественной точки зрения проблем с наймом на места производственных рабочих здесь не существует. Многие японские компании заключают договоры с местными школами или департаментами образования провинций, которые по их заявкам отбирают претендентов на вакантные должности в нужные сроки и в нужном количестве. При этом в самих компаниях проводятся лишь формальные экзамены, а затем работники нанимаются на испытательный срок (обычно на 1 месяц), после чего с ними заключаются трудовые контракты¹⁷.

В электромашиностроении, общем машиностроении, а также на большинстве предприятий легкой промышленности костяк производственных рабочих составляют молодые девушки, занятые на трудоемких операциях, не требующих высокой квалификации. В силу невысокой квалификации они получают крайне низкую заработную плату (на порядок ниже, чем в Японии) и по этой причине вынуждены соглашаться на сверхурочные работы, продолжительность которых доходит до 100 часов в месяц. Поскольку большинство таких работников – отходники, им предоставляется общежитие и питание, плата за которые вычитается из их скудного заработка. Тяжелые условия труда приводят к очень высокой текучести кадров, но менеджмент филиалов не слишком озабочен этой проблемой, поскольку существует отлаженная система найма новых контингентов работников.

Хотя на всех филиалах есть профсоюзы, возглавляемые членами коммунистической партии, они не слишком активны в защите прав этой категории работников, поскольку в силу ограниченного характера найма сами эти права сильно урезаны. Интересно отметить, что даже

16 Japanese Hybrid Factories, p. 132–133, 135.

17 Кёдайкасуру Тюоку кэйдай то никкэй хайбридо кодзё (Растущая китайская экономика и японские гибридные заводы). Под ред. Камияма Кунио. Т., 2005, с. 148–149.

на тех филиалах, где по инициативе японской стороны были созданы рабочие советы (для аккумуляции претензий и пожеланий со стороны рабочих), основная часть вопросов, поднимаемых на их переговорах с менеджментом, касается бытовой стороны (например, перестройки рекреаций или столовых), но не условий труда¹⁸.

Гораздо лучше обстоят дела в области трудовых отношений на автомобилестроительных заводах, где основной костяк рабочей силы составляют мужчины, обладающие достаточно высоким уровнем квалификации. Как отмечалось выше, для их удержания японский менеджмент использует систему стимулирования, близкую к японской. Поэтому показатели аппликативности элементов группы 5 здесь гораздо выше, чем на других филиалах. При средней по группе оценке 3,8 балла, 18-й элемент – Характер занятости – получил здесь 4,0 балла, а 19-й элемент – Гармоничность трудовых отношений – 4,5 балла¹⁹.

Наконец, еще одной чертой китайских филиалов является крайне незначительная доля японцев среди управленцев и специалистов. Это связано с тем, что большинство филиалов созданы в форме совместных предприятий, а также с тем, что с учетом специфики местной среды японцы предпочитают полагаться на местные кадры (тем более, что среди них есть немало тех, кто учился в Японии и владеет японским языком).

* * *

Таким образом, вопреки ожиданиям, что культурно-историческая близость Восточной Азии к Японии облегчит задачу внедрения японской системы организации и управления производством на местных филиалах, оказалось, что в целом результаты усилий японских компаний примерно соответствуют результатам, полученным ими и в других регионах мира. Хотя анализ показал, что в некоторых азиатских странах культурно-историческая близость позволила японским компаниям в использовании ряда элементов своей системы продвинуться дальше, чем в других регионах, это сказалось главным образом лишь на особенностях конфигурации азиатских гибридов. Что же касается результирующих показателей, то их соответствие показателям по другим странам и регионам наглядно подтверждает положение о том, что в силу тесной взаимосвязи между всеми элементами японской системы достижения во внедрении одних из них не слишком сказываются на общей результативности, поскольку «гасятся» недостаточной степенью внедрения других элементов.

¹⁸ Там же, с. 151–153.

¹⁹ Japanese Hybrid Factories, p. 135.

Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию (ОПР) в 1980–2000-х годах

Е. Б. Ковригин

Первые шаги Японии в качестве донора «официальной помощи развитию» (ОПР) относятся к 1950-м годам, когда она стала играть роль дополнения к послевоенным репарациям жертвам японской агрессии в Тихоокеанской войне. В 1960-х годах ее размеры непрерывно возрастали, и уже начиная с 1970-х годов, льготные («иеновые», или низкопроцентные) займы и гранты (дары) из Токио превратились в важный источник международного экономического динамизма, в первую очередь в развивающихся странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Постепенно весь мир как-то привык к мысли о том, что понятия «Япония» и «официальная помощь развитию» тесно связаны между собой, почти не разделимы. Экономическое сотрудничество (как в Японии нередко называют помощь) стало своего рода визитной карточкой страны.

В 1990-х годах, когда западные державы-доноры охватила так называемая «усталость от помощи» (aid fatigue), Япония сопротивлялась этой негативной тенденции дольше других стран. Тем не менее, разочарование в льготных трансфертах развивающемуся миру, в особенности в займах Китаю, в конце концов достигло и Японию. В 1997 г. кабинет министров принял базовое решение, согласно которому в дальнейшем программы помощи должны концентрироваться не на ежегодном количественном росте ассигнований, но на их эффективности¹. Правда, экстренная необходимость спасения стран Тихоокеанской Азии от финансовой катастрофы в ходе кризиса 1998–1999 годов временно приостановила запланированное снижение расходов, но главную тенденцию остановить было невозможно. Начиная с 2000 г., совокупные объемы японской ОПР стали сокращаться из года в год, пока Япония не откатилась в 2009 г. на малопrestижное пятое место среди мировых доноров помощи.

По официальным данным, за 56 лет со времени присоединения Японии к пулу государств-доноров в 1954 г. и по 2010 г., 189 суверенных стран и зависимых территорий в то или иное время входили в число бенефициариев японских льготных кредитов и грантов². Не будет

¹ Fifty years of Japan's ODA. Tokyo, 2005, p. 10.

² Не затронутыми ими оказались лишь Северная Корея и несколько мелких островных образований, таких как острова Туркс и Кайкос, Сент-Пьер и Микелон и т. д. (Japan's ODA White Paper 2010. Tokyo, 2011, p. 160).

преувеличением сказать, что японская ОНР принадлежит к числу важнейших феноменов современной истории.

На фоне других реципиентов поистине уникальное место в течение почти трети века занимала Китайская Народная Республика. Характерно, что вопреки собственным японским принципам планирования и оказания помощи, многомиллиардные суммы текли из демократической и неядерной Японии в страну с полярно противоположным общественно-политическим строем, более того, в страну, обладающую ядерным оружием и проводящую его испытания.

Приведём несколько наглядных цифр. В течение 30 лет (1979–2008 гг.) часто сменявшиеся японские правительства перевели в Пекин около 45 млрд. долл. (включая 40,5 млрд. в виде долгосрочных займов и 4,5 млрд. в виде грантов). Общая сумма потока льготных средств из Токио в Китай составила примерно 1/5 всей кумулятивной помощи развивающемуся миру за пятидесятилетнюю историю японской ОНР.

Если взять весь объем помощи Китаю со стороны развитых государств – членов Комитета помощи развитию (КПР при ОЭСР) за 100%, то в среднем около 60%, а порой и почти до 70% агрегатной суммы приходилось на Японию (см. табл.1); второй по важности донор – Германия обеспечивала лишь около 15, максимум 20 процентов. В среднем, более

Табл.1. Показатели двусторонней японской помощи КНР

Финансовые годы	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994
Объем японской помощи в млн. долл.	673,7	832,2	723,0	585,3	1050,8	1350,8	1479,4
Доля Японии во всей помощи ОЭСР Китаю	56,3%	55,6%	47,8%	46,7%	50,6%	60,3%	61,8%
Финансовые годы	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Объем японской помощи в млн. долл.	1380,2	861,7	576,9	1158,2	1226,0	769,2	686,1
Доля Японии во всей помощи ОЭСР Китаю	54,5%	51,6%	46,5%	66,6%	68,4%	60,3%	61,8%
Финансовые годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	
Объем японской помощи в млн. долл.	828,7	759,7	964,7	1064,3	569,4	435,6	—
Доля Японии во всей помощи ОЭСР Китаю	68,4%	61,3%	60,8%	63,8%	49,4%	49,4%	—

Источники: Japan's International Cooperation, Ministry of Foreign Affairs, Tokyo, various years; *Katada, Saori*, Old visions and new actors in foreign aid politics: Explaining changes in Japanese ODA policy to China, p. 61.

60% иностранных студентов и стажеров, обучавшихся в Японии по линии технического сотрудничества за счет ее правительства, составляла китайская молодежь.

В данной статье автор ставит своей целью проследить взаимосвязь между зигзагами двусторонних политических взаимоотношений и динамикой японской помощи Пекину. Это первая в российской научной литературе публикация по поводу такого важного инструмента японской экономической политики³. Основным материалом для анализа послужили японская пресса за последние 30 с лишним лет, исследования японских, европейских, североамериканских и австралийских ученых, ряд бесед с теоретиками и практиками японской помощи. Период, который покрывается данной статьёй (1979–2008 годы), можно разделить на три этапа: (1) энтузиазм и эйфория среди деловых кругов и населения; (2) фаза относительно стабильного инерционного развития; (3) разочарование политическими результатами оказания помощи Китаю, урезание и фактическое завершение почти всех программ. Акцент в статье сделан на узловые, знаковые моменты двусторонних отношений в русле темы исследования.

Пекин и Токио, по словам российского ученого В. Михеева, «отталкиваясь от своих экономических успехов и возможностей, параллельно и одновременно ищут возможности повышения собственной значимости в глобальной и региональной политике, стремясь иметь право влиять на формирование новой архитектуры международной безопасности и соразвития мира»⁴. Это полностью применимо к длительному экономическому сотрудничеству между двумя странами, которое было отнюдь не бесконфликтным процессом. Рассмотренные в статье коллизии на почве помощи обычно происходили вследствие разницы в ее восприятии обоими партнерами. Со стороны Японии она диктовалась разнородными факторами, о которых будет сказано ниже. Китай же прежде всего считал её заменой военных репараций: следовательно с его точки зрения, Япония, раз начав предоставлять займы и гранты Китаю, не имела права (1) их приостанавливать и (2) оказывать политическое давление на Китай⁵. По мнению автора, Япония столкнулась с большими, почти непреодолимыми трудностями в попытках приобрести влияние и улучшить свой имидж путем экономической помощи в соседней державе. С другой стороны, крупные многолетние трансферты японского правительства внесли несомненный положительный вклад в

³ Не считая ряда предыдущих статей самого автора, а также краткого обращения к данной тематике Д. В. Стрельцова в учебном пособии для студентов.

⁴ *Михеев В. В.*, Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // *Мировая экономика и международные отношения*, 2007, № 4, с. 50.

⁵ *Rozman, Gilbert*, China's changing images of Japan, 1989–2001: The struggle to balance partnership and rivalry // *International Relations of the Asia-Pacific*, 2002, №.1, с. 108.

международную стабильность в регионе – за счет политики «вовлечения» Китая.

Проблема японских военных репараций Китаю

Японская помощь ведёт своё происхождение от послевоенных репарационных платежей, которые начались в 1950-х годах и которые Япония обязана была выплачивать нациям Тихоокеанской Азии, пострадавшим от ее агрессии. Почти все эти государства тогда только что обрели независимость и почти все из них впоследствии вошли в состав Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В 1960–1970-х годах супер-фаворитом по линии экономического сотрудничества среди них оказалась Индонезия, наиболее населенное государство ЮВА, управляемое брутальным режимом Сухарто. Вместе с тем, Китай, будучи главной жертвой Тихоокеанской войны, не мог воспользоваться японскими фондами, пока не восстановятся дипломатические отношения между Токио и Пекином.

Справедливости ради надо сказать, что существовало еще одно китайское государство – Тайвань (или Республика Китай), которое вполне могло бы претендовать на возмещение Японией военного ущерба. Именно Тайвань до начала 1970-х гг. официально представлял интересы китайского народа и в ООН и в Японии. С моральной стороны, Тайвань мог бы требовать репараций со стороны Японии даже с большим основанием, чем другие территории Тихоокеанской Азии, ибо он находился под японской оккупацией намного дольше чем они, а именно половину столетия (1895–1945 гг). Мирный договор между Японией и Тайванем был подписан 28 апреля 1952 г. Однако тайваньский верховный лидер Чан Кайши в тот момент публично отказался от финансовых претензий к бывшей метрополии. По мнению американского ученого К. Пайла, это решение было, скорее всего, результатом давления со стороны США⁶. Сам Чан Кайши вспоминал в своих мемуарах, что Япония находилась в столь плачевном состоянии, что, принимая во внимание внешние «красные империалистические силы», намеревавшиеся захватить Японию, любые требования со стороны Тайваня, направленные на ослабление Японии, были бы контрпродуктивны⁷. В разгар быстро набравшей обороты холодной войны США, действительно, были меньше всего заинтересованы в ослаблении Японии, а подконтрольный им Тайвань не мог противиться американской воле, даже если ему очень хотелось получить материальную компенсацию от Японии.

В 1972 г. на переговорах о нормализации китайское коммунистическое руководство заявило о намерении возобновить отношения с Японией

«с чистого листа». Чтобы закрепить свой новый подход, Мао Цзэдун широким жестом отказался от финансовых претензий к Японии, заявив, что только военщина виновата в трагедии Китая в 1930–1940-е годы. По-видимому, на решение китайского руководства повлиял предыдущий отказ Тайваня от репараций: ему не хотелось выглядеть менее «щедрым», чем Чан Кайши. Так или иначе, на тот момент доброжелательность Мао оказалась благом для Японии, поскольку в принципе Китай мог выставить астрономический счет за массовые разрушения и за гибель более десяти миллионов китайцев от рук японских военных тем более, что тогдашний премьер-министр Какуэй Танака сам официально признал ответственность Японии за военные «грехи». Размеры китайских финансовых требований к Японии могли быть настолько велики, что серьёзно ослабили бы её экономику.

Политически решение китайского руководства «начать с чистого листа» представлялось вполне разумным: оно помогло разорвать официальные связи между Японией и «мятежной» китайской провинцией Тайвань и облегчить признание КНР Японией в качестве легитимного члена международного порядка⁸. Конечно, изоляция Тайваня в то время была важнейшим приоритетом, но в глубине души китайское общество так и не смогло примириться с решением Мао Цзэдуна отказаться от компенсации за ущерб, причиненный японскими милитаристами. Позже новый верховный лидер Дэн Сяопин открыто назвал решение своего предшественника грубой ошибкой.

Таким образом, проблема возмещения материального и людского ущерба, понесенного Китаем в 1930–1940-х годах, продолжала висеть в воздухе. При этом крупная официальная помощь развитию практически была единственной подходящей формой компенсации. Однако, до прихода к власти Дэна по идеологическим соображениям государственные займы или субсидии (не говоря уже о частных инвестициях) от капиталистических стран были официально запрещены, считаясь унижением для социалистического государства. Перемен пришлось ждать до 1978 г. когда был подписан «Китайско-японский договор о мире и дружбе» и когда великий реформатор Дэн Сяопин отказался от пресловутой политики самоизоляции. Более того, во время своего первого визита в Токио в октябре 1978 г. он практически открыто потребовал возмещения ущерба от бывшей державы-агрессора. Японское руководство, со своей стороны, тоже явно понимало необходимость существенной материальной поддержки прагматикам, которые пришли к власти в соседнем государстве.

В декабре 1979 г. премьер-министр М. Охиро в рамках так называемой «дипломатии подарков» (*омияги гайко*) предложил Китаю пакет низкопроцентных займов в размере 330 млрд. иен (около 1,4 млрд. долл.)

⁶ Pyle, Kenneth, Japan Rising: The emergence of Japanese power and purpose. New York, 2007, p. 324.

⁷ Там же.

⁸ <http://www.easttime.ru>. (17 мая 2009 г).

для выполнения очередного китайского пятилетнего плана (1979–1983 гг.)⁹. Характерно, что ни в каких официальных документах связь между несостоявшимися репарациями и начавшейся ОНР не упоминалась. Тем не менее, всеми молчаливо понималось, что эта и последующие программы являлись именно суррогатом (заменителем) репараций. Некоторые обозреватели, например, Г. Кларк из Международного университета Акиты, идут дальше и объявляют японскую помощь Китаю «дешевым способом избежать выплаты реальных репараций»¹⁰.

Особняком стоит вопрос об источниках финансирования помощи Китаю. Среди противников таковой часто звучали упрёки правительству в том, что в Китае неразумно расходуются «деньги японских налогоплательщиков». Это расхожее объяснение справедливо лишь отчасти и носит в основном популистский характер. На самом деле, основная часть ОНР ассигновывалась не из госбюджета (т. е. не из налогов), как считают многие, а из специальной Программы финансовых инвестиций и кредитов (Fiscal investment and loans program), а источником фондов для этой программы являлись почтово-сберегательные кассы, в которых аккумулируются сбережения населения¹¹. Таким образом, размер налогового бремени, которое нес японский народ ради поддержки Китая, не следует преувеличивать.

Формирование модели экономического сотрудничества с Китаем

На ранней стадии (и даже гораздо дольше) в Японии количество сторонников помощи Китаю значительно превышало число ее противников. Некоторые исследователи, например С. Катада и Д. Тринидад, утверждают, что в целом предоставление японских финансовых субсидий с самого начала определялось двумя независимыми подходами, первый из которых можно приблизительно назвать «геоэкономическим», а второй «гуманитарным»¹². В принципе соглашаясь с ними, хотелось бы добавить, что применительно к Китаю существовало даже не два, а три дискурса.

Первое. Среди широких кругов японского населения поддержка ОНР Китаю реально основывалась на гуманитарном подходе, другими словами вытекала из моральных обязательств по отношению к бывшей

жертве агрессии. Чувство вины за жестокости в Китае в 1930–1940-х годах обострялось тем, что с незапамятных времен Срединная империя была главным источником искусства, культуры и религии для японцев. Военные интервенции в страну, которая в сущности породила японскую цивилизацию, всерьёз воспринимались японскими массами как грубая несправедливость, подлежащая щедрой компенсации.

В то же время финансовое содействие Китаю никогда не было простой благотворительностью; напротив, к нему применено определение американского политолога помощи как инвестиций, причем инвестиций особой важности¹³. С экономической точки зрения, ОНР была предназначена играть роль «смазки» при продвижении и защите японских разнообразных интересов¹⁴. Огромные новые деловые возможности лежали буквально за дверью – через Восточно-Китайское море. Главной задачей японского делового сообщества стало «новое открытие» Китая. Щедрые трансферты в Китай могли стать основой для превращения его в ведущую экономическую базу за рубежом, как оно и было долгое время до конца Второй мировой войны. Помимо прямого доступа к китайским торговым и инвестиционным рынкам, японские корпорации ожидали двойной выгоды от государственной поддержки великого западного соседа. Во-первых, предполагалось, что финансовые инъекции из Токио смогут помочь модернизировать архаичную инфраструктуру Китая до уровня, приемлемого для крупномасштабных частных инвестиций японских ТНК¹⁵. Во-вторых, японские компании надеялись на получение крупных прибылей от выполнения роли подрядчиков во время возведения многочисленных инфраструктурных проектов в Китае.

Два приведенных выше подхода обычно ассоциируются соответственно с Министерством иностранных дел (гуманитарный подход во имя улучшения имиджа Японии) и Министерством экономики, торговли и промышленности (МЭТП, до начала 21-го столетия МВТП), которое поддерживало меркантилистский дискурс ОНР.

Между тем имела еще одна группа причин в пользу помощи Китаю, причин, которые можно условно назвать политико-стратегическими. С политической стороны, ожидалось (как в Японии, так и на Западе), что мощная японская поддержка реформистского Китая обеспечит превращение его в «нормального» члена глобальной экономической системы,

⁹ Hook, Glenn et. al. (eds.) Japan's international relations: Politics, economics and security. London and New York, 2005, p. 194.

¹⁰ The Japan Times, 30.05. 2005.

¹¹ Katada Saori, Old visions and new actors in foreign aid politics: Explaining changes in Japanese ODA to China in Leheny. David and Warren, Key (eds.) Japanese aid and construction of global development: Inescapable solutions, London, 2012, p. 71. Почтово-сберегательные кассы, популярные среди японского населения, по сути дела представляют собой крупнейший банк как Японии, так и всего мира.

¹² See Katada, Saori, Japan's two-track approach: The forces behind competing trends, Asian Survey, vol.42, no.2, 2002; Trinidad, Dennis, Japan's ODA at the crossroads: Disbursement patterns of Japan's development assistance to Southeast Asia, Asian Perspective, vol.31, no.2, 2007.

¹³ Naisbitt, John, Megatrends Asia: The eight Asian megatrends that are changing the world. London, 1995, p. 7.

¹⁴ Маститый американский японовед Д. Хэллманн выражается еще прямее, весьма неполиткорректно называя японскую помощь «международными взятками». См. Helmann, Donald, The United States, ODA and infrastructure development of APEC countries in Ariff, Mohamed (ed.), APEC and development cooperation. – Singapore, 1998, p. 44.

¹⁵ Стрельцов Д. В. Официальная помощь развитию – важнейший фактор внешней политики Японии // Внешняя политика Японии: история и современность, 2008, с. 260.

который проводил бы мирную и предсказуемую внешнюю политику. В этой связи, японские политики понимали, что в не столь отдаленном будущем Китай превратится в основного конкурента в Тихоокеанской Азии, вследствие чего поддержание сбалансированных, гладких отношений с ним становилось важнейшим приоритетом. В литературе за этим дискурсом закрепился термин «ингейджмент» (примерно соответствует русскому слову «вовлечение» и преподлагает задабривание партнеров во избежание неприятных «сюрпризов»).

Таким образом, в конце 1970-х и начале 1980-х годов вместе переплелись три группы мотивов для предоставления помощи Китаю – гуманитарные, геоэкономические и политико-стратегические. Япония выбрала Китайскую Народную Республику в качестве нового фаворита – в дополнение к странам-членам АСЕАН. Строго говоря, на заре переходного периода Китаю невозможно было опереться на какую-либо другую державу. США не могли быть донором ОНР по юридическим причинам, поскольку оказание помощи коммунистическим странам было издавна запрещено специальным актом Конгресса¹⁶.

Разумеется, исключено было финансово-техническое содействие со стороны враждебного тогда Советского Союза. Поэтому Япония вряд ли ожидала существенной международной конкуренции за будущие дивиденды от ее «особых отношений» с Китаем.

Следует отметить, что превращение Китая в крупнейшего реципиента льготных фондов из Токио, было болезненно воспринято нациями АСЕАН, которые опасались, что Китай может проглотить существенный «кусочек пирога» от японской помощи, на который они могли рассчитывать. Премьер-министр Охира, стремясь избежать трений с государствами ЮВА, счел необходимым лишний раз подчеркнуть важность существующих отношений с АСЕАН¹⁷. В частности, он пообещал, что объем помощи, направляемой на нужды Китая, никогда не превысит суммы, отпускаемые ведущему реципиенту из стран АСЕАН, другими словами, Индонезии. Однако, вскоре Охира ушел из жизни, и его обещания тихо забыли. В течение двух лет КНР отодвинула Индонезию на второе место и на десятилетия стала бенефициарием номер один, потребляя ежегодно более 10 % льготных правительственных фондов, текущих из Токио.

На старте японо-китайского сближения бизнес-сообщество Японии было очень увлечено инвестиционными возможностями в соседней державе. На фоне радикальных экономических реформ Дэн Сяопина японские фирмы подписали десятки контрактов с китайскими органами. Китайская сторона тоже возлагала большие надежды на эти инвестици-

онные сделки. В Пекине очень рассчитывали на то, что приток частного капитала из технологически продвинутой Японии сыграет ведущую роль в модернизации китайской экономики, долгое время варившейся в собственном соку. Однако, когда дело дошло до стадии реализации проектов, оказалось, что Китай явно не подготовлен для крупномасштабных инвестиций по ряду причин – из-за той же устарелой инфраструктуры, укоренившейся коррупции, бюрократической волокиты и просто из-за разницы в менталитетах. При этом само китайское правительство, как пишет Р. Дрифте, осознало, что на данном этапе «перестаралось» с заключением инвестиционных контрактов, будучи не в состоянии их переварить¹⁸. Ввиду нагромождения этих факторов один за другим начали расторгаться заключенные ранее сделки, включая контракт на возведение гигантского Баошаньского сталеплавильного комбината в районе Шанхая.

Таким образом, частные японские фирмы на данный период объективно оказались не в состоянии привнести в экономику соседней державы капиталы и технологии, на которые прежде всего рассчитывал Китай. Ожидаемые японскими компаниями прибыли, а также перспективы японского присутствия в Китае оказались под угрозой. Для того, чтобы обеспечить это присутствие, японское правительство фактически вынуждено было взять на себя роль поставщика необходимых КНР ресурсов (которые затем по большей части перетекали в прибыли японских компаний-подрядчиков). Основной формой содействия Китаю стали японские иеновые займы, многократно превосходящие и финансовые гранты и техническое сотрудничество, вместе взятые.

Япония в целом – в отличие от западных государств-доноров – традиционно считала «мягкие» займы более адекватной формой помощи, чем прямые финансовые гранты. Такой подход основывался на ее собственном послевоенном опыте, на том, что именно займы от США и международных финансовых организаций помогли Японии восстановить свою экономику от послевоенной разрухи. Как отмечал шведский исследователь Б. Эрдстрём, «Япония предпочитает предоставлять займы, а не гранты, поскольку займы обеспечивают дисциплину страны-реципиента; такой формат был хорош для Японии, поэтому предполагается, что это должно быть хорошо и для других стран»¹⁹. С японской точки зрения, как, например, писал А. Нисигаки, который возглавлял Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами в 1990-х годах, необходимость возвращать кредиты повышает чувство ответственности со стороны государств-реципиентов и побуждает их более

¹⁶ The U.S. Foreign Assistance Act (1961 г.)

¹⁷ *Iokibe, Makoto* (ed.), *The diplomatic history of postwar Japan*. London and New York, 2009, p. 132.

¹⁸ *Drifte, Reinhard*, The ending of Japan's ODA loan programs to China – all is well that ends well? – *Asia-Pacific Review*, 2006, т.13, №.1, с. 96.

¹⁹ *Edström, Bert*, Japan's ODA still going strong, Policy Brief, 23.05.2012, № 95, с. 2.

эффективно и рачительно использовать внешние фонды, отбирая наиболее приоритетные проекты²⁰.

Не секрет, что из-за рубежа такая философия воспринималась скорее как апология займов в ущерб грантам, благодаря чему Япония с 1970-х годов приобрела репутацию «страны-спекулянта на помощи» (*profiteer on aid*). Однако, в китайском случае, по-видимому, дело не в «алчности» Японии. Модель сотрудничества была согласована с самим китайским руководством, и займы впоследствии исправно им погашались. По всей видимости, это было связано с желанием Пекина придать двусторонним отношениям более равноправный имидж – имидж кредитора и ответственного должника; Китай не настаивал на грантах, которые больше бы напоминали «милостыню». Абсолютное преобладание займов (которые предстояло возвращать) в японской помощи Китаю, на взгляд автора, не позволяет уподоблять ее военным репарациям; в крайнем случае, её возможно назвать квази-репарациями, а вернее суррогатом репараций.

В течение первого десятилетия львиная доля иеновых займов официально направлялась на обеспечение «устойчивого развития», другими словами, на возведение экономической и индустриальной инфраструктуры, в основном в сфере транспорта и коммуникаций. Без решающего участия японского правительства в десятках инфраструктурных проектов Китай просто не превратился бы в ведущего партнера Японии по линии долгосрочных инвестиций и внешней торговли. Дополнительным фактором в пользу участия в проектах в КНР являлась возможность изучать местную деловую среду, деловую культуру (вплоть до теневых связей на местах); говоря иными словами, ОПР мыслилась и как инструмент легальной разведки.

Упомянутое выше «гуманитарное» измерение в японской помощи Китаю проявилось многим позже, чем меркантилистские мотивы. Лишь к началу 1990-х годов диапазон японских программ в Китае расширился за счет направлений, связанных с насущными потребностями населения Китая, такими как доступ к чистой воде, улучшение санитарных условий, другие объекты социальной инфраструктуры. В 1990-х годах началось сотрудничество в области защиты окружающей среды, в котором Япония могла применить свой богатый накопленный опыт.

Аналитики часто отмечают уникальный характер японо-китайских отношений по линии помощи. В частности, Китай стал единственным из развивающихся государств, получающим займы и субсидии (гранты) на основе пятилетних планов помощи, а не на основе обычных соглашений, рассчитанных на год. Более того, эти планы коррелировались с

собственными китайскими пятилетними планами развития народного хозяйства. Другими словами, парадоксальным образом Япония, страна рыночной экономики, строила свои отношения с Китаем в соответствии с социалистическими принципами планирования. В общей сложности, целых четыре пятилетних плана помощи были реализованы с 1979 г. до конца 20 столетия, каждый из которых был намного больше по размерам предыдущего. Как уже говорилось, первый пакет, согласованный М. Охира, охватывал 1979–1983 гг. и составлял около 1,4 млрд. долл. Вторая программа (подготовленная правительством Я. Накасонэ) была рассчитана на 1984–1989 гг. с объемом 2,1 млрд. Третий пакет (на 1990–1995 гг.) предусматривал выплату займов и грантов на сумму 5,4 млрд. долл. Наконец, четвертый, последний пакет (1996–2000 гг.) был разбит на две части (3 и 2 года соответственно), причем только по первому трехлетнему периоду выплаты должны были достигнуть 5,8 млрд. долл.

Важность этих программ подчеркивалась тем фактом, что они персонально представлялись премьер-министрами Японии руководителям Китая, минуя обычный бюрократический уровень протокола²¹. Примечательно, что формат пятилетних планов крайне затруднял какие-либо санкции Японии по линии помощи (например, ее приостановку) в случае нарушения Китаем условий Хартии помощи, а также мешал международной координации с западными донорами.

Несколько слов о стратегическом измерении японо-китайских отношений в аспекте ОПР. В конце 1970-х годов, в разгар возобновившейся «холодной войны» между СССР и США, американская дипломатия скоординировалась на стратегическом сотрудничестве с Китаем для того, чтобы противостоять советской военной мощи в Восточной Азии. Япония, будучи верным союзником Америки, пошла другим путем для «ингэйджмента» Китая, став ведущим донором экономической помощи и ассигнуя на эти цели много больше, чем все страны-члены Комитета помощи развитию, вместе взятые. Предполагалось, что, будучи крупным должником Японии (играющей роль «представителя» западных индустриальных стран), КНР будет проводить более предсказуемую и миролюбивую внешнюю политику.

С западной точки зрения превращение Японии в почти монопольного донора помощи Китаю имело как положительные, так и отрицательные стороны. С позитивной стороны, оно играло на руку США и их союзникам, поскольку помогало в разгар холодной войны и американо-китайского сближения переложить финансовое бремя на Японию. В то же время частные западные корпорации имели основания опасаться, что реализация инфраструктурных и других проектов на китайской

²⁰ Nishigaki, Akira, A new phase in Japanese economic cooperation, Asia-Pacific Review, 2000, т. 7, №1, с. 59.

²¹ Soderberg, Marie (ed.), Chinese-Japanese relations in the 21st century. London and New York., 2002, p. 120.

территории японскими подрядчиками может лишить их (американские и европейские компании) ощутимых потенциальных прибылей. Осознавая эти опасения, премьер-министр Охира в своих «Трёх принципах» (1979 г.) особо оговаривал, что помощь КНР будет оказываться в кооперации с США и другими развитыми странами, чтобы избежать подозрений в стремлении к монополизации китайских рынков. (Правда, координация с Западом впоследствии была затруднена особым, «пятилетним» форматом японского сотрудничества с КНР).

Китай как «своенравный» реципиент японской помощи

Экономически японская ОПР Китаю была необходимой предпосылкой стимулирования экспорта и долгосрочных инвестиций с японского архипелага, и судя по исключительно быстрому росту хозяйственных связей в 1980–2000-х годов эти издержки себя вполне оправдали. Всего через десять лет с начала реализации программ сотрудничества уже слышны были китайские обвинения (не без пропагандистского налёта) в адрес Японии в том, что она посредством ОПР смогла достигнуть таких экономических преимуществ в Китае, каких не могла приобрести посредством военной интервенции в 1930–1940-х годах²².

Однако, применительно к двусторонним политическим отношениям результаты оказались более противоречивыми, при этом Китай в большинстве случаев одерживал верх и переигрывал своего донора – Японию. С точки зрения китайского руководства внешней помощи, особенно со стороны Японии, отводилась роль вспомогательного, хотя и важного инструмента строительства социализма (с китайской спецификой), поэтому она не должна была навязывать иностранные ценности и интересы китайскому населению²³. Руководство Китая дало ясно понять, что в своей стране не допустит какого-либо контроля со стороны внешних сил. Как одну из важных мер оно установило правило, согласно которому доля иностранной помощи в издержках любого проекта не должна была достигать 50 процентов. Это означало, что все инфраструктурные и прочие проекты по большому счету будут контролироваться китайской стороной, а японский вклад не будет выглядеть заметным. Как писала исследовательница Марие Сёдерберг, «ни один проект не считается японским, хотя они участвуют во множестве проектов»²⁴.

Вряд ли японские кабинеты шли бы на уступки Китаю, если бы не считали их важным политическим условием для японской долгосрочной экономической безопасности. Тем не менее, со стороны их реакция оценивалась именно как уступки. Так, уже вскоре после инициации

первого пакета сотрудничества, в 1982 г. вспыхнул скандал по поводу предвзятого, неадекватного (с точки зрения Китая) изложения японо-китайской войны в японских школьных учебниках. Пекинские власти открыто обвинили Японию в возрождении милитаризма, что, конечно, было, в лучшем случае, натяжкой. Для того, чтобы потушить разгоревшиеся страсти, премьер Дз. Судзуки был вынужден срочно посетить китайскую столицу, где пообещал изменить содержание учебников, а также ... выделить новую финансовую помощь для развития китайской инфраструктуры²⁵.

Трагические события на площади Тяньаньмынь в 1989 г. (жестокое подавление демократически настроенных студентов в Пекине) стали следующим пробным камнем для японо-китайского экономического сотрудничества. Конечно, как союзник стран Запада, Япония обязана была проявить солидарность с ними и не могла вообще уклониться от санкций против режима в Пекине. Однако, эти санкции оказались кратковременными, ибо Япония явно не была заинтересована в прекращении субсидирования КНР. Сохранение внешне дружественных отношений и модернизация инфраструктуры Китая до уровня, приемлемого для японских инвестирующих компаний, оставались более высокими приоритетами для Японии, чем «порицание» Китаю. (Десятилетием позже – в 1999 г. – японское правительство схожим образом закрыло глаза на жестокое преследование китайскими властями спортивно-духовного движения Фалуныгун).

Как отмечал исследователь из США Г. Розман, по мысли японского правительства, подавленное в 1989 г. про-демократическое движение в Китае не имело достаточной политической базы и поэтому его можно было проигнорировать при формулировании курса по отношению к Китаю²⁶. На саммите «большой семерки» в Хьюстоне, администрация Дж. Буша (старшего) отказалась от предыдущих возражений против японской поддержки Китая, приняв во внимание «особые отношения» между двумя дальневосточными нациями. В результате японские санкции длились недолго, и займы в рамках третьего пакета помощи были возобновлены уже в июле 1990 г.²⁷ Японское руководство явно ожидало какой-то благодарности со стороны Китая за прорыв международной изоляции, но просчиталось. Подконтрольные государству китайские СМИ по-прежнему замалчивали японский вклад в дело развития страны или подчеркивали его эгоистичный характер.

Впрочем, «тяньаньмыньский инцидент» (1989 г.) помог формированию институциональной базы японской ОПР. Дело в том, что до начала

²² Hook, p. 194.

²³ Rozman, Gilbert, Northeast Asian stunted regionalism: Bilateral distrust in the shadow of globalization, 2004, p. 82.

²⁴ Yahuda, Michael, The international politics of the Asia-Pacific London and New York: Routledge, 2011, p. 324.

²² Tong, Xianguo. Japan's ODA and the Peoples' Republic of China: Strategic aid? presented at the international conference on Japan's ODA to East Asian nations, Bangkok, 21–22 March, 1991, p. 3.

²³ Katada, 2012, p. 57.

²⁴ Soderberg, p. 119.

1990-х годов Япония не имела какого-либо базового документа для определения политико-экономических критериев «за» и «против» оказания помощи той или иной стране. Между тем, в японском обществе нарастали требования, чтобы правительство реагировало доступными методами на нарушения прав человека за рубежом. События на главной площади Пекина (а также американская «война в заливе» против Саддама Хусейна, который получал японские средства) подтолкнули Японию в 1992 г. к принятию так называемой «Хартии ОНР». Хартия, в частности, предписывала отсрочку или замораживание займов и грантов в странах, правительства которых допускают массовые нарушения прав человека. Правда, Хартия в дальнейшем не слишком строго соблюдалась японскими кабинетами министров, но по крайней мере она могла служить ориентиром при планировании ОНР (в 2003 г. она подверглась ревизии в сторону большей защиты собственно японских интересов при сотрудничестве с развивающимися странами).

Таким образом, Япония быстро свернула антикитайские санкции, введенные после событий в Пекине в июне 1989 г. Замечено, что у японской общественности гораздо большую нервность, чем нарушение прав человека за границей, вызывает наращивание вооружений в странах-реципиентах, тем более ядерные испытания. КНР в 1995 г. дважды провела ядерные испытания на озере Лобнор (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Не прореагировать на такие экстраординарные события Япония не могла. Хотя у премьер-министра Хасимото Рютаро имела репутация прокитайски настроенного политика, его кабинет для того, чтобы как-то выразить свою озабоченность, вынужден был приостановить выплату грантов (не займов!) Китаю на сумму 92 млн. долл. На фоне гигантских объемов экономических связей размеры замороженной безвозмездной помощи были микроскопическими, и такая санкция выглядела как символическая мера. Но даже и этот «булавочный укол» всерьез рассердил китайское руководство. На встрече с рядом японских политиков председатель КНР Цзян Цзэминь произнес такие слова: «люди с полным желудком никогда не поймут людей с пустым желудком»²⁸. Если Япония заморозила бы «святая святы» двусторонних связей – иеновые займы, китайская реакция была бы несомненно намного более острой. (Характерно, что когда тремя годами позже Индия и Пакистан провели испытания ядерного оружия, японский ответ был много жестче – и гранты и займы были заморожены на много лет вперед).

Высшее руководство Японии (Хасимото и предшествующий ему премьер-социалист Мураяма Томиити) аргументировало свою слабую реакцию на китайские ядерные испытания тем, что замораживание

займов, главного компонента ОНР, «оставило бы глубокие шрамы» на двусторонних отношениях и помешало бы переходу Китая к рыночной экономике²⁹. Глава МИД Коно Ёхэй добавил к этому, что скрупулёзное следование Хартии ОНР лишило бы его правительство дипломатической гибкости³⁰. Китайские ядерные взрывы в следующем 1996 г. вообще не повлекли за собой каких-либо санкций (поскольку КНР пообещала воздерживаться от них в дальнейшем).

Помимо внешнеполитических соображений, несоразмерно мягкая реакция японских властей на ядерные испытания на Лобноре, по всей вероятности, отражала также экономические интересы. Как отмечает Лим Хуа Синг, японские фирмы мечтали участвовать в строительстве гидроэлектростанции «Три ущелья» на реке Янцзы, дамба которой обещала стать самой высокой в мире, а общая стоимость оценивалась в 60 млрд. иен. Однако, японские строительные компании могли надеяться на успех в тендере лишь в том случае, если японское правительство выделило бы займы Китаю на оплату их услуг. Несмотря на критику со стороны различных организаций в самой Японии, её правительство дало полное «добро» индустриальным компаниям на действия, связанные с ГЭС «Три ущелья»³¹.

Угасание и конец программ ОНР Пекину

В 1998 и 1999 годах в соответствии с предыдущими соглашениями (первая часть 4-го пакета помощи) китайскому правительству из Токио были перечислены очень крупные суммы, а именно 1 158 млн. и 1 226 млн. долл. Со стороны казалось, что помощь Пекину в принципе не может быть сокращена, будучи «священным ресурсом» японской дипломатии. Но уже в середине 1990-х годов британский исследователь Р. Дрифте проницательно предсказал грядущий спад эйфории по поводу Китая в Японии³². В самом деле, среди японского населения ощущалось беспокойство, связанное с китайскими программами военной модернизации, при которых ежегодный рост расходов на оборону выражался двузначными цифрами процентов. Ширилось мнение о том, что рост китайских военных расходов косвенно финансировался за счет средств, поступающих из Токио. Дополнительным фактором раздражения среди японцев стало приписываемое Китаю вмешательство во внутренние дела Японии. Среди нового поколения японцев также росло непонимание того, почему оно, не имеющее никакого отношения к японскому насилию в Китае во время войны, должно за него расплачиваться.

²⁹ *Nihon Keizai Shinbun*, 11.06.1996 г.

³⁰ *Drifte, Reinhard*, Japan's foreign policy in the 1990s:// From economic superpower to what power? Basingstoke, 1996, p. 125.

³¹ *Lim Hua Sing*, p. 222.

³² *Drifte* (1996), p. 112.

²⁸ *Lim Hua Sing*, Japan's role in Asia: Mutual development or ruthless competition? Singapore, 2003, p. 220.

В особенности японское общественное мнение было недовольно жесткими, недружественными заявлениями Председателя Цзян Цзэминя в ходе его официального визита в Японию в 1998 г. Цзян настойчиво требовал от Японии новых формальных извинений за военное прошлое и в то же время не произнес ни одного доброго слова относительно двух предыдущих десятилетий японской помощи. Его бескомпромиссные формулировки убеждали японцев в том, что Китай не ценит помощь из Токио и принимает ее как нечто должное³³. Китайский пример наглядно показал Японии, что в долгосрочной перспективе не следует быть уверенным в дружелюбии и благодарности со стороны наций-реципиентов.

В мае 2000 г. глава МИД Коно Ёхэй в первый раз предупредил своего китайского коллегу, что Япония может начать урезание программ *субсидирования* соседней державы. Вероятно, пекинские власти не смогли адекватно воспринять растущее раздражение в Японии. Как будто испытывая ее терпение, вскоре они позволили своим «исследовательским» судам несколько раз нарушить японскую эксклюзивную экономическую зону. Японские СМИ сочли китайские действия провокационными и еще более активно начали призывать правительство заканчивать с ежегодной и бесполезной перекачкой японских средств на инфраструктурные проекты на китайской территории. (Авторитетный журнал «Тюо корон» в качестве негативного примера сравнил новый с иглолочки Пекинский аэропорт, построенный в основном на японские деньги, с меньшим по размеру и переполненным токийским аэропортом Нарита). Нарушения морских границ Японии китайскими кораблями привели к временному замораживанию целевого займа Китаю (на сумму 17,2 млрд. иен), предназначенного для модернизации железнодорожной сети вокруг Пекина и аэропорта в Сиане. Таковы были обстоятельства накануне официального визита премьер-министра Китая Чжу Жунцзи в Токио в октябре 2000 г.

В ходе этой поездки Чжу в несвойственной для китайских политиков манере высоко оценивал содействие со стороны Японии, открыто назвав его «важной помощью в развитии китайской экономики и строительстве китайского государства»³⁴. Международным обозревателям цель такого мягкого подхода была ясна: предотвратить ожидаемое сокращение льготных займов и грантов из Японии. Между тем, по стечению обстоятельств в 2000 г. китайский Пекин и японская Осака стали конкурентами при голосовании в МОК о выборе места проведения летней Олимпиады-2008; как известно, большинством голосов был выбран Пекин. Решающим аргументом при голосовании послужила более современная инфраструктура китайской столицы (новые или модерни-

зированные аэропорт, метрополитен, энергогенерирующие мощности, больницы и т. д.). Между тем, значительная часть этих сооружений была проспонсирована за счет японских займов. Тот факт, что Япония сама себе «подставила ножку», несомненно подлил масла в огонь недовольства Китаем в японском общественном мнении.

В конечном итоге Китаю все же удалось получить займы (около 17 млрд. иен) для транспортной инфраструктуры Пекина и Сианя. Однако, это было не главным. Основная цель поездки китайского премьера была более амбициозной: он пытался добиться от Японии многомиллиардных (в долларах) фондов для финансирования нового грандиозного проекта – освоения отсталых западных (внутренних) провинций Китая. Международная печать отмечала, что за этим проектом таились не только благие цели. Его реализация могла привести к насильственному переселению этнических меньшинств с мест, в которых они жили с незапамятных времен или к их ассимиляции с ханьским большинством. Исходя из этих соображений, Всемирный банк отклонил заявку Китая на финансовую поддержку, после чего ему пришлось обратиться к своему главному донору.

В ожидании вождельных займов традиционно критическая оценка японской ОПР в Китае быстро (и искусственно) сменилась так называемой «дипломатией благодарностей». Невзирая на эту вербальную переоценку, японский премьер Мори Ёсиро без излишней дипломатии обратился к китайскому коллеге со словами: информируйте свой народ об огромном вкладе Японии в социально-экономическое развитие КНР, иначе я не смогу убедить свой народ, что стоит продолжать японскую помощь Китаю. Китайский гость вынужденно признал, что пекинское руководство в самом деле не сумело должным образом информировать соотечественников о реальных размерах японской помощи и пообещал предпринять усилия для исправления ошибок³⁵.

Для Японии прямо отвергнуть китайскую просьбу о содействии развитию бедных глубинных районов страны было бы нелегким выбором. Предыдущие обещания Японии фокусировались именно на помощи отсталым районам стран-реципиентов; китайская просьба была именно таким случаем. Правительство сформировало две группы экспертов для решения проблемы, первую в рамках Министерства иностранных дел, а вторую – из влиятельных членов правящей тогда ЛДП.

В результате работы этих двух команд Китай был лишен привилегии получать ОПР из Токио на основе 5-летних планов, т. е. уравниен со всеми другими развивающимися странами-реципиентами. Таким образом, японо-китайские отношения потеряли характер «особых» связей. В конце 2000 г. Кабинет министров также постановил, что отныне все будущие проекты, связанные с Китаем, будут одобряться только в тех

³³ Asahi Evening News, 25.10. 2000.

³⁴ Yahuda, p. 326.

³⁵ Асахи симбун, 09. 09.2000.

случаях, если они будут отвечать собственно японским приоритетам; программы, «неинтересные» для Японии, не будут поддерживаться на японские средства³⁶. Помимо этого, Япония потребовала, чтобы ее материальный вклад в инфраструктуру и социальные проекты перестал быть «анонимным» и был бы видимым для китайского населения. Очевидно, что на этом маятник японского фаворитизма явно качнулся в сторону от КНР.

Китайские руководители, привыкшие воспринимать льготные потоки из Токио как должное, сочли новую японскую парадигму неприемлемой. Они дали понять, что не намереваются терять контроль над займами из-за рубежа. Сложилась курьёзная ситуация: китайские органы начали отбирать из списка «интересных» для Японии предложений только те, которые отвечали китайским целям и интересам. Вследствие такой «двойной селекции» диапазон возможных инфраструктурных и прочих совместных проектов, естественно, сильно сузился, а это, в свою очередь, негативно сказалось на общем объеме помощи.

Между тем, примерно с середины 1990-х годов, среди японских элит начался важный процесс переосмысливания философии помощи развивающемуся миру. Трата денег на бесчисленные инфраструктурные проекты (*hakomono shien*) в Китае и в других странах стала по нарастающей вызывать критику в парламенте, СМИ и среди японских избирателей. Эту критику становилось всё труднее игнорировать. С другой стороны, японский кабинет нуждался в новой и впечатляющей международной инициативе для того, чтобы как-то поддержать блекнущий имидж Японии в мире. Уже в 1995 г. премьер-социалист Мураяма озвучил термин «человеческая безопасность» (*“human security”*) в качестве одной из целей японской ОНР и внешней политики в целом. В 1999 г. этот термин был многократно использован в «Голубой книге» внешнеполитического ведомства, а в 2003 г. «политика во имя безопасности человека» была официально закреплена в новой редакции «Хартии ОНР»³⁷. Это новшество продемонстрировало частичный отход от девелопментализма как основы японской экономической помощи.

Концепция «безопасности человека» в своей зрелой и целостной форме объединила концепции «свободы от нужды» и «свободы от страха». Если под «свободой от нужды» подразумевалось использование иностранной помощи для борьбы с нищетой, то «свобода от страха» включала в себя целый комплекс жгучих проблем, таких как разрушение окружающей среды, демографические проблемы, инфекционные болезни (в первую очередь СПИД), наркотрафик, организованная преступность, проблема беженцев, униженное положение женщины,

ликвидация наземных мин и т. д.³⁸ Предполагалось, что в развивающемся мире значительная часть японской помощи, адресуемая на эти цели, будет передаваться непосредственно через местные низовые («grassroots») организации. По формулировке А. Тринидада, «Заявители из низовых организаций получают фонды прямо от Японии, минуя посредничество своих центральных правительств. Заявители подают соответствующие формы в посольство Японии, и фонды передаются непосредственно им»³⁹.

Китайская «специфика» состояла в том, что руководство страны (за исключением, может быть, вопросов экологии) явно не было заинтересовано в допуске иностранцев, включая японцев, к решению внутренних социальных проблем. Еще менее оно было готово разрешать прямые связи между местными общинами и иностранными посольствами. КНР все еще ставила во главу угла инфраструктурные проекты и препятствовала японской помощи в сфере «безопасности человека», в особенности на низовом уровне. Такой подход входил в противоречие с новым японским мейнстримом.

Вскоре после переговоров Чжу и Мори в Токио один из влиятельнейших лидеров правящей в Японии партии Камэй Сидзука выступил с сенсационным предложением резко сократить объёмы японской помощи вообще и Китаю в особенности. Камэй объяснил свою позицию тем, что текущее спонсирование КНР противоречит изначальным целям японского экономического сотрудничества⁴⁰. Вероятно, его инициатива, помимо прочего, отражала раздражение японского бизнеса сокращающимися возможностями участвовать в китайских проектах в качестве подрядчиков. Последующие конфликты (новый спор вокруг японских учебников истории, приглашение бывшего тайваньского президента Ли Тэнхуя в Японию), а также взаимное введение импортных ограничений еще более подогрели недовольство японской общественности помощью КНР.

В январе 2002 г. новый кабинет министров под руководством Коидзуми Дзюнъитиро, не связанный теперь пятилетними соглашениями, объявил о решении снизить объем помощи Китаю на 25%. В списке ведущих реципиентов фондов из Токио КНР отошла на 3-е место (чего ранее никогда не бывало) вслед за Индонезией и Вьетнамом⁴¹. На этом этапе большинство японских граждан, по итогам опросов, потеряло былое доброжелательство по отношению к Китаю и было готово поддерживать только проекты, связанные с экологией и гуманитарной помощью. Опасные перспективы деградации окружающей среды в соседней державе

³⁶ Soderberg, p.125.

³⁷ Kurusu, Kaoru. Japan as an active agent for global norms; The political dynamism behind the acceptance and promotion of human security // Asia-Pacific Review, том.18, №2, 2011, p. 118–122.

³⁸ Там же, p. 119.

³⁹ Trinidad, p. 119.

⁴⁰ Asahi Shinbun, 15.11.2000.

⁴¹ The Japan Times, 19.01.2002.

стимулировали Министерство экономики, торговли и промышленности принять так называемый «план зеленой помощи». Собственно говоря, эта инициатива лишь усилила тенденцию к экологическому уклону в японской ОПР, которая зародилась еще в 1990-е годы⁴². Уже в рамках 4-го пакета помощи (1996–2000 годы, разбит на две части) целых 16 процентов объема займов было предназначено на цели консервации окружающей среды, включая превращение трёх городов – Далянь, Чунцин и Гуйян – в «образцовые экологические города». С точки зрения национальных японских приоритетов, фокус на экологическое сотрудничество с Китаем является обоснованной и разумной политикой, особенно учитывая «желтые» кислотные дожди, идущие в сторону Японии из материкового Китая.

В течение некоторого времени китайские власти продолжали цепляться за японские льготные займы. Однако, с японских позиций с каждым годом ситуация выглядела все более абсурдной. Экономически Китай был достаточно богат, чтобы позволить себе дорогостоящие Олимпийские Игры 2008 г. и освоение космоса. С политической точки зрения было все труднее состыковать острую китайскую критику премьера Коидзуми за ритуальное посещение им храма Ясукуни (где покоятся души военных преступников) с требованиями Пекина продолжать экономическое сотрудничество. (За все годы пребывания у власти Коидзуми ни разу не был приглашен в Китай).

Осенью 2004 г. внешнеполитическое ведомство Японии сообщило о планах окончательного прекращения помощи Китаю (хотя и без точных сроков). Во избежание потери лица министр иностранных дел Китая, в свою очередь, опередил события и на саммите АСЕАН в Вьентiane дал знать, что его страна сможет обойтись без японской помощи и будет полагаться на собственные финансовые ресурсы⁴³. В марте 2005 г. китайский премьер-министр Вэнь Цзябао обратился к своему японскому коллеге с призывом «хорошо закончить то, что хорошо началось», другими словами, призвал завершить многолетнее экономическое сотрудничество безболезненно, не создавая атмосферу скандала⁴⁴.

Япония, как видно, отнеслась к китайской просьбе с пониманием. В 2005 фин. году КНР получила последнюю крупную «инъекцию» (1 064 млн. долл.), после чего поток помощи резко пошел на убыль. К 2008 г. на повестке дня остались только гранты, связанные с экологией и энергосбережением. Кабинеты Демократической партии, пришедшей к власти в 2009 г., не стали реанимировать крупномасштабное сотрудничество с Китаем. Например, в 2010 г. через Банк международного сотрудниче-

ства было переведено только 56 млн. долл., т. е. мизерная сумма на фоне предыдущих миллиардных трансфертов. Более того, министр иностранных дел Маэхара Сэйдзи распорядился сократить даже эти незначительные платежи (хотя Япония продолжает выполнять свои обязательства в рамках существующих проектов)⁴⁵. Таким образом, тридцатилетняя история китайско-японского экономического сотрудничества завершилась.

Уточним причины весьма резкого обрыва правительством Японии государственного сотрудничества с Китаем в нынешнем веке. Если говорить о гуманитарном измерении, то уровень жизни в Китае не выше, чем, например, в Таиланде, которому японское правительство продолжает исправно выделять льготные займы и даже дары. Японское руководство не смогло внятно объяснить, почему оно перестало считать Китай развивающейся страной. Дело, очевидно, в другом.

В недавней работе японо-американского исследователя С. Катада говорится о том, что и два другие существующие толкования окончания ОПР Китаю – «реалистическое» и «неомеркантилистское» – могут быть справедливы только отчасти. Под «реалистическим» дискурсом имеется в виду осознание опасной конкуренции за место под солнцем со стороны Китая и даже его угрозы для экономической безопасности Японии. Мнение о том, что Япония, которая раньше своей помощью наращивала мощь своего опасного конкурента, а прекратив её, ослабит его продвижение вперед, согласно Катада, не отличается убедительностью. В сколь-либо длительной перспективе разрыв экономического сотрудничества между двумя странами не может помешать росту влияния самодостаточного Китая, а Японию приведет к утере хоть каких-то возможностей корректировать политическое поведение партнера.

Другое, «неомеркантилистское» объяснение разрыва японо-китайских связей по линии помощи, заключающееся в том, что она утратила свою привлекательность для японского частного капитала, выглядит тоже лишь частично правильным. Японские фирмы, инвестирующие в китайскую экономику, через помощь своего правительства Китаю могли бы и в дальнейшем получить дополнительные прибыли как подрядчики, если бы ОПР Китаю продолжалась.

Катада приходит к выводу о том, что наиболее важным фактором описанного развития событий послужила «смена модальностей» при планировании. Под этим термином он подразумевает, что при разработке политики применительно к Китаю (примерно с середины 1990-х годов и далее) правительству Японии приходилось по нарастающей учитывать мнение своего гражданского общества, которое всё более негативно относилось к финансовой поддержке Китая⁴⁶. Можно спорить о том, какой фактор из трех оказался более решающим, но оче-

⁴² См. *Hirono, Ryokichi*, Japan environmental cooperation with China during the last two decades // *Asia-Pacific Review*, т. 14, № 2, ноябрь 2007.

⁴³ *The Japan Times*, 29.11. 2004.

⁴⁴ *Drifte* (2006), p.110.

⁴⁵ *The Epoch Times*, 03.03.2011.

⁴⁶ *Katada*, 2012, p. 55.

видно, что они сложились вместе и привели к окончанию программ помощи Китаю в 2008 г. Сотрудничество могло закончиться годом раньше или годом позже, но, по-видимому, 2008 год был выбран Японией не случайно. За 44 года (в 1964 г.) до этого в Токио состоялись Олимпийские игры, и как раз к этому времени помощь Японии со стороны Запада была прекращена. По японской логике, проведение Олимпиады-2008 в Пекине знаменовало выход Китая из статуса реципиентов льготных займов⁴⁷.

Результаты японо-китайского экономического сотрудничества

Извлекла ли Япония ощутимую пользу от потраченных в Китае за тридцать лет 45 млрд. долл.? С экономической точки зрения – несомненно. Будучи незначительным торговым контрагентом в 1980-х годах, Китай по стоимости товарооборота к 2010 г. стал гораздо более важным торговым партнером (и как экспортер и как импортер товаров и услуг), чем Соединенные Штаты. Но, как отмечает британский исследователь М. Яхуда, «растущая экономическая взаимозависимость обеих стран не привела к соответственному улучшению отношений в иных сферах»⁴⁸.

С политических позиций, если целью была «покупка влияния» в Китае⁴⁹, ответ на вопрос о том, окупилась ли помощь, будет в основном отрицательным. На протяжении десятилетий Пекин предпочитал не поддерживать японские международные инициативы. Так, в Китае воспротивились японскому предложению создать «Азиатский валютный фонд» по следам Азиатского кризиса 1998–1999 годов. Стремясь не допустить роста морального влияния Японии, китайское руководство систематически бойкотировало японские претензии на место постоянного члена Совета безопасности ООН. В 2002 г., пятью годами раньше Японии (и за ее спиной) КНР заключила соглашение о свободной торговле с АСЕАН как с группировкой стран. Этим шагом Китай позиционировал себя в качестве прямого и опасного конкурента Японии в Юго-Восточной Азии, которая десятилетиями была наиболее опекаемым ею регионом. Перечень акций со стороны Китая, которые в Японии расценивались как недружелюбные, можно было бы продолжить. Япония получила урок в том смысле, что щедрые трансферты отнюдь не гарантируют дружеских или просто здоровых отношений со странами-реципиентами помощи.

Не менее важно и то, что финансовые потоки из Токио в Пекин не помогли Японии завоевать признательность или уважение также и на низовом уровне, среди китайского народа. Опросы общественного

мнения (как и личные беседы автора статьи с китайцами) неизменно показывали, что простые граждане КНР относятся, например, к Соединенным Штатам гораздо благосклоннее, чем к Японии, хотя Китай никогда не получал помощи от США. «Несправедливость» такого рода, естественно, вызывала чувство разочарования среди политиков и населения Японии.

Неспособность сделать ОПР козырной картой в отношениях с Китаем, конечно, частично объясняется ее восприятием на местах как заместителя военных репараций, как обязанности со стороны Японии. Япония не сумела заработать политический капитал на своей помощи также из-за отсутствия информации о ней в китайских СМИ, вследствие сокрытия ими этого явления как такового от собственного населения. Бывший японский посол в Пекине вспоминал, что не только китайский народ, но и сами лидеры страны не имели ни малейшего представления о том, в каких сферах расходовались фонды из Японии, поскольку таковые автоматически включались в бюджет и распределялись простыми чиновниками на рабочем уровне⁵⁰. Надо сказать, что замалчивание иностранного содействия относилось не только к Японии. В 2011 г., когда вслед за Японией правительства других развитых стран объявили о фактическом прекращении финансирования Китайской Народной Республики, в китайской прессе началась критика по этому поводу, которая, однако, была мало понятна китайскому населению, поскольку большинство ранее никогда и не слышало про иностранный вклад в развитие своей страны. Блоггеры в китайском Интернете спрашивали, почему про помощь начали упоминать только тогда, когда она прекратилась⁵¹.

Итак, комбинация таких факторов, как (1) жесткий контроль над поступлениями из Японии со стороны китайских бюрократов, (2) восприятие помощи как возмещение ущерба, нанесенного во время войны, (3) подавление информации об ОПР китайской пропагандой помешала японским субсидиям стать орудием политического влияния. Распространена точка зрения, что с уходом из Китая в качестве поставщика помощи Япония потеряла единственный канал влияния на эту страну. Возможно, это и справедливо, но в реальности Япония и ранее извлекала из нее немного политической пользы.

Тем не менее, в международном раскладе японская ОПР оказалась благоприятным фактором. Заслуживает внимания мнение профессора М. Иокибэ, который сравнил поведение Японии по отношению к Китаю с политическим поведением США на Ближнем и Среднем Востоке. Японский ученый пишет, что американское игнорирование реальных нужд народов региона, упор на военную составляющую помощи привели к полосе неудач, начиная от исламской революции в Иране (1979 г.),

⁴⁷ Drifte, 2006, p. 111.

⁴⁸ Yahuda, p. 328.

⁴⁹ См. Arase, David, *Buying power: The political economy of Japan's foreign aid*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1995.

⁵⁰ Asahi Evening News, 08.02.1999.

⁵¹ The Epoch Times, 03.03., 2011.

к трагедии 11 сентября 2001 г. и далее. Он утверждает, что в отличие от американского курса, японская дальновидная политика «вовлечения» (engagement) Китая средствами финансовой и технической помощи оказалась ключевым преимуществом для всего региона Восточной Азии и предотвратила возникновение крупных конфликтов в этой части земного шара⁵². В любом случае, позитивный вклад Японии в поддержание регионального мира и стабильности (при параллельном преследовании собственных интересов) нельзя недооценивать. Объективно Япония проделала важную международную работу.

На смену Китаю на роль главного получателя помощи из Токио пришла Индия, сопоставимая с КНР по численности населения, но гораздо более бедная по доходам на душу населения. В последние годы туда перекачивается по полмиллиарда и более долларов в год. Для этого имеются и экономические, и гуманитарные, и политические основания. В частности, известный теоретик и практик японской ОПР М. Араки, да и другие исследователи, рассматривают Индию как противовес китайской мощи. В будущем может случиться всякое, и помощь Индии, крупнейшей демократической стране мира, вполне вписывается в концепцию всеобъемлющей национальной безопасности Японии⁵³.

Важная глава в японо-китайских отношениях ушла в прошлое и стала историей. Жизнь ставит новые задачи и варианты их решений как перед Японией, так и перед Китаем. На повестку дня выдвинулось заключение соглашения о свободной торговле в каком-либо виде, будь то двусторонний пакт, соглашение в рамках треугольника Япония–Южная Корея–Китай или план Транстихокеанского партнерства (ТТП) – задача, вероятно более сложная, чем проблемы, которые возникали при реализации программ ОПР Китаю.

Вместо заключения

Много лет назад, в 1950–1960-х годах, Япония оказалась в своеобразной ситуации, когда она была одновременно и реципиентом и донором иностранной помощи. В XXI веке Китайская Народная Республика повторила японский опыт. Всё еще цепляясь за льготные трансферты от Японии и стран западного блока, она сама быстро трансформировалась в крупного донора ОПР. Нарастивая финансовое и техническое сотрудничество с развивающимся миром, Китай позиционировал себя как реальный конкурент Японии в смысле своей «мягкой силы» («soft power»). В 2008 г. на саммите «большой восьмерки» на Хоккайдо Председатель Ху Цзиньтао поведал другим мировым лидерам, что его страна оказывает экономическую поддержку в форме грантов, технического

содействия, бесплатных или низкопроцентных кредитов 160 развивающимся нациям, помогая им достичь выполнения «Целей развития тысячелетия»⁵⁴. В таком случае выходит, что количество стран-реципиентов китайской помощи близко к числу стран и территорий, которые были бенефициариями японской помощи на её пике (возможно, даже превосходит их). В плане объема помощи Китай, правда, пока еще заметно отстает от Японии. По Китаю нет достоверных статистических данных, но, например, по оценкам Центра глобального развития (Вашингтон), ежегодный объем помощи из Китая развивающимся странам колеблется в районе 2–3 млрд. долл. в год с потенциалом роста в недалеком будущем⁵⁵.

Так же, как было на ранней стадии японской помощи развивающемуся миру, китайские субсидии прокладывают КНР путь к прямым инвестициям, прежде всего, к инвестициям в добычу природных ресурсов. Однако, у Китая в этом смысле имеются существенная специфика и преимущества. Японским кабинетам обычно приходилось так или иначе координировать свои действия в сфере помощи с США и другими ведущими донорами, в особенности, когда дело касалось отношений с одиозными режимами. Они старались (хотя и не всегда успешно) не уронить свою репутацию поддержкой режимов, имеющих авторитарную сущность.

В отличие от Японии, правительству Китая нет необходимости оглядываться на международное общественное мнение или координировать свои действия с другими донорами хотя бы потому, что КНР не является членом ОЭСР. По понятным причинам нет также необходимости оглядываться и на собственные законодательные органы. Китай готов сотрудничать с любыми режимами, если это обеспечивает доступ к природным ресурсам. Авторитарным лидерам, в особенности в Африке, очень импонирует «нейтральная» позиция Китая, который, как писал белорусский исследователь С. Витковский, не занимается распространением своей идеологии, не морализирует о правах человека и не делит политические группы или движения за рубежом на «плохие» (тоталитарные) и «хорошие» (демократические)⁵⁶.

У Китая есть еще одна козырная карта при отношениях с развивающимся миром. Имеется в виду готовность направлять за рубеж не только финансовые, но также и людские ресурсы, причем, помимо специалистов, значительное количество строительных и других рабочих. Конечно, Япония также уделяла и уделяет серьезное внимание «техническому сотрудничеству», но отправляет в развивающийся мир, как пра-

⁵² Iokibe, Makoto, ODA as a foreign policy tool // Japan Review of International Affairs, т. 2, 2003.

⁵³ Araki, Mitsuya, The Japan ODA model that began life in Southeast Asia // Asia-Pacific Review, 2007, vol. 14, No. 2, p. 24.

⁵⁴ www.chinaembassy.ru (09.07.2008).

⁵⁵ www.cgdev.org/content/publications/detail/13953

⁵⁶ Витковский С. М. Японо-китайское соперничество в странах «третьего мира» на современном этапе, – Журнал международного права и международных отношений, 2008, № 4, с. 1.

вило, только специалистов. На этом фоне многочисленные китайские рабочие, техники и инженеры, работая бок о бок с местными трудящимися и будучи в постоянном контакте с ними, способствуют успеху «мягкой силы» Китая.

Благодаря своей политически нейтральной позиции и массовому присутствию китайских тружеников на местах, Китай быстро приобретает контроль над зарубежными природными ресурсами. Японии становится всё труднее конкурировать с КНР в этой сфере, особенно на Африканском континенте. Например, в 2009 г. китайский премьер-министр Вэнь Цзябао пообещал африканским государствам колоссальную сумму в 10 млрд. долл. в виде беспроцентных или льготных займов в течение трех лет. В российской прессе даже появилось слово «Афроки-тай»⁵⁷. Помимо Африки, в наиболее бедных (по доходам на душу населения) государствах Юго-Восточной и Восточной Азии Китай также предстает мощным конкурентом Японии, когда речь идет о строительстве инфраструктуры или обучении местной рабочей силы различным специальностям.

Весьма вероятно, что на фоне упомянутых выше китайских преимуществ любые японские санкции против авторитарных режимов или «стран-изгоев» будут иметь результатом лишь ослабление дипломатических позиций Японии. Более того, проблема экспансии Китая «через помощь развитию» затрагивает не только Японию, но и других доноров из числа стран-членов ОЭСР. Как отмечала «Джапан таймс», им придется либо снизить планку моральных требований к странам-реципиентам, либо смириться с растущим «вовлечением» развивающихся наций Китайской Народной Республикой⁵⁸.

Влияние конфуцианских ценностей на японскую деловую этику

П. В. Кульнева

Отличительной особенностью культуры Японии является способность к заимствованию и преобразованию элементов внешней культуры. Проникшие в страну из соседних государств восточной Азии, в первую очередь из Китая, письменность, буддизм, чайная церемония, живопись подвергались определенной трансформации, накладываясь на уже сформировавшиеся исконно японские традиции¹. То же самое можно сказать и о конфуцианстве.

И зарубежные (напр., Р. Бенедикт), и отечественные (Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян и др.) исследователи сходятся во мнении, что заимствования не вытесняли существующие традиции, а лишь поднимали их на новый, более высокий уровень. Так, в японском бизнесе можно заметить сильное влияние конфуцианских ценностей, которые, удачно интегрировавшись в деловую культуру страны, сделали ее уникальной и достаточно жизнеспособной системой. Существуют даже теории, согласно которым страны Восточной Азии обязаны своими экономическими достижениями именно конфуцианству².

Современная японская система предпринимательства начала формироваться после реставрации Мэйдзи, а многие явления, характеризующие эту систему в наши дни, окончательно сложились после Второй мировой войны³. Оказавшее заметное влияние на эту систему учение Конфуция проникло в страну около полутора тысяч лет назад и за период своего развития в японской среде, безусловно, претерпевало определенные изменения.

Обратимся сначала к основополагающим ценностям конфуцианства. Как известно, начало конфуцианской системе этико-политических учений было положено древнекитайским мыслителем Конфуцием (Кун-Цзы) еще в VI в. до н. э. Идеи учителя получили развитие в трудах его многочисленных учеников и последователей не только в Китае, но и в других

¹ См. Герасимова М. П. Механизм заимствований в японской культуре // Япония. Ежегодник, 2010.

² См., например, Hofstede & Bond (1988). The Confucious Connection: from Cultural Roots to Economic Growth. *Organizational Dynamics*, 16(4): 4-21; Wang Jinguo, et.al (2000). The Role of Confucian Values in East Asian Development: Before and After the Financial Crisis. *Journal of International and Area Studies*, vol. 7, No. 1: 115-135.

³ Матрусова Т. Н. Формирование современной системы управления персоналом в Японии // Япония: опыт модернизации. М., 2011, с. 167.

⁵⁷ См. «Коммерсант-Власть», 16.11.2009, № 45.

⁵⁸ The Japan Times, 25.12.2008.

странах Азии и за пределами этого региона. В трактате «Суждения и беседы» («Луньей»), составленном учениками Конфуция, подняты «вечные» философские вопросы, интересовавшие не только великого учителя, но и многих других философов-классиков. Уникальность философской системы Конфуция в ее направленности на создание гармоничного общества и государства, где каждый индивид знает свое место и ведет себя сообразно этическим нормам и традициям.

Одной из господствующих ценностей конфуцианского учения является иерархия, которая пронизывает общество сверху донизу. Конфуций считал гармоничным то общество, где «государь является государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном»⁴. Эти отношения в конфуцианстве четко определены и иерархически упорядочены. Люди должны проявлять друг к другу подобающее уважение и преданность: дети должны уважать родителей (*сяо*), младшие братья уважать старших (*ди*), подданные уважать своего правителя. Государство представляется как гармоничная, большая семья, где младшие проявляют преданность и уважение к старшим в ответ на их отеческую заботу. Император, являющийся «сыном неба» (*тяньцзы*), выполняет роль отца для всех своих подданных.

Своеобразным средством упорядочения общественных отношений в конфуцианстве является соблюдение ритуалов и этикета *ли*. Конфуций говорил: «На то, что не соответствует ритуалу, нельзя смотреть; то, что не соответствует ритуалу, нельзя слушать; то, что не соответствует ритуалу, нельзя говорить; то, что не соответствует ритуалу, нельзя делать». *Ли* – достаточно широкое понятие, которое включает в себя нормы поведения, основанные на почитании и уважении старших по возрасту и положению: почитание родителей, преданность императору и т. п. В то же время, Конфуций упоминал о *ли* в связи с процессом обучения, чайной церемонией, обрядом оплакивания усопших, государственным управлением. Таким образом, *ли* – это и образцы подобного поведения, и церемонии, уходящие корнями в далекое прошлое.

Изначально конфуцианство выражало преимущественно интересы родовой знати – высших слоев общества, на которые и распространялось большинство категорий учения. Только к этим слоям общества могли принадлежать «благородные мужи», или *цзюньцзы* – идеальные люди, способные в полной мере постичь конфуцианские добродетели (*жэнь*, *вэнь*, *хэ*, *дэ* и другие), в противоположность так называемым «маленьким людям» – *сяожэнь*. Добродетели эти они могли постигнуть лишь в том случае, если строго следовали *ли* и постоянно прилагали усилия к самосовершенствованию.

Одна из основополагающих конфуцианских добродетелей – *жэнь*: «человеколюбие», «человечность», «гуманность». Это понятие настолько

емко, что его сложно передать несколькими словами. Сам Конфуций упоминал о *жэнь* в целом ряде ситуаций, давая этой добродетели различные определения. По сути, без *жэнь*, к которому человек стремится на протяжении всей своей жизни, он не может ни любить, ни ненавидеть, ни проявлять верность, ни добиться уважения и любви к себе со стороны окружающих, ни освободиться от страхов, ни проявить выносливость и твердость⁵. Очевидно, что эта добродетель воплощает в себе высшую форму взаимоотношений людей в семье и обществе.

Добродетель *вэнь*, согласно Конфуцию, является отражением воспитания, образования и культуры человека, которые учитель не отделял друг от друга. Таким образом, *вэнь* можно трактовать как духовные и моральные качества *цзюньцзы*, результат его культурного развития и самосовершенствования.

Добродетель *хэ* переводят как «согласие», «гармония» или «единение через разномыслие». К *хэ* должны стремиться не только представители народа, но и те, кто управляет государством. *Хэ* подразумевает самостоятельность мышления, исходя из признания за другими права на собственное мнение. Конфуций говорил: «Благородные живут в согласии (*хэ*) [с другими людьми], но не следуют за ними, низкие – следуют [за другими людьми], но не живут с ними в согласии»⁶.

Моральная категория *дэ* упоминается не только в конфуцианских трактатах, но и в трудах других древнекитайских философов. Конфуцианское понятие *дэ* перекликается с категорией, описанной в даосском трактате «Дао дэ цзин», и в обобщенной форме представляет собой «добродетель» или «мораль», дарованную свыше самим *дао* – безличностной силой, волей вселенной, которой должен соответствовать порядок всего сущего. В конфуцианском учении понятия *дао* и *дэ* приводятся в качестве мерила деяний человека. Если «благородный муж» будет следовать *дао*-пути, то в нем будет приумножаться добродетель *дэ*, которая обеспечит гармонию в обществе⁷.

В конфуцианских книгах упоминаются и другие важные морально-этические категории, свойственные истинному *цзюньцзы*: *чжун* (верность и преданность), *и* (долг), *чжэнь* (верность и искренность), *лен* (верность жены мужу), *чи* (стыд), *чжи* (разум, мудрость), *синь* (искренность, благонадежность). Таким образом, конфуцианское учение призывает людей к постоянной внутренней работе и всестороннему самосовершенствованию, и это считается залогом создания по-настоящему гармоничного общества.

С тех пор, как в 136 г. до н. э. (эпоха Хань) конфуцианство было провозглашено официальной доктриной китайского государства, на про-

4 Древнекитайская философия в двух томах. Сост. Ян Хин-шун. М., 1994, т. 1, с. 160.

⁵ Гране М., Китайская мысль. М., 2004, с. 326.

⁶ Древнекитайская философия в двух томах. Сост. Ян Хин-шун. М., 1994, т. 1, с. 164.

⁷ См. Религия: Энциклопедия. Сост. и общ. ред. А. А. Грицанов, Г. В. Синило. Минск, 2007 («конфуцианство»).

тяжении более двух тысяч лет своего существования оно видоизменялось, пополнялось новыми концепциями, временами даже сильно искажалось или полностью отвергалось. Как и любая другая философская система, конфуцианство находилось в зависимости от социальных и политических условий того или иного исторического периода.

Большой вклад в развитие идей Конфуция на начальном этапе внесли последователи учителя Мэн-цзы, Сюнь-цзы и Дун Чжуншу. В средние века неоконфуцианец Чжу Си (1130–1200) привнес в конфуцианское учение ряд новых, революционных идей, за которые чжузианство даже некоторое время подвергалось запрету. Тем не менее, в XIV в. неоконфуцианство получило официальное признание и просуществовало в качестве ведущей конфуцианской доктрины до начала XX в.⁸ В конечном итоге Чжу Си внес огромный вклад в распространение конфуцианских идей, обобщив и опубликовав основные сочинения китайских философов. Четверокнижие под редакцией Чжу Си читали и до сих пор продолжают читать приверженцы конфуцианских традиций по всему миру.

В конце XIX и в XX в., когда в Китае происходил сложный процесс идеологического поиска, конфуцианство подверглось серьезному испытанию. После Синьхайской революции (1911 г.) оно полностью потеряло свое господствующее положение и начало возрождаться в континентальном Китае только после реформ Дэн Сяопина. В тот период, когда континентальный Китай отвернулся от конфуцианства, учение Конфуция бережно хранилось на Тайване, в Японии, Корее, Сингапуре и в других странах конфуцианского ареала.

Несмотря на сложный и длительный процесс эволюции, можно сказать, что основные положения конфуцианского учения, выдвинутые самим Конфуцием, сохраняли свою актуальность веками и тысячелетиями. Приверженцы и последователи конфуцианства лишь обобщали и расширяли его основные концепции, хотя и привнося в них что-то свое, но все же, не разрушая основного фундамента, заложенного учителем. Сам учитель в «Суждениях и беседах» говорит: «Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю ее», тем самым подтверждая, что его учение является отражением традиционных ценностей китайского общества. Можно говорить о конфуцианском образе мышления, который проходит сквозь тысячелетия существования китайской цивилизации⁹.

Впервые японцы познакомились с конфуцианской моралью в V–VI вв. н. э. В этот период в Японию из корейского государства Кudara вместе

с буддийскими статуями были ввезены конфуцианские книги¹⁰. Однако в древнеяпонских источниках «Кодзики» и «Нихонги» указана более ранняя дата: 285 г. н. э., когда предположительно в Японию прибыл из Кореи ученый-конфуцианец Ван И. Считается, что он преподнес японскому императору «Луньюю» вместе с книгой о китайских иероглифах. Последняя дата вряд ли достоверна, но точно известно, что конфуцианство попало в Японию в глубокой древности, около полутора тысяч лет назад, и путь его пролегал через Корею.

Как уже упоминалось, способность к заимствованию и преобразованию элементов внешней культуры является одной из отличительных особенностей культуры Японии. Надо отметить, что именно благодаря этой способности конфуцианское учение так хорошо вписалось в японскую среду, несмотря на прочные позиции в ней синтоизма и буддизма.

Принц Сётоку Тайси (574–622), являвшийся регентом при японской императрице Суйко в период распространения конфуцианства в Японии, ввел понятие о том, что синтоизм – ствол, буддизм – ветви, а конфуцианство – листья на этих ветвях¹¹. Это означало, что учения должны были не исключать, а дополнять друг друга. На практике, уже во введенной принцем Сётоку в начале VII в. системе 12 рангов и в его «Конституции из 17 статей» сочетались элементы нескольких учений: буддизма, конфуцианства и даосизма¹². В этом консенсусе ярко проявилась та самая способность японской культуры соединять в себе, казалось бы, несоединимые вещи; вбирать в себя наиболее ценные достижения других наций и создавать на их основе нечто уникальное. Так произошло и с конфуцианством. Его дальнейшее развитие в Японии происходило в условиях сосуществования различных идеологических концепций.

Хотя конфуцианское учение проникло в Японию еще в VI в., массовость оно обрело только в средние века, когда были переведены на японский язык и получили распространение работы китайских философов. Расцветом конфуцианства в Японии можно считать эпоху Токугава (1603–1867). В этот период в жизни японского общества ярко прослеживались такие основополагающие ценности конфуцианского учения, как иерархия и церемониальность; господствовали конфуцианские моральные принципы. Были ли эти ценности и моральные принципы исконно свойственны японскому обществу или же были привнесены в жизнь японского народа конфуцианством, они определенно соответствовали конфуцианским канонам. Скорее всего, конфуцианское учение прижилось в Японии именно потому, что в обществе были определенные предпосылки для того, чтобы принять его.

⁸ См. *Ткачева Т. О.* Конфуцианство в странах Восточной Азии: исторический выбор и социальная практика: вторая половина XX в. – начало XXI в. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2009, с. 44–49.

⁹ Древнекитайская философия в двух томах. Цит. соч., с. 153.

¹⁰ *Иэнага Сабуро.* История японской культуры. М., 1972, с. 32–33.

¹¹ *Таити Сакая.* Что такое Япония? М., 1992, с. 139.

¹² См. *Иофан Н. А.* Культура древней Японии. М., 1974, с. 90–92.

В период Токугава общество было четко стратифицировано¹³. Главными принципами этой стратификации были уважение младших к старшим и неизменность социальных статусов и ролей: переход из одного сословия в другое считался немыслимым и практически невозможным. Иерархичность и упорядоченность общества определяли принадлежность каждого японца к определенным группам – не только к своему сословию, но и к семейному клану, а также к группам, связанным с его профессиональной деятельностью. Таким образом, для японского общества была характерна высокая степень коллективизма. При этом преданность и уважение следовало проявлять не только к вышестоящим по статусу, но и к своему коллективу.

Жизнь токугавского общества была упорядочена многочисленными церемониями. Практически любое действие следовало производить с соблюдением специальных правил и предписаний. Это относилось и к общению между людьми в соответствии с социальной иерархией, и к приему пищи, и к чайной церемонии, и даже к таким мелочам, как использование веера¹⁴. Эти церемонии и ритуалы, называемые по-японски *рэй*, восходили своими корнями к конфуцианским ритуалам *ли*. Однако в Японии они были возведены в некий абсолют, распространившись на все сферы общественной жизни.

Господствующими ценностями периода Токугава были социальная гармония, скромность, трудолюбие, экономность и бережливость, грамотность и образованность. Безделье, лень, роскошь и излишества осуждались. Все это также вполне соответствовало конфуцианским канонам.

После реставрации Мэйдзи (1868 г.) конфуцианские традиции стали важным средством стабилизации общественно-политической ситуации в стране. В формировании новой японской государственности политические деятели Японии опирались на конфуцианские ценности: постоянно подчеркивалась важность церемониального поведения для обеспечения общественного порядка; правительство стремилось к иерархическому распределению обязанностей между людьми и государством во всех сферах общественной жизни, в том числе, в политической, религиозной, экономической¹⁵. Но теперь конфуцианские традиции предстали в несколько иной интерпретации. Конфуцианское понятие «семьи» было расширено до уровня государства, а добродетели почтения (*ко:*) и преданности (*тю:*)* были возведены до уровня преклонения перед императором. Одна из задач реставрации Мэйдзи и заключалась

в том, чтобы восстановить позиции императора, вернуть его на вершину японской иерархической системы. В этом контексте концепции *сяо* и *чжун* как нельзя лучше отражали то положение, которое занял император в японском обществе после реставрации. Именно в такой новой, модернизированной форме конфуцианские ценности укоренились в общественном сознании японцев в эпоху Мэйдзи.

Конфуцианские ценности возвращались в японцах уже с детского возраста. В 1880 г. в японских школах был введен предмет под названием *сюсин* («воспитание личности»), существующий и ныне под названием *дотоку* («моральное воспитание»). Его программа была разработана на основе конфуцианской этики, с акцентом на воспитании таких моральных качеств личности, как скромность, трудолюбие, доброта к ближнему, отзывчивость, сострадание, целеустремленность и самосовершенствование. Кроме того, предмет *сюсин* с раннего возраста прививал ребенку соответствующие привычки, направляя его жизнь в русло церемониальности.

Вообще, церемониальность в период после реставрации Мэйдзи распространялась практически на все сферы общественной жизни. Как отмечает А. Н. Мещеряков, в этот период существовала масса предписаний одобряющего поведения, и практически любое действие выполнялось по заданным правилам. Следование этим правилам считалось естественным и желательным; поведение, отклонявшееся от правил, считалось неприличным¹⁶.

Несмотря на массовое распространение в Японии западной, в первую очередь американской культуры после Второй мировой войны, конфуцианское наследие до сих пор сохраняет прочные позиции в этой стране. За полторы тысячи лет существования в японской среде конфуцианские ценности настолько органично вписались в общественное устройство, что их можно обнаружить в самых различных сферах современной общественной жизни, вплоть до деловой культуры. Можно сказать, что уже на самом раннем этапе своего развития японское предпринимательство формировалось на основе конфуцианских традиций.

В первой половине XIX в. политическая роль сёгуна заметно ослабла. На фоне потери могущества сёгунов все большее влияние приобретали ремесленники и торговцы. При ликвидации прежней сословной системы во время реставрации Мэйдзи сёгунам, даймё и самураям была выдана достаточно солидная компенсация. Многие из них, используя эти средства, начали заниматься коммерческой деятельностью¹⁷. Помимо этого, на закате японского феодализма были распространены взаимовыгодные

13 См. Леценко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 2010, с. 87–92.

14 Мещеряков А. Н. Статья японцем. М., 2012, с. 272–273.

15 Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. Санкт-Петербург, 2007, с. 115–136.

* Ко: – аналог китайского сяо; тю: – аналог китайского чжун.

16 Мещеряков А. Н. Цит.: соч., с. 272–275.

17 Ян Чжункуй. Жуцзя вэньхуа-чжун чутань (Начальное исследование ареала распространения конфуцианства). Тайвань, 1994 (на кит. яз.), с. 317.

«союзы» обедневших самураев и торговцев, когда торговцы покупали самурайский статус, распространяя в этом классе свои знания¹⁸.

Стоит отметить, что испокон веков на конфуцианских ценностях воспитывалась именно японская элита. В древней Японии конфуцианство было достоянием знатных родов, передающих его по наследству как тайную традицию¹⁹. И хотя в период Токугава конфуцианское учение приобрело массовость и распространилось в простонародье, самураи оставались его главными носителями.

Уже в XIX в. стали появляться предприниматели, воспитанные на конфуцианских традициях и придерживавшиеся ярко выраженных конфуцианских взглядов. «Отец японского капитализма» Сибусава Эй-ити (1840–1931), основавший множество акционерных компаний, а также участвовавший в создании первого в Японии банка западного типа и первой биржи, происходил из не аристократической, но достаточно интеллигентной семьи, хорошо знакомой с учением Конфуция и следовавшей его канонам. Получив в детстве соответствующее образование, Э. Сибусава пронес его через всю свою жизнь и был глубоко убежден, что любая предпринимательская деятельность должна основываться на ценностях конфуцианства. Эти убеждения изложены в его книге «Луньюй и счета» («Ронго то соробан»), популярной среди японских бизнесменов и в наше время.

Одним из более современных приверженцев конфуцианских традиций в предпринимательстве является известный японский банкир Иробэ Ёсиаки (1911–2001). По его словам, «нормы морали, господствовавшие в Японии в периоды Мэйдзи и Токугава, происходят не из буддизма или христианства, а именно из конфуцианства... японское чувство вины* возникло как отражение конфуцианства... конфуцианство стало основой социальных норм японского общества»²⁰. Ё. Иробэ является автором ряда книг о конфуцианстве и бизнесе. Среди них «Возрождение «Луньюй» («Ёмигаэру ронго»), «Луньюй» как теория лидерства» («Сидосярон тоситэ-но ронго») и другие.

Конфуцианские нормы и традиции проявляются в современном японском предпринимательстве в различных формах и на разных уровнях. Возможно, не все эти проявления напрямую связаны с учением Конфуция, но все же в основной своей массе так или иначе с ним перекликаются. В любом случае, конфуцианские традиции подверглись в японской среде определенной трансформации и проявляются в японском

бизнесе несколько иначе, чем в китайском. Сравнение этих форм проявления является чрезвычайно интересной областью исследований, но выходит за рамки данной статьи. Здесь мы рассмотрим лишь основные формы проявления конфуцианской морали, этики, ценностей в японской деловой среде.

Мы говорили о том, что одной из базовых ценностей конфуцианства является семья. В Японии семейственность общественных отношений распространилась гораздо дальше биологической семьи, на множество уровней вплоть до масштабов государства. Как отметила социальный антрополог Наканэ Тиэ, для японцев коллектив, или «место» (*ба*), «[социальные] рамки» (*ваку*) имеют гораздо большее значение, чем статус²¹. Так, организация или компания являются в Японии одним из важнейших социальных институтов, который порой заменяет семью.

Показательно, что целый ряд ныне известных во всем мире японских корпораций начинали свое существование как семейные предприятия. Это и знаменитые японские дзайбацу («Mitsui», «Mitsubishi», «Sumitomo», «Yasuda»), и крупнейшие предприятия машиностроительной («Toyota») и электротехнической («Matsushita Denki», переименованная в 2008 г. в «Panasonic Corporation») отраслей. В целом для японской экономики характерна большая роль семейного бизнеса. Малые и средние предприятия производят в Японии около половины валового внутреннего продукта²².

Хотя с увеличением размера компании в ее ряды привлекается все больше сотрудников, не связанных между собой кровно-родственными связями, в крупных японских корпорациях сохраняются близкие к семейным традиции взаимной поддержки и большая степень сплоченности.

Если рассмотреть крупное японское предприятие с классической системой «пожизненного найма и преференций по старшинству»*, то все члены его трудового коллектива воспринимаются как часть одной семьи. Можно сказать, что работодатель в этой семье выступает в роли отца, проявляя по отношению к своим подчиненным поистине отеческую доброту. Как правило, крупные японские компании заботятся о

21 Наканэ Тиэ. Татэ саяк-но нингэн канкэй. (Человеческие отношения в вертикальном обществе). Токио, 2008, с. 26–31.

22 Лебедева И. П. Малый бизнес в Японии. М., 2004, с. 6.

* Система «пожизненного найма и преференций по старшинству» была введена в Японии в начале XX в. Ее основными целями было воспитание и подготовка квалифицированных кадров, преданных компании, и предотвращение перехода этих кадров к конкурентам. Система привилегий и гарантий для работников, растущие с увеличением срока службы заработная плата и бонусы, корпоративный дух и моральная поддержка всех членов коллектива должны были удерживать человека на одном рабочем месте «пожизненно», то есть до ухода на пенсию. Система «пожизненного найма и преференций по старшинству» соответствует потребности японцев в гармонии, стабильности и предсказуемости жизни, поэтому до сих пор сохранила достаточно прочные позиции, хотя постепенно и начала размываться.

18 Бенедикт Р., Хризантема и меч. Модели японской культуры, с. 118.

19 Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. Этнографические очерки. М., 1983, с. 79.

* Речь идет о том, что японская культура относится к так называемым «культурам вины», а не к «культурам стыда» (понятия введены Рут Бенедикт).

20 Japanese Business: Cultural Perspective. Subhash Durlabhji, Norton E. Marks (ed.). Albany, 1993., p. 50.

самых разных сторонах жизни сотрудников: содействуют в получении достойного жилья и накоплении состояния, гарантируют выплату пенсий, предоставляют льготы при банковском обслуживании, пользовании столовой и транспортом, дают возможность оформления беспроцентных кредитов и получения страховки за счет компании, предлагают качественное медицинское обслуживание. Естественно, что благодарностью за такие привилегии становится граничащая с «сыновней почтительностью» лояльность сотрудников к руководству компании²³. В Японии не принято переходить из одной компании в другую в поисках более выгодных условий найма. Часто японец отождествляет себя с одной организацией в течение всей своей жизни.

Если «пожизненный» наем является отражением семейственности японских предприятий, то «система преференций по старшинству» – проявление иерархии в японском предпринимательстве. Карьерный рост в такой системе происходит с увеличением срока найма. Придя работать в компанию, новичок не может сразу занять высокий пост, даже если обладает недюжинными способностями. Как правило, он начинает с самых низов, к примеру, с уровня продавца или кассира крупной корпорации. Так новый работник получает возможность познакомиться со всеми аспектами работы компании (в дальнейшем происходит ротация из отдела в отдел). С другой стороны, такая система ставит всех в равные, справедливые условия. Чем дольше человек работает в компании, тем большими привилегиями он пользуется, и тем более уважаем. При этом старшие (*сэмпай**) проявляют должную заботу о младших (*кохай*).

В японском предпринимательстве иерархия присутствует и на других уровнях: в отношениях между заказчиком и продавцом, между материнской и дочерней компанией, между головным отделением компании и филиалом. Интересно рассмотреть группизм и иерархию в японской экономике на макроуровне.

В Японии распространены горизонтальные и вертикальные объединения предприятий²⁴. Вертикальные объединения *кэйрэцу* представляют собой группы из крупных компаний, малых и средних фирм, связанных между собой устойчивыми и долговременными отношениями в рамках организации субподрядных работ. Свои *кэйрэцу* имеют практически все крупные промышленные предприятия, а среди малых и средних предприятий около половины являются субподрядчиками крупных

фирм. Компании объединяют в первую очередь производственные связи, а также участие в капитале друг друга, обмен персоналом, технологическая поддержка.

Чтобы показать, насколько близки между собой эти предприятия, достаточно сказать, что во многих ситуациях они ставят стабильность отношений и взаимопомощь выше экономической выгоды. Так, во время тяжелой ситуации в японском автомобилестроении в начале 2000-х гг. головная компания «Toyota» приложила огромные усилия для консолидации своего *кэйрэцу*. Она активно содействовала группированным фирмам в получении финансовых ресурсов и привлекала к поставкам деталей и компонентов собственных субподрядчиков, отказавшись от стратегии отбора поставщиков по критерию ценовой конкурентоспособности. Еще один пример взаимной поддержки: когда в 1990-е гг. японские корпорации были вынуждены сокращать штат сотрудников вопреки традициям «пожизненного» найма, в некоторых случаях уволенных людей принимали на работу другие предприятия группы²⁵.

Но вернемся к внутреннему устройству отдельно взятой компании, поскольку именно внутри компании, в отношениях между ее сотрудниками, в господствующей в коллективе системе ценностей можно увидеть много общего с конфуцианством.

Одной из главных ценностей японского делового коллектива является гармония (*ва*). Известно, что не только в деловой среде, но и в своем обществе японцы больше ориентируются на интересы группы, чем на индивидуальные цели, они стремятся учесть мнения всех членов коллектива и избежать любых конфликтов. Гармония *ва* является одним из основополагающих принципов японского мировосприятия. Она подразумевает поддержание целостности и равновесия во всем, постоянный поиск золотой середины и компромиссов²⁶. Этот принцип распространяется на все сферы японской общественной жизни, в том числе, на деловую среду.

В японских организациях люди, как правило, действуют сообща и принимают решения единогласно или на основе консенсуса. Хотя формально начальник, будучи старшим, имеет право принятия решений, на практике любое решение обычно заранее, до совещания согласовывается с коллективом сотрудников. В японских компаниях распространена практика так называемой «увязки корней» (*нэмаваси*). Это достаточно долгий процесс обсуждения какого-либо решения на всех уровнях. При этом задействуется такой документ, как *ринги-сё* – своеобразный циркуляр, который передается внутри компании снизу вверх и должен

²³ Трудовые отношения в японских компаниях подробно рассмотрены Матрусовой Т. Н. в ее работах «Япония: материальное стимулирование в фирмах», М., 1992; «Организация как социально-техническая система и управление персоналом в японской фирме» // Труд за рубежом, 1999, №4; «Прошлое и настоящее управления персоналом» // Япония сегодня, М., 2002 и др.

* Специальное слово в японском языке, обозначающее старшего, более опытного человека, «первопроходца» в чем-либо. Противоположное понятие – *кохай*, «идущий следом».

²⁴ См.: Экономика Японии. Под ред. Лебедевой И. П., Тимониной И. Л. М., 2008, с. 351–367.

²⁵ Shoji Azuma, Kunihiko Ogawa. Readings on Japanese Society and Business. Tokyo, 1995, p. 124–125.

²⁶ Молодякова Э. В., Маркаръян С. Б. О японском типе модернизации // Япония: опыт модернизации. М., 2011, с. 59.

собрать определенное количество личных печатей менеджеров (*ханко*), в зависимости от важности решения и причастности к нему того или иного сотрудника. В любом случае решение не принимается, пока не получено согласие всех заинтересованных сторон²⁷.

Такой же механизм действует и в японских профсоюзах. Стоит сразу отметить, что профсоюзы в Японии представляют собой совершенно особую систему, не имеющую аналогов в мире. Специфика японских профсоюзов состоит в том, что они возникают преимущественно на базе отдельных предприятий, а не на базе отраслей, как в США и странах Европы. Объединяя работников различных уровней, профсоюзы выражают интересы каждого отдельного предприятия, не вступая в конфликт с его менеджментом. Таким образом, менеджмент и рабочие не противоборствуют, а работают в единой команде, учитывая интересы друг друга.

В бизнесе японцы стремятся к гармонии не только при принятии решений, но и в простом общении. Японский стиль ведения беседы (в том числе деловой) отличается известными особенностями, отражающими стремление элиминировать конфликты, столкновения и противоречия, поддерживать баланс интересов между всеми участвующими сторонами.

Японцы избегают прямого выражения своих мыслей, особенно в тех ситуациях, когда могут быть затронуты интересы собеседника или когда необходимо дать отрицательный ответ. Часто такой ответ дается не прямо, а посредством завуалированных намеков, не всегда понятных для европейца. Японец может сказать, что должен подумать или посоветоваться с начальством, что это очень сложный вопрос, что он не считает данный вариант наиболее приемлемым и т. п. Иногда, чтобы избежать категоричного «нет», японцы переводят разговор на другую тему, что также можно понимать как несогласие. Когда японец чувствует, что не может выполнить какую-либо просьбу, он может сказать, что «сделает все, что от него зависит, но если эти старания не приведут к результату, он заранее просит прощения». Чтобы избежать неловкой ситуации, японец может даже солгать²⁸.

Молчание также может означать, что собеседник не согласен. Для японца молчание является лишь способом воздержания от внешнего выражения своих мыслей и переживаний. Известно, что японцы проявляют в беседе большую активность в случае согласия: они вставляют в беседу краткие положительные комментарии, повторяют части услышанной фразы²⁹. Как правило, чем больше противоречий выявляется в беседе японцев, тем менее эмоционально проходит дискуссия.

²⁷ Спандарьян В. Б. Деловая Япония. М., 1991, с. 78–80.

²⁸ Herbert Passin, *Tokuoka Takao*. Eigo-ka suru nihon shakai (Японское общество, которое начинает говорить на английском языке). Tokyo, 1982 (на яп. яз.), с. 71.

²⁹ Рыбалкин С. П. Обучение дискуссии на японском языке // Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания, Выпуск 1. М., 2008, с. 38.

Сам по себе японский язык отражает чрезвычайную тактичность японцев при переговорах. В нем существует множество оборотов вежливости. Эти обороты отражают, в частности, градацию социальных статусов. Таким образом, иерархия японского общества нашла заметное отражение и в языке.

Средством достижения гармонии в общении является, в частности, его ритуализированность и церемониальность. Японцы создали инструкции и предписания практически на все случаи жизни, и их присутствие особенно заметно в деловой среде.

Практически в любом японском офисе поведение сотрудников в той или иной степени регламентировано: существуют определенный распорядок дня, определенная форма одежды, инструкции поведения для различных ситуаций. В некоторых инструкциях определены даже угол приветственного поклона, зависящий от статуса собеседника, детали внешнего вида сотрудников (вплоть до высоты каблука обуви), слова и выражения, которые позволительно или непозволительно употреблять при рассказе о себе и при общении с посетителями. Существуют также инструкции для проведения переговоров или собрания, для грамотного ведения деловой переписки и т. п. Чтобы обеспечить гармоничную работу офиса сотрудники наиболее «правильных» японских компаний учатся, как открывать дверь, как садиться в машину, как правильно приходить на работу и уходить с работы, как вежливо поддерживать разговор и многим другим вещам.

Большой популярностью в Японии пользуются регулярно проводимые квалификационные экзамены для секретарей и для работников сферы обслуживания. Японцы сдают экзамены на сертификаты по деловой переписке, по манерам в деловом общении, по деловому общению посредством телефонных переговоров³⁰. Наличие таких сертификатов значительно увеличивает шансы трудоустройства в хорошую японскую компанию.

В отличие от Европы, в Японии очень мало предприятий со свободной, демократичной формой одежды, с гибким графиком работы, с либеральным начальством, стремящимся создать в рабочем коллективе свободную, непринужденную атмосферу. Даже офисам иностранных компаний в Японии оказывается сложно сохранить свою свободу и идентичность, и они невольно попадают в рамки японской церемониальности.

Известный нидерландский социолог Герт Хофстеде отметил, что для японской культуры характерна достаточно высокая степень неприятия неопределенности*. Может быть, поэтому японцам так важны инструкции

³⁰ <http://jitsumu-kentei.jp>

* Неприятие (избегание) неопределенности – один из критериев оценки особенностей культуры различных народов, введенный Г. Хофстеде и использованный им для сравнительного

и предписания во всех сферах общественной жизни: церемонии и ритуалы вполне соответствуют их национальному характеру.

Помимо упомянутой выше гармонии, господствующими ценностями в японской деловой среде являются скромность и сдержанность, упорство и трудолюбие, чувство долга.

Воплощением японской скромности и сдержанности является поговорка «выступающий гвоздь забивают». Она означает, что не следует выделяться на фоне окружающих, демонстрируя свои достижения и способности. По большому счету, каждый человек обязан вести себя в соответствии со своим социальным положением, зависящим, как правило, от возраста и приобретенного опыта. Это тесно связано с рассмотренной выше иерархией. Скромность и сдержанность подразумевают безусловное подчинение авторитету и некое самоуничижение перед вышестоящими. Как правило, в японских организациях авторитет управляющего не подвергается сомнению. Скромность и сдержанность также означают, что японцу не свойственны твердые принципы, то есть во всех своих действиях он стремится приспособиться к интересам группы и найти компромисс.

Ярким свидетельством свойственных японскому народу целеустремленности, упорству и трудолюбию является быстрый подъем экономики Японии после Второй мировой войны – «японское экономическое чудо», достигнутое благодаря планомерному движению к поставленным целям. Большинству японцев от природы свойственно добросовестное отношение к выполнению любого дела. Они умеют поставить четкую цель и прилагать все возможные усилия к ее достижению. В японской компании это считается одним из высших достоинств любого работника. Трудолюбие и добросовестность там ценятся превыше всего, а наибольшего уважения заслуживают сотрудники, работающие сверхурочно. Сама атмосфера в компании нацелена на упорный труд.

Отдельного внимания заслуживает японское чувство долга (*он*). Оно является одним из основополагающих моральных принципов японцев, распространяясь на все сферы общественной жизни. Долг в японской культуре – настолько всеобъемлющее и разностороннее понятие, что Рут Бенедикт приводит целую классификацию типов долга и

анализа. Другие критерии – дистанцированность от власти, степень обособленности/индивидуализма и сплоченности/коллективизма, «мужественность» и «женственность», краткосрочная и долгосрочная ориентация на будущее. В исследовании Г. Хофстеде японская культура получила наибольшее количество баллов по уровню «мужественности» (95 баллов из 100), уровню неприятия неопределенности (92 балла) и степени долгосрочности ориентации на будущее (80 баллов), войдя в первую десятку среди исследуемых стран по этим показателям. Высокий уровень «мужественности», помимо преобладающей роли мужчин в обществе, означает, что японская культура нацелена на достижение результата любой ценой, и преобладающими ценностями в ней являются упорный труд и материальное благополучие (см. Hofstede, G. (1991). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York).

его выплат в зависимости от сферы социальных отношений и тяжести обязательств.

Моральная категория долга в Японии восходит своими корнями к конфуцианским добродетелям *чжун* (яп. *тю:*), *сяо* (яп. *ко:*), *жэнь* (яп. *дзин*), и хотя в японской среде все они подверглись сильной трансформации, вплоть до полной девальвации понятия *жэнь* в период Токугава (это слово стали употреблять в японском языке в совершенно иных ситуациях, не имеющих ничего общего с добродетелью)³¹, совершенно очевидно, что в современном японском обществе моральный долг является одной из преобладающих ценностей. Это проявляется в практически беспрекословном соблюдении большинством японцев правил и норм поведения в обществе, иногда даже вопреки собственному желанию, в выполнении обязательств перед старшими и коллективом, в добросовестности и добропорядочности.

Если рассмотреть понятие долга шире, то оно распространяется и на принципы работы японских корпораций. В бизнесе (как и в человеческой природе) традиционно противостоят два начала: чувство долга и стремление к выгоде. Вопрос о примате одного из этих начал поднимался не только Конфуцием, но и его предшественниками и последователями. Мнения мыслителей о долге и выгоде делятся на три группы: одни считают, что долг превыше выгоды, другие – что выгода стоит на первом месте, третьи – что эти начала взаимосвязаны, то есть существует выгода, основанная на долге, т. е. нравственная выгода. Конфуцианская традиция больше склоняется к верховенству чувства долга: долг – это то, чем должен руководствоваться «благородный муж». Хотя ни сам Конфуций, ни его последователи не отрицали, что выгода является залогом стабильности государства, материальное процветание, согласно конфуцианскому учению, невозможно без нравственных ценностей³².

Представляется, что в японском бизнесе господствует постулат о том, что любая выгода должна основываться на нравственных ценностях. Достаточно посмотреть на миссии японских компаний: «наша философия – созидание и забота во имя жизни» («Yamanouchi Group»), «мы хотим радовать людей, тем самым улучшая их физическое и душевное состояние» («Bourbon Corporation»), «профессия дает возможность заработать на жизнь, но настоящая ценность профессии в возможности быть полезным для других» («Shoei Sangyo Co.») и др.³³

Пытаясь завоевать расположение клиентов, подобные утверждения используют в своих миссиях и слоганах многие компании по всему миру, и, несомненно, для определенной части этих компаний главной и

³¹ Бенедикт Р. Цит. соч., с. 158.

³² Ткачева Т. О., Цит. соч., с. 162–181.

³³ Там же, с. 172–173.

конечной целью является собственная выгода. Но если представить себе, какие издержки понесла корпорация «Toyota», отозвав с мирового рынка около 10 млн. автомобилей в 2009–2010 гг., или чего стоило в 2011 г. компании «Sony» изъять из мировых торговых сетей почти 2 млн. ЖК телевизоров, чтобы обеспечить безопасность потребителей, то сложно приписать эти действия одному лишь стремлению к выгоде.

Японским предприятиям свойствен высокий уровень социальной ответственности, и по ряду показателей они занимают лидирующие позиции в мире. Во-первых, к социальной ответственности компании относится ее отношение к работающему персоналу. О системе «пожизненного» найма было подробно рассказано выше, и ее преимущества не вызывают сомнений (хотя существуют и определенные недостатки). Во-вторых, японские предприятия проявляют большую заботу о своих клиентах. Японский сервис известен во всем мире, не говоря уже о готовности корпораций понести большие потери ради обеспечения безопасности клиентов. В-третьих, японские предприятия известны своей заботой об окружающей среде, благотворительностью и другими инициативами, направленными на улучшение жизни общества. Япония занимает первое место в мире по соблюдению международного экологического стандарта ISO 14001. 70% из 3 тыс. опрошенных в 2006 г. агентством «Nikkei Ecology» японских компаний заявили, что принимают меры по энергосбережению и сокращению отходов, несмотря на связанный с этим рост издержек. Это является одним из основных принципов их работы и долгосрочной стратегией³⁴.

Говоря о благотворительности, приведем один из последних примеров. Год назад на востоке острова Хонсю произошло сильнейшее землетрясение за всю историю наблюдений, которое унесло жизни 15854 человек и нанесло сокрушительный удар по важным стратегическим объектам, транспортным узлам и промышленной базе страны. Для помощи пострадавшим и восстановления разрушенных районов были объединены усилия огромного количества государственных и неправительственных организаций, корпораций, малых и средних предприятий и индивидуальных добровольцев. Проявилась небывалая сплоченность японской нации не только на уровне родственников, друзей, соотечественников, но и на уровне бизнеса. Сотни японских компаний внесли свой вклад в возрождение пострадавшего региона в виде финансовых средств и гуманитарной помощи. По некоторым оценкам уже через два месяца после землетрясения и цунами японское Общество красного креста получило 182 млрд. иен пожертвований³⁵ (более 2 млрд. долл. США).

В этой помощи проявились и коллективизм и сплоченность японцев, и такие конфуцианские добродетели, как человечность, сострадание, чувство долга, мужество и целеустремленность.

* * *

В последние десятилетия экономика Японии все более активно включается в мировые глобализационные процессы. В этих условиях уникальность и самобытность японской деловой культуры проявляется особенно ярко. При функционировании японских предприятий на зарубежных рынках, при установлении деловых контактов компаний с иностранными, в международных слияниях и поглощениях заметен контраст между японской деловой этикой и принятыми на западе традициями ведения бизнеса.

Роль деловой этики в международном бизнесе чрезвычайно велика, и ее нельзя недооценивать. Понимание особенностей деловой культуры партнера является важным фактором успеха международных слияний и поглощений. Известен пример успешного альянса французской автомобильной компании «Renault» с японским автопроизводителем «Nissan», заключенный в 1999 г. Но есть и другой пример. В тот же период, в 2000 г. автоконцерн «Daimler-Chrysler» предпринял неудачную попытку поглощения японской автомобильной компании «Mitsubishi». Среди причин этой неудачи аналитики называют невнимание руководства немецкого концерна к таким особенностям японской компании, как иерархическая организационная структура и склонность японского персонала к группизму. Не сумевший найти общий язык с японскими сотрудниками менеджмент «DaimlerChrysler» так и не был принят японской стороной. Была также недооценена роль *кэйрэцу* в работе компании. Система поставок запчастей в «Mitsubishi» оказалась не такой гибкой, как ожидалось, ее было сложно реорганизовать. Казалось, что руководство и сотрудники компании все время оглядывались на группу своих предприятий, зная, что всегда получают их поддержку в случае необходимости³⁶.

В то же время, новому главе альянса «Renault-Nissan» Карлосу Гону удалось найти приемлемые для японской стороны способы коммуникации между персоналом двух предприятий, поставить четкие и ясные цели развития альянса, грамотно укомплектовать команду топ-менеджеров. Можно сказать, что компания «Nissan» оказалась не такой консервативной, как «Mitsubishi» и сделала шаг навстречу западному предприятию, передав бразды правления европейскому менеджеру и частично отказавшись от своих принципов.

Функционирование в новой деловой среде и взаимодействие в ней с иностранными предприятиями будет неизбежно накладывать отпечаток на японскую деловую этику. Некоторые компании открыты для новых тенденций и с готовностью заимствуют западные бизнес-модели,

³⁴ http://www.jetro.go.jp/en/reports/market/pdf/2006_20_ms.pdf

³⁵ <http://www.toyokezai.net/business/society/detail/AC/a353b408ed2e647b08e0ee03e39ec4c1>

³⁶ См. Fabian J. Froese, Leif E. Goeritz. Integration Management of Western Acquisitions in Japan. Asian Business & Management, 2007, 6 (95–114).

другие (большинство крупных предприятий Японии) – более консервативны. Глобальные изменения в японской деловой этике невозможны без фундаментальных перемен базовых культурных ценностей общества, поэтому очевидно, что этот процесс будет долгим и медленным. Вероятно, что как и в случаях с другими японскими заимствованиями, и в деловой среде будет со временем найден определенный компромисс: японская деловая культура частично сохранит свои глубокие традиции, а частично приспособит их к меняющейся среде, постепенно вбирая в себя лучшие достижения мировой практики.

Русский взгляд на Японию: мифы и реальность

В. М. Алпатов

Тема статьи – типичные представления о Японии, распространенные в нашей стране в те или иные эпохи. Речь не будет идти о взглядах специалистов, стремившихся и продолжающих стремиться к исследованию японских реалий, хотя массовые представления могут сказываться и на них (поэтому иногда и их мнения будут учитываться). Я рассматриваю, прежде всего, то, каким образом видели Японию обычные люди, как простые, так и интеллигентные, но далекие от профессиональных занятий данной страной. В таких случаях чаще всего далекая страна видится сквозь призму устойчивых, но меняющихся со временем стереотипов и мифов. Все эти стереотипы и мифы никогда не создаются на пустом месте и отражают некоторую реальность, но это отражение может оказаться очень произвольным. При этом на такие представления всегда влияет ситуация в своей собственной стране, чужой мир рассматривается в сопоставлении с тем, что нравится или не нравится у себя дома.

Сколько-нибудь устойчивые представления о Японии смогли сформироваться в России лишь в период «открытия» этой страны в середине XIX в., когда между двумя государствами установились регулярные контакты. Тогда сложился исторически первый образ Японии как непонятной восточной страны, где всё не так, как у нас. Но при всей привлекательности японской экзотики японцы воспринимались как народ, еще не овладевший вершинами мировой (то есть европейской) цивилизации, а их малый по сравнению с русскими рост усиливал представление о них как о детях.

Такой взгляд на Японию четко выразил первый из крупных русских писателей, там побывавший: это И. А. Гончаров, посетивший Нагасаки еще в конце эпохи сёгуната (1853–1854). Он, в частности, писал: «Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая давно убеждает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее, и внутренние, произвольные законы своего муравейника противопоставит и естественному, и народному, и всяким европейским правам, и всякой неправде»¹. «Вот

¹ Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. 6, М., 1952, с. 6.

что значит запереться от всех: незаметно в детство впадешь»². «Младенческий, отсталый, но лукавый народ»³. Гончаров мог даже мечтать: «А что, если бы у японцев взять Нагасаки?... Они пользоваться не умеют»⁴. Спасение от «впадения в детство» писатель видел лишь в отказе японцев от своих традиций и полной европеизации: «Они одни, без помощи; им ничего больше не остается, как удариться в слезы и сказать: “Виноваты, мы дети!” и, как детям, отдаться под руководство старших»⁵.

Существовал и иной взгляд на Японию и японцев, выраженный другим посетившим ее писателем В. В. Крестовским (побывал в Японии в 1880–1881 гг.). Он отмечал и активность японцев в освоении западного опыта, и положительные стороны «высокой, хотя и своеобразной цивилизации»⁶ (что для Гончарова было немыслимо): «Не японцам у европейцев, а этим последним не мешало бы поучиться у японцев, как обращаться с землей и разумно извлекать из нее всю возможную пользу»⁷. Отмечал этот писатель и стремление японского народа «идти в дальнейшей практике уже собственными силами, вполне самостоятельно и не только независимо от европейцев, но даже в некоторый подрыв их знаниям, производительности и сбыту»⁸.

Оба автора, говоря о Японии, думали и о своем государстве. Либерал-западник Гончаров видел в далекой стране лишь ненавистную ему «азиатчину», от которой России надо было, по его мнению, скорее освободиться. В том числе он резко осуждал увиденные им чинопочитание и почтение к начальству. Зато Крестовский, стоявший ко времени посещения Японии на крайне правых позициях, оценил всё это иначе: «Насколько развиты в японском обществе чувство взаимного уважения и вместе с тем патриархальная почтительность к старшим по возрасту ли, по положению или по личным заслугам на каком бы то ни было честном поприще»⁹. Для него при переезде из европейской в японскую часть Иокогамы «на душе становится легко..., в нравственном смысле дышится свободнее»¹⁰. Наконец, еще повод для одобрения: «Службою... не только в качестве чиновников, но просто хожалых, вроде наших городских, не гнушаются молодые люди даже из числа окончивших курс в Токийском университете»¹¹. Не так тогда было в России!

2 Там же, с. 32.

3 Там же, с. 123.

4 Там же, с. 35.

5 Там же, с. 40.

6 Крестовский В. В дальних водах и странах, книга вторая. М., 1997, с. 25.

7 Там же, с. 314.

8 Там же, с. 382.

9 Там же, с. 25.

10 Там же, с. 118.

11 Там же, с. 142.

Однако именно взгляд Гончарова стал в конце века в России преобладающим, хотя, разумеется, изменение исторической ситуации сказывалось: знали и одобряли то, что японцы «отдались под руководство старших». Писали об «ослепляющей картине быстрого, почти сказочного развития всех промышленных сил молодой страны»¹². Но сохранялся взгляд сверху вниз. Даже в очень объективной книге видного географа говорилось, что японцы не создали ничего великого в науке и искусстве (несомненно, имеется в виду лишь наука и искусство европейского типа), хотя в будущем (то есть после окончания европеизации) можно от столь быстро развивающегося народа ждать достижений и в этих областях¹³. А в компилятивном (видимо, основанном на западных источниках) очерке, рассчитанном на интеллигентного читателя, очерк литературы сводился к фольклору, а кратко упоминаемая классическая поэзия подана тоже в фольклорном духе¹⁴. Подчеркивается, что японцы любят сказки; что они «по природе чувствительны, склонны к мечтательности, к вере в сверхъестественное» (отсюда якобы в Японии распространен буддизм)¹⁵. А в однотипном очерке, рассчитанном на широкого читателя, про японцев сказано: «европейцам просто удивительно смотреть, как эти маленькие люди по целым часам без усталости идут с большими тяжестями, не останавливаясь и не отдыхая»¹⁶. Или: «они всегда и всем довольны, с необычайным терпением переносят невзгоды, на всё смотрят весело и никогда не ропщут»¹⁷. Так вряд ли бы написали в те годы о каком-нибудь европейском народе. В том же очерке можно прочесть, что японцы увеселениям «предаются с увлечением, как дети», и что они «большие охотники также слушать различные сказки»¹⁸. Всё это публиковалось за несколько лет до Русско-японской войны.

В том же духе воспринимал японцев и Николай II. По воспоминаниям С. Ю. Витте, «государь был, конечно, глубочайше уверен, что Япония, хотя, может быть, с некоторыми усилиями, будет разбита вдребезги. В первое время обыкновенное выражение его (о японцах – В. А.) в резолюциях было «эти макаки»¹⁹. Результат известен.

Русско-японская война разбила первый образ Японии (хотя в ее ходе официальная пресса активно подчеркивала малый рост и физическую слабость японцев). На его место пришли два других, один из которых оказался непродолжительным, другой очень устойчивым.

12 Япония и японцы // Новая библиотека «Русской мысли». М., 1901, с. 178.

13 Анучин Д. Н. Япония и японцы. Географический, антропологический и этнографический очерк. М., 1907, с. 133. Очерк написан еще до Русско-японской войны, хотя издан позже.

14 Япония и японцы, с. 72–84.

15 Япония и японцы, с. 51.

16 Японцы. Чтение для народа. Составил Ф. Ф. Пуцыкович. Спб., 1897, с. 9.

17 Там же, с. 13.

18 Там же, с. 12.

19 Bumme С. Ю. Воспоминания, т. 2. М., 1960, с. 292.

С одной стороны, в ходе войны появилось сочувствие к японцам. В русских сатирических журналах той поры одной из тем была насмешка над симпатиями к ним либеральной «общественности». На одной из карикатур конца 1904 г. нарисованы чествующие японского пленного дамы и господа, изображенные с овечьими головами²⁰. А в сохранившихся в архивах охраны перлюстрированных письмах революционеров постоянно встречаются фразы вроде: «Я радуюсь победам японцев». Всё это не означало реального интереса к Японии: японцев ценили лишь как силу, способную победить и унижить ненавистный царизм. Эта тема перестала быть актуальной после окончания войны и не получила значительного развития.

С другой стороны, гораздо более устойчивым оказался иной образ, прямо противоположный. Он в той или иной мере продолжал господствовать более полувека, пережив изменение общественного строя и несколько изменений политической ситуации. Некоторые его черты появились и до Русско-японской войны. В упомянутом выше очерке «для народа» японцы уже представлены не только как любители сказок: перечислены и «дурные черты японского характера: притворство, коварство и мстительность»²¹. После поражения в войне эти черты в русском массовом сознании вышли на первый план, тем более что поведение японских солдат и офицеров на поле боя подтверждало эти представления.

Всё дальнейшее: японская интервенция на Дальний Восток в годы гражданской войны, пограничные конфликты 20–30-х годов, резко антикоммунистическая политика японской власти, война 1945 г., – еще более усиливало и поддерживало негативный взгляд на японцев, получивший после российской революции и идеологическую основу (разумеется, всегда проводили различие между «реакционной властью» и «народом» и тем более японскими друзьями СССР, однако на практике такой взгляд преобладал). Типична известная песня 1939 г. «Три танкиста» (стихи Б. С. Ласкина) со словами: «И летели наземь самураи под напором стали и огня». Стало стереотипным (существовавшее и раньше) употребление слова «самурай» по отношению к любому японскому военному (в том числе солдату), хотя в Японии это слово перестало употребляться несколько веков назад, а самурайское сословие (называвшееся уже иначе) исчезло после 1868 г. Или, например, фильм о гражданской войне 1937 г. «Волочаевские дни», где действовал японский офицер Усиджима (видимо, неправильно прочитанная сценаристами фамилия Усидзима) в блестящем исполнении артиста Л. Н. Свердлина. Офицер, противопоставленный «нашим» героям, выглядел в фильме очень естественным, но прекрасно соответствовал представлениям о

«притворстве, коварстве и мстительности японцев». Впрочем, многие японцы в те годы и, особенно, во время войны давали основание для таких мнений.

Наряду с такими черно-белыми изображениями, бывали и попытки более глубоко разобраться в природе Японии и японской культуры, к их числу относились две книги известного тогда писателя Б. А. Пильняка, дважды побывавшего в Японии²². Ее автор подчеркивал стремление осмыслить виденное, признавая в том, что многое не может понять. Но и у него постоянно присутствует влияние того же стереотипа (усилившегося во второй книге). Вот пример: «Мне страшно представить японского солдата, который, по японскому принципу “наоборотности”, бежит в атаку хохоча, похожий на японских чертоподобных богов»²³. Или: «Психика европейца основана на утверждении, строительстве будущего, японская психика – на утверждении прошлого.... Страна, управляемая мертвецами»²⁴. Остается не вполне ясным, как такая черта сочетается с неоднократно фиксируемой в книге активностью японцев. Даже японская природа для писателя крайне непривлекательна: «Черный злой камень», «страшной злобы, желтая земля»²⁵. Природа Японии – «нищая природа, жестокая природа», такая, которая дана человеку – на зло»²⁶. Из-за природных условий, по мнению писателя, «Япония – нищая страна, страна нищего камня, шалашей вместо жилищ, бобовых лепешек вместо хлеба, тряпок вместо одежды, деревяшек вместо обуви.... Народ свел свои потребности к такому минимуму, от которого европейцы должныдохнуть»²⁷. Современный российский читатель с трудом может поверить в такие оценки.

И при этом японцы при внешней вежливости «не уважают» европейца, белого человека»²⁸. Во второй книге даже сказано: «Иероглифы оставлены, чтобы иностранцы меньше знали о Японии»²⁹. Впрочем, Пильняк надеялся на преодоление этих недостатков: «Больше очень и очень многих стран, виденных и знаемых мною, Япония готова выйти из-за заборов национальной своей культуры на большую дорогу – культуры не национальной, а человеческой земного шара»³⁰. Итоговая концепция Пильняка неожиданно похожа на «прогрессистскую» концепцию Гончарова, только в другую историческую эпоху.

Последний вывод в те годы делали и ведущие советские специалисты по Японии. «Европеизированный германской выучки японец и тут

²² Пильняк Бор. Корни японского солнца. Л., 1927. Пильняк Бор. Камни и корни. М., 1935.

²³ Пильняк Бор. Корни японского солнца, с. 103.

²⁴ Там же, с. 29.

²⁵ Там же, с. 22.

²⁶ Там же, с. 62.

²⁷ Там же, с. 54.

²⁸ Там же, с. 82.

²⁹ Пильняк Бор. Камни и корни, с. 79.

³⁰ Пильняк Бор. Корни японского солнца, с. 105.

²⁰ Михайлова Ю. Место Японии в русской и советской национальной идентичности: от Порт-Артура к Халхин-Голу // Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images. Folkestone, 2008.

²¹ Японцы, с. 13.

же крестьянин, живущий чуть ли не так же, как жили его предки в эпоху родового строя. Замысловатый автомобиль около полей и примитивная мотыга на полях... Два мира, несомненно, правда, исторически и всячески связанные друг с другом, но в последнее время разошедшиеся чрезвычайно. Такова новая Япония. Япония последних десятилетий, вся наполненная контрастами и. прежде всего, в области культуры... Культура техническая идет вперед быстрее шагами, культура же духовная (в широком смысле этого слова) в общем, как правило, плетется позади... Рядом друг с другом «Форд» и «Бедная Лиза», небоскребы и Загоскин»³¹. Вопрос о пути Японии и у Пильняка, и у Конрада ставился в рамках «или – или»: или сохранение отсталых традиций, или относительный прогресс через «выход на большую дорогу», то есть европеизацию (к этому добавлялся и третий, наиболее желательный вариант: пролетарская революция).

Образ жестоких и недоброжелательных японцев сохранялся в массовом сознании и после войны, хотя он (не всегда органично) сочетался с новым стереотипом полукOLONиальной зависимости от США. В журнале «Огонёк» за 1952 год (вскоре после Сан-Францисского договора) турецкие правители обращались к американцам с таким призывом: «Уравняйте нас с Японией, хотим тоже стать колонией» (стихи Эмиля Кроткого). Вопреки реальности устойчивыми оставались представления о господстве в Японии настроений эпохи милитаризма. В этих рамках воспринимались и японские требования вернуть южную часть Курильских островов; многим казалось, что вслед за ними Япония потребует и другие территории Дальнего Востока.

С таким отношением к Японии я не раз сталкивался в 70-е и даже в 80-е годы. Помню разговор в сентябре 1980 г. со случайным молодым попутчиком, железнодорожником по профессии. Он долго мне доказывал, что в Японии окончательно победил милитаризм и обстановка очень напоминает предвоенную. Я с трудом его понимал, поскольку знал, что никаких существенных изменений в Японии в это время не происходило. Видимо, дело было в том, что в те месяцы после начала афганской войны в Японии активно велась пропагандистская кампания против СССР, а наши СМИ, как всегда в подобных случаях, в долгу не оставались. Сгущение красок в советской печати и на телевидении неискушенные читатели и зрители могли воспринимать всерьез, поскольку прежние стереотипы еще жили. Нельзя сказать, что они исчезли даже сейчас. По опросам ФОМ, и в начале 2000-х годов на Дальнем Востоке 43% респондентов назвали Японию недружественной страной (против 27% по России в целом)³². Неопределенная ситуация в современной

России и уменьшение контактов Дальнего Востока с остальной страной могут усиливать и опасения возможности территориальных требований Японии.

В то же время уже к 1970-м годам в СССР начал складываться новый, третий по счету (или четвертый, если учитывать японофилию во время русско-японской войны) стереотип в отношении Японии, сразу же приобретший два варианта: либеральный и «почвеннический». На его формирование повлияли два фактора. Во-первых, это экономические и технические успехи Японии. Это государство стало восприниматься как «экономическое чудо: электронная империя, страна Sony и Toyota»³³. Во-вторых, в стране, особенно в среде интеллигенции, усиливались недовольство существующим строем и интерес к достижениям противников в «холодной войне».

Как раз в том же сентябре 1980 г. я случайно оказался в компании с художником русско-националистических взглядов. Я показывал фотографии японских синтоистских и буддийских праздников (*мацури*) и сначала думал, что человеку с такими взглядами они вряд ли будут интересны: слишком далекая от русской культура. Реакция оказалась обратной: художник пришел в восторг и сказал примерно следующее: «Вот замечательный народ! Мы свои традиции забыли и растеряли, а японцы их чтут и сохраняют!». Уже тогда сложились штампы о «стране, совершившей рывок в будущее, но сохранившей национальный дух вместе с кимоно»³⁴.

Впрочем, такие штампы в годы перестройки и в первые годы после нее временно отошли на задний план. Умами овладели представления о Японии как самом успешном примере внедрения в первоначально восточную страну западных ценностей. То, что и И. А. Гончаров, и Н. И. Конрад, и Б. А. Пильняк считали абсолютно или относительно лучшим вариантом будущего, теперь было признано «осуществленной мечтой». Но разница с тем, что писали о японцах раньше, была еще в одном. Ни русские дореволюционные авторы, ни советские авторы 30–50-х годов не могли воспринимать бедную тогда Японию как пример для своей страны. Независимо от их идейных позиций для этого просто не было объективных оснований. Наоборот, и в XIX в., особенно В. В. Крестовский, и тем более после революции думали о примере России или СССР для Японии. Теперь же в общественном сознании возобладало мнение о том, что мы пошли «не туда», достигшее пика после событий 1991 г. Следовательно, нужно было искать примеры успеха в том, что, как тогда многим казалось, нам неизбежно нужно пройти.

Вот типичное для тех лет высказывание (автор – профессиональный политолог, но не специалист по Японии): «Нам волей-неволей придется

³¹ Конрад Н. И. По японской литературе // Сибирские огни, 1928, №3.

³² Куланов А. Е. Образ Японии в современной России: стереотипы и реалии // Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004, с. 63.

³³ Там же, с. 64.

³⁴ Там же, с. 65.

ускоренными методами усваивать либеральные ценности, наращивать для этого соответствующие предпосылки. Кстати, себе же во благо. Как это делали после войны японцы и немцы. Делали нередко через силу, преодолевая самих себя, но – и это очень важно подчеркнуть – не испытывая при этом сейчас сожаления. Напротив, насколько я могу судить, считают либеральные ценности своим национальным достоянием, ими гордятся, мало заботясь о том, откуда они к ним пришли»³⁵. Объединение в единое целое послевоенных процессов в Германии и Японии в те годы встречалось часто и встречается до сих пор. Еще из той же статьи: «Если либералы хотят успеха, то и их партия, подобно японской ЛДП, должна объявить себя “общенародной партией”, которая стремится построить не капитализм, а именно “общество всеобщего благосостояния”, где слабые будут защищены, а сильным будет предоставлен широчайший простор для проявления их силы, таланта и усердия в сфере созидания»³⁶. Создание еще в перестроечные годы Либерально-демократической партии России (старейшей из донныне существующих у нас некоммунистических партий) также было проявлением желания копировать японские образцы.

Так рассуждали в политической сфере. Но столь же возвышенный образ Японии создавался и в областях культуры и быта. К появившемуся еще в советское время интересу к дзэн-буддизму и боевым искусствам добавился, например, интерес к японской кухне; в 90-е годы ненадолго стала популярной японская классическая литература (при том, что интерес к современной литературе уже тогда явно упал); забыли когда-то популярное игровое японское кино, зато модным стало увлечение японской мультипликацией (*анимэ*).

При этом бросается в глаза три обстоятельства. Во-первых, осваивается (в отличие от советского времени) не столько японская культура как таковая (включая бытовую культуру), сколько мировая культура глобализации, создаваемая в США, но включающая в себя элементы разного происхождения, в том числе японского. Это видно хотя бы из фонетического облика соответствующих слов, вошедших в русский язык в последние двадцать лет или впервые ставших в нем распространенными. Если в «Большом японско-русском словаре» 1970 г. есть только *суси* и *сасими*, как и положено быть заимствованиям из японского языка, то сейчас господствуют *суши* и *сашими*, что свидетельствует об их появлении через посредство английского языка³⁷. Во-вторых, японское влияние заметно и скорее усиливается в массовой культуре (боевые искусства и *анимэ* по-прежнему популярны), но иначе, пожалуй,

дело обстоит в области высокой культуры. Бум интереса к японской классике в традиционном стиле уже скорее в прошлом, а в журнале «Иностранная литература», где в 2012 г. после перерыва в 19 лет всё же издали специализированный номер по литературе Японии, привели список японских публикаций журнала, из которого видно, что их число после 1999 г. резко сократилось³⁸.

И, в-третьих, как справедливо писал А. Е. Куланов, «сейчас наиболее популярна в России та Япония, которой не существует»³⁹. И в политике, и в культуре «россияне придумывают некое идеальное общество на Японских островах.... Негативные стороны жизни современной Японии в России почти не известны. Информация о них интересует нас мало – обидно, когда разрушаются сказки»⁴⁰. Поэтому представления о Японии в России не подверглись какой-либо коррекции, когда Япония оказалась в длительной стагнации.

Если представления о самой Японии за двадцать последних лет мало изменились, то иными стали связанные с ними самооценки. Как из ЛДПР не получилось российской ЛДП, так и первоначальные надежды на успешное освоение японских образцов, очевидные в приведенных выше цитатах, рухнули еще в 1990-х годах. Их место в массовом сознании заняли идеи о безнадежности каких-либо попыток не только догнать Японию и другие передовые страны, но и что-то продуктивно использовать из ее опыта.

Вот пример, связанный не только с Японией, но отражающий массовые представления о «цивилизованных» странах вообще. Воронежский языковед описал разговоры соседей по палате в больнице во второй половине 1990-х годов. Это были люди физического труда второго возраста и обеспеченности, объединенные общим пессимистическим настроением. Одной из тем разговоров (наряду с выпивкой, бабами, деньгами и пр.) была тема «Заграница». «Обсуждение идет в рамках сопоставления у нас – у них, причем преобладает положительная оценка того, что у них и скептическая, даже пренебрежительная – того, что у нас. Устойчиво высказываются суждения: ... «у нас никогда так не будет», «они умеют», «у них здорово», «у них народ другой, не то, что у нас»⁴¹.

Подобные настроения, закрепленные, в том числе, в анекдотах, распространены и сейчас, не только среди людей физического труда. Я иногда задаю контрольный вопрос: «Где раньше появилось телевидение: у нас или в Японии?». Почти все (исключая, разумеется, специалистов) отвечают, что, конечно, в Японии, хотя историческое соотношение

³⁵ Кива А. Тупики и перспективы российского либерализма // Независимая газета. 11.05.1994.

³⁶ Там же.

³⁷ Подробнее см.: Алтатов В. М. Сасими или сашими? – Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова. М., 2008.

³⁸ Иностранная литература. 2012, №2, с.277–278.

³⁹ Куланов А. Е. Образ Японии в сегодняшней России..., с. 55.

⁴⁰ Там же, с.65–66.

⁴¹ Стернин И. А. Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения // Жанры речи. 1999, вып. 2, Саратов.

обратно. Многие не верят, что Япония когда-то была бедной страной: теперешнее соотношение легко проецируется в прошлое, и кажется, что отставание России от Японии либо изначально, либо возникло после 1917 г. А ведь когда-то И. А. Гончаров имел основания считать, что японцы ничем «пользоваться не умеют».

Но в то же время подобные настроения способствуют некоторому освоению японского опыта, однако, не в реальном, а в виртуальном мире. Уже упоминавшиеся *аниме* и японские комиксы – *манга* имеют в России немалое число поклонников. Как пишут исследователи этого явления, типичные их фанаты – люди достаточно образованные, знающие иностранные языки и регулярно пользующиеся Интернетом, но материально не успешные и не слишком довольные жизнью. В Японии подобные фанаты – обычно школьники или студенты, однако в России такое увлечение сохраняется, по крайней мере, до 35 лет⁴². Мотивация этого очевидна: уход в воображаемый мир картинок – один из способов отвлечься от окружающих проблем.

Разумеется, образы Японии в современной России многообразны. Для одних это образец для подражания, для других это навсегда ушедшая вперед «нормальная страна», отличная от «проклятой богом» России. Одни видят в «экономическом чуде» успешный пример отказа от собственного пути развития и освоения «единственно верных» либеральных ценностей, другие вслед за В. В. Крестовским полагают, что японцы идут «собственными силами, вполне самостоятельно», опираясь на традиции; после разочарований в «реформах» 1990-х годов такие взгляды стали распространеннее. Существует и определенная боязнь «притворных, коварных и мстительных» японцев, наиболее заметная на Дальнем Востоке. Наконец, на Японию может распространяться и усилившееся в последние годы общее недоброжелательство по отношению к загранице, но всё же, пожалуй, меньшее, чем в отношении США. И в целом, пожалуй, позитивные оценки Японии наиболее типичны.

Отмечу еще одну особенность, на которую недавно обратил внимание в одной из публикаций журналист Ю. В. Тавровский: «У нас интерес к культуре откровенно недружественной Японии превышает любопытство к достижениям цивилизации “стратегического партнера” (то есть Китая)⁴³. Как ни трактовать российско-китайские и российско-японские отношения, но сказанное относительно интереса верно. Причины этого вряд ли можно определить однозначно, действует целый ряд факторов. Это и длительный период конфликта СССР с КНР (тогда как война с Японией была гораздо раньше, и ее свидетелей уже немного), и влияние постсоветских СМИ, противопоставляющих по западным образцам

«коммунистический Китай» и «демократическую Японию», и устойчивые уже не одно десятилетие представления о богатой Японии и бедном Китае, и активная деятельность японских информационных центров, пока несравнимая с аналогичной деятельностью Китая, и значительный японский компонент в культуре глобализации, где пока что китайский компонент много меньше. А положение, при котором в мировом развитии Китай обгоняет Японию, не то, чтобы неизвестно, но пока с трудом осваивается массовым сознанием. Что будет дальше, пока сказать трудно.

Итак, образы Японии в российском (включая советское) массовом сознании не раз менялись. Все эти образы имели какую-то реальную основу, которая, однако, как-то искажалась, иногда фантастическим образом, они могли быть противоположными друг другу. И всегда, глядя на Японию, думали о собственной стране.

⁴² Михайлова Ю. Д., Торчинов Е. А. Образы в тупике: аниме и манга в современной России // Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images. Folkestone, 2008.

⁴³ Независимая газета. 21.03.2012.

Неприбыльные организации в Японии. Анализ повседневной деятельности

С. Б. Маркарьян

Неприбыльные, или некоммерческие организации – это неотъемлемая часть современного общества развитых стран и развивающихся демократий. Это – общественные организации, которые получение прибыли не ставят целью своей деятельности. Они призваны помогать людям. Если же их деятельность и приносит прибыль, то она не распределяется между членами данной организации, а направляется на ее нужды. Отсюда и название этих организаций. Они представляют собой значительную часть структуры общества и входят в его так называемый третий сектор, где первый занимает государство, а второй – бизнес.

Эти организации появляются там и тогда, где и когда центральные и местные власти не в состоянии, или не хотят защитить своих жителей, когда традиционные социальные связи (большие семьи, общины) ослабевают, а новые структуры пока еще бездействуют. Именно неспособность центральной и местных органов власти обеспечить благосостояние общества стало важным стимулом развития гражданских движений. Все начинается, как правило, с объединения в небольшие группы неравнодушных инициативных людей, стремящихся на добровольной основе оказать помощь либо самим себе, либо другим людям, которые в ней нуждаются, либо осуществить что-то значимое для общества в целом. Во всем мире их называют волонтерами. Они представляют собой в настоящее время важный, социально-значимый ресурс общества. Постепенно группы волонтеров приобретают организационно-правовую форму.

В Японии неприбыльные организации появились в начале XX века. Это были так называемые общественно полезные юридические лица (*коэки ходзин*), созданные в соответствии с положениями Гражданского кодекса, принятого в 1898 г. Их деятельность ограничивалась, как правило, сферой образования. В 1930-е годы они практически полностью подпали под прямое управление центральных властей, а во время Второй мировой войны их функции были переданы органам местного самоуправления¹.

В послевоенный период сравнительно активное развитие неприбыльных организаций пришлось на конец 1980-х – начало 1990-х годов. Те из них, которые выступают в защиту прав своих членов, жителей дан-

ного района или страны в целом, называют обычно некоммерческими организациями (НКО). Если же они связаны с зарубежными программами или оказывают помощь иностранцам (беженцам, мигрантам) на своей территории, то их называют неправительственными организациями (НПО), именно так они определены в Уставе ООН.

Но это разделение достаточно условно: некоммерческие организации, могут так же, как и неправительственные, осуществлять деятельность по зарубежным программам, но она, как правило, имеет для них лишь второстепенное значение. Неправительственные организации, в свою очередь, могут заниматься и местными проблемами, но эта деятельность в данном случае для них тоже не является основной. Численность всех этих организаций составляет от 10 до сотен тысяч человек.

Среди как некоммерческих, так и неправительственных организаций есть так называемые инкорпорированные организации, т. е. зарегистрированные в государственных органах и имеющие статус юридического лица. До конца XX в. их регистрировали в соответствии со статьей 34 кодекса 1898 г.² В 1998 г. в связи появлением все большего числа различных групп и ассоциаций жителей был принят Закон о содействии специализированной некоммерческой деятельности (*Токутэй хизйри кацудо сокусин хо*). Он должен был изменить устаревшую систему регистрации добровольных организаций, настоящий бум деятельности которых пришелся как раз на 1990-е годы.

Этот период в стране был отмечен затянувшейся рецессией, серьезными экономическими трудностями, дискредитировавшими послевоенную экономическую систему громкими коррупционными скандалами. Это был период, когда японское общество обнаружило, что существующая система не может ответить на вызовы грядущего века (наряду с упомянутыми выше негативными явлениями в стране наглядным подтверждением этого явилась запоздалая реакция правительства на землетрясение Хансин-Авадзи в районе Кобэ в 1995 г.)³ и осознано необходимость проведения ряда серьезных реформ в области управления, бизнеса и жизнедеятельности общества в целом.

Даже сам термин НКО (или НПО), как свидетельствует доцент Стокгольмского университета Огава Акихиро, стал широко употребляться только после землетрясения 1995 г., когда на помощь пострадавшему

² Гражданский кодекс конца XIX в. в послевоенное время был изменен только в части, касающейся семейного права.

³ Например, в первые 10 дней после землетрясения правительство не допускало чрезвычайные силы самообороны в район Кобэ под предлогом возможных антимилитаристских чувств местного населения; на пострадавшую территорию не были допущены европейские специально обученные собаки, поскольку они не прошли ветеринарного контроля; чиновники не разрешили передать спасателям мобильные телефоны, поскольку у них не было соответствующих сертификатов для работы в районе Кобэ (*Keiko Hirata. Civil Society in Japan. The Growing Role of NGOs in Tokyo's Aid and Development Policy. New York, 2002, p. 178*).

¹ Подробнее о коэки ходзин, в том числе и в послевоенный период см.: А. И. Кравцевич. Общественное предпринимательство в Японии, М., 1988, гл.3. В нашей литературе они встречаются иногда под названием «юридические лица с общественными интересами».

населению пришли, прежде всего, именно члены некоммерческих организаций (там действовало более одного миллиона добровольцев) и даже представители якудза, в то время как силы самообороны ждали указания из центра и оставались в казармах. Это серьезно поколебало власть бюрократии и доверие населения к сильным мира сего.

В связи с этим в политической элите, в средствах массовой информации, в академических кругах и среди простых жителей начались активные обсуждения деятельности добровольцев и их организаций как важных участников гражданского общества. Именно все связанное с землетрясением в районе Кобэ и последующее развитие волонтерского движения привлекли к деятельности общественных организаций внимание не только населения, но и правительства. Ощущение национальной угрозы, считает профессор университета Темпл Джеф Кингстон, создало беспрецедентные возможности для более широкого участия общественности в решении насущных проблем и усиления ее влияния на изменение жизни общества⁴.

На повестку дня встал вопрос о необходимости появления закона о легализации деятельности групп и организаций жителей, работающих на добровольной основе, о получении ими статуса юридического лица. В принятии такого закона были заинтересованы различные общественные и политические силы. На этом настаивали, в частности, представители Японской федерации экономических организаций (Ниппон кэй-данрэн), которая тоже активно участвовала в ликвидации ущерба от землетрясения и смогла оценить роль, которую играют в обществе эти организации. Свой вклад внесли и средства массовой информации, и, в частности, газеты «Nikkei Weekly» и «Асахи симбун». На их страницах печатались призывы к активизации гражданских движений, подчеркивалось, что деятельность некоммерческих организаций, будучи свободной от бюрократической опеки, оказывает большую помощь обществу, воодушевляет граждан и укрепляет демократию.

Поддерживали принятие закона и политические партии, которые предложили свой проект (традиционно законопроекты в Японии готовят чиновники). Среди них была и правящая в то время Либерально-демократическая партия (ЛДП), преследовавшая свои цели. Ее вполне устраивала, например, деятельность НКО по уходу за стариками и инвалидами, что сэкономило государственные средства. Об этом недвусмысленно заявил на страницах «Japan Times» в 2000 г. директор Японского отделения Азиатского фонда Эндрю Хорват. Он писал, что развивать некоммерческие организации гораздо дешевле, чем повышать налоги и нанимать чиновников⁵. Кроме того, деятельность этих организаций является средством повышения уровня занятости. Ну и еще одна причина – вовремя

перехватить инициативу у оппозиции. Сопrotивлялись принятию закона лишь бюрократы, которые и задержали его введение до 1998 г.

Принятие закона проходило в русле осуществляемой структурной перестройки различных сфер жизнедеятельности общества, в условиях проведения мер по децентрализации и дерегулированию в экономике и политике, пересмотра отношений между центральным правительством и органами местного самоуправления в сторону повышения автономии местных общественных организаций, а также реорганизации общественных предприятий.

Закон о содействии специализированной некоммерческой деятельности был принят парламентом в марте 1998 г. и вошел в силу в декабре того же года⁶. Следует заметить, что в середине первого десятилетия XXI в. была создана новая правовая система и для общественно полезных корпораций (*хоэки ходзин*), которые теперь смогут обратиться за получением нового статуса – новых общественно полезных неприбыльных корпораций или новых обычных неприбыльных корпораций⁷. Кроме того, они смогут получить также статус благотворительной организации⁸.

В статье 1 Закона о содействии специализированной некоммерческой деятельности записано, что его целью является содействие повышению уровня общественного благосостояния путем поощрения развития специализированной неприбыльной деятельности в форме организаций добровольцев или любой другой свободной деятельности граждан на благо общества на основе придания этим организациям статуса юридического лица⁹.

Главным в этом законе было положение о регистрации некоммерческих организаций в качестве юридических лиц (*токутэй хизэйри ходзин*). Закон изменил процедуру регистрации этих организаций: теперь не надо представлять горы никому не нужных бумаг и получать одобрение «компетентных властей» (избирать управляющий орган из уважаемых лиц, представлять бюджет и план деятельности на очередной финансовый год и согласовывать все это с государственными чиновниками). Теперь достаточно обратиться с заявлением к губернатору префектуры, в юрисдикцию которых входит район деятельности данной организации, или в Управление экономического планирования, если НКО действует в двух и более префектурах. Был резко сокращен срок прохождения регистрации: она должна быть проведена в течение двух месяцев, тогда как ранее процесс затягивался до шести месяцев и даже до года¹⁰. Закон

⁴ Jeff Kingston. Japan's Quiet Transformation. London, New York, 2005, p. 71.

⁵ Приводится по: Jeff Kingston. Japan's Quiet Transformation. London, New York, 2005, p. 82.

⁶ Текст закона см.: www.jcie.or.jp/civilnet/monitor/npo_law.pdf; Ёнэда Масако. НПО ходзин о цукуро (К созданию неприбыльных организаций-юридических лиц), Токио, 1999, с. 211–233.

⁷ www.jcie.or.jp/civilnet/monitor/8; www.kohokyo.or.jp.

⁸ Koichi Hasegawa. Constructing civil society in Japan. Melbourne, 2004, p. 217.

⁹ Ёнэда Масако... с. 211.

¹⁰ Первая НКО, получившая статус юридического лица, была «Фурано энгэки кобо» (осуществляющая поддержку театра в г. Фурано на Хоккайдо), которая подала заявление 1 декабря 1998 г. (в день, когда закон вошел в силу) и получила искомый статус 23 февраля 1999 г.

отменил требование о наличии в организации стартового капитала в сумме не менее 300 млн. иен и ежегодного размера бюджета – не менее 30 млн. иен, что было абсолютно неприемлемо для большинства мелких организаций. Закон определил перечень документов, необходимых для регистрации организаций, их содержание, состав и число служащих, время работы, ежегодную отчетность организаций, отражающую содержание их деятельности, баланс доходов и расходов и т. п.

В законе предусмотрен надзор за деятельностью НКО со стороны соответствующих органов власти, на территории которых действуют организации. В случае невыполнения предписаний этих органов на виновных налагается штраф в размере до 500 тыс. иен. Штрафам в размере не более 200 тыс. иен могут быть подвергнуты служащие в случае нарушения ими ряда статей данного закона.

Закон предусматривает различные области их деятельности: здравоохранение, уход за больными, сохранение окружающей среды, обеспечение безопасности, помощь при ликвидации стихийных бедствий, развитие культуры, искусства, спорта, защита прав человека, сохранение мира, международное сотрудничество, движение за гендерное равенство, воспитание здорового молодого поколения, социальное образование и т. д., всего насчитывалось 17 пунктов (в первоначальном варианте было 12 пунктов; в 2002 г. были добавлены: развитие информационных технологий, развитие науки и технологий, обучение по месту работы, оказание помощи при наезде, содействие экономической деятельности, защита прав потребителей).

Кроме вышеупомянутых закон позволяет этим организациям заниматься и другими видами деятельности, если они не входят в противоречие с их основным профилем, но при этом доход от них (если таковой будет) должен быть направлен на осуществление только специфической неприбыльной деятельности (ст. 5). Вместе с тем в ст. 2 особо подчеркивается, что НКО не должны заниматься политикой, поддерживать политические партии и кандидатов на выборах, распространять религиозные знания, участвовать в религиозных церемониях и пр.

Закон разрешает, и это очень важно, заключать контракты и соглашения, иметь недвижимость от лица НКО, арендовать офис, открывать банковский счет и т. п. Ранее все это надо было делать от имени частного лица и деятельность организаций замыкалась на каком-то одном человеке, который регистрировал ее, оформлял на себя телефонный номер, брал от своего имени в аренду оборудование и осуществлял все финансовые операции. Более того, после его смерти, например, чтобы продолжать деятельность, надо было заплатить налог на наследство.

И в целом нельзя не признать, что прежнее законодательство делало эти организации практически безголосыми, они всецело находились в руках бюрократов, только от чиновников зависело, кто будет зарегистрирован, кто получит какую-то помощь и т. п. Введение этого закона

сняло, помимо уже указанных, и ряд других проблем, которые затрудняли деятельность прежних НКО.

В 2000 – 2003 гг. к закону об НКО, а также к Закону о специальных налоговых мерах был принят ряд поправок, которые определили параметры льготного налогообложения (освобождение от налога на наследство, подоходного налога и налога на прибыль) как для спонсоров и жертвователей, так и для самих НКО. (В Законе о налогах на корпорации /1965 г./ они были приравнены к общественно полезным корпорациям). Для компаний льготное налогообложение было распространено лишь на 2,5% их дохода, для частных спонсоров – 12,5%.

Внесенные поправки сняли положение о том, что более одной трети дохода организации должно поступать за счет пожертвований и грантов (эта норма была снижена до одной пятой на последующие три года). Было снято также требование, чтобы НКО действовали только в одном муниципалитете, что позволило пользоваться такой льготой и мелким организациям. Было изменено положение, предписывающее в случае перевода средств за границу заблаговременно информировать об этом налоговую администрацию. Это требование осталось только для сумм, превышающих 2 млн. иен (о меньших суммах позволено сообщать лишь в конце финансового года). И, наконец, до 20% дохода, получаемого от прибыльной деятельности и подлежащего налогообложению, разрешается признавать в качестве пожертвований, исключаемых из налогообложения, если они тратятся на неприбыльную деятельность¹¹.

Таким образом, новый закон предоставлял неприбыльным организациям ряд преимуществ по сравнению с положениями статьи 34 Гражданского кодекса 1898 г. Он сделал большой шаг по пути либерализации и легализации деятельности этих организаций. И хотя некоторые исследователи замечают, что новый закон лишь приоткрывает несколько шире двери к развитию гражданского общества, или рассматривают его как средство, способное поставить деятельность некоммерческих организаций в определенные рамки, считая, что он был задуман для того, чтобы НКО не стали автономными акторами и превратились в угрозу для прерогатив государства, в целом он оценивается положительно как представителями некоммерческих организаций, так и научными работниками, занимающимися гражданскими движениями.

Так, исполнительный директор Японского центра НКО Ямаока Ёсинори считает, что эта организация будет содействовать созданию нового гражданского общества в Японии, чтобы страна могла внести свой вклад в дело мира и процветания во всем мире, и это – главная роль, которую должен играть Японский центр НКО¹². По мнению

¹¹ www/jcie.or.jp/civilnet/monitor/8

¹² Этот центр НКО одним из первых получил статус юридического лица по новому закону (www.gdrc.org/ngo/jp-civil-society.html).

профессора социологии Хасэгава Коити, даже формально организованные группы жителей являются «нелегальными» организациями, которые часто после разрешения той или иной проблемы распадаются, получение же легального статуса дает им возможность содержать постоянный штат управленцев и заниматься той или иной проблемой не после ее возникновения, а, напротив, предвзято возможные негативные ее последствия. Кроме того, он полагает, что легализация дает и ряд других преимуществ тем НКО, которые занимаются какой-то проблемой постоянно, поскольку они могут арендовать помещение, закупить оборудование, наладить коммерческие контакты с необходимыми компаниями и пр. Обретая легитимность, они получают определенные рычаги воздействия на местах, могут значительно усилить влияние и потенциал своей деятельности, установив надежную связь с местным сообществом¹³. Положительно отзывается об этом законе и Джеф Кингстон, оценивая его как веха в отношениях между государством и населением¹⁴.

Одна из основных проблем некоммерческих организаций – недостаток денежных средств. В большинстве своем они располагают очень незначительными финансовыми возможностями. По данным обследования НИИ экономики, торговли и промышленности, проведенного в 2003 г., в среднем их годовой бюджет составил 15,3 млн. иен (127,5 тыс. долл.), в том числе примерно у половины из них он не превышал 5 млн. иен; 82 % НКО имели в своем распоряжении штат служащих, но только 40% из них работали на постоянной основе и получали зарплату (в среднем на каждую организацию приходилось лишь 1–2 человека)¹⁵.

Традиционно основные источники получения денежных средств НКО – это взносы членов организаций (примерно одна треть общей суммы), государственные субсидии, индивидуальные пожертвования, дотации корпораций, фонды поддержки. В последнее время государственные вложения в эту деятельность начали расти, что должно положительно отразиться на финансовом положении НКО, но одновременно может представлять угрозу для их независимости¹⁶. Что касается индивиду-

¹³ Koichi Hasegawa. Constructing Civil Society in Japan. Melbourne. 2004, p.61, 62., 259.

¹⁴ Jeff Kingston..., p.82.

¹⁵ www.jcie.or.jp/civilnet/monitor/9html

¹⁶ В этой связи небезынтересно отметить весьма любопытное (если не сказать, наглое) высказывание одного из сотрудников МИД во время симпозиума, посвященного отношениям между государством и НКО (2002). На предложение одного из иностранных представителей не держать эти организации на коротком поводке при государственном финансировании и увеличить налоговые льготы, этот чиновник ответил, что японские НКО очень слабые, не в состоянии справиться с крупными суммами и поэтому они нуждаются в надзоре и помощи. Другими словами, пока НКО слабые, в том числе и в финансовом отношении, государство должно проводить политику ограничения их финансовой автономии, препятствовать их росту и превращения их в организации, способные эффективно выполнять заявленные цели, т. е. активно вмешиваться в политику.

альных пожертвований, то, по данным статистики, более ¾ семей так или иначе занимаются благотворительностью, но предоставляемые ими суммы очень незначительны. Так, обследование Министерства внутренних дел, почт и телекоммуникаций свидетельствует, что ежегодно каждая семья в среднем жертвовала в 2000 г. 3200 иен (27 долл., в то время как в США – более 1500 долл.).

Небольшие суммы индивидуальных пожертвований можно, пожалуй, объяснить традиционным менталитетом японцев, в котором элементы благотворительности достаточно слабы, хотя, казалось бы, взаимопомощь у них в крови. Но это именно взаимопомощь, а не благотворительность. Обычно японцы считают, что они платят налоги, а все остальное – дело правительства и местных органов власти. Американский исследователь Виктория Бестор (Корнельский университет), прожившая в Японии в общей сложности примерно 7 лет, отмечает особенность японского типа филантропии. Она пишет, что простые японцы далеко не всегда понимают смысл филантропии. По ее словам, она столкнулась с различными толкованием этого слова, недопониманием смысла не только таких слов как филантропия и гражданское общество, но даже значения «добровольных действий», или «неправительственных организаций», равно как и различия между «общественным» и «частным», а также важностью «индивидуализма» при мотивации людей давать деньги или предоставлять обществу свое время¹⁷.

Точными данными о размерах корпоративных пожертвований мы не располагаем, но известно, что из общей суммы пожертвований в 2002 г. только 13% досталось различным общественным организациям, включая и НКО. Подавляющая же часть средств крупных корпораций идет на нужды центрального правительства и местных органов власти, а также в качестве политических пожертвований.

Что же касается фондов, то в Японии они обычно выдают гранты на учебные программы и научные исследования отдельным лицам или коллективам, но, как правило, не общественным организациям. Но и здесь есть определенные подвижки: видимо, учитывая все увеличивающееся значение НКО, еще в 2002 г. при Японском Фонде был создан Комитет по поддержке этих организаций, а в марте 2004 г. вопросам НКО и различных гражданских групп был посвящен специальный выпуск Справочника Японского Фонда.

Конечно, в стране есть и крупные неприбыльные организации, например те, которые работают в рамках соответствующих международных организаций или занимаются сиротами. Они получают примерно по 2 млрд. иен ежегодно, хотя и не имеют статуса, освобождающего их от налогов. Но большинство обычных организаций находятся в весьма затруднительном положении. Они не имеют возможности нанять про-

¹⁷ www.jcie.or.jp/jcie/

фессионалов, которые могли бы объяснить потенциальным спонсорам, для чего им нужны деньги, как они будут их использовать и т. п. Так что без государственной поддержки они, как правило, обойтись не могут, хотя в этом случае возникает угроза их автономности.

О численности некоммерческих организаций, зарегистрированных как юридические лица (с соответствии с Законом о содействии специализированным некоммерческим организациям), в начале XXI в. свидетельствуют следующие цифры¹⁸:

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2007	2011
2165	4291	7375	11899	17424	22424	31115	41600

Но число зарегистрированных организаций – это, как уже упоминалось, далеко не все неприбыльные организации. Несмотря на ряд преимуществ, которые они имеют по новому закону при регистрации и получении статуса юридического лица, многие предпочитают не ограничивать свободу своей деятельности – не хотят устраивать общие собрания, составлять финансовые отчеты, находиться под надзором чиновников, в известной мере потерять самостоятельность. Конечно, получение финансовой помощи со стороны государства очень привлекательно, ибо придает определенную стабильность их деятельности (ведь пожертвования от частных лиц или корпораций в период плохой конъюнктуры резко сокращаются, что и произошло, например, после краха «мыльного пузыря»). Однако при этом в значительной степени нарушается независимость организаций: ведь они должны, как правило, делать только то, что нужно в данный момент государству, а не то, что беспокоит граждан страны. Поэтому неудивительно, что все еще многие из них не спешат получать статус юридического лица. Такие организации обычно называют добровольными (*нин'и дантай*), или гражданскими (*симин дантай*) объединениями.

Наибольшее распространение получила деятельность НКО в области социального обеспечения и медицинской помощи. В основном они оказывают помощь пожилым людям. Ранее традиционно этим занимались женщины в семьях, или (после принятия в 1962 г. Закона о помощи пожилым) местные власти, которые посылали социальных работников в необходимых случаях. Так, по данным на июнь 2005 г., в области здравоохранения и медицины было 12724 НКО (57 %), Весьма популярными являются НКО по распространению социального образования (образования в течение всей жизни – *сёгай гакусю*) – на них пришлось 10559 организаций (48 %), по обустройству городов – 8917 (40 %), в сфере воспитания детей – 8828 (40 %), в области культуры и спорта – 7139 (32 %), сохранения окружающей среды – 6481 (30 %) и международ-

ного сотрудничества – 4872 НКО (22 %). Многие НКО интересуются вопросами развития культуры, искусства, спорта в своем локальном обществе, оказывают помощь музеям. В последнее время постепенно распространяется их деятельность по обеспечению безопасности жителей (используются, в частности, «тревожные кнопки») локальных сообществ (коммюнити). Следует иметь в виду, что некоторые организации занимаются одновременно несколькими видами деятельности.

Чтобы представить себе, что собой представляют и как конкретно работают японские некоммерческие организации, приведем несколько примеров их деятельности в различных сферах. Воспользуемся, в частности, результатами полевых исследований доцента Стокгольмского университета Огава Акихиро, который в течение длительного времени (в общей сложности 29 месяцев за период 2001–2006 гг.) наблюдал деятельность Н-ного НКО изнутри¹⁹.

Эта группа граждан была создана муниципальными властями в середине 1990-х годов для распространения системы пожизненного образования (в соответствии с Законом об обеспечении пожизненного обучения 1990 г.) в одном из локальных обществ в деловом районе восточной части японской столицы. После принятия нового закона муниципалитет помог ей зарегистрироваться как НКО, и деятельность этой организации начала проходить под руководством местной администрации. Работая в этом НКО, ученый стремился понять, что ощущают простые японцы в условиях, когда гражданское общество находится под контролем государства. Он брал интервью у различных людей и пользовался архивными материалами.

Деятельность этого НКО (организация различных курсов – по литературе, иностранным языкам, спорту и т. п.) проходила в сотрудничестве с муниципалитетом. В организацию входило свыше 100 волонтеров. Активная их часть состояла из приглашенных руководством муниципалитета. Это были лидеры местных групп – соседских ассоциаций, любителей занятий спортом²⁰. Большинство же составляли пенсионеры, домохозяйки, служащие, предприниматели. Хотя эта организация была расположена в рабочем районе города, основная масса ее членов была представлена так называемыми белыми воротничками. Это были вполне состоятельные служащие, имеющие образование на уровне колледжа. Среди волонтеров не было мигрантов, хотя они составляли значительную часть местных жителей, особенно большой была корейская диаспора. Не было среди волонтеров и буракумин'ов (японских париев).

¹⁹ Akihiro Ogawa. The Failure of Civil Society? The Third Sector and the State of Contemporary Japan. Tokyo, 2009, p. 15–19, 156, 160 и др.

²⁰ В ряде неприбыльных организаций штат сотрудников состоит из бывших чиновников, отставных бюрократов, особенно это часто встречается в организациях, которые имеют легальный статус.

¹⁸ The Asahi Shimbun Japan Almanac. Tokyo, 2006, p. 222.

Два раза в год на собрании соответствующего отдела проходил набор новых добровольцев. Обычно этому предшествовало предварительное собеседование. Основной принцип найма новых работников – возможность их сотрудничества с другими волонтерами, работать, не создавая друг другу проблем. Огава Акихиро наблюдал несколько раз, когда волонтеры настаивали на исключении из группы некоторых членов, которые вызвали раздражение остальных. Руководство НКО стремилось набирать новых людей, по характеру похожих на уже работающих в группе, которые безропотно выполняли все правила организации.

В этом, по нашему мнению, проявился издавна присущий японцам групповой тип поведения, принцип общности, солидарности, конформизма. Представляется, что хотя это создавало консенсусную атмосферу в организации, такая обстановка одновременно препятствовала проявлению инициатив, что, в свою очередь, тормозило укоренение гражданских ценностей в японском обществе.

А. Огава описывает волонтеров в данном НКО, как весьма пассивных, далеких от бурной деятельности, характерной для участников новых общественных движений 1960-х годов. По его мнению, члены этого НКО – представители среднего класса, который в послевоенной истории Японии называют «молчаливым большинством», они действуют в умеренном ключе, успешно сотрудничая с правительством²¹.

В течение шести месяцев НКО вела переговоры с представителями органов местного самоуправления (ОМС) о доверительной передаче функций по развитию системы пожизненного обучения в данном районе. В переговорах участвовали: руководитель НКО, трое его заместителей, генеральный секретарь организации и его заместитель, а также четверо представителей муниципальных чиновников – руководитель отдела политики пожизненного обучения, глава центра пожизненного обучения, его заместитель и специалист по социальному образованию от муниципалитета. А. Огава, присутствовавший на этих переговорах, констатирует, что все обсуждения проходили под сильным давлением чиновников, тон их был напористым и недружелюбным, позиции представителей НКО были весьма слабыми. И хотя последние, недовольные сугубо рациональными предложениями чиновников, делали попытки навязать свою линию, бюрократы доминировали. Таким образом, – заключает Огава, – НКО представляют собой всего лишь средство участия в процессе решения проблем в общественных делах для улучшения жизни общества. Такие граждане (*симин*) составляют основную часть «гражданского общества» в современном японском обществе²².

Много групп общественных движений связано с экологическими проблемами. Первые из них достаточно активно действовали в конце

1960-х – начале 1970-х годов, когда загрязнение воды, почвы и атмосферы промышленными отходами начали вызывать серьезные болезни у жителей, но после разрешения того или иного вопроса, обычно распадалась. Экологические НКО занимаются как различными местными проблемами, затрагивающими конкретных жителей того или района или того или иного поселения, так и имеющими глобальный характер. Речь в этом случае, например, идет об угрозе глобального потепления, озоновых дыр, недостатка пресной воды. Другими словами, с этой проблемой связаны, как некоммерческие организации внутри страны, так и неправительственные организации, работающие в тесном сотрудничестве с международными неправительственными организациями в мировом масштабе. Движения, касающиеся глобальных проблем, организуются в первую очередь профессионалами, которые привлекают к ним общественное мнение, разъясняют сущность проблем и разрабатывают различные способы и методы их решений.

Сегодня мобилизация движений местных жителей и граждан для решения конкретных экологических проблем стала обычным явлением повседневной жизни людей во многих локальных сообществах Японии. Они решают наболевшие вопросы местных жителей. Это – защита лесов, избавление от мусора и отходов, сохранение исторических улиц, зданий, парков, борьба против загрязнения воздуха, воды и почвы промышленными отходами²³ или сельскохозяйственными химикатами, ликвидация шумов от самолетов или от высокоскоростных магистралей и т. п. Участники этих движений часто сплываются в организации и обращаются к правительству, муниципальным властям или фирмам с требованиями разрешить эти насущные проблемы. Местные движения нередко получают поддержку организаций соседних территорий и даже более широких гражданских движений, особенно, когда речь идет об экологических проблемах, связанных со строительством АЭС или нефтеперегонных заводов. Некоторые из этих движений возникали как ответ на загрязнение окружающей среды, другие – как предупреждение такого загрязнения. Участники движений представляли разные слои общества.

Следует заметить, что такого рода движения, естественно, прежде всего, непосредственно направлялись против корпораций – виновников тех или иных загрязнений. Они были объектом критики, им предъявлялись судебные иски. Но фактически косвенно эти выступления были направлены и против политики правительства, которое разрабатывало планы комплексного национального развития, предусматривающие

²¹ Akihiro Ogawa. The Failure of Civil Society? 2009, p. 159.

²² Akihiro Ogawa..., с. 161.

²³ В книге «Constructing civil society» автор упоминает, что крестьяне еще в период Эдо протестовали против загрязнения воды в результате развития горнодобывающей промышленности, а в эпоху Мэйдзи в связи с аварией на медном руднике Асио возникли первые формы экологических движений (Koichi Hasegawa. Constructing Civil Society in Japan. Melbourne, 2004, p. 43).

стимулирование широкомасштабных проектов, строительство транспортных сетей высокоскоростных железнодорожных линий и скоростных автострад. Мощные движения, в частности, возникли в разных районах страны, на Хоккайдо и в Кагосима, где планировалось строительство нефтехимических комплексов. В связи с протестными движениями от этих планов пришлось отказаться²⁴. В районах крупных мегаполисов жители устраивали массовые митинги, выступали против строительства аэропортов (например, Нарита), или скоростной железнодорожной ветки Дзёэцу и грузовой транспортной линии в Иокогаме. Если речь шла об аэропортах или железнодорожных линиях, претензии и судебные иски предъявлялись Министерству транспорта и государственным органам, ведающим транспортными объектами, поскольку они не принимали на себя ответственность за причиненный ущерб и меры по снижению звукового «загрязнения».

В ряде районов серьезной проблемой в начале 1980-х годов стали автомобильные покрышки с шипами, которые на сухой поверхности повреждают дорожное покрытие. В ряде городов, например в Сэндае и Саппоро, возникло движение за добровольный отказ от их использования. И, в конце концов, в 1990 г. был принят закон, который полностью запретил их. Известны также примеры деятельности некоммерческих организаций в мелких городах: в городке Татикава благодаря деятельности НКО запустили ветряную энергетическую установку, в городке Канаяма были восстановлены деревянные дома из местного кедра, в г. Нагаи организованы сбор и переработка бытовых отходов в компост, направляемый на развитие органического сельского хозяйства²⁵.

Японские волонтеры участвуют в различных глобальных экологических движениях, в работе филиалов ряда международных неправительственных организаций, например, Всемирного фонда дикой природы, Друзей Земли, Гринпис. По мнению профессора социологии Хасэгава Коити, роль, которую сыграли неправительственные организации во время экологической конференции по предотвращению глобального потепления в Киото в 1997 г., трудно переоценить. Он уверен, что без НПО вряд ли был бы подписан Киотский протокол²⁶.

НПО начали быстро развиваться с конца 1980-х-начала 1990-х годов²⁷. Это произошло на фоне активной деятельности аналогичных организаций других развитых стран, которые работали в сотрудничестве с государственными органами. Однако японские НПО по численности и ресурсному

обеспечению намного уступали аналогичным организациям Запада. Чтобы продемонстрировать, что в Японии этот сектор тоже развивается активно, японское правительство изменило свое предвзятое отношение к НПО и начало оказывать финансовую помощь не только официально зарегистрированным организациям (*коэки ходзин*), но и не имеющим легального статуса, и им как раз, прежде всего.

Как пишет политолог Ким Д. Рейманн (директор Центра азиатских исследований, университет Джорджии), одна из авторов работы «Состояние гражданского общества в Японии», японские бюрократы были вынуждены пересмотреть свои предубеждения в отношении этих организаций и постараться поднять уровень их деятельности до международного стандарта. В результате к середине 1990-х годов 48 % из 347 НПО, перечисленных в справочнике Японского центра международного сотрудничества, получали ту или иную финансовую помощь от государства²⁸.

В настоящее время НПО, как правило, работают в тесном взаимодействии с государственными органами, которые предоставляют им субсидии и гранты через Министерство иностранных дел (главным образом), а также через Министерство почт и телекоммуникаций и Японскую корпорацию по охране окружающей среды (Japan Environment Corporation).

В то же время НПО, как и НКО, страдают от недостатка финансовых средств и отсутствия высококвалифицированных штатных сотрудников. В конце XX в. ежегодный бюджет 72 % этих организаций в среднем не превышал 24 млн. иен (199 тыс. долл.). Даже самые богатые НПО на порядок уступают в этом отношении, а также в масштабах своей деятельности аналогичным западным. Например японская «SVA» – четвертая в таблице о рангах имела бюджет в 7,4 млн. долл., в то время как американская «CARE» – 340, а британская «OXFAM» – 150 млн. долл.²⁹.

В середине первого десятилетия нашего века в Японии насчитывалось примерно 800 неправительственных организаций, деятельность которых связана с иностранцами. Большинство из них оказывают помощь странам Азии и Африки в развитии сельских районов, в сфере медицины и образования. В 2005 г., например, 15 НПО получили 36 млн. иен для осуществления 22 проектов в 22 странах. Часть средств поступает и от Японской ассоциации международного сотрудничества по линии Официальной помощи развитию³⁰.

В 2000 г. правительство (в лице Министерства иностранных дел), бизнес (в лице Ниппон кэйданрэн) и ряд НПО создали в рамках государственно-частного партнерства организацию под названием Японская

²⁴ Koichi Hasegawa..., p. 47.

²⁵ Ibid, p. 49, 50, 261.

²⁶ Ibid, p. 57.

²⁷ До начала 1970-х гг. существовало лишь 13 НПО, в конце их стало 22, в начале 80-х гг. – 46, в конце – 86, в начале 90-х годов – 143 (Keiko Hirata. Civil Society in Japan. The Growing Role of NGOs in Tokyo's Aid and Development Policy. New York, 2002, p. 35).

²⁸ The State of Civil Society in Japan. Cambridge, 2003, p. 303, 304, 306.

²⁹ Keiko Hirata..., p.40, 41.

³⁰ Facts and Figures in Japan. Tokyo, 2007, p. 62.

платформа (Japan Platform, JPF) – фонд для активизации деятельности НПО по оказанию экстренной гуманитарной помощи в случае природных катастроф, вооруженных конфликтов и появлении беженцев. В 2006 г. его деятельность была распространена и на оказание помощи во время стихийных бедствий на территории самой Японии. В том же году для осуществления 60 проектов помощи было предоставлено свыше 1 млрд. иен³¹.

Очень большое распространение получили организации, оказывающие медицинскую помощь, занимающиеся уходом за больными и престарелыми. Это относится и к НКО, получивших статус юридических лиц и не имеющих такового. Они появились в связи с необходимостью для государства взять заботу о пожилых людях на свои плечи из-за постепенного распада больших семей и выхода женщин на рынок труда. Однако в связи с быстрым старением населения бремя оплаты необходимого персонала оказалось государству не под силу. И поэтому, как и во многих других случаях, на помощь пришло общество. В конце 1980-х годов в локальных сообществах начали создаваться группы и организации по уходу за престарелыми жителями. Их деятельность, по мнению Ф. Кулмаса, стала предвестником развития гражданского общества страны³². Участники этих организаций, посещая одиноких стариков на дому, оказывают им разнообразные услуги в повседневной жизни: выполняют домашнюю работу, работу сиделок, помогают, например, принять ванну и т. п. Кроме того, пожилых людей приглашают в дневные центры, где им также предоставляется посильная помощь.

В стране насчитывается свыше 100 неприбыльных организаций, созданных на основе локальных обществ, которые занимаются деятельностью, связанной с таким серьезным заболеванием как СПИД³³. Они появились в Японии с 1990-х годов. Возглавляли их врачи, медицинские и социальные работники, а иногда и сами ВИЧ-инфицированные и больные СПИД'ом. Они начали играть важную роль в деятельности по пропаганде профилактики этой болезни, по уходу за больными и их поддержкой. Как правило, эта болезнь в наибольшей степени распространена среди маргинальных групп, т. е. среди той части жителей, с которыми государственные чиновники не жаждут общаться напрямую. В отличие от государственных широкомасштабных программ, которые молодые люди воспринимают как морализаторство, НКО предлагают конкретные действия, которые лучше воспринимаются молодежью. В 2003 г. в национальном масштабе была создана Японская

организация ВИЧ-инфицированных и больных СПИД 'ом с целью предоставления необходимой информации об оказании медицинских и социальных услуг, проведения акций за улучшение жизненных условий таких больных, в защиту их прав и для налаживания связей с подобными организациями за границей.

Весьма активны НКО, помогающие мигрантам, имеющим просроченные визы³⁴. Есть несколько типов групп поддержки мигрантов. Это, например, появившиеся в начале 1980-х годов христианские НКО³⁵, которые были первыми, в этой сфере. Они оказывают различные услуги, связанные, как с условиями работы мигрантов, так и с их семейными проблемами. Средства поступают от церкви. Кроме того, с этой же целью действуют союзы трудящихся локальных сообществ³⁶, которые рассматривают вопросы, связанные с трудовыми отношениями – несправедливое увольнение, невыплата зарплаты, отсутствие компенсаций при получении травм на работе; группы защиты прав женщин, дающие юридические советы и предоставляющие временный приют мигранткам, подвергшимся оскорблениям и пр.; некоммерческие организации, оказывающие социальные и медицинские услуги³⁷, в том числе переводческие услуги иностранным пациентам, которые, как правило, не охвачены системой Национальной медицинской страховки; группы поддержки НКО в юридической сфере, которые предоставляют иностранцам юридические консультации и разрешают споры по трудовым вопросам, проблемам свадеб, разводов и ряду других. Многие из этих организаций помогают не только мигрантам, но и буракумин'ам, пожилым людям и бездомным. Как правило, их члены объединены общей идеологией социального равенства в той или иной форме – расовой, классовой, гендерной. Расходы покрываются членскими взносами и частично предоставляются местными органами власти.

Определенным шагом на пути развития гражданских движений было создание офисов гражданских уполномоченных по правам человека. Первый такой офис появился в Осака в конце 1980-х годов в связи с

³⁴ Подробнее см. *Apichai W. Shipper*. Foreigners and civil society in Japan. Los-Angeles. 2005; *Illegal democrats: immigrant rights. NGO's in contemporary Japan* (www.thefreelibrary.com/foreigners+and+civil+society+in+japan/; www.jil.go.jp/profile/documents/).

³⁵ Хотя в самой Японии численность христиан составляет порядка 1%, эти организации содействуют мигрантам из Бразилии, Перу, Кореи и Филиппин, среди которых много католиков и протестантов, и они их воспринимают как братьев во Христе.

³⁶ В отличие от *родо кумий* они называют себя «юнион». В этих союзах участвуют и сами мигранты, но, как только вопрос разрешается, они покидают организацию.

³⁷ Эти группы появились в 1990-е годы, когда в связи с изменением закона об иммиграционном контроле иммигрантов с просроченными визами исключили из системы Национальной медицинской страховки. В них задействован персонал частных медицинских центров. В 1992 г. только в столичной префектуре Токио и преф. Канагава было 57 таких групп поддержки, а после закона 1998 г. добавилось только четыре.

³¹ The Asahi Shimbun Japan Almanac. 2005, p.106; Facts and Figures in Japan. 2007, p. 62.

³² *Florian Coulmas*. Population Decline and Ageing in Japan – the Social Consequences, London and New York. 2008, p. 70.

³³ Подробнее об этом см.: Civil Society Monitor from National AIDS Surveillance Committee. Annual Report 2004 (www.or.jp/civilnet/monitor).

рядом коррупционных скандалов, затем в Нагоя, Сэндае и в других городах, в том числе и в Токио. В 1994 г. была создана Японская ассоциация гражданских омбудсменов (Japan Citizen Ombudsman Association). Они существуют на взносы членов, за счет дотаций и средств от продажи книг; в частности, дотации поступают от юристов организаций, когда они выигрывают дела о превышении стоимости государственных контрактов и т. п. против местных властей. На 2008 г. существовало 85 организаций, насчитывающих 6 тыс. членов.

В этом движении участвуют как профессионалы – юристы, бухгалтеры и адвокаты, так и активисты, имеющие большой стаж работы. Они проводят аудит по гражданским запросам и искам против местных органов власти по незаконным расходам, включая фальсифицированную оплату поездок, фальшивые издержки, раздутые счета, траты на развлечения чиновников, ненужные расходы на общественные работы. Участники этого движения, используя экспертные оценки и аналитические методы, публикуют неопровержимые доказательства нарушений со стороны местных властей. Так, например, было выявлено, что около 80 % пособий на питание, которые выплачивались бюрократам секретариатов и финансовых управлений сорока префектур и крупных городов, были расходами на развлечения³⁸.

Размеры статьи ограничивают число примеров деятельности различных неприбыльных организаций. Но, конечно, сегодня, говоря об НКО и НПО, нельзя не отметить их активность в связи с событиями 11 марта 2011 г. Как сообщает газета «Асахи»³⁹, примерно 60 японских неправительственных организаций, имевших опыт работы за границей, помогали в ликвидации ущерба от стихийных бедствий. Выше уже отмечалось, что во время землетрясения в районе Кобэ в 1995 г. работало много общественных организаций, но впервые так много именно НПО активно участвовали в оказании помощи на территории Японии. Одна из них из Киото (Японская организация международного сотрудничества по развитию локальных обществ – NICCO⁴⁰) занималась борьбой с огромными тучами мух, которые расплодились на испорченной рыбе (из холодильников, разрушенных цунами). Восемь добровольцев в защитных одеждах и масках при 30-градусной жаре опрыскивали инсектицидами груды мусора, облепленные мухами. Руководил ими специалист энтомолог из компании по производству пестицидов, который свое свободное время посвящал работе в НПО. Большую помощь в работе НПО в районе Тохоку оказал фонд «Японская платформа» (о нем см. выше), который собрал около 5 млрд. иен (65,2 млн. долл.) от частного

сектора. На сентябрь 2011 г. было профинансировано 16 организаций. В частности, из этого фонда было оплачено 8 % (200 млн. иен) стоимости проекта NICCO по ликвидации насекомых. Кроме того, неприбыльные организации предоставляли в связи со стихийным бедствием и денежную помощь. Так, например, только за март 2011 г. Японский центр некоммерческих организаций предоставил 241 тыс. долл., Японский центр НПО по международному сотрудничеству – 874 тыс. долл., «Японская платформа» – 22,5 млн. долл.⁴¹

Но в организации деятельности добровольных помощников были и некоторые накладки. Так, например, как рассказывает Биннака Тэцута (руководитель одной из групп, приехавших через неделю после событий 11 марта в район Тохоку), за границей нас встречают очень приветливо, как только говорим, что «мы – это организация помощи из Японии». В нашей же стране все было совсем не так. Здесь, в эвакуационном центре мы слышали, что появилась «какая-то подозрительная организация», а когда мы передавали людям необходимые вещи для их временного жилища, нас спрашивали: «Вы счет пришлете позже?», и было очень трудно людей переубедить, что все это делается бесплатно. Видимо, информация о деятельности добровольческих групп еще не очень распространена. Отмечал неудовлетворительную координацию действий спасателей и добровольных помощников в первые месяцы после землетрясения и глава районного офиса организации «Японская платформа» Мёдзё Тэцуя, но при этом он заметил, что уже в августе все встало на свои места. Объясняя некоторые неувязки в организационной работе, Ёкояма Сэйдзиро, заместитель директора департамента социального благосостояния правительства префектуры Мияги, отметил, что «до сих пор у местных органов власти не было никаких контактов с НПО, работающих за границей... землетрясение вызвало рождение новых связей»⁴².

* * *

В принципе неприбыльные организации способны оказывать давление на административные органы, ослаблять влияние бюрократии, создавать новый объем социальных ресурсов, превратиться в движущую силу социальных изменений, стать трибуной для граждан. Об этом говорят многие исследователи, конкретно анализирующие проблемы НКО в Японии⁴³. В то же время абсолютно все констатируют все еще весьма слабые позиции этих организаций в рамках третьего сектора: они достаточно прочно встроены в государственную структуру, сильно

³⁸ www.locate-a-ombudsman.com/JapanOmbudsman.html; <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan047865.pdf>; Koichi Hasegawa. Constructing..., p. 246, 247.

³⁹ The Asahi Shimbun GLOBE. 23.10.2011.

⁴⁰ Эта организация была создана в 1979 г. по программе помощи беженцам в Кампучии. Затем ее участники работали в Африке, на Ближнем Востоке и Южной Азии и других местах.

⁴¹ www.philanthropynewyork.org/s_nyrag/bin.asp?CID=18088&did=47303&DOC=FILE.PPT

⁴² <http://ajw.asahi.com/article/0311disaster/recovery/AJ2011102314128>

⁴³ См., в частности, Огава Акихиро, цит. соч., с. 143; Florian Coulmas, цит. соч., с. 72; Apichai Shipper. Foreigners and Civil Society in Japan (www.thefreelibrary.com/foreigners+and+civilsociety+in+japan/); Джеф Кингсто, цит. соч., с. 82.

ассоциируются с государством, очень слабы в финансовом отношении, что значительно отличает их от аналогичных организаций на Западе. Поэтому нам представляется, что эти организации еще не в состоянии взять на себя серьезную ответственность за судьбы страны.

На наш взгляд, такое положение во многом связано с историческим развитием страны, ее традициями коллективизма, подчинением вышестоящим как лицам, так и органам, ассоциированием индивидуума с государством. Роль государства в Японии всегда была очень большой, и все «общественные» нужды определялись именно государством, только оно знало, что нужно людям, в чем заключаются их интересы, и принимало меры для их удовлетворения в той степени, в которой оно считало возможным. Короче говоря, за все отвечало государство. Именно этим можно объяснить отношение японцев к «благотворительности», о чем уже было упомянуто выше. Вспомним, что слова «*кодзин*» и «*дзю*» для обозначения новых западных терминов «индивидуум, частный, личный» и «свобода» появились в японском языке лишь в период Мэйдзи. А понятие «общественные» интересы (*коэки*) одновременно означают «национальные» интересы, т. е. государственные. И только в настоящее время постепенно слово «общественный» приобретает смысл «гражданский».

Вместе с тем, нельзя не отметить, что деятельность японских НКО, оформленных по закону 1998 г., или все еще не имеющих статуса юридического лица, — один из явных показателей активизации роли населения в управлении страной. Пока что можно засвидетельствовать, что именно деятельность некоммерческих и неправительственных организаций принесла свои плоды в деле принятия важных законов в стране, в частности закона о самих НКО (в том числе и о введении льготного налогообложения) и закона об открытости информации. Именно под давлением гражданского движения за открытость информации правительство разрешило местным органам самоуправления принимать «Уложения об открытости информации», согласно которым граждане получили доступ к документам о принимаемых этими органами решений, прежде всего, касающихся быта населения (первое такое уложение было принято в 1982 г. в поселке Канаяма, преф. Ямагата, в 1985 г. его принял муниципалитет Токио)⁴⁴. К концу века такие уложения были приняты примерно пятой частью местных органов власти. Постепенно требования о предоставлении информации начали предъявлять не только местным органам власти, но и центральному правительству. А в 1999 г. был принят закон об открытости правительственной информации, который вошел в силу в апреле 2001 г.

⁴⁴ Подробнее о Законе об открытости административной информации см. статью Д. В. Стрельцова в сборнике «Японский опыт для российских реформ», 2002, вып. первый, с. 63–69.

Не менее значима их активность в оказании социальных услуг населению. Несколько лет назад в нашей печати⁴⁵ со ссылкой на газету «Асахи» появилось сообщение, что жители г. Канадзава (преф. Исикава), проживающие около базы сил воздушной обороны Комацу, получили компенсацию за высокий уровень шумов в размере 1,2 млрд. иен, на 814 млн. больше, чем им было присуждено ранее. Вместе с тем пока что их требования о запрете учебных полетов в ночное и утреннее время суд не удовлетворил. Но вряд ли жителей успокоит этот промежуточный успех и, скорее всего, борьба будет продолжена. В марте 2007 г. представители Союза потребителей Японии (это тоже некоммерческая организация) провели проверку 21 безалкогольных напитков, в 16 из которых были выявлены канцерогенные вещества⁴⁶. Одна из некоммерческих организаций в защиту женщин — группа «М» внесла свой вклад в подготовку Закона о предотвращении семейного насилия 2001 г. А министерство юстиции благодаря деятельности НКО, представителей Общества дружбы с народами Азии и петиции японских научных работников о выдаче «Специальных разрешений на проживание» иностранцам, живущим в стране свыше 10 лет и имеющих родившихся здесь детей, в 2000–2004 г. выдало 40 тыс. таких разрешений⁴⁷. Выше приводились примеры, как группы поддержки иммигрантов сумели добиться получения «специального разрешения на проживание» для иностранцев, работающих в стране с просроченной визой и многие другие.

Привлекают внимание и результаты деятельности неприбыльных организаций в сфере глобальных проблем. Они активно работали, чтобы Япония поставила свою подпись под Конвенцией ООН по ликвидации всех форм дискриминации женщин, под Конвенцией ООН в защиту детей, по правам мигрантов, за искоренение расизма и пр.⁴⁸

Таким образом, НКО и НПО являются не просто пассивными партнерами государства, а подчас активно влияют на политику, проводимую центральными и местными органами власти. Другими словами, уже наступает время, когда не государство формирует гражданское общество (хотя это до сих пор имеет место), а организации гражданского общества начинают постепенно влиять на государственную политику.

Все это свидетельствует о том, что неприбыльные организации становятся важным игроком в японском обществе, обладая определенными возможностями для продвижения необходимых реформ; что успешное лоббирование гражданами своих интересов в парламенте вкупе с законодательным опытом органов местного самоуправления, в конце концов, сможет в значительной степени подорвать всевластие бюрократов.

⁴⁵ Коммерсантъ. 17.04.2007.

⁴⁶ <http://cujitokyo.wordpress.com/2007/>

⁴⁷ См.: Apichai W. Shepper...

⁴⁸ Подробно см.: Another Japan is Possible. New Social Movements and Global Citizenship Education. Ed. by Jannifer Chan. Standford, 2008, p. 8, 12, 13.

А. Н. Панов

Согласно древним японским мифам, «божественным» основателем императорской династии Японии является небесный принц Ниниги-но Микото, внук богини Аматэрасу Омиками (Великая священная богиня, сияющая на небе), которая послала его на землю править населявшими ее богами и людьми. Бабушка вручила внуку три регалии императорской власти – бронзовое зеркало, яшмовые подвески, меч и напутствовала его: «Освещай мир так же ярко, как это зеркало. Правь миром чудодейственным взмахом этих яшмовых подвесок. Покарай тех, кто не послушен тебе, потрясая этим божественным мечом».

Зеркало хранится в главном синтоистском святилище Исэ *дзингу* (название *дзингу* означает, что святилище относится к императорскому культу), яшмовые подвески – в императорском дворце в Токио, меч в – Ацута *дзингу* в г. Нагоя. Эти регалии синтоистские жрец демонстрируют только императору во время проведении церемоний, связанных с восшествием на престол.

Спустившись с небес в означенное место, небесный принц Ниниги женился на дочери земного принца Оямацуми принцессе Конохана-но-Сакуя-Химэ. У них родился сын – принц Хо-но-Ори-но-Микото, который и стал дедом первого земного императора Дзимму (Божественный воин). Вместе со своими дружинами Дзимму пришел с юга о.Кюсю на равнину Ямато на о. Хонсю. В местечке Касивара он основал резиденцию, которую можно считать как бы первой столицей. Произошло это событие 11 февраля 660 г. до н. э. С этого числа и ведется отсчет основания японского государства. С 1873 г. эта дата стала отмечаться как государственный праздник под названием День основания империи (*Кигэнсэцу*). После поражения Японии во Второй мировой войне праздник был отменен, однако в 1966 г. его восстановили под названием День основания государства (*Кэнкоку кинэнби*). Согласно традиции, после смерти императора его преемник переносил столицу на новое место. По преданию, император Дзимму скончался в 585 г. до н. э. в возрасте 127 лет. Первая постоянная столица была основана в г. Нара в 710 г., затем в 794 г. была перенесена в г. Киото, где находилась до 1868 г., затем столицей государства стал г. Токио.

В японской официальной исторической традиции считается, что, начиная с императора Дзимму, династическая императорская линия

никогда не прерывалась, и потому нынешний император Акихито является сто двадцать пятым потомком первого верховного правителя Японии.

Такова последовательность событий основания японского государства и императорской династии согласно первому литературно-историческому письменному памятнику «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), составленному по инициативе императора Тэмму в 712 г. н. э., а затем и более подробному летописному своду «Нихон сёки» («Анналы Японии»).

Безусловно, памятники-хроники не содержат полностью достоверные сведения о том, что происходило на Японских островах в древнейшее время. В этой связи первые четырнадцать императоров, включая Дзимму, считаются «легендарными», а следующих за ними еще четырнадцать относят к «историческим личностям», о которых есть упоминания в китайских и корейских хрониках. «Реальные императоры», то есть те, о жизни которых имеются достоверные факты, начинаются с двадцать девятого императора Киммэй (509–571 гг. н. э.).

Данные археологии свидетельствуют о том, что ранние предки современных японцев, жившие отдельными племенами, задолго до VII в. до н. э. населяли южную и северную часть о. Кюсю. В то время не было никаких государственных образований, а везде господствовали первобытные отношения. Государство Ямато, по заключению японских и зарубежных историков, появилось на рубеже III–IV веков н. э. Тогда же произошло основание императорской династии.

Именование японских правителей «императорами», начиная с Дзимму, вошло в обиход в XVIII в. Конечно же, Япония в древности, да и в более позднее время, не соответствовала статусу империи. Однако титул «император» применительно к верховным правителям Японии прижился и широко используется, в том числе, в научной литературе.

В древности вождь племени именовался *Окими* (Великий господин), затем *Сумэра микото* (Правящий господин). Титул *Тэнно* (Небесный господин) в отношении верховного японского правителя, если следовать тексту «Нихон сёки», впервые использовал принц-регент Сётоку в конце VI в. н. э. Этот титул подчеркивал божественность происхождения правителя и сакральную природу его власти. В настоящее время глава государства, хотя формально этот статус и не закреплен за ним в Конституции страны, на японском языке именуется *Тэнно хэйка* (Его Величество небесный господин).

После первого появления в Японии в XVI в. европейцы иногда именовали верховного японского правителя *Микадо* (Божественные врата). Однако сами японцы этим словом обозначали не самого императора, а императорский двор.

У японских императоров нет фамилии. При рождении они получают имена, обычно символические, не встречающиеся у простых японцев. (Например, у нынешнего императора Акихито два сына – Нарухито и

Фумихито). После кончины император получает посмертное имя, которым становится девиз годов его правления. Так, император Хирохито именуется императором Сёва. Девиз его правления «сёва» означал «мир и спокойствие». Девиз годов правления ныне здравствующего императора Акихито «хэйсэй» означает «установление мира». В стране существует система летосчисления по годам правления императоров (*гэнго*).

Император Дзимму «не определил» порядок престолонаследия от отца к сыну. Он как бы предоставил потомкам право самим назначать своих преемников. В связи с этим вопрос о престолонаследии порождал большие неурядицы и смуту. Император, помимо первой, главной, жены имел еще двенадцать жен, дети которых за неимением прямого наследника, могли занять престол. Сыновья этих жен регулярно оспаривали власть прямых наследников престола. Побочные семьи со временем разрослись в могущественные рода: Сога, Фудзивара, Мононобэ, Минамото, Асикага.

На протяжении многих веков шли бесконечные войны за престол. В этой борьбе выдвинулся род Фудзивара, который в течение полутора веков (VII–VIII века) держал власть в своих руках. Обычно представительница рода Фудзивара становилась первой женой императора. Сын от этого брака объявлялся наследником престола, а отец императрицы становился регентом, в руках которого сосредотачивалась вся реальная власть. Императору воздавались почести, его называли Небесным господином, Сыном неба, но на самом деле он был лишь церемониальной фигурой.

На смену роду Фудзивара к власти пришел род Тайра, его сменил род Минамото, с именем которого связано образование нового политического центра на востоке страны в добавление к императорскому двору. Глава победившего рода, получив формально от императора титул военного правителя *сёгуна*, тем самым узаконивал свое главенствующее положение в системе государственной власти.

Чтобы гарантировать свое господство, *сёгуны* нередко побуждали императоров, достигших определенного возраста, уходить в монастырь и возводили на престол малолетних наследников. В такой двойственной структуре вся полнота реальной власти находилась в руках *сёгуна*, хотя считалось, что он лишь исполняет волю императора. Попытки некоторых императоров вернуть себе полноту полномочий жестко пресекались. В частности, в XIV в. император Годайго начал войну против рода Ходзё, но проиграл и был лишен престола.

Во времена *сёгуната* Токугава (1603–1867 гг.) были изданы указы, регламентировавшие все стороны жизни императорского двора и придворной аристократии. Император не имел никаких реальных политических прав. Экономически он также зависел от *сёгуна*, который утверждал достаточно скромный бюджет императорского двора, а потому он постоянно находился в стесненном материальном положении. Импе-

ратор жил в своем дворце в Киото фактически в изоляции, ибо феодалам-*даймё* запрещалось посещать этот город. Подданные могли видеть императора только два раза в год, весной и осенью, когда он в крытой карете, запряженной быками, объезжал храмы в окрестностях столицы.

Сёгуны вмешивались и в вопросы престолонаследия. Основатель Токугавского сёгуната Иэясу в нарушение традиций, согласно которым императоры выбирали себе жен среди пяти придворных фамилий, настоял на том, чтобы император Гомидзуно в 1620 г. женился на его внучке. Впоследствии он отрекся от престола в пользу своей малолетней дочери, которая приходилась Иэясу правнучкой. Под именем императрицы Мэйсё она находилась на троне в 1629–1643 гг. В императорской династии было десять императриц. Последняя из них Госакурамати находилась на троне в 1762–1771 гг.

11 февраля 1889 г. в День основания государства был принят закон об императорском доме, согласно которому императором мог быть только потомок по мужской линии. Правление императриц было решено считать «редкими исключениями», не создающими прецедента появления когда-либо в будущем на троне особ женского пола.

История Японии свидетельствует о том, что на протяжении многих столетий за редчайшими исключениями императоры, будучи лишенными каких-либо значимых административных прерогатив, не имели возможности оказывать влияние на принятие политических решений, на осуществление мер по управлению страной. Не случайно иностранцы долгое время считали *сёгунов* императорами Японии. Американский консул Таусенд Гаррис, вручая в ноябре 1857 г. *сёгуну* Токугава Иэсада верительные грамоты от Президента Соединенных Штатов, обратился к нему со словами: «Ваше Величество! Для меня большая честь занять высокий и важный пост полномочного посла Соединенных Штатов при дворе Вашего Величества».

Роль императора в государственной системе страны шаг за шагом выкристаллизовывалась в качестве сакрально-символической фигуры Сына неба – прямого потомка богини солнца Аматэрасу. Император выполнял функции верховного священнослужителя самобытной религии японского народа *Синто* (Путь богов).

Синто, хотя и принято называть религией, но его отличия от других вероучений-религий значительны. В Японии не было термина эквивалентного термину религия, применявшемуся в западных странах. В Японии использовался термин *синдзи* – верование, т. е. вера в богов. В *Синто* нет ни основателя, ни канонического писания. Объектами культа являются божества *ками*. В соответствии с этим верованием, они правили небом, землей и подземным миром. Множество божеств-духов населяют деревья, камни и другие материальные и нематериальные объекты. Эти божества-духи «выступают» покровителями живущих по соседству людей. Но в основном они «обитают» в святилищах (*дзиндзя*),

перед которыми непременно установлены характерные П-образные ворота (*тории*). Объектами синтоистского культа являются и явления природы, а также души усопших, включая души предков – покровители семей, родов.

В представлении подавляющего большинства населения император, непосредственно общаясь с небесными божествами, отправляя соответствующие обряды, тем самым обеспечивает их покровительство всей стране. В этом японцы видели основное предназначение императорской власти.

В 1868 г. в результате произошедших событий, известных в истории Японии как *Мэйдзи исин* (реставрация Мэйдзи), *сёгунат* Токугава был устранен с политической арены. Произошла реставрация императорского правления. Взошедший на трон император Муцухито сыграл важную роль в проведении радикальных политических и социально-экономических реформ, открывших путь капиталистического развития и ускоренной модернизации практически всех сфер общества.

Прерогативы императора в системе государственной власти были подробно определены в Конституции 1889 г., которая предоставляла главе государства права верховной власти. Одновременно за императором были не только сохранены, но и получили форму государственного ритуала его обязанности в качестве первосвященника *Синто*.

Постулаты о «божественности» императора, об уникальности японского народа, созданного богами, и о его «великой миссии» были использованы после восстановления императорской власти в 1868 г. для обоснования шовинистической, агрессивной политики Японии, приведшей страну к развязыванию захватнических войн на Дальнем Востоке и в конечном итоге к полному ее краху. Идеологической основой такой политики стал так называемый государственный *Синто*, в основе которого лежал культ поклонения божественным предкам императора.

Нынешний статус императора в системе государственных органов страны, его роль в политической и общественной жизни общества был определен после поражения Японии во Второй мировой войне и закреплен в Конституции 1947 г.

Процесс выработки решений о судьбе именно императора Хирохито, находившегося на троне в период с вторжения в Китай в 1931 г. и до капитуляции Японии 15 августа 1945 г., а также о сохранении или ликвидации монархической формы правления заслуживает подробного рассмотрения, ибо позволяет лучше понять нынешние прерогативы императорской власти.

На заключительном этапе войны с японским агрессором в руководстве США не было единства мнений по одному из ключевых вопросов послевоенной политики в отношении Японии, а именно о том, каким государством должна стать Япония, включая форму правления – республиканскую или монархическую, и конкретно о судьбе императорской династии.

Достаточно широко, особенно среди видных представителей военного командования и дипломатов, было распространено мнение, что требование ликвидации императорской системы ожесточит сопротивление японцев, что вызовет дополнительные американские потери, при оккупации может послужить причиной развертывания партизанской войны. Более того, заместитель государственного секретаря, бывший посол США в Японии Дж.Грю публично утверждал, что японский император является человеком «умеренных политических взглядов, сторонником конституционализма» и даже «пацифистом», но не имевшим возможности противостоять милитаристам.

Вместе с тем в США было немало и противников сохранения в Японии императорской системы. Многие ведущие деятели республиканской партии, выступая принципиально против монархического правления, считали, что ликвидация монархии послужит хорошим уроком для японцев, которые таким образом смогут познать преимущества республиканского строя.

Руководство Государственного департамента, во главе с госсекретарем К. Хэллом, указывая на ответственность лично императора за развязывание войны против США, высказывалось за его заключение в тюрьму, но одновременно полагало целесообразным сохранить монархическую систему правления и использовать ее в интересах достижения целей предстоящей оккупации.

Опросы американского общественного мнения свидетельствовали о том, что две трети американцев выступили за наказание японского императора, и лишь незначительная часть опрошенных не возражала против использования его оккупационными властями. Расхождения во мнениях между отдельными группами руководства США относительно личной судьбы императора, а также императорской системы в целом послужили причиной того, что эти вопросы были обойдены молчанием. И это, несмотря на то, что в принятой 26 июля 1945 г. в Потсдаме Декларации, условия капитуляции Японии определялись как безоговорочные. Правящие круги Японии понимали, что Потсдамская декларация ставила вопрос об определенных изменениях в системе управления страной, так как в ней содержался пункт о том, что «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний».

В этой обстановке был принят курс на защиту «национального государственного строя» (*кокутай годзи*), под которым подразумевалась борьба за сохранение императора и императорской системы в качестве ключевого элемента обеспечения незыблемости существующего государственного устройства. Поэтому было принято решение согласиться с положениями о капитуляции, изложенными в Потсдамской декларации, при «условии, что указанная декларация не содержит никакого требования, которое затрагивает прерогативы Его Величества как суверенного правителя».

В ответ на такое, отнюдь не безоговорочное согласие на капитуляцию, Союзные Державы сделали следующее уточнение. «С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена Верховному главнокомандующему Союзных Держав...», и что «форма правительства Японии, в конечном счете, будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа».

Такое уточнение судьбы императора вызвало недовольство у части правящей верхушки Японии, особенно среди представителей придворной аристократии и военных. Только личное выступление императора на совещании японского руководства 14 августа 1945 г. в пользу принятия Потсдамской декларации преодолело сопротивление сторонников «продолжения борьбы даже ценой сотни миллионов жизней» (*итиоку гёкусаи*). На совещании император подчеркнул, что именно в случае продолжения войны «национальная государственность будет уничтожена и народ погибнет».

По мнению многих японских исследователей, выступлением в пользу согласия на капитуляцию император продемонстрировал Союзным Держavam, что он пользуется властью и авторитетом. Более того, его решение о прекращении боевых действий спасает жизни не только многих японских солдат, но и солдат армий союзников, и не в интересах стран-победительниц отказываться от его услуг при проведении оккупационной политики.

С целью доказать эффективность императорской власти и готовность императора сотрудничать с Союзными Державами, император лично, впервые в японской истории, выступил 15 августа по радио с обращением к народу по случаю окончания войны. 17 августа император отдал приказ вооруженным силам сложить оружие и назначил главой правительства своего родственника принца Хигасикуни.

Одновременно через средства массовой информации была развернута кампания, направленная на то, чтобы вывести императора из-под критики за ответственность за войну и бедствия, которые она принесла народу. Вся вина за национальную катастрофу перекладывалась на народ, который «не приложил достаточно усилий для победы в войне».

В то же время в придворных кругах и в Министерстве иностранных дел высказывалось мнение, что в интересах сохранения императорской системы как основы «национального государственного строя» можно было бы «пожертвовать» императором. По их замыслу, «взяв ответственность перед предками и народом за все, что произошло», Хирохито должен был оставить трон, передать его своему 12-летнему сыну принцу Акихито и назначить регентом своего брата принца Титибу.

В пользу этого высказывались младшие братья императора – принцы Микаса, Такамацу, Титибу, лорд-хранитель печати К. Кидо. Однако Хирохито не соглашался оставить трон. Более того, были

предприняты контрмеры против подобных настроений. 12 октября принц Ф. Коноэ сообщил журналистам, что Хирохито знает о существовании позиции в пользу его отречения от престола, но закон «Об императорском дворе» не предусматривает возможности отречения.

После начала оккупации Японии американскими войсками события стали развиваться таким образом, что японским правящим кругам удалось не только вывести из-под удара императора Хирохито, но и обеспечить сохранение монархии. Между тем первоначально среди сотрудников Штаба оккупационных войск, осуществлявшего руководство программой реформ по демилитаризации и демократизации Японии на первом этапе оккупации, преобладали настроения в пользу «наказания императора за руководство милитаристской, агрессивной Японией и за ликвидацию монархии». На наказании японского монарха настаивали широкие круги американской общественности. 18 сентября 1945 г. в Сенат США была внесена резолюция с призывом судить императора Хирохито как военного преступника.

Советское руководство заняло в отношении судьбы императора выжидательную позицию. Хотя политически и идеологически Советский Союз был противником монархического строя, тем не менее, в Москве было принято решение по собственной инициативе «не ставить включение в число обвиняемых императора Хирохито».

Генерал Д. Макартур, возглавлявший Штаб, поначалу был настроен проводить в отношении императора жесткий курс. Однако затем его позиция претерпевает изменения. Определенную роль сыграл визит императора Хирохито к Верховному Главнокомандующему оккупационными войсками. В иные времена было невозможно даже теоретически представить подобный шаг со стороны главы японского государства. Тем не менее, император 27 сентября 1945 г. посетил Д. Макатура в Штабе оккупационных войск и тем самым продемонстрировал готовность подчиняться власти Верховного Главнокомандующего и намерение лояльно сотрудничать с оккупационными властями. На Д. Макатура встреча с императором произвела благоприятное впечатление, и вскоре он сообщил в Вашингтон о том, что не видит необходимости в изменении положения императора.

После заявления императора 1 января 1946 г. о том, что императорская династия не имеет божественного происхождения, Д. Макартур начал утверждать, что «этим заявлением император ясно показывает, что выполняет руководящую роль по демократизации своего народа». В том первом в истории страны новогоднем обращении к нации, которое стало именоваться как «декларация человечности» (*нингэн сэнгэн*), император Хирохито заявил, что император не является «живым божеством» (*акицу миками* – воплощенный бог), а императорская династия не имеет «божественного происхождения». «Связи между мной и моим народом, – говорилось в обращении, – всегда складывались на основе

взаимного доверия и привязанности. Они не зависели только от легенд и мифов. Не зиждились они и на ложной концепции, что японцы превосходят все остальные расы и что им суждено править миром».

Следует отметить, что глубоко укоренившаяся в сознании японского народа «особая роль монарха» как «посланца неба», а также активная пропагандистская кампания о «великодушии императора», способствовали поддержанию в обществе настроений в пользу сохранения императорской системы и продолжения правления императора Хирохито.

Среди многочисленных политических партий, развернувших свою деятельность после капитуляции, только коммунистическая партия предлагала отказаться от императорской формы правления и создать Японскую Народную Республику. Все другие политические партии – а их, учитывая самые мелкие, насчитывалось 363 – в своих программных документах в различных вариациях высказывались за сохранение императорской системы.

Как известно, в новой Конституции Японии было зафиксировано сохранение монархии, но император является лишь «символом японской нации и единства японского народа». Формирование нового образа «народного монарха» началось сразу после принятия конституции 1947 г. Стали практиковаться поездки императора по стране, его встречи – общения с простыми японцами. Уже в 1947 г. император Хирохито посетил Хиросиму, затем последовали поездки по различным префектурам. Хирохито охотно посещал спортивные мероприятия, праздники.

С октября 1951 г. император стал присутствовать на мероприятиях по случаю Дня физкультуры (*Тайику-но-хи*), с апреля 1952 г. – во Всеяпонском празднике посадки деревьев (*Дзэнкоку сёсудзюсай*), с мая 1952 г. – во Всеяпонской церемонии поминовения погибших в войне (*Дзэнкоку сэмоцу цуйтосики*), являющейся одним из основных обрядов государственного *Синто*. Широкое освещение получили посещение императором главного синтоистского святилища Исэ, а также посадка и уборка урожая риса императором на небольшом участке на территории его дворца в Токио, которые имеют важный ритуальный смысл, согласно традициям *Синто*. Участие императора в синтоистских ритуалах, которое, как подчеркивается, осуществляется им в «качестве частного лица», свидетельствует о том, что он фактически продолжает отправлять обряды как первосвященник национальной религии, как хранитель традиционной духовной культуры.

С середины 50-х годов прошлого века в начальных и средних школах Японии Министерством просвещения было введено в обязательном порядке изучение материалов об императоре как символе единства нации. Затем в учебные материалы были включены мифы об основании японского государства, о «божественном происхождении» императорской династии. Принятые шаги по внедрению в политическую жизнь страны нового образа императора способствовали восстановлению и

упрочению его авторитета в обществе. Были предприняты, хотя и не столь активно, поездки императора за рубеж (в Европу в 1971 г., в США в 1975 г.).

После кончины 7 января 1989 г. в возрасте 87 лет императора Хирохито, который был похоронен в соответствии с синтоистскими ритуалами, на престол вступил его сын 55-летний Акихито. Церемония занятия трона осуществлялась по синтоистским канонам, но по решению правительства имела характер государственного акта. Некоторые представители политических партий, в том числе социалистической и коммунистической, на первую аудиенцию у нового императора не явились, мотивируя свой отказ тем, что синтоистский ритуал сочетался с государственным актом в нарушение конституции.

На первом приеме императором высокопоставленных должностных лиц, где провозглашается о «занятии трона», согласно ритуалу престолонаследия, император Акихито выступил с речью. В ней он подчеркнул свое желание вместе со всем японским народом соблюдать конституцию, в которой провозглашается отказ Японии от войны на вечные времена, а император определяется как символ государства и единства.

Уже своими первыми шагами новый император дал понять, что будет не только продолжать действовать по примеру своего отца, но намерен стать «еще ближе к народу». Свою первую речь на церемонии престолонаследия император Акихито произнес не на церемониальном, а на обычном языке. Стал создаваться образ нового императора, как не отягощенного негативным грузом довоенного прошлого, как представителя демократической, миролюбивой, открытой Японии.

Формированию такого восприятия императора Акихито в Японии и за рубежом способствовал ряд факторов. Будучи крон-принцем, он 6 апреля 1959 года женился не на представительнице аристократических кровей, как того требовали традиции, а на «простой девушке» – дочери владельца крупной мукомольной компании Сёда Митико. Это событие вызвало весьма позитивный резонанс в японском обществе. Вместе с женой Акихито несколько изменил уклад жизни в императорской семье. Они сами воспитывали своих детей – двух сыновей и дочь, не отдавая их на попечение нянек и гувернеров.

Воспитание самого Акихито также отличалось от его августейших предков, которые обучались в изоляции специально приглашенными наставниками. Сначала Акихито учился в школе для детей из аристократических семей, а затем со сверстниками «обычного происхождения». Более того, во время американской оккупации у наследного принца была и американская наставница Элизабет Грей Вайнинг, которая помогала ему в изучении английского языка и западной культуры. Считается, что во многом благодаря ее влиянию, императора Акихито отличает приверженность открытой, демократической и пацифистской монархии.

В отличие от своего отца император Акихито активно совершает официальные визиты, посетив почти 50 стран. Продолжил он и поездки по стране. Император Хирохито долгое время не решался посетить о. Окинава, опасаясь, что ему придется столкнуться с негативным отношением к нему в связи с тем, что во время войны десятки тысяч мирных жителей погибли в период боевых действий. При этом военные нередко заставляли их кончать жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен американцам. Император Акихито отважился посетить в 2005 г. даже остров Сайпан, где жертвы среди мирного населения были особо значительными, и проявил уважение памяти погибших.

Император Хирохито, конечно же, не без «подсказки» правительства воздерживался от упоминаний, а тем более принесения извинений за агрессивные действия и жестокое обращение с военнопленными и мирными жителями, которые совершила императорская армия в период Второй мировой войны. В этой связи антияпонские настроения сохраняются в ряде европейских стран, особенно в Голландии, поскольку более 140 тысяч голландских солдат и гражданских лиц были помещены в лагеря для военнопленных в бывших голландских колониях, многие из которых там и погибли от жестокого обращения.

Император Акихито скорректировал свои оценки событий военного времени. В октябре 1991 г. во время визита в Японию королевы Нидерландов Биатрикс, а затем и в ходе своего визита в мае 2000 г. в Гаагу император Акихито говорил о том, что указанные события его «очень опечалили» и что «надо предпринять усилия для укрепления мира, чтобы подобные события не повторились».

О своей приверженности миру император Акихито высказывался неоднократно. В 2009 году накануне 20-й годовщины восхождения на трон он, выразив озабоченность тем, что люди забывают о войне, отметил необходимость «не забывать уроков 60 лет эры Сёва», «об огромных жертвах» и передавать все это тем, кто родился после войны. «Важно, для всех стран, сказал он, – сотрудничать и продолжать действовать вместе с тем, чтобы люди могли взаимно радоваться миру и процветанию».

График активности императора весьма насыщен. Ежегодно он посещает или участвует в более 200 мероприятиях. Среди них можно назвать следующие: открытие сессий парламента, прием вновь назначенного главы правительства и его членов, вручение государственных наград, встречи с получившими новые назначения послами, прием верительных и отзывных грамот от иностранных послов, прием глав государств и правительств, видных политических деятелей зарубежных стран. Так, в мае 2000 г. император впервые в истории российско-японских отношений удостоил аудиенции Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

Император и императрица незамедлительно откликаются на трагические события в стране, связанные с природными катастрофами, повлекшими человеческие жертвы. Они неоднократно посещали места

временного проживания беженцев после стихийного бедствия и аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г., выражали сочувствие и поддержку пострадавшим.

В настоящее время император и императрица пользуются большим уважением в широких слоях общества, и в стране практически отсутствуют сторонники не только отказа от императорской династии, но и внесения каких-либо значимых изменений в нынешний статус императора. В целом превалирует мнение, что институт императора ныне «гармонично сочетается с принципом народного суверенитета». Вместе с тем в отличие от европейских монархов император и императрица Японии, а также члены императорской семьи продолжают сохранять дистанцию, отделяющую их от «простых японцев» и стремятся не допускать «чрезмерной публичности» своей официальной и частной деятельности. За соблюдением этого весьма жестко следит Управление императорского двора.

Единственная проблема, которая активно обсуждалась в конце 90-х годов прошлого века и в первые годы XXI столетия, была связана с тем, что у наследного принца Нарухито и его супруги принцессы Масако, дочери видного японского дипломата Овада Хисаси, после свадьбы в июне 1993 г. до декабря 2001 г. не было детей. По закону об императорском доме от 16 января 1947 г. императорский престол наследуется исключительно по мужской линии императорской династии (повторение закона об императорском доме 1889 г.).

Когда 1 декабря 2001 г. у крон-принца (*Комайси* – Великий сын императора) и его супруги родилась дочь, принцесса Айко, стал вопрос о возможности изменения закона с тем, чтобы трон могла бы занять женщина.

В связи с тем, что по состоянию здоровья супруга крон-принца вряд ли могла иметь других детей, а у младшего сына императора Акихито были две дочери, тема престолонаследия по женской линии обсуждалась правительственной группой экспертов. В докладе, представленном в октябре 2005 г. этой группой, содержалась рекомендация изменить Закон об императорском доме таким образом, чтобы отменить принцип права наследования только по мужской линии и ввести принцип наследования по первородству. Начал готовиться соответствующий законопроект.

Однако в 2006 г. младший брат принца Нарухито принц Фумихито стал в третий раз отцом – родился мальчик, принц Хисахито, который имеет больше шансов взойти на престол, чем принцесса Айко.

На данный момент, очевидно, что, по Закону об императорском доме, крон-принц Нарухито, как старший сын императора Акихито, является первым претендентом на титул 126-го императора Японии. Он родился 23 февраля 1960 г. В 1983–1985 годах учился в Англии в Мёртон Колледже, Оксфорд. Имеет ученую степень магистра исторических наук,

полученную в Университете Гакусюин в 1988 г. Принц занимается благотворительной деятельностью (почетный вице-президент Японского Красного Креста с 1994 г., член Международного олимпийского комитета с 1998 г.), регулярно представляет японский императорский двор на различных международных мероприятиях, особенно в тех, где предусматривается участие членов иностранных монархий.

Литература

- Бикс Герберт.* Хирохито. Создание современной Японии. М., 2002.
Сигрейв Стерлинг и Пегги. Династия Ямато. М., 2005.
Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии. Мифы, история, доктрины. М., 1990.
Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии XX века. М., 2007.
Национальная религия японцев. Синто. М., 2008.
Накорчевский А. А. Япония. Синто. Санкт-Петербург, 2000.
Fujitani T. Splendid Monarchy. Berkeley, University of California Press, 1996.

Женщина плюс автомобиль: из истории японской рекламы 1950–1970-х годов

О. А. Хоменко

История автомобилестроения в Японии тесно связана с историей формирования общества потребления в этой стране. Почему-то принято считать, что так называемый «женский маркетинг» автомобилей возник только в начале 2000-х годов с появлением на рынке таких моделей, как «Ниссан Марч», хотя автопром страны восходящего солнца апеллировал к женщинам с самых первых этапов своего возникновения. Это понятно, ибо в центре послевоенного процесса потребления находилась женщина, которая впервые стала сама распоряжаться семейными финансами. Массовое производство автомобилей после войны сделало этот товар доступным для обычных людей. Автомобиль был среди тех новинок, информация о которых пришла в жизнь «простых японок» через страницы журналов.

Исторический, общественный и культурный дискурс потребления в послевоенной Японии рассмотрен в работах П. Франк¹, Сюнья Ёсими², Ш. Гарона³, П. Маклахан⁴ и других. Об истории японского консьюмеризма в контексте мировой истории писали П. Стерн⁵ и С. Партнер⁶. Исследования таких ученых, как Уэно Тидзуко⁷, Отиай Эмико⁸, Иноуэ Тэруко⁹, Л. Сков и Б. Мёран¹⁰, Б. Сато¹¹ и Н. Розенбергер¹² посвящены

¹ Penelope Francks. The Japanese Consumer: An Alternative Economic History of Modern Japan. NY, 2009.

² Yoshimi Shunja. Consuming «America»: From Symbol to System. // Consumption in Asia. London, 2000, p. 202–224.

³ Sheldon Garon, Patricia Maclachan (Ed.). The Ambivalent Consumer: Questioning Consumption in East Asia and the West. London, 2006.

⁴ Patricia Maclachan. Global Trends vs Local Tradition: Genetically Modified Foods and Contemporary Consumerism in the United States, Japan and Britain // The Ambivalent Consumer, p. 236–259.

⁵ Peter N. Stern. Consumerism in World History. London, 2003.

⁶ Simon Partner. Assembled in Japan: Electrical Goods and the Making of the Japanese Consumer. Berkeley, 1999.

⁷ Уэно Тидзуко. Сёкуси гару-но дайкэнкю. (Большое исследование секси-герл), Токио, 1982.

⁸ Emiko Ochiai. Decent Housewife and Sensual White Women – Representations of Women Post-war Japanese Magazines // Women and Women's Issues in Post-war II Japan. NY, 1998, p. 155–223.

⁹ Иноуэ Тэруко Дзёсэй Дзасси кэнкюкай. Дзёсэй Дзасси о кайдоку суру. (Иноуэ Тэруко и Научно-исследовательское общество женских журналов. Прочтение и толкование женских журналов). Токио, 1989, с. 275.

различным аспектам отношений женщин к медиа и к сфере потребления в Японии до и после второй мировой войны.

Однако историческая ретроспектива изображения женщин в японских журналах – именно с точки зрения формирования общества потребления – еще недостаточно изучена. В частности, до сих пор не предпринят анализ журналов и размещенной в них рекламы тех товаров, которые, как и автомобили, стали доступны среднему классу, включая женщин, только после второй мировой войны. В послевоенной Японии именно журналы стали окном, через которое производители обращались к потребителям с предложением купить все эти новинки и заменить традиционные культурные парадигмы новыми – такими, как «новый стиль жизни» и «индивидуализация»¹³.

Настоящая работа рассматривает эволюцию женских образов в японской автомобильной рекламе 1950–1970-х годов. Историческая ретроспектива и анализ визуальных образов представляются способом, с помощью которого можно «раскодировать» скрытое идеологическое «послание», ориентированное на стимуляцию расходов и формирование общества потребления. Без понимания этого процесса картина послевоенной японской истории и эволюции общества потребления, на наш взгляд, была бы неполной.

Предметом анализа является реклама в двух журналах – «Дзёсэй дзисин» (далее ДД) и «Фудзин корон» (далее ФК). По тиражам и тематике они охватывали основную массу японских женщин того времени, но имели разную читательскую аудиторию в смысле достатка, культурного уровня и социальной принадлежности: женщины, работающие в офисах для ДД; домохозяйки среднего и высшего класса со склонностью к чтению литературных произведений для ФК. Рассмотренные в статье рекламные материалы до настоящего времени оставались вне внимания исследователей.

Немного истории

Начиная с 1920–1930-х годов автомобили считались в Японии символом высокого социального статуса, поскольку ими владело лишь небольшое число представителей «высшего общества». Даже живопись того времени использует автомобиль как элемент, подчеркивающий благосостояние семьи. Однако начиная со второй половины 1950-х годов, благодаря быстрым темпам развития экономики, в японских семьях

стремительно увеличивалось использование «трех божественных приборов» (или «первых трех С» по первым буквам названий по-английски): стиральной машины, холодильника и черно-белого телевизора. Именно благодаря стиральной машине среднестатистическая японская домохозяйка ежедневно обрела на три часа больше свободного времени. Статистика также свидетельствует, что это время женщины стали проводить преимущественно вне дома¹⁴.

На окончание 1950-х годов пришлось и развитие японской автомобильной индустрии. Первые автомобили стоили очень дорого и оставались пределом мечтаний для большинства японцев со средними доходами. Несмотря на то, что в личном пользовании машины имелись не у многих, начиная с 1954 г. в Японии стали проводить ежегодные автосалоны, которые повлияли на рост интереса к автомобилям. Правда, если сравнить распространение автомобилей с темпами распространения бытовой техники среди населения, то количество автомобилей в семейном пользовании все же оставалось незначительным. Другими словами, «автомобилизация всей Японии» задерживалась¹⁵.

Началом массовой автомобилизации Японии можно считать 1958–1960 гг., когда появились первые «народные автомобили». В 1958 г. со сборочного конвейера компании «Фудзи» сошел автомобиль «Subaru-360». В 1959 г. «Ниссан» разработала модель «Синяя птица» (Blue bird), а «Тоёта» в 1960 г. презентовала «Паблику» (Public Car) и «Mitsubishi-50». Таким образом, японское автомобилестроение серьезно взялось за выпуск машин, рассчитанных на широкого потребителя. Именно 1959 год японские историки считают началом эпохи «my car» – «моего», т. е. личного автомобиля¹⁶. Однако, чтобы автомобиль стал по – настоящему «народным», необходимо было, чтобы люди имели возможность его приобрести. Этот этап наступил только через 10 лет, во второй половине 1960-х годов.

С конца 1960-х годов автомобилями интересуется всё большее число людей. Именно в это время с конвейера сошли такие популярные модели, как «Nissan Sanyo» и «Toyota Corolla». Годом раньше «Мазда» выпустила свой первый семейный автомобиль «Mazda Family Car». Эти три модели долгое время заполняли рынок «народных» машин.

Именно в конце 1960-х годов, в период высоких темпов экономического роста, массового производства товаров и возрастания потребностей, на смену «первым трем С» приходит техника следующего поколения – «следующие три С»: автомобиль, цветной телевизор и кондиционер. Это были желанные товары, которыми каждая японская семья

¹⁰ Lise Scov, Brian Moeran (ed.). Women, Media and Consumption in Japan. Honolulu, 1996.

¹¹ Barbara Sato. The New Japanese Women; Modernity, Media and Women in Interwar Japan. Durham-London, 2003.

¹² Nancy Rozenberger. Antiphonal Performance? Japanese Women's Magazines and Women's Voice // Women, Media and Consumption in Japan. Honolulu, p. 143–169.

¹³ Lise Scov, Brian Moeran (ed.). Women, Media and Consumption in Japan. Honolulu, 1996, p. 97.

¹⁴ Статистика Музея истории Эдо-Токио по распределению времени японской домохозяйки после войны.

¹⁵ Takada Kori. Дзидося то нингэн но хякунэн (100-летие человека и автомобиля), Токио, 1987, с. 16, 107–108.

¹⁶ Сёва си дзэн кироку (Полная история периода Сёва). Токио, 1989, с. 631.

стремилась модернизировать свое жилище. Японское общество благодаря «следующим трем С» перешло на новый уровень потребления.

Распространение товаров и рост потребления также повлияли на манеру поведения и даже на манеру передвижения японцев. Благодаря бытовой технике женщины получили больше свободного времени и освободились от тяжелого домашнего труда, в результате чего стали больше интересоваться тем, что происходило за пределами их собственного жилища, «*my home*», как тогда модно было называть свой дом.

Благодаря тому, что само понятие «отдых» обрело другой смысл, то появились новые синонимы. Речь идет, прежде всего, об активном отдыхе. В японском языке и ранее существовали обозначающие отдых слова *ясуми* и *кюка*. Однако именно с 1960-х годов лексика японского языка обогатилась заимствованным *рэдзя* (от англ. Leisure), означающим «свободное время», которое человек проводит вне работы и вне дома и обычно употребляющимся для активного отдыха на природе. Оно даже удостоилось титула «Модного слова года»¹⁷.

В начале 1960-х годов освободившиеся от домашней работы японки стали, особенно во время выходных, проводить все больше времени вместе с семьей вне дома, а выезд на природу стал стандартным способом проведения «семейных» выходных. Другими словами, на протяжении десятилетия сам способ проведения свободного времени значительно повлиял на увеличение числа автомобилей в частном пользовании. Люди стремились быть не только не хуже мифической американской семьи Джонсов (Джонс из рекламы, на которую все равнялись), но и не хуже собственных соседей. Это было время, когда молодые семьи, недавно переселившиеся в города, городские дома и многоэтажки и создавшие так называемую «нуклеарную семью», особенно стремились к счастью и материальному достатку. В стремлении жить лучше они во многом равнялись на соседей – в том числе в приобретении собственного автомобиля.

Раньше для дальних поездок японцы пользовались железными дорогами, автобусами или самолетами. Благодаря личному автомобилю люди получили возможность передвигаться, экономя время для преодоления пространства. Именно так они получили не только свободу передвижения, но и свободу поездки в любое место в любое удобное для них время¹⁸. В этом смысле на протяжении 1960-х годов автомобилизация и активный отдых образовали конгломерат, который повлиял на модель поведения японцев в целом.

В автомобильной рекламе этого периода появляется значительное число разнообразных женских образов. Несмотря на то, что автомобиль –

это товар с ярко выраженными мужскими гендерными характеристиками, много автомобильной рекламы размещалось именно в женских журналах. Однако в журналах, предназначенных женской аудитории, все-таки преобладали сюжеты, где присутствовала семейная пара: муж за рулем и сидящая рядом с ним жена.

Массовый выпуск автомобилей в Японии начался в 1958 г. Одновременно в журналах появилось значительное количество статей, советовавших купить автомобиль в семью. Некоторые даже рекомендовали, каким образом можно сэкономить, чтобы иметь возможность накопить на машину¹⁹. Внимание акцентировалось на том, что даже если ваша ежемесячная заработная плата составляла средний на те времена показатель в 24 940 иен, то экономя по 3 тыс. иен ежемесячно, можно будет купить автомобиль-купе за 300 тыс. иен. Утверждалось даже, что «машина – более нужный атрибут, чем мебель или кимоно»²⁰. Правда, в конце 1950-х и начале 1960-х годов, за исключением людей с высокой заработной платой (депутатов парламента или руководителей больших и средних компаний), японцам пришлось бы от многого отказаться и собирать деньги почти девять лет, чтобы скопить необходимую сумму. Поэтому в конце 1950-х годов обладание собственным автомобилем для многих оставалось просто мечтой из красивой рекламы. Но, несмотря на это, реклама всячески стремилась создать позитивный имидж автомобиля и утвердить в сознании мысль о необходимости его приобретения.

Мотивируя необходимость экономии для такой крупной покупки, журнальные статьи и реклама обещали, что приобретение автомобиля принесет счастье в каждый дом²¹. Для послевоенного японского общества, где жажда простого человеческого счастья была высокой – об этом, в частности, свидетельствует стабильно высокий показатель людей, желающих создать семью²², – такая рекламная тема была привлекательной. «Теперь свой автомобиль важнее собственного дома»²³ – подчеркивала реклама начала 1960-х годов.

На деле в это время только немногие могли позволить себе автомобиль. Наверно, поэтому само обладание машиной реклама описывала как «единственное развлечение среди серой будничной жизни»²⁴. Однако, подчеркивая эксклюзивность автомобилей, она все же пыталась, хотя бы виртуально, приблизить их к обычному покупателю, говоря: «Не думайте, что своя машина – это далекая мечта. Если вы хотите ее

¹⁹ ДД. 25.05. 1960, с. 96–97.

²⁰ Там же, с. 96.

²¹ Там же, с. 97.

²² Хакуходо, Сэйкацу Хэндо Тёса, (Исследование по изменению жизни, агентство Хакуходо), Токио, 1970.

²³ ДД. 21. 08. 1961, с.89.

²⁴ Там же.

¹⁷ Сугияма Каку. Дансэй то Дзёсэй но синбору Кококу кара ёму онна то отоко: дзэнда то сёкусиарити. (Сугияма Каку. Мужские и женские символы. Прочтение «мужчины» и «женщины» в рекламе: Гендер и сексуальность). Токио, 2000, с. 26.

¹⁸ Там же, с. 26–27.

купить – вы ее купите!», ибо «автомобиль – это не просто удобство! Благодаря ему у вас появится много свободного времени для ведения домашнего хозяйства и искусства красиво жить».

С целью больше заинтересовать потребителей, журналы со временем стали призывать не удерживаться от желаний и разрешить себе купить хотя бы подержанный автомобиль за 50 тыс. иен. Благодаря массовой рекламе к середине 1960-х годов в стране утвердилось представление о том, что обладание собственной машиной просто необходимо для счастья. Люди бессознательно верили рекламе, которая убеждала, что лишь после покупки автомобиля жизнь кардинально изменится. После полугодного военного времени прошло всего 15 лет, но люди хотели богатой и счастливой жизни, которая была бы не хуже жизни рекламных американских Джонсов. И, наверно, мало что могло удержать их от приобретения того, что могло бы дать им такую жизнь.

Несмотря на то, что реклама прилагала усилия для продвижения автомобилей в массы и подчеркивала его необходимость в повседневной жизни, в 1962 г. в Японии только семь человек из тысячи имели в личном пользовании автомобиль²⁵. Настоящая «автомобилизация» страны началась только в конце 1960-х годов. Однако уже с конца 1950-х годов, когда автомобильная индустрия только набирала обороты, в рекламе появляется много разнообразных женских образов. Возникает логичный вопрос: почему? Ведь не только автомобили еще не были столь распространены, но и большинство женщин находились в экономически зависимом положении и сами не могли купить машину. Рассмотрим, каких женщин рисовала автомобильная реклама того времени и что она хотела этими образами донести до читателей.

Образ красивой женщины в рекламе автомобилей (конец 1950-х годов)

В конце 1950-х годов, когда появились первые массовые автомобили, для женщин это был абсолютно незнакомый предмет. Исторически считалось, что женщины плохо разбираются в технике, поэтому тогдашняя реклама пыталась представить машину как интересный, понятный и желанный товар – создать представление, которое заставило бы захотеть приобрести его. Видимо, в результате этого в ФК и ДД в тот период появилось множество образов, которые пытались связать автомобиль как типично мужской товар с понятием «красоты» как сугубо женской гендерной характеристики. В рекламе «Isuzu» за 1959 г. красивая женщина в элегантном платье с восхищением смотрит на машину. Реклама призывает: «Сделайте ваш наряд более красивым благодаря вашему автомобилю!»²⁶. Другая реклама этой марки уверяет:

²⁵ Судзуки Дзюн. Сингидзюцу но сякай си. Нихон но Киндай (Судзуки Дзюн. История общества новых технологий. Современная Япония) Токио, 2000, с. 25.

²⁶ ФК. 06.1959.

«Красивый автомобиль... Красивая одежда. Вы будете выглядеть еще привлекательней»²⁷. Еще в одной рекламе изображена женщина в изящном платье, которая открывает заднюю дверь автомобиля со словами: «Ездить на автомобиле “Хилман” – высшая элегантность»²⁸. В другой рекламе девушка в нарядном белом платье сидит на зеленой траве поля для гольфа рядом с автомобилем²⁹. Эти три рекламных образа объединяет общий, очень понятный женской аудитории лейтмотив – «машина подойдет к вашему платью». Красивый наряд подчеркнет привлекательность автомобиля, автомобиль подчеркнет женскую красоту. Подобные образы, где красивая женщина стоит или сидит рядом с шикарной машиной, нередко встречаются на обложках женских журналов того времени³⁰. Однако следует отметить, что роль женщины ограничивается использованием её красоты как особой гендерной характеристики и для привлечения внимания к автомобилю.

Женщина садится на место пассажира (начало 1960-х годов)

В этот период в рекламе комбинация «красивая женщина + красивая машина» становится доминирующей. Однако в начале 1960-х годов в рекламе происходят изменения: красивая женщина уже не стоит около машины. Она впервые в рекламе сидит в ней или ходит рядом. Кроме того, сами производители уже пытаются заинтересовать женщин не только внешними данными автомобиля, но и его оснащённостью. Например, реклама модели «Blue bird» за 1961 г. подчеркивает: «Мы придумали 36 идей для вас: от набора косметики до коробки для ваших туфель на высоких каблуках». В этой рекламе женщина сидит на месте пассажира справа от водителя и подкрашивает губы, смотря в зеркало³¹. Начиная с 1961 г., реклама больше не подчеркивает «красоту автомобиля», а впервые говорит о его функциях и особенностях именно как средства передвижения и его удобств в использовании в повседневной жизни.

Реклама «Blue bird» подчеркивала удобства этой модели и говорила о том, что женщины обычно возят много разных мелочей. Можно говорить о том, что, начиная с 1961 г., производитель впервые сделал женщину своим основным объектом, реципиентом и потребителем рекламы, а также своей продукции. И это не зависело от того, могла в реальности женщина купить себе автомобиль или нет.

В это время женщина в рекламе еще не водит машину. Рядом с ней всегда находится мужчина. То есть, невзирая на то, что реклама уже,

²⁷ ДД. 24.07.1961.

²⁸ ДД. 24.07.1959..

²⁹ ДД. 04.09.1959..

³⁰ ДД. 19.09.1959; 18.11.1959..

³¹ ФК. 06.1961.

казалось бы, объяснила женщинам основные функции автомобиля и как будто помогла понять, что такое автомобиль и зачем он нужен, за рулем все еще оставался мужчина. Женщина лишь пассажир, она все еще остается пассивным объектом в процессе управления автомобилем.

Женщина за рулём (1961 г.)

Вскоре женщина пересела за руль автомобиля. В рекламе новой модели «Blue bird» за 3 марта 1961 г. мы впервые видим женщину за рулём³². Она еще никуда не едет, а просто пробует себя в роли водителя. Но пройдет немного времени, и в рекламе появится женщина, управляющая автомобилем. Реклама обращается к женщинам очень прямолинейно: «Ваше место – это место за рулем»³³. Далее подчеркивалось, что «от вождения лишь одна радость! Не оставляйте ее только мужчинам, присоединяйтесь». То есть реклама советовала не только разделить с мужчиной радость вождения, но и попробовать это самой³⁴.

Чтобы убедительнее раскрыть радость и простоту вождения автомобиля, наряду со счастливыми женщинами в журналах появляется много материалов на автомобильную тематику. Вождение автомобиля было новым и редким для женщин навыком, поэтому журналы пытались объяснить, что машина – это удобно, а умение управлять ею может не только сэкономить время, но и сделать его использование качественно иным. Эти статьи касались не только развлекательного аспекта обладания автомобилем, но также останавливались на технических деталях: например, объясняли, какой нужен бензин, куда и как его заправлять. Много внимания уделялось базовым навыкам вождения. Например, в статье под названием «Вот так она поедет!» в «ДД» за 18 мая 1960 г. помещены фотографии всех кнопок и педалей на передней панели автомобиля, а также дана классификация категорий автомобильных дорог. Также статья рассказывала, как лучше управлять автомобилем, чтобы экономнее расходовать топливо³⁵.

Объяснения не ограничивались сухими цифрами потребления бензина на число километров, но содержали наглядные примеры. Чтобы рассказать женщинам о количестве необходимого горючего, в апреле 1959 г. один из журналов пригласил читательниц принять участие в так называемом «экономном автопробеге»³⁶. Кроме того, среди читателей проводилась викторина с призом в 200 тыс. иен на тему «Сколько бензина использует машина, которая победит в заезде?»³⁷. Когда в апреле

1961 г. проводился автопробег Токио – Осака, читательницы, заплатив взнос (3 тыс. иен), могли принять в нем участие на своих машинах и в случае победы выиграть приз в 100 тыс. иен³⁸. В этот же период в журналах появляются материалы о работе автопрома. Например, читательниц приглашали на экскурсии на сборочные конвейеры заводов, выпускавших популярную модель «Mitsubishi 500»³⁹.

Можно утверждать, что благодаря разнообразным материалам и PR-акциям, журналам удалось привлечь внимание к автомобилям и процессу вождения даже тех женщин, которые раньше об этом ничего не знали. Эти материалы, безусловно, имели просветительскую функцию и пригодились японкам, которые хотели водить машину.

В ноябре 1961 г. в ФК была опубликована статья «Как стать женщиной-автовладельцем»⁴⁰ о том, что в последнее время все больше людей выезжают на своих машинах в выходные дни на природу, а в результате растет число женщин, задумавшихся о такой покупке. Статья знакомила читательниц с модельным рядом автомобилей в ценовой категории около 300 тыс. иен. Подчеркивалось, что «стать владельцем автомобиля – это не просто, но для начала следует принять решение, которое будет легко воплотить в жизнь. Обратите внимание на эту статью и осуществите свою мечту!»⁴¹.

В этот период увеличилось количество материалов, которые агитировали японок стать собственниками автомобилей, то есть женщина не только перестала быть пассивным субъектом, но стала активным участником процесса вождения и предметом целенаправленных маркетинговых стратегий производителей. В этой связи особенно интересно, какие же женщины реально водили машину в то время⁴². Безусловно, большинство их принадлежало к высшему социальному слою с большими финансовыми возможностями. Согласно данным газеты «Асахи» от 17 мая 1961 г., в Токио правами на вождение всех видов транспортных средств обладал 1 млн. человек. В городе имелось 27 автошкол и строилось еще семь⁴³. Правда, среди водителей преобладали мужчины: инженеры, архитекторы, руководители фирм, врачи и студенты⁴⁴. Несмотря на это даже среди тех, кто еще не управлял автомобилем, но хотел этому научиться, было много заинтересованных женщин. Об этом свидетельствует проведенный среди женщин социологический

³² ДД. 28.03.1961..

³³ ДД. 21.08.1961

³⁴ ДД. 20.07.1964.

³⁵ ДД. 18.05.1960., с.58.

³⁶ ДД. 04.03.1959.

³⁷ ФК. 05.1959.

³⁸ ФК. 04.1961.

³⁹ ФК. 02.1961.

⁴⁰ ФК. 11.1961, с. 313.

⁴¹ ФК. 11.1961., с. 317.

⁴² Известный дизайнер сцены Вада Эми в интервью автору этой статьи призналась, что в 1959 г. она получила в Киото водительские права под номером 3 и была первой женщиной в Киото, которая имела собственный автомобиль. На тот момент ей был всего 21 год.

⁴³ Сюкан Асахи. 17.05.1961.

⁴⁴ Такада Кори, Дзидоса то нингэн но хякунэн. Токио, 1987, с. 256.

опрос, где среди ответов на вопрос «Чему бы вы хотели сейчас научиться?» на первом месте было приготовление еды, а на втором – вождение автомобиля⁴⁵. Следовательно, несмотря на всю новизну вождение уже стало не менее популярным хобби, чем традиционное приготовление еды. Очевидно, что на появление и укрепление такого интереса определенное влияние оказали журналы, которые подчеркивали, что управлять автомобилем – это красиво, модно и престижно. Невзирая на общие стереотипные представления о том, что женщины слабо разбираются в технике, благодаря распространению бытовой техники и понятным объяснениям, которые имелись в рекламе, не только общество, но и сами японки понемногу освобождались от подобных устаревших предрассудков. Реклама утверждала, что водить – это просто. И со временем женщины в это поверили.

Образы женщин в рекламе, начиная с середины 1960-х годов: популяризация автомобилей

Эпоха популяризации и демократизации автомобиля как вида транспорта началась в конце 1950-х годов и продолжилась во второй половине 60-х годов. Поэтому следует обратить внимание на то, какие женские образы появились в рекламе в это время.

Общественное представление об отдыхе и женских образах в рекламе

На протяжении 1960-х годов популяризация автомобилей происходила вместе с популяризацией активного отдыха и поездок на природу (*рэдзя*). Реклама этого периода показывает разнообразные образы людей, которые весело и активно отдыхают на свежем воздухе. Именно с этого времени появляются образы женщин, которые сами управляют автомобилями. Реклама показывала женщину за рулем: «Не знаем усталости от долгих переездов. Она прекрасно едет»⁴⁶ – и обещала, что жизнь женщины очень изменится, когда у неё появится своя машина. Например, реклама «Мазды» за 1963 г. говорила, что машина – «инструмент, необходимый для современной радостной жизни»⁴⁷, ибо она «создает новые желания и позволяет радоваться им»⁴⁸. Безусловно, автомобиль был необходим для активного отдыха, однако чтобы полностью ощутить радость *рэдзя*, женщинам нужно было иметь деньги, чтобы его купить, и свободное от домашних забот время, чтобы им пользоваться. С деньгами пока были сложности, а вот со свободным временем как раз всё в порядке. Оно появилось благодаря использованию

бытовой техники, распространение которой оказалось необходимой предпосылкой популяризации автомобилей в Японии. Именно поэтому автомобилизация началась немного позже, чем популяризация бытовой техники, а не наоборот.

В рекламе первой половины 1960-х годов преобладают образы, где женщина сама или в компании подруг наслаждается вождением автомобиля. Одна из них изображает двух женщин на пляже. «И вы также с легкостью будете радоваться возможности водить “купе”!»⁴⁹, – говорит она. В других рекламах мы видим трех женщин у реки. «К морю! В поля! Невозможно передать привлекательность машины, которая движется, разрезая легкий ветерок»⁵⁰, – привлекает текст. Изображая красивый отдых, реклама напоминает о необходимости соблюдать правила дорожного движения и общие нормы поведения на природе. Слоганы призывают: «Соберём остатки бумаги и еды в пакет и заберем их с собой»⁵¹. Очевидно, что в период популяризации массового активного отдыха подобные предупреждения о нормах поведения были полезны японцам, склонным следовать инструкциям. Заметим, что американская реклама в аналогичный период не снисходила до подобных призывов к населению.

Рекламные имиджи данного периода перенасыщены образами счастливых, отдыхающих группами молодых женщин. В одной из реклам мы видим группу из четырех девушек, отдыхающих на берегу моря⁵². «Поедем компанией. “Паблику” так легко водить, что мы будем радоваться выходным сполна»⁵³. Реклама подчеркивает также, что «если у вас есть машина марки “Керол” – мы гарантируем вам 100% радости лета»⁵⁴. Молодые женщины сидят на природе, любуются пейзажем, а реклама между прочим замечает: «У нас есть “Керол”, поэтому мы впереди всех, душой – в весне»⁵⁵. Тексты утверждают, что, имея авто, женщина сможет «экономично и рационально провести летний отпуск»⁵⁶, и гарантируют женщинам радость и свободу отдыха: «К морю и горам повезем свою радостную юность на “Керол”»⁵⁷.

Несмотря на то, что реклама изображала отдых на природе с автомобилем в радужных тонах, в начале 1960-х годов обычная японская семья не только не могла позволить себе машину, но и структура автомобильных дорог еще не была развита. Даже в пределах Токио для тех немногих, у кого была машина, процесс передвижения и парковки по-

⁴⁵ Сюкан Бунсю. 19.06.1963.

⁴⁶ ДД. 16.10.1961.

⁴⁷ ДД. 18.02.1963.

⁴⁸ ДД. 18.06.1962.

⁴⁹ ДД. 16.05.1961.

⁵⁰ ДД. 29.04.1963.

⁵¹ Там же.

⁵² ДД. 18.05.1964.

⁵³ ДД. 20.05.1963.

⁵⁴ ДД. 13.07.1964.

⁵⁵ ДД. 15.02.1965.

⁵⁶ ДД. 24.08.1964.

⁵⁷ ДД. 18.05.1964.

рой был непростой задачей. В популярном журнале того времени можно прочесть заметку о том, что «владелец автомобиля, приехав в центр города, целый час искал парковку, потому что везде было занято. Поэтому он снова поехал домой и возвратился в город уже на метро»⁵⁸. Однако рекламные образы и слоганы, которые связывали активный отдых именно с обладанием автомобилем, пытались убедить, что вышеописанная ситуация скоро исправится.

Образы независимых женщин в рекламе

Рекламные образы изображали мечту, идеальное положение вещей, поскольку в начале 1960-х годов японки не имели возможности не только сами⁵⁹ или с подругами поехать на отдых, но вообще не были экономически независимыми настолько, чтобы самостоятельно приобрести машину. Однако это не мешало журналам и рекламе продолжать изображать женщину независимой, свободной, уверенно ведущей свой автомобиль в новую жизнь.

В рекламе преобладал мотив того, что автомобиль преобразит жизнь женщины к лучшему, сделает ее более активной и насыщенной. Возьмем для примера статью «Автомобиль изменит вашу жизнь», которая рассказывала об одном дне из жизни женщины. Наличие машины избавило ее от необходимости носить тяжелые вещи, дало возможность ездить за покупками, а также даже в пять часов вечера отправиться на свидание. Друзья теперь часто приглашают ее поразвлечься, ей не грозит «воскресная спячка», её выходные становятся активными и радостными⁶⁰. Согласно рекламе, благодаря автомобилю изменится не только манера проводить выходные, но и вся жизнь женщины – она станет более активной и приятной. Статьи того времени подчеркивают, что «сесть за руль – это тоже самое, что взять наконец свою жизнь в собственные руки и почувствовать от этого радость»⁶¹.

Активную женщину реклама часто ассоциирует с ездой на высокой скорости. Например, в статье «Почувствуем сердцем роскошь скорости» рассказывается о 24-летней девушке по фамилии Исидзука, которая использует в работе собственный автомобиль и уверенно ездит на большой скорости⁶². Статья отмечает, что именно возможность быстро ездить влияет на уверенность женщины в работе и расширяет сферу ее

присутствия. Она даже проникает на исключительно мужскую территорию – в сферу быстрой езды. К тому же подобное передвижение означает, что эта женщина ни от кого не зависит и сама контролирует свою жизнь. Подобные материалы откровенно намекали женщинам, что покупка и вождение автомобиля сделают их независимыми и более успешными в работе. Машина станет удобным способом передвижения для работающих женщин, доставив их к месту службы за 5 минут⁶³. Журналы знакомили читательниц с реальными японками, которые ездят на работу на машине. Например, в номере ДД за 31 августа 1964 г. есть статья «Я – торговый агент»⁶⁴ о женщине, которая использует автомобиль и на работе, и для отдыха: «Я еду на работу, а также я езжу на этой рабочей машине в выходные».

В это же время начинает формироваться имидж автомобиля как привлекательной инвестиции и собственности. Например, в рекламе за 1962 г. мы видим двух женщин, одна из которых называет свою машину «моя собственность». Реклама комментирует: «Собственность, которая является очень современной»⁶⁵. Именно с начала 1960-х годов автомобиль впервые стали называть «единственным рациональным приданым»⁶⁶.

Наличие автомобиля и умение его водить стали считаться залогом экономической независимости женщин. Однако самая дешевая машина в то время стоила около 300 тыс. иен, и едва ли была по карману незамужним работающим женщинам. Журналы, конечно, рассказывали о том, как и на чем нужно экономить, чтобы ее купить. В статье под названием «Даже если ваш месячный оклад всего 15 тыс. иен, вы тоже сможете купить автомобиль!» речь шла о том, как правильно откладывать деньги. Подчеркивалось, что «время, когда машинами владели только богатые люди, прошло, и теперь две трети наших читательниц могут позволить себе его купить. Присоединяйтесь к ним и вы!»⁶⁷. То есть масс-медиа и реклама призывали женщин самим принимать важные решения. Тем же, кто не в состоянии купить машину в одиночку, рекомендовалось приобрести ее вскладчину на двух – трех человек⁶⁸, но сложно поверить в то, чтобы женщины, которых не объединяли семейные узы, приняли бы такое решение и ездили бы по очереди. В реальности незамужние девушки, за исключением детей из богатых семей, не могли купить автомобиль даже при условии жесткой ежедневной экономии. В первой половине 1960-х годов приобретение собственной машины оставалось для них лишь мечтой, но образы независимых и самостоя-

⁵⁸ Мусаймэй, Хасиру куки о буцукаримасе, Бэсси Сюкан Санкэй (Статья безымянного автора, «Столкнемся с бегущим воздухом», приложение к журналу «Сюкан Санкэй». – 04.1962

⁵⁹ До 1970-х годов путешествующая по Японии одинокая женщина вызывала подозрение, и гостиницы даже отказывали ей в бронировании номера, поскольку считалось, что одинокая женщина едет в путешествие с целью совершить самоубийство. Только с середины 1970-х годов ситуация начала меняться – во многом благодаря рекламным кампаниям железных дорог.

⁶⁰ ДД. 26.06.1967.

⁶¹ ДД. 21.08.1961. с. 91.

⁶² ДД. 07. 09, 1962, с. 19.

⁶³ ДД.18. 09.1961.

⁶⁴ ДД. 31. 08. 1964., 140–141.

⁶⁵ ДД. 22.12.1962.

⁶⁶ ДД. 29. 10. 1962.с. 175.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ДД. 03,09. 1962.с. 115.

точных женщин, которые в состоянии управлять своей жизнью так же легко, как и автомобилем, стали тем идеалом, который заставлял японских девушек стремиться к самосовершенствованию. Женщины с рекламы призывали: «Сестренка, ты не хочешь заставить свое сердце биться быстро там, за горизонтом?»⁶⁹. Машина перестала быть чем-то, что лишь подчеркивало женскую красоту. Она стала еще и тем, что заставило женщину активно желать попробовать нечто новое.

«Малолитражки» как женские автомобили

Наряду с изображением активных женщин реклама также подчеркивала радость, которую женщина может получить от легкости в управлении автомобилем. Например, реклама 1965 г. говорит: «Почему эта машина пользуется популярностью у женщин? Потому что ей можно целиком довериться, это подтверждают годы»⁷⁰. Чтобы подтвердить это, изображалась женщина, которая «когда устала и хочет, чтобы левая нога отдохнула, может действовать правой»⁷¹, хотя все знают, что на педали нажимают одной, правой ногой.

В автомобильной рекламе в женских журналах часто встречается образ «знающего» мужчины в спецовке, который объясняет, что «такой сильной машины вы еще не видели»⁷², ибо «она так легка в управлении, что даже не верится»⁷³. Показывая, что управлять автомобилем может и женщина, реклама пробовала изменить представление об автомобиле как о сложном механизме. По мнению Сугияма Каку, акцентирование на простоте, удобстве и функциональных характеристиках было особенностью рекламы, адресованной именно женщинам⁷⁴. Однако следует заметить, что большинство машин, рекламировавшихся таким образом, были малолитражными. Такой была и модель «Керол», которая предлагалась для активного отдыха. Именно их позиционировали как «легкие в управлении» автомобили для женщин. В данном случае реклама использовала женские образы и гендерные характеристики для того, чтобы нарисовать позитивный образ нового небольшого автомобиля: маленький, быстрый, простой в управлении и покладистый, как женщина. То есть, в рекламе уже присутствовало некое противоречие – с одной стороны, всячески рисовали независимую женщину, а с другой, машину иногда сравнивали со стереотипными представлениями о женском гендере.

⁶⁹ ДД. 23. 08. 1969.

⁷⁰ ДД. 30. 08. 1965.

⁷¹ ДД. 08.08.1966.

⁷² ДД. 17. 12.1962.

⁷³ ДД. 15.02.1965.

⁷⁴ См. Сугияма Каку, с. 124.

Образы влюбленных пар в рекламе автомобилей

В рекламе малолитражек преобладали образы одиноких женщин или группы женщин, тогда как в рекламе автомобилей-купе представлены пары. По рекламным слоганам мы понимаем, что эти пары влюблены и еще не женаты. Большинство реклам изображало их во время так называемого «автомобильного» свидания. Влюбленные пары предпочитают отдых на природе, они проводят выходные у моря⁷⁵ или в горах⁷⁶. Такие загородные поездки, как правило, были рассчитаны на двоих⁷⁷, и реклама подчеркивала, что автомобиль-купе отлично подходит для активного свидания. Машина не только связывала влюбленных, но создавала особую интимную атмосферу. Реклама рисовала, как автомобиль «везет настроение», «настроение, понятное только двоим, везет прекрасный европейский стиль»⁷⁸. Он символизировал возникновение чувства и был именно тем «пространством», где оно существовало. Рядом с изображением влюбленных говорилось: «Ей нравится “Тоёта Корона”, потому что она рождает прекрасные чувства»⁷⁹. Реклама пыталась слить в одно чувство обладания автомобилем и радость от ощущения любви. В ней также много образов пар, которые активно отдыхают на лыжном спуске⁸⁰, среди снежного пейзажа⁸¹, обнявшись в лесу⁸². То есть автомобили предлагались тем молодым людям, которые любят природу и любят водить машину⁸³.

Появление влюбленных пар именно в рекламе купе понятно, потому что такие автомобили рассчитаны главным образом на двоих, они способны развивать высокую скорость, которая ассоциируется с силой и молодостью. Для этого имиджа характерен «телесный контакт» – молодые люди держат друг друга за руки или обнимаются. Такая реклама появлялась преимущественно в журналах, ориентированных на незамужних женщин, поэтому, в ней усиленно подчеркиваются темы «любви» и «романтических отношений».

В материалах ДД можно найти советы как спланировать свадебное путешествие на автомобиле. В одной из статей, в частности, подчеркивалось, что за отсутствием времени, но при наличии машины можно «уложить» свадебное путешествие и медовый месяц в две-три ночи и всё будет стоить лишь 20 тыс. иен⁸⁴. Журналы подчеркивали, что для

⁷⁵ ДД. 17.07. 1961.

⁷⁶ ДД. 26. 10.1960.

⁷⁷ ДД. 14.06. 1965.

⁷⁸ ДД. 16. 04.1962.

⁷⁹ ДД. 21. 01. 1962.

⁸⁰ ДД. 26. 02. 1962.

⁸¹ ДД. 18. 02.1962.

⁸² ДД. 26. 04.1965.

⁸³ ДД. 26.07.1965.

⁸⁴ ДД. 20.03.1959, с. 63.

современных пар свадебное путешествие на машине – самый подходящий вариант⁸⁵. Они детально рассказывали, по какому маршруту лучше поехать и что лучше сделать. «Обязательно поедem в свадебное путешествие на автомобиле! Наконец-то мы сможем осуществить мечту, о которой мечтали со времени помолвки», – твердили журналы⁸⁶.

Образы семьи и женщины в автомобильной рекламе

Автомобили получили широкое распространение в Японии лишь в конце 1960-х годов. В 1966 г. «Тоёта» выпустила модель «Corolla», которая создала настоящий бум. Теперь даже домохозяйки, благодаря ежемесячной экономии, могли позволить себе купить машину за 100 тыс. иен⁸⁷. Словосочетание «Му саг» приобрело широкую популярность именно в этом году, а уровень продажи автомобилей в стране по сравнению с 1963 г. возрос с 14 до 20%⁸⁸. Таким образом, именно с 1966 г. частные автомобили вошли в массовое пользование у японцев⁸⁹.

Об этом свидетельствует и статистика семейного бюджета. До 1969 г. у людей в городах с населением до 50 тыс. жителей не было статьи расходов «на автомобиль, топливо и обслуживание», однако именно с этого времени японская семья начинает тратить в среднем 619 иен ежемесячно на содержание автомобиля⁹⁰. После 1969 г. эти расходы с каждым годом понемногу росли, что также свидетельствует об увеличении количества машин в частном владении. Автомобиль перестал быть далекой мечтой. И даже в рекламе – рядом с идеализированными образами – начали говорить о негативных моментах.

В это же время в стране была заложена основа автомобильной инфраструктуры и начали создаваться условия для эффективного пользования машиной. Первые две автодороги (№ 1 и № 4) были открыты к Токийской Олимпиаде 1964 г. В декабре 1967 г. было открыто движение по автомагистрали Тюо, в марте 1969 г. – по автомагистрали Дзёмэй⁹¹. Создание необходимой инфраструктуры позволило Японии заявить о себе как об «обществе на колесах». Лишь в это время реальность догнала образы, которые рекламировались на протяжении последних десяти лет. Уже не только в ориентированном на высший средний

класс ФК, но и в более демократичном ДД стало появляться много информации об автомобилях. «Сейчас настала эра автомобилей»⁹² – вот типичный заголовок этой эпохи.

В рекламе седанов преобладают образы влюбленных или семейных пар. Женщину чаще всего изображают в образе матери, которая наслаждается активным отдыхом в кругу семьи. Эта семья отдыхает на пляже⁹³, на природе⁹⁴, жарит барбекю⁹⁵. Реклама подчеркивала, что наличие автомобиля дает возможность «выезжать всей семьей, в любое время прямо от своего дома»⁹⁶. Мать в ней, как правило, улыбается, смотрит за детьми⁹⁷, обнимает их или даже везет куда-то на машине сама⁹⁸. Реклама старается показать, что отдыхать с семьей, в которой есть дети, – это и есть наибольшее счастье в жизни женщины.

Следует обратить внимание на образ «идеальной рекламной семьи». Как правило, в ней четыре человека: отец обычно за рулем, мать рядом с ним. У них двое детей – сын и дочь, которые находятся на заднем сиденье⁹⁹. Иногда девочка обнимает мать, а сын и отец стоят возле машины¹⁰⁰. Встречаются также образы мчащихся автомобилей, везущих семью с двумя разнополыми детьми¹⁰¹ к активному отдыху. Отец почти всегда за рулем (если его нет на картинке – то мать), сын сидит уже рядом с ним, а мать – сзади¹⁰². В разных вариантах рекламы мальчик обнимает маму¹⁰³, мама играет с мальчиком, разговаривая при этом с мужем¹⁰⁴. Иногда мама ведет машину, а дочка сидит рядом с ней¹⁰⁵. Супруга из рекламы, как правило, гордится присутствием детей в автомобиле. В одной из реклам две женщины разговаривают у ограды своих домов, рядом с одной из них стоит мальчик. Женщины обсуждают между собой, что «соседи также купили себе машину»¹⁰⁶. Как будто одна машина и один ребенок приравниваются друг к другу.

Интересно, что независимо от смены сюжета женщину в рекламе седанов изображают обязательно в образе матери, а количество детей в

⁸⁵ ДД, 12.02.1959, с. 70.

⁸⁶ ДД, 12.02.1959, с. 70.

⁸⁷ Тойота дзидося 50 нэн си. (50-летняя история Тойота). Нагоя, 1987, с. 56.

⁸⁸ Моно но тандзё. Има но сэйкацу.(1960–1990) (Рождение вещей «Нынешняя жизнь» 1960–1990) Токио, 2001, с. 170.

⁸⁹ См. Сугияма Каку, с. 26.

⁹⁰ Сомутё Токэй кёку. Какэй тёса Сёва 38 нэн кара 60 нэн маде. (Статистическое бюро Министерства финансов. Исследование домашней экономики с 38 года Сёва до 60 года). 1985, Токио.

⁹¹ «Нихон дзидося сангё си». (Промышленная история японского автомобилестроения) Издание японского автомобиле – машиностроительного общества. Токио, с. 78.

⁹² ДД, 24.01.1966.

⁹³ ДД, 13.06.1966.

⁹⁴ ДД, 10.04.1965.

⁹⁵ ДД, 11.11.1963.

⁹⁶ ДД, 24.01.1966.

⁹⁷ ДД, 30.05.1966.

⁹⁸ ДД, 15.07.1963.

⁹⁹ ДД, 21.05.1963.

¹⁰⁰ ДД, 21.05.1962.

¹⁰¹ ДД, 21.05.1963.

¹⁰² ДД, 26.03.1962.

¹⁰³ ДД, 22.11.1965.

¹⁰⁴ ДД, 18.07.1966.

¹⁰⁵ ДД, 15.07.1963.

¹⁰⁶ ДД, 14.02.1967.

семье никогда не превышает двух. Безусловно, есть объективная причина: пространство в автомобиле ограничено – он рассчитан только на пятерых пассажиров. Однако если вспомнить, что в довоенной Японии преобладала семья с 4–5 детьми, а после войны, благодаря распространению противозачаточных средств и «Программе планирования семьи», среднее число детей уменьшилось до двух¹⁰⁷, причина именно такого количества членов семьи становится понятной. Это интересная тема и она достойна отдельного исследования.

* * *

Подлинная история японского автомобилестроения начинается с 1958 г., и с этого же времени в женских журналах появляется реклама автомобиля как товара широкого потребления. В этой рекламе большую роль играли следующие женские образы: красавица, независимая женщина, самостоятельно водящая машину; влюбленная пара, наслаждающаяся отдыхом; счастливая жена и мать с детьми или в кругу семьи во время путешествия на автомобиле или с мыслями о нем.

В процессе эволюции этих образов можно выделить три периода. Первый период (конец 1950-х и начало 1960-х годов) можно назвать «ознакомительным»: читательницам демонстрировали новый и еще малознакомый, дорогой, «элитный» товар. Превалировавшие в рекламе статичные образы красивых женщин по соседству с автомобилем подчеркивали ценность и роскошь обладания им. Во время второго периода (1961–1964 гг.), который можно назвать периодом «освоения автомобиля женщинами», героини рекламы уже не статичны. Они сидят в машине, изучают ее технические характеристики и даже пробуют куда-то выезжать на ней. Третий период (с 1965 г. и до середины 1970-х годов) можно назвать «периодом всеобщей автомобилизации Японии». В это время женщины в рекламе и в реальности осваивают автомобиль сами и в составе семьи, широко используя его во время активного отдыха и на работе. Следует подчеркнуть, что до третьего периода между рекламным имиджем и реальностью существовала некая пропасть: рекламные образы изображали идеальную картину, поскольку не только женщины, но и многие мужчины не могли позволить себе купить автомобиль. После 1966 г. ситуация в экономике позволила догнать рекламный образ, и имидж стал реальностью.

Если проследить динамику образов в обоих журналах, то можно заметить, что даже в ДД, рассчитанном на незамужних японок, со второго периода начинает проявляться тенденция к изображению женщины влюбленной, а потом уже и в кругу семьи. Это говорит о воплощении в рекламе социальных стереотипов, присущих японскому обществу того

времени. Образ матери и жены в рекламе автомобилей – независимо от того, это новомодный ДД или поддерживающий консервативные ценности ФК – преимущественно находится в рамках традиционного, пришедшего еще со времен конфуцианства образа «хорошей жены и заботливой матери» (*рёсайкэнбо*). Следовательно, динамика образов в журналах говорит о том, что образ независимой женщины есть скорее промежуточный этап на пути к образу «хорошей жены и заботливой матери». Впрочем, «хорошая жена» здесь изображается как «счастливая жена».

Появление такого количества рекламы автомобилей в женских журналах с самого начала их выпуска говорит о том, что производители сразу распознали в женщине потенциального покупателя и водителя. И если сначала она из-за недостатка средств не могла купить машину сама (и ей так или иначе нужен был муж, который мог бы в этом ей помочь), то в семье она была той скрытой силой, которая влияла на принятие решения о покупке машины, ведь негласно финансами в японской семье распоряжалась именно жена. Игнорировать эту силу было бы, по крайней мере, недальновидно. Поэтому производители пытались всячески «задобрить» ее и изобразить попризывательней для того, чтобы она захотела приобрести их товар.

В целом на формирование подобных образов в автомобильной рекламе повлияло формирование общества потребления в послевоенной Японии, прежде всего процесс массового производства товаров и необходимость формирования спроса на них, что в свою очередь способствовало развитию национальной экономики. Как отмечает Э. Гордон, несмотря на то что японская семья на протяжении 1950–1970-х годов научилась экономить до 20% своей зарплаты, остальные деньги она с радостью тратила на все те новые товары широкого потребления, которые хлынули на рынок. Показатель расходов на внутреннем рынке на человека в Японии на протяжении 1955–1973 гг. стабильно рос на 7,5% в год¹⁰⁸. Реклама предлагала женщинам понятные образы, при помощи которых они могли сделать несколько вещей одновременно: приобрести товар, приобщиться к новому, современному, модернизированному стилю жизни; подражая героиням из рекламы, стать «новыми женщинами», которых требовало послевоенное время и общество. Это оказалось средством контроля над массой женщин, которые только что переселились из деревень в города, начали работать или же стали «профессиональными» домохозяйками. Они не имели перед собой достойных подражания ролевых моделей, поскольку ни их матери, ни бабушки никогда не жили подобной жизнью. В этом смысле реклама исполнила роль наставника и не только знакомила с новыми товарами, но и предлагала наглядные

¹⁰⁷ Отиай Эмико называет эту резкую смену в формате семьи «революцией двух детей». Отиай Эмико. 21 сэйки кацзоку хё. (План семьи 21 века) Киото, 2001, с. 54.

¹⁰⁸ Andrew Gordon. A Modern Japanese History of Japan: From Tokugawa Time to the Present. London, 2003, p. 249.

варианты построения собственной жизни. С другой стороны, в рекламе присутствовал и скрытый идеологический контроль: она показывала определенные, желанные для ситуации и страны образы и направляла массу потребителей в нужное русло. То есть кроме автомобиля автомобильная реклама дополнительно «продавала» женщинам «новый образ жизни», «новый способ проводить свободное время» и «новое место» в этой новой послевоенной жизни – место жены, матери и покупателя. Ведь для японской экономики потребление было одним из приоритетов, дабы стимулировать производство и наоборот.

Необходимо сказать и о новом, идеальном образе семьи, который создавала автомобильная реклама: отец и мать, окруженные определенным количеством детей. На формирование образа новой семьи, по нашему мнению, оказали влияние не только государственная программа развития семьи, образ американских рекламных Джонсов, но и наглядный образ семьи японского наследного принца, жизнь которой широко освещалась японскими масс-медиа. Этой теме автор посвятил отдельное исследование.

Нельзя также исключать влияние американской рекламы на формирование японской автомобильной рекламы в целом и образов ею представляемых. Автомобилизация Америки случилась несколькими десятилетиями ранее, и, безусловно, японские креативные и рекламные агентства во многом учились на ее примерах¹⁰⁹. А в американской рекламе все эти образы уже давно были представлены¹¹⁰.

Таким образом, женские образы в автомобильной рекламе были не только примером ролевых моделей для женщин, но и своеобразными «проводниками» в материальное счастье, к которому так стремились каждая отдельная семья и все японское послевоенное общество.

Осима Нагиса: наперекор всем табу

Е. Л. Катасонова

В 2012 г. исполнилось 80 лет одному из самых ярких и одновременно весьма противоречивых классиков японского кинематографа Осима Нагиса, снискавшему мировую известность бунтаря и одержимого борца со всякого рода табу – моральными, политическими, социальными. Этому юбилею был посвящен ретроспективный показ ранних фильмов режиссера, организованный Посольством Японии в России в московском Доме художника под символическим названием «Неизвестный Осима». «Неизвестный» потому, что о раннем периоде творчества этого прославленного режиссера у нас знают куда меньше, чем о зрелых годах его жизни и деятельности. В представлении большей части зрительской аудитории, особенно российской, имя Осима Нагиса, прежде всего, ассоциируется с его поздними работами: скандально известной эротической диалогией «Коррида любви» и «Призраки любви» (в мировом прокате – «Империя чувств» и «Империя страсти»), не менее нетрадиционным по сюжету историческим боевиком «Табу» и другими эпатажными лентами, в которых он смело посягает на общепринятые моральные нормы.

Сам режиссер не раз заявлял о том, что он никогда не повторял в своих работах ранее найденные и использованные в других лентах стилистику съемок, художественную манеру и настаивал на том, что все его картины – разные. Тем не менее, понять позднего Осима или хотя бы приблизиться к пониманию достаточно сложного художественного мира его произведений невозможно без его первых фильмов. Они позволяют лучше понять истоки режиссерского мастерства, эстетические и мировоззренческие основы его творчества и их эволюцию на каждом этапе профессионального пути.

Выходец из старинного самурайского рода, Осима родился 31 марта 1932 г. в Киото. Отец его работал инженером, но мальчику суждено было недолго находиться под его опекой. Семья рано потеряла кормильца, и будущий режиссер был вынужден самостоятельно зарабатывать на жизнь. В апреле 1950 г. он поступает на юридический факультет престижного университета Киото. Уже на первом курсе за ним закрепилось прозвище «красный студент». В эти годы Осима впервые знакомится с левыми теориями, которые настолько увлекают будущего режиссера, что еще долгие десятилетия он будет жить, мыслить и работать под их влиянием. Молодой человек с головой уходит в студенческое движение,

¹⁰⁹ Информация из интервью автора с представителем рекламного агентства «Хакуходо» Сэкидзава Хидэхико.

¹¹⁰ Daniel D. Hill. Advertising to American Woman. Ohio, Ohio State University Press, 2004, с. 168–173.

вступив в ряды молодежной организации «Дзэнгакурэн» («Общенациональный студенческий союз»).

Но не только политика определила мировоззренческие позиции и темперамент будущего режиссера. В эти годы он увлекается авангардным театром и принимает активное участие в самодеятельном студенческом кружке, выступая одновременно в качестве актера и автора пьес. Все эти обстоятельства повлияли на выбор будущей профессии. После окончания университета, узнав о наборе творческой молодежи в крупнейшую кинокомпанию «Сётику», Осима вместе с товарищами по студенческой самодеятельности отправляется в Токио. В апреле 1954 г., выдержав трудный отборочный конкурс, он поступает на студию «Офуна» кинокомпании «Сётику» в отдел ассистентов режиссеров.

Прославленная «Сётику», одна из шести японских «фабрик грез», переживала в те дни самые успешные времена в своей истории. Только что там закончились съемки мелодрамы Оба Хидэо «Твое имя», снятой по классическим канонам этого популярного жанра. Фильм имел оглушительный успех, став чуть ли не самым кассовым в истории японского кино и, естественно, образцом для постоянного тиражирования, в первую очередь, в стенах самой киностудии. По сюжету новый шедевр «Сётику» во многом напомнил знаменитую ленту Мервина Ле Роя «Мост Ватерлоо», а по идейному содержанию воплощал морализаторский дух студии «Офуна», активно насаждавшийся в те годы президентом кинокомпании Кидо Сиро, начиная с картин Одзу Ясудзиро и кончая творчеством Киносита Кэйсукэ. «Сила воздействия этих фильмов состояла в удачном изображении человеческих переживаний, режиссеры сочувствовали слабым и беспомощным, но показывали и маленькие радости жизни. Хотя они и вздыхали по поводу общественных противоречий, но по большей части уходили от этих проблем»¹.

У молодого Осима с его активной социальной позицией и мятежным бунтарским характером эти наивные истории со счастливым концом не вызывали ничего, кроме откровенного неприятия. Но он мирился с этим, упорно овладевая секретами профессии у таких известных мастеров, как Оба Хидэо, Номура Ёситаро, Кобаяси Масаки и других. Под их руководством он прошел хорошую кинематографическую школу: от мальчика с хлопушкой до монтажера и сценариста. За пять лет работы в качестве ассистента режиссера он принял участие в создании 15 фильмов, написал несколько сценариев, а в 1956 г. занялся кинокритикой, основав вместе с известным кинокритиком Сато Тадао журнал «Эйга хихё» («Кинокритика»).

Осима пошел по пути французских режиссеров «Новой волны»: Франсуа Трюффо, Жана-Люка Годара, Клода Шаброля и др., начинавшим свое творчество с теоретических работ о новом киноискусстве.

¹ Сато Тадао. Кино Японии. М., 1988, с. 154.

Свои революционные по тем временам художественные воззрения они публиковали на страницах издаваемого известным кинокритиком Андрэ Базеном журнала «Cahier du Cinema». Молодые французы критиковали сложившуюся во Франции систему кинопроизводства, далекие от реальности коммерческие фильмы и призывали к различного рода смелым экспериментам в кинематографе. Их картины отличались негативным отношением к традиционной морали, отказом от устоявшегося и уже исчерпавшего себя стиля съемок и от предсказуемости содержания. Но главное в их творчестве – это поиски новой стилистики и новых героев – молодых, смелых в суждениях и поступках, олицетворяющих собой наступление эры молодежной революции.

Эти мысли и настроения были созвучны творческим поискам и стремлениям многих начинающих японских режиссеров, которые даже раньше французов уже в конце 1950-х годов выступили с многочисленными манифестами и программными заявлениями по поводу новых задач и целей кинематографа. Назревшие перемены во многом диктовались кризисными явлениями, которые охватили мир японского кино, еще недавно переживавшего свой «золотой век». Не стала исключением и недавно процветавшая кинокомпания «Сётику», которая долгие годы специализировалась на столь популярных в Японии женских мелодрамах «дзёсэй эйга» и фильмах для простого народа «сёмингэки», но и эта чуть ли не самая кассовая продукция стала стремительно терять своего массового зрителя.

В кино с легкой руки молодого писателя Исихара Синтаро, новичка в литературе, дебютировавшего удостоенным престижной премии Акутагава произведением «Солнечный сезон», пришла тема недовольных жизнью юных бунтарей и прожигателей жизни. Книга и одноименный нашумевший фильм режиссера Фурукава Такуми, появившиеся летом 1956 г., принесли не только огромную популярность самому писателю и его родному брату Юдзиро, сыгравшему в картине одну из ролей, но и дали начало целой субкультуре послевоенного поколения японцев, названного «солнечным племенем» (*тайёдзоку*). Эта «золотая молодежь» – беззаботные юнцы отказались нести на своих плечах тяжелый груз воспоминаний о войне и старались забыть суровые испытания послевоенных лет. Превыше всего в своей жизни они ценили удовольствия: слушали американскую музыку, танцевали рок-н-рол и звали друг друга громкими именами, типа «Брандо из Кобэ» или «Элвис из Осака», во всем подражая своим западным кумирам в одежде, прическах и нравах. Целыми днями они загорали на океанских пляжах, проводили время с красивыми девушками в барах или катались на собственной моторной лодке в компании друзей, при этом не переставая грезить о безоблачной и легкой карьере.

Проблема молодежного бунта через сексуальную и нравственную раскрепощенность, поднятая Исихара в «Солнечном сезоне», мгновенно

всколыхнула всю Японию. И молодой Осима, тогда еще ассистент режиссера, сразу же весьма эмоционально откликнулся на эти события. В своем знаменитом эссе, опубликованном в июле 1958 г. в журнале «Кинокритика» и озаглавленном достаточно символично: «Найдем ли выход? Модернисты в кино Японии» он, в частности, писал: «... тогда я почувствовал, что в звуке разрываемой юбки и в шуме моторной лодки, прокладывающей себе путь среди более крупных судов, чуткие люди смогли услышать крики чайки, возвещающей новую эру японского кино»².

В действительности, в начале 1960-х новую эру японского кино открыли представители «Новой волны». Если долгие годы на японском экране господствовали проникнутые тихой печалью и сентиментальностью фильмы о людях, покорных судьбе, то сейчас их полностью вытеснили картины с новым героем – мятежным, циничным, изверившимся в идеологии конформизма и нравственных ценностях старшего поколения. Самыми распространенными темами становятся секс и насилие. Впрочем, столь же наглядно эти тенденции представлены в эти годы и в творчестве выдающихся западных мастеров кино – Годара, Бергмана, Феллини, Антониони, Пазолини и др.

Но для японских режиссеров 1960-е годы – это еще и особая страница в истории национального кинематографа, тесно связанная с появлением такого весьма популярного киножанра, как «розовое кино» (*pinku эйга*). Нередко этот жанр относят к «мягкой» порнографии, но в основном это были «независимые эротические ленты, зачастую политизированные и отличающиеся как щедрыми дозами насилия, так и экспериментами в области формы. Французские критики приравнивали «pinku эйга» к фильмам Пазолини и Фассбиндера, а Осима громко и ясно объявил: «Кодзи Вакамацу спасет японское кино»³.

Вакамацу Кодзи – друг и сподвижник Осима – также был близок к «Новой волне» и являлся одной из ключевых фигур в области низкобюджетного независимого «розового» кино. Леворадикал по своим идеологическим взглядам, он проповедовал сексуальное насилие как механизм борьбы с государством. Его самыми известными работами стали ленты «Ангелы и насилие» (1967), «Тайная охота эмбриона» (1966) и др., считающиеся классикой жанра. Однако «крестным отцом» японского «розового» кино все-таки принято считать режиссера Тэцудзи Такэси. А первым его образцом, вернее сказать, первым японским фильмом «Новой волны», взявшим эротическую тему в качестве основной сюжетной линии, стал фильм «Мечта», представляющий собой сюрреалистическую смесь пыток, насилия и т. д. Он был выпущен студией «Сётику» в 1964 г.

² <http://www.bestkino4you.ru>.

³ <http://www.cinematheque.ru>.

Успех этого фильма, а вслед за ним и сенсационной в те годы ленты «Рынок плоти» Кобаяси Масаки – будущего создателя киношедевра «Кайдан», получившего специальную премию на кинофестивале в Каннах, явно продемонстрировали киностудиям, что в Японии существовал довольно большой рынок для эротического кино. Именно со съемок «розовых» лент начали входить в большой кинематограф многие выдающиеся кинематографисты, начиная с Имамура Сёхэй и кончая обладателем «Оскара» 2009 г. за фильм «Проводы» Такита Ёдзиро. Явное тяготение к эстетике и художественной свободе «розовых фильмов» проявилось в творчестве и многих других крупных мастеров кино и, в особенности, тех, кто активно занимался разным рода художественным экспериментированием, связанным с японской «Новой волной» 1960-х годов: Ёсида Ёсисигэ, Сонода Масахиро, Судзуки Сэйдзюн, Хани Сусуму и др.

Переживая эпоху столь разительных перемен в духовном и моральном климате страны, да и в самом кином мире, президент кинокомпаний «Сётику» Кидо Сиро решает идти в ногу со временем и «омолодить» лицо своей студии, причем, не только за счет современной тематики, но и, главным образом, за счет новых творческих имен. Будучи человеком консервативного склада, но с тонким профессиональным чутьем, он делает ставку сначала на Осима, а потом на его коллег – бывших ассистентов студии «Офуна» – Ёсида Ёсисигэ, Синода Масахиро и др., которым поручает съемки их первых самостоятельных фильмов о проблемах и героях их поколения. Эти начинающие кинематографисты и составили основное ядро «Новой японской волны “Офуна”».

В отличие от гуманистических драм прославленных мастеров кино, таких как Куросава Акира, Мидзогути Кэндзи и Одзу Ясудзиро, фильмы «Новой волны» были направлены на разрушение традиций. Японская «Новая волна» бросила вызов гуманизму, ниспровергла романтическую любовь, свела ее к чувственному желанию, проводя через извращение, преступление, акты насилия и т. д. Но, пожалуй, самым неистовым и самым ярким среди них был Осима Нагиса. Его неформальное лидерство предполагал сам характер этого молодого человека: неумная энергия, незаурядный темперамент, несомненный талант, парадоксальный склад ума, постоянное стремление раздражать и эпатировать публику и т. д. Достаточно сказать, что Осима откровенно не любил прославленного Куросава за его «избыточный» гуманизм. Но и сам великий мэтр японского кино, в свою очередь, резко критиковал собратьев по цеху, таких, как Осима и др., за излишнюю эротику и насилие в их фильмах. Начинаящий режиссер высоко почитал творчество прославленного Мисима Юкио и искренне дорожил дружбой с ним, таким же бунтарем и тонким эстетом, что и Осима, но в отличие от него сторонником иных – крайне правых националистических взглядов. Не

исключено, что именно влияние этого писателя сказалось в поздних работах Осима.

В истории японского кино, где в особенности в послевоенный его период ассистенты обычно десятками лет ждали своего дебюта в режиссуре, новая политика «Сётику» казалась почти революционной. Во Франции Франсуа Трюффо (27 лет) пришел в кино с фильмом «Четыреста ударов», Клод Шаброль (28 лет) – с лентой «Красавчик Серж», Луи Малль (25 лет) – с «Лифтом на эшафот», а Жан-Люк Годар (25 лет) – с картиной «На последнем дыхании».

Конечно, японским режиссерам-дебютантам, в отличие от французов, не приходилось рассчитывать на полную творческую свободу, в особенности в выборе тематики и идеологии будущих фильмов. Но новые задачи были очерчены перед ними достаточно четко: требовались тщательная детальная разработка драматургии, яркая индивидуальность и разнообразие характеров, их типичность и узнаваемость и т. д. А для этого были необходимы новые сценарии и новые сюжеты.

Один из таких сценариев под названием «Мальчик, продающий голубей», написанный Осима, случайно попался на глаза самому Кидо, и тот сразу же дал согласие на его съемки. История крайне проста: бедный мальчик в поисках средств к существованию придумал достаточно простой, но практически беспроблемный способ мошенничества – продажу ручных голубей, которые, поднявшись в небо, вновь возвращались к своему хозяину, который в очередной раз выставлял их на продажу. Этот порочный «бизнес» продолжался до тех пор, пока птицу не купила девочка из богатого семейства. Подружившись с ней, продавец голубей пытается через ее отца устроиться на работу, но мир толстосумов не принял его. И он в знак протеста продолжает свою нехитрую торговлю. Обозленная его упрямством и не понимающая степени его бедности подружка покупает у него голубя, выпускает на волю и заставляет своего брата подстрелить птицу.

Показательно, что на экраны фильм вышел под названием «Улица любви и надежды» (1959 г.). На то у руководства студии, вопреки замыслу режиссера, были свои соображения. Осима был вынужден несколько раз переименовывать ленту – сначала в «Улицу гнева», а затем, чтобы уйти от слишком мрачного звучания, в «Улицу любви и печали». Правда, на последнем этапе «печаль» уступила место «надежде», и, если бы не острый по своему протестному настроению финал, лента вполне могла бы вписаться в типичную для «Сётику» сюжетную схему. Ведь по первоначальному сценарию размолвка друзей завершалась примирением, и картина должна была нести в себе своеобразный «happy end».

Однако Осима пошел наперекор устоявшимся на студии канонам и придал фильму острое социальное звучание, придумав сцену убийства голубя, что символизировало собой невозможность дружбы богатой

девочки и бедного мальчика. И этот жесткий и бескомпромиссный финал фильма нес в себе достаточно горькую мысль о социальном неравенстве в обществе, о попорченном идеале, рождающем в людях разрушительную энергию и т. д. Естественно, подобного рода мораль и печальный разоблачительный подтекст фильма вызвали недовольство руководства «Офуна». Но отзывы критики оказались столь хвалебными, что Осима вскоре был предоставлен еще один шанс заявить о себе.

В 1960 г. начинающий режиссер заканчивает работу над второй картиной «Повесть о жестокой юности», которая сразу же получила широкое общественное признание и даже была отмечена призом как лучший кинодебют года. Эта лента о двух юных преступниках, которые, идя на всякого рода грязные ухищрения с помощью насилия и обмана занимаются вымоганием денег у окружающих взрослых людей. Осима не стремится показать их жертвами общества или отважными бунтарями в стилистике картин о «солнечном племени». Авторская идея другая: «в порочном обществе их бунт обретает форму бессмысленного нарушения закона, именно в этом состоит “жестокость их истории”»⁴. Эти настроения определили не только идейное содержание фильма, но и его колористическую тональность, окрашенную цветом красного зарева заката, явно ассоциирующегося с красной текущей кровью. Все это было новым и весьма самобытным на фоне того, что ставили в те годы признанные классики японского кино.

С точки зрения художественного мастерства фильм «Повесть о жестокой юности» – одна из лучших ранних работ Осима, а с точки зрения своего идейного содержания она ознаменовала приход «злого кино» в творчество режиссера. Показ жестокости, насилия и секса, которые четко обозначились в этой картине, отразил новые тенденции в творчестве мастера и, прежде всего, в интерпретации молодежной темы. В третьей по счету в его фильмографии ленте «Захоронение солнца», также вышедшей в 1960 г., Осима уже сознательно идет наперекор назидательной морали студии «Офуна». Здесь он окончательно формулирует свое философское кредо, уверенно подсказывая зрителю достаточно циничную мысль о том, что лишь сильные и бесчувственные способны выжить в этом мире. Эта картина с символическим названием знаменует конец эпохи фильмов о «солнечном племени», после чего в творческой биографии режиссера следует целая серия работ, обращенных, в первую очередь, к политической и общественной тематике тех лет.

В этих лентах особенно ярко и эмоционально проступает искренняя озабоченность Осима судьбой молодежного движения, но самое главное в них четко прочитывается принадлежность самого художника к его леворадикальному неконформистскому крылу. «Режиссер Осима Нагиса занимает в японском кино то же положение, что и Жан-Люк

⁴ *Сато Тадао*. Кино Японии. М., 1988, с. 156.

Годар во Франции, – пишет известный исследователь японского кино Дональд Ричи. – Законченный интеллеktуал, он больше интересуется идеями, чем людьми; он строит свои фильмы скорее в форме эссе, чем в драматургически оформленном виде и уважает больше написанное и произнесенное слово, чем собственно кинематографическое изображение»⁵.

Это высказывание достаточно точно отражает особенности фильма «Ночь и туман Японии» (1960 г.), созданного скорее в журналистской, нежели кинематографической стилистике. Это фактически заснятый на пленку полтора часовая спор студентов и преподавателей о злободневных политических вопросах и, прежде всего, об актуальной тогда проблеме японо-американского договора безопасности и т. д. Но одновременно с политическими дебатами Осима раскрывает собственное видение многих современных явлений. А его размышления о том, каким должно быть студенческое движение 1960-х годов, превращается в рассказ о его собственной молодости.

Конечно, основная направленность и содержание этой картины никак не вписывались в рамки коммерческого кино. Но руководство «Сётику», стремясь поправить свое финансовое положение, пошло на определенный риск, пытаясь сыграть на имени уже известного молодого режиссера и интересе публики к его ортодоксальным фильмам. Однако на сей раз ленту, во многом новаторскую не только по содержанию, но и по форме, ждал кассовый провал. И через три дня после премьеры ее поспешно изъяли из проката, возможно даже не без политического давления извне. А Осима в знак протеста ушел со студии и вместе с женой Кояма Акико основал собственную компанию «Содзося».

Как ни парадоксально, но этот эмоциональный и во многом выстраданный шаг помог режиссеру существенно расширить диапазон своего творчества. Вместе с Оэ Кэндзабуро – будущим Нобелевским лауреатом в области литературы – он с увлечением работает над картиной «Содержание скотины» (1961). А на следующий год его уже приглашает крупнейшая студия «Тоэй» для съемок ленты «Сиро Токисада из Амакуса». Тремя годами позже он восстанавливает контакты с «Сётику», и на деньги кинокомпании заканчивает работу над картиной «Радость». Но эти работы прошли по экранам страны практически не замеченными.

Намного успешнее режиссер заявляет о себе в эти годы в других киножанрах. В 1967 г. на волне растущей популярности японской анимации он создает двухчасовой рисованный фильм «Военная искусство ниндзя. Альбом». В его основу легли 36 томов комиксов известного художника и писателя Симпэй Сираторо о бурных событиях междоусобных войн XIV в. Причем режиссер здесь идет на чисто формальный

эксперимент, впервые используя в этой ленте оригинальный анимационный прием оживления известных картинок – подвижный монтаж, который в сочетании с выразительной музыкой и напряженным ритмом создавал впечатление стремительного действия.

Однако главные достижения этого периода творчества Осима отмечены, прежде всего, в области документального кино. Он создает несколько блестящих документальных работ, таких как «Забытая армия империи» (1963) – тридцатиминутный телефильм о корейцах-инвалидах войны, лишенных социальной поддержки в Японии. Эта лента признана одной из лучших документальных лент японского кино. Вторая работа – «Могила юности» (1964), рассказывающая о судьбе девушки, проживающей в Южной Корее. «Корейская тема» глубоко волнует режиссера, и он обращается к ней вновь во многих своих работах этого периода, начиная с тридцатиминутной ленты «Дневник Юнбоги» о жизни десятилетнего корейского мальчика (1965) и кончая «Смертной казнью через повешение» (1968). Причем, последняя работа, рассказывающая о дискриминации корейского меньшинства, где режиссер в форме гротеска, черного юмора и сложной символики затрагивает проблему смертной казни и т. д.

Практически все фильмы Осима этого десятилетия, такие как «Демон, появляющийся среди белого дня» (1966), «Исследование свода непристойных песен Японии» (1967), «Возвращение троих пьяных» (1968), «Дневник вора из Синдзюку» (1969), «История, рассказанная после токийской войны» (1970) и другие ленты, по яркому выражению Д.Ричи, «наподобие годаровских, превратились в политические эссе»⁶. Правда, теперь известного мастера интересуют уже не столько социальные или политические события, сколько реакция на них людей.

Одним из самых ярких примеров нового подхода является фильм «Церемония», один из самых любимых режиссером. Это история о распаде в современных условиях большой традиционной семьи, члены которой собираются вместе только по особым случаям – свадьбы, похороны и т. д., теряя последние нити родства. По существу в этой ленте нашли отражение все самые острые проблемы послевоенной Японии, и режиссер, вновь обращаясь к ним, подводит определенную черту под ранним этапом своего творчества. «Церемония» была названа лучшим фильмом 1971 г. Но затем для режиссера наступает своеобразный творческий тупик.

Почувствовав, что не может найти для себя актуальной темы, Осима в течение четырех лет работал на телевидении. В 1973 г. он даже становится ведущим популярной телевизионной программы о женщинах, у которых сложные семейные проблемы. Вскоре он ликвидирует свою компанию «Содзося» и начинает сотрудничество с иностранными про-

⁵ Richie D. «Nagisa Oshima» // Japan Times. 21.01.1968.

⁶ Richie D. The Japanese cinema. Film Style and National Character. London, 1971, p. 137.

дюсерами. Имя подающего надежды японского режиссера было уже известно на Западе благодаря его ленте «Смертная казнь через повешение», показанной на одном из кинофестивалей в Каннах. Это помогло Осима раньше многих других японских кинематографистов продвигаться на рынки США и Западной Европы. Именно тогда появляются его самые известные работы: знаменитая дилогия о чувствах и страсти – «Коррида любви» (1976 г.), «Призраки любви» (1978 г.), культовая военная драма «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс!» (1983 г.) и другие фильмы, принесшие режиссеру мировую известность.

Самым первым опытом его работы с европейскими кинематографистами стал фильм «Коррида любви», идея создания которого родилась еще в 1972 г., когда известный французский продюсер Анатолий Доман предложил Осима совместные съемки фильма. Оставалось лишь выбрать сюжет для будущей картины. С этой целью Осима вернулся в Японию и приступил к поиску материала для сценария, предлагая Доману один вариант за другим. И тогда его французский коллега неожиданно остановился на криминальной истории, случившейся в Японии в 1936 г. Ее главными героями явились Абэ Сада, служанка одной из небольших провинциальных гостиниц, которые часто служили домами свиданий, и ее любовник – женатый человек по имени Киити, хозяин этого заведения. Оба охвачены безумной страстью, и в момент апогея очередного любовного свидания Сада убивает своего возлюбленного. Затем она оскопила его и вырезала на мертвом теле слова: «Киити и Сада – вечная любовь». После чего женщина, будто в бреду, отправляется в город, сжимая в руках свой необычный трофей – вещественное доказательство содеянного. И в таком почти безумном состоянии она бродит по улицам еще несколько дней, пока ее не арестовывает полиция. После чего суд, удостоверившись в полной психической вменяемости преступницы, приговаривает ее к длительному тюремному заключению.

Эта история глубоко взволновала и самого Осима, который, готовясь к съемкам, разыскал реальный прототип своей будущей героини, и та поведала ему продолжение своей истории. Выйдя досрочно из тюрьмы, она перебралась в Токио, чтобы раствориться в его многолюдной толпе, поскольку ее преступление получило тогда достаточно широкую огласку у нее в округе. Женщина устроилась официанткой в одном из маленьких кафе, но душевные муки не давали ей покоя. И она принимает решение уйти в монастырь, чтобы до конца своих дней замаливать грехи своей молодости. Здесь ее и разыскал режиссер.

Но все эти события остались за рамками происходящего на экране, поскольку для Осима важны не подробности жизни своих героев. Для него важно провести своего зрителя по запутанным, и, судя по всему, тупиковым лабиринтам загадочной империи чувств. Все действие картины происходит в четырех стенах маленькой комнаты, практически полностью отрезанной от внешнего мира, где царит только страсть, гра-

ничающая с безумием и смертью. А ее содержание сводится к изображению неистовой силы естественных чувств, тонкой передачи радости и трагизма в жизни уже достаточно зрелых людей. Фильм Осима изобилует множеством сексуальных эпатажных сцен, балансирующих на грани порнографии и натурализма, которые удивительным образом сочетаются с эстетством и мастерски выстроенным пластическим рядом.

Даже в эпизоде убийства Осима продолжает эксплуатировать цветовые контрасты. Сада душит спящего Киити шнурком своего кимоно. Но, прежде чем затянуть шнурок, она будит его, чтобы получить его безмолвное согласие на смерть. А потом, свершив надругательство над его трупом, она ложится в серебристо-белом кимоно рядом с окровавленным телом своего возлюбленного... Каждый жест, слово, цвет кимоно, расположение героев в пространстве кадра, ракурс съемки – все это несет в себе особую смысловую и художественную нагрузку. И вся эта мастерски выполненная постановка картины придают ей высокое художественное звучание, позволяющее поставить эту работу режиссера в один ряд с лучшими произведениями киноискусства.

Любопытно, что к созданию фильма имел отношение легендарный создатель «розовых» фильмов и друг Осима – Вакамацу Кодзи, которому даже некоторые западные критики приписывали участие в режиссуре: настолько картина Осима напоминала им стиль «Вакамацу продакшнс». Однако в реальности, Вакамацу выступил тогда вторым продюсером ленты. Впоследствии он получил на нее видеоправа в Японии, что принесло ему немалый доход. Показательно и то, что в том же 1976 г. начинающим режиссером Танака Нобору был поставлен еще один фильм на основе того же материала «Подлинная история Абэ Сады». К этой ленте японские критики отнеслись более благосклонно, чем к «Корриде любви». В Японии лента Осима была показана со значительными поправками комитета по цензуре «Эйрин» в укороченной версии протяженностью в 83 мин. А, когда в 1976 г. режиссер выпустил книгу своих эссе с многочисленными кадрами из «Корриды любви», то почти сразу же предстал перед судом за оскорбление нравственности. Процесс затянулся на долгие годы, и только в 1982 г. кинематографист был оправдан.

По-настоящему громкий скандал ждал фильм Осима и на его премьерном показе на Каннском кинофестивале в 1976 г., где «Коррида любви» (в западном прокате – «Империя чувств»), непонятно каким образом, миновав строгие цензурные критерии отборочной комиссии у себя в стране, впервые была показана западной публике в рамках специальной программы «Неделя режиссеров». Первая реакция зрительного зала была практически близка к шоковой. И хотя лента произвела чрезвычайно сильное впечатление на кинокритиков своим высочайшим художественным уровнем и глубоким философским звучанием,

она была сразу же изъята из фестивальной программы по причине безнравственности ее содержания.

Еще более печальная судьба ждала «Корриду любви» на Западно-Берлинском кинофестивале «Берлинале» в 1977 г., где работа Осима была сразу же признана порнографической, а катушки с фильмом были конфискованы немецкой полицией и даже стали предметом судебного разбирательства. Результатом долгих и продолжительных рассмотрений в суде стала полная «реабилитация» фильма и его создателей, а восемнадцать месяцев спустя после вынесения этого вердикта, картина уже шла в Германии на широком экране без каких-либо цензурных сокращений. И это стало огромной победой режиссера и продюсера фильма, так как даже в странах, где не привыкли заботиться о чистоте нравов, он демонстрировался со множеством купюр, либо шел в ограниченном прокате, как это было, к примеру, в Швеции (премьера состоялась 8 октября 1976 г.).

Парадоксально, но западное кинематографическое сообщество впервые дружно проголосовало за эту картину лишь в США – стране чуть ли не самых строгих пуританских нравов. На кинофестивале в Чикаго работа Осима была отмечена специальной премией жюри, а затем получила и приз Британской киноакадемии. Но при этом и в Америке, и в большинстве стран Европы фильм был запрещен к широкому показу. Но случилось так, что сенсационная, пусть даже в негативном плане, первая реакция на фильм сослужила картине добрую службу, обернувшись, в конечном итоге, мощной рекламной кампанией и самому режиссеру, и его необычно яркой и талантливой работе.

Два года спустя после начала громких гонений на фильм, как бы извиняясь перед режиссером, организаторы фестиваля в Каннах приняли в конкурсную программу вторую часть его дилогии «Призраки любви», которая была удостоена приза за лучшую режиссуру. Хотя, очевидно, что в большей степени премия предназначалась первой серии или, скажем, дилогии в целом. Вторая часть дилогии о бремени человеческих страстей сюжетно не связана с первой. Она практически повторяет классический сюжет, легший в основу романа Майкла Кейна «Почтальон всегда звонит дважды», успешно экранизированного в Голливуде. Только действие происходит в Японии, причем за сорок лет до событий «Корриды любви».

Жена рикши Гидзабуро по имени Сэки вместе с молодым любовником Тоёдзи убивает мужа, распространяя среди соседей слух, что он уехал в Токио на заработки. Но призрак покойника не оставляет их в покое. Через три года привидение начинает являться жителям деревни. Пошли сплетни, дошедшие до блюстителей порядка. В конце концов наступает почти традиционная для фильмов Осима развязка: в финале разоблаченных любовников приговаривают к смертной казни, и они вновь встречаются со своей жертвой на дне колодца. При этом Осима,

как обычно, не интересуется моральная сторона этой коллизии, куда сильнее в его ленте показан конфликт между людьми, ищущими счастья друг в друге и в окружающем мире и чувство протеста против традиционных устоев японского общества.

В этом фильме практически нет и намека на порнографию, здесь тема всеразрушающей любовной страсти решена уже более сдержанно, не с такой шокирующей откровенностью, как в первой части дилогии, правда, и не с таким художественным блеском. И это уже могли оценить не только специалисты, но и простой зритель, так как к тому времени «Коррида любви» уже пробилась себе дорогу на широкий экран. Два года спустя после своей в общем-то неудавшейся премьеры лента уже демонстрировалась в обычных неспециализированных кинотеатрах Франции с одобрения министра культуры этой страны, который в специальном письме, отмечая высокий художественный уровень картины, вместе с тем обращал внимание зрителей на ее не совсем пристойное содержание.

Оберегая нравственность своих соотечественников составители французского справочника «Акай» также заботливо предупреждали зрителей: «Чувствительные души, берегитесь...»⁷. А еще через семь лет картина Осима была названа кинокритиками лучшей эротической лентой всех времен и народов, и фильм с большим успехом был показан по телевидению многих стран.

К 1990 г. до понимания «высокого эротизма» «доросли» и советские зрители, когда познакомились с «Корридой любви» на ретроспективном показе фильмов французского продюсера Анатоля Домана в Москве. На самом деле, эта лента появилась на советском видеорынке задолго до этого культурного события, но осталась практически незамеченной. Во всяком случае, она не пользовалась таким повышенным спросом у пользователей видео-салонов, как, например, другой шедевр эпатажа – «Последнее танго в Париже». Возможно, для советского зрителя европейская эротика была куда более простой и понятной для восприятия, нежели японские чувственные изыски. Ведь Осима идет гораздо дальше Бернардо Бертолуччи, не просто повествуя о силе и вседозволенности человеческой страсти, но и преступая грань между жизнью и смертью.

«Фильм “Империя чувств” или “Коррида любви”, – пишет доктор философских наук А. Кобзев, – по своей природе подобен кентавру: одна часть его тела западная, другая – восточная, что выражается прежде всего в смысловой многослойности этой серьезной ленты. Однако, если не преувеличивать значение поверхностного “клубничного” слоя, вызывающего соблазн иного критика назвать фильм порнографическим, то, несмотря на очевидную рискованность многих сцен, перед

⁷ <http://dic.academic.ru>

нами прекрасный пример экранизированной для западных эстетов эротической японской притчи»⁸.

Кстати говоря, французские критики также сразу же обнаружили в фильме прямые заимствования из европейской культуры: любовь как насилие, мучение, влечение к смерти, она подчиняет, приводит к уничтожению в стиле маркиза де Сада и др. Однако европейская трактовка сложного художественного мира, созданного Осима, существенно упрощает его замысел. Кажется, что режиссеру удалось в концентрированном виде воплотить все грани японского мирозерцания, мироощущения, древних национальных традиций, не знавших по существу никаких границ в изображении природного человеческого начала. Правда, некоторые искусствоведы, напротив, расценили, что главной для Осима по-прежнему остается его излюбленная тема «Новой волны» – крушение национальных мифов, традиций, представлений, которые веками культивировались в его стране.

Сам Осима попытался обосновать постановку «Корриды любви» своим принципиальным неприятием господствующей нравственности: «Моей целью было выступить против буржуазной морали». Он утверждал, что этот фильм стоит в одном ряду с теми картинами, в которых подняты социальные проблемы. «Я полагаю, что наше поколение кинематографистов рассматривает вопросы пола лишь в рамках общих проблем свободы человека. Конечно, есть немало фильмов, где эта тематика эксплуатируется в чисто коммерческих целях. Однако, если принять во внимание пуританские традиции Японии, то следует признать, что подобные фильмы означают борьбу с запретами, разрыв с традиционной моралью, со всеми ее ограничениями»⁹.

Фильм «Коррида любви» стал во многих отношениях этапным для Осима и его творческой карьеры. После мирового скандала, разразившегося вокруг картины, этот уже маститый мастер не мог найти финансовой поддержки для своих будущих проектов у себя на родине. Его единственный надежный спонсор Вакамацу, находивший раньше средства на съемки фильмов, в том числе, благодаря своим тесным контактам с японской мафией, к тому времени уже перевел острие своих политических интересов в сторону японских «красных бригад» (*сэкигун*) и палестинских террористов. В этой ситуации режиссеру не оставалось другого пути, как искать финансовой поддержки у продюсеров на Западе, где его имя уже не нуждалось в представлении. Это обстоятельство заставляет теперь уже признанного японского мэтра перебраться на постоянное местожительство во Францию, где ему удалось, наконец, превратить в жизнь свою многолетнюю мечту – выйти в своем творчестве за рамки чисто японской тематики.

⁸ <http://profismart.ru.../bookreader-115883-48>

⁹ Цит. по: Генс И. Ю. Бросившие вызов. Японские режиссеры 60–70 годов. М., 1988, с. 55.

Одна из самых известных лент этого периода – «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс!» – может уже считаться культовой благодаря именам членов съемочного коллектива. Это – легенда английского рока – музыкант Дэвид Боуи, самый популярный в наши дни японский композитор Сакамото Рюити, «оскароносец», много и успешно работающий на Западе. И, наконец, еще одна современная звезда, не нуждающаяся сегодня в особом представлении – Китано Такэси, в то время только начинающий актер, выступивший еще под своим первым сценическим псевдонимом – Бит Такэси.

Картина переносит нас в годы Тихоокеанской войны и рассказывает о сложных взаимоотношениях между японцами и захваченными ими в плен англичанами в японском лагере для военнопленных. При этом режиссер делает особый акцент не только на показе традиционно жестокого обращения победителей к своему недавнему врагу, но и на их беспощадности к своим же подчиненным. Как подчеркивают критики, в этом фильме Япония вновь «предстает как империя страсти, взращенной на жестких табу замкнутой самурайской культуры. Эта культура даже в условиях мировой войны ведет диалог с другой культурой. И не просто с западной, но именно с британской, тоже островной, тоже имперской, иерархичной, но при этом абсолютно иной»¹⁰.

Фильм достаточно простой с точки зрения сюжета, но, как всегда у Осима, чрезвычайно сложный и многоплановый по философской идее, смысл которой определяется режиссером как неизбежное столкновение личности с обществом. Режиссер по-прежнему склонен фетишизировать в своих героях разнообразные душевные надломы, на сей раз даже дополняя их нетрадиционными сексуальными наклонностями. При этом он вновь задается своим излюбленным вопросом: как поведут себя эти люди в экстремальной ситуации. Главные персонажи фильма в исполнении двух поп-идолов, Сакамото и Боуи, эти две яркие харизматичные личности, которых связывает обоюдное влечение, как бы ведут свой человеческий диалог и одновременно свой духовный поединок, порой не на жизнь, а на смерть. Поцелуй, запечатленный на лице врага, и белая прядь волос, которую Ёнои (Сакамото) срезает с головы Сельерса (Боуи), по шею закопанного в землю, – эти сцены не могут не вызывать какого-то мистического трепета и содрогания. А вот менее чувственные и более цельные представители вражеских лагерей скорее способны понять и принять друг друга. Лоуренс (Конта) и Хара (Китано) – пленник и победитель после войны спокойно меняются ролями. Так фильм Осима, по-японски одержимый и напряженный, неожиданно заканчивается чисто европейской культурной рефлексией.

И этот финал, по-видимому во многом обусловленный особенностями европейской культуры и западного менталитета, по законам которых

¹⁰ Afisha.ru /movie/170323/review/146632

теперь вынужден был мыслить и творить Осима, снимая свои фильмы в Европе и ориентируясь, прежде всего, на западного зрителя, судя по всему, нарушает привычную логику режиссера. Он замышляет выразить недосказанное на наиболее близком для него национальном материале, результатом чего стала его последняя картина «Табу», снятая в 1999 г. уже тяжело больным режиссером по роману популярного японского писателя Сиба Рютаро с участием уже прославленного к тому времени Китано Такэси. Работа над ней растянулась на несколько лет, поскольку состояние здоровья Осима несколько раз вынуждало его прерывать съемки, а затем вновь в инвалидной коляске возвращаться к ним. И все-таки болезнь не помешала ему до конца оставаться в душе все тем же провокатором и нарушителем запретов.

Эти две разные, но подлинно «мужские» работы Осима – «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс» и «Табу», невольно вызывающие ассоциации с творчеством Мисима Юкио, объединяет одна подспудная тема гомосексуальных отношений. По-видимому, поставив своей целью понять все тайны «империи чувств» и скрупулезно проанализировав в своих картинах все превратности любви между мужчиной и женщиной, причем, даже в ее крайних проявлениях, режиссер на склоне лет вновь решил раздвинуть границы дозволенного, обратившись к этой весьма деликатной проблеме и нарушив тем чуть ли не последнее для себя моральное табу.

При этом в отличие от других работ, в «Табу» Осима впервые обращается к исторической тематике, перенеся действие своей картины в Японию 1865 г., когда страна переживала последние дни мирной изоляции от остального мира, а средневековое общество, которое уже стояло на пороге грядущих перемен, еще свято чтит прежние законы кодекса воинской чести *бусидо*. Следуя древней традиции предков, юноша редкой внешней красоты и доблести по имени Кано Содзабуро, бесстрашный воин, блестяще владеющий мечом, поступает на службу в самурайский «эскадрон смерти» – Синсэнгуми. Содзабуро еще не знает, что для самурая любовь и смерть всегда неразделимы. Однако вскоре ему предстоит не только осознать, но и почувствовать это, став объектом тайных желаний сразу же нескольких своих именитых соратников, которые, вступают между собой в смертельную схватку за него. По существу, Содзабуро своим приходом разбивает каноны идеального мужского сообщества, более того, домысливая веками отшлифованную систему власти в Японии. Можно и так прочесть этот закодированный месседж режиссера к своему зрителю.

Это – историческая драма – «*дзидайгэки*», жанр, который как дань традиции на уровне своеобразного генетического кода воплотил в своем творчестве практически каждый именитый японский режиссер. Достаточно обратиться к творчеству Куросава Акира, который насытил этот жанр новым социальным звучанием. Правда, большинство из

плеяды великих режиссеров именно историческими драмами пробивали себе путь в большое кино, тогда как Осима лентой «Табу», скорее всего, завершает свою богатую творческую биографию. Фильм в целом, при всей своей не типичной для режиссера тематике, с художественной точки зрения воспринимается как необычайно красиво снятый костюмный исторический боевик – очередной шедевр изобразительного искусства. Но, наверно, самое главное – в его пафосе. Это опять же вызов мастера, но на сей раз вызов многим нашим устоявшимся представлениям, как о самих самураях, так и о сложных человеческих взаимоотношениях среди этого весьма закрытого от посторонних глаз мужского сообщества. Эта картина стала одним из главных событий конкурсной программы международного кинофестиваля в Каннах в 2000 г., завоевала Гран-при «Золотой Грифон» на кинофестивале в Санкт-Петербурге 2000 г. и была представлена во внеконкурсной программе XXII Московского кинофестиваля в 2000 г.

По всей видимости, «Табу» – последняя крупная работа в творчестве режиссера, если не считать еще двух предшествующих ей документальных лент: «Киото. Город моей матери» и «100 лет японского кино». Последняя – часть проекта британского киноинститута «Век кино», который был задуман как собрание личных впечатлений наиболее ярких и влиятельных деятелей мирового кино – Мартина Скорсезе, Жана-Люка Годара и др., каждый из которых делится своими мыслями о пройденном пути и перспективах кинематографии собственной страны. Японию представляет Осима Нагиса, который в своей ленте излагает всю историю японского кино в виде 52-минутного подвижного коллажа, состоявшего только из эпизодов самых известных японских картин и озвученного великолепной музыкой композитора Окэмицу Тору. Фильм достаточно субъективный. В нем практически отсутствуют интервью с другими японскими деятелями киноискусства, звучит только закадровый голос режиссера, комментирующего свое отношение к происходящему на экране. А еще раньше свой оригинальный взгляд на историю киноискусства своей страны Осима подробно изложил в своих теоретических работах: «Послевоенное кино: разрушение и созидание» («Сэнго эйга: хакай то содзо») и «Теория послевоенного изображения, основанная на личном опыте» («Тайкэнтэки сэнго эйдзо рон») и др.

Из-за преклонного возраста и тяжелой болезни Осима в последние годы ничего не снимает, поживая на лаврах почетного президента Ассоциации кинематографистов Японии. Но его имя по-прежнему продолжает будоражить умы и сердца зрителей всего мира, стремящихся понять загадочную душу японского художника. Нет ничего удивительного в том, что оценка его художественного наследия продолжает вызывать споры и разные толкования, как в Японии, так и далеко за ее пределами. У себя на родине его называют выразителем настроений послевоенного поколения. На Западе Осима считают противоречивым,

трудным для понимания художником. Одни критики превозносят его как новатора и тонкого эстета, закрывая глаза на чрезмерное обилие секса, жестокости, редкого натурализма в его картинах, объясняя их социальными и моральными проблемами современной жизни и противопоставляя всему этому негативу высочайший художественный уровень его мастерства. Другие же, напротив, клеймят его чуть ли не как автора скандально известных порнофильмов, решительно не замечая художественной ценности его произведений и т. д. Конечно, можно принимать или отрицать философские и мировоззренческие позиции мастера, однако огромная фильмография творчества Осима уже сделала его бесспорным классиком японского и мирового кино.

О Специфике «японского» (красота мгновения, исчезающего в Вечности)

М. П. Герасимова

Умение японцев передать тончайшие нюансы чувств и мыслей, владеющих человеком, при помощи крайне ограниченного числа средств художественной выразительности, перестало быть предметом обсуждения, как среди ученых японоведов, так и среди поклонников японского искусства. Об этом написано достаточно много работ и в России, и за рубежом. Но по-прежнему удивляет в работах японских мастеров сочетание эмоционального и поэтически – философского планов. Это в равной степени относится ко всем художественным произведениям, будь то живопись, роман, поэзия, сад или букет икебана, стремящиеся передать красоту мгновения, исчезающего в Вечности.

Звучащая на русском языке как метафора фраза «постичь красоту мгновения, исчезающего в Вечности» в действительности выражает философские и этико-эстетические особенности отношения японцев к окружающему миру, к своему месту в нем и к пониманию бытия в целом. Следует подчеркнуть, что издревле красивым считалось «всё то, что заставляет сердце биться сильнее»,¹ вызывая чувство восхищения, удивления, сострадания, взволнованности, печали, словом, вызывает в человеке тот или иной душевный отклик. Это явилось следствием синтоистской веры в существование в любом предмете, явлении, событии и даже абстрактном понятии души, которая дана ему от Природы, которая воспринималась как олицетворение совершенства и гармонии. Под Вечностью же понималась не имеющая ни начала, ни конца «беспредельность и бесконечность (*мугай мухэн*), неиссякаемая Вселенная, вмещающая в себя всё сущее (в том числе и человеческие чувства) ² и, воспринимаемая как Небытие.

Понятие Небытия³ было привнесено буддизмом в синтоистское миропонимание японцев, обожествляющих и одушевляющих все вокруг себя, обусловив окончательное формирование той «национальной

¹ Слова принадлежат Сэй Сёнагон, автору «Записок у изголовья» (Макура-но соси). Пер. Марковой В. Классическая японская проза XI–XIV веков. М., 1988.

² Кавабата Ясунари. Уцукусии нихон-но ватакуси. Дзэнсю. (Красотой Японии рожденный). Полн. собр. соч. 1969–1978, т. 15. Токио, 1976. с. 185.

³ Небытие кё (санскр. Абхава) – это невидимое, неслышимое, непознаваемое в логических категориях бытие неявленных форм, которое считается Истинным бытием. Природа Небытия – Пустота (санскр. Шуньята), это то – откуда все родится и куда все возвращается.

стихии»⁴, через призму которой, по мнению Н. В. Гоголя, создаются подлинно национальные произведения.

Понятие Небытия, хотя и скорректировало жизнерадостное отношение японцев к окружающему миру, внеся в него элегическую ноту, не повлияло на некоторые особенности миропонимания, которые лежали в основе уже существующей «национальной стихии». Именно эти особенности, насколько позволяет формат статьи, предстоит рассмотреть далее как факторы, обусловившие «специфику японского».

Попытка разобраться в сущности «японского», отсылает к поэзии, в первую очередь к поэзии *танка*, поскольку именно *танка* на протяжении всей истории существования и развития жанра была носителем черт, которые становились впоследствии ключами к пониманию если не всего «японского», то искусства во всяком случае.

В Японии издавна существует мнение, что именно поэзия более всего воплощает в себе «дух земли Ямато», так в старину называли Японию. Считается, что эта мысль впервые была высказана одним из «36 магов японской поэзии»⁵ столичным аристократом и поэтом Ки-но Цураюки (868?–945) в предисловии к составленному по императорскому указу «Собранию старых и новых песен Ямато» – поэтической антологии «Кокинвакасю» (922). К этому времени *танка* уже стала ведущим поэтическим жанром⁶ и с тех пор до наших дней всегда была и остается вписанной в социальный и исторический контекст эпохи. Отражая все изменения, происходящие в жизни японского общества, *танка* оставалась, тем не менее, носителем национальных традиций и одним из знаковых элементов, характеризующих японскую культуру. Это позволяет говорить о значении поэзии *танка* с точки зрения ее функционирования в духовной, культурой и социальной жизни общества, избегая литературоведческого анализа, который мог бы увести за рамки поставленной задачи – определить корни и формы проявления японской самобытности, насколько это возможно в рамках одной статьи.

В японской истории немало свидетельств почитания *танка* как величайшей национальной ценности. Показателен случай, рассказывающий о том, как верность поэтическим традициям взяла верх над интересами политики. Он произошел в 1183 году, когда в результате междоусобных войн и смут при дворе уже несколько лет не проводились поэтические встречи и собрать стихи для императорских антологий,

⁴ Образ из цитаты Н. В. Гоголя: «Поэт даже может быть и тогда национален, когда опиивает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии». Н. В. Гоголь. «Несколько слов о Пушкине» // Сборника «Арабески». Полн. собр. соч., т. VIII, 1952, с. 51.

⁵ «36 магов японской поэзии» (Сандзю2роккасэн) – список, составленный каллиграфом и поэтом Фудзивара-но Кинко (966–1041).

⁶ В середине VIII века наибольшее распространение имели *тёка* (или *нагаута* – букв. длинная песня) и *сэдока* (песня с повторяющимся началом).

основываясь исключительно на их поэтических достоинствах, было довольно трудно. Однако составителю антологии прославленному поэту Фудзивара Сундзэй (1114–1204) удалось выполнить нелегкую задачу, поставив во главу угла именно интересы поэзии. Это случилось, когда один из представителей клана самураев Тайра, Тайра-но Таданори (1144–1184) рискуя жизнью, пробрался в столицу, находившуюся в руках победивших врагов, только для того, чтобы просить составителя включить в антологию его стихи. Стихи были, действительно, хороши и Сундзэй пошел на хитрость: он включил в императорскую антологию стихотворения Тайра и других авторов из рода поверженных противников, написав возле них: «Автор неизвестен»⁷.

Знаменателен и другой случай, также свидетельствующий о необыкновенно важной роли, которую *танка* играли в жизни японцев. Упоминание о нем содержится во всех исторических изданиях и справочниках. Согласно этим данным, в 1600 году, когда все еще продолжались кровопролитные войны в борьбе за власть, в осажденном замке оказался прославленный стихами и военными подвигами Хосокава Юсай (1534–1610), владевший, как говорили современники, «сокровенными тайнами японской песни». Это значило, что Хосокава умел толковать стихотворения из «Собрания старых и новых песен»⁸ Ямато и знал скрытый, а иногда и потерянный, смысл слов. Ученики Хосакава обратились к императору с просьбой снять осаду замка и сохранить жизнь учителю, чтобы не были утеряны сокровенные тайны японской песни, и не прервалась преемственность в развитии жанра. Осада с замка была снята. Хосокава был спасен⁹.

В чем же причина подобного отношения к пятистишиям, которые называют песнями Ямато?

Один из возможных ответов содержится в вышеупомянутом предисловии Цураюки: «Песни Ямато – это десять тысяч слов, растущих из человеческого сердца как из семени... Каждый живущий в мире окружен толщей деяний, и то, что лежит на сердце, он высказывает, соображаясь с тем, что видит и слышит. ...Не тратя усилий, песня движет Небом–Землей, чарует не видных глазу демонов и божеств, смягчает (гармонизирует) отношения мужчины и женщины, утешает сердца отважных воинов. Песня появилась, когда разделились Небо–Земля...

⁷ Речь идет об антологии «Тысячелетнее собрание японских песен» (Сэндзай вака сю), составление которой было закончено около 1188 года.

Подробнее см.: Keen D. Seeds in the Heart. Japanese Literature from Earliest Times to the Late Sixteenth Century. N.-Y., 1993, с. 320.

⁸ Пятистишия *танка* (букв. короткая песня) с X века до середины XIX столетия называли *вака*, (букв. японская песня), противопоставляя её китайской *канси* (букв. китайская песня). В эпоху Мэйдзи этому жанру возвращено старое название *танка*. Поэтические творения в Японии произносили нараспев, поэтому их называют песнями.

⁹ Нихон рэкиси дайджитэн (Большой словарь истории Японии), Токио, 1961, с. 300.

Настал век людей, и со времен Сусаноо-но микото¹⁰ стали слагать песни в три десятка слогов и еще один». Цураюки убежден, что люди, как и все твари, как всё «живущее живое» (*икитоситэ икиру моно*), поют свою песню, которая прорастает из человеческого сердца великим множеством листьев-слов¹¹. Это и есть песни Ямато, песни о великом множестве «деяний», на которые откликнулось человеческое сердце.

Однако, известно, что до Цураюки было создано еще несколько поэтик. Они были построены по китайскому образцу, но, по свидетельству исследователей, содержат немало идей, не связанных с китайскими представлениями о мироздании. Первый из дошедших до нас трактатов принадлежит Фудзивара Хаманари и относится к 772 году. В нем есть слова, которые стоит выделить особо. «Деяния творят радость, но одни деяния дурны без воспевания¹². Из этого высказывания Хаманари следует, что «деяния» должны быть воспеты. Необходимо отметить, что под словом «деяние», понимались не только великие свершения, но и любое действие, событие, обстоятельство или явление, которое вызвало в душе человека эмоциональный отклик. Его и следовало выразить в словах.

Обычное для представителя западной цивилизации утверждение, что в основе поэзии лежит чувство, в контексте японской культуры приобретает несколько иное звучание, поскольку здесь, помимо естественных чувств человека – *ниндзё*, особое значение имеет и эмоция как ситуативное чувство, и сам факт её выражения. Существовало даже слово, представляющее собой контаминацию слов «радость», «печаль», «упоение» и «гнев» – *кидоайраку*, обозначающее чувство-эмоцию, испытанную «здесь и сейчас», иными словами, в конкретное время и в конкретном месте. Эта эмоция становилась импульсом для создания поэтического текста также «здесь и сейчас», отчего японская поэзия *танка* зачастую носила характер экспромта. Стихи слагали не только наделенные поэтическим талантом высоко образованные придворные, но и простые люди, как это явствует из литературных памятников и научных исследований¹³.

Очевидно, что темой такого текста было событие, имеющее место в настоящем времени.

10 По преданию, первую *танка* сложил неистовый бог бури и ветра Сусаноо-но микото, сочетавшись браком с земной девой, которую он спас от восьмиглавого змея. Это пятистишие первым было записано в японской письменной традиции в «Кодзики».

11 «Слово» по-японски звучит *котаба*, происходит от словосочетания *кото-но ха*, что буквально значит «лист от дела, деяния». Подобно тому, как листва венчает дерево, слова «венчают» любое «дело».

12 Цит. по Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. М., 1995, с.158.

13 Глускина А. Е. Заметки о японской литературе и театре. М., 1978; Конрад Н. И Японская литература, М., 1974; Конрад Н. И Японская литература. В образцах и очерках, Ленинград, 1927 г; Наканиси Сусуму. Кодай нихондзин. Кокоро-но утто (Японцы в древности. Вселенная в сердце). Токио, 1996.

Если учесть, что в древности поэзия была неотделима от жизни, от быта людей, что стихи слагались по любому, сколько-нибудь значительному поводу, становится очевидным тот факт, что поэтическое чувство, обычно ассоциирующееся в сознании представителя западной цивилизации с возвышенно-прекрасным, стоящим над буднично-прозаическим, у японца «начинало работать» не только вследствие непреодолимой тяги выразить пережитое, но и вследствие другого достаточно весомого обстоятельства, имеющего отношение к особенностям понимания мира, своего места в нем и веры в магию слов (*котадама синко*).

О значении песни в древнем японском обществе, о роли её в ритуале как средстве коммуникации с божествами и «актуализации магических сил», а также об особенностях её перехода в литературу, когда «конкретно-магические цели» заменяются «общими задачами подключения к природному универсуму с его мистериальными возможностями посредством специфических средств стиха»¹⁴ довольно обстоятельно говорится в работах российских японоведов Глускиной А. Е. и Ермаковой Л. М.¹⁵ В данном же случае представляется небезынтересным остановиться на таких вопросах, как когда и каким образом просыпалось в японцах поэтическое чувство, результатом которого становились поэтические творения; почему поэзия была настолько вписана в жизнь; чем обусловлена художественная выразительность образов. Ответы на эти вопросы невозможно получить, не учитывая, прежде всего, особенности взаимоотношений в системе «человек – Природа», и вытекающее отсюда чувственное познание окружающего мира, а также постоянное «взаимодействие» с богами и сакральную сущность акта демонстрации, если можно так сказать, «выставления напоказ» переживаемого чувства.

В те времена, когда сочинение *танка* еще не стало литературным творчеством, а было одной из разновидностей словесности, считалось, что любая пережитая эмоция, будучи откликом на какое-либо «деяние», то есть явление, событие, обстоятельство и т. п., должна найти выражение в словах. В ответ на закономерно возникающий вопрос, в чем причина этого долженствования, все исследователи единодушно ссылаются на веру японцев в существование души слова (*котадама*) и магическую силу слова, обусловившую сакральность песни. Кроме того, комментируя мнение современного поэта Оока Макото о том, что "ва" в слове "вака" имеет значение "Ямато", изначальный смысл которого "согласовывать свое сердце с сердцем другого, достигая взаимного умиротворения и гармонии", российский японовед Соколова-Делюсина Т. Л. пишет: «основной смысл слова "вака" – петь, принаравливая

14 Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. М., 1995, с.151.

15 Глускина А. Е. Записки о японской литературе и театре, М., 1978 г., «Маньё@сю2» («Собрание мириад листьев») В 3 томах, т. 1. Предисловие Глускиной А. Е. М., 1971 с. 21; Ермакова Л. М., Речи богов и песни людей. М., Ермакова Л. М., Ямато-моногатари, М., 1982.

голос свой к голосу партнера, чтобы достичь взаимной гармонии». То есть основная роль древней японской поэзии прежде всего состояла в том, чтобы «поддерживать гармонию в мире, связывая между собой, сплавливая воедино человеческое и природное»¹⁶.

Не оспаривая справедливости подобного утверждения, необходимо, однако, учитывать и то, что, сам акт выражения, «выставления напоказ» имел для японцев сакральный смысл, поскольку считалось, что таким образом люди выражали богам почтение. Если вспомнить, что Мотоори Норинага подчеркивал важность чувственного постижения сути окружающих предметов, а слово *ута* – "песня" возводил к глаголу *уттау* – "взывать", "просить", логично предположить, что *танка* была своего рода демонстрацией пережитого чувства, эмоции человека, вызвавшего к высшим силам.

Взаимоотношения японцев с богами были в некотором роде «партерские». Считалось, что люди постоянно должны помнить о том, что прекрасный мир, в котором они живут, достался им благодаря *ками*, и они должны были видеть свой долг в том, чтобы продолжать их деяния в этом мире. Однако богам угодно знать, что их замысел понят и принят с благодарностью. Люди неустанно должны им демонстрировать это. Поэтому акт демонстрации приобрел особое значение. «Выставление напоказ», лежащее в основе некоторых сохранившихся до сих пор обычаев, говорит о его сакральности. Так, например, одним из наиболее распространенных является обычай открывать настежь двери и окна домов во время праздников. Ошибкой было бы считать это желанием дать возможность проходящим мимо полюбоваться семейными реликвиями. В действительности эта демонстрация, этот показ предназначен богам, которые, согласно синтоистским поверьям, усматривают в этом акте оказание им почтения, а на демонстрируемые вещи снисходит божественный дух.

Известно, что изначально в Японии зрелищная сторона театрального действия, так же как праздничной церемонии, которая в свою очередь есть не что иное, как своеобразная театральная постановка, имеет особое, самостоятельное сакральное значение, именно поэтому так красочны и богаты одеяния участников. Подтверждением того, что акт показа имеет особый смысл, можно считать и существующий по сей день в северных провинциях Японии обычай обращаться к актерам с просьбой поносить кимоно, купленные к особому случаю, чтобы они «пропитались» духом божества, которому их демонстрируют¹⁷.

«Демонстрацию», устроенную для богов, в Японии можно наблюдать повсеместно в любое время года. Хорошо известный всем обычай вешать живописный свиток и ставить букет цветов в нише *токонома*, соблюдая в обоих случаях соответствие сезону, также не что иное, как демонстрация богам потребности человека ощущать себя сопричастным бесконечному круговороту в Природе, в ритме и по законам которой он стремился жить. Композиция из веток сосны, бамбука и сливы *кадомацу*, устанавливаемая у входа в дом в новогодние дни, матерчатые изображения карпов на шестах, возвышающихся над домами, и листья ирисов, выкладываемые на крышах в сельской местности в день мальчиков, и многое другое. Словом вся атрибутика праздников, а их в Японии великое множество, не что иное, как своеобразные «пароли» для общения с богами, означающие выражение им благодарности с одной стороны, и понимание своих задач – с другой.

Ориентированность на богов проявляется и в языковых формах и в устойчивых выражениях. Наиболее очевидной словесной формой можно считать обычно произносимое японцами вслух перед едой слово *«итадакимас»* (букв. принимаю) означающее адресованное Природе выражение благодарности – «принимаю Твои дары».

Возвращаясь же к тем временам, когда подобные «выставления напоказ» совершались не в силу традиции, а вполне осознанно, можно вспомнить и рассказчиков мифов и легенд о деяниях богов и императоров *катарибэ*, которые собирали на площадях слушателей не только для того, чтобы развлечь их, но и для того, чтобы выполнить свой долг перед богами. Не случайно и военные баллады *гунки* (XII–XIII вв.) поначалу исполнялись вслух, чтобы успокоить души воинов, павших в сражениях¹⁸, ведь согласно синтоистским поверьям, умершие становятся богами *ками*¹⁹.

Своего рода демонстрацией почтения разгневанному духу была и вышеупомянутая седьмая императорская поэтическая антология, в которую составитель рискнул включить творения поэтов из вражеского лагеря. Она была создана в период, когда раздираемая кровопролитными войнами между кланами Тайра и Минамото страна страдала еще и от многочисленных бедствий, которые, по поверьям, насылал разгневанный дух умершего в ссылке экс-императора Сутоку. Составление

¹⁸ Подробнее см. *Горегляд В. Н.* Японская литература VIII–XVI веков. СПб. 1997.

¹⁹ Как божества *ками* почитались души предков, а также все, что вызывало чувство удивления, благоговения, умиления, восторга, трепета, а иногда и страха, будь-то в природе, среди людей или предметов. Особо почитались ландшафтные божества – божества гор (*яма-цуми*), божества источников (*микумари-но цуми*), божества моря (*вата-цуми*), а также божества стихий – ветра, грома, молний, дождя. Существовало также убеждение в том, что божественной природой – митама – обладают конкретные предметы и даже абстрактные понятия, например, добро – *наохи*, зло – *магацухи*, физическая сила – *татикарао*, разум – *омоиканэ*, а также «созидательность», «плодородие», «обновление» и многое другое. Подробнее см. *Мураками Сигэёси.* Нихон-но сюкё (Японские верования). Токио, 1991.

¹⁶ *Соколова-Делюсина Т. Л.* Сборник японская поэзия. От сердца к сердцу сквозь столетия. СПб, 2000, с. 14.

¹⁷ *Masao Yamaguchi.* The poetics of Exhibition in Japanese Culture. Exhibiting Cultures. Smithsonian Institution Press. Washington and London. 1996; *Kamō Crouti.* Нихон бунгакуси дзёсэцу (Введение в историю японской литературы), т. 1. Токио, 1975.

поэтической антологии *танка*, которая исстари считалась «песнью богов», было расценено как лучший способ умиротворить дух Сутоку, который при жизни был известен своим благоволением к поэтам, и весной 1183 года в разгар междоусобных сражений по приказу императора Госиракава поэт Фудзивара-но Сюдзэй приступил к составлению очередной, императорской поэтической антологии.

Японские *ками*, которым в песнях демонстрируется чувство как одно из «деяний», близки людям, они вместе пребывают в едином лоне Природы. Наряду с этим под влиянием китайской натурфилософии Природа во всей дальневосточной традиции, в том числе и в японской, воспринимается достаточно широко, а именно, как Вселенная, наделенная самопроизвольной творческой силой.

Слово *сидзэн*, в буквальном переводе «самозарождающаяся», употребляемое в современном языке для обозначения слова «природа», изначально, как свидетельствуют словари архаизмов, обозначало «всё сущее» (*мина*), «всеобщую взаимосвязанность» (*моно-но сбкансуру кото*)²⁰. В этом не было противоречия с синтоистским пониманием мира, исходя из которого человек ощущал себя частью в цепи различных взаимосвязанностей. Такой же частью от целого становилась и его песня.

Следует подчеркнуть, что многие философские и эстетические принципы японской поэтической традиции обусловлены сохранившимися в ней архаическими чертами, существующими с времен перехода от словесности к литературе. Так, «невыделение» себя из окружающего мира, именуемого Природой, определило «безличностный» подход в изображении Природы. Отсюда – отсутствие «пейзажных зарисовок» в японской поэзии. Японские поэты намеренно растворяют своё «я» в том, о чем пишут, отводя место главного действующего лица Природе во всём её многообразии. Вот, к примеру, несколько *танка* из «Собрания старых и новых песен Ямато», эстетика которой, и, в первую очередь, способ изображения Природы, впоследствии нашли отражение во всех традиционных поэтических жанрах.

*Сирацую-но
Иро ва хитоцу о
Ика-ни ситэ
Аки-но ко-но ха о
Тидзи-ни сомурас*

Как случится могло,
что прозрачные светлые капли
предрассветной росы
вдруг придали сотни оттенков
разноцветным листьям осенним?

Фудзивара-но Тосиюки из «Осенних песен» (пер. А. Долина)

²⁰ Когодзитэн (Синсэн) Словарь архаизмов. Накада Норико, Токио, 1963.

*Одзора-но/
цуки-но хикари си/
киёкэрэба/
кагэ миси мидзу дзо/
мидзу коорикэру*

Этой ночью луна /
так ярко сияла на небе, /
так был чист её свет, /
Что покрылась льдом в одночасье /
гладь пруда, где играли блики...
(пер. А. Долина)

Неизвестный автор

*Фуку кадзэ то/
Тани-но мидзу то си/
Канарисэба/
Ми-яма какурэ-но/
Хана о мимаси я*

Если бы ветер не дул /
и воды потока в долину /
не влекли лепестки – /
как еще мы могли бы увидеть /
те цветы, что в горах сокрыты?
Ки-но Цураюки

танка из «Весенних песен»: (пер. А. Долина)

Важно отметить, что японские и проза, и живопись в последующие эпохи демонстрируют именно такое же видение и изображение природы: в них нет прямых описаний пейзажей, воспроизводится состояние, в котором природа пребывает в данный момент и в данном месте, «здесь и сейчас». Это состояние проецируется на автора, который своими эмоциями оказывается вовлеченным в происходящие в ней процессы. При этом образы Природы здесь не объект и не фон, а действующие лица.

Кроме того, осознание человеком себя неотъемлемой частью Природы, включенным во «всеобщую взаимосвязанность» (что находит выражение и в вышеупомянутом предисловии Ки-но Цураюки, когда соловей, лягушка и человек упоминаются в одном ряду как «всё живущее живое») наряду с синтоистской верой в существование во всем, что окружает человека, бога – души, способствовало зарождению особого отношения к окружающему миру. Все предметы, события и явления приобретали «равнозначимость» и становились предметом равносущного внимания. Поэтому для японцев, считающих чувство *насаке* – «сочувствие» одним из наиболее «естественных» чувств человека²¹,

²¹ Толковые словари современного японского языка, раскрывая смысл понятия «ниндзё» (букв. человеческие чувства), наряду с чувством любви, печали и восторга, также называют сочувствие.

так же естественна была чуткость ко всем окружающим его предметам. Следствием этого становилось стремление увидеть невидимое, услышать неслышимое, постичь самую суть чего бы то ни было, с чем человек сталкивался на своём пути. Невидимое и неслышимое не могут быть постигнуты интеллектом и осмыслены в логических категориях. Они постижимы на уровне чувств и могут быть выражены лишь в образах. Отсюда особое значение, придаваемое чувственному познанию, следствием которого было зарождение понятия *моно-но аварэ*²², – очарования вещей, ставшего к середине X века мировоззренческой и эстетической категорией. Это привело к культивированию тонкости чувств, направленных на познание предметов и явлений окружающего мира, и формированию национальных художественных традиций, в основе которых лежало эмоциональное начало.

Процесс формирования самобытной культуры в Японии начался после того, как были прерваны отношения с Китаем (894 г.) и взоры наиболее образованной и просвещенной части общества обратились к национальным традициям, в первую очередь, к поэтическим.

Собственно японская поэзия, совершенно не была похожа на ту, которая создавалась японскими же поэтами на китайском языке по законам китайского стихосложения, как того требовали обычаи времени, когда китайский язык играл роль латыни, а каждый образованный человек должен был уметь слагать стихи. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас памятники и, в первую очередь, составленная всего за восемь лет до «Манъёсю», первой поэтической антологии на японском языке, антология «Кайфусо» (Милые сердцу ветры поэзии, 751 г.), в которую вошли стихи японских придворных, написанные на китайском языке. Собственно японскую поэзию отличало еще и то, что она была распространена во всех слоях населения – от крестьян до аристократов.

Обычно сопоставляя «японское» с «китайским», как правило, употребляют эпитеты «изысканный», «утонченный», «изящный», недостаточно ёмкие для того, чтобы выразить сущностные отличия этих культур. Наиболее плодотворным для их выявления может быть сопоставление японской поэзии с китайской, в отношении которых Н. И. Конрад говорил, что они различны по своей сути: «...китайская поэма и японская песня идут из совершенно различных источников»²³, – писал он, рассматривая китайскую поэзию, как обдуманное искусство, а японскую – как движение человеческой души.

²² Подробне о моно-но аварэ, югэн, ваби саби см. *Анарина Н. Г.* Японский театр Но. М., 1984. *Герасимова М. П.* Новое об известном. Части I и II. Ежегодник «Япония» 2006, 2008.; *Григорьева Т. П.* Японская художественная традиция, М., 1979; *Долин А. А.* Предисловие к «Собранию старых и новых песен Японии, М., 1995; *Конрад Н. И.* Японская литература. М., 1974; *Ю. Михайлова.* Мотоори Норинага. М., 1992; *Соколова-Делюсина Т. Л.* Приложение. Мураками Сикибу. Повесть о Гэндзи. В 4-х т. М., 1992, М., 1990, и др.

²³ *Конрад Н. И.* Японская литература в образцах и очерках, Ленинград, 1927, с. 103.

Сопоставление китайской и японской поэзии указывает и на отсутствие в японской воспевания «доблестных мужей» или размышлений о жизни, о народе, о «человеколюбивом правлении», занимающих такое важное место в творчестве китайских поэтов. В китайской поэзии из чувств главенствует дружба, а в японской – любовь, что же касается столь важного для всех жителей Дальнего Востока вопроса о взаимоотношении человека и Природы, очевидно, что китайский поэт и природа находятся в соотношении субъект-объект, где поэт есть субъект, главное действующее лицо, наслаждающееся созерцанием прекрасного объекта. Если автор «вплетает» себя в пейзаж, то природа – всегда фон, а автор – главное действующее лицо. В отличие от китайских японские поэты «растворяют» себя в Природе, стараясь запечатлеть мгновение из её жизни, отчего в японской поэзии невозможно найти стихотворение с динамичными пейзажными зарисовками, каких довольно много в китайской.

Вот для примера стихотворения высоко ценимых в Хэйане китайских поэтов. Очевидное различие не только в форме, но и в том, что становится темой стиха: китайские стихи – развёрнутая картина, японские – «стоп-кадр». (Следует отметить, что переводы стихотворений, приведенных для сравнения, и с японского, и с китайского выполнены не поэтами-переводчиками с подстрочника, а китаеведами и японоведами, занимавшимися также теорией перевода; поэтому различие в передаче образов природы не может быть результатом индивидуальной манеры переводчика).

Ван Вэй (699 или 701–759 или 761),:

Северный холм
За озером спину взбугрил.
Зелень деревьев.
Киноварь ярких перил.
Блещет, петляет
Южной реки полоса
И пропадает,
В темные прячась леса.²⁴

(Пер. В. Сухорукова – А. Штейнберга)

или стихотворение особенно любимого в Хэйане Бо Цзюй-и (772–846)

На восток от беседки «Бамбуковый холм»
небольшое лежит озеро.
Стебли лотосов ранних и свежей травы
зеленеют, неровные, в нем.
Темной полночью, факелом путь осветив,
там внезапно прошел человек,
И в испуге взлетела на воздух чета
белых цапель, дремавших в гнезде.²⁵

Перевод Л. З. Эйdlina

²⁴ *Ван Вэй.* Стихотворения. Москва, 1979, с. 55

²⁵ *Китайская классическая поэзия.* М., 1975.

Китайскую поэзию Н. И. Конрад называл «преображенной в поэтическую форму мыслью», а японскую – «претворенным в словесный организм чувством»²⁶, отмечая при этом, что «отлична и роль их: поэма – для эстетического любования; песня – бьющий пульс жизни.....»²⁷.

Японская «короткая песня» стала отправной точкой, с которой началось формирование самобытной культуры в Японии. *Танка* была наиболее адекватным способом выражения эмоционального отклика, возникающего в душах людей, поэтому переход к авторской прозе был постепенным и ознаменовался появлением в первой половине X века «промежуточного» жанра *ута-моногатари*²⁸. Позднее, на рубеже X–XI вв. воспитанные на высоких жанрах китайской прозы, таких как исторические повествования и философские трактаты, просвещенные хэйанцы признали роман серьезным литературным жанром, поскольку в нем, так же, как в поэзии, можно было передать изменчивую прелесть окружающего мира и всю тонкость и глубину человеческих чувств.

Однако одновременно со стремлением чувственно и эмоционально познавать мир, что было следствием традиционного мировоззрения, сформировавшегося в русле синтоистских поверий, по мере того, как буддизм, призывавший к спокойной созерцательности (*мусин*), оказывал все большее влияние на все стороны бытия, в сознании японцев укоренились и буддийские истины об иллюзорности и непостоянстве (*мудзё*) всего сущего,

Бренность бытия стала одним из основных мотивов в японской литературе уже в период «Манъёсю», но не в произведениях философского толка, а в песнях-плачах, пейзажной и любовной лирике. Характерным стало сравнение человеческой жизни с исчезающим следом лодки, как в *танка*, в которой дословно говорится:

Ё-но нака о
Нани-ни татэму
Асабираки Когиниси фунэ-но
Ато наки готоси

С чем сравним этот мир?
Уплывающей лодки,
С исчезающим следом
Что уходит вдаль
На заре.

Сами Мансэй (VIII в.):

²⁶ Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках, Ленинград, 1927, с. 105.

²⁷ Там же.

²⁸ Ута-моногатари – это прозаические произведения, состоящие из большого количества миниатюр, в которые вплетены одно или несколько стихотворений вака, дающие полное представление о миропонимании, нравах и обычаях хэйанцев.

Буддийское учение, хотя и внесло свои коррективы в отношении к миру, но не вызвало чувства горечи, напротив, любование быстротечностью внесло новый нюанс в мировосприятие японцев, находивших в этом особое очарование. Появилось понятие «*мудзё-но аварэ*» – прелесть непостоянства, изменчивости.

«Красота печали» *хуайби* стала считаться одним из проявлений прекрасного. Переживание «красоты печали» наряду с «красотой взволнованности» (*кандоби*), «красотой гармонии» (*тёваби*), и «красотой изящества» (*юби*), считалось неперменным условием для постижения *моно-но аварэ*²⁹.

Осознание недолговечности, мимолетности всего сущего стало не только одним из определяющих моментов мироощущения японцев, но и породило новый предмет любования. «Если бы человеческая жизнь была вечной и не исчезала бы в один прекрасный день, подобно росе на равнине Адаси, и не рассеивалась бы, как дым над горой Торибэ, не было бы в ней столько скрытого очарования. В мире замечательно именно непостоянство», – писал монах Кэнко-хоси в «Записках от скуки»³⁰.

Поэтизация недолговечности обусловила появление черты характера японцев, которую Кавабата Ясунари, известный не только как писатель, в чьем творчестве проявилась преемственность с национальной художественной традицией, но и как знаток истории и культуры Японии, определил как «присущую японцам утонченную печаль» (*нихон-но сэнсайна айсю*). В эссе «Нетленная красота» («Хоробину би», 1969) он отмечает, что в японском языке понятия «печаль» и «красота» взаимосвязаны: красота печальна, а печаль красива.

С осознанием «прелести преходящего» вся гамма чувств и эмоций *кидоайраку* приобрела элегическую окраску, что еще более усилило значение мгновения, существующего в настоящем времени и обострило связанные с ним эмоции. В то же время под влиянием буддизма, в частности школы Дзэн, многое было переосмыслено в духе этого учения. Так, в сущности предмета стали усматривать не только его неповторимость, но и скрытое, таинственное, непознаваемое начало, связующее его с неподдающейся определению в логических категориях Истиной. Тогда предметом исканий стало не *моно-но аварэ*, а сокровенная таинственная суть *югэн*.

Понятие *югэн* ввел в поэтический обиход Фудзивара Сюдзэй, – один из ведущих поэтов XII века и один из наиболее влиятельных теоретиков поэтического искусства, тот самый Фудзивара, который не побоялся включить в императорскую антологию стихи поверженных противников, о чем рассказывалось выше. Его поэзия, оказавшая

²⁹ Подробнее см. *Камё Сюити*. Нихон бунгакуси дзёсэцу (Введение в историю японской литературы). т. 1, Токио, 1975.

³⁰ Кэнко-хоси. Записки от скуки. Классическая японская проза XI–XIV вв. М., 1988, с. 317.

большое влияние на формирование нового поэтического стиля, проникнута печалью и мыслью о тщете бытия. Однако это не мешает ему с высокой степенью экспрессии передать восплаемое мгновение.

Вот, к примеру две *вака* этого поэта:

*Кацу кори
Кацу ва кудакуру
Ямакава-но
Ивама-ни мусэбу
Асаякэ-но коэ*

Местами крепок, местами растаял
Лед на горной реке.
Слышно, как меж скал
Захлебывается в пламени своем
Утренняя заря.

В первой части словами «местами крепок, местами растаял лед» – иносказательно выражена мысль о переменчивости бытия и вечном круговороте времен года. Во второй части стихотворения, где дословно говорится: «Захлебывающийся (задыхающийся) меж скал в ущелье горной реки голос утренней зари», без достоверного описания пейзажа воспроизведено состояние природы на заре: пламенеющий свет, озаривший узкое ущелье, слишком узкое, чтобы вместить буйство утренней зари, так яркое, что, кажется, тесно ему среди скал, и он с гулом рвется наружу. Очевидно, что этот момент краток, так как картина поменяется, когда взойдет солнце, но жизнь Природы «в данный момент и в данном месте» проецируется на автора, который своими эмоциями оказывается вовлеченным в происходящие в ней процессы. Или другая танка того же автора:

*Кбьяма я
Оота-но сава-но
Какицубата
Фукаки таноми ва
Иро-ни миюраму*

Гора Кбьяма, –
где Оота-сава пруд...
там ирисы растут.
Всю глубину молитв
вобрал в себя их цвет

В первой космографической части названы топонимы – священная гора Кбьяма, возле которой находится синтоистское святилище Камигамо дзиндзя и издавна известный пруд Оота-но сава. Вторая часть – любование цветами до необычайности глубокого цвета, который, по мнению поэта, и не мог быть иным, поскольку цветы растут неподалеку от святилища, куда приходят с мольбой к божеству, и сила желаний, выраженных в молитве, сгущает их цвет.

Красиво, изящно и драматично в этой *вака*, где главные герои ирисы, говорится о надежде, с которой приходят к божеству, живущие в этом бренном мире.

Подобное сочетание символов Вечного (как правило, это образы Природы, формирующие «космический» план) и преходящих явлений реальной жизни в последующие века в равной степени стало характерным для всего японского искусства. Особенно отчетливо оно проявилось в поэзии *хайку*.

Родившаяся из *танка хайку* к XVI веку стала самостоятельным жанром и еще одной знаковой формой японской культуры, выражающей понимание мира её носителями, в котором к этому времени под влиянием учения Дзэн появился новый нюанс – *саби*, – буквально «заброшенность», «одинокость»³¹.

Одинокость в дзэнском понимании не есть одиночество, оно не несет в себе беспокойства и отчаяния, это одиночество просветленное, возникающее в результате осознания себя малой частицей вечного и бесконечного мира, в котором все взаимосвязано. Соответственно, *саби* – это чувство, сходное с тем, которое возникает, когда, как говорят в Японии, слушаешь шум дождя в ночную пору, или крик журавлей, пролетающих в осеннем небе. Иными словами – это одиночество перед Вечностью, дающее чувство освобождения от суетного материального мира.

Однако освобождение от суетного материального мира для японцев не означало отказа от эмоций, о чем свидетельствует мир *хайку*, чрезвычайно богатый самыми разнообразными эмоциями – от удивления и восхищения до умиления и сожаления, всегда выраженными в настоящем времени. Это создает впечатление экспромта, «зафиксировавшего» существующие в лоне Вечности чувство, «рожденное прикосновением сердца к предметам и явлениям», и преходящий миг бытия. При этом Вечность, как уже говорилось, следует понимать не как метафору конечности бытия, а, следуя буддийскому учению, как бытие Истинное, или Небытие,

Гармоничное сочетание, казалось бы, несовместимых жизненных установок – проповедуемой буддизмом бесстрастной созерцательности *мусин* (ошибкой было бы считать это безразличием, скорее это своеобразная эмоциональная ровность) с эмоциональными переживаниями, стремлением испытать и передать тончайшие оттенки человеческих чувств и эмоций как следствие синтоистского ощущения божественности

³¹ Саби как эстетическую категорию положил в основу созданной им поэтики поэт хайку Мацуо Басё. Подробнее см. *Т. И. Бреславец. Поэзия Мацуо Басё. М., 1981; Т. П. Григорьева. Японская художественная традиция. М., 1978; Е. М. Дьяконова. Поэзия японского жанра трехстиший (хайку). Труды по культурной антропологии. М., 2002; В. Н. Маркова. Летние травы. Японские трехстишия. М., 1993 и др.*

во всем, что окружает человека, определили и отношение к жизни, и особенности отражающих эту жизнь культурно-художественных традиций, обусловив их своеобразную «двуплановость». Именно она лежит в основе японской «национальной стихии», через которую японцы видят мир, и по стародавней привычке «фиксируют» прекрасные мгновения, исчезающие в Вечности, о чем свидетельствует непреходящее увлечение традиционными жанрами *танка* и *хайку*, которые слагают не только профессиональные поэты, но и многочисленные любители.

Однако специфика ли это «японского»? Ведь в культуре каждого народа можно найти и проникновенные стихи о природе, и элегические о земной юдоли, и поэтизацию бренности бытия, и недолговечности всего сущего, и, наконец, о прекрасных мгновениях! В большинстве случаев это выраженное в творческом порыве настроение поэта. «Японский» случай интересен именно тем, что порожден «национальной стихией», иначе говоря, пониманием первооснов мироздания, в котором совместились несовместимое, и отразилось не только в поэзии, но и во всех видах и жанрах японского искусства.

А что касается *танка*, с которой, можно сказать, начинается японская художественная традиция, то она по сей день воспринимается обществом как один из символов, объединяющих нацию³².

³² В Японии 1869 г. ежегодно устраиваются общенациональные поэтические состязания утайкай, в которых может принять участие каждый желающий. В начале года на всю страну объявляется ключевое слово. «Словом» 2011 года было – «листва», 2012 года – «берег», на 2013 год объявлено слово «стоять». Стихи направляются в адрес специальной комиссии, которая рассматривает их, а затем в начале следующего года объявляет победителей. Их приглашают в императорский дворец, где профессиональные чтецы читают стихи, сочиненные членами императорской семьи и победителями турнира. Все это транслируется по телевидению и оживленно обсуждается в обществе.

Эстетика дзэн-буддизма в традиции Пути Чая на примере чайной керамики и кухни *тя-кайсэки*

А. В. Кудряшова

Японская традиция Путь Чая

Традиции японской чайной церемонии (*Тядо* – Путь Чая) уходят своими корнями в далекое прошлое. Пришедший из Китая обычай пить диковинный заморский напиток прочно закрепился на японской почве и постепенно превратился в традиционное искусство, которое наиболее глубоко отражает основные моральные, эстетические и философские принципы сознания японцев. Вначале ритуал чаепития был частью ежедневной практики в дзэнских монастырях. По ходу службы чай преподносили на алтарь Будде и совершали поклонение; впоследствии для самих монахов стали устраиваться так называемые чайные церемонии (*са-рэй*), призванные очистить сознание и снять сонливость, мешающую медитации.¹

С течением времени культура приготовления и потребления чая распространилась и в других слоях населения – среди аристократии, военного сословия, купцов и простых горожан. Тем не менее, ее изначальная связь с дзэн-буддизмом всегда сохранялась и подчеркивалась. Эстетика дзэн-буддизма оказала громадное влияние на формирование эстетики чайного искусства². Это проявляется и во внешней форме церемонии, и в отдельных элементах, таких, например, как чайная утварь, интерьер чайной комнаты, планировка чайного сада и пр. В качестве частного примера хотелось бы рассмотреть такую связь на примере керамической посуды, используемой в чайной церемонии, и подаваемых во время ее специальных блюд (*тя-кайсэки*).

Чайная керамика

Говоря о чайной керамике, необходимо осознавать, что под этим термином понимается чрезвычайно широкий спектр самых разнообразных предметов гончарного искусства. В зависимости от состава массы, типов глазури, температуры обжига, формы и дизайна предметов,

¹ *Игнатович А. Н.* Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «чайного действия»). М., 1997, с. 30–33.

² *Кудряшова А. В.* Язык и система образов японских чайных свитков итигё-моно // Обсерватория культуры. М., 2010, № 4, с. 129.

различают до нескольких десятков типов чайной керамики. Применение такой посуды в ходе самой церемонии также чрезвычайно широко. Так, например, различают утварь для приготовления и подачи чая: – кувшины для холодной воды, чайные чаши, чайницы *тяирэ* и *тяцубо* – закрытые ёмкости, в которые насыпают и хранят чай, подставки для крышки котла, шкатулочки для благовоний, сосуды для слива использованной воды. Керамика используется при подаче лёгких закусок, состоящих из риса, овощей и морепродуктов (*тя-кайсэки*). В керамических ёмкостях также хранят и переносят пепел для очага во время церемонии «положения углей», предваряющей собственно приготовление чая.

Приготовление чая происходит на глазах у гостей, поэтому помимо своих функциональных особенностей, чайная посуда призвана выполнять определенную эстетико-художественную функцию. Гости любуются чайной посудой, обсуждают ее внешний вид и декор, то, насколько та или иная вещь сочетается с другими элементами набора. Большое внимание уделяется самому процессу подбора чайной утвари в ходе подготовки к церемонии. Задолго до её начала мастер продумывает до мельчайших деталей сочетаемость различных чайных объектов в зависимости от целого ряда условий (сезон, повод чаепития, тема чайной встречи, состав гостей). Существует ряд правил и ограничений на использование того или иного типа керамики с учетом всех этих условий.

Основные типы керамики, получившие в настоящее время наибольшее распространение в чайной церемонии, следующие:

1. *Идо*; 2. *Карацу* (и разновидности, например, *Э-Гарацу* – *Карацу* с рисунком); 3. *Хаги*; 4. *Раку* (и разновидности, например, *Ака-Раку* – Красная *Раку*, *Куро-Раку* – Черная *Раку*); 5. *Сино* (и разновидности, например, *Нэдзуми-Сино* – Мышиный *Сино*); 6. *Бидзэн*; 7. *Сигараки*; 8. *Ига*; 9. *Токонамэ*; 10. *Агано*; 11. *Асахи*; 12. *Коти* (и разновидности, например, *Киготи* – Желтый *Коти*); 13. *Орибэ* (и разновидности, например, *Куро-Орибэ* – Черный *Орибэ*); 14. *Сэто* (и разновидности, например, *Кидзэто* – Желтый *Сэто*, *Сэто-гуро* – Черный *Сэто*, *Ко-Сэто* – исторический *Сэто*); 15. *Сомэцукэ*; 16. *Госу* (и разновидности, например, *Госу Ака-э* – *Госу* с рисунком красного цвета); 17. *Мисима* (и разновидности, например, *Хори-Мисима* – *Мисима* с вырезами, *Хана-Мисима* – *Мисима* с цветочным орнаментом, *Хакэмэ-Мисима* – *Мисима* с мазками кистью); 18. *Кёяки* (керамика из Киото с тонким изысканным рисунком); 19. *Набэсима*; 20. *Этидзэн*; 21. *Унгэ*; 22. *Тамба*; 23. *Сома*; 24. *Мино*; 25. *Тамаго-дэ*; 26. *Сэйдзи* (зеленоватый селадон); 27. *Такатори*; 28. *Дзэдзэ*; 29. *Акахада*; 30. *Кутани* (и разновидности, например, *Ко-Кутани* – исторический *Кутани*); 31. *Сацума*; 32. *Кохики*; 33. *Корай* (и разновидности, например, *Э-Горай* – *Корай* с рисунком); 34. *Ирабо*; 35. *Аннан*; 36. *Амамори*; 37. *Тотоя*.

Этот список далеко не полный, его можно было бы продолжить. Здесь в основном перечислены наиболее распространенные типы

керамики, чрезвычайно характерные для традиции Пути Чая. Из этого списка японские исследователи выделяют шесть так называемых «Древнейших центров отечественной керамики»: *Сэто*, *Сигараки*, *Бидзэн*, *Этидзэн*, *Токонамэ*, *Тамба*. Термин «шесть древнейших центров» появился в конце 40-х годов XX в. Постепенно он вошел в обиход чайных мастеров и сейчас используется для обозначения самых известных и почитаемых традиций **японской** керамики. Также собственно японскими типами керамики считаются *Раку*, *Мино*, *Агано*, *Асахи*, *Орибэ*, *Такатори*, *Дзэдзэ*, *Акахада*, *Сацума*.

Типы керамики, происхождение которых восходит к **китайским** образцам, следующие: *Тэммоку*, *Аннан*, *Сэйдзи* (селадон), *Госу* (характерная особенность – тонкий серо-голубой рисунок на светлом фоне, пейзажные и растительные мотивы), *Сомэцукэ* (густой голубой рисунок на белом фоне, пейзажные и растительные мотивы). Пришедшие из Китая образцы этой керамики настолько полюбили японцам, что было налажено массовое производство копий данной посуды. Активно производились предметы для украшения помещений, вазы, кувшины, крупные ёмкости для продуктов с рисунком в стиле керамики *Госу* и *Сомэцукэ*. Селадон ценился особенно высоко, из него делали статуэтки, курительницы для благовоний, вазы, блюда для фруктов и сладостей, ёмкости для сакэ.

В то же время с Корейского полуострова в Японию проникала бытовая керамика повседневного пользования – чаши для риса и супа, тарелки, сосуды для сакэ, воды, большие чаны для хранения сухих продуктов, сосуды для соусов, солений и маринадов. **Корейские** образцы дали жизнь таким типам японской керамики, как *Корай*, *Мисима*, *Идо*, *Кохики*, *Кумогай*, *Ирабо*, *Тотоя*. Они широко использовались в чайной церемонии и высоко ценились за необыкновенно удобные формы и функциональность. Корейские керамические изделия темных, спокойных тонов сероватого и коричневого цвета очень полюбили чайным мастерам Японии, поскольку являли собой пример изысканности и идеально сочетались с концепцией «простоты и безыскусности», а также принципом «глубины и внутренней духовности» в традиции Пути Чая. Чайные чаши *Идо*, *Корай*, *Мисима* особенно выгодно оттеняли зеленый цвет чая, в них он казался ярче.

Японский фарфор острова Кюсю – *Сацума* и *Арита*, а также керамические изделия из средних районов Хонсю – керамика *Кутани* – используются в чайной церемонии гораздо реже. В различных школах чайной церемонии их можно увидеть лишь при сервировке некоторых блюд кухни *тя-кайсэки*, которые подаются гостям при проведении так называемого полного чайного действия (*тядзи*). В других чайных школах возможно использование изделий *Сацума*, *Арита* и *Кутани* в виде фарфоровых чаш для чая и блюд для сладостей. Яркие, с причудливым тонким узором, изысканные фарфоровые тарелочки или чаши *Сацума*,

Арита и *Кутани* не всегда хорошо гармонируют с другими керамическими произведениями чайной керамики и не используются при подаче чая в стиле *ваби*³, считаясь для этого слишком «вычурными».

В зависимости от рисунка различают также такие типы японской керамики, которые являются копиями работ известных мастеров – художников прошлого: *Нинсэй-уцуси*, *Козу-уцуси*, *Кэндзан-уцуси* (*уцуси* – копия).

Особый дизайн на чайных чашах и сосудах для холодной воды, напоминающий детские рисунки и характеризующийся простыми, незамысловатыми линиями, носит название *Нара-Э* (рисунки из г. Нара), по названию древней столицы Японии.

Различие чайной керамики по рангу

Искусство чайной церемонии окончательно сформировалось в начале периода Эдо (первая половина XVII века). Для развитого средневековья, на которое пришлось эпоха Эдо, была характерна жестко регламентированная структура общества и иерархия сословий. В соответствии со строгой системой предметам чайного действа также присваивался определенный ранг.

Изначально самыми ценными признавались объекты, произведенные в Китае. За ними закрепилось название – *карамоно*, то есть «китайская вещь». Если говорить о внешнем виде *карамоно*, то все эти вещи абсолютно правильной геометрической формы, симметричные, не имеющие изъянов. Уже с XIV века керамические чайницы *карамоно*, напоминающие небольшие кувшинчики без ручки с крышечкой из слоновой кости, начинают высоко цениться в Японии. Они приходят из Китая, где такой тип керамики производился только в период династии Южная Сун (XII–XIII века). Впоследствии в районе *Сэто* (центральная Япония, современная префектура Гифу) пытались делать копии чайниц *карамоно*, однако качество местной глины не позволяло достичь достаточно тонкого черепка. Поэтому с момента появления китайских чайниц в Японии они сразу становились раритетом, стоили целые состояния, а факт обладания такой вещью приравнивался к обладанию высоким социальным статусом. Все подлинные *карамоно* были учтены, каталогизированы, к каждой прилагался список бывших владельцев.

К самому ценному рангу *карамоно* относятся также вазы китайского селадона – Северная и Южная Сун (XI–XIII вв.), корейский селадон (XIV–XV вв.) и чайные чашки *тэммоку*, которые делались в Китае в

периоды Южной Сун и Юань (XII–XIV вв.). О японской керамике *тэммоку* необходимо сказать особо. В настоящее время этим словом называют и тип керамики, и особую форму чайных чаш. Считается, что прототипом этой керамики являлись китайские образцы. Название *тэммоку* (глаз неба) восходит к названию горы в Китае, на которой был расположен чаньский монастырь, где впервые стали производить подобные чаши⁴.

Чаши *тэммоку* имели коническую форму, узкое дно, черепок дна был гораздо толще стенок. Температура обжига доходила до 1200°C. Использовалась глазурь черного, темно-серого и темно-коричневого цвета, она носила название *тэммоку-ю* (глазурь для *тэммоку*). На некоторых таких чашах глазурь при обжиге образовывала мелкие пузырьки или цветные круги, похожие на радужные пятна. Такие типы чаш получали экзотические названия: *Ёхэн-тэммоку* – Меняющиеся светила; *Ютэки-тэммоку* – Масляные капли и др. Изначально чаши подавались на специальных лакированных подставках *тэммоку-дай*. В XII–XIV вв. *тэммоку* были популярны в китайских чаньских монастырях в горах. В Японии образцы таких чаш дали жизнь новым типам керамики, которые можно назвать «копиями в японском стиле». В области *Сэто* стали производиться чаши *тэммоку*, похожие по форме, но отличающиеся цветом глазури. Это *Сиро-тэммоку* – *Тэммоку* белого цвета; *Кикка-тэммоку* – Цветок хризантемы; *Кэндзан-тэммоку* – *Тэммоку* мастера Кэндзан.

В конце XVI века в чайной культуре складывается новый стиль – *вабита*, основателем которого признается великий чайный мастер Сэн но Рикю (1522–1591). Поиск духовно наполненной формы чайного действа он видел в стремлении к изначальной сущности Дзэн, в возвращении к простоте и к безыскусности⁵. На практике это выразилось в отказе от использования дорогих предметов *карамоно*, обращении к доступным вещам городского и крестьянского быта. Так Сэн но Рикю впервые начал использовать в качестве чайных чаш суповые плошки в форме пиал – керамику типа *Хаги*, *Карацу*, *Идо* и *Мисима*. Позднее в иерархии чайных предметов эти вещи заняли второе место после керамики *Раку*.

Сэн но Рикю приписывается разработка эстетических принципов и создание нового стиля керамики *Раку*. Его заслуга состояла в том, что он дал заказ некоему Тёдзиро, гончарному мастеру корейского происхождения, изготавливавшему цветную черепицу, сделать из того же материала чайную чашку. Дизайн Рикю разработал сам, а Тёдзиро помог ему воплотить в жизнь его новаторские для того времени идеи. Особое

³ Ваби – важнейшая эстетическая категория чайной церемонии, в которой передана идея внутреннего благородства и красоты, скрывающихся за внешней простотой и неказистостью. Ваби – эстетика простого, безыскусного, лишённого всякой манерности и эффекта. Это красота несовершенного и асимметричного, того, что можно назвать «неизящным» и даже «грубым», того, что имеет строгие, резко очерченные формы.

⁴ Кудряшова А. В. Керамика в традиции японской чайной церемонии // Сборник докладов III Международной конференции «Художественная керамика», Гжель, 2012.

⁵ Кудряшова А. В. Чай и дзэн одинаковы... на вкус. Alquimia, М., 2006.

качество глины и глазури, ручная обработка и низкая температура обжига (около 800°C) создали вещь удивительно приятную на ощупь, мягкую для губ, легкую и долго хранящую тепло. Форма чаш *Раку* также была приспособлена к особенностям японского климата. В отличие от конических китайских чаш *тэммоку*, произведения печей *Раку* имели цилиндрическую форму и широкое, вместительное дно. В такой чаше чай было легче взбивать, при этом он не так быстро остывал, как в чаше *тэммоку*, что было важно для проведения чайной церемонии в зимнее время года. В иерархии чайных чашек керамика *Раку* по праву заняла первое место, обойдя китайский селадон и *тэммоку*.

Эстетические воззрения Сэн но Рикю о высокой ценности простых и доступных материалов привели в XVII веке к необычайному всплеску производства местной японской керамики. Уже после смерти Сэн но Рикю другие чайные мастера начинают активно использовать *вамоно* (вещи японского происхождения): чайницы, чашки, сосуды для холодной воды из таких отечественных центров керамики, как *Сэто*, *Мино*, *Такатори*, *Акахада*, *Сигараки* и *Бидзэн*. Перечисленные выше типы керамики *вамоно* занимают в иерархии чайных предметов третье место.

В итоге, современная иерархия наиболее высоко ценящихся чайных чаш по типу керамики выглядит следующим образом:

1. *Раку*
2. *Хаги*, *Мисима*, *Идо*, *Карацу*
3. *Сэто*, *Мино*, *Такатори*, *Акахада*, *Сигараки* и *Бидзэн* (и другая керамика японского происхождения)

Авторский дизайн в керамике

В XVII в. в культуре городских ремесленников, связанных с культурой чайной церемонии, рождается совершенно новое понятие авторского дизайна. В ранний период Эдо (XVII – первая половина XVIII вв.) творчество мастеров – братьев Огата Корин и Огата Кэндзан, Фурута Орибэ, Нономура Нинсэй становится широко известно. Их работы высоко оцениваются как высочайшие достижения в области живописи, гончарного искусства, художественного дизайна.

Предметы чайной утвари, созданные этими мастерами, уже в то время ценились чрезвычайно высоко, и по сей день считаются шедеврами. Большинство из них можно увидеть лишь в музеях и частных коллекциях. Впоследствии, однако, было создано множество копий известных чайных предметов утвари, в чем проявилась своеобразная эстетика японского традиционализма – копия с известного оригинала стала цениться даже выше, чем современная дизайнерская находка.

Чайная культура Эдо дала рождение и такому явлению, как «художественный патент» (*кономимомо*). Дословно оно означает «любимая вещь (главы чайной школы)». Главы чайных школ Оиэмото заказывали

ремесленникам вещи, дизайн которых они разрабатывали сами. Впоследствии эти дизайнерские находки закрепили за собой имена *кономимомо* того или иного чайного патриарха. В настоящее время у каждого чайного патриарха есть свой официально признанный список подобного рода любимых вещей.

Чайные наставники сохраняют за собой право оценивать и письменно подтверждать достижения в области керамики «дарованием» специального имени предмету, которое записывается на деревянном ларце, в котором хранят вещь. Такая почетная запись называется «подпись на ларце» (*хако-гаки*). Объект, подписанный таким образом, считается особо важной культурной ценностью и ценится гораздо выше. При этом сами ларцы выставляют на обозрение в ходе чайной церемонии в специальной нише *токонома* с тем, чтобы пришедшие гости смогли по-новому взглянуть на именную вещь, оценить и прочувствовать ее значимость.

Традиционная чайная кухня *тя-кайсэки*

В полном чайном действе перед подачей чая гостям предлагается специальная еда – *тя-кайсэки*. Сервируется она на лакированных подносах перед каждым участником отдельно. В ходе подачи еды гости пробуют несколько видов закусок, рис и сакэ. Сладости не входят в курс *кайсэки* и подаются после завершения еды, когда подносы с посудой уже убраны. После подачи сладостей следует собственно чай. Таким образом, еда предвещает подачу чая и как бы «готовит» гостей к восприятию этого кульминационного момента чайного действа. Еда должна быть разнообразной, количество ее не должно быть ни слишком большим и ни слишком малым. Блюда не должны повторяться, в то же время приветствуется полное использование исходных продуктов (например, в одном блюде – листья, в другом – побеги, в третьем – плоды одного и того же растения). Блюда должны сочетаться между собой по цвету, вкусу и аромату, создавая у гостя ощущение радости, удовольствия и комфорта, но не должны при этом перегружать желудок, создавая ощущение полной сытости. Главное, что хозяин пытается «донести» через подаваемые им закуски, – это чувство искреннего гостеприимства и желание порадовать гостей.

Основой кухни *тя-кайсэки* является скромная и простая еда монахов, подаваемая в дзэн-буддийских монастырях. Главный принцип меню, определяющий порядок следования блюд и структуру всей церемонии подачи еды, называется «один суп, три блюда» (*ити-дзю сан-сай*). Блюда располагаются на подносах сообразно своему «рангу». На первом подносе, подаваемом гостю, стоят три блюда. Это чаша с рисом спереди слева, если глядеть со стороны гостя (*мэси-ван*), чаша с супом *мисосиру* спереди справа (*сиру-ван*) и керамическое или хрустальное

блюде со свежими морепродуктами или рыбой на дальней со стороны гостя противоположной стороне подноса (*мукодзукэ*).

Кроме того, кухня *тя-кайсэки* **сезонна**, то есть состоит только из сезонных ингредиентов, при сервировке также учитывается «ощущение» сезона. Так молодые побеги бамбука обычно подают в мае, форель – в июне, баклажаны – в июле–августе, орехи – в октябре, хурму – в ноябре. Летом в самую жару закуски подаются в стеклянной или хрустальной посуде, имитирующей лёд и создающей ощущение прохлады. Зимой посуда заранее подогревается, чтобы создать ощущение тепла в холодные и долгие зимние вечера.

Есть блюда, которые подаются исключительно в тот или иной сезон, а в другое время года их невозможно встретить в меню. Есть даже стойкие ассоциации (например, май – аспарагус), связанные с сезонной зависимостью того или иного блюда; чайные мастера их строго придерживаются. Выбор того или иного вида рыбы также сезонно обусловлен, например, февраль – желтохвост (*бури*), июнь – морской окунь (*судзуки*), октябрь – скумбрия. По традиции мастер выбирает конкретные виды рыбы, которые обладают наилучшим вкусом в то или иное время года.

Разумеется, очень важен вопрос качества ингредиентов. Не допускается использование размороженных продуктов, все ингредиенты должны быть **абсолютно свежие**, в идеале свежесобранные (грибы, овощи) или свеживыловленные (рыба, морепродукты). Рис, который подается трижды за курс, каждый раз отличается по степени сочности. Сначала подается только что сваренный, насыщенный влагой в виде небольшой порции продолговатой формы, напоминающей иероглиф *ити* (один); затем подается уже слегка суше, круглой формы, в третий раз подается еще суше, и не в порционном виде, а в одной большой лакированной чаше для всех гостей. В заключение курса *кайсэки* подается специальное блюдо из горячей воды и слегка поджаренных рисовых корочек, где рис уже настолько подсох, что хрустит во время еды (*ю-то*).

Если задаться вопросом, какие продукты составляют основу *тя-кайсэки*, то можно перечислить следующие:

4. рыба и морепродукты (креветки, кальмары, осьминоги, мидии, устрицы);
5. водоросли;
6. рис;
7. овощи (тыква, морковь, бобовые, редька дайкон, баклажан, батат);
8. яйца;
9. грибы;
10. орехи;
11. зелень, фрукты (цитрусовые), ягоды.

Часто можно встретить такие экзотические (на взгляд европейца) продукты, как маринованные сливы *умэ-боси*, корень лилии, пенки соевого молока *юба*, ростки папоротника, корень лопушника, побеги бамбука, периллу, съедобные хризантемы. Для приготовления соусов и супов используются традиционные для японской кухни приправы – соевый соус (густой и лёгкий), бобовая паста *мисо*, сладкое сакэ *мирин*, сакэ, имбирь, рисовый уксус, соль, сахар, перец, кунжут.

Сакэ сопровождает весь курс *кайсэки*. Хозяин приносит его в специальном небольшом сосуде (чаще металлическом) с крышкой, которая может быть выполнена из того же металла, или керамики. Красные лакированные чашечки для сакэ *сакэдзуки* в основе своей деревянные, имеют плоскую форму и похожи на маленькие тарелочки. Они стоят стопкой на специальной чёрной лакированной подставке, напоминающей по форме подставку *тэммоку-дай*.

В *тя-кайсэки* никогда не используются продукты, не характерные для традиционной японской кухни или имеющие резкий, неприятный вкус или аромат, как например, чеснок. Не используются майонез, молоко и молочные продукты (сливочное масло, сметана, творог). Из овощей – помидоры и картофель, редко можно встретить в меню белокочанную, цветную и брюссельскую капусту, кабачки, огурцы, сладкий перец. Мясные блюда в *тя-кайсэки* представлены только мясом утки, в то время как говядина, свинина, баранина, куриное мясо не используются. Не найти в меню хлеба и круп (например, проса, пшена, ячменя, овса, гречки), а также макаронных изделий. Зато широко используются бобовые (фасоль, горох, соя).

Можно заметить, что преобладают продукты с пониженным содержанием жира, богатые витаминами и легко усваивающиеся. Соль и сахар используются весьма умеренно, лишь для подчеркивания изначального вкуса продуктов. Для *тя-кайсэки* не характерны блюда с ярким, резким запахом, а также густым сочным вкусом. Вкус блюд описывается термином «*усуй*», то есть «лёгкий, не ярко выраженный». Все это идеально соотносится с традиционной трапезой в дзэнских монастырях, где еда в основном вегетарианская и призвана поддерживать тело, занимающееся духовной практикой, нежели удовлетворять плоть и ее гастрономические запросы. Кроме того, такая еда очень полезна для здоровья, она помогает привести в гармонию зрительное и вкусовое восприятие, осознание и обоняние.

Сервировка блюд *тя-кайсэки*

Для подачи блюд *кайсэки* используется деревянная лакированная и керамическая посуда. Летом, как уже говорилось, для подчеркивания эффекта «свежести и прохлады» предпочитают посуду из стекла или хрусталя. На квадратном деревянном нелакированном подносе с невы-

сокими бортиками (*хассун*) подается специальное блюдо, которое так и называется *хассун*. На подносе стоят два вида кушаний – дары гор (*яма-но-сати*) и дары моря (*уми-но-сати*). Рис и два вида супа (*сиру* и *нимоно*) подаются в специальной посуде – деревянных лакированных пиалах с закрытой крышкой (*мэси-ван* и *сиру-ван*, *нимоно-ван*). Как правило, чаши для супа *сиру* и риса покрываются черным или красным лаком одного тона и не расписываются. Чаша для супа *нимоно* отличается от них дизайном и наличием росписи. В летнее время крышки пиал сверху слегка окропляют водой, чтобы создать эффект свежей росы. В свою очередь сырая рыба и морепродукты *мукодзукэ*, жареная рыба *якимоно*, дополнительные блюда *адзукэбати*, *сиидзакана*, *аэмоно* подаются, как правило, в керамической посуде без крышки.

На каждое керамическое блюдо, а также на деревянное блюдо *хассун*, кладется пара палочек из свежесрезанного зеленого бамбука. Гости пользуются этими палочками по очереди для того, чтобы положить свою порцию из общего блюда себе в чашу. Керамическими также могут быть крупные глубокие блюда со сладостями *омогаси*, которые приносит хозяин при завершении курса кайсэки перед подачей чая. В зависимости от той или иной школы чая, они могут быть с крышкой или без крышки. Также сладости могут подаваться в специальной деревянной ёмкости *фути-дака*. Это несколько (до пяти) неглубоких квадратных с закругленными углами блюд, покрытых черным лаком и поставленных одно на другое. Внутри каждого блюда подают *омогаси* для одного гостя. Если чаепитие устраивается в теплое время года, *фути-дака* слегка окропляется водой⁶.

Важную роль играет выбор керамической посуды для того или иного блюда. Однако здесь нет строго определенных правил и жёстких рамок, и зачастую посуда подбирается с учетом взаимной сочетаемости всей необходимой утвари, используемой в чайном действе (*ториавасэ*)⁷. Тем не менее, для *мукодзукэ* чаще всего выбирается керамика *Сомэцукэ*, *Госу*, *Сэйдзи* (светлые, «холодные» цвета), а для *якимоно* – *Сигараки*, *Бидзэн*, *Сэто*, *Орибэ*, *Мисима*, *Карацу* (так называемые «тёплые» цвета). Это вполне объяснимо, если вспомнить, что в тарелочке *мукодзукэ*, как правило, подается свежая сырая рыба (*сасими*), а на блюде для *якимоно* находится жареная рыба (или морепродукты). «Холодные» цвета призваны усилить ощущение свежести и прохлады, а «теплые», наоборот, создать эффект тепла домашнего очага и гостеприимства.

Правила подбора утвари *ториавасэ* таковы, что повторное использование одного и того же типа керамики в рамках курса *кайсэки* (а в

идеале – в рамках всего чайного действа) не допускается. Гости наслаждаются внешним видом, сочетанием вкусов и ароматов блюд, подготавливая себя к завершающей кульминационной части полного чайного действа – подаче чая.

Проведение полного чайного действа *тядзи* также сезонно обусловлено. «Чайное действо ночью» обычно проводится зимой (с середины ноября до середины февраля), «чайное действо утром» – летом (с середины июля до середины октября), «чайное действо на рассвете» – в феврале и в марте. Знание всех сезонных особенностей, а также поэзии, посвящённой четырём сезонам, необходимо для практикующего Путь Чая, это помогает ему более явно и глубоко выразить свои чувства и мысли.

Все эти важные принципы, столь необычные для непосвященного наблюдателя, не знакомого с миром чайной церемонии, сохраняются в Японии и по сей день.

⁶ Игнатович А. Н. Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «чайного действа»). М., 1997, с.224–225.

⁷ Кудряшова А. В. Основные эстетические принципы японского искусства «Тяною» («Путь Чая») // Научная конференция «Ломоносовские чтения». Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2003, с. 56–63.

А. Е. Куланов

В предыдущем номере ежегодника «Япония» мы познакомились с историями некоторых русских выпускников токийской православной семинарии¹. Не будет преувеличением сказать, что вообще интересом к данному вопросу мы обязаны фигуре одного из бывших семинаристов – Василия Сергеевича Ощепкова. Один из первых русских японистов, первый пропагандист японских боевых искусств в России и военный разведчик – предшественник Рихарда Зорге, он давно привлекал к себе внимание историков борьбы и спецслужб. Но, несмотря на то, что имя Василия Ощепкова слышали многие отечественные спортсмены, как японоведа он был до сих пор практически неизвестен, а его тайная жизнь настолько «овевана легендами», что возникла настоятельная необходимость выяснить, кем же на самом деле был этот «православный ниндзя», как его именуют сегодня в некоторых СМИ, и что сделал этот человек для нашей страны.

Василий Ощепков родился 25 декабря 1892 г. (по старому стилю) в поселке Александровский пост (ныне г. Александровск) на северо-западе Сахалина. Поселок в ту пору представлял собой каторжную тюрьму, вокруг которой выросла, выражаясь современным языком, сопутствующая инфраструктура – дома и казармы ссыльнопоселенцев, охраны, мастерские, бани, почтовая станция. Родителями мальчика были каторжанка Мария Ощепкова (1851–1904) и столяр Сергей Плиса (?–1902). В книге побывавшего в те самые годы в Александровске А. П. Чехова «Остров Сахалин» немалое место отведено условиям жизни, в которых росли сахалинские дети. Упоминается, в частности, и о том, что само по себе рождение ребенка в семьях каторжных и ссыльнопоселенцев расценивалось как своеобразное наказание, а пожелание смерти собственному чаду не было большой редкостью среди сахалинских «отверженных». С другой стороны, нельзя отрицать и того, что сами каторжные тоже были людьми с очень разными судьбами. Среди заключенных встречались не только уголовники, но и «политические», нередко переловные, по тем временам, представители своих сословий, да и просто случайные люди, получившие столь суровое наказание за не самые значительные преступления. Социальная и интеллектуальная атмосферы

Сахалина конца позапрошлого века были отнюдь не такими однообразными, как кажется с высот сегодняшних дней. Не случайно именно там – на сахалинской каторге выросли такие известные в будущем люди как исследователь Антарктиды, соратник Роберта Скотта Дмитрий Гирев, чьим именем назван один из пиков ледяного континента, или народоволец и исследователь айну Бронислав Пилсудский. «Каторжное воспитание» почувствовал на себе и Даниил Хармс, чей отец Иван Ювачев – тоже был народовольцем, каторжанином, писателем, кстати, близко знавшим родителей Трофима Юркевича – близкого друга Васи Ощепкова. Так что не каждому родившемуся за «краем земли» была уготована скорбная участь – Сахалин знал примеры успеха. Судя по всему, юный Василий попал именно в такое окружение. Есть непроверенные пока сведения о том, что после смерти родителей, их друзьям удалось пристроить мальчика в местное реальное училище. Однако, так или иначе, но судьба будущего японоведа круто изменилась после русско-японской войны 1904–1905 гг. Как известно, по ее результатам новая государственная граница пролегла буквально перед домами сахалинцев, а в России как раз в это время были приложены определенные усилия по осознанию причин военных неудач.

Как известно, одной из главных причин была признана крайне слабо поставленная деятельность контрразведки и разведки, в том числе отсутствие квалифицированных кадров со знанием японского языка. Для исправления сложившейся ситуации специалист по тайным операциям капитан Генерального штаба И. В. Сверчевский предложил как можно скорее создать «школу разведчиков Приамурского военного округа», именуемую «Восточной коммерческой школой», состоящей: «а) из детского сада, в котором воспитываются сироты-мальчики как китайские, так и русские от 5 до 10 лет; б) собственно училища, состоящего из 7 общих и 1 специального классов»². Становление будущих разведчиков должно было осуществляться на основе составленного И. Сверчевским «Особого нравственного уклада», во главу угла которого ставилось «Соответствующее воспитание в духе **исключительного** (выделено в документе – А.К.) признания интересов своей нации и готовности применить **все средства** к достижению наибольшей выгоды своему отечеству...»³.

Разумеется, реализовать этот амбициозный проект в полном объеме не удалось, как обычно, по причине отсутствия финансирования, но идея подготовки разведчиков с детства и в стане вероятного противника была столь очевидно хороша, что все же нашла свое воплощение. С. И. Кузнецов из Иркутского государственного университета, разби-

¹ Куланов А. Е. Русские семинаристы в Токио: учеба и судьбы // Япония. Ежегодник 2011, М., 2011, с. 222–237.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 29080. Л.6–11, цит. по: Алексеев М. Военная разведка России от Юрия до Николая II. Кн.2, М., 1998, с. 210–212.

³ Там же.

рая дела разведывательного отдела Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи (г. Харбин), обнаружил переводы нескольких статей из японских газет о русских учениках православной семинарии в Токио с приложением вот такой сопроводительной записки: «Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками и, в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе, выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию. Плата за обучение этих мальчиков так баснословно дешева, что отказаться от этой командировки положительно было невозможно, тем более, что впредь таких выгодных условий не представится. Дешевизна объясняется тем особым усердием Архиепископа Японского высокопреосвященного Николая, прийти на помощь русским в деле ознакомления с Японией и японцами»⁴.

Юный Василий Ощепков не вошел в состав этой восьмерки. Он появился в Токио позже, вероятно, в августе 1907 г. В учебе Ощепков показал себя с лучшей стороны. В его «Свидетельстве об окончании Семинарии», выданном 23 июня 1913 г., сплошь хорошие и отличные оценки, а среди 16 предметов 11, если так можно выразиться, «японистических», таких как «перевод японских газет» или «чтение японских писем»⁵. Не будет преувеличением сказать, что он стал одним из первых отечественных японоведов-практиков, получивших к тому же отличную лингвистическую подготовку непосредственно в Японии. Но все же в историю Василию Ощепкову суждено было войти в ином качестве.

Известно, что при Семинарии существовала школа дзюдо. Архиепископ Николай строил педагогический процесс по принятой в Японии того времени схеме, а занятия дзюдо, как основа физической подготовки, входили в обязательную программу японских школ. Логично предположить, что в Семинарии эти занятия проводил один из инструкторов Кодокан – главного дзюдоистского додзё, так как и авторитет православной школы в качестве учебного заведения был велик, и находилась миссия не так уж далеко от штаб-квартиры дзюдо, да и других школ дзюдо попросту почти не было. Видимо, Василий Ощепков показал определенную склонность к борьбе, так как 29 октября 1911 г. он был приглашен для обучения в alma-mater дзюдо – Кодокан, а 15 июня 1913 г., за неделю до выпуска из Семинарии, стал первым русским и четвертым европейцем, получившим начальную мастерскую степень – 1-й дан по Кодокан дзюдо. Позже, 4 октября 1917 г., будучи, видимо, в командировке в Японии, Ощепков сдал экзамен и на более высокий 2-й дан.

Цели и задачи командировки В. С. Ощепкова в Японию в 1917 г. нам неизвестны – после окончания семинарии и до октябрьского пере-

ворота в России он служил в контрразведке в Хабаровске, Харбине и Владивостоке. В архивах штабов Приамурского и Заамурского округов, Владивостокской крепости должны храниться еще немало документов, способных пролить свет на деятельность «унтер-офицера контрразведочного отделения» Василия Ощепкова. Зато точно известно, что все это время он продолжал заниматься дзюдо – и как борец, и как тренер, и как пропагандист. В 1915 г. спортивный журнал «Геркулес», выходивший в Петрограде, писал о новостях из Владивостока: «Правление [местного спортивного] Общества, воспользовавшись пребыванием в городе специалиста японской борьбы джиу-джитсу г. Ощепкова, пригласило его в качестве преподавателя. Интерес к этой борьбе возрастает среди спортсменов, и они с увлечением принимаются за изучение одного из самых распространенных видов спорта в Японии»⁶. Ощепков просьбу спортивного общества удовлетворил и до 1920 г. руководил действовавшим во Владивостоке кружком дзюдо. Тогда же, 4 июля 1917 г. он провел в этом городе первые в мировой истории международные соревнования по дзюдо, пригласив для этого в Россию дзюдоистов из Коммерческого училища г. Отару (Хоккайдо).

Более того, историку борьбы и биографу В. С. Ощепкова А. М. Горбылеву удалось разыскать уникальное свидетельство занятий нашим героем любимой борьбой в самых необычных условиях. 23 февраля 1918 г. выходившая во Владивостоке газета «Урадзю ниппо» («Ежедневная владивостокская газета») сообщала: «Под эгидой владивостокского общества спорта пройдут соревнования по дзюдо и боксу. Соревнования начнутся сегодня в 3 часа пополудни. Спортсмены – храбрецы с японских и английских военных кораблей». В тот же день командующий 5-й японской эскадрой, стоявшей в бухте Золотой Рог прямо напротив здания общества «Спорт», контр-адмирал и дзюдоист Като Хирохару (1870–1939), записал в своем дневнике: «Смотрел дзюдо в [обществе] «Спорт». Василий великолепен! Заставил меня продемонстрировать вместе с ним парное *ката*»⁷. А на следующий день адмирал написал в дневнике: «Приходил Василий, 2-й дан [дзюдо]»⁸. Интересно, что приходил Ощепков к японскому флотоводцу не куда-нибудь, а на флагманский корабль, и контр-адмирал Като лично показывал ему гордость своей эскадры!

Это тем более интересно, что после революции Ощепков оказывается на службе у адмирала Колчака – как переводчик востребованного тогда японского языка. Одновременно он выполняет эту же функцию и

⁴ <http://russia-japan.nm.ru/kuznetsov03/htm>

⁵ Свидетельство об окончании семинарии // Додзё. 2005, № 4, с. 17.

⁶ Японское будо в российской прессе начала 20-го века // Додзё. 2005, №5 с. 13.

⁷ Дзоку. Гэндай си сирё («Источники по новейшей истории. Продолжение»), т. 5. Кайгун. Като Хирохару никки (Военно-морской флот. Дневники Като Хирохару). Токио, 1994, с.5. Цит. по сообщению А. М. Горбылева.

⁸ Там же.

в Управлении военно-полевых сообщений японского экспедиционного корпуса, расквартированного во Владивостоке. Ощепков открывает школу японского языка и пытается заработать денег – участвует в торговых операциях с Японией, покупает кинопроектор. Должность, образование и активность молодого сахалинца привлекают внимание красного подполья: есть сведения, что его представители с 1920 г. наладили сотрудничество с Ощепковым. Неудивительно, что русский, имевший право подняться на флагман японской эскадры, не мог не обратить на себя внимание всех существовавших в то время в Приморье спецслужб. В 1921 г., уехав из Владивостока на родной остров, чтобы показывать там кино местным жителям и японским солдатам, занявшим в 1920 г. весь Сахалин, Василий Ощепков становится секретным сотрудником советской военной разведки – агентом «ДД».

В центре внимания Ощепкова оказались японские гарнизоны в северной части Сахалина. Свободно владеющий японским языком, имевший опыт жизни в Токио, Василий Сергеевич легко сходилась с японскими офицерами, а для солдат во время киносеансов был переводчиком, растолковывая им содержание показываемых кинокартин по большей части европейских и американских. Донесения Ощепкова с Сахалина обширны, но точны и детальны. В них есть информация о дислокации и вооружении воинских частей: «В г. Александровске: Две роты пехоты – 4-я и 3-я численностью около 400 человек при 8 пулеметах системы «Гочкиса» без щитов и легкого типа (ружейного обрезания) с прикладом, при каждом пулемете 4 номера прислуги. Казармы расположены в центре города (фот. №40). 5 орудий 3 калибра, дальность стрельбы 7 ½ версты (в настоящее время стоят в артиллерийском складе без употребления). Никаких укреплений нет. Кавалерии нет»; о важных экономических объектах: каменноугольный рудник Ф. Е. М. Петровского. Работал зиму 1922 г. Продажа исключительно частная и на электрическую станцию. Цена угля с доставкой 16 йен тонна. Рудник расположен в 6 верстах от города»; и подробнейшая информация о крупных военных чинах: биография, родственные и карьерные связи, послужные списки, личные качества и фотографии японских генералов, служащих на Сахалине⁹.

Несведущему человеку трудно сегодня оценить важность и качественный уровень передававшейся В. С. Ощепковым информации, поэтому я обратился за комментариями к нашим действующим военным разведчикам и вот какой ответ был получен от них: «Имеющиеся в нашем распоряжении материалы являются фрагментом информационно-аналитического справочного документа, по сути, представляющего собой аналог раздела современной разведывательной сводки по военно-поли-

тической обстановке, составу и дислокации сил и средств вероятного противника в отдельно взятом регионе. Документ ...написан четким и лаконичным языком без излишней детализации, что наиболее характерно для документов, предназначенных для доклада руководству оперативно-тактического звена управления и выше.

Учитывая, что в тот исторический период, которым датируется данный документ, органы военной разведки РККА находились в стадии формирования, а структура табельных разведывательных документов только разрабатывалась, есть основания полагать, что в его основе были использованы шаблоны старых документов Генерального Штаба царской армии. **Отдельно следует отметить характер изложения материала, отличающийся высоким, даже с позиции сегодняшнего дня, уровнем военной, политической и экономической грамотности (выделено мной – А. К.).** Принимая во внимание общий уровень подготовки сотрудников РККА того времени, можно также предположить, что человек, непосредственно исполнявший (сводивший) документ, имел специальную информационно-аналитическую подготовку и, вероятнее всего, являлся кадровым сотрудником органов военной разведки еще дореволюционного периода.

Изложенные в документе сведения представляют собой обобщенную и структурированную информацию, которая была получена из различных источников: агентурных, в том числе и документальных, непосредственного наблюдения, опроса местных жителей, анализа данных из средств массовой и экономической (биржевой) информации. Наряду с информацией сугубо военного характера (состав, основное вооружение и дислокация частей и подразделений) в документе содержатся сведения об органах военно-административного управления, состоянии ключевых элементов инфраструктуры, в числе которых указаны объекты разработки нефтяных месторождений, районы проведения и результаты геологоразведочных работ в северо-восточной части острова Сахалин. В материалах присутствуют ссылки на фотографии и карты. Учитывая наличие на оккупированной территории определенного режима и ограничений на перемещение (упоминание об этом также имеется в тексте) фотографирование объектов и сбор сведений для нанесения обстановки на карту должны были потребовать значительного времени и сил...»¹⁰.

Полнота поставляемых сведений, судя по всему, удовлетворила и тогдашнее начальство агента «ДД», и оно приказывает ему перебраться на давно уже японский Южный Сахалин. Ощепков отказывается, но предлагает взамен другую командировку – в Токио, откуда он уехал всего 6 лет назад, где ему многое и многие знакомы.

После некоторого размышления начальники Василия Сергеевича согласились с доводами своего агента, и в октябре 1924 г. Ощепков

⁹ Копия личного дела «Секретного агента Развед. Отдела Штаба Сибир. Воен. Округа тов. «Монаха» (Ощепкова Василия Сергеевича)». с. 4–9 // архив автора.

¹⁰ Указанный документ получен на условиях анонимности источника.

оказывается в столице «Русского Китая» – Харбине. Там он живет у своего однокашника по семинарии Исидора Незнайко – лучшего, по мнению профессора Д. М. Позднеева, знатока японского языка на КВЖД, и знакомится со своей землячкой Марией. Немедленно зарегистрировав с ней брак, Ощепков отправляется через Шанхай в столицу уже «Русской Японии» – Кобэ, куда и прибывает 24 ноября. Место прибытия и начала жизни Ощепковых в Японии было выбрано, если даже и неосознанно, то очень удачно. После Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 г. Кобэ стал точкой сосредоточения большинства иностранных диаспор Японии. Крупнейший порт этой страны сумел растворить в себе и сделать востребованным довольно большое для Японии количество иностранцев. Только русских, по оценке исследователя по изучению русской диаспоры в Японии профессора П. Э. Подалко, там проживало более 300 человек – необыкновенно много для такой закрытой страны, как Япония 1920-х годов. В Кобэ до сих пор сохранились остатки «русского квартала» в престижном районе Китано, недалеко от которого, в квартале Накаяматэ, Ощепковы прожили около 7–8 месяцев – до середины лета 1925 г., пока не перебрались в Токио.

За это время Василий Сергеевич сумел полностью легализоваться в этой стране, получить надежные документы и предложение стать официальным представителем германской кинокомпании «Вести». Переезд в Токио был необходим: разведывательные возможности в Кобэ вряд ли могли удовлетворить Центр – ничего особенно ценного эмигранты сообщить не могли. Столица же сулила новые перспективы, и, перебравшись туда, Ощепков постарался доказать, что ожидания могут быть оправданы. Предварительно он составил план работы в японской столице:

«1). Прежде всего, установить, в каких учреждениях служат учившиеся со мной в японской школе японцы.

2). Найти подходящую квартиру вблизи расположения какого-либо полка.

3). Записаться членом спортивного клуба «Дзю-дзюцу» в районе расположения полка.

4). Завязать знакомства с теми студентами, в семье которых имеется кто-нибудь из военных.

5). Завязать знакомство с фотографом, выполняющим работу для полка.

6). В случае необходимости поручить жене открыть курсы русского языка.

7). Установить время и место регулярного свидания с сотрудником Чепчиным (японец К.).

8). Наладить связь с Плешаковым, который служил в Центросоюзе в Хакодате, через которого была единственная возможность сдавать материалы для отправки во Владивосток или Харбин.

9). Познакомиться с русскими служащими в интересных для меня учреждениях.

10). Чаще встречаться с товарищем по школе Сазоновым, который являлся правой рукой атамана Семенова, и через него познакомиться с лицами из политических и военных кругов Японии»¹¹.

Резидент «Монах» сумел выполнить почти все намеченное, в том числе и те пункты, в которых прослеживается его опыт службы в контрразведке – расселение вблизи воинских частей и дружба с фотографами были излюбленными методами работы японской разведки в России. Ощепков снял квартиру в очень удачном месте – перед казармами 3-го Адабского пехотного полка (сейчас на этом месте стоит *Синбидзюукан* – Новый музей изобразительных искусств), а подходящее фотоателье с говорливым фотографом нашлось неподалеку – напротив казарм 1-го Адабского полка (не так давно на их месте построен торговый центр *Мидтаун*). По иронии судьбы восемь лет спустя в пяти минутах ходьбы от этого места поселится преемник Ощепкова – агент 4-го управления РККА Рихард Зорге...

Помимо «сотрудника Чепчина» – однокашника Ощепкова по семинарии, ставшего преподавателем одного из Токийских военных училищ и давшего согласие работать на русских, Василий Сергеевич установил связь еще с несколькими бывшими семинаристами, занявшими интересные для разведки посты. Владимир Плешаков – «Митрич», работавший на советскую разведку с 1923 г., также оказал помощь старому другу, нашелся и «русский служащий в интересном учреждении» – в компании «Мицубиси». Удалось наладить отношения с адъютантом атамана Семенова Степаном Сазоновым. Атаман в это время лихорадочно искал новые источники финансирования и доступа к военной власти. Судя по всему, руководство советских спецслужб решило сыграть на этом, выманив «русского хунхуза» в СССР, и, возможно, Ощепкову с Сазоновым отводились в этой игре важные роли. В частности, профессор университета Такусёку В. Э. Молодяков обращает наше внимание на следующий любопытный эпизод токийской карьеры советского дипломата-невозвращенца Г. З. Беседовского, служившего в начале 1926 г. Временным поверенным в делах СССР в Японии:

«Сверчевский (*резидент ОГПУ в Токио – А. К.*) заявил мне, что ему удалось вступить в контакт с атаманом Семеновым через одного из его адъютантов. Этот адъютант явился к Сверчевскому и заявил, что атаман склонен начать тайные переговоры с советским правительством о возвращении в СССР. Но он, Семенов, не хочет возвратиться просто как амнистированный преступник. Он желает возвратиться как герой...

Мне эта история очень не понравилась. Прежде всего, было трудно, почти невозможно, установить личное отношение Семенова к “перевос-

¹¹ Алексеев М. «Монах» с черным поясом // Родина. 1997, №8, с. 67.

ротам”... Между тем, из японских кругов до меня стали доходить сведения, что семеновское окружение пускает слухи среди японских промышленников и торговцев, что скоро предстоит сближение Семенова с советским правительством, и что Семенов сможет тогда, благодаря своему влиянию, выхлопотать богатейшие концессии для японских предпринимателей на советской территории. Пока же под эти концессии семеновские адъютанты получают авансы у легковверных японцев, до сих пор не разбирающихся в сложной для них обстановке политической борьбы на Дальнем Востоке... Переговоры Сверчевского с Семеновым были прекращены»¹².

Нашим разведчикам казалось, что советская тайная служба в Японии разворачивает сеть, которая принесет в скором времени долгожданный богатый улов. Однако такие «дипломаты» как Беседовский и крупные «специалисты» рабоче-крестьянского шпионажа, руководившие Ощепковым, то присылавшие ему бутылки с вылившейся по дороге жидкостью для тайнописи, то вдребезги пьяного курьера, оставались недовольны. Два начальника из разведки – Бабичев и Заколоткин обвинили Василия Сергеевича в плохой работе, нецелевом расходовании бюджетных средств и предложили вернуться в Советский Союз, чтобы... пройти разведывательную подготовку. Ощепков недоумевал («Ведь должна быть груда ценных материалов, если они переведены на русский язык» (выделено мной – А. К.)¹³, но военно-бюрократическая машина работала безотказно: 15 апреля 1926 г. первый нелегальный резидент советской военной разведки в Японии был назначен переводчиком разведывательного отдела штаба Сибирского военного округа.

Фактически, Ощепков навсегда покинул Японию, чтобы самому переводить те секретные материалы, которые перед этим он сам же отправлял в Центр из Токио. По воле начальства покинул настолько спешно, что страдавшая от чахотки жена была оставлена в Токио и добиралась на родину сама. Спустя всего полтора года новый, сменивший Заколоткина, начальник разведки округа докладывал в Москву: «Я хочу выразить глубокое возмущение по поводу снятия с работы Ощепкова, этот факт не лезет ни в какие ворота... Я глубоко убежден, что если бы в свое время было дано надлежащее руководство, он во сто крат окупил бы затраты на него... Это тип, которого нам едва ли придется иметь когда-либо... Я полагаю, что если бы вы дали нам Ощепкова сейчас, мы сделали бы из него работника такого, о котором, может быть, не позволяем себе и думать»¹⁴.

Ощепкова в разведку больше не «дали», да это было бы и бессмысленно, ибо объяснить в Токио столь долгое присутствие в Советском

Союзе и последовавшее за этим «чудесное возвращение» в Японию все равно не удалось бы. В 1927 г. Василий Сергеевич переехал в Новосибирск, где тогда был расквартирован штаб округа, и продолжил службу переводчиком. Как всегда, он немедленно приступил к пропаганде своего любимого дзюдо, но не среди любителей-спортсменов, как делал это в дореволюционном Владивостоке, а среди военных. В этом решении видны и опыт жизни в столь же милитаризованной Японии, и профессиональная принадлежность.

В окружной газете появляется большая статья «Джиу-Джицу» в Новосибирске: «На собрании ячейки ОСО при штабе СибВО состоялся интересный доклад тов. Ощепкова о японской самозащите – “Джиу-Джицу” и был показан ряд ее приемов...». Кстати, как японист, Василий Сергеевич дает лингвистический комментарий: «Слово “Джиу-Джицу” или вернее “Дзюу-Дзюцу” (в Японии говорят “Дзюу Доо”) в переводе на русский язык означает «искусство ловкости-гибкости»... Ощепков настаивает на введении преподавания дзюдо в армии, мотивируя это тем, что «Джиу-Джицу» преподают уже в войсках Англии, Франции и Америки.

Понятно, что в Новосибирске принятие столь глобальных решений было невозможно, но интересно, что сразу после доклада Ощепкова в городе создаются две группы по изучению дзюдо – мужская и женская, а Василий Сергеевич устраивает шоу: «В целях популяризации самозащиты японской системы “Джиу-Джицу”, тов. Ощепков предполагает выступать в местном цирке, где он продемонстрирует приемы “Джиу-Джицу” и устроит показательное соревнование, выпустив против себя 5–10 нападающих»¹⁵. О докладе Ощепкова пишут и другие газеты, его цитируют и ждут новых выступлений. В это время умирает от чахотки его жена. Похоронив супругу, он в отчаянии обращается к своим московским друзьям помочь ему выбраться из Сибири.

В октябре 1929 г. мечта Василия Сергеевича сбылась – он в Москве. Более того, он востребован Инспекцией физической подготовки РККА для участия в разработке нового наставления по рукопашному бою как обязательной части физической подготовки красноармейцев, и сразу назначается на должность инструктора дзюдо в Центральный Дом Красной Армии (ЦДРА) и преподавателя дзюдо в Государственный центральный институт физической культуры имени Сталина (ГЦИФК). Наконец, вскоре после переезда в Москву, он знакомится с молодой вдовой, вернувшейся после смерти мужа из Казани – Анной Казем-бек, и через некоторое время Василий и Анна начинают жить вместе.

Ощепковский стиль в пропаганде дзюдо к тому времени уже полностью сложился: Василий Сергеевич начинал прививать любовь к японской борьбе сразу же, в любой точке страны и вне зависимости от

¹² Беседовский Г. З. На путях к Термидору. М., 1997, с. 187–188.

¹³ Алексеев М. «Монах» с черным поясом // Родина. 1997, №8, с. 69.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Японское будо в российской прессе начала 20-го века // Додзё. 2005, №3, с. 13.

должности, которую занимал. Он только-только прибыл в столицу, как уже декабрьский номер «Физкультуры и спорта» пишет об открытии в ЦДКА группы дзюдо: «В программу занятий войдут: 1) броски, рычаги, удары руками и ногами и удушения; 2) приемы самозащиты невооруженного против вооруженного винтовкой, револьвером, саблей, ножом или другим холодным оружием ближнего боя; 3) приемы схватки двух невооруженных. За основу будет принята японская система самозащиты “дзюдо”, как наиболее проработанная, а главное, представляющая собой уже готовый комплекс различных приемов самозащиты... курсами будет руководить инструктор т. Ощепков, окончивший институт “Кодокан-дзю-до” в Японии (в Токио)»¹⁶. Став штатным преподавателем ГЦИФКа, Василий Сергеевич «пробивает» дзюдо как обязательную дисциплину для всех студентов. Автору посчастливилось застать в живых некоторых из них, и они, уже почти столетние старики, с восхищением вспоминали, как восемьдесят лет назад бегали на занятия к Ощепкову, и как «самый интеллигентный из всех преподавателей» легко выдергивал их из борцовского ковра¹⁷. В институте разрабатывают легендарный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне». Японист Ощепков, зная, что в Японии такой уже есть, добивается введения в ГТО приемов самозащиты и обезоруживания.

Работавший в 1930–1933 гг. в Москве посол Японии, бывший дзюдоист и будущий военный преступник категории «А» Хирота Коки писал в журнал «Дзюдо» в мае 1932 г.:

«1. Районы распространения дзюдо.

В последние два года дзюдо распространяется главным образом в городе Москва. Кроме того, организуются командировки для преподавания дзюдо в город Ленинград и в другие места. Однако какой-либо единой организации дзюдо не существует.

2. Положение с распространением дзюдо в Москве, столице [СССР]

А. Дзюдо в ассоциации физической культуры

В рамках секции дзюдо проводятся курсы под руководством обладателя 2-го дана Кодокан Василия Ощепкова.

Стандартная продолжительность курсов – 30 часов. Как сообщают, число занимающихся на таких курсах (в основном это учащиеся) достигает 300 человек за год. Кроме того, в секции дзюдо с позиций медицинской науки проводятся исследования влияния занятий дзюдо на здоровье человека.

Б. Школа милиции

Курсы по дзюдо проводит также означенный выше Василий Ощепков. Как сообщают, число занимающихся на 30-часовых курсах достигает 300 человек за год. Главная цель проведения курсов заключается в обучении сотрудников милиции приемам самозащиты.

В. Дом Красной армии

Курсы по дзюдо проводит также означенный выше Василий Ощепков. Как сообщают, число занимающихся на 30-часовых курсах достигает около 30 человек за год.

Г. Спортивная секция «Динамо», работающая под управлением ГПУ

Проводятся курсы под руководством некоего Спиридонова, число слушателей курсов неизвестно¹⁸.

Ограниченный в изучении дзюдо, вынужденный вариться в собственном «советском» соку, лишенный возможности общения с иностранными инструкторами и спортсменами, но обладающий обширными знаниями, личным опытом и талантом аналитика, Ощепков вносит в родное ему Кодокан дзюдо одно изменение за другим. Доцент Кафедры истории и культуры Японии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова А. М. Горбылев весьма подробно и обоснованно с точки зрения теории и практики борьбы восстанавливает сейчас картину создания особого вида дзюдо – «по Ощепкову». В данной статье я укажу лишь некоторые, наиболее простые и понятные внешне элементы новой борьбы, исходя из своих личных наблюдений. Так, например, в СССР нет татами, и Ощепков заменяет его борцовским ковром. От этого сразу же меняется стойка спортсменов, становится ниже, больше напоминая позицию цирковых борцов, и увеличивается количество приемов в партере. Об ковер ломаются пальцы ног, и Ощепков вводит специальную обувь – борцовки, тем более что многих студентов – недавних крестьян, лучше было обуть, чем разуть – из чисто эстетических соображений. Не прижилась и японская форма – *кэйкоги*. Белые штаны рабочекрестьянским студентам слишком напоминали кальсоны, и Ощепков начинает бороться в спортивных трусах и в белой куртке. Со временем куртка становится приталенной, как гимнастерка, а пояс вшивается в специальные проймы – складывается внешний вид того, что после войны назовут словом «самбо». Пока же новое единоборство называют в учебном плане на 1934/35 гг. «борьбой вольного стиля (дзю-до)». Кстати, тогда же – в 1934 г., Ощепков открывает первую спортивную секцию по дзюдо в Москве – в обществе «Крылья Советов», и через несколько месяцев ее аналоги появляются в Ленинграде, Харькове, Владивостоке. В марте 1935 г. прошел первый чемпионат СССР по борьбе вольного стиля (дзюдо), а в 1937 г. Василий Сергеевич еще успел создать и Всесоюзную федерацию этого вида единоборств, начал

¹⁶ Физкультура и спорт. 1929, . №12, с. 17.

¹⁷ «Будокан». 2005. №1, с. 8–9, «Додзё». 2005, №3, с. 18–19.

¹⁸ Кодокан бункакай. 1932, № 5 (май), с. 11–12. (По сообщению А. М. Горбылева).

писать книгу, подготовил большую статью о необходимости преподавания дзюдо в армии, но упоминания о Японии в его статьях и выступлениях звучат все реже по мере того, как меняется общая тональность политического имиджа этой страны в СССР¹⁹.

Если в 1929 г. журнал «Физкультура и Спорт» писал о дзюдо с явным уважением, то в 1936 г. его точка зрения изменилась до неузнаваемости: «Что такое дзюдо? Родина воинствующего фашизма, страна реакции, террора и интервенции – Япония имеет систему физического воспитания, предназначенную исполнять классовые заказы японских империалистов. Эта система носит название дзюдо»²⁰. Всего двумя годами раньше Ощепков без опасения, хотя и придерживаясь советской стилистики, рассказывал о дзюдо и своей квалификации в нем: «Дзюдо – это система физического воспитания, сложившаяся в Японии более 50 лет тому назад, представляет собой как бы квинтэссенцию из весьма разнообразных и многочисленных систем самозащиты, каковыми были дзюу-дзюцу, тэнзинсинбюрю, киторю и другие... Современную систему дзюдо я изучил в Японии в Центральном Институте Кодокан-дзюдо в Токио, который закончил в 1913 г. в звании мастера 2-й ступени, пробыв в названном институте около пяти лет... Японский империализм, стремясь к оснащению своей армии передовой техникой, придает огромное значение дзюдо, которая вооружает ее личный состав приемами ловкости, гибкости, умения нападать и защищаться не только с оружием, но и без оружия. Для бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии освоение приемов искусства дзюдо должно стать боевой задачей дня, ибо Красная Армия, защищающая границы единственного в мире государства трудящихся, не может отставать от возможных врагов своих ни в технической вооруженности, ни в физической подготовленности»²¹. В условиях начинавшегося Большого террора эти слова звучали приговором.

Впрочем, вся жизнь Василия Ощепкова выглядела исполнением какого-то странного приговора. Родившийся и выживший на сахалинской каторге – там, куда отправляли умирать, он попал в Японию – под крыло святого Николая Японского, и стал учеником самого основателя дзюдо Кано Дзигоро. Потом не раз рисковал жизнью в раздираемом Гражданской войной и бесконечными мятежами Приморье. Согласился стать разведчиком и снова рисковал жизнью на Сахалине, и вновь вернулся в Японию, в очередной раз увеличивая степень этого смертельного риска. Что ждало бы его в Японии, проработай он там, как

Зорге, 7–8 лет? Сегодня сложно об этом судить, но разве знали бы мы сегодня о том же Зорге, если бы его начальство вернуло его через год после начала командировки в Японию, как это произошло с Ощепковым? Точно известно только одно: вернувшись в Советский Союз и отдавая все силы изучению той части японской культуры, которая сейчас получила восторженное признание во всем мире, Василий Сергеевич Ощепков разделил судьбу большинства отечественных японистов.

20 сентября 1937 г. народным комиссаром внутренних дел СССР Н. Ежовым был подписан приказ № 00593 – так называемый «приказ о харбинцах»: «Органами НКВД учтено до 25.000 человек, так называемых «харбинцев» (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Манчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза. Учетные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т. п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности»²².

Ощепков был «харбинцем», он прожил в этом городе около двух лет, не раз бывал там, и харбинский след в его биографии прослеживался вполне очевидно. Более того, Ощепков был сотрудником царской контрразведки, в терминологии того времени – «жандармом», он служил в японской армии, у Колчака и, наконец, долго жил в Японии. В довершение всего, в его характеристике в личном деле Разведупра навсегда осталась запись: «По убеждению Ощепков – сменовеховец Устряловского толка»²³. Николай Устрялов – глава колчаковского «агитпропа», идеолог «национал-большевизма» и лояльный к Советской власти служащий КВЖД, по представлению 1937 г., да и последующих семи десятилетий, был лидером одной из «антисоветских политических партий», связанным к тому же, в силу своего географического нахождения в дальневосточном центре русской белоэмиграции – Харбине, со многими антисоветскими организациями. Одна из критических книг Устрялова стала источником вдохновения для главы Всероссийской фашистской партии К. Родзаевского. Устрялов был расстрелян 14 сентября 1937 г. Так что «сменовеховец Устряловского толка» – это не характеристика, это – приговор.

Из Приказа № 00593:

²² Здесь и далее цит. по тексту официального сайта общества «Мемориал» (<http://memorial.krsk.ru>) публикацию приказа из архива ФСБ РФ подготовили Н. Охотин, Н. Петров.

²³ Копия личного дела «Секретного агента Развед. Отдела Штаба Сибир. Воен. Округа тов. «Монаха» (Ощепкова Василия Сергеевича)», с. 43. – Личное собрание автора.

¹⁹ Подробнее об этом: А. Куланов, В. Молодяков. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2006, с. 284–312.

²⁰ Цит. по: Лукашев М. Н. Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме, чтобы умереть в сталинской, М., 2003. с. 49.

²¹ Ощепков-Спиридонов: история конфликта // Додзё. 2006, №1, с. 7.

«ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 1-го октября 1937 г. приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности.

2. Аресту подлежат все харбинцы:

б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований;

в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.);

3. Аресты произвести в две очереди:

а) в первую очередь, арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;

5. Следствие по делам арестованных харбинцев развернуть с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и групп.

6. Всех арестованных харбинцев разбить на две категории:

а) к первой категории – отнести всех харбинцев, изобличенных в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу.

8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение – НЕМЕДЛЕННО.

11. Операцию закончить к 25 декабря 1937 года.

12. В отношении семей репрессируемых харбинцев руководствоваться моим приказом №00486 от 15 августа 1937 года.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР – Генеральный Комиссар Государственной Безопасности Н. И. ЕЖОВ»

Ордер об аресте Ощепкова был подписан 29 сентября, а сам арест произошел в ночь с 1 на 2 октября 1937 г. Одновременно с Василием Сергеевичем были схвачены такие корифеи отечественного японоведения, как профессора Д.М. Позднеев и Н.А. Невский, много других, менее известных японистов, но, судя по степени организованности «изъятий», давно находившихся в поле зрения НКВД как подлежащие аресту в соответствии с пунктом 3а того самого приказа. Ощепков попал под молот, уничтоживший почти до основания отечественную школу японоведения, но в его следственном деле нет ни одного протокола допроса. Выдающийся спортсмен и тренер давно страдал от стенокардии и не расставался с нитроглицерином. В 46-й камере 7-го коридора Бутырской тюрьмы, куда его доставили после ареста, никаких таблеток, конечно, держать не разрешалось, и в 18 часов 50 минут 10

октября 1937 г. Василий Сергеевич Ощепков скончался от приступа, как тогда говорили, «грудной жабы».

Можно, как ни кощунственно это звучит, порадоваться тому, что Ощепкову удалось избежать пыток и издевательств, предварявших короткую дорогу к расстрельному рву – бывшего посла СССР во Франции Х. Г. Раковского. Под пытками заставили, например, признаться в том, что он «вернулся из Токио, имея в кармане мандат японского шпиона», а сахалинский друг Василия Сергеевича, тоже кадровый разведчик, Трофим Юркевич под пытками «сознался», что это Ощепков завербовал его для работы на японскую разведку – сознался полгода спустя после смерти «вербовщика».

Смерть дзюдоиста не только оборвала возможную ощепковскую нить следствия – в соответствии с п. 5 приказа №00593 можно было не сомневаться, что такую нить лубянские следователи из Ощепкова вытянули бы, как вытягивали практически из всех, кто попадал в «ежовые рукавицы» НКВД, но и спасла его третью жену – Анну Ивановну Ощепкову. В декабре (точная дата не указана) 1937 г., т. е. примерно через два месяца после смерти Василия Сергеевича, старший лейтенант госбезопасности Вольфсон и капитан госбезопасности Сорокин подписали Постановление о прекращении уголовного дела №2641 по обвинению Ощепкова В. С. в шпионской деятельности в пользу Японии, а сержант госбезопасности Воденко сдал (сдала?) его в архив. Прекращение дела означало, что он не попал в утвержденные списки репрессированных, а значит, в другие аналогичные списки не попала и его семья.

Как ни удивительно, но это постановление от 1937 г. работает и сегодня, несмотря на то, что в 1957 г. В.С. Ощепков был полностью реабилитирован, его фамилия не попала в списки репрессированных в годы сталинского террора. Ощепков не значится среди японистов – ни как один из первых практиков и преподавателей японского языка, окончивших Токийскую семинарию, ни как жертва «чисток среди японоведов» (трое его соучеников – Г. Н. Журавлев, В. Д. Плешаков, Т. С. Юркевич в эти списки попали). Японист и разведчик Василий Ощепков как будто исчез. Его помнят только спортсмены, хотя здесь речь может идти скорее о легендарном образе, чем о реальном человеке – проводятся соревнования по дзюдо и самбо памяти Василия Ощепкова, в Подмоскovie есть школа самбо его имени. Зреет движение за канонизацию Ощепкова Русской православной церковью. Печально, однако, что при этом все популярнее становится миф о Василии Сергеевиче, как о «православном ниндзя», а не реальная история живого и очень неординарного человека.

Буддийская иконография святынь о. Сикоку

Ю. Л. Кужель

История возникновения японо-буддийского культового искусства, формирование его иконографических принципов восходит к континентальным художественным традициям. Из Индии через Китай и Корею пришли сложная знаковая система, универсальные представления о позах, жестах, атрибутах персонажей буддийского мира. Правила касались различного изображения главных будд, милосердных божеств, а также яростных охранителей Учения. Японским ваятелям (*бусси*) удалось за короткий период освоить иконографический канон, выработать собственные образные решения, что дало возможность создать неповторимый национальный облик божеств буддийского пантеона. Буддийские храмовые святыни – это материальные и духовные знаки, явленные на Земле как посредники между Вселенной Будды и миром человека.

Большим иконографическим разнообразием отличаются скульптуры, представленные в алтарных композициях 88 храмов о. Сикоку, где на сравнительно небольшой территории сосредоточено много святынь. Здесь проходит одно из самых старых и популярных паломничеств (*Сикоку хатидзюхати касё мэгури*) с целью почитания Кукай (774–835) – харизматической личности, стоявшей у истоков его возникновения¹. Подавляющее большинство храмов, основанных Кукай, относится к буддийской школе Сингон, только несколько к Тэндай, Дзэн, Дзёдо и Дзи, а основными объектами поклонения являются Будды Шакьямуни, Амида, Дайнити, Якуси, бодхисаттвы Каннон, Дзидзо, Мондзю, Кокудзо, Мироку, светлый царь Фудо мёо и другие божества.

Интерьер храмов о. Сикоку представляет собой художественный ансамбль с алтарем, в середине которого находится статуя (*хондзон* – «истинно-почитаемое») чаще всего в статической фронтальной позе (*асана*). Расположение божества на пьедестале говорит о его соотносительности с центром Вселенной. Сам алтарь (*сюмидза*) символизирует основу мироздания – гору Сумеру. Изображения божеств, главным образом, покоятся в чаше из лотоса (*рэнгэдза*), установленной на постаменте. Их окружают нимбы (*дзукко*), мандорлы (*кёсинко*), указывающие

на божественное происхождение персонажей. В руках у изображений сакральные предметы: цветок лотоса, колокольчик, скипетр, меч, сосуд, колесо Закона (Дхармы) с восемью спицами, символизирующими восемь этапов Благородного Пути (*хатисэй*)² и другие. Буддийская скульптура находилась во взаимодействии с архитектурой храма, деталями интерьера, подчинялась законам его тектоники. В свою очередь, пластическое мышление мастеров-резчиков, нашедшее воплощение в статуях, активно воздействовало на организацию внутреннего пространства, в котором выразились представления людей о мироздании³. Затемненность пространства, в котором лишь поблескивают нимбы и мандорлы фигур, иногда одежда и т. д. создает идеальную атмосферу для сосредоточения паломников на главном, с чем они пришли к божеству.

Буддийская культовая скульптура тесно связана с богатой символикой жестов-мудр, т. е. ритуальных печатей (*инсо*) – этих «помыслов Будды», помогающих молящимся понять, что проповедует Наставник человечества. *Инсо* берут начало в брахманизме, а в практике школы Сингон приобретают крайне важное значение. Мудры – одно из трех таинств – «таинство тела», наряду с мантрами и мандалами способствуют достижению просветления. Божественное в буддийской скульптуре проявляется, в том числе через «печати», которые придают фигуре значимость. Они наполнены эзотерическим смыслом и мудростью. Пять пальцев рук, связанные с пятью первоэлементами, собираются в сочетаниях, символизирующих различные душевные состояния. Значение мудр, имеющих индийские корни, возможно, на японской почве интерпретируется несколько иначе, но, в общем, сохраняется оригинальная буддийская символика, раскрывающая метафизический аспект происходящей церемонии. Через разнообразные положения ладоней и пальцев рук передаются наставления и намерения главного божества. В буддийской иконографии мудры – один из шести тематических элементов изображения божеств. Остальные – позы (статические и динамические, сидячие – *дзадзо* и стоящие – *рюдзо*), пьедесталы *дайдо* (лотосовый трон, трон низших или инородных божеств – *сэйрэйдо*, зооморфный *тёдзюдза*: лев, слон, павлин), ореолы, мандорлы – общее название *кохай*, оружие *буки*, демонстрирующее силу, а также мандалы.

Сакральные предметы, число которых достаточно большое, группируются по разделам. Это прежде всего колеса, или чакра, восходящие к солярной символике, палица-ваджра как божественное оружие, извергающее молнии, – из области мифологических представлений о всемогущем боге-громовике, драгоценность *мани*, или жемчужина исполнения желаний *нёирин* (*ходзю*), т. е. готовность Будды и бодхисаттв внимать

¹ Другие самые известные паломнические маршруты проходят по ста храмам бодхисаттвы Каннон: Сайкоку (Западная Япония, 33 храма), Бандо (Восточная Япония, 33 храма), Ти-тибу (преф. Сайтама, 34 храма).

² Благородный восьмеричный Путь: правильное воззрение, правильное размышление, правильная речь, правильное поведение, правильный способ поддержания жизни, правильное приложение сил, правильная память, правильное сосредоточение.

³ Н. А. Виноградова. Скульптура Японии. М., 1981, с. 61.

просьбам и мольбам, чаша-патра (*хати*) для сбора подаяний, олицетворяющая добродетель, благой поступок человека, подающего милостыню, и подобно другим сосудам *суйбё* вмещает Учение, а также четки (*ходзю*) как обязательная принадлежность благочестивого паломника. Оружие, представленное различными видами (топорик, пика, меч, лук, стрелы), свидетельствует не о насилии, иначе возникло бы противоречие с религиозно-философской системой, но заявляет о победе над злом и невежеством. Иконографический тип ваджры (*косё*) представляет собой палицу с разнонаправленными зубцами – двумя, тремя, четырьмя (четыре периода жизни Будды, четыре благородные истины), пятью, девятью, а крестообразная ваджра указывает на распространение учения Будды на все стороны света.

Многообразие изображения исторического Будды Шакьямуни представлено в четырех храмах Сикоку. Основная фигура сидящего Будды в состоянии покоя и расслабленности являет пример канонизированных черт лица, поз и жестов как нечто постоянного. Японская иконографическая система восприняла континентальный тип Будды, застывшего в бесстрастной созерцательности (*дзэндзё но Сяка*). Неподвижная монументальная поза (*китидзёда*) сидящего Будды с вывернутыми наружу пятками – правая нога как символ Будды и Учения лежит на левой, олицетворяющей мир, – оживляется разнообразными положениями ладоней и пальцев рук (пример тому скульптура из храма Рёдзэндзи). Асана созерцания (*дхьяна асана*, другое название «поза лотоса») передает медитативную сосредоточенность, во время которой стирается противоречие между внутренним и внешним мирами, индивидуальное сливается с космическим. Уравновешенность композиции свидетельствует о духовной и физической гармонии божества. Широкие плечи и довольно узкая талия придают телу Будды сходство с царем зверей – львом, славящимся силой и бесстрашием. Молодое лицо, озаренное застывшей архаичной улыбкой, не подвластно времени. Его особая проработка, вскинутые дугообразные брови в форме лунного серпа, царственный изгиб крыльев носа, лучащиеся глаза, подобные бутонам лотоса, – все подчеркивает одухотворенность изображения, глубоко воздействующего на молящихся. От тела Будды исходит сияние (*кондзикисо*).

Подобный иконографический образ характерен для большинства буддийских божеств, принявших дальневосточный облик в результате его наделения национальными этническими чертами. Тип Будды, который по сложившемуся канону выбрал континентальные и локальные признаки, отличается самоуглубленностью и спокойной созерцательностью. Открытая ладонь поднятой правой руки, согнутой в локте, с пальцами, указующими наверх, изображает мудру *сэмуин* (*абхаяндада мудра*) – дарование бесстрашия и одновременно безопасности. По легенде, Будда подобным жестом остановил разъяренных слонов, на которых напали пять львов. Другая мудра *ёганъин* (*вардада мудра*) – левая рука, повер-

нутая ладонью вверх, лежит на колене – свидетельствует о готовности Будды исполнить любое желание. Принявшие буддизм, достигнут просветления, все страдания и заблуждения исчезнут. В этом храме есть интересная стоящая скульптура Будды в детском возрасте – Тандзёбуцу, правая рука которого согнута в локте и ладонью едва не касается головы, левая опущена вдоль тела⁴. На нем только запашная юбка *мо* в продольную складку, закрывающая низ, торс оголен. Несмотря на юный возраст, Будда уже отмечен теменной выпуклостью мудрости *никукэй*. Он помещен на конусообразную высокую чашу, поставленную на пьедестал, напоминающий деревянную табуретку с резными ножками.

Будда Шакьямуни из храма Консэндзи изображен в классической позе проповедника, пальцы рук которого сложены в «печати» (*сэмуин* – правая и *ёганъин*, или *сэганъин* – левая). У данной скульптуры правая рука слегка приподнята, ладонь обращена наружу, пальцы прямые. Это жест, иначе мудра бесстрашия, также считается мудрой благословения или утешения. Мудра символизирует внутреннюю силу Будды, защитника Учения и всего живого. Он призывает отринуть страх, преодолеть сомнения и внутренние противоречия. Левая рука ладонью вверх покоится на колене и символизирует также милосердие по отношению ко всем существам. Будда изображен в соответствии с каноном как спаситель, освещающий путь к постижению истины. Вписанные в нимб *энко* лепестки лотоса ярко блестят, и вместе с золотым сияющим задником контрастируют с затемненной фигурой. Голова покрыта «шиньоном» с красным камнем, указывающим на теменную выпуклость – шишка мудрости, которая скрыта прической с многочисленными завитками золотистого цвета (*рахоцу*). Шакьямуни – образец умственной и физической гармонии, вершина совершенства и покоя. Его скульптура соответственно занимает центральное место в алтарной композиции, доминируя над двумя меньшими по размеру изображениями бодхисаттв, которые подчеркивают космизм Будды, его высокую духовность и мудрость.

Скульптурная композиция Шакьямуни, входящего в нирвану (*нэ-хандзо*), из храма Хориндзи первоначально была выполнена Кукай. Она единственная на всем паломническом пути. Фигура ориентирована по сторонам света: голова, которую подпирает правая рука, обращена на юг, лицо смотрит на восток, левая рука вытянута вдоль тела. Будда лежит на правом боку в позе льва на богато декорированном золотом

⁴ Традиционно Тандзёбуцу изображается с высоко поднятой прямой правой рукой, мизинец и безымянный пальцы которой согнуты, стоит на лotosовом пьедестале. Канон изображения описан в сутре «Како гэндзай инга кё» («Сутра о карме будущего и настоящего»). По легенде, родившись, будущий Будда сделал семь шагов в каждом из четырех направлений, правой рукой указал на небеса, левой на землю. В день рождения будды 8 апреля (*камбуцуэ, буссёэ, рюгээ* или *ханамацури*) эта детская скульптура становится основным объектом поклонения. Раньше фигурки поливали ароматной водой, поэтому Будда стоит в чаше, сейчас – сладким чаем *аматя*.

ложе, под роскошным навесом. За спиной Будды вдоль одра расположены изображенные в экспрессивных динамических позах его пять учеников, оплакивающих уход Наставника. Он погружен в особое состояние высшего блаженства в конце цепи перерождений: более не будет нового воскресения и смерти. Спокойным линиям тела почившего Учителя противопоставлен нервный ритм фигур учеников. Их искаженные лица с открытыми ртами демонстрируют безудержное отчаяние: каждый выражает горе по-своему. У подножия пьедестала – изображения низших будд и различных животных: обезьян, слоненка, собаки, кролика. Скорбит весь мир.

Важнейший по значимости в буддийском мире после Шакьямуни будда Амида тоже разнообразно представлен в храмах Сикоку. Появление изображения Амида на Сикоку, по легенде, связано с Кукай, который подвижничал в этих местах, а в день истечения обета перед ним возник образ Амида. Он вырезал его скульптуру и установил в храме Гокуракудзи (в пожаре войны в 1582г. она была утрачена и восстановлена в 1659г). Традиционная мандорла за спиной Амида отличается изяществом пропорций, отсутствием тяжеловесности, характерной для подобных изображений. Золоченный, тщательно проработанный ореол, придает фигуре величие, которое всегда свойственно как скульптурам, посвященным Амида, так и самим храмам, где они установлены. Будда восседает в лotosовой чаше, водруженной на четырехъярусном, богато декорированном пьедестале. Лепестки нижнего внешнего ряда направлены вниз, верхнего внутреннего – вверх, образуя многоярусную композицию, покоящуюся на нескольких архитектурных элементах, – поставленных друг на друга восьмигранниках, сдвинутых по отношению друг к другу. Пьедестал напоминает уже упоминавшуюся гору Сумеру. Помещение будды на такой лotosовый трон символизировало универсальность и всеохватность Учения. Знаки божественности будды – вытянутые мочки ушей и пятно на лбу (*бьякуго*⁵, или *дайсанган* – третий глаз, санскр. урна). Монашеское одеяние Будды с мягкими драпированными складками представляет собой классическое оплечье (*кэса*, или *дайэ*), перекинутое через левое плечо. По преданию, Шакьямуни сам сшил его из четырехугольных кусков ткани разной величины, которые он не приобрел, а подобрал, следуя данному им обету бедности. Это одеяние стало эталонным для всех богов и монахов. Нижняя часть тела Амида задрапирована юбкой мо⁶. Своим блаженным видом он обещает молящимся «западный рай», вера в который возросла

⁵ Семнадцатый телесный признак Будды – это вьющиеся волосы, имеющие шесть особенностей: белые, гладкие, послушные, способные растягиваться на 4,5м., завитые справа налево и повернутые концами вверх. Они серебрились, воспринимались как реснички «третьего глаза». Иконические признаки великой личности изложены в «Сутре о признаках» («Лакшана сутра»).

⁶ Существует два способа надевать облачение: *цукэн*, при котором ткань с правого плеча перекидывается на левое, где закрепляется, и *хэндан укэн* – ткань продевается под правым локтем, рука и часть предплечья остаются открытыми.

в связи с усиливающимся среди народа убеждением о близости конца Закона-Дхармы (*манпо*)⁷. Будда Амида в представлении верующих являлся гарантом возможности достижения «рая».

Скульптурное изображение Амида из храма Дзюракудзи несколько иное. Это каноническая триада Амида *сандзон*: в центре на высоком пьедестале восседает Амида, у подножия на небольших постаментах его спутники – Каннон и Сэйси. Их позы не фронтальные, они непринужденно склонились друг к другу как будто ведут диалог. Лица озаряет мечтательная полуулыбка. Занимающие более низкое место в иерархии божеств, они изображены свободней, мимика живее, эмоции проявляются откровеннее. Пропорции тела определяются их положением и значимостью в буддийском мире. В шести храмах Сикоку основной святыней является статуя будды Амида. Скорей всего эталоном красоты для изображения Амида явилась фигура из храма Феникса в монастыре Бёдоин около Киото (скульптор Дзёто, 1043). «Пропорциональная, с благородной осанкой, тонкими, безмятежно спокойными, исполненными сладостной неги чертами округлого лица, она (статуя Амида – Ю. К.) олицетворяла небесную благодать, дарующую людям покой и спасение. Особая красота этой статуи заключалась не только в ее пластической выразительности, но и в общем живописно-пространственном решении всей алтарной композиции»⁸.

Амида в японо-буддийской иконографии часто изображается в группе с предстоящими Каннон и Сэйси (храм Эммёдзи). Его спутники как будто вырастают из цветков лотоса. Их разномасштабные, относительно центральной, фигуры не являют собой образец торжественной застылости и симметричности, а показаны в плавном движении. Это не иератический иконоподобный ансамбль. Сделан шаг в передаче милости, трогательности взгляда и цельного образа, что больше всего касается правой скульптуры. Изящные фигуры двух помощников будды воплощают идеал человеколюбия, ведь они проводники между высшим божеством и людьми встречают души умерших. Руки Амида сложены в мудре *райгоин*: большой и указательный пальцы приподнятой правой руки образуют круг, ладонь левой руки покоится на колене.

В анналах храма Дзиннэин на горе Сипподзан сохранилась легенда о его возникновении и появлении легендарного изображения «сошествие трех почитаемых» (*райго сандзон*) на гору. Ниссё, монах буддийской школы Хоссо, увидел в море неожиданно возникшую лодку, откуда доносились звуки музыкального инструмента *кото* и гремел голос божества, возглашавшего, что он есть бог Хатиман из святилища Уса. Ниссё с местными жителями поднял лодку и *кото* на вершину горы, построил

⁷ Считается, что после ухода Шакьямуни в нирвану, его учение, Дхарма, постепенно утратится людьми, для мира наступит эпоха упадка, «конец Закона Дхармы» – *манпо*. Это будет сопровождаться всеобщими бедствиями, усилением зла и вражды.

⁸ Н. А. Виноградова. Скульптура Японии. М., 1981, с. 188.

святилище, посвященное Хатиман, играющему на *кото* (Котохики Хатимангу). Появившийся здесь в начале IX в. Кукай для этого святилища написал образ Амида, который стал основным объектом поклонения в Дзиннэдзи. Нынешняя святыня – изображение на облаках «сошествия трех почитаемых» выполнена в конце периода Камакура (1185–1333). От нимба Амида (*хосяко*), доминирующего в триаде, во все стороны разбегаются светящиеся лучи, так же как и от предстоящих – Каннон и Сэйси, ожидающих верующих, чтобы провести их в «Землю Высшей радости». Все внимание бодхисаттв обращено к новой душе. Это один из самых распространенных сюжетов в храмовой живописи.

На паломническом пути по Сикоку шесть изображений будды Дайнити – властителя мира, будды во вселенском теле Закона. Все, что происходит вокруг, – это его «телесные деяния», звуки: речь людей, голоса зверей и птиц, шум ветра и воды – суть деяний его уст, мысли, истинные и ложные, результат его «умственных действий». Он считается прародителем всей природы, будд, бодхисаттв. Будда Дайнити изображен восседающим в лотосовой чаше в позе лотоса со скрещенными ногами, ступня правой ноги повернута пяткой вверх и лежит на левом колене. Голову венчает «корона пяти будд-татхагат», шею обрамляет ожерелье (*мунэкадзари*), а запястья рук и предплечья украшены браслетами (соответственно *вансэн* и *хисэн*) – образцами ювелирного искусства. Кисти рук сплетены в «печать» «*тикэнъин*» (*ваджрафист мудра* – кулак мудрости), которая характерна для Будды Дайнити из Мира-Ваджры (Конгокай). Жест демонстрируется на уровне груди. Правая рука, сжимающая указательный палец левой руки, символизирует мир Будды, левая, согнутая в кулак, – мир человека. Мудра говорит о том, что все страсти исчезнут, и человек обретет мудрость Будды. Правое плечо по канону обнажено, одежда струится мягкими складками по идеально сложенной фигуре, которая отождествляется с незыблемостью мироздания. (4-ый храм Дайнитидзи)⁹. Подобная иконография связана с усилением тенденции придания образу поистине царского величия, поскольку Дайнити воспринимался как владыка небес. В то же время изображение Дайнити в японской трактовке приобретает некоторые черты женственности, что подчеркивается изысканностью одеяния и богатством украшений. На высоком художественном уровне выполнен ореол *энкан*, обрамленный стилизованными языками пламени (28-ой храм Дайнитидзи).

Появление в храмах Сикоку изображений будды Якуси тоже связано с легендой, согласно которой Кукай, совершая паломничество, оказался в долине с целебными источниками Анракудзи, где ощутил глубокую связь этого благодатного для здоровья места с буддой-врачевателем Якуси

нёрай. Он вырезал фигурку сидящего Якуси, построил часовню, которую определил как святое место на Сикоку. Будда Якуси обитает на востоке в стране «Чистой лазури», его сутра – «Сутра о Наставнике-Врачевателе» («Якусикё»). Якуси, еще бодхисаттвой, принял двенадцать обетов, суть которых состоит в даровании всем физического и нравственного исцеления. Якуси – один из богов буддийского пантеона, к которому японцы обращаются чаще всего с просьбами о выздоровлении. Он играет огромную роль в практике целительства, поэтому его изображают с горшочком со снадобьями (*якко*) в левой руке. Якуси исцеляет всех страждущих согласно данному им изначальному обету *хонган*.

В центре алтарной композиции Главного храма Анракудзи находится основная святыня – сидящая скульптура Якуси, преподнесенная в дар храму в 1956 г. паломниками *хэнро*, которые совершали паломничество по Сикоку с целью излечения от тяжелых болезней и полностью выздоровили. Якуси весь сверкает от золотой мандорлы *хитэнко* (основной килевидный овал заостренверху в виде мантии и украшен фигурками небожителей *хитэн*, в него вписаны круг и овал). Голова будды выполнена в классическом стиле: прищуренные миндалевидные глаза, узкие брови в широком разлете, достаточно тонкий нос, пухлые губы, удлиненные мочки ушей. На голове «шиньон», скрывающий шишку мудрости, традиционно обозначающую высочайшую степень его умственных сил. Полуулыбка придает облику живость, непринужденность, что отличает Якуси от главного божества. Обычно в буддийской иконографии у основных будд рот приоткрыт, что символизирует постоянство наставлений, обращенных к живым существам. Якуси облачен в богатое одеяние *дайэ*, текущие складки которого выявляют естественность позы. В левой руке божества горшочек со снадобьями от десяти тысяч болезней. Правая рука приподнята и чуть согнута, ладонь открыта – мудра *эмуин*. Он сидит со скрещенными ногами в «неполной позе лотоса» (*ханкафудза*). Окружает статую Якуси группа из двенадцати божественных воинов (*дзюнисинсё*, санскр. *дикпала*)¹⁰ по шесть с каждой стороны, запечатленных в экспрессивных позах, с гневными лицами, которые свидетельствуют об их нетерпимости к противникам веры. В руках у облаченных в доспехи воинов мечи, алебарды, копья и другое оружие. Они выглядят всемогущими; расположены в соответствии с двенадцатью знаками зодиака. Все воины помещены на пьедестале *ивадза*, который напоминает скалу. Несмотря на общее сходство, они различаются одеждой, обувью, атрибутами, раскраской, прическами, закрепленными в них соответствующими знаками зодиака от «нэ» (краса) до «и» (свинья), а также экспрессивными жестами.

Иконография Якуси в храмах Сикоку отличается еще большим многообразием, чем изображения Шакьямуни и Амида. Алтарный ряд

⁹ Сакураи Мэгуму. Сикоку Хэнро. Хатидзюхати но хондзон (Святыни 88 храмов) Токио, 2008, с. 16.

¹⁰ Кубира, Басара, Мэкира, Антэра, Анира, Сантэра, Индара, Хаира, Макора, Синдара, Сётора, Бикара.

Главного храма Идодзи включает центральную фигуру Якуси и по три подобных скульптуры слева и справа – Ситибуцу Якуси (отсюда и название, *сити* – по-яп. семь) с семилепестковым нимбом. Семь обликов Якуси символизируют семь божественных милостей. Считается, что эти редкие по красоте деревянные изваяния созданы в период расцвета японской художественной культуры – в годы Гэнроку (1688–1704). В алтарной композиции храма Якуси изображен не в сопровождении своих бодхисаттв Никко и Гакко, а в окружении шести будд, изображающих его ипостаси. Согласно «Сутре о благодатном главном обете семи будд Якуси, излучающих Лазоревый свет» («Якуси рурико ситибуцу хонган кудокукё»), мультиплицирование образов Якуси даст возможность снискать его милость, избавит от злых духов и излечит от болезней. Название горы (Лазоревая) связано с лазоревым светом, который исходит от будды. Ореол вокруг головы главного Якуси украшен семью знаками санскритского афавита. Например, левый нижний в стиле сиддхам «а» считается родоначальником всех букв, а также корнем, из которого произрастают буддийские учения.

Не всегда Якуси изображался в каноническом для этого божества положении со скрещенными ногами. Например, в храме Дзёруидзи целитель представлен в позе *ханка*: левая нога опущена, но правая не закинута на колено, как у будды будущего Мироку, спущенная нога которого символизирует готовность его прихода на землю во имя спасения всего сущего, а лежит согнутой в колене на пьедестале. Вместо традиционного горшочка со снадобьем в левой руке будды архитектурная модель пагоды. Задник украшает нимб, представляющий собой круг с расходящимися от центра золотыми лучами.

В храме Якуодзи находятся две скульптуры Якуси. С одной, которая считается произведением Кукай, связана необычная история. В 1188г. она якобы во время пожара спаслась, перелетев на гору Одзуси-сан, и появилась в день, когда устанавливали новую статую, за которой и расположилась. С тех пор ее называют «Усиромуки Нёрай» (будда за спиной). Руки сплетены в мудру *дзэнна харамичу*, в ладонях, а не в левой руке горшочек со снадобьями, что необычно для данного иконографического типа. В алтаре Главного храма Сэккэйдзи собраны подлинные шедевры ваяния периода Камакура. Центральный образ алтарной композиции представлен буддой Якуси, по обе стороны которого уже упоминавшиеся бодхисаттвы Никко и Гакко, олицетворяющие соответственно Солнечный и Лунный Свет (триада Якуси сандзон). В человеческой жизни они были сыновьями врачавателя (будущего Якуси) и освещают путь отцу, готовому прийти на помощь в любое время суток. Триада выполнена выдающимся скульптором того времени Ункэй (ум. 1223), вдохновителем и создателем многих произведений буддийской пластики. Его старшему сыну Танкэй (1173?–1256) принадлежат фигуры небесного царя Бисямонтэн и государыни Китидзётэн, а также скульпп-

тура Дзэнниси додзи. Глаза всех фигур открыты и инкрустированы кристаллом в технике «*гёкуган*» (драгоценный глаз), чтобы придать схожесть с человеческим глазом. Камакурская скульптура, опиравшаяся на традиции нарского реализма и континентальную сунскую школу ваяния, отходила от каноничности сакральной пластики. Резчики по дереву много внимания уделили проработке одеяний, а также высоких, замысловато перевитых причесок.

Установленная в последнем на паломническом пути храме Окубодзи основная святыня представляет собой редкое изображение Якуси с *хорагай* (раковина из морского моллюска, в которую трубили как в трубу, атрибут странствующих монахов) в руках. «Раковина Закона» (*дхарма шанкха*) имеет древнеиндийские корни, и с ней связывают могущество бога Вишну, который ее звуками наводил ужас на врагов. Как предмет буддийской иконографии раковина символизирует распространение Учения Будды, его «голос», созывающий верующих. Закручивание ее спирали вправо (такое же направление имеют волосы у урны) воспринимается как круговорот жизни и видимый знак, указывающий путь к нирване. Считается, что Якуси из храма Окубодзи не только традиционно помогает при болезнях, но к нему обращаются так же как и к божеству Инари с просьбой даровать богатый урожай и как к богу Эбису, несущему благополучие. Эту святыню Кукай вырезал во время совершения на горе Тайдзоминэ обряда «*гумондзихо*»¹¹. На Сикоку в двадцати храмах почитают Якуси нёрай как основную святыню, что свидетельствует об особом отношении японцев к будде-целителю, представленному в храмах в иконографическом разнообразии.

В храмах Сикоку сидящим, медитирующим буддам противопоставлены бодхисаттвы в рост как символ активного динамического начала, предназначение которых спасти людей в этом мире. Среди них бодхисаттва Дзидзо (Чрево Земли), обитающий в «Подземных темницах» (Дзигоку, санскр. Нарака), покровитель путников и защитник грешников. Бодхисаттва Дзидзо появился в этом мире после того, как ушел в нирвану Шакьямуни и до прихода Мироку помогает людям. Кукай изобразил Дзидзо в шлеме, доспехах и на коне, что соответствует названию бодхисаттвы – Сёгун Дзидзо (сёгун-военачальник). Поэтому храм особенно почитался, прежде всего, полководцем Минамото Ёсицунэ (1159–1189), а также другими военными деятелями Японии. Подобное изображение Дзидзо в боевом убранстве и на лошади – единственное среди 88 священных реликвий Сикоку. Вырезанная Кукай фигурка Сёгун Дзидзо помещена в основную святыню (50 см.) – Эммэй Дзидзо (Дзидзо Долголетия), представляющую собой изображение

¹¹ «Удержание услышанного», приобретение уникальной способности никогда не забывать услышанного и прочитанного, «обладание умом», который возникает сам собой. Во время обряда повторяют миллионы раз мантры Кокудзо, «принятие в себя» этого бодхисаттвы.

бодхисаттвы, восседающего в лотосовой чаше в позе *ханка фумисагэ* – со спущенной левой ногой – на фоне блестящей, украшенной ажурной резьбой мандорлы. Золото богато декорированного пьедестала, нагрудных украшений находится в контрасте с затемненной скульптурой. В правой руке держит скипетр, в левой – драгоценность *мани* сферической формы в огне стилизованного пламени. В изображении Дзидзо, как и других бодхисаттв, меньше отрешенности от мира, чем в изображении будд. Считается, что к фигурке, так называемой «тайнайбуцу» (будда во чреве) помещенной во внутрь большей по размерам, восходят «оибуцу» (будда из дорожной корзины), — пластические изображения будд, которые с собой носили монахи-бродники, странствующие по стране.

Появление в храмах Сикоку бодхисаттвы Каннон¹² связано с легендой, по которой, когда Кукай подвижничал в храме в долине Акагата-ни, представшее перед ним божество Кумано – аватар, воплощение Будды, изрекло: «сделай все, чтобы спасти души» и даровало храму золотую фигурку Тысячерукой бодхисаттвы Каннон (5,5 см). Тогда Кукай из священного дерева вырезал скульптуру Каннон в человеческий рост и в нее поместил обретенную золотую Каннон со 120 «фрагментами» праха Будды Шакьямуни (буцусяри, санскр. шарира). Так Каннон положила начало целой серии популярного иконографического типа скульптурных изображений легендарной бодхисаттвы.

В буддийско-японской иконографии Каннон часто изображается с сорока двумя руками, две сложены в молитве, а каждая из сорока помогает двадцати пяти страждущим и держит сакральный предмет. Несколько вытянутых пропорций, возведенная на пьедестал в виде стилизованного цветка лотоса, фигура Тысячерукой богини из храма Кумаданидзи очень грациозна. Ее окружает размером в рост роскошная мандорла *нидзюэнко*, напоминающая ажурное кружево. Голову венчает корона с фигуркой будды *кэбуцу* в центре. Складки одеяния (*дзёхаку*) мягко струятся вдоль тела ровными орнаментальными рядами, придавая скульптуре ритм, динамичность и легкость. С плеч до пят спускается длинный, летящий «шарф» *тэннэ*. Ладони двух рук сложены в каноническом жесте «медитации мира дхармы», две другие руки скрещены на талии в мудре *дзэнна харамичу* (*дхьяна парамита*), в ладонях – чаша для подаяний. Остальные руки держат разнообразные сакральные предметы, помогающие спасать людей: алебарду (*гэки*), топорик (*оно*), шнур, завязанный петлей (лассо, *кэнсаку*), лук (*юми*), стрелу (*я*), а также цветы лотоса (*рэнгэ*), колокольчик (*гокорин*), кувшин (*суйбё*), ивовую веточку (*янаги*), золотое кольцо (*кинкан*), облако (*кумо*), солнечный диск (*нитирин*), лунный диск (*гати-*

рин), ракушку (*кай*), дворец (*кюдэн*), мухогонку (*хоссу*)¹³, посох-скипетр с навершием из колец (*сякюдзё*) и др.

Оружие в данном контексте, как говорилось, – не знак насилия, которое по сути отрицает буддизм, а знаменует победу Учения над злом, отсекает сомнения и разрушает узлы противоречий. С помощью лассо живые существа освобождаются из мира страданий и в то же время им нейтрализуются пороки. Лотос, тянущийся к свету из мутной воды, олицетворяет чистоту помыслов, добродетели и совершенство божества. Колокольчик в буддийской традиции одновременно и «глас» Учения, разгоняющий невежество и злые силы, а также символ мимолетности и непостоянства: издаваемый звук не задерживается, а исчезает. Свастика (*хоин*) в одной из многочисленных рук воспроизводит буддийский канон, уходящий корнями в древнеиндийскую традицию, где подобное изображение являлось солярным символом и связано с представлениями о щедрости и благопожелании. Золотая раскраска скульптуры, усиливает впечатление исключительности бодхисаттвы Каннон, призванной в мир оказывать милосердие. С Каннон как с основной святыней связаны тринадцать священных мест Сикоку.

Одиннадцатиликая Каннон из тринадцатого храма Дайнитидзи, считается *хондзибуцу*, т. е. буддийским божеством, соотносимым с синтоистским. Золотая корона богини с богато декорированными ниспадающими лентами придают всей фигуре особую торжественность и одновременно женственность. В центре короны закреплено колесо Закона «хорин», оно катится и уничтожает зло. Такое же колесо на нагрудном украшении *ёраку*, золотые ажурные ленты которого струятся по одеянию. Над тиарой – фигурки божеств с буддой Амида посередине, помогающие спасать живые существа. Роскошное одеяние и тонкой работы украшения как символ изобилия контрастируют с простой монашеской накидкой Будды, противника материальных ценностей. Облик богини повествует о ее царственном положении в мире, а добрая улыбка, мечтательно полуоткрытые глаза свидетельствуют о милосердном отношении ко всему живому. О сострадании и искренности Каннон также говорят мудры. Правая рука, выгибаясь наружу, свешивается вниз ладонью, на которой закреплена нитка бус как свидетельство «ниспадения» в мир. Открытая рука, вытянутые пальцы символизируют раскрытие цветка истины. Левая рука согнута в локте, ладонь обращена к груди.

В 807 г., по преданию, Кукай, плывший по морю, вырезал основную святыню – Одиннадцатиликую Каннон, защитницу всех, кто в море (храм Дзэндзибудзи). Ее еще называют Фунадама Каннон (Каннон Корабельная душа). Задумчивое лицо бодхисаттвы озарено доброй улыбкой, потупив голову, она смотрит из-под полуопущенных век. В левой руке

¹² Одиннадцатиликая (Дзюитимэн Каннон), Тысячерукая (Сэндзю Каннон), Каннон с Головой лошади (Бато Каннон), Каннон Чунди (Дзюнтэй Каннон), Святая Каннон (Сё Каннон), Каннон с жемчужиной исполнения желаний (Нёирин Каннон) и др.

¹³ *Хоссу* (санскр. камара) символизирует почитание Буддийского Закона и идею «не убий». Поскольку делается из хвоста оленя, вожака стада, еще означает духовное лидерство Учителя.

кувшин как вместилище Учения, а открытая ладонь опущенной правой руки пальцами вниз свидетельствует о готовности божества взять все живые существа под свой покров, а также символизирует открытость истине. Это жест дарования защиты (*варамудра*), характерный для иконографии Будды. Он напоминает об эпизоде клятвы Будды. Поверх главного лика расположено несколько меньших, а также два слева и справа. По канону бодхисаттва Каннон, кроме основного лика обладает тремя сострадательными (*дзихимэн*), обращенными на добродетельные существа, три гневных (*синнумэн*) смотрят на недобродетельные, три с клыками (*гэдзюсюцу*) призывают стать на путь Будды, а один смеющийся (*дайсёмэн*) говорит о понимании тщетности мирской суеты.

Каннон с Лошадиной головой, представленная только в одном храме Мотоямадзи, относится к *хибуцу*, «скрытому изображению», доступно для обозрения в определенное время¹⁴ Такое необычное название Каннон получила из-за установленной на ее голове лошадиной морды. Она больше напоминает гневных божеств с выпирающими клыками типа Фудо мё, нежели милосердных. Бато Каннон наделена тремя ликами, смотрящими в разные стороны, и восемью руками. Каннон с головой лошади, вырезана Кукай традиционным способом *итто санрай* (одна насечка – три поклона-молитвы). Ее голову венчает ажурная золотая корона с колесом Закона в центре, в руках меч, топорик с длинной ручкой, колесо Закона, жезл (*токко*). Правая ступня приподнятой ноги перекрывает левую ступню, что символизирует победу истинного знания над заблуждением – классическая поза Бато Каннон *риннодза*. Культ Бато Каннон восходит к индуистским, она относится к одному из пяти «превращенных» обликов «*хэнгэ*» Каннон. Золотисто-красный цвет скульптуры делает изображение зловещим, придает всему облику напряжение. Это достигается особой проработкой оскаленного лица, вздернутыми широкими бровями и сверкающими в гневе глазами. Тем не менее, считается, что Бато Каннон оберегает от болезней, предотвращает стихийные бедствия и внутренние смуты. Издавна Бато Каннон почитают и как заступницу земледельцев, а также тех, кто в пути. Сейчас она пользуется большой популярностью у любителей скачек.

Скульптурное изображение будды будущего, бодхисаттвы Мироку впервые появилось в Японии в 584 г., вскоре после принятия буддизма. Как спаситель человеческого рода он вначале почитался наравне с Шакьямуни и считался его преемником. С ним связано ожидание крушения мира. Поэтому японские буддисты надеются на перерождение, когда Мироку сойдет на землю для проповедования «правильного Закона», чему и учили странствующие монахи. С его приходом наступят

прекрасные времена, откроется путь к нирване. Милосердное божество Мироку воспринималось подобным солнцу и изображалось золотым (храм Дзёракудзи). Сияет все: его фигура, украшения, корона, почти закрывающая прическу в виде высокого пучка (*кокэй*), мандорла, декорированная цветочным узором *каракуса*, лotosовая чаша, пьедестал. В ладонях рук, сложенных в мудру *дзэнна харамичу*, миниатюрная пагода *горинто*, символизирующая стойкость Учения. Бодхисаттва находится в состоянии просветленности, о чем говорят полуприкрытые, потупленные глаза и едва заметная тихая улыбка. Лик Мироку выражает особую одухотворенную красоту, мечтательность и готовность помочь людям. Он в ожидании спуститься на землю и предстать совершеннейшим, чтобы избавить мир от страданий¹⁵. Сидящая фигура Мироку создана по канонам японской красоты и олицетворяет идеал гармонии – основополагающий принцип дальневосточного искусства. Данный иконографический вариант в деталях не похож на классический тип, у которого левая нога опущена в позу *ханка фумисагэ*. Местное изображение Мироку отличается и от китайского, в иконографии которого бодхисаттва предстает в виде благодушного лысого толстяка, свободно расположившегося на троне и одаривающего молящихся радостной улыбкой.

Каноническое изображение светлого царя Фудо мё, борющегося с неведением и злом, представляет собой динамичную, грозную фигуру. В руках у «устрашающего» божества меч и веревка, губа закусена в гневе. По степени открытости глаз он относится к типу Тэнтиган но Фудо мё: левый глаз открыт, правый наполовину закрыт. Завивающиеся волосы убраны в классическую для этого божества прическу *макигами* со спускающейся на левое плечо косичкой *бэмпацу*. С основной святыней храма Сёрюдзи Намикири Фудо мё (Светлый государь Фудо, Разрезающий волны) связана легенда: когда судно, на котором Кукай плыл из Китая, попало в шторм, явился Фудо мё, и все, находившиеся там, чудесным образом были спасены. Стоящая фигура Фудо мё экспрессивна и даже зловеща. Темную скульптуру контрастно украшают шесть золотых браслетов – на ногах, руках, и предплечьях. Традиционно в правой руке у него меч, в левой силки для спасения человеческого рода. Никакое земное зло не вызывает у Фудо мё страха, которому он противопоставит с непоколебимой силой. Божество возвышается на постаменте, напоминающем скалы *сиссудза*, в окружении расположенных справа и слева посланцев-спутников Конгара и Сэйтэка.

Известный индо-китайский персонаж Манджушри обрел почитателей и в Японии. Согласно преданию, императору Сёму (724–749) в сновидении явился бодхисаттва Мондзю (Манджушри). Поскольку обителью Мондзю была гора Годайсан (Утайшань) в Китае, император велел праведнику Гёки (668–749) найти подобную гору в Японии и за-

¹⁴ «Открытие» святыни *кайтё* может происходить раз в 60 лет (60-летний цикл), каждые 48 лет (в основном статуя Амиды) – количество обетов Амиды, каждые 33 года – число ипостасей Каннон, раз в 17 лет (приблизительно половина от 33) и пр.

¹⁵ Н. А. Виноградова. Скульптура Японии. М., 1981, с. 77–78.

ложить там храм. Это случилось в 724 г. Гёки вырезал для нового храма Тикуриндзи статую Мондзю. В Главном зале храма Мондзю, вознесенный на золотой львиный пьедестал¹⁶, запечатлен в позе созерцания, олицетворяет мысль и знания. Он в состоянии готовности всех обратиться в свою веру. Меч в его правой руке рассекает мрак неведения и отсекает заблуждения, а лотос в левой символизирует чистоту и стойкость (по канону в левой руке *кёкан* – свиток «Сутры Праджня-парамиты»). Мондзю освобождает от неверия и одаривает истинными знаниями. Из учеников Будды только у Мондзю есть меч. Среди японцев он почитается как божество мудрости – *тиэ но kami*. В народе в ходу поговорка «саннин ёрэба Мондзю но тиэ» («у Мондзю мудрости на троих»). Голову венчает золотая ажурная корона с ниспадающими лентами. В алтарной композиции Мондзю изображается вместе с Шакьямуни и бодхисаттвой Фугэн. Это классическая триада Сяка сандзон (Триада Шакьямуни) – единственная основная святыня на паломническом пути по Сикоку.

Только в храме Китидзёдзи почитается небесный царь (один из четырех – *ситэнно* (санскр. локапалы) и двенадцати – *дзюнитэн*), хранитель севера, Бисямонтэн (Вайшравана). Он же, по поверьям, пришедшим из Индии, мог озолотить того, кто ему поклоняется, раздает богатства из ступы *хото*, которую держит в левой руке. Бисямонтэн провозглашается как защитник святых мест, где проповедовал Будда. В отличие от будд всегда изображается с закрытым ртом, так как его дыхание несет «разрушение», восседает на троне в позе *ханка* – левая нога опущена, но правая не закинута на колено, а лежит на пьедестале, в воинских доспехах, в правой руке палица конгобо¹⁷. Бисямонтэн попирает двух демонов – Нирамба и Бирамба. Вместо классического для буддийских статуй ореола – колесо Закона. Обычно Бисямонтэн сверкает золотом, поскольку считается, что его тело излучает свет «тысячи солнц». Скульптура Бисямонтэн ярко раскрашена.

В нишах храмовых ворот, как правило, устанавливают скульптуры стражей Нио (санскр. дварапала), или Конго Рикиси (держачие ваджру), ярых охранителей буддийской веры¹⁸. Левый с открытым ртом, олицетворяющий первую букву санскритского алфавита «а», ориентирован на запад – Миссяку Конго (Гухяпада Ваджра), правый с сомкнутыми устами, представляющий последнюю букву «ум», направлен на восток. Это Нараэн Конго (Нараяна Ваджра). Индийские по происхождению они прижились на японской почве, став неотъемлемой частью

буддийской храмовой архитектуры. Изображенные в остро динамичных и даже устрашающих позах стражи врат напоминают брутальных персонажей мифологических времен. На их оголенных торсах может быть нагрудное украшение; низ задрапирован юбкой с развевающимся подолом. Ликом они свирепы, что резко отличает Нио от медитирующих божеств, молитвенно общаясь с которыми, верующие обретают покой и умиротворение. Сейчас Нио встречают паломников перед входом в «священную землю» буддизма, а изначально помещались непосредственно в самих храмах. На паломническом пути по Сикоку особенное впечатление производят стражи врат храмов Рёдзэндзи, Тайрюдзи и Иситэдзи.

В храмах острова Сикоку, находившегося в удалении от центров культурной жизни Японии (Нара, Киото, Камакура), за редким исключением, не представлены высокие образцы скульптурной пластики. Созданные в разные эпохи они не отличаются стилистическим единством. Тем не менее, несмотря на свое «провинциальное» происхождение эти скульптуры достойны изучения и обозрения. Некоторые из них связаны с именем Кукай, великого сына Японии, оставившего свой след в различных областях национальной культуры и формировании буддийского мировоззрения японцев. Разнообразие персонажей буддийского пантеона в храмах Сикоку отражало многоплановость взглядов японцев на роль божеств в их жизни, гармоническом строении окружающего мира. Воссозданный в храме образ Вселенной вызывал трепет перед ее необъятностью и красотой, оказывал эмоциональное воздействие. Наделенные состраданием и мудростью, буддийские божества помогали верующему выйти из круга иллюзий, преодолеть заблуждения и приближались к правде буддизма. Спокойным, уравновешенным, сосредоточенным на внутреннем мире изображениям будд противопоставлены выразительные, врывающиеся в пространство храма динамичные фигуры светлых богов, бодхисаттв, а также других рьяных охранителей Учения. От их эмоциональных фигур исходит заряд энергии. Дисгармония форм и поз не создает негативного ощущения, наоборот завораживает. Чрезмерность, порой переходящая в гротеск, сегодня трогает современного жителя высокотехнологичной страны, поражает откровенным проникновением в образ и свидетельствует о мастерстве скульпторов, творчески воспринявших буддийский канон, вобравший универсальные закономерности континентального искусства, обогатив его локальными художественными признаками.

¹⁶ Украшение монастыря на горе Утай и культовый объект – статуя Манджушри верхом на льве, которая отливалась шесть раз и разваливалась. В седьмой раз после просьб ваятеля Манджушри возник на золотом льве, и скульптура удалась.

¹⁷ Бисямонтэн часто изображается в позе «танца», при которой правая нога согнута в колене и высоко приподнята.

¹⁸ Изначально был один бог-охранитель Будды Шакьямуни по имени Сюконгодзин, который в соответствии с центрально-азиатской традицией изображался в военных доспехах.

М. В. Торопыгина

В период расцвета аристократической культуры (Хэйан, IX–XII вв.) в Японии сочинялось огромное количество стихотворений. Почти все они были *танка* – короткими песнями, т. е. состояли всего из 31 слога, метрически организованных строчками в 5+7+5+7+7 слогов. Лучшие стихотворения собирались в антологии. Именно их включение в антологию, желательно в «императорскую», создание которой было санкционировано высшей государственной властью, означало признание произведения. На постоянно проводившихся поэтических соревнованиях из пары стихотворений (по одному от каждой из двух участвующих команд) одно стихотворение признавалось победившим, второе – проигравшим. Многочисленные руководства по сочинению стихотворений и поэтологические трактаты давали практические советы, как написать стихотворение, которое победит на турнире и вырабатывали критерии, по которым можно стихотворения сравнивать, при этом необходимо было объяснить, почему одно произведение лучше или хуже другого. Таким образом, современники и потомки постоянно оценивали поэтические произведения.

В начале XIII в. известный поэт и литератор Камо-но Тёмэй (1154 – 1216) написал поэтологический трактат «Мумёсё» («Записки без названия»). Сочинение посвящено широкому кругу проблем, связанных со стихосложением. В то время знания в области поэзии («Путь поэзии» – термин, которым оперировали средневековые авторы) часто передавались от Учителя к ученику. Учителем Камо-но Тёмэй был поэт Сюнъэ (1113–?). В трактате Камо-но Тёмэй часто пишет о том, что сказал ему Учитель во время их бесед. В одной из таких бесед Сюнъэ дал такое сравнение: бывают хорошие стихотворения, они похожи на плотную ткань с рисунком, а бывают превосходные стихотворения, и тогда они подобны льющейся узорчатой ткани. Таким превосходным стихотворением, по мнению Сюнъэ, и является стихотворение «Бухта Акаси»¹ (название стихотворения условно, первоначально стихотворение не имело названия):

¹ Камо-но Тёмэй. Мумёсё (Записки без названия) // Каронсю. (Поэтическая теория) Ногакуронсю. (Сборник статей о театре Но) Токио, 1969, с. 88 // Нихон котэн бунгаку тайкэй, 65. (Серия Японская классическая литература, 65).

хонобоно то /
акаси-но ура-но /
асагири-ни /
симагакурэ юку /
фунэ-о си дзо омоу

В тумане утреннем вся бухта Акаси,
Которой свет зари едва, едва коснулся;
Не видно островов...
И думы все мои
О корабле, который не вернулся.

(Перевод А. Е. Глускиной)²

В этом стихотворении есть излюбленный прием средневекового сочинительства – *какэкотаба* – омонимическая метафора. Суть этого приема состоит в том, что одно слово употребляется в значении двух одинаково или сходно звучащих слов. В данном случае это слово – *акаси*. Оно выступает и как имя собственное – Акаси-но ура – бухта Акаси, и в своем нарицательном значении – светлый: *хонобоно то акаси* – еле-еле светлеет, чуть-чуть светает.

Употребление в стихотворениях *танка* топонима всегда влечет за собой целый ряд ассоциаций. Это, прежде всего, богатейший поэтический материал. Недаром часто встречающиеся в поэзии топонимы называются «знаменитыми местами» (*мэйсё*), к данной местности могут быть привязаны мифологические сюжеты, возможна ассоциация с художественной прозой.

Бухта Акаси находится во Внутреннем Японском море, на юго-западе острова Хонсю. Пролив Акаси отделяет остров Хонсю от острова Авадзи. Топоним Акаси встречается уже в «Нихон сёки» («Анналы Японии») – одном из самых ранних текстов японской словесности³. Первые поэтические ассоциации топонима Акаси (бухта Акаси и пролив Акаси) связаны с поэтической антологией «Манъёсю», топоним появляется в целом ряде стихотворений:

² Стихотворение «Бухта Акаси» многократно переводилось на русский язык. В данной статье кроме перевода, выполненного мной, я цитирую переводы замечательных российских переводчиков: А. Е. Глускиной, А. А. Долина, И. А. Борониной, И. Л. Львовой. «Бухта Акаси» – одно из стихотворений в переводе А. Е. Глускиной, на слова которых русским композитором М. М. Ипполитовым-Ивановым был сочинен вокальный цикл из пяти романсов для сопрано в сопровождении фортепиано (впервые издан в 1923 г.). Подробнее об этом см.: Э. В. Саблина. Россия и Япония – музыка и слово // Япония 2006. Ежегодник. М., 2006, с. 204–213.

³ В тексте за 646 г. говорится: «Внутренние провинции имеют границами: к востоку от реки Ёкокапа в Набари, к югу от горы Сэнояма в Кию, к западу от Кусипути в Акаси, к северу от горы Апусакаяма в Сасанами, что в Апуми» // Нихон сёки. (Анналы Японии). Перевод Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова, т.2, СПб, 1997, с.148.

254. Огней зажженных свет
В Акаси у пролива...
О день, когда войдет туда моя ладья!
В том плаванье мне суждена разлука,
Я не увижу мест, где дом стоит родной!
255. Дорогой долгою из дальнего селенья,
Далекого, как эти небеса,
Когда я плыл в тоске
Через пролив Акаси,
Страна Ямато показалась вдалеке!
326. Песня принца Кадобэ, сочиненная им во время пребывания в
Нанива при виде костров, зажженных рыбаками для приманки рыб.
Как яркие огни,
Что, вспыхнув, засверкали.
Передо мной в далекой бухте Акаси,
Любовь моя – к тебе!
Так, колосом созрев, наружу вышла.
941. Вот и бухта Акаси!
Отхлынул прилив на дороге,
Завтра, завтра
Наполнится радостью сердце:
Я все ближе и ближе к родному дому!
1229. Моя ладья,
Причалим к бухте Акаси,
Не удайся
На просторы моря:
На землю ночь уже сошла...
3608. Дорогой долгою из дальнего селенья,
Далекого, как эти небеса,
Когда я плыл в тоске
Через пролив Акаси,
Увидел я места, где дом стоит родной!
(Перевод А. Е. Глускиной)⁴

Таким образом, уже в стихотворениях «Манъёсю» появились важные составляющие образа Акаси: удаленность, лодка как символ расставания.

⁴ Стихотворения из «Манъёсю» цитируются по изданию Манъёсю, т. 1–3. Пер. А. Е. Глускиной. М., 1971–1972. Кроме данных стихотворений топоним Акаси встречается также в песнях-нагаута (388, 3627).

Звучит в этих произведениях и мотив света – отсветы костров, привлекающих рыбу.

Появление романа Мурасаки Сикибу «Гэндзи моногатари», в котором одна из глав называется «Акаси», прибавило новые ассоциации.

Ассоциативный ряд топонима «Акаси», включающий в себя стихотворение «Бухта Акаси» и «Гэндзи моногатари», представлен в «Непрошенной повести» («Товадзугатари», начало XIV в.) Нидзё:

«Утром, когда я проснулась, мимо проплывали суда, скрываясь в неведомой дали, как тот корабль, о котором сложена старинная песня:

“Я вослед кораблю,
что за островом в бухте Акаси
предрасветной порой
исчезает, туманом сокрытый,
устремляюсь нынче душою...”

Куда плывут они – кто знает?.. Вот оно, грустное очарование плаванья по морям...

Когда наше судно проплывало мимо бухты Акаси, мне показалось, что я впервые по-настоящему ощутила, что было на сердце у блистательного принца Гэндзи, когда, тоскуя о столице, он обращался в стихах к луне:

“Месяц, чалый скакун,
ты ночью осенней сквозь тучи
мчишь в далекий дворец,
чтобы там хоть на миг увидеть
милый лик, меня покоривший!...”

(Перевод И. Л. Львовой)⁵

Средневековые ценители поэзии ощущали в этом стихотворении прежде всего глубокие чувства. Нарисованный здесь пейзаж: раннее утро, чуть светлеет, туман, вдалеке острова, где-то за ними лодка, – заставляет думать и чувствовать не только лирического героя, но и человека, читающего эти стихи. Сцена окутана тайной: кто тот человек, что находится там, в лодке. Да и где сама лодка, она скрылась вдали, за островом... Такие песни средневековые поэты считали песнями «с избыточным чувством» (ёдзё), они зовут к сотворчеству и сопереживанию. За XII веков существования этого стихотворения в нем находили разные чувства: тоску по любимому или любимой; горечь человека, отправленного в изгнание; плач по умершему.

Неизвестный автор рассказа эпохи Муромати «Записки о Комати» увидел в этом стихотворении описание всего буддийского мироздания:

«Эта песня создана ради всех живых существ. Бухта Акаси – заблудшее человеческое сердце. Плечь, прячась за островами, – значит

⁵ Нидзё. Непрошенная повесть // Восточный альманах. Выпуск десятый. Солнце в зените. М., 1982, с. 445.

блуждать в трех мирах⁶. Думать о лодке – означает великое милосердие и великое сострадание будды»⁷.

Песня «Бухта Акаси» в «Кокин вакасю»

Когда было написано стихотворение «Бухта Акаси» – неизвестно. Оно впервые появилось в «Кокин вакасю» – «Собрании старых и новых японских песен» первой «императорской» антологии начала X в. В тексте антологии стихотворение помещено под номером 409.

Сквозь рассветный туман,
нависший над бухтой Акаси,
мчатся думы мои
вслед за той ладьей одинокой,
Что за островом исчезает...

(Перевод А. А. Долина)⁸

После стихотворения в антологии следует фраза: «Это стихотворение, как сказал один человек, написал Какиномото-но Хитомаро».

Главным составителем «Кокин вакасю» был известный литератор Ки-но Цураюки (868–946), он же написал к «Кокин вакасю» предисловие, которому суждено было стать главным поэтологическим текстом Японии. Без преувеличения можно сказать, что каждое слово этого текста нашло продолжение в последующей литературной традиции. В «Предисловии» Ки-но Цураюки приводит целый ряд имен поэтов, одного из них он определил как *ута-но хидзири* (поэтический святой). Этот поэт – Какиномото-но Хитомаро. А. Е. Глускина в своем переводе «Предисловия» подобрала этому *ута-но хидзири* великолепный русский эквивалент: «кудесник в сложении песен»⁹. Предисловие неоднократно переводилось на русский язык. Приведу интересующий отрывок в переводе И. А. Борониной:

«Плывущие осенним вечером в водах Тацута-реки багряные листья виделись властителю Нары парчою. А вишни, расцветшие весенним утром на Ёсино-горе, в сердце Хитомаро представлялись не иначе как облаками. И был еще человек по имени Ямабэ-но Акахито. Как никто, был он искусен в сложении песен. Трудно было поставить Хитомаро выше Акахито, и трудно было поставить Акахито ниже Хитомаро»¹⁰.

⁶ Три мира (*сандзэ*) – буддийское понятие, означающее прошедшее, настоящее и будущее.

⁷ Отоги-дзоси. (Нихон котэн бунгаку тайкэй – Большая серия японской классической литературы, т. 38). Токио, 1970, с. 86. Перевод рассказа «Записки о Комати» на русский язык см.: «Записки о Комати» – рассказ о поэтах и поэзии. // *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXII. История и культура традиционной Японии. М., Российский государственный гуманитарный университет, 2010, с. 131–167.

⁸ Кокинвакасю, т. 1–3, пер. А. А. Долина. М., 1995.

⁹ Собрание древних и новых песен Ямато. Предисловие. Перевод А. Е. Глускиной // *Н. И. Конрад*. Японская литература в образцах и очерках, т. 1. Ленинград, 1927, с. 94–99.

¹⁰ И. А. Боронина. Девять ступеней вака. Японские поэты об искусстве поэзии. М., 2006, с. 17–18.

Песня «Бухта Акаси» цитируется в предисловии как сочинение Хитомаро.

Рассвет...
В тумане утреннем
Акасской бухты
Плывет ладья, меж островами прячась, -
Ей вслед задумчиво смотрю...

(Перевод И. А. Борониной)

О Какиномото-но Хитомаро мало что известно. Сведения о нем относятся к концу VII – началу VIII в. В «Манъёсю» он представлен 19 длинными стихотворениями и 75 стихотворениями *танка*. Вероятно, он служил при дворе на скромных должностях, возможно, выполнял обязанности придворного поэта, в конце жизни был чиновником в провинции Ивами. Многие его стихотворения – переработанные народные песни. Приемам, унаследованным от народной поэзии, он придал законченную художественную форму, строго индивидуальный стиль. Для его поэзии характерен параллелизм, ритмические повторы. Стихотворение «Бухта Акаси» в «Манъёсю» не вошло.

Фудзивара-но Кинто дает песне «Бухта Акаси» высшую категорию

Годы жизни Фудзивара-но Кинто (966–1041) приходятся на время расцвета хэйанской культуры. Фудзивара-но Кинто родился в один год с Фудзивара-но Митинага (966–1027), веселым канцлером и любителем искусств. Именно в те годы, когда Митинага был у власти, созданы произведения японской литературы, до сих пор считающиеся непревзойденными. Среди них – роман «Гэндзи моногатари», «Макура-но соси» («Записки у изголовья») Сэй Сёнагон, дневник и стихи Идзumi Сикибу. Фудзивара-но Кинто был одним из самых влиятельных поэтов. Хотя считается, что он не имел политических амбиций, однако имел очень высокий (второй) придворный ранг и был известен как старший советник (*Сидзэ дайнагон*). Известный американский ученый Дональд Кин написал о Кинто, что он был поэтом «обожаемым современниками». Фудзивара-но Кинто упоминают в своих сочинениях и Мурасаки Сикибу, и Сэй Сёнагон. Уже в девятнадцатилетнем возрасте он участвовал в поэтических турнирах, а позже часто был судьей на таких турнирах. Кинто – составитель целого ряда антологий и автор двух поэтологических трактатов. Именно Фудзивара-но Кинто – создатель списка «36 бессмертных японской поэзии»: стихи 36 поэтов были помещены в составленном им сборнике «Собрание тридцати шести поэтов» («Сандзюрокунин сю»). В этом собрании Кинто применил не свойственный антологиям его времени авторский принцип расположения материала. Одним из самых известных сочинений Фудзивара-но Кинто считается трактат «Девять ступеней вака» («Вака кухон»).

Слово *кухон*, переведенное в данном названии как «девять ступеней», имеет ярко выраженные буддийские коннотации. Замечательный исследователь японской культуры Вильям ЛаФлёр в книге «Карма слов: Буддизм и литература в средневековой Японии» характеризует духовную атмосферу японского средневековья таким образом: «Я бы предположил, что мы сможем лучше всего разобраться в ворохе материалов этого периода, определив *средневековую* Японию, как эпоху, в которой основные интеллектуальные проблемы, наиболее авторитетные тексты и источники, а также основные символы были буддийскими. Это не значит, что кроме буддийских тогда не существовало других проблем, текстов и символов; дело лишь в том, что они представляли в тот период интеллектуальную гегемонию»¹¹.

Среди наиболее почитаемых в Японии будд на одном из первых мест стоит будда Амида. Амида (Амитабха) – властитель Западной чистой земли (страны «Вышей радости», рая), места, куда стремятся попасть люди. Учение о Чистой земле основано на «трех сутрах об Амитабхе» (Амида самбукё)¹². Во всех сутрах говорится о трех классах живых существ, которым суждено родиться в Чистой земле будды Амида. В «Сутре созерцания Будды Амитаюса» («Амидакё») каждый из этих трех классов разделен еще на три вида. Из этого и получается девять ступеней (*кухон*) живых существ, которым суждено родиться в раю. Именно такую девятичленную структуру оценки поэтических сочинений применяет в своей работе Фудзивара-но Кинто.

Стиль самых лучших, достойных наивысшей оценки песен Фудзивара-но Кинто определяют следующим образом: «Высшая ступень, высшая степень – это песни, в которых слово прекрасно и есть избыток чувства»¹³.

Два стихотворения помещены в эту высшую категорию. Первое стихотворение Мибу-но Тадаминэ из антологии «Сюивакасю»:

Не правда ли,
Пришла весна?
Увидел я утром:
В Миёсино горы
Подернуты дымкой...

(Перевод И. А. Борониной)

¹¹ У. ЛаФлёр. Карма слов: Буддизм и литература в средневековой Японии. Пер. А. Г. Фесюна. М., 2000, с.17.

¹² Сутры: «Рассказанная Буддой сутра Амитабхи (Малая Сукхавативьюха сутра)», «Проповеданная Буддой махаянская сутра величественного чистого, спокойного, ровного и равного просветления Будды Амитаюса (Большая Сукхавативьюха сутра)», «Сутра созерцания Будды Амитаюса». Перевод на русский язык // Избранные сутры китайского буддизма. Перевод с китайского Д. В. Поповцева, К. Ю. Солонина, Е. А. Торчинова. СПб, 1999, с. 73–292.

¹³ И. А. Боронина. Девять ступеней вака. Японские поэты об искусстве поэзии. М., «Наука», 2006, с. 59.

Второе стихотворение – «Бухта Акаси».

Так «Бухта Акаси» была признана песней «высшей пробы». Заметим, что авторы этих стихотворений в «Вака кухон» не называются.

Фудзивара-но Кинто включил «Бухту Акаси» в целый ряд составленных им антологий: «Кингёкусю» (1007г., «Собрание золота и драгоценностей»), «Дзэндзюгобан утаавасэ» (ок.1008г., «Прошлый поэтический турнир в пятнадцать раундов»), «Сандзюнинсэн» (ок. 1009 г., «Отобранные песни тридцати поэтов»), «Синсёхисё» (ок. 1012 г., «Секретные записи внутренних покоев»), «Вакан рёэйсю» (ок. 1012 г., «Собрание японских и китайских песен для декламации»)¹⁴.

Оно-но Такамура?

Сделанное в тексте «Кокин вакасю» замечание о том, что возможный автор стихотворения «Бухта Акаси» Какиномото-но Хитомаро, и цитирование этого стихотворения в «Предисловии» к антологии привело к тому, что автором стали считать Какиномото-но Хитомаро. Его авторство обозначено в ряде более поздних антологий, стихотворение также было включено в поэтическое собрание Какиномото-но Хитомаро, причем оно входит во все, хотя и значительно отличающиеся друг от друга, редакции этого сборника.

Однако есть и другой «претендент» на авторство. Это – Оно-но Такамура.

Оно-но Такамура (802–853) – ученый и поэт, писавший по-японски и по-китайски, знаток китайской литературы, искусный каллиграф. Когда-то его предок Оно-но Имоко возглавлял одно из первых японских посольств в Китай, а вот Оно-но Такамура отказался отправиться с посольством в Китай, сказавшись больным. За это он был отправлен в ссылку на семь лет.

В поэтических антологиях короткие стихотворения *танка* часто сопровождаются прозаическими пояснениями. Один из ранних жанров японской литературы – *ута-моногатари* – строится на том, что берется уже существующий в культуре поэтический текст и придумывается его «биография», обстоятельства появления стихотворения. Кроме произведений, отнесенных историками литературы к жанру *ута-моногатари*, по такому же принципу сочинялось много рассказов, входящих в сборники *сэцува*.

В сборнике *сэцува* XII в. «Кондзяку моногатари сю» («Собрание стародавних повестей») (24–45) песню «Бухта Акаси» сочиняет именно Оно-но Такамура. Рассказ очень короткий.

¹⁴ См.: Anne Commons. Hitomaro: poet as god. Leiden-Boston, «Brill», 2009.

«Рассказ о том, как Оно-но Такамура был отправлен в провинцию Оки и сочинял песни».

В стародавние времена жил человек по имени Оно-но Такамура.

Когда случилось одно дело¹⁵, и он был отправлен в провинцию Оки. Уже собираясь сесть на корабль и отплыть, он сочинил песню и послал своему знакомому, который жил в столице:

Скажи им,
О, рыбацья лодка,
Что я выброшен
На равнину широкого моря
Где бесчисленные острова.

Прибыв в место под названием «Акаси», он остановился там на ночлег. Был девятый месяц, на рассвете он не мог уснуть, увидел плывущую лодку, которая скрылась за островом, и растроганный, сочинил стих:

Едва-едва
Светлеет в бухте Светлой-Акаси
В тумане утреннем
Плывет, за островами прячась,
Лодка. Все думаю о ней.

Произнося этот стих, он плакал. Передают, что это рассказал сам Такамура, когда вернулся¹⁶.

Несмотря на то, что приведенная история приписывает авторство Оно-но Такамура, а значит, ставит вопрос о том, правда ли, что стихотворение принадлежит кисти Хитомаро, со временем его авторство не только было признано безоговорочным, но данный поэтический текст вошел в ритуал поклонения Хитомаро – поэту, ставшему богом.

Песня «Бухта Акаси» на портретах Какиномото-но Хитомаро

Никому не известно, как Какиномото Хитомаро выглядел. Наверное, из желания узнать это, и родилась легенда о том, как был создан первый портрет Какиномото-но Хитомаро.

Рассказ о первом портрете помещен в сборнике *сэцува*, составленном Татибана-но Нарисуэ, «Кокон тёмондзю» («Собрание старого и нового, известного и услышанного», 1254); (5-204). В нем, в частности, говорится:

«<...> Канэфуса Асон¹⁷, правитель Сануки, любил Поэзию и был огорчен тем, что не знает облика Хитомаро. Хитомаро явился ему во

¹⁵ Имеется в виду отказ отправиться с посольством в Китай.

¹⁶ Кондзяку моногатари сю (Собрание стародавних повестей). Токио, 1970, т. 4, с. 342–343. (Нихон котэн бунгаку тайкэй, 25).

¹⁷ Фудзивара-но Канэфуса (1001–1069) по происхождению мог рассчитывать на самую блестящую карьеру, однако таковой не добился, служил в основном в провинциях. Известен

сне и объявил: “По причине того, что вы восхищаетесь мной, я являю вам свой облик”. Поскольку Канэфуса не был силен в рисовании, следующим утром он призвал художника. Тот нарисовал так, как ему было объяснено, и оказалось, что изображение не отличается от того, какое было явлено во сне. Обрадованный этим, Канэфуса стал это изображение почитать. Ушедший с престола император Сиракава, тоже почитая Путь поэзии, попросил отдать ему это изображение, оно хранилось в сокровищнице Сёкомёин. Его превосходительство Акисуэ, глава Ремонтного бюро, будучи близким к господину человеком, просил портрет, но не получил высочайшего разрешения, однако он упорно повторял свою просьбу, и в конце концов ему позволили снять копию»¹⁸.

Дальше события с портретом развивались таким образом: подлинник сгорел, и тот портрет, которым обладал Акисуэ, оказался самым старым портретом Хитомаро.

Фудзивара-но Акисуэ (1055–1123) сделал блестящую карьеру. Он занимал посты правителя нескольких провинций, дослужился до третьего придворного ранга. Построенная им усадьба располагалась на Шестой улице (Рокудзё), поэтому его знают как Рокудзё-но Акисуэ, он основал поэтическую школу, которая носит название Рокудзё. Эта поэтическая школа известна своей консервативностью и в дальнейшем оппозиционностью к школе Микохидари, представителем которой был знаменитый Фудзивара-но Сюдзэй (Тосинари, 1114–1204)¹⁹.

Поэтическая активность Акисуэ была довольно велика, он участвовал в целом ряде придворных поэтических турниров, известен и поэтический турнир в его доме в 1109 году – «Поэтический турнир в доме господина Акисуэ» («Акисуэ Кё-но из-но утаавасэ»). Акисуэ был одним из лучших знатоков «Манъёсю». Ки-но Цураюки в Предисловии к «Кокинвакасю» назвал Какиномото-но Хитомаро «бессмертным», Акисуэ способствовал его превращению в божество поэзии (*мёджин*).

В 1118 г. в резиденции Фудзивара-но Акисуэ на Шестой линии была устроена первая церемония – подношение даров изображению Какиномото-но Хитомаро (*эйгу*).

Описание этой первой церемонии оставил ее участник Фудзивара-но Ацумити (1063–1144) в «Какиномото эйгу ки» («Записи о подношении Какиномото») ²⁰. Вариант описания этого события находим в рассказе из сборника «Кокон тёмондзю» (5-178), История озаглавлена: «О

как поэт. 15 его стихотворений помещены в императорские антологии, устраивал поэтические собрания и турниры. В истории поэзии знаменит, прежде всего своим сном, в котором увидел Хитомаро.

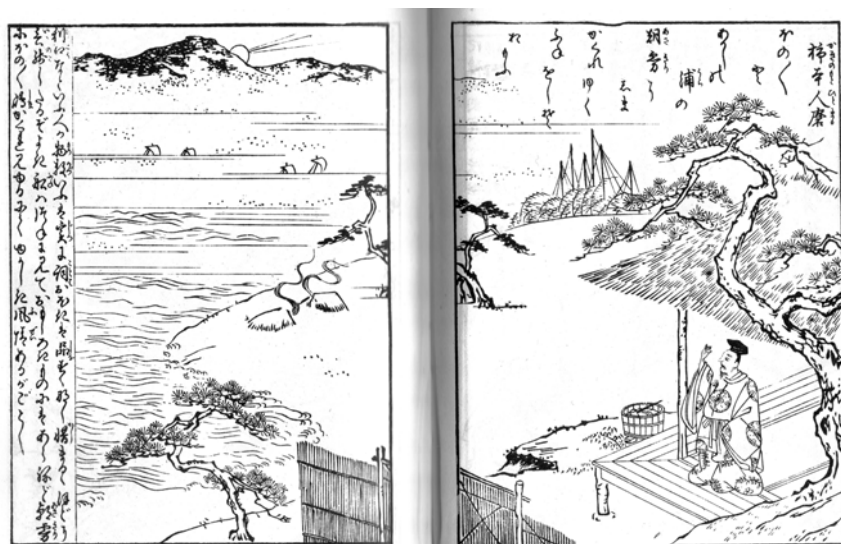
¹⁸ Кокон тёмондзю. Токио, 1969, с. 181–182. (Нихон котэн бунгаку тайкэй, 84).

¹⁹ См.: Т. И. Бреславец. Горный приют. Творчество Фудзивара Сюдзэй. Владивосток, 2010.

²⁰ Перевод на английский язык см. в книге Anne Commons. Hitomaro: poet as god. Leiden-Boston: Brill, 2009.

том, как глава Ремонтного бюро Акисуэ провел церемонию подношения Хитомаро». Текст «Кокон тёмондзю» в первую очередь описывает портрет Хитомаро, собственно объект поклонения. На портрете, описанном в «Кокон тёмондзю», Хитомаро изображен, держащим лист бумаги в левой руке и кисть в правой. Над изображением – текст, который состоит из Предисловия (на китайском языке), китайского стихотворения (собственно славословия) из 16 строк в 4 знака и стихотворения «Бухта Акаси»²¹.

В японском изобразительном искусстве поэты представлены многочисленными изображениями. Чаще всего рисовали 36 гениев поэзии. Изображение поэта во многих случаях сопровождается текстом одного или нескольких его стихотворений – самых знаменитых, самых лучших. На портретах Какиномото-но Хитомаро чаще всего можно прочесть знаменитую песню «Бухта Акаси».

Стихотворение «Бухта Акаси» в книге «Эхон ханакадзура» 1764 г. Художник Судзуки Харунобу. Комментарий Токусоси. Издатель Ямадзаки Кимбэй

«Дзинкайсю» – законодательное уложение Датэ Танэмунэ (1536г.)

С. А. Полхов

Установления о кураката

В данной публикации впервые представлен перевод со средневекового японского языка на русский самого большого законодательного свода периода «воюющих провинций» (Сэнгоку дзидай – 1467–1590 гг.) – «Дзинкайсю» (塵芥集)¹. «Дзинкайсю» (далее «Д») – исключительно ценный источник, содержащий уникальные данные по социальной и политической истории Японии XVI-го столетия. В статье также переведен небольшой сборник законов «Кураката-но окитэ» (дословно «Установления о кураката»), утвержденный в 1533г., на три года раньше «Д». Он состоит из 13 статей, устанавливавших правила работы *кураката* (владельцев ростовщических контор и ломбардов). Этот правовой памятник, не избежавший влияния законов сёгуната Асикага, дошел до нашего времени как приложение к одному из списков «Д».

Уложение «Дзинкайсю» было создано в 1536г. по приказу даймё Датэ Танэмунэ (伊達植宗), княжество которого занимало обширные территории северных земель Муцу и Дэва. Время создания свода приходится на период упадка сёгуната Асикага, когда военное правительство

¹ Ранее этот юридический памятник переводился на немецкий язык (Wilhelm Rohl. Jinkaishu // Ein Beitrag zum mittelalterlichen japanischen Recht. Tokyo. 1960). Автор статьи не смог ознакомиться с этим переводом, поскольку соответствующий труд немецкого историка, исследовавшего кодекс, отсутствует как в российских библиотеках, так и в свободном доступе в сети Интернет. Обстоятельная критика исследования и перевода В.Рёля см. в *Кобаяси Хироси. Датэ-кэ Дзинкайсю-но кэнкю* (Исследование «Дзинкайсю» дома Датэ). Токио. 1970, с.377–396. Перевод В.Рёля основан на тексте «Д», опубликованном в работе *Кумадзаки Ватару. Сэнгоку дзидай-но букэ хосэй* (Правовая система военных домов периода Сэнгоку) Токио. 1944. Между тем эта версия «Д» воспроизводила лишь один из списков свода, опубликованного в собрании источников «Кайтэй сисэки сюран». В этом списке обнаруживается немало лагун и ошибок, что не могло не сказаться на адекватности интерпретации текста немецким ученым. (*Кобаяси Хироси. Датэ-кэ Дзинкайсю-но кэнкю...*, с.395).

Кроме того, для меня, к сожалению, оказалась недоступной докторская диссертация Дж. Канда на английском языке, в которой анализируется «Дзинкайсю» (*Kanda James. Japanese Feudal Society in the Sixteenth Century as Seen Through the Jinkaishu and Other Legal Codes. Ph.D. dissertation, Departments of History and East Asian Languages, Harvard University, 1974*).

²¹ Кокон тёмондзю. Токио, 1969, с. 162–163.

(бакуфу) лишилось каких-либо серьезных рычагов контроля над периферией. «Дзинкайсю» дает в распоряжение исследователя неоценимый материал для изучения княжеств фактически независимых от сёгуна правителей эпохи *Сэнгоку* (*сэнгоку даймё*), возникших в обстановке политической децентрализации.

На севере Японии в провинциях Муцу и Дэва *сэнгоку даймё* происходили не из военных наместников сёгуна (*сюго*) или их заместителей (*сюгодай*), а из местных могущественных землевладельцев, занимавших посты *дзито* еще со времен Камакурского сёгуната². Даймё Датэ возводили свой род к одной из ветвей знаменитого клана Фудзивара. Принадлежавший к ней воин из провинции Хитати по имени Томомунэ получил в награду от Минамото Ёритомо за участие в 1189 г. в походе против «северных Фудзивара» пост *дзито* в уезде Датэ провинции Муцу, отчего он сам и его потомки стали прозываться Датэ. Уже в начале XV в. род Датэ контролировал обширные области в Муцу и Дэва³. Датэ оказали поддержку сёгунам Асикага во время их конфликта с камакурским наместником (*Камакура кубо*⁴).

В условиях ослабления центральной власти после междоусобной войны годов Онин-Буммэй (1467–1477) дом Датэ сумел удержать свои позиции и расширить владения. Танэмунэ, 14-й представитель рода Датэ (1488–1565), превратился в одного из наиболее могущественных властителей северной Японии.

По рекомендации Асикага бакуфу Танэмунэ в 1517 г. получил от императорского двора младший четвертый ранг нижней ступени и титул *сакёнодайбу* (городского головы левой половины столицы). В 1522 г. сёгунат пожаловал ему никогда ранее не существовавшую должность *сюго* провинции Муцу, фактически признав первенствующее положение Танэмунэ среди властителей северных областей Японии. Позднее его наследник Харумунэ (1519 – 1577) добился от сёгуна назначения на пост *Осю тандай*, наместника центрального правительства в Муцу. Эта должность с XV в. была наследственным достоянием клана Оосаки и ее переход под контроль дома Датэ повысил его политический авторитет в глазах воинов севера Японии.

Датэ Танэмунэ проводил активную внешнюю политику. Он заключил альянсы и породнился со многими соседними военными домами, выдав своих дочерей за представителей кланов Сома, Оосаки, Тамура, Касаи и др. Принятие в 1536 г. законодательного свода «Дзинкайсю»

было одним из звеньев его политики, нацеленной на укрепление контроля над своими владениями, формирования податной системы и ограничения самостоятельности вассалов. Так, в 1535 г. в княжестве Датэ был составлен «*Мунэяку никки*» – налоговый список, в котором фиксировался объем налогов *мунабэцусэн* (с каждого двора), уплачивавшихся различными областями княжества. В 1538 г. появился налоговый реестр «*Тансэн котё*», в котором указывались размеры *тансэн* – подати, платившейся с заливных полей деревнями княжества даймё.

В 1542 г. началась междоусобная борьба между Танэмунэ и его наследником Харумунэ (*Уцуро-но ран* – «смута в клане» или *Тэмбун-но ран* – смута годов Тэмбун). Харумунэ приказал задержать отца и заточил его в замке Нисияма (уезд Датэ, провинция Муцу). Вассалы Датэ разделились на два враждующих лагеря, один из которых поддерживал отца, а другой сына. Продолжавшаяся шесть лет смута завершилась поражением Танэмунэ. В 1548 г. Танэмунэ и Харумунэ при посредничестве сёгуна Асикага Ёсихару примирились. Танэмунэ после этого отрекся от власти и принял монашеский постриг⁵.

Поводом к началу смуты стало намерение Танэмунэ отправить одного из своих сыновей Санэтомо в землю Этиго⁶. Санэтомо был усыновлен Уэсуги Садазанэ, правителем Этиго и должен был стать его наследником. Однако этому плану воспротивился старший сын Харумунэ и часть вассалов дома Датэ⁷. Таким образом, на первый взгляд предпосылки *Уцуро-но ран* кроются в противоречиях между разными группировками вассалов, поддерживавших Танэмунэ или Харумунэ. Однако японские историки справедливо считают, что более глубокой причиной этой распри было недовольство вассалов мерами Танэмунэ, направленными на усиление власти даймё, ростом податного гнета и объема воинской повинности в связи с его активной внешней политикой. Смуту можно считать реакцией, в том числе, и на принятие кодекса «Дзинкайсю», с помощью которого Танэмунэ стремился укрепить и расширить свои судебные-административные прерогативы⁸.

Своего расцвета дом Датэ достиг при правнучке Танэмунэ Масамунэ (1567 – 1636), который контролировал районы, соответствующие современной территории префектуры Фукусима, уезда Окитама префектуры Ямагата, префектуры Мияги и южной части префектуры Иватэ. В 1590 г. Масамунэ по призыву Тоётоми Хидэёси прибыл с войском для участия в осаде Одавара, главного замка княжества Гоходзё, и изъясил

² Кобаяси Сэйдзи. Оу-ни окэру сэнгоку даймё-но сэйрицу то тэнкай. Ромбун найё-но ёси (Становление и развитие власти сэнгоку даймё в Муцу и Дэва. Тезисы докторской диссертации). 1972, с. 133.

³ Сэнгоку даймё дзиммэй дзитэн (Словарь имен сэнгоку даймё). Под ред. Абэ Такэси, Нисимура Кэйко. Токио. 2006, с. 495.

⁴ Пост Камакура кубо, который от имени бакуфу управлял Восточной Японией, занимали представители рода Асикага.

⁵ Кобаяси Сэйдзи, Ямада Акира. Фукусима-кэн-но рэкиси (История префектуры Фукусима). Токио. 1981, с. 87–88.

⁶ В основном соответствует территории современной префектуры Ниигата.

⁷ Кобаяси Сэйдзи, Ямада Акира. Указ. соч., с. 88.

⁸ Кобаяси Хироси. Указ. соч., с. 89. Дополнительными факторами, повлиявшими на смуту, стали конфликты между *дзито* относительно земельных владений, а также противоречия внутри военных домов, связанные с переходом к системе единонаследия, указывал Кобаяси Хироси.

покорность объединителю Японии. В том же году Хидэёси конфисковал часть владений Масамунэ. В 1591 г. правитель Японии снова отнял у него часть княжества, предоставив взамен другие земли. После смерти Хидэёси Масамунэ сблизился с Токугава Иэясу, выдав за его сына Тада-тэру свою старшую дочь, и стал союзником создателя нового сёгуната. После победы Иэясу над противниками Масамунэ стал основателем княжества Сэндай с годовым доходом в 620 тыс. коку риса, которое просуществовало до конца эпохи Эдо⁹.

В настоящее время точно неизвестны изначальные названия многих законодательных кодексов периода «воюющих провинций». В историографии используются их условные наименования. В этом смысле «Дзинкайсё» – исключение, достоверно известно, что это подлинное название свода, которое, как отмечают японские ученые, полисеманлично. Еще Такигава Масадзиро писал, что слово «*дзинкай*» – сор, мусор, – входящее в название кодекса, передает включение в его текст разных тем и вопросов, которых столько в уложении, сколько на свете есть разных соринков¹⁰.

Кобаяси Хироси полагал, что слово «*дзинкай*» в данном случае имеет и другие значения: «пустяковый», «незначительный», «грязь»¹¹. По его мнению, с которым трудно не согласиться, в наименовании уложения можно усмотреть отражение культурных связей дома Датэ с императорским двором и аристократией Киото. Слово «*дзинкай*» входит в названия поэтических сборников эпохи Муромати, тем самым название свода носит «литературный» характер¹². Подобные аллюзии не кажутся случайными, учитывая популярность столичной элитарной культуры и образа жизни *кугэ* среди провинциальных воинов в период «воюющих провинций». Японский историк пришел к выводу, что «Дзинкайсё» содержит два основных смысла: 1) обширное собрание коротких, отрывочных положений, сведенное в один кодекс; 2) свод законов, составленный одним из провинциальных даймё (в названии проявляется оттенок самоуничижения)¹³. Исходя из этого, «Дзинкайсё» можно перевести на русский язык как «Собрание множества соринков».

Подлинник «Дзинкайсё» не сохранился. Всего до нашего времени дошло три главные редакции уложения, представленные разными списками и датирующиеся эпохой Токугава. Перевод, осуществленный в данной статье, сделан по публикации текста «Дзинкайсё» в авторитетном издании законодательных уложений военных домов японского

«средневековья»¹⁴. В основу этой публикации был положен наиболее полный и хорошо сохранившийся список уложения – список Мурата Тикасигэ (*Мурата-бон*) из 171 статьи, сличенный с другими уцелевшими списками¹⁵.

«Дзинкайсё» написан смешанным письмом – иероглифами и каной (*канамадзирibun*), состоит из короткой преамбулы, основной части, в конце которой стоит имя, титул Датэ Танэмунэ («*сакёнодайбу* Танэмунэ») и скопирована его монограмма. Затем следует клятвенная присяга вассалов и служилых людей, составлявших высший совет при даймё (*хёдзёсю*), после которой поставлены их имена (некоторые подписаны их монограммами).

Именно вассалы, входившие в этот совет, судя по фразам из клятвенной присяги, составили по приказу князя текст «Д». Иными сведениями о создании свода историки не располагают. Некоторые из подписавших «Д» вассалов также ранее утвердили законодательный сборник «Кураката-но окитэ», их можно отнести к высшей группе политической элиты княжества Датэ, ответственной за разработку законов, принятие ключевых военных, политических, административных решений, судебные дела.

Еще видный специалист по истории японского права Миура Хи-роюки справедливо обращал внимание на композиционное сходство «Д» и законодательного кодекса «Госэйбай сикимоку» («ГС», 1232г.)¹⁶. Некоторые статьи, преамбула и часть клятвенной присяги «Дзинкайсё» перекликаются с соответствующими статьями и разделами «ГС», но вместо его стиля камбун использовано письмо *канамадзирibun*.

Это, однако, не позволяет говорить о вторичном характере «Д» по отношению к «ГС». Уложение Датэ более чем в три раза превосходит «ГС» по числу статей: 171 ст. против 51 ст. Лишь пять статей «Д» повторяют не только смысл, но и близко следуют тексту пяти статей

¹⁴ Дзинкайсё // Тюсэй хосэй сирёсю. Букэ кахо (Собрание материалов по средневековому законодательству. Военные дома). Т. 3. Под ред. *Сато Синъити, Икэути Ёсисукэ, Момосэ Кэсао*. Токио. 2001, с. 135–194. Кроме того использована еще одна публикация текста уложения с комментариями известного японского историка *Кацумата Сидзю* – Дзинкайсё // Тюсэй сэйдзи сякай сисо (Социально-политическая идеология средневековья). Т. 1. Издание подготовили *Исии Сусуму, Исимода Сё, Касамацу Хироси, Кацумата Сидзю, Сато Синъити*. Токио. 2001, с. 209–244.

¹⁵ Список «Мурата-бон» хранится в музее города Сэндай (префектура Мияги). Назван по имени вассального клана даймё Датэ. Мурата были потомственными вассалами Датэ, их вотчины и поместья находились в провинции Муцу. Когда в клане Мурата не осталось наследников мужского пола, Датэ Танэмунэ сделал главой клана своего девятого сына Мунэфую. В 1748 г. Мурата Тикасигэ преподнес свой список «Дзинкайсё» в дар дому Датэ // Тюсэй хосэй сирёсю..., с. 429, 430. Сопоставление и анализ разных списков «Дзинкайсё» см. Там же..., с. 424–436.

¹⁶ *Миура Хиroyuki*. Хосэйси-но кэнкю (Исследование истории правовой системы). Токио, 1925, с. 167.

⁹ *Кобаяси Сэйдзи*. Датэ Масамунэ // Сэкай дайхякка дзитэн (Большая всемирная энциклопедия). Под ред. Сюити Като. Хэйбонса, 2007. Электронное издание.

¹⁰ *Такигава Масадзиро*. Нихон хосэй-си (История японской правовой системы). Токио, 1937, с. 369.

¹¹ *Кобаяси Хироси*. Указ. соч., с. 16.

¹² Там же, с. 32, 33.

¹³ Там же, с. 35.

«ГС» (ст. 25 «Д» – ст. 10 «ГС», ст. 75 «Д» – ст. 33 «ГС», ст. 121 «Д» – ст. 36 «ГС», ст. 134 «Д» – ст. 15 «ГС», ст. 143 «Д» – ст. 41 «ГС»).

Композиционное сходство «Дзинкайсю» и «ГС» основано на том, что первые статьи обоих кодексов посвящены синтоистским святилищам и буддийским храмам: ст. 1 и 2 «ГС» частично воспроизводятся в ст. 1, 2, 3, 8 «Д». Кроме того, краткая вводная часть «Дзинкайсю» повторяет аналогичную преамбулу к одному из сохранившихся списков «ГС». Часть клятвенной присяги после основного текста «Д» воспроизводит присягу из «ГС».

Наконец минимальное соответствие можно обнаружить между ст. 57 «Д» и ст. 17 «ГС», ст. 106 «Д» и ст. 19 «ГС», ст. 124 «Д» и ст. 22 «ГС»: заимствованы только отдельные фразы. Ст. 169 «Д», тема которой совпадает со ст. 121, передает смысл ст. 36 «ГС». В ст. 40 «Д» ощущается влияние ст. 13 «ГС» (общая тема – избиение человека и полагающиеся наказания). Однако в статье свода Датэ содержится новое важное положение о запрете мести обидчикам, нанесящим побои, за нарушение которого полагается такое же наказание, как и за избиение. В статьях 123 и 135 также встречаем влияние ст. 8 «ГС»: устанавливается срок давности в 21 год, который действует в отношении споров о границах владений и об унаследованных родовых землях. Между тем в ст. 8 «ГС» был установлен срок давности в 20 лет относительно тяжб о земельных владениях. По его прошествии любые претензии на земельную собственность отклонялись.

Таким образом, создатели «Д» не только хорошо знали содержание камакурского кодекса, но и заимствовали некоторые его статьи. Однако лишь пять статей были взяты оттуда в почти неизменном виде, еще 11 статей «Д» содержат отдельные фразы из положений «ГС», либо по своей теме с ними перекликаются, но имеют иной смысл. Поэтому утверждения о полном или сколько-нибудь значительном копировании «ГС» применительно к уложению Датэ некорректны. Прямых ссылок на «ГС» в тексте «Дзинкайсю» нет. Создатели «Д» отобрали по своему усмотрению те положения «ГС», которые признали актуальными для своего времени. Возможно, подражание композиции «ГС» свидетельствует о том, что вассалы Танэмунэ рассматривали камакурский свод как некий эталон законотворчества и в то же время стремились придать «Дзинкайсю» в княжестве Датэ такой же нормативный авторитет верховного закона, каким обладал в период Камакура «ГС».

Кроме того, Кацумата Сидзуо обнаружил следы влияния и отдельных правовых актов военных правительств Камакура и Муромати в тексте «Д» (ст. 78, 164)¹⁷.

В целом, несмотря на отдельные заимствования из права Камакура и Муромати бакуфу, «Д» носит вполне самобытный характер, вобрав в

себя правовые традиции дома Датэ и новые законы, введенные Танэмунэ, а также нормы обычного права провинций Муцу и Дэва.

Положения «Д» можно распределить по следующим рубрикам. Первые 15 статей посвящены синтоистским святилищам и буддийским храмам. Но едва ли не главной темой «Д» можно считать уголовное правосудие. Множество положений кодекса устанавливают основные типы тяжких (уголовных) преступлений, нормы, касающиеся розыска, ареста, допроса, осуждения и наказания преступников (ст. 16–26, 28–46, 49–66, 70, 71, 73–75, 132, 134, 151–155, 158–161, 170, 171). К серьезным правонарушениям в «Д» также причисляется бегство от своих господ зависимых и несвободных слуг и холопов. Эта проблема, а также улаживание конфликтов вокруг права собственности на холопов и рабов, затрагиваются в ст. 27, 47, 48, 67–69, 72, 141–144, 146–150. Другие темы уложения Датэ: урегулирование земельных споров, заклад и продажа земельных владений (ст. 92–103, 105–109, 121–123, 169); порядок пользования водными ресурсами (ст. 84–91); дороги и мосты (ст. 136–138); обязательственное право (ст. 110–120, 127–131, кроме заклада земли); семейно-брачные отношения (ст. 145, 162–167); наследственное право (ст. 104, 124, 135); отношения вассалов-землевладельцев (*дзито*) Датэ и простолюдинов (крестьян, ст. 76–83, 140); вассальные связи (ст. 133, 139, 168); ремесленники, зависимые от даймё (ст. 125, 126); потравы урожая чужим скотом (ст. 156); убий собак для корма соколов (ст. 157).

Необходимо учитывать, что любая классификация статей уложения Датэ затрудняется тем, что многие из них одновременно поднимают несколько проблем. Так, тема ст. 6 касается как положения синтоистских святилищ, так и земельных сделок, так как запрещает куплю-продажу вотчин, дарованных святилищам. Ст. 103 можно отнести и к группе статей, посвященных вассальным связям, и к статьям, регулирующим земельные отношения, поскольку она не позволяет господину служилого человека притязать на купленное последним владение, если даймё напрямую жаловал слуге свою грамоту, утверждающую законность сделки.

Как и во многих других правовых памятниках докапиталистических обществ, в «Д» нет разделения правовых норм на гражданские и уголовные. Можно было бы условно разделить правонарушения свода на тяжкие и сравнительно легкие. К первым относились убийство, воровство, поджог, разбой, укрывательство преступника, бегство холопа, уход крестьянина от *дзито* без уплаты *нэнгу* («годового оброка») и исполнения положенных повинностей, принятие в услужение беглого холопа или слуги, похищение человека и его продажа в рабство, самосуд, азартные игры, участие в вооруженной стычке, побои, проникновение в чужую усадьбу (без ведома хозяина), подделку документов, ложь посланца и др. Разумеется, шкала тяжести различных преступлений, существующая в современном праве, не соответствует градации свода Датэ.

¹⁷ Дзинкайсю // Тюсэй сэйдзи сякай сисо..., с. 223, 237.

Так, тягчайшим преступлением объявлялась супружеская измена, за которую муж вправе убить и свою жену и ее любовника (ст.162). Серьезным правонарушением считалось разрушение дороги, если через нее проложили тропинку (путь напрямик): самурай за это отстранялся от службы даймё, а представители других сословий подвергались изгнанию из княжества (ст.158).

В «Д», как и в других кодексах периода *Сэнгоку*, не устанавливается определенных наказаний за большинство преступлений. Четко обозначенное наказание в статьях свода – не правило, а исключение. В конце статьи обычно содержится словосочетание «должен быть наказан»¹⁸ / «виновен», без уточнения типа наказания. Даже за воровство, которое рассматривалось как тяжкое преступление, нет четко установленного наказания. Между тем к воровству приравнивались многие другие правонарушения.

В большинстве статей «Д» не прослеживается дифференцированный на основе социального статуса подход к правонарушителям: только в четырех случаях (ст.40, 134, 158, 159) предусматриваются различные наказания в зависимости от сословно-классовой принадлежности правонарушителя за сходные преступления. За нанесение побоев (ст. 40), за подделку документов (ст. 158) и за ложь гонца (ст. 159) самурай наказывался конфискацией владений, если у него не было земель, изгонялся из княжества. В ст. 40 простолюдины (*дзигэ-но моно*) не упомянуты. За подделку документов по ст. 134 простолюдину выжигали клеймо на лице. По ст. 159 за ложь гонца «остальные» (не самураи по статусу) подлежали наказанию своего господина, которое не определялось в статье. За разрушение дороги самурай отстранялся от службы даймё, а «иные» (видимо простолюдины) изгонялись из удела Датэ (ст. 158).

Что касается тягчайших преступлений, которые фигурируют в своде, таких как воровство, разбой, убийство, участие в вооруженной ссоре и т. п., то никаких сословных различий относительно наказания за них не вводилось. Вместе с тем были преступления, связанные с неисполнением сословных обязанностей, они по определению могли быть совершены только определенными категориями населения княжества Датэ. Так «сословным» правонарушением был самовольный уход простолюдина (крестьянина) от господина (ст. 77, 80, 140), неуплата крестьянином годового оброка и неисполнение повинностей (ст. 76, 78), утаивание крестьянами от *дзито* земель (ст. 81). «Сословным» преступлением несвободных и холопов было их бегство от хозяина и продажа себя в услужение новому господину (ст. 27, 47, 48, 67–69, 72 и др.).

¹⁸ *Хосокава Камэити* полагал, что под словом сэйбай (наказание) в «Д» подразумевался какой-то вид смертной казни, не приводя, однако, аргументов в пользу своей точки зрения (*Хосокава Камэити*. Нихон-хо-но сэйдо то сэйсин (Система и дух японского права). Токио. 1944, с. 187).

Социальная стратификация в «Дзинкайсё» выглядит следующим образом: 1) *дзито* (землевладельцы-вассалы даймё); 2) княжеские должностные лица и слуги (часть их происходила из тех же *дзито*); 3) священнослужители буддийских храмов и синтоистских святилищ; 4) простолюдины (*дзигэнин*, *дзигэ-но моно*, под которыми в своде в основном подразумеваются крестьяне – *хякусё*¹⁹, а также, по-видимому, ремесленники и некоторые другие группы); 5) различные категории лично зависимых и холопов (*наго*, *гэнин*). Над всеми социальными группами возвышался князь Датэ, который в кодексе именуется *сюго* (военным наместником сёгуна) (ст. 9, 10, 78, 127, 131).

Сословные привилегии *дзито* состояли в их праве взимать с крестьян ренту и требовать повинностей, лишать крестьян хозяйства и земли за неуплату оброка и невыполнение повинностей, за утаивание земли (ст. 76, 81). *Дзито* обладали и судебной властью: в их исключительном ведении находилось разрешение споров между крестьянами по поводу владения земельными участками (ст. 83). Вместе с тем четкий перечень обязанностей *дзито* по отношению к даймё в «Д» отсутствует. Нет статей, устанавливающих порядок и правила несения военной службы, наделения их «ленами» и т. д. Почти нет данных о вассальной иерархии княжества. Примечательно, что *дзито* нигде не называются самураями. Само слово *самурай* в «Д» упоминается лишь четырежды, гораздо реже, чем *дзито*. Вполне вероятно, что *дзито* причислялись к самураям. Но самураи, согласно «Д», могли и не иметь земельных владений, тогда как *дзито* по определению владели землей, господствуя над крестьянскими общинами. Неясно подразумевался ли в «Д» под самураями весь внутренне неоднородный военно-служилый класс или только некоторая его часть, имеющая в качестве привилегии смягчение наказаний по очень узкому кругу преступлений.

Княжеские администраторы, слуги, эмиссары (*сосэйбай*, *дайкан*, *сюгоцукан*) могут быть объединены с *дзито* в одну социальную прослойку, поскольку они владели вотчинами и поместьями, где трудились крестьяне, уплачивавшие им ренту. В то же время они отличались от остальных вассалов степенью близости к даймё, причастностью к отправлению княжеского («государственного») правосудия, выполнением административных и налоговых функций в политической системе княжества.

Крестьяне – хозяева *дзайкэ* (заливных, сухоходльных полей и усадьб)²⁰, были обязаны платить ренту *дзито*, а также подати даймё, им

¹⁹ В ст. 78 слова *хякусё* (крестьянин) и *дзигэнин* (простолюдин) используются как взаимозаменяемые.

²⁰ *Дзайкэ* – 在家. *Кобаяси Сэйдзи*. Сэнгоку-ки ни окэру дзайкэ-но хисюсю кэйтай (Формы эксплуатации дзайкэ в период Сэнгоку) // Нихон тосэй-но сэйдзи то бунка. Тоёда Такэси хакасэ коки кинэн. Токио. 1980, с. 498. В грамотах Датэ Танэмунэ, подтверждавших права

могли принадлежать холопы и зависимые люди. Они обладали «законными правами» на свои хозяйства²¹ и имели документы, подтверждающие их право владения (ст. 76). Собственник *дзайкэ* взимал особый тип ренты (*кадзиси токубун*) с обрабатывавших его земли зависимых людей и арендаторов²². Эти особенности социально-экономического статуса крестьянина (*хякусё*) в княжестве Датэ не позволяют считать его крепостным, а скорее делают возможным его причисление к мелким землевладельцам.

В то же время как тяжкое, приравнивавшееся к краже, преступление рассматривался уход крестьянина от *дзито* без уплаты годового оброка и исполнения иных повинностей (ст. 77). В «Д» в сравнении с другими законодательными кодексами эпохи «воюющих провинций» четко зафиксирована личная зависимость крестьян от землевладельца, от которого они не вольны уйти без его дозволения (ст. 80, 140). Беглых крестьян предписывается возвращать на прежнее место жительства, срок их сыска в «Д» не ограничивается.

Вообще законодатель стремился подчеркнуть их личную и поземельную зависимость от *дзито*. По мнению Сугияма Хироси, такая интенция отражала неустойчивость господства *дзито* над крестьянами, которое пыталась упрочить княжеская власть²³. Фудзики Хисаси полагал, что шаткость этого господства была обусловлена сопротивлением крестьян *дзито*. Он оспорил точку зрения Кобаяси Сэйдзи о сильных позициях *дзито* и уязвимом положении крестьян по отношению к ним в княжестве Датэ. Фудзики также указывал, что репрессивные применительно к крестьянам статьи «Д» (например, ст. 78) могут свидетельствовать о росте их борьбы против *дзито*, оказавшихся перед лицом острого социального кризиса²⁴. По Фудзики, становление политической власти даймё Датэ было predetermined в том числе и необходимостью удержания господства над крестьянами²⁵.

дзито на купленную землю, часто упоминается купля-продажа *дзайкэ* или его части, нередко с уточнением размера полагающегося с него годового оброка (нэнгу). Например, см. Датэ-кэ мондзё. Т. 1. Дайнихон комондзё. Извакэ. Часть 3. Токио. 1908, документы №58 на с. 77–78, №59 на с. 78–79, №60 на с. 79, №81 на с. 104, №83 на с. 105–106 и т. д.

²¹ *Дзайкэ*, которым крестьянин владел на законных основаниях, именовался в «Д» юсё-но *дзайкэ* (ст. 80). По оценке Сугияма Хироси, крестьяне княжества Датэ владели крупными земельными хозяйствами. Сугияма Хироси. Сэнгоку даймё. Нихон но рэкиси (История Японии). Т. 11, Токио, 2005, с. 189.

²² Кобаяси Сэйдзи. Сэнгоку-ки ни окэру..., с. 501–502. Дзито могли скупать у разорявшихся крестьян их права на *дзайкэ*, тогда им уплачивался не только годового оброк, но и *кадзиси токубун*.

²³ Сугияма Хироси. Указ. соч., с. 188.

²⁴ Фудзики Хисаси. Сэнгоку саякэй-си рон. Нихон тосэй кокка-но кайтай (Очерки истории периода Сэнгоку. Распад средневекового японского государства). Токио, 1975, с. 336, 337.

²⁵ Там же, с. 338.

Представляется, однако, что в данном случае ученый переоценил, по-видимому, не без влияния марксистских идей, фактор социальной борьбы в формировании структуры власти *сэнгоку даймё*. В источниках нет свидетельств о повсеместном росте «классовой борьбы» в княжестве Датэ во время правления Танэмунэ. Несомненно, социальные коллизии имели место: в «Д» упоминается о невыплате годового оброка, самовольном уходе крестьян и т. д. Однако данных для оценки динамики социальных конфликтов в эпоху Муромати на северо-востоке Японии явно недостаточно.

В «Д» же упоминается о противоречиях не только между землевладельцами и крестьянами, но и между разными представителями землевладельческого класса, враждовавшими из-за контроля над крестьянскими хозяйствами. По данным «Д», крестьянин: 1) перебежал от исконного господина к другому *дзито*, который поселял его в своих землях и вместе с ним мог подвергнуться наказанию (ст. 80); 2) отказывался платить оброк святилищам или своему *дзито*, полагаясь на помощь «могущественных домов» (ст. 4, 76, 77, 83). Из статей «Д» следует, что крестьянин, возделывая землю во владениях своего *дзито*, мог отдаться под покровительство другого «господина». Такая связь не считалась незаконной до тех пор, пока крестьянин исправно уплачивал ренту *дзито*, но попытки, опираясь на связь с «господином», уклониться от ее выплаты (ст. 76), как и игнорирование права *дзито* решать споры между крестьянами по поводу права владения *дзайкэ* (ст. 83), карались княжеской властью.

Вероятно, что «могущественными домами» (*кэммон*) и «господами» (*сюдзин*), к которым апеллировали крестьяне в конфликте с *дзито*, были влиятельные землевладельцы, приближенные дома Датэ. В конце эпохи Хэйан под *кэммон* могли подразумеваться и могущественные столичные храмы и святилища, однако такое понимание этого термина неприменимо к ситуации в княжестве Датэ, где позиции храмовых корпораций были сравнительно слабы²⁶.

Резкая грань проводилась между несвободными (холопами) и всеми остальными социальными группами. Крестьяне (*хякусё*) в отличие от них могли обращаться в суд даймё (в исключительных случаях – ст. 82), им самим подчинялись зависимые люди (ст. 81). Кобаяси Хироси объединил крестьян и *хикан*²⁷ (слуг) в одно сословие простоллюдинов (*дзигэнин*), отделив от них холопов (*гэнин*, *симобэ*)²⁸. Представляется, что

²⁶ Кобаяси Хироси. Указ. соч., с. 376.

²⁷ В период Сэнгоку слово *хикан* (被官) имело множество значений. Степень зависимости и несвободы *хикан* в разных областях Японии могла варьироваться от полурабской до относительно слабой.

²⁸ Кобаяси Хироси. Указ. соч., с. 154. Со своей стороны, Хосокава Камэити отождествлял *хикан* и *гэнин*, с чем нельзя согласиться (Хосокава Камэити, Указ. соч., с. 211).

отнесение *хикан* и *хякусё* к одной социальной группе не достаточно обосновано: в ст. 139 упомянуты *матахикан* (слуги вассалов даймё), которые противопоставляются простолюдинам (*дзигэнин*). Можно предположить, что *хикан* «Д» были достаточно разнородной по составу социальной группой: среди них были как низкоранговые самураи, так и простолюдины (крестьяне). Однако, по данным «Д», их объединяла крепкая личная зависимость от своего господина.

Гэнин в отличие от *хякусё* не обладали правоспособностью, рассматривались как собственность своего господина наряду с коровами, лошадьми и прочим движимым имуществом (ст. 42, 68). Крестьяне также были собственниками холопов и господами зависимых от них слуг (ст. 81). Вместе с тем несвободные не были однородной группой. Слуги (*хикан*) выше по статусу холопов (*гэнин*, *симобэ*). Холоп мог выкупить себя и остаться слугой (*хикан*) своего хозяина (ст. 147).

О синтоистских жрецах и буддийских монахах в своде Датэ мало информации. Синтоистские священнослужители обязаны были исправно устраивать священные церемонии и празднества (ст. 1), своевременно производить восстановление и ремонт святилищ (ст. 3). Даймё защищал земельладельческие права святилищ в ст. 4, угрожая карать крестьян из их вотчин, которые, опираясь на силу «могущественных домов», отказывались платить ренту и отрабатывать положенные повинности. Владения святилищ запрещалось отчуждать, на однажды подаренные святилищам земли не вправе были притязать потомки дарителя (ст. 6). Буддийским монахам возбранялось носить мечи (ст. 13), тогда как на простолюдинов не налагалось в этой связи никаких ограничений.

Городские поселения и ярмарки редко упоминаются в кодексе (исключение – ст. 44, 45, 170). Ремесленники (*сайкунин*) фигурируют только в ст. 125 и 126, где они выступают как зависимые от княжеской власти работники, получившие от нее земельные пожалования, которые им запрещалось продавать. Как отдельный социальный слой ремесленники в «Д» не обнаруживаются. В «Д» также не встретим упоминаний о купцах как об отдельном сословии. В то же время статьи «Д» (ст. 43, 110, 111) и уложение «Кураката-но окитэ» раскрывают политику даймё по отношению к ростовщикам и владельцам ломбардов (*кураката*), которые платили даймё особый налог (*кураяку*). В законоположениях отражено стремление даймё оказывать покровительство ростовщическим конторам и ломбардам, вовлеченным в хозяйственную и финансовую политику княжеской власти²⁹.

²⁹ Кура могли быть частновладельческими и специально созданными даймё. Ростовщиками (*кураката*, *курамото*) в период Сэнгоку могли быть вассалы даймё, торговцы, богатые крестьяне. Им княжеская власть поручала управлять своими кура, в которых хранились налоговые поступления и собранный в домене даймё годовой оброк. Из этих кура выдавалось жалование некоторым группам вассалов, и расходовались средства на другие цели. Ростовщики

В рамках социальной стратификации, зафиксированной в «Д», легитимизируется уже сложившаяся до введения самого уложения социальная структура, которая не связана с социальными группами бывшего политического центра Муромати бакуфу (Киото). В «Д» нет упоминаний о социальных статусах, характерных для вотчин-сёэн. В кодексе не упомянуты такие категории населения как парии *эта* и *хинин*, которые по другим источникам существовали в княжествах эпохи *Сэнгоку*³⁰. Тем самым сведения о социальной структуре, содержащиеся в «Д», нельзя признать исчерпывающими и полными.

Вместе с тем в «Д», как впрочем и в остальных законодательных сборниках этой эпохи, отсутствует сословное деление жителей княжества на воинов, земледельцев, ремесленников и торговцев (схема *синокосё*), которое объявлялось основополагающим учеными-конфуцианцами периода Токугава и фигурировало в официальных юридических документах Эдо бакуфу³¹.

Принятие «Дзинкайсё» отражает не только упрочение власти Датэ Танэмунэ над княжеством, но и стремление создать судебник для регулирования новых проблем и противоречий эпохи «воюющих провинций». Едва ли можно считать «Дзинкайсё» просто сборником обычно-правовых норм. Хотя в ряде статей признаются местные обычаи, например, в спорах вокруг пользования водой, горами, пустошами (ст. 84, 85, 122, 123), в своде ясно прослеживается намерение княжеской власти сконцентрировать в своих руках важные судебные и административно-полицейские prerogatives.

В ст. 39, 78, 152 подчеркивается превосходство и исключительная сила закона Датэ относительно обычно-правовых принципов справедливости и морали. Тяжкие преступления (убийство, воровство, разбой, поджог, вооруженные стычки и др.) предписывалось в обязательном порядке рассматривать в суде даймё. Оглашение приговора в отношении обвиняемых объявлялось исключительной prerogative даймё и его вассалов. Любой самосуд, месть, попытка наказания преступника до суда и вынесения вердикта княжеским судом ставились «вне закона» (ст. 35, 39, 40, 54, 70). Эти статьи свода можно рассматривать как по-

и владельцы ломбардов нередко назначались даймё на должности дайкан – управляющих землями княжеского домена. В таких случаях они следили за своевременным исполнением повинностей и возвратом задолженности по рентным платежам крестьянами домена, а их частные конторы служили финансовым интересам даймё. Помимо того, налог на доходы владельцев кура (*кураяку*) был важным источником пополнения казны даймё (*Абэ Koumii*. Сэнгоку даймё рёка-но кура-но кино то тэнкай (Развитие и функции кура в княжествах сэнгоку даймё) // Сигаку дзасси. 1994, т. 103, №6, с. 54, 55.

³⁰ Об *эта* и *хинин*, париях «средневекового» японского общества см. *Nagahara Keiji*. The Medieval Origins of the Eta-Hinin. Journal of Japanese Studies. Vol. 5, No. 2 (Summer, 1979).

³¹ О доктрине *синокосё* см. *Филиппов А. В.* «Стостатейные установления Токугава» 1616 г. и «Кодекс из ста статей» 1742 г. СПб. 1998, с. 82–86.

пытку ограничения судебных и полицейских прерогатив местных землевладельцев в их вотчинах и поместьях. Даймё в «Дзинкайсю» стремился представить себя носителем высшей судебной и распорядительной власти в уделе, он брал на себя и роль арбитра, который не только разбирал споры между вассалами по поводу земли, водных ресурсов, владения слугами и холопами, но и вмешивался во «внутренние» дела вассальных домов. Так, судом даймё разбирались тяжбы о главном наследнике служилого клана (ст. 124), споры между главой клана и его братьями (ст. 106). В уложении охранялись права на землю служилого человека (*матахикан*) вассала, который напрямую от даймё (а не через своего господина) получил разрешение на покупку земли (ст. 103). Санкция даймё нужна была для заключения сделки по купле-продаже земли вассалами (ст. 98–103). Княжеская власть также распоряжалась конфискованными у преступников землями (ст. 98, 99).

Вместе с тем явное стремление даймё монополизировать судебные прерогативы в «Дзинкайсю» совмещалось с отсутствием централизованной судебной системы и системы исполнения наказаний, сохранением важных прерогатив в области суда и наказания преступников в руках местных землевладельцев. Инициаторами не только «гражданских», но и «уголовных» исков зачастую были сами потерпевшие. Кроме того, во время тяжбы доказательства своей правоты обязаны были искать сами тяжущиеся. На них возлагалась обязанность самолично привести *икэгути* (подозреваемых в совершении тяжкого преступления). Уложение описывает конфликтные ситуации, когда схваченный истцом *икэгути* затем бежал и, являясь в княжеский суд, обвинял тех, кто его задержал, в разбое и грабежах (ст. 53). *Икэгути* пытались отбить родственники и соседи, господин и сотоварищи (ст. 52). Подозреваемых подвергали пыткам, которые согласно кодексу были законным средством допроса (ст. 50, 52). «Д» знает случаи гибели *икэгути*, который мог вспороть себе живот или откусить язык (ст. 51). В ряде статей обвиняемый мог снять подозрения с себя только одним способом: лично задержав того, кто мог быть настоящим преступником (ст. 31).

Наказанием преступника после вынесения вердикта суда нередко занимались сами потерпевшие (или связанные с потерпевшим родственники или иными узами люди). В своде описываются случаи сопротивления исполнению наказания со стороны преступников, которым приходили на подмогу их родственники, свойственники и соседи (ст. 23). Судя по всему, попытка казни могла перерасти в настоящее сражение между исполнявшими приговор и пытавшимися отбить преступника. Правда, в такое противостояние вмешивалась княжеская власть, объявлявшая незаконным сопротивление исполнению приговора.

В ст. 24 фактически разрешалась кровная месть убийцам близких родственников (родителей, детей) после осуждения преступников в

княжеском суде и их изгнания. Кроме того, мужу разрешалось самолично казнить изменившую жену и ее любовника (ст. 162, 164).

Сохранялась судебная власть *дзито* над крестьянином, господина – над несвободными слугами и холопами, которую даймё не только признавал, но и стремился оберегать. Согласно ст. 18, господин был вправе убить зависимого человека, который без приказа, желая отомстить за хозяина, убил его врага. По ст. 54 хозяин мог наказать своего слугу, оказавшегося вором.

Всё это не позволяет говорить о наличии строго централизованной и жестко регламентированной административно-судебной системы в княжестве Датэ. Судебные прерогативы не были полностью монополизированы даймё и его должностными лицами, ими обладали и вассалы Датэ и даже крестьяне, также владевшие зависимыми слугами и холопами.

В заключение необходимо отметить, что содержание «Д» отражает реально существовавшие в уделе Датэ социально-экономические отношения. Кодекс не был лишь набором оторванных от жизни законоположений, повторявших лишь интенции даймё и его окружения. Но приходится признать, что пока невозможно определенно понять, каким образом и как долго использовался этот свод в судопроизводстве княжества³². Так, нет ни одного судебного документа княжества Датэ, в котором бы содержалась ссылка на «Дзинкайсю». Вероятно, проблема практического функционирования этого и других уложений периода «воюющих провинций», а также многие вопросы, касающиеся их содержания, нуждаются в дальнейшем изучении.

Приложение

Дзинкайсю. Перевод.

Прежние приговоры не переименовывая, отныне [пусть] следуют записанному здесь, иное не прибавляя³³.

1. О синтоистских святилищах. И в благополучные годы и в скудные согласно добрым [прежним] обычаям, как должно следует устраивать празднества и [отправлять] службы [в честь богов].

2. В селениях и деревнях, как прежде заведено было, [пусть] исправно [готовят приношения] к празднествам [в честь божеств]. Если жрец, посягнув на те подношения, проявит нерадивость, немедленно должен быть со своего поста смещен.

3. О строительстве [святилища]. Если есть земли, распорядитель³⁴ и жрецы, [за счет доходов с них] должны восстановить святилище. В

³² Кобаяси Хироси. Указ. Соч., с. 37.

³³ Практически идентичная фраза содержится в одном из списков «ГС», во введении к основному тексту кодекса.

³⁴ Распорядитель – бэтто (へつたう). Жрецы – канниси (かんぬし).

случае небрежения следует их должности тотчас же передать [другим]. Но если [храм] сильно обветшал, должны поступать по обстоятельствам. Помимо того, если у святилища нет земельных владений, распорядитель и жрецы обязаны восстановить его, собрав подаяние. Если же дело не пойдет, следует доложить [даймё], [после чего] будет оказана помощь.

4. Крестьяне из владений [божеств], которые, пользуясь покровительством могущественных домов, не вносят *нэнгу* и иные повинности [не исполняют], должны понести наказание.

5. О священных деревьях. Разрешается срубить их для восстановления храма. Но срубив, продавать для собственных нужд – преступление. Купивший [те деревья] также виновен.

6. Запрещается распорядителям и жрецам самочинно продавать вотчины, дарованные святилищу³⁵. И продавший и купивший их должны быть наказаны. Помимо того, дети и внуки дарителя не должны незаконно предъявлять права на эти земли.

7. Устройство священных празднеств и церемоний не следует перекладывать на своих представителей³⁶. То же [верно] относительно монахов³⁷, жрецов и священнослужителей.

8. О буддийских храмах. При ремонте буддийских храмов и проведении служб следует придерживаться установлений о синтоистских святилищах.

9. [Кому передать свою] должность настоятеля пусть решит наставник³⁸. Но если начнется тяжба³⁹, следует доложить в резиденцию *сюго*⁴⁰ и рассудить кто прав.

10. О преемнике наставника, покинувшего этот мир, не успев передать пост настоятеля. [Наследник пусть будет выбран] по мере его способностей, либо по воле *сюго*.

³⁵ Кацумата интерпретирует выражение «вотчины, дарованные святилищу» (дзиндзя ни цукуру сётай) из этой статьи, как земли, дарованные даймё (Дзинкайсё // Тюсэй сэйдзи сякай сисо..., с. 210). Однако в тексте нет указаний на то, что упоминаемые владения были пожалованы именно даймё. Напротив, в конце текста говорится о сыновьях и внуках дарителя, которым мог быть любой житель княжества.

³⁶ Представители – дайкан (たいくわん). Статья предписывает жрецам и священнослужителям лично заниматься устройством церемоний и празднеств, не перекладывая этой обязанности на доверенных лиц.

³⁷ Сютогю (しゅとちゅう) – 1) монахи больших храмов в Нара и Киото; 2) монахи воины (сохэй). Вероятно, в данном случае сюто означает буддийских монахов из святилищ. В рамках синто-буддийского синкретизма, когда культы будд, бодхисаттв и синтоистских божеств объединялись, на территории святилищ часто располагались буддийские храмы и обители, а их монахи участвовали в синтоистских празднествах.

³⁸ Наставник (сисё, ししやう) – настоятель храма.

³⁹ Тяжба по вопросу о преемнике настоятеля, на место которого претендовали несколько кандидатов.

⁴⁰ Резиденция сюго – сюгосё (しゅこしよ).

11. О монахах, возвращающихся в мир. Не получившие дозволения своего наставника не вольны [покинуть обитель]. Этому же [правилу следовать], если оставив свою школу, желают принять другое учение. Кроме того, [этот закон действует] по отношению к монахиням.

12. Запрещается женщинам переступать порог монашеской обители. Но прислуживающим *гэнин*⁴¹ и им подобным не возбраняется.

13. Принявшие монашеский постриг не должны носить мечи.

14. О землях буддийских храмов. Мирянин, [построивший] храм своим радением, пусть ведаёт [его владениями] по своей воле. Земли же, дарованные храмам [бакуфу или тэнно]⁴², а также иным великим храмам, потомки прежнего владельца, говоря, что те земли их отцами были подарены, забирать обратно не вправе. Если настоятель храма отступит [от этого установления], следует доложить.

15. О своевольной продаже настоятелем земель, исстари храму принадлежавших. Запрещается ему, купив [на вырученные деньги] другое владение, передавать его родичам-мирянам или близкому человеку, говоря, что купил сам⁴³. Но настоятель, если он не наложил руку на исконные храмовые земли, сколько ни приобретёт [земель] из [своих] богатств, пусть будет их хозяином. Прихожане же не вправе [на них] посягать.

16. О вине в убийстве. Пособники убийцы, если обнажили свои мечи⁴⁴ равно виновны. Если же кто-либо из сообщников [убийцы] для того, чтобы искупить свою вину убьёт его и явится⁴⁵, должен быть прощён. Тот же, кто не взялся за меч, но вместо преступника, направлял [его сообщников], виновен наравне.

17. [Случается, что] придя на встречу, кого-либо поджидают в засаде, [но сами] подвергаются нападению. И говорят, что [это] их подстергли в засаде, и они были атакованы. [Другие же] говорят, что ожидавшие их неожиданно напали, и они стали защищаться. Если дойдет до тяжбы, следует проверить доказательства обеих сторон. Если не будет доказательств, правой признается сторона, подвергшаяся нападению.

⁴¹ Гэнин и им подобным – гэнинсики (けにんしき). Как синоним гэнин в нашем переводе используется слово «холоп».

⁴² «Храмы [бакуфу или тэнно]» – дословно кубосё (くはうしよ), – по толкованию Кацумата, храмы, связанные с Муромати бакуфу или тэнно и молившиеся об их благополучии и процветании. Не исключено, что кубосё – это также храмы, находившиеся под покровительством даймё Датэ, так как словом кубо в эпоху Муромати назывались различные носители верховной власти, в том числе сэнгоку даймё.

В праве эпох Камакура и Муромати действовал запрет на возвращение однажды подаренных святилищу или храму земельных владений прежним собственникам или их потомкам.

⁴³ «Купил сам» – то есть за свои собственные средства.

⁴⁴ Кацумата полагает, что в статье имеется ввиду не само по себе обнажение меча, но скорее какая-либо помощь убийце в момент совершения преступления. Дзинкайсё // Тюсэй сэйдзи сякай сисо..., с. 212.

⁴⁵ Явится и после убийства главного виновника преступления доложит о происшедшем даймё.

18. Если чей-либо *хикан* или ему подобный убьёт человека и после этого сбежит, на его господине вины нет. Но если тот господин примет убийцу, виновен наравне [с ним]. Бывает, что противная⁴⁶ сторона утверждает, будто хозяин укрывает своего *хикан*. Если [убийцу преследуют по горячим следам], его господин должен позволить обыскать свою усадьбу.

Когда же позднее⁴⁷, прослышав о том, что тот господин укрывает убийцу, доложат об этом, и будут неоспоримые доказательства [укрывательства], равносильно выше записанному⁴⁸. Если же у противной стороны не будет доказательств, господин не признается виновным.

Но если господин [затаил на кого-то] злобу, и мстя за обиду своего хозяина, холоп совершит убийство и сбежит, господину кары не избежать, даже если он и не знал [о замыслах слуги]. Если же господин лишит жизни виновного [*хикан*] и об этом донесет, прежняя вина его может быть прощена.

19. Когда преступник, спасая свою жизнь, убежит в чью-либо усадьбу, хозяин [того дома] должен тотчас его прогнать. Если же не прогонит, пусть даст обыскать свою усадьбу. Равным образом, если убежит в буддийский храм, давать ему убежище запрещается.

20. Те, кто после вооруженной драки, перебранки или ссоры самочинно, без донесения [даймё] об обстоятельствах дела, вторглись в чужую усадьбу, признаются виновными, даже если правда [в споре], без сомнения, была на их стороне.

21. Об убийстве во время пьяного буйства. Хотя оправдывают себя [тем, что были пьяны], должны понести наказание. Равным образом виновны те, [кто в опьянении] избил или нанес [кому-либо] раны [холодным оружием]⁴⁹.

22. О поношении пьяным кого-либо. Следует действовать сообразно обстоятельствам дела. Так же касательно женщин и монахов.

23. Когда карают преступника, сколько бы ни было убито тех, кто принял его сторону, неправыми будут убитые. Но если [преступник] сопровождает важную особу⁵⁰, следует его отпустить и, доложив, дожидаться решения [даймё].

24. Даже врага своих родителей, детей, братьев, творя самоуправство, убивать не дозволяется. Но когда свершен суд над тем злодеем и

считается он по княжеству⁵¹, не возбраняется при встрече покарать нечестивца, возгласив – то враг моих родителей, моих детей.

25. О том, отвечают ли родители и дети друг за друга. Выше [установлено было], что коли ненароком убьют кого-либо во время случайной ссоры, или охмелев на пиру, убийцу наказывают и лишают владений. Но если его сын или отец были непричастны [к убийству], друг за друга не в ответе. То же верно, если кому-либо были нанесены раны.

Если же сын или внук убьёт кровного врага отца или деда, даже если те [ничего] не ведали, на отце или деде будет равная вина⁵², ведь они вынашивали злой умысел, чтобы расквитаться за обиды своих отцов и дедов. Помимо того, если, желая завладеть чужими землями или похитить чужое богатство, убьют человека, но будут верны свидетельства о том, что отец [преступника] об этом не знал, на нем не будет вины.

Кроме того, этому же [закону] следовать, при [выяснении] взаимной ответственности братьев [за преступления].

26. При казни преступника в других владениях, тамошним жителям запрещается чинить препятствия⁵³.

27. Когда *хикан*, оставив прежнего своего хозяина, выбирает другого господина, того хозяина, которому он ныне служит, следует оповестить⁵⁴. Если [после этого] холопа все еще удерживают и прежнему хозяину не возвращают, следует написать грамоту⁵⁵ и при встрече вручить [новому господину]. Коли не будет письменного ответа, пусть доложат об этом [даймё]. В соответствии с доложенным, и упомянутый *хикан* и его принявший, оба должны понести наказание.

28. Вина за убийство постояльца ляжет на хозяина [дома]. Но если доподлинно известен убийца, с учетом других обстоятельств дела, [хозяин] виновен не будет.

29. Коли дойдет до ссоры между гостями и один из них будет убит, владелец того дома должен, схватив убийцу, донести о случившемся. Если [хозяин] так не сделает, должен, учтя все обстоятельства, представить оправдание⁵⁶.

30. [Бывает], что призывают в свою усадьбу человека, того же по дороге убивают в ходе ночного нападения. Вина [за его гибель] ложится

⁵¹ Княжество – хайрётю (はいりゅう中).

⁵² Даже если отец или дед убийцы не были замешаны в преступлении.

⁵³ Другие владения – тарё (たりのう). В статье говорится о наказании преступника не в тех землях, где он совершил правонарушение (убийство и т. п.), а во владениях другого дзито или рёсю. Вероятно, за преступника могли заступиться местные жители, с которыми он мог быть связан родственными узами или службой одному господину. Неясно, кто исполнял наказание: родичи потерпевшей стороны (после суда даймё) или слуги Датэ.

⁵⁴ Оповестить о самовольном уходе хикан и потребовать его возвращения.

⁵⁵ Исконному хозяину следует написать грамоту, подтверждающую, что этот хикан ему служил.

⁵⁶ Оправдаться – то есть объяснить, почему не задержал убийцу в своем доме.

⁴⁶ Потерпевшая сторона – родичи и другие связанные с убитым люди.

⁴⁷ После совершения преступления.

⁴⁸ То есть расценивается как укрывательство убийцы, что, в свою очередь приравнивается к убийству.

⁴⁹ Вина за нанесение побоев или ранение холодным оружием в трезвом состоянии и в состоянии опьянения была для законодателя одинаковой. Опьянение не считалось смягчающим обстоятельством.

⁵⁰ Важная особа – нинтай (にんたい). Носитель высокого социального статуса, вассал, с могуществом которого вынужден считаться даже даймё.

на того, кто прежде позвал. Но если доказана будет его невиновность, наказывать не надлежит.

31. Если позовут [к себе] человека, а на обратном пути ночью его убьют, вызвавший его обязан уличить убийцу⁵⁷.

32. Если чей-либо посланец призовет другого человека, а тот, кто отправил [посланца], убьет пришедшего на встречу и сбежит, посланец так же виновен [как и убийца], даже если не знал о настоящей причине⁵⁸. Ведь он потворствовал убийце. Но если будут твердые доказательства, что [посланец] не знал [о его намерениях], должен быть прощен.

33. Если убьют чужеземного⁵⁹ купца или паломника⁶⁰, вина [за убийство] ляжет на ту деревню⁶¹. Но если в том селении найдется хоть один, кто донесет об убийце, вина с нее снимается.

34. О самоубийстве. Если, кто-либо, поведав о причинах [своего самоубийства], наложит руки на себя, пусть наказаны будут те, кого он в последнем своем слове назвал своим врагом. Если не изложил [причины] своих обид, так тому и быть. Но следует поступать сообразно обстоятельствам.

35. Если перепутав, казнят [вместо преступника] другого человека, должны за это понести наказание. Тот же, кто солжет, что казненный был вором, либо, возведя напраслину, назовет его преступником, должен быть наказан без разбирательства, поскольку пока тот был жив, не представил свои доводы [в княжеском суде] и его убил⁶².

36. О случайном отравлении. Если кто-либо съев или выпив отравленное, умрет, вина за это ляжет на хозяина того дома, [где произошло отравление]. Но если не узнать, был ли в пище яд, сообразно обстоятельствам следует [определить] степень вины [домовладельца].

37. Разбойника, укрывшегося в чужой усадьбе, без извещения [ее хозяина] казнить воспрещается. Если после предупреждения [и требования выдать преступника] ответят отказом и, упорствуя, будут укрывать его, пусть об этом доложат и ту усадьбу обыщут.

⁵⁷ Тем самым сможет доказать свою невиновность. Судя по ст.32, в противном случае он объявлялся виновным в ночном нападении.

⁵⁸ Неясно, идет ли здесь речь о том, что посланец не ведал о замысле убийства, или о том, что он не знал о мотивах, но знал заранее о намерении убийцы, передавшего через него приглашение.

⁵⁹ Чужеземный – дословно такоку-но (たこくの), из другой провинции, не входящей в княжество Датэ.

⁶⁰ Паломник – сюгёдзя (しゅぎやうしゃ).

⁶¹ Селение, в котором или поблизости от которого, было совершено убийство. Жители такой деревни были связаны круговой порукой и несли коллективную ответственность за преступления, совершенные на ее землях.

⁶² Законодатель грозит карой тем, кто, оклеветав, казнит невинного человека, выдавая его за преступника. Казнь осуществляет «потерпевшая сторона», а не княжеские слуги. В статье запрещается самовольное наказание преступника без рассмотрения дела в княжеском суде.

38. Если после ссоры или перебранки нанесут [друг другу] раны, правой должна быть признана та сторона, которая пострадала больше⁶³. Но если кто-либо напал первым, даже если [в ходе стычки] с его стороны оказалось больше раненых и убитых, признается виновным.

39. О вине за нанесение ран. После донесения [о ранении]⁶⁴ следует ожидать суда [над обидчиком]. Запрещается в отместку самовольно ранить его. Даже если правда целиком на стороне [мстящих], поскольку преступили закон, должны понести наказание.

40. Об избиении человека. У самурая [за это] конфискуются владения. Не имеющие владений⁶⁵ изгоняются в другие провинции. Но запрещается, не дожидаясь правосудия, по своему почину отвечать ударом на удар. Тех, [кто на это решился], следует лишать владений. Не имеющие земли пусть будут изгнаны из княжества.

41. О воровстве, грабежах, пиратстве и разбое в горах. Если нет улики, следует взять *икэгути*⁶⁶, [на суде его показания] должны быть рассмотрены. Сообщники [выявляются] со слов *икэгути*. [Помимо того бывает], что среди [названных разбойником сотоварищей] кто-либо объявляет о своей невиновности. Он берет своего *икэгути* и настаивает на своей невиновности. Пусть тогда приведут в течение пятидесяти дней на место суда⁶⁷ первого *икэгути* [и сведут его со вторым]. По их речам следует установить виновных.

42. Касательно краденого имущества, *гэнин*, быков, лошадей и иного. [Владелец] должен показать, от кого досталось [краденое]. Если же назовет он имена людей из других провинций, никому не ведомых или умерших, виновен.

43. Те, кто не платя *кураяку*⁶⁸, принимает в заклад краденое, приравниваются к сообщникам вора. Но на берущем [в заклад] не будет вины, если укажет закладчика. Если же взявший заклад не знает имени закладчика, виновен.

44. Вина будет на том, кто в [своем] доме в деревне или в городском селении даст свой кров [кому-либо], не ведая, что он вор.

45. Когда в городе или на ярмарке схватят мошенника, и кто-либо будет мешать [задержанию], виновен так же [как и он].

⁶³ Которая пострадала больше – дословно: «которой было нанесено больше ран».

⁶⁴ Предполагается, что раненный в результате ссоры или нападения докладывал о случившемся княжеским должностным лицам. Они должны были рассмотреть дело и вынести приговор в отношении обидчика.

⁶⁵ Не имеющие владений – мусоку-но якара (むそくのやから). В контексте статьи, скорее всего, это самурай без земельных владений.

⁶⁶ Икэгути (いけぐち) – в кодексе лицо, рассматривающееся одновременно и как свидетель и как подозреваемый в преступлении. Он мог быть оправдан, если не признавал вину (в таком случае наказывался задержавший его – ст.50). Наказывалось убийство икэгути, вина которого не была установлена (ст. 48).

⁶⁷ Место тяжбы – сатадокоро (さたところ).

⁶⁸ Кураяку (くらやく) – налог, которым даймё облагал кураката.

46. [Бывает], что после обвинения в воровстве, [обвиняемые] требуют доказательств и [затеваются] взаимная распря, [появляются] убитые и раненые. Смотря по тому, верны ли [предъявленные] доказательства кражи, следует вершить суд.

47. Если кто-либо встретит беглого [холопа], тотчас же должен привести его обратно к хозяину. Если удержав [у себя], оповестит [его прежнего господина], но *гэнин* снова сбежит, пусть за это ответит нашедший его. Должен выплатить возмещение – 300 *хики*⁶⁹ за мужчину и 500 *хики* за женщину.

48. Когда приметят беглого и известят [его господина], в награду положено передать по 30 *хики* за человека. Но если придет⁷⁰ с дальних окраин, пусть хозяин [беглого] возместит ему дорожные и иные траты. То, что [холоп при побеге] с собой унес также должно быть возвращено вместе [с ним]. Если [сыскавший беглеца] не отдаст унесенное, виновен [как вор].

Если же по дороге беглый те вещи потерял, продал или что-либо иное совершил, а встретивший его о том не ведал, сказанное⁷¹ тем холопом разбирать не следует.

49. Если взяв *икэгути*, убили его, вина будет на том, кто его задержал. Но если привели его сотоварищей и [те] указали имя [убитого] в своих признаниях⁷², схвативший [его] оправдывается.

50. Если взяли *икэгути*, но тот [под пыткой] не сознался, вина будет на том, кто его задержал. Но если схватили сотоварищей [того *икэгути*]⁷³, доложили [об этом] и те после пыток показали в своих признаниях, что отрицавший [свою вину] *икэгути* – их сообщник, тот, кто его схватил, признается правым.

51. Если *икэгути* до проведения *дайкан*⁷⁴ допроса, умер, вспоров себе живот или откусив язык, так тому и быть⁷⁵. Но следует поступать по обстоятельствам.

52. Если схватили *икэгути*, но по дороге, [которой его] вели, жители близлежащей деревни или его господин, родичи или свойственники, собравшись толпой, его отбили, виновны наравне с вором. Но если тот

⁶⁹ Хики – счетная единица для медных монет (мон). 1 хики = 10 мон медных монет. 300 хики = 3000 мон, 500 хики = 5000 мон.

⁷⁰ Тот, кто встретил и задержал холопа.

⁷¹ То, что беглый холоп рассказал об унесенных им вещах после возвращения исконному хозяину.

⁷² Признание – хакудзё (はくしゃう). Грамота, в которой обвиняемый, сознавался в совершении преступления.

⁷³ Сотоварищи – доруй (とるい).

⁷⁴ Дайкан (たいくわん) – должностное лицо Датэ, проводившее расследование и судебное разбирательство.

⁷⁵ Схвативший свидетеля в этом случае не несет ответственности.

икэгути [после] явится и станет оправдываться, [говоря] что невиновен, его тотчас же следует связать и пытать, [по тому, что он скажет] следует вынести решение⁷⁶.

53. Случается, что схватив *икэгути*, его [не связывают] веревками и отпускают, тот же сбежав, предстает [перед княжескими слугами] и напротив объявляет схвативших его горными разбойниками и грабителями. И [после того] говорит, что взял как *икэгути* [кого-либо из тех], кто его задерживал, и [дело] доходит до тяжбы. Если ни с той ни с другой стороны нет доказательств и трудно вынести приговор, следует обеим сторонам привести *икэгути*, предстать [на суде]. Того, кто окажется разбойником, покарать.

54. О самовольной расправе над вором. Даже если [то был] заведомый вор, вина будет на том, кто расправился [с ним]. Но если после оповещения господина [вора], тот будет вершить над ним суд и расправу, быть по сему.

55. После завершения суда и расправы над преступником, укрывавшие его [признаются] так же виновными. Сходным образом, запрещается, обратившись за правосудием, частным образом договариваться с преступником, обе стороны подлежат наказанию⁷⁷. Без суда с вором мириться запрещается.

56. О похищении человека. Суд должен вершиться на основании слов похищенного. Но следует поступать по обстоятельствам.

57. О взаимной ответственности отцов и детей за разбой. Вина отца за разбой падет и на его сына. Но если сын был далеко и не мог [с отцом] сговориться, [ответ за него] не держит. Так же и вина отца на сына не переходит. Но если действовали заодно, одинаково виновны. Помимо того, следует учитывать обстоятельства дела.

58. Вина землевладельца⁷⁸ переходит на [его] *наго*⁷⁹. За преступления же своего *наго*, господин не в ответе.

59. Если во время суда над преступником его свойственники и родичи⁸⁰ приняли его бежавших жену и детей, домочадцев и имущество, виновны наравне [с ним]. Но после [вынесения] приговора должна быть определена степень их вины. Если [преступник] будет признан

⁷⁶ Подразумевается, что решение о виновности будет выноситься не только в отношении самого подозреваемого, но и тех, кто его отбил.

⁷⁷ Статья запрещает преступнику и пострадавшей стороне после обращения к даймё полюбовно улаживать взаимный конфликт, не дожидаясь суда.

⁷⁸ Землевладелец – дзинуси (дословно «господин земли», 地ぬし). По-видимому, в «Д» это в основном богатые крестьяне, владельцы дзайкэ. В период «воюющих провинций» дзайкэ в северо-восточных районах острова Хонсю и на острове Кюсю – крестьянский дом с заливными и суходольными полями, являвшийся податной единицей в землевладении.

⁷⁹ Наго (なこ) – зависимый от дзинуси земледелец, обрабатывавший его землю и исполнявший в его пользу повинности.

⁸⁰ Свойственники и родичи – эндзя (えんしゃ), синруй (しんるい).

невиновным, те, кто укрывал [его жену, детей и домочадцев], также свободны от вины.

60. Если признанный [на суде] вором убьет кого-либо из своих сообщников и явится с докладом об этом, должен быть прощен.

61. После того как на суде были объявлены виновными в разбое, какую бы верность на службе в прошлом не выказали те грабители, ни малейшего снисхождения [к ним] быть не должно. Помимо того, их детей и внуков запрещается по своей прихоти принимать на службу. Также не могут иметь *синан*⁸¹.

62. Не подобающим образом поступают, когда ища в чьей-либо усадьбе грабителей и разбойников, срывают знаки⁸², врываются за ограду и ворота, и, не уведомив хозяина [усадьбы], возвратившись, клеветают, что он приютил воров.

Если [при розыске] тех злодеев⁸³ днем ли, ночью ли, в чьей-либо усадьбе будут подлежащие изъятию [улики], [а именно] череп [человека], либо корова, лошадь, либо раненый или иное, выдающее их, можно, предупредив хозяина, ту усадьбу обыскать. Тот, кто откажет в обыске, должен быть наказан. Но если, показав на краденое, и сказав, что [в усадьбе] вор, не добудут неопровержимых улик, можно, не извещая [хозяина] усадьбы, взять *икэгути* и доложить об этом. Кроме того, если обыскав усадьбу, вора не найдут, на ее хозяине, как и на том, кто искал, вины не будет.

63. О виновных наравне с вором⁸⁴. Когда делят краденое, тот, кто на место [кражи] не ходил, но взял что-то из краденого себе, виновен так же [как и вор].

Помимо того, если участвовавшие в воровском сговоре, вдруг изменили свои замыслы, и на то место⁸⁵ не явились, но их имена записаны в повинной [сознавшихся в преступлении], подлежат наказанию. Ведь были [они] заодно с ворами.

64. Когда купцов из других провинций и иной проезжий люд либо грабят горные разбойники, либо под разными предлогами отбирают их имущество, вина за это будет на ближайшем [к месту преступления] селении. Но если [жители его] назовут виновных, оправдываются.

65. Часто случается, что грабители, вырядившись в охотников, отнимают имущество путников, идущих в горах. Однако отныне и впредь охотники должны [охотиться] не ближе чем [на расстоянии] в три *ри*⁸⁶

от дороги. Если они станут вести охоту ближе чем на три *ри*, виновны так же как воры. Но если, заметив оленя, пустятся за ним в погоню, так тому и быть⁸⁷.

Кроме того, когда живущие в горах люди, в поисках дров заходят в глубь гор, горные разбойники, одетые охотниками, их хватают. Если такой житель гор вдруг сбежит [от них], и доложит, что опознал охотников, те грабители, даже если и вправду охотники, следуя свидетельству горного жителя, должны быть наказаны за разбой.

66. Если кто-либо, пройдя за ограду, зайдет в чужую усадьбу, подобен вору.

67. [Холоп, самочинно] продавший сам себя [в неволю новому господину]⁸⁸, виновен как вор. Если же покупатель, не зная [точно] откуда он, [и опасаясь], не беглый ли он, купит его, установив поручителей⁸⁹, а [после того] продавший себя [в холопы] скроется [неведомо куда], виновны и поручители и тот, кто даст [беглому] кров.

68. О продаже *гэнин* и иных пропавших вещей. Если продавец упустит [продавшего себя холопа], ответить за это должны посредники⁹⁰.

69. Бывает, что потомственный *гэнин* сбежал либо был кем-либо похищен и продан, и купили его в тех местах, где он изначально [был холопом]. Когда же станет служить кому-либо, для прежнего своего хозяина он уже [будет] преступником. [Тогда исконный его господин] заявляет, что в услужении вор, а новый господин указывает как [холоп попал к нему], говоря, что [тот *гэнин*] приобретен у такого-то законным образом.

[Бывает], что до того как доказана законность [владения], в тяжбе проходят дни и месяцы. Тот же *гэнин*, страшась своей вины, вновь удаляется в бег, [тогда] продавший его, на которого указывал [новый хозяин], заявляет, что не продавал [того холопа] и дело доходит до суда. [Рассудить] следует, исходя из представленных сторонами свидетельств. Если нет [убедительных] доказательств, и вынести приговор затруднительно, виновен тот, кто последним купил [*гэнин*]. Виновен наравне с вором.

70. Когда идущие по дороге злодеи, либо снимают урожай [с близлежащих полей], либо крадут вещи из лавок, их тотчас связывают, и

⁸⁷ В этом случае они не признаются преступниками, даже если окажутся ближе, чем на расстоянии в три *ри* от дороги.

⁸⁸ Продавший сам себя в неволю другому господину – миури (身うり). Кацумата полагал, что в статье вне закона ставится продажа себя новому хозяину беглого *гэнина*, но нет запрета на продажу себя в холопы для свободных людей (Дзинкайсё // Тюдэй сэйдзи..., с. 220). Кобаяси Хироси напротив усматривал в ст. 67, 68 подобный запрет, отмечая при этом, что купля-продажа *гэнина* позволялась (Кобаяси Хироси. Указ. соч., с. 138.). Мнение Кацумата кажется более предпочтительным.

⁸⁹ Поручитель – хандзя (はんしや), дословно «поставивший свою монограмму».

⁹⁰ Посредники – возможно, поручители по сделке (купле-продаже холопа).

⁸¹ Синан (しなん、指南) – «наставляемые», служилые люди, связанные личными узами с высокоранговыми вассалами Датэ (См. примечание к ст. 133).

⁸² Знаки – бодзи (はうし), обозначающие границу чьей-либо усадьбы (дома с прилегающими землями).

⁸³ Злодеи – акуто (あくたう).

⁸⁴ Со ст. 63 по 75 приведены преступления, по тяжести приравняемые к воровству.

⁸⁵ То место – место преступления.

⁸⁶ Ри – мера длины, в настоящее время равная 3,9 км.

хотя обязаны доложить [о задержании], убивают и лишь после этого доносят о вине убитых. Но без разбирательства следует наказать их за тяжкую вину в смертоубийстве. Ибо не было доказательств вины убитых.

71. Об [утерянных] вещах, найденных на обочине дороги. Следует выставить бирку⁹¹ у моста в Нисияма⁹². Если кто-либо безошибочно укажет на них среди других [выставленных] утерянных вещей, пусть вернут. Но десятую часть [от цены] должен в награду получить обнаруживший [пропажу]. Если же нашедший [слишком] долго держал [утерянные вещи] у себя, виновен.

72. Если чей-либо [беглый] холоп прятался, ненадолго останавливаясь в разных местах, а тот, кто ему давал пристанище, промедлил с доносом, признается виновным. Но следует учитывать обстоятельства дела⁹³.

73. Когда врываются в усадьбу [где скрывается] вор, он бежит [оттуда], после того ищут краденое и находят в соседнем доме. Хозяин того дома также бежит и укрывается в соседней усадьбе. Просит он господина той усадьбы принять его и объявляет, что невиновен. Виновными будут оба и тот, кто прибежал [в соседнюю усадьбу] и тот, кто его укрыв. Ибо помогая вору, были с ним заодно.

74. Когда *икэгути* назовет в своих признаниях уже умершего [виновным], следует установить время совершения преступления. Если его дети были тогда младше 10 лет, не в ответе за вину отца. Если же были старше 10 лет, виновны наравне с умершим. Помимо того, если зять стал наследником [умершего], так же виновен.

75. Поджог чужого дома приравнивается к воровству.

76. О *дзито* и крестьянах. Даже потомственный *хикан*⁹⁴, коли был крестьянином, обязан, как заведено, вносить *нэнгу* и исполнять повинности. Если проявит нерадивость, [*дзито*] может передать его грамоту на землю⁹⁵ другому.

Но [иные крестьяне] заявляют, что по праву владеют [своим наделом] и призывают на помощь могущественные дома. Если бесчинствуют, [пренебрегая правами *дзито*], в том *дзайкэ*⁹⁶, должны быть наказаны.

77. Коли крестьянин, не платя *нэнгу* и иные поборы *дзито*, перебирается в другие владения⁹⁷, виновен наравне с вором. [В таких случаях]

91 Бирка (фуда, ふた) – объявление о находке утерянной вещи.

92 Нисияма – местность, где был расположен замок-резиденция Датэ Танэмунэ. В настоящее время на этом месте находится город Коори (уезд Датэ префектуры Фукусима).

93 Следует учитывать обстоятельства дела при вынесении приговора.

94 По толкованию *Кацумата* потомственный *хикан*, напрямую служащий Датэ. (Дзинкайсё // Тюсэй сэйдзи..., с. 222).

95 Грамота на землю – тикэн (地けん), документ, подтверждающий права крестьянина на земельный участок.

96 Двор – *дзайкэ* (在家).

97 Другие владения – тарё. Вотчина другого *дзито*.

следует известить того, кто принял крестьянина, если откажется [выслать его обратно], приравнивается к укрывателю вора.

78. Когда в разных местах *дзито*, *сосэйбай*, посланцы *сюго* за неуплату *нэнгу* и всевозможных иных повинностей [требуют] от простолюдина⁹⁸ дать залог⁹⁹, крестьянин тотчас должен его передать. Однако простолюдин перечит приказу, и после того, как затевается тяжба¹⁰⁰, [бывает], что по стечению обстоятельств [того] крестьянина убивают. Даже если дело касается служилого человека¹⁰¹, неправым должен быть признан убитый, поскольку воспротивился законам.

Если случится такое дело, прежде всего, пусть [крестьянин] передаст залог. Если посланец *сюго*, *сосэйбай* или *дзито* будут несправедливые требования [предъявлять], следует провести суд. Но должно поступать сообразно обстоятельствам.

79. Если *дзито* и *рёсю*, имея веские на то причины, поставят бирку [на поле] с урожаем¹⁰², а крестьянин, не представив объяснений, выдернет ту бирку и снимет урожай, должен быть наказан.

80. Крестьянину покидать *дзайкэ*, которым владеет по праву¹⁰³, и в других владениях возделывать землю строго воспрещается. Если преступив закон, не вернется обратно на двор, на который имеет законные права, должен быть наказан и сам крестьянин и *дзито*, в чьих землях он стал жить.

81. О вотчине¹⁰⁴, в которой меняется *дзито*. Поскольку новый *дзито* не знает границы *дзайкэ* и местоположение полей заливных и суходольных, [бывает, что] крестьяне утаивают [от него] заливные поля и пренебрегают *нэнгу* и иными повинностями. Поскольку это тяжкое преступление, следует сурово наказать жену и детей, домочадцев и *наго*, всех мужчин и женщин в том доме [живущих]. Но если *наго* или *хикан*¹⁰⁵ того крестьянина донесет о скрываемых заливных землях, вина

98 Простолюдин – *дзигэнин* (ちげにん).

99 Таким залогом могло стать имущество и домочадцы крестьянина.

100 Подразумевается, что крестьяне обратились в суд даймё, отказавшись передать залог и стремясь доказать свою правоту.

101 Служилый человек – *хикан* (被官). Согласно гипотезе Кацумата, в данном фрагменте подразумевается, что *хикан* служит Датэ, хотя прямо об этом в статье не сказано. (Дзинкайсё // Тюсэй сэйдзи..., с. 223). Можно, однако, предположить, что речь идет в том числе о *хикан* вассалов, создавших текст «Д».

102 Бирка ставилась на поле крестьянина в наказание за какую-либо провинность, например, за неисполнение повинностей в пользу *дзито*. Ее наличие означало запрет снимать урожай с поля.

103 Сочетание *юсё-но дзайкэ* (ゆしよのさいけ) означает дом и хозяйство, на которые крестьянин имел законные права. Крестьянин в этом случае мог показать, в том числе с помощью документов, как и от кого он получил это домовладение и участок земли. Как следует из ст. 76, у крестьянина на руках могла быть грамота, подтверждающая его права на владение – тикэн. Ее мог отобрать *дзито* за неуплату *нэнгу*.

104 Вотчина – *сётай* (しよたい).

105 *Хикан* – зависимый человек крестьянина, владельца *дзайкэ*.

его прощается. Право на владение тем двором следует ему передать, ибо выказал преданность по отношению к *дзито*.

82. Когда принадлежащие одному двору земли присоединяют к соседнему двору, вина будет на хозяевах обоих дворов. Ибо, сговорившись, действовали заодно.

Помимо того, [выясняется, что] из-за сговора крестьян, к чужим владениям¹⁰⁶ [незаконно] присоединяется земля. [Объявляют], что той землей такой-то издавна владел. [Одни] утверждают, что земля присоединена обманом, [другие] оправдываются. И если трудно рассудить тяжущихся [дзито], следует призвать крестьян той деревни и допросить. Смотря по тому, что они скажут, следует вынести решение.

83. Было установлено, что спор [между крестьянами] вокруг права владения двором должен решать *дзито*. Но если крестьянин, призывая на помощь своего господина или полагаясь на силу могущественных домов, либо собирает урожай, либо возделывает заливные поля, и разоряя то владение, бесчинствует, те, кто оказывает ему помощь, не говоря уже о [самом] крестьянине, должны понести наказание.

84. Пользование водой пусть будет по прежним обычаям. Но если те, кто живет выше по течению [реки], перестроив ранее поставленные запруды и бесчинствуя, перегородят [русло] так, что вода не будет проходить, нарушат закон. Живущий ниже по течению [реки] говорит, что по старым обычаям вода должна течь, а живущий выше по течению – что по прежним обычаям не должна, и дело доходит до тяжбы. Если нет доказательств у обеих сторон и рассудить их трудно, следует пустить воду, ибо она питает всех людей.

85. Ради пользования водой ставят запруды, строят плотины и прежние каналы и рвы, по которым лилась [вода], из-за преград по течению реки, приходят в негодность. Когда в соседних [крестьянских] владениях¹⁰⁷ прорывают каналы и отводят туда воду, те крестьяне и *дзито*¹⁰⁸ не должны им препятствовать. Взимать ли плату за [устройство] запруд или нет, должно быть решено по прежним обычаям.

86. Если прежняя запруда стала глубоким омутом или пустошью, ее восстановить – дело важное. Потому, когда придет она в негодность, следует в подходящем месте, где легче соорудить, запруду вновь поставить – либо по верхнему, либо по нижнему течению. Если дело касается одной деревни, до спора дойти не должно. Если [был спор] с

другой деревней, следует доложить о деле [даймё]. После этого можно вершить суд.

87. Поскольку воду, что [служит] питьем для всех людей, черпают из реки, живущим вверх по течению бросать в воду нечистые вещи, загрязняя ее, запрещается. Помимо того, виновен тот, кто ставит запруды, и, [отводя воду] на свои земли, перегораживает течение, что [ведет] к нехватке годной для питья воды.

88. [Бывает], что для [пользования] водой строят плотину, вода постоянно прибывает, и из-за той плотины чужие владения приходят в запустение. Посему владелец той земли¹⁰⁹, творящий [в ответ] бесчинства¹¹⁰, поступает так не без причины. Но должен их прекратить.

Вода [для пользования] – благо для всех людей. Из-за вреда, нанесенного одному человеку, отказаться от [пользования водой], значит отступить от справедливости, [в том состоящей], что [вода] питает весь народ.

Хорошо всё обдумав, и подсчитав убытки [от постройки плотины] следует отдать тому землевладельцу соразмерное возмещение и уладить [спор].

89. С давних пор стоящую плотину не чинят, [она] приходит в негодность, и появляется пустошь. Запрещается под предлогом [того, что они] находятся во владении *сорё*¹¹¹, [те пустоши] обращать по своей прихоти в возделываемые поля. [Преступивший этот закон] должен быть наказан.

90. О владении, находящемся на берегах реки. [Если течение реки разделит его надвое], часть на другом берегу будет относиться к [основной части] землевладения. Если же затоплена будет часть земли, граница будет проходить по реке. Но устанавливать преграды по течению следует так, чтобы речная [вода] беспрепятственно могла бы течь по своему основному руслу. Землевладельцы на противоположном берегу реки должны также [этого правила держаться].

91. О расприх из-за воды. [Улаживать их] надлежит по закону о воде¹¹². Тот же, кто во время тяжбы побьет другого, признается виновным¹¹³. Если убьют человека, без [дальнейшего] разбирательства [убийцу] следует покарать.

¹⁰⁹ Землевладелец – дзинуси.

¹¹⁰ Хозяин земли, которому был нанесен ущерб строительством плотины, пытается расквитаться каким-либо образом с тем, кто ее построил.

¹¹¹ Сорё (そうりゃう) – глава вассального клана, под контролем которого могли находиться горные уголья, речные воды.

¹¹² Закон о воде – ст. 84–90 «Дзинкайсё».

¹¹³ Неясно, значит ли это, что нанесший побои должен был отвечать за свое поведение или признавался проигравшим суд.

¹⁰⁶ В данном фрагменте идет речь о том, что крестьянин из владений одного дзито присоединил свою землю к наделу крестьянина из владений соседнего дзито, чтобы уклониться от податей.

¹⁰⁷ Крестьянские владения – дзайкэ.

¹⁰⁸ Дзито и крестьяне, которые перегородили реку запрудами. В такой ситуации дозволится понесшей ущерб от строительства новых плотин стороне прорыть на их земле новые оросительные каналы с отводом в свои владения.

92. Часто бывает, что горы и реки находятся во владении *сорё*. [Но есть] и земли¹¹⁴, которыми владеют младшие сыновья. Храня прежние обычаи, менять [такой порядок] запрещается.

93. При одновременной продаже владения [сразу нескольким покупателям], отдано должно быть [тому], кто прежде других заключил договор о сделке. Вину продавца надо определить, исходя из обстоятельств дела.

94. Продаются владение и передают покупателю купчую, [но] когда покупатель [полностью] не расплатился, продавец говорит, что, он-де из-за крайней нужды продал наследственное владение, но по причине неуплаты [полной цены] перепродает его другому человеку. Вины продавца [в таком случае] нет. Если же продавец и покупатель договорились, и была передана купчая¹¹⁵, но из-за разницы в цене [продавец] отказался от первой купчей и продал [землю] другому человеку, виновным [будет] продавец. Владение же [отходит покупателю, с которым был заключен] первый договор [о продаже], второму покупателю пусть вернут полученную плату.

95. Если записанное в закладную владение, договорившись с другим человеком¹¹⁶, продают ему на вечные времена, и возвращают долг [держателю зклада], быть посему. Но [бывает], затевается тяжба о том, должно ли [заложенное] владение переходить [к заимодавцу]¹¹⁷, и один говорит, что заклад перешел [в его собственность], а другой заявляет, что купил на вечные времена. Следует судить по [закону] о купле [одного владения] сразу несколькими продавцами¹¹⁸.

96. Если [прежний владелец свое уже] проданное на срок имение¹¹⁹, договорившись с другим человеком, на вечные времена продает, но срок [действия первого договора] не истек, следует [решить дело] по закону об одновременной продаже¹²⁰. Но нет вины на продавце, если купят в конце срока¹²¹. Владеть [той землей] в соответствии с купчей¹²².

97. Хоть и передали друг другу грамоты, [удостоверяющие] продажу владения на срок, коли продавец или покупатель окажется виновным [в

преступлении], по прежним обычаям¹²³ следует [купленную землю] конфисковать.

98. Владеют купленной землей, получив грамоту [даймё]¹²⁴, но [после этого] по важной надобности владение продают. Но если продавший его провинился, в наказание отбирают его земли и иное [имущество]. Поскольку проданная земля [принадлежала] преступнику, равным образом [у покупателя она] отбирается. [Но, случается], что покупатель, предъявляя выданные прежнему владельцу грамоты [даймё], намеревается начать тяжбу, говоря, что на те земли [жалована была княжеская] грамота. Но разве грамоты, выданные преступнику, могут иметь силу? Замышляющие такое своекорыстие впредь должны его оставлять.

99. О купленной земле, [на которую] не взяли грамоту [даймё]. Из-за вины продавца, та земля конфискуется. Но если продавец, после того как [вновь] был принят на службу [даймё]¹²⁵, подал прошение [о возврате], говоря, что это его-де наследственное владение, и получил обратно, должен затем передать [ту землю] прежнему покупателю. Даже если то будут не дети и внуки продавца, но кто-либо иной, унаследовавший его имя, [продавец] должен отдать ее в соответствии с неподложной купчей. Но если [то владение] было пожаловано в награду кому-либо другому, под действие [этого закона] не подпадает.

100. О земле [проданной] на срок и [проданной] с условием возврата уплаченной цены. Покупатель и продавец обмениваются [купчими] грамотами, если же одна из сторон утратит свой документ, то по установившемуся обычаю, согласно оставшемуся у другой стороны договору, в [оговоренное в нем] время возвращают¹²⁶.

Но когда при продаже лишь одна из сторон получает купчую, которая [позднее] теряется, и на суде продавец говорит, что [земля] продана на срок, а покупатель — что с условием возврата платы за нее, спор следует решить по [свидетельствам] поручителей. Если же их не окажется, в убытке будет покупатель¹²⁷. Если же после этого отыщется купчая, по записанному в ней следует установить владение¹²⁸.

101. О купленной земле, на которую был получена грамота [даймё]¹²⁹. Владеет ею сын [покупателя], наследующий родовое имя и быть посе-

¹¹⁴ Горные и речные угодья, принадлежащие младшим сыновьям.

¹¹⁵ Подразумевается, что в данном случае покупатель передал продавцу полную плату за землю.

¹¹⁶ С другим человеком — то есть не с залогодержателем.

¹¹⁷ Кредитор получает ее после того как должник не смог отдать ссуду после истечения срока договора.

¹¹⁸ См. ст. 93.

¹¹⁹ Речь идет о сделке *нэнкиури*. По условиям сделки *нэнкиури* возвращают автоматически землю прежнему владельцу, по условиям сделки *хонсэнгаэси* прежний владелец чтобы получить обратно свою землю выплачивает полученные от покупателя деньги (иногда с процентами, если это было предусмотрено договором). Имение — *сётай*.

¹²⁰ См. ст. 93.

¹²¹ В конце срока действия договора о временной продаже.

¹²² Вопрос о том, когда именно покупатель земли на вечные времена вступает в свои права, решается на основании содержания купчей.

¹²³ Прецеденты подобных конфискаций обнаруживаются и ранее в период Муромати.

¹²⁴ Грамота *даймё* — в данной статье *какикудаси* (書きくだし), *хангё* (判形). Грамота, удостоверенная личной монограммой (как *花押*) *даймё*.

¹²⁵ Подразумевается, что продавец был помилован и вновь поступил на службу *даймё*.

¹²⁶ См. примечания к ст. 96.

¹²⁷ То есть покупатель земли будет признан проигравшим суд.

¹²⁸ Исходя из содержания обнаруженной купчей, следует определить, на каких условиях изначально была передана земля: по договору *хонсэнгаэси* или *нэнкиури*.

¹²⁹ Дословно о купленной земле, на которую была взята *какикудаси даймё*.

му. Но если отец разделит ту землю [по завещанию]¹³⁰, отписав ее [часть] младшим сыновьям, на то его воля.

Если же в подписанной [даймё] грамоте поставлены имена сыновей, будь то младшего или старшего, [та земля] пусть принадлежит тому, чье имя в грамоте записано, отец же вмешиваться не вправе.

102. Когда *дзигэнин* купит землю, и в грамоте, [удостоверенной даймё] будет указано имя его господина, владеть [тем наделом] должны его дети, служащие [тому же господину]. Запрещается [*дзигэнин*] уступать [часть той земли] своим сыновьям, несущим службу другому господину.

103. Когда на купленную *матахикан*¹³¹ землю напрямую выдается грамота [даймё], господин его не может на нее притязать. Пусть принадлежит детям [*матахикан*], чьи имена в грамоте записаны.

104. Пусть отец решит, передавать ли дочери [часть] земли по завещанию.

105. *Сорё* и младшие сыновья не должны друг у друга покупать земли. Даже если [с момента продажи] прошло много лет, следует вернуть уплаченную цену и отдать [землю]. У тех, кто сей закон преступит, должны быть конфискованы те¹³² владения.

106. О выделении *сорё* младшим братьям земли в качестве пожалования. Отныне можно ее передавать после того как стороны обменяются неподложными грамотами. Получившие [такое] пожалование должны уподобиться сыновьям или служилым людям¹³³.

Но вести себя недостойно в отношении *сорё* – значит забыть о благодеяниях, [оказанных] при пожаловании. Тогда при отказе от родства¹³⁴ *сорё* по своему разумению [решает] возвращать ли ту землю сыновьям прежнего владельца¹³⁵. Но если держат владение, полученное по завещанию [от отца], неся отдельную службу¹³⁶, *сорё* на него посягать запрещается.

¹³⁰ Та земля – хан-но ти (はんの地), то есть земля, на которую была получена от даймё грамота *какикудаси*.

¹³¹ Матахикан (又ひくわん) – слуга вассала Датэ. Соответствует понятию байсин эпохи Токугава. В статье говорится, что матахикан получил грамоту, подтверждающую покупку земли напрямую от даймё, а не через посредничество своего господина.

¹³² Речь идет только о купленных в нарушение закона владениях.

¹³³ Служилые люди – родо (らうどう、郎等). В эпоху Камакура родо – служилые люди, обладавшие среди прочих слуг своего господина сравнительно высоким статусом, но не связанные с ним кровным родством. В период Муромати словом родо обозначали близких к господину служилых людей, связанных с ним особенно тесными узами господства-подчинения (См. *Гоми Фумихико*. Родо // *Сэкай дайхякка дзитэн*).

¹³⁴ Отказ от родства – *гидзэцу* (きせつ).

¹³⁵ Прежнего владельца – того брата, у которого *сорё* ее отобрал за неподобающее поведение.

¹³⁶ То есть, по толкованию Кацумата, в случае если младшие братья связаны вассальными узами с даймё напрямую и несут службу за землю, отписанную по завещанию отцом, а не выделенную главным наследником – *сорё*. На мой взгляд, не исключено иное толкование:

107. Записанная в заклад земля по истечении последнего месяца года переходит [в руки заимодавца]. Но и в течение [года] должны [соблюдаться] условия закладной¹³⁷. Кроме того, если была возвращена хоть малая часть долга, закладную грамоту следует переписать.

108. Когда истекает оговоренный срок [возврата ссуды], заложенное владение должно перейти [к заимодавцу], но [должник] продает его на срок [заимодавцу], возмещая долг, [тот] же не отдает [должнику] закладную¹³⁸.

Проходит время, и заимодавец умирает. После этого у одного его сына [остаётся] закладная, у другого – купчая о продаже на срок, оба говорят, что [право на землю] было им передано [по наследству] и начинается тяжба. Когда трудно решить спор [о том, владелец какой грамоты прав], закладной или купчей, следует положиться на [слова] поручителей. Если не будет их, следует сравнить оба документа и по их содержанию рассудить [тяжущихся].

109. О заложенной земле. Когда закладчик, прося ее вернуть, предъявляет средства [для выкупа], а заимодавец, желая заполучить [то владение], будет под разными предложениями ему отказывать, вина будет на взявшем заклад. Но если не будет доказательств словам о намерении выкупить [землю]¹³⁹, вина ляжет на закладчика.

110. Касательно пропавших в ростовщической лавке заложенных вещей надлежит следовать¹⁴⁰ законам о *кураката*¹⁴¹.

111. Об утраченных в ростовщической лавке заложенных вещах. Если будут бесспорные доказательства нерадивости, то делать нечего¹⁴². Но если не будет выявлено свидетельств небрежения, пусть заимодавец возместит половину [их стоимости]¹⁴³.

112. Если был взят несоответствующий сумме долга залог, заимодавец не должен предъявлять должнику несправедливые требования.

даже если братья получили свое владение от *сорё*, но несут отдельную службу за него даймё, *сорё* не вправе их лишать выделенной земли, поскольку они связаны с даймё.

¹³⁷ Если по договору предусматривалось, что заклад теряется при невыплате долга не в последний месяц года, а раньше.

¹³⁸ Видимо, подразумевается, что вернувший долг таким способом терял окончательно права на землю и заимодавец не возвращал ему закладную. В обычной же ситуации после уплаты долга закладную полагалось вернуть бывшему должнику.

¹³⁹ То есть если закладчик не предъявит выкуп.

¹⁴⁰ Ростовщическая лавка – *сития* (しち屋).

¹⁴¹ См. ст. 6 «Кураката-но окитэ».

¹⁴² Заимодавец должен возместить стоимость утраченной вещи. На деле он обязан был выплатить половину стоимости, другая половина погашалась автоматически, так как он терял право требовать уплаты долга от должника после пропажи вещи. По нормам обязательственного права периода Сэнгоку, объем ссуды соответствовал половине стоимости помещаемой в заклад вещи.

¹⁴³ Владелец ломбарда должен уплатить половину цены пропавшей вещи, а по сути, отказать от требования ссуды, взятой должником.

113. Отказывающий в возврате долга, взятого без залога, виновен как вор.

114. [Тот, кто] купив какую-либо вещь, не заплатит за нее хозяину, приравнивается к вору. Если после того, как настоятельно потребуют отдать плату, тот человек скроется, ответить за то преступление должны его жена и дети¹⁴⁴.

115. Если выбрав поручителей, кто-либо одолжит, но потом не вернет, пусть возместят [за него] поручители.

116. Если кто-либо не выплатив долг, бежит в другие владения, и известят [об этом] *дзито*, [в чьих землях должник стал] жить, но [*дзито*] не заставив его уплатить, оставит [в своей вотчине], это подобно укрывательству вора, [*дзито*] должен быть наказан. Но если *дзито* того должника прогонит, на нем вины нет.

117. Если кто-либо своих детей запишет в заклад, и после получения займа умрет, следует потребовать от его детей [отдаться в холопство], если те откажутся, следует известить о том их господина. Если тот будет препятствовать¹⁴⁵, должен быть приравнен к вору.

118. [Бывает], что родители отдают в заклад свою дочь и получают ссуду, но умирают, не расплатившись. После этого по закладной требуют от той дочери [отдаться в холопство], но муж, за которого она вышла, чинит препятствия. Но должен немедленно передать ту женщину [заимодавцу], поскольку так было записано в отцовской грамоте. Однако ее муж неуплаченный заем может выплатить.

119. [Случается], что [кто-либо] заказывает [изготовление] вещи, но, [оплатив заказ], умирает, а его дети просят заказанную вещь им выдать, [мастер же] говорит, что ее получил¹⁴⁶ от их покойного родителя, и затевается тяжба. Если нет доказательств, даже если то имущество действительно было получено [от заказчика], [мастер] обязан вернуть [вещь его] детям.

120. Когда цену за купленную вещь долго не уплачивают, и продавец умирает, его дети требуют [причитавшуюся] отцу плату, но [покупатель] говорит, что уплатил все при жизни их покойного отца, и дело доходит до тяжбы. Рассудить [тяжущихся] следует на основании записей покойного. Если будут доказательства того, что все уплачено, так тому и быть¹⁴⁷.

121. О спорах по поводу изменения прежних границ [владений]. Переноса старые и притязая на новые границы, причиняют ущерб со-

¹⁴⁴ По-видимому, подразумевается, что жену и детей обращают в холопство и передают продавцу.

¹⁴⁵ Если он будет отказывать в выдаче заимодавцу детей умершего должника, которые были им записаны в заклад по долгу.

¹⁴⁶ Получил в дар или в наследство от покойного.

¹⁴⁷ Дети продавца проигрывают тяжбу.

седним владениям, либо, игнорируя недавние [законные] изменения [границ], судятся, представляя старые грамоты. И даже проиграв суд, [они] не терпят значительного ущерба, и часто со злым умыслом [вновь] подают иск, что мешает ведению судебных дел.

Отныне следует отправлять посланца [для расследования] и определить исконные границы. Если истец подал безосновательную жалобу, пусть передвинут границу [владений обратно] и измерят [площадь] спорной земли, а [затем] выделяют во владениях неправой стороны [равный участок] и передадут правой стороне.

122. О горных угодьях и лугах, где исстари не было границ, находившихся в общем пользовании. [Желают] обратить их в обрабатываемые поля, в связи с чем затеваются тяжбы. Но гора – это гора, а луг – это луг, и по прежним обычаям, возделывать [те] земли запрещается. Если найдутся те, кто этот закон преступит и самовольно начнет обрабатывать, пусть [эти] возделанные земли будут переданы правой стороне¹⁴⁸.

123. Пусть горами, где не проведены границы [владений], [пользуются] по прежним обычаям. Если же судятся из-за владения ими, следует выяснить срок владения: если [принадлежат кому-либо] 21 год [и более], [право на них] пересмотру не подлежит. Но часто бывает, что на суде одна сторона утверждает, что [те земли] уже давно¹⁴⁹ ей принадлежат, а другая – что недавно и не по справедливости достались [нынешнему хозяину]. Также замышляют иски о том, что минули годы и месяцы¹⁵⁰ после [незаконного] захвата с помощью силы, и есть справедливые права [на те угодья].

Следует проверить истинность доводов тяжущихся и присудить спорную землю той стороне, которая права. Кроме того, как было выше записано¹⁵¹, из владений выступившего с безосновательными претензиями истца пусть выделяют соответствующего размера участок и передадут правой стороне.

124. Спор о наследнике пусть решается по воле отца. Если же старший сын не сворачивал с пути сыновней почтительности и верно служит уже долгие годы¹⁵², но [отец] глубоко полюбив малолетнего сына, либо из-за наветов мачехи будет просить дозволения сделать наследником клана другого, следует вывести у отца и сына [причины] вза-

¹⁴⁸ То есть, по-видимому, той, которая отстаивала их статус горных и луговых земель в общем пользовании.

В период «воюющих провинций» споры вокруг пользования горными землями, лугами и пустошами часто происходили между крестьянскими общинами.

¹⁴⁹ С момента владения прошел 21 год и более.

¹⁵⁰ То есть прошел 21 год и более с момента незаконного захвата земли.

¹⁵¹ ст. 121.

¹⁵² Служит даймё.

имного разлада. Если сын не виноват, следует вынести решение, сообщаясь с обстоятельствами дела. Так же должно поступать в случае [спора, касающегося] договора об усыновлении¹⁵³.

125. По своей прихоти продавать земельные владения ремесленников¹⁵⁴ запрещается. [Продавец] вместе с покупателем должны быть оба наказаны.

126. Если в ремесленной мастерской случится пропажа по причине воровства или пожара, и будут доказательства, что [из-за этого] пропала вещь, так тому и быть¹⁵⁵. Если же, несмотря на утрату, не будет доказательств¹⁵⁶, но [ремесленник] заявит, что вещь исчезла, должен возместить [заказчику ее стоимость].

Если ценная вещь [передается] в мастерскую, следует привлечь *бугэ*¹⁵⁷, если она обычной цены – при передаче в мастерскую следует установить ее стоимость. И когда позднее случится утрата, следует возместить исходя из ее ранее установленной цены.

127. Когда удерживают залог из других провинций¹⁵⁸, должны непременно держать совет с *дзито* или господином¹⁵⁹, и, доложив *сюго*, можно брать¹⁶⁰. После дозволения, полученного от *сюго*, *дзито* той местности воспрещается чинить препятствия.

¹⁵³ Если наследником изначально был приемный, а не родной сын.

¹⁵⁴ Речь идет о ремесленниках на службе дома Датэ. Запрещается купля-продажа жалованной им земли.

¹⁵⁵ Статья, аналогичная по смыслу ст. 111 «Дзинкайсю» и ст. 9 «Кураката-но окитэ». Хозяин вещи получает от хозяина мастерской половину ее стоимости.

¹⁵⁶ Не будет доказательств того, что вещь пропала именно из-за пожара или была украдена. Как и в ст. 111, здесь проводится различие между утратой вещи по причине 1) неосмотрительности хозяина мастерской; 2) по «объективным» обстоятельствам (пожар, воровство). Во втором случае ремесленник должен выплатить хозяину вещи полную ее стоимость, тогда как владелец ломбарда платил только половину (вторая половина погашалась за счет отказа от требования выданной ссуды).

¹⁵⁷ Следует передать вещь через бугэ, должностное лицо Датэ. Ремесленники, фигурирующие в данной статье, также работают на даймё и трудятся в мастерских, которые находятся под надзором бугэ.

¹⁵⁸ Залог из других провинций – такоку-но сити (たこくのしち). Речь идет об аресте имущества жителя другой провинции (или его самого) в княжестве Датэ в отместку за невыплату долга или нанесение какого-либо ущерба имуществу жителя княжества Датэ в этой «чужеземной» провинции. Причем обидчик из других земель мог вообще быть никак не связан с арестованным. В юридических документах эпохи Сэнгоку такая практика называлась кунидзити (国質).

¹⁵⁹ Не совсем понятно, идет ли речь о *дзито* или господине заимодавца в княжестве Датэ или о *дзито* той местности, где заимодавец производил арест имущества и задержание жителя-«чужеземца».

¹⁶⁰ Можно арестовывать имущество и удерживать любого «чужеземца», соотечественник которого не отдал долг заимодавцу из княжества Датэ.

128. Когда в той же земле¹⁶¹ берут залог из другой деревни¹⁶², следует дважды, трижды посоветоваться со своим *дзито* или господином¹⁶³ и [после того] можно удерживать. Но если из-за небрежения того *дзито* или господина¹⁶⁴ *дзито* другой деревни извещен не был, и берущий и *дзито* оба подлежат наказанию.

129. Если же житель той же земли¹⁶⁵ будет как заложник задержан в другой провинции, пусть разыщут и накажут подлинного виновника¹⁶⁶. Но если упомянутый преступник, полностью возместит свой невозвращенный долг стороне, [подвергшейся] *кунидзити*¹⁶⁷, и повинится, прежнюю вину его можно простить.

130. Когда, мстя за ранение или за убийство, в другой провинции захватят или убьют жителя княжества [Датэ], пусть найдут истинных виновников и их покарают¹⁶⁸.

131. Запрещается, мстя за убийство или ранение¹⁶⁹, без должного разбирательства убивать жителя другой провинции. Когда случается такое дело, следует задержать чужеземца из провинции [где убили или ранили жителя княжества Датэ] и доложить в резиденцию *сюго*. Если же доподлинно известно, что в той земле¹⁷⁰ виновные понесли наказание, следует, не медля, вернуть задержанного [чужеземца] в его земли.

132. Если на поле битвы [кто-либо] будет [ненароком] сражен своими же сотоварищами, следует это считать смертью на войне¹⁷¹.

¹⁶¹ В той же земле – онадзи куни (おなし国), – в княжестве Датэ.

¹⁶² Залог из другой деревни – дословно таго-но сити (たかうのしち).

¹⁶³ С тем *дзито* или господином, в чьих владениях (в княжестве Датэ) проживал заимодавец. Они же, в свою очередь, должны были известить *дзито* той деревни, житель которой был должником. После этого производится арест любого жителя и/или его имущества из той деревни (в княжестве Датэ), из которой родом должник, не выплативший долг другому жителю княжества Датэ. В юридических документах эпохи Сэнгоку такая практика называлась *годзити* (郷質).

¹⁶⁴ Имеются в виду *дзито* или господин заимодавца. Они были обязаны, по этому закону, перед тем как заимодавец совершит *годзити*, предупредить *дзито* той деревни, жителя которой (или его имущество) подвергали аресту.

¹⁶⁵ Той же земли – княжества Датэ.

¹⁶⁶ Должника из княжества Датэ, действия которого стали причиной ареста «за рубежом» другого жителя из владений Датэ.

¹⁶⁷ Выплатит весь объем долга другому жителю из княжества Датэ, которого (вместе с имуществом) арестовал в другом княжестве заимодавец, совершая акт *кунидзити*.

¹⁶⁸ Описывается ситуация, когда в другом княжестве убивают или захватывают любого жителя княжества Датэ в отместку за убийство или ранение, виновником которого был другой житель из владений Датэ. Предписывается найти и наказать истинного виновника преступления в княжестве Датэ, действия которого привели к мести в отношении другого (невиновного) жителя княжества Датэ в другой провинции.

¹⁶⁹ Мстя за убийство или ранение жителя княжества Датэ «за рубежом».

¹⁷⁰ В землях, неподвластных Датэ.

¹⁷¹ Данная статья предназначена для запрета кровной мести при случайном убийстве своими сотоварищами во время сражения.

133. О споре между наставником и наставляемым¹⁷². Если имеющие своего наставника, не претерпев [от него] обиды, просят [себе] другого покровителя, следует выяснить, кто прав, и вынести решение в зависимости от обстоятельств дела.

134. За подделку документов самурай пусть будет лишен владений. Если нет у него владений, пусть будет изгнан в другие земли¹⁷³. Простолюдину же следует выжечь клеймо на лице. Так же пусть будет наказан и взявшийся за кисть писец¹⁷⁴.

Кроме того, [во время суда тяжущиеся] часто жалуются, что [у противной стороны] документы на владение спорными землями подделаны. Если и вправду после осмотра окажутся они подложными, следует наказать [виновных] как выше было записано. Если же в тех грамотах не будет изъяна, спорная земля подлежит конфискации.

135. О тяжбах, касающихся отеческих завещаний¹⁷⁵. Если минул 21 год [и более] с той поры, как владеют [той землей], [право на нее] пересмотру не подлежит. Но если та земля была отписана дочери и отдельно не упомянута в завещании, даже если прошло много лет¹⁷⁶, пусть будет возвращена *соре*¹⁷⁷.

136. О восстановлении дорог и мостов. Если требуется незначительная [починка], пусть ее выполнит землевладелец¹⁷⁸ той местности. Когда же нужен значительный ремонт, пусть возьмут его на себя деревня и *дзито* [той местности]. Если же дело не пойдет, пусть будут восстановлены с помощью пожертвований.

137. Захват дорог, используемых всем [людом], и обращение их в обрабатываемые угодья, приравнивается к воровству. Посему владельцы земель с обеих сторон дороги пусть выроют канавы слева и справа от нее, и как прежде было установлено, доведут ширину дороги до 1 *дзё* 8 *сяку*¹⁷⁹.

¹⁷² Речь идет о тяжбе между вассалами Датэ, которые находятся между собой в связи синан, похожей на отношения между ёриоя и ёрико, могущественными вассалами и мелкими самураями, богатыми крестьянами. Из-за недостатка источников трудно сказать, насколько отличались такие отношения от подобных связей в других княжествах периода «воюющих провинций». В княжестве Датэ ёриоя назывались синан суру моно (дословно «наставляющие»), а ёрико – синан сарэру моно (дословно «наставляемые»). Слово синан в китайских источниках означает преподавание военного искусства, а также наставника в военном деле. Но в княжествах Датэ, Сатакэ, Юки в период Сэнгоку синан было обозначением вассальных связей. Статья свидетельствует о том, что в княжестве Датэ «наставляемые» как и ёрико не могли без веской причины покинуть своих покровителей. Вместе с тем споры между ними разбирал суд даймё, то есть «наставляемые» не рассматривались как потомственные вассалы «наставников».

¹⁷³ Другие земли (такоку) – за пределами княжества Датэ.

¹⁷⁴ Писец, состряпавший фальшивый документ.

¹⁷⁵ Отеческие завещания – дословно «подписанные грамоты предков» (сэндо-но хан).

¹⁷⁶ 21 год и более с момента получения земельного владения от наследодателя.

¹⁷⁷ Главному наследнику, главе клана.

¹⁷⁸ Землевладелец – дзинуси.

¹⁷⁹ Примерно 5,7 м. 1 *дзё* = 3,03 м. 1 *сяку* = 0,33 м.

138. Идущим по дороге [путникам] воспрещается ломать изгородь стоящих на обочине домов и делать из нее факелы. Об [ограде] храмовых строений нет нужды и говорить.

139. Простолюдины не должны держать в услужении сыновей *матихикан*¹⁸⁰ или становиться их наставниками.

140. О смене места жительства простолюдинами. Когда обосновавшись и живя в одном месте, захотят перебраться в другую местность, могут уходить, получив дозволение¹⁸¹ своего *дзито* или землевладельца. Если же [кто-либо] оставил [на прежнем месте] родителей или детей, но, не уведомив управу¹⁸² своего землевладельца, перевез на новое место вещи и иное [имущество], то не будет несправедливым, если [жители] той же деревни при встрече задержат [ушедших].

И если оставивших [свой дом, схватив], поведут встретившие их [односельчане] и [по пути обратно] убьют, на них не будет вины. И даже если убитых будет много, такова их участь¹⁸³. Но если уехавший возвратился на прежнее свое место жительства, напавшие на него виновны [в убийстве].

141. Когда холоп или холопка¹⁸⁴ и им подобные забегут [в чью-либо усадьбу или владения], воспрещается даже на короткое время давать им прибежище.

142. [Бывает], что сыновья холопов перебегают в другие владения и просят принять их на службу, говоря, что они – незаконнорожденные дети своего господина или, что они получили волю от своего господина. Но их следует незамедлительно отвести обратно к прежнему их хозяину и родителям.

143. [Касательно] детей, родившихся от холопов, принадлежащих разным господам. Мальчика пусть передадут хозяину отца, девочку – хозяину матери.

144. Если *хикан* или *симобэ*¹⁸⁵ перебегают в другие владения, и их [законный] господин потребует [их доставить обратно], а [новый хозяин] не возвратив, продаст их кому-либо еще, подобен вору. Но случа-

¹⁸⁰ Служилые люди вассалов даймё. См. примечание к ст. 103.

¹⁸¹ Дозволение – итома (いとま). Так же называлось разрешение на уход, которое давал господин своему вассалу, или хозяину своему несвободному слуге (например, в ст. 142), а также муж своей жене при разводе (ст. 167), или настоятель храма монаху, пожелавшему вернуться в мир (ст. 11).

¹⁸² Управа – мандокоро (まんどころ).

¹⁸³ То есть их убийцы признаются невиновными.

¹⁸⁴ Холоп или холопка – дословно мужчина или женщина из гэннин. Также фигурируют в ст. 142, 143.

¹⁸⁵ Симобэ (しもへ) в эпоху Хэйан – низшие служащие полицейского ведомства кэбинситё, а в периоды Камакура и Муромати ведомств сёгуната (мандокоро, монтоудзё, самурай докоро и др.). Однако в статье этим словом обозначается челядь, несвободные слуги, выполняющие всевозможные работы по приказу хозяина. В данной статье по статусу они не отличаются от холопов – гэннин. В ст. 146 симобэ и гэннин используются как взаимозаменяемые слова.

ется, что тот беглый бежит обратно к прежнему своему владельцу. И [тогда] купивший его хозяин заявляет, что де [сам] его купил у имярек. Поскольку приобрел [того холопа] у преступника, так же виновен. Но если будет доказано, что на покупателе нет вины, следует распорядиться по обстоятельствам дела¹⁸⁶.

145. Если сбегут к кому-либо чья-либо жена или дочь, как бы они ни оправдывали [свой уход], должны быть приведены обратно к своим родителям и мужу.

146. Если в другой провинции беглого *симобэ* купил житель [родом из] той же провинции¹⁸⁷ и вернулся [на родину], прежний господин не может незаконно предъявлять [свои права]. Но коли прежний господин заявит, что тот – его потомственный [холоп], и пожелает заплатить выкуп, [купленного холопа] удерживать нельзя. Но когда покупатель при покупке холопа, знал имя хозяина, но не оповестил его, и, спрятав [холопа], [затем] продал другому, виновен наравне с вором¹⁸⁸.

147. [Случается], что женщина или мужчина из *симобэ* предлагают выкуп за себя, а их господин отвечает отказом. Но они настоятельно просят, чтобы после уплаты выкупа их взяли в услужение как *хикан*¹⁸⁹, и господин принимает выкуп. Но бывает, что [после этого] такой холоп выбирает себе другого господина, однако надлежит его тотчас же возвратить прежнему хозяину.

Кроме того, [бывает, что] хоть и отдают обратно мужа, говорят де, что жену и детей не вернут и упорно удерживают их. Но этому нет оправдания. Поскольку ушли они вместе со своим мужем или родителями, и при возврате надлежит вернуть их вместе с мужем.

148. Если прислужницы¹⁹⁰, не испросив у своего господина дозволения уйти, ударятся в бег, [в таком случае] не следует отличать мужчин от женщин. Так же, как и мужчин, находящихся в услужении, их надлежит вернуть прежнему господину.

149. По каким-то причинам возвышают холопа, и он служит подле особы своего господина, но его дети переходят на службу к разным господам. Этому нет оправданий. В соответствии с принципами осно-

вополагающей справедливости, даже если [детей] много, все до единого должны нести службу тому же господину, [что и их отец].

150. Не должны чинить препятствий [тому, кто], приметив своего наследственного холопа, его задерживает. Но если он сопровождает знатную особу, надо известить [о своих правах] и [холопа] забрать.

[Новый] господин, которому прислуживает [тот холоп], пусть вернет его прежнему хозяину. Когда же на основании свидетельств того *гэнин* должно пройти разбирательство, но упомянутого *гэнин* [новый хозяин] упорно не желает выдать, виновен наравне с вором.

151. Когда вершат расправу в усадьбе преступника, где будет [его] имущество, коровы, лошади, домочадцы¹⁹¹ и иное, *дайкан* не возбраняется их присвоить себе. Если же после побега с того места¹⁹², [преступник] будет просить [чьего-либо покровительства] говоря, что сбежал от прежнего хозяина, либо, что был отпущен своим хозяином, следует доставить его обратно к [прежнему] *дзито*. На урожай [с полей преступника] *дайкансю* притязать строго воспрещается. Пусть им распорядится *дзито*.

152. В [пределах] *татэмэгури*¹⁹³ во время расправы над преступником запрещается поджигать его жилище. Если же бесчинствующие,¹⁹⁴ растаскивая бамбуковые и деревянные стены [дома]¹⁹⁵, порушат его ограду, должны понести наказание. Хотя и не были они пособниками преступника, но нарушили закон, и потому вина их велика.

153. В ссору детей их родители, братья и взрослые встревать не должны.

154. Если кто, приметя [чужого] сокола, не вернет его, должен быть наказан как вор.

155. Об азартных играх. Не говоря уже об игроках, так же виновны ссудившие [им деньги] и давшие пристанище. Помимо того, [закон этот] также действует и в отношении *сугороку* и *фубики*¹⁹⁶.

¹⁹¹ Домочадцы – кэндоку (けんそく). Видимо это не только родственники преступника, но и его слуги, челядь.

¹⁹² С того места – после побега преступника из своей усадьбы.

¹⁹³ Татэмэгури (たてめくり、館廻) – область, центром которой была усадьба могущественного местного землевладельца или замок, принадлежавший дому Датэ. Землевладелец имел особые административно-полицейские полномочия в границах татэмэгури, в частности, право наказывать преступника, как следует из этой статьи.

¹⁹⁴ Бесчинствующие – рамбосю (らんほうしゅ). Неясно. относились ли к ним злоупотребляющие своими полномочиями слуги Датэ, родственники потерпевшей стороны или просто соседи (односельчане) преступника.

¹⁹⁵ Бамбук и деревья вокруг дома – дословно бамбук и деревья из сихэки (四壁). Слово сихэки имеет несколько значений, в частности: 1) небольшая роща, высаживавшаяся вокруг дома для защиты от ветра, пожара; 2) стены дома; 3) ограда дома. Представляется, что в статье это слово употреблено во втором значении.

¹⁹⁶ Сугороку (すくろく), фубики (ふひき) – разновидности азартных игр.

¹⁸⁶ Видимо, виновным покупатель холопа признавался в том случае, если он знал, что холоп – беглый. Если он не знал об этом, предписывается действовать по обстоятельствам.

¹⁸⁷ «Та же провинция», как и в предыдущих статьях – княжество Датэ.

¹⁸⁸ Согласно статье, житель удела Датэ за пределами княжества купивший беглого холопа, хозяином которого был его «соотечественник», освобождался от ответственности. Однако, если покупатель, зная имя прежнего хозяина беглеца, скрывал его от бывшего господина и перепродавал другому человеку, признавался виновным как вор, даже купив такого холопа за границей.

¹⁸⁹ Взяли в услужение – дословно «чтобы приказывали им как хикан». Из статьи следует, что хикан по статусу были выше несвободных холопов симобэ.

¹⁹⁰ Прислужницы – нёбо (ねうほう). В период Хэйан нёбо – общее название для фрейлин императорского дворца. В эпоху Муромати так называли женщин, прислуживающих высокопоставленной особе. Вероятно, по статусу нёбо были выше обычных холопов, но также относились к категории лично зависимых от своего хозяина.

156. Если лошади или коровы сорвутся [с привязи] и потравят урожай [на чужом поле], тех лошадей или коров следует привязать, и взять с их хозяина возмещение в зависимости от величины урона. Но нет оправдания, если забьют ту скотину или застрелят ее¹⁹⁷. Если нанесут раны лошади или корове наоборот должны их владельцу уплатить возмещение. Если убьют, пусть уплатят их цену. Совершившие такой опрометчивый поступок, должны затвориться в своем доме¹⁹⁸.

157. Забой собак на корм для соколов не возбраняется. Но запрещается, ворвавшись в ворота [усадьбы] знатной особы, их забивать.

158. О пути напрямик. Когда кто-либо, перейдя поперек, разрушит проторенную дорогу, если это самурай – должен оставить службу, остальные должны быть изгнаны.

159. О лжи посланца. Если [солжет] самурай, лишается владений. Если нет владений, пусть будет изгнан в чужие земли¹⁹⁹. Иные должны быть схвачены.

160. О творящих бесчинства²⁰⁰ в разных местах. Если известили о том их господина, но [он их] не схватил, вина ляжет на господина. Если то [был] хикан²⁰¹, должен быть наказан.

161. Если кто обманет, ущерб пусть восполнит господин, которому он служит. Но если он скроется с того места²⁰², этот закон не действует.

162. Если кто тайком вступит в связь с чужой женой, и мужчина и женщина, обоих в наказание предать смерти.

163. О прелюбодеянии. Овладевает [мужчина женщиной] насильно или вступают [они] в связь по взаимному согласию, не бывать этому без предоставленного кем-то крова. Те [кто дал им кров], виновны так же [как прелюбодеи].

164. Когда муж лишает жизни прелюбодеев, щадить жену – вопреки закону²⁰³. Но когда он предаст их смерти в опочивальне и оставит жизнь прелюбодейке, невиновен.

¹⁹⁷ Кацумата считал, что в этом фрагменте статьи речь идет о забое скотины вообще, а не коров или лошадей, которые испортили урожай на чужих землях (Дзинкайсю // Тюсэй сэйдзи сякай сисо..., с.237). Однако такая расширительная трактовка представляется неверной. Речь идет именно о скотине, нанесшей ущерб, которую владелец поля может в отместку зарезать или пристрелить из лука.

¹⁹⁸ Кацумата справедливо отметил, что подобное наказание налагается для очищения от скверны, которой по синтоистским верованиям, оказывался загрязнен забивший или пораивший домашний скот.

¹⁹⁹ В чужие земли (такоку) – из княжества Датэ в другие уделы.

²⁰⁰ Творящие бесчинства – родзэкиннин (らうせき人). Какие правонарушения им вменяются в вину из статьи непонятно. Возможно, здесь просто постулируется принцип ответственности господина за наказание своего правонарушителя-слуги.

²⁰¹ Кацумата считал, что речь идет о хикан Датэ. Однако оснований для такой трактовки он не привел. Скорее всего, говорится об ответственности господ за наказание своих хикан. В случае их бездействия хикан наказывал даймё.

²⁰² С места, где совершил мошеннические действия.

²⁰³ Ссылка на закон Муромати бакуфу 5-го месяца 11-го года Буммэй (1479 г.).

165. Похищение помолвленной [с кем-либо] невесты приравнивается к прелюбодейству. Пособники [похитителя] так же виновны.

166. О споре вокруг помолвки. Одни говорят, что решает такое дело отец, а другие – мать, и затеваются тяжбы. Правым пусть будет тот, кто говорит, что решает отец.

167. О разладе между мужем и женой. Из-за сварливого [нрава] своей жены, гонит ее из дома муж²⁰⁴. Но его жена говорит, что получила от мужа дозволение на развод, желая вновь выйти замуж. И ее отец и братья, не испросив разрешения бывшего ее супруга, выдают его за нового мужа. Но та жена и ее новый муж должны понести наказание. Однако это²⁰⁵ разрешается, если было вправду дано согласие на развод [со стороны прежнего супруга].

Когда же прежний муж, раскаиваясь²⁰⁶ либо затаив злобу на нового мужа, которого полюбила [его жена], [объявляет], что не давал согласия на развод, начинается тяжба. Если выяснится, что есть неподложная грамота с разрешением на развод, тому мужу не избежать наказания.

168. Служилые люди пусть не выходят на службу с длинными копьями и колчанами [для стрел]. Но когда [сопровождают даймё] на соколиной охоте или при выезде куда-либо, не подобает им [выступать], не повесив колчан и без оружия в руках. Отныне должны следовать этим правилам.

169. При [определении] границ полей рисовых и суходольных, угодий горных и луговых, усадебных земель и иных, пусть следуют ранее установленным правилам²⁰⁷. Но если старые границы передвинув, своевольно поставят знаки [владения]²⁰⁸, и обратятся с иском, а хозяин той земли ответит – есть для того основания. Надлежит проверить доводы обеих сторон, и коли подан несправедливый иск, пусть отведут на земле истца участок²⁰⁹ и отдадут ответчику.

170. [Бывает], что в городах и на ярмарках покупают краденое, и [изначальный] хозяин той вещи говорит, что купивший ее – вор. Но если тот покупатель укажет на продавца²¹⁰, не будет на нем вины.

171. О расправе над грабителем, укрывшимся за воротами чьей-либо усадьбы. Его обязан убить и выдать [тело] хозяин того дома. Если

²⁰⁴ Изгнание мужем жены из дома еще не означало законного по понятиям того времени развода. Требовалась специальная грамота, подписанная мужем, в которой он давал развод, что открывало дорогу новому замужеству для разведенной женщины. В начале этой статьи описывается ситуация, когда жена, солгав о получении от мужа законного развода, снова выходила замуж.

²⁰⁵ Это – новое замужество.

²⁰⁶ Раскаиваясь в том, что прогнал жену.

²⁰⁷ По содержанию эта статья, как и ст.121, передает содержание ст.36 «ГС».

²⁰⁸ Знак владения – бодзи (はうし), –деревянный столб либо каменный знак, обозначающий границы владений.

²⁰⁹ По ст. 121, «Д», отводившийся во владениях истца, предъявившего безосновательные претензии, участок должен был быть равен по площади тому наделу, который хотел он получить.

²¹⁰ Укажет на продавца, у которого купил вещь.

же не приметят [того вора], хозяин должен впустить преследователей и дать им провести обыск.

Но если [преследователи] без спроса ворвутся [в ту усадьбу], допустят беззаконие. Если в городе вор [проникнет] в дом, где сотни людей, не возбраняется без спроса [хозяина зайти туда] и убить [вора].

Сакёнодайбу Танэмунэ (монограмма).

Священная присяга О суде на совете²¹¹

Выше мы по своему неразумию, правду от кривды не отличив, допустили ошибки в написанном, но не по злему умыслу. Помимо того, если [кто-либо], приняв чью-либо сторону, и зная правду, ложно назовет ее неправдой, либо скажет, что в пользу дела несправедливого есть [верные] доказательства, либо желая скрыть чью-либо глупость, и зная истину, на суде ее не скажет, его дела будут в разладе с его сердцем. И разве позднее не приведет это к смуте²¹²?

Также на совете во время суда не должно быть своих или чужих. И не должно быть плохого или хорошего. Но как велит справедливость, и по велению своего сердца, не оглядываясь на своих сотоварищей, не страшась могущественных домов, должны высказываться.

Когда же вынесен приговор, и не расходится он с принципами справедливости, будет то следствием общего²¹³ [проявления] справедливости. Если по недосмотру допущена будет несправедливость – вину за это [разделят] все.

Если же позднее встретится [член совета] с ведущим тяжбу или его родичем, и, скажет, что знал о [его] правоте, но сотоварищи²¹⁴ сочли его совершенно неправым, будет это [потерей] единодушия [в совете]. И разве избежать после этого обвинений в пристрастности?

Кроме того, если те, чей иск ранее из-за отсутствия справедливых оснований был отклонен на совете, обратятся с повторной жалобой, и кто-либо из членов совета даст [от себя] грамоту [с дозволением], будет это значить, будто он один ведает [истину], а все остальные сбились с [верного] пути.

Но если подан будет прямой иск [к даймё], а советники окажут [истцу] несправедливую протекцию, и хотя [иск] заявлен был челове-

ком недостойным, скроют это, тем самым [они] нарушат эти законы. Тогда даже один [из членов совета] должен говорить, что думает и не быть заодно [с другими].

Но если из-за коварства одного человека, который пожелал человека неискушенного [в тяжбах] оклеветать, или когда люди темные, хоть и правы, но не могут изложить словами [свои доводы], [члены совета] не распознают кривду злонамеренного и правду глупого, будет это крайним неразумием либо отступлением от принципов справедливости.

Таковы основания этих статей. Если хоть от одной из них, покрывив душой и усомнившись в сердце своем, отступим, пусть постигнет каждого – божественная кара, наказание будд и *ками* Бонтэн²¹⁵, Тайсяку²¹⁶, четырех великих небесных царей²¹⁷, всех малых и великих небесных и земных божеств Японии, и прежде других Сиогама-но даймёдзин²¹⁸, в этом святилище [почитаемого] великого бодхисаттвы Хатиман²¹⁹, Мариси сонтэн²²⁰, Тэмман дайdzидзай тэндзин²²¹, их слуг и помощников²²²

Таковую клятвенную присягу [приносим].

Канэдзава Кадзуса-но сукэ Мунэтомо²²³

²¹⁵ Бонтэн (梵天) – Брахма, изначально божество индуистского пантеона. В буддизме выступает в качестве бога-защитника закона Будды. В Японии считался покровителем воинов, которые защищают закон Будды.

(Ashkenazi Michael. Handbook of Japanese Mythology. Santa Barbara. Denver. Oxford. 2003, p. 53, 297).

²¹⁶ Тайсяку – Индра, изначально божество войны в индуистском пантеоне. В буддизме наряду с Брахмой (Бонтэн) был божеством-охранителем закона Будды. В Японии считался покровителем воинов, которые защищают закон Будды. (Ashkenazi..., p. 53, 298).

²¹⁷ К четырем небесным царям, защитникам закона Будды относились: 1) Бисямон-тэн, защитник севера; 2) Дзиоку-тэн, защитник востока; 3) Дзотё-тэн, защитник запада; 4) Комоку-тэн, защитник юга. (Ashkenazi..., p. 53).

²¹⁸ Сиогама-но даймёдзин – «великое пресветлое божество Сиогама», божество Сиогама дзиндзя (塩竈神社) – в средние века главного святилища провинции Муцу (город Сиогама, современная префектура Мияги). В святилище почитались божества Сиоцуги-одзи, Такэми-кадзути, Фуцунуси, которые могли обеспечить процветание, удачу, хороший урожай и др. (См. Боги, святилища, обряды Японии // Энциклопедия синто. М., 2010, с.193).

²¹⁹ Хатиман – синтоистский бог войны, отождествлялся с легендарным императором Японии Одзин (270–310), одним из первых *ками* был признан бодхисаттвой в рамках синто-буддийского синкретизма. (См. Боги, святилища, обряды Японии..., с.95–96). «Это святилище» – храм Хатиман в Нисияма, замке-резиденции Датэ Танэмунэ.

²²⁰ Мариси сонтэн (摩利支 尊天) – буддийское божество, изображавшееся и в мужском и в женском облике. Почиталось как покровитель воинов.

²²¹ «Обходящее небеса великое всемогущее небесное божество». Божество Тэндзин (буквально «небесный бог») – посмертное воплощение политика и ученого эпохи Хэйан Сугавара Митидзанэ. Почиталось как божество синто и одновременно как воплощение бодхисаттвы Каннон. (См. Боги, святилища, обряды Японии..., с. 91–92).

²²² Спутники и слуги – буруй кэндзоку, следующие за буддами и бодхисаттвами: двенадцать божественных военачальников Якуси Нёрай, двадцать восемь спутников «тысячерукой Каннон» и др.

²²³ Видный вассал Датэ Танэмунэ. Его имя и монограмма поставлены также под «Кураката-но окитэ». Во время Уцуро-но ран (см. вступит. статью) занимал сторону Танэмунэ, однако в

²¹¹ Совет – хёдзё (評定). Хёдзёсю – совещательный орган при особе даймё, в котором состояли видные вассалы и служилые люди. Хёдзёсю(評定衆), который упоминается в клятвенной присяге после основного текста «ГС», – высший распорядительный орган Камакурского сёгуна, в который входили сиккэн (фактический правитель Японии периода Камакура из рода Ходзё), рэнсё – помощник сиккэн и видные сановники.

²¹² Смута – мидарэ (みだれ). Скорее всего, имеется в виду смута, конфликт из-за несправедливого вердикта, которые могут случиться в будущем, а не смятение в душе «неправедного» члена совета при даймё.

²¹³ Общего – то есть всех членов совета при даймё (хёдзёсю).

²¹⁴ Его товарищи – другие члены совета.

Кокубун Саэмон-но дзё Кагэхиро²²⁴
Накано Кодзукэ-но сукэ Тикатоки²²⁵ (монограмма)
Маннэнсай Сямы Тёэцу²²⁶
Томидзука Оми-но ками Накацуна²²⁷ (монограмма)
Ито Окура-но дзё Мунёри
Минэ Суруга-но ками Сигэтика
Хамада Идзу-но ками Мунэкагэ²²⁸ (монограмма)
Макино Кии-но ками Кагэнака²²⁹ (монограмма)
Макино Аки-но ками Мунэоки²³⁰
Сямы Доки
Накано Хитати-но сукэ Мунэтоки²³¹

5-й год Тэмбун, год Хэнсин Хиноэ-сару, 14-й день 4-й луны

Установления о кураката²³²

1. [Отдаваемые в ломбард] шелковые ткани пусть берут за полцены. Срок возврата истекает в 12-м месяце. Если отданная в заклад вещь не передается [кураката], следует вернуть и проценты²³³.

разгар смуты все его владения оказались конфискованы, и клан Канэдзава был уничтожен. (Сэнгоку даймё касиндан дзитэн. Тогоку хэн (Словарь вассальных групп сэнгоку даймё. То-гоку). Токио. 1981, с. 91).

²²⁴ Вассал Датэ Танэмунэ, в период Уцуро-но ран воевал на его стороне. (Сэнгоку даймё касиндан дзитэн..., с. 92).

²²⁵ Сын Накано Мунэтоки – см. ниже.

²²⁶ Мастер рэнга, приближенный Датэ Танэмунэ.

²²⁷ Приближенный Датэ Танэмунэ. Подписал также «Кураката-но окитэ». Во время Уцуро-но ран остался верен Танэмунэ и погиб. После победы Харумунэ над отцом почти все владения клана Томидзука были конфискованы. (Сэнгоку даймё касиндан дзитэн..., с. 95).

²²⁸ Один из наиболее влиятельных вассалов Датэ Танэмунэ. Во время Уцуро-но ран подержал Харумунэ. Хамада наряду с Накано и Макино вошел после его победы в число наиболее могущественных вассальных кланов. (Сэнгоку даймё касиндан дзитэн..., с. 97).

²²⁹ Сын Макино Мунэоки, умер вслед за отцом во время Уцуро-но ран.

²³⁰ Вассал Танэмунэ, также поставивший свое имя под «Кураката-но окитэ». Присвоение Танэмунэ должности сюго Муцу и звания сакёнодайбу состоялось во многом благодаря Мунэоки, которому поручено было ходатайствовать об этом перед бакуфу. После начала Уцуро-но ран принял сторону Харумунэ, умер во время смуты. (Сэнгоку дзиммэй дзитэн..., с. 715).

²³¹ Вассал Танэмунэ, стал одним из зачинщиков Уцуро-но ран, стремясь помешать отъезду Датэ Санэмото в клан Уэсуги и его усыновлению там в качестве наследника, с самого начала выступил на стороне Датэ Харумунэ, поднявшего мятеж против отца. Фактически возглавил сторонников Харумунэ во время смуты, за что был щедро вознагражден после его победы. В начале правления Харумунэ он обладал наибольшим влиянием среди вассалов Датэ. Датэ Тэрумунэ, внук Танэмунэ, придя к власти, стал тяготиться влиянием Накано Мунэтоки и его сына. Они подверглись опале и бежали из княжества. (Сэнгоку даймё касиндан дзитэн..., с. 96).

²³² Кураката – см. вступительную статью.

²³³ В период Сэнгоку выдаваемая ломбардом ссуда, как правило, составляла не более половины цены закладываемой вещи.

2. За оружие и вещи из металла пусть возьмут [при закладе] треть их цены. [Срок выкупа] – до [конца] 12-й луны²³⁴.

3. Об изгрызенных мышами вещах заложенных кураката]. В убытке будет закладчик.

4. Строго запрещается одалживать заложенные вещи²³⁵.

5. За подмоченные (испорченные, отсыревшие) вещи, проценты по долгу брать запрещается.

6. За утерянную вещь пусть выплатят полную ее цену²³⁶.

7. Даже если взято было в залог краденое, на [кураката] не будет вины.

8. Если пропадет закладная, заложенную вещь выкупать запрещается. Но если на месте [кто-либо] поручится [за закладчика²³⁷], можно выкупить.

9. Если из-за пожара или кражи выяснится, что кураката оказался в убытке, в убытке будет и закладчик²³⁸. Если же не будет доказательств утраты [по этим причинам], пусть кураката выплатит закладчику половину суммы займа.

10. За мошенничество²³⁹ кураката не в ответе. Но пусть наказание за это понесет совершивший обман.

11. На исходе дня принимать заклад не надлежит.

12. По истечении пяти лет [после начала работы кураката], пусть платят налог на кураката.

13. За заложенные шелковые ткани [каждый месяц] на сумму долга начисляется пять процентов ее стоимости, на изделия из металла – шесть.

Если кто выше записанные статьи нарушит, пусть будет сурово наказан. Такой закон установлен.

2-й год Тэмбун, 3-й месяц, 13-й день

Канэдзава Дандзё саэмон-но дзё Мунэтомо (монограмма)

Макино Кии-но ками Кагэнака (монограмма)

Макино Аки-но ками Мунэоки (монограмма)

Накано Кодзукэ-но ками Тикатоки (монограмма)

Хамада Идзу-но ками Мунэкагэ (монограмма)

Томидзука Оми-но ками Накацуна (монограмма)

Сакаути Хатири Уэмон-но дзё доно

²³⁴ По законам сёгуната Асикага срок выкупа заложенной вещи заканчивался по истечении 12-го месяца.

²³⁵ Злоупотребления кураката, одалживавших уже заложенные вещи, были нередким случаем.

²³⁶ Размер ссуды составлял в период Сэнгоку половину цены закладывавшейся вещи.

²³⁷ Поручится за закладчика, что он действительно отдавал в заклад свою вещь.

²³⁸ В подобной ситуации владелец кураката терял право требовать возврата ссуды, а залогодатель – не только не получал обратно свою вещь, но и не получал никакой компенсации.

²³⁹ Из статьи неясно, о каком именно виде мошенничества идет речь.

К. О. Саркисов

В летописи российско-японских отношений немало светлых страниц. Одна из них относится к давней истории лета 1872 г. Шел лишь пятый год после реставрации Мэйдзи (*Мэйдзи исин*, 1868 г.), и новое правительство взялось активно за модернизацию государства, но в отношениях с зарубежными странами вынуждено было следовать неравноправным договорам, заключенным в 1850-е годы правительством сёгуната. Были открыты многие порты страны, куда свободно заходили иностранные суда, а Иокогама, ближе всех расположенная к столице, была наиболее оживленным из них. 9 июля 1872 г. здесь бросил якорь перуанский барк «Мария Луз». Судно следовало из Макао к тихоокеанскому побережью Перу в порт Кальяо, где несколько ранее молодая южноамериканская республика выдержала атаку испанской эскадры и отстояла свой суверенитет.

Заход в Иокогаму был вынужденным. В пути судно потрепал шторм, и требовался ремонт. На рейде в тот день было немало гражданских и военных судов, и все шло бы своим чередом, если бы случайно не выяснилось, что на борту «Марии Луз» был «живой груз» – 232 китайских батрака – «кули».

Этот факт вряд ли можно было считать чем-то из ряда вон выходящим. Макао давно имел дурную славу одного из центров работорговли¹. В XVI–XVIII вв. в силу своего географического положения он служил удобным перевалочным пунктом торговли, главным образом, выходцами из «черной» Африки, позднее из стран Юго-Восточной Азии и Индии. Но в начале XIX в. мировое общественное мнение осудило торговлю рабами. К тому же, с образованием Гонконга и открытием многих китайских портов после «опиумных войн» португальская колония утратила свое значение торгового перевалочного пункта. И чтобы как-то поддержать жизнь этого города португальские купцы и многие другие, кто в нем обосновался, продолжали промышлять торговлей людьми. Только теперь это был «экспорт» китайских батраков. Благо Китай был рядом, а спрос на них высоким на плантациях Латинской Америки, особенно Кубы и Перу. После того, как в 1855 г. британские власти

приняли закон, запретивший Гонконгу заниматься подобными операциями, поток кули из Макао увеличился².

«Спрос» на кули в Латинской Америке оставался высоким. После распада испанской империи в первой половине XIX в. в большинстве новых суверенных государств юридические ограничения и моральные барьеры в отношении работорговли были невысокими и с легкостью игнорировались. Это особенно касалось Перу, куда в течение третьей четверти XIX в. ввезли несколько десятков тысяч китайских кули, в основном из Макао³. О жестокой эксплуатации китайцев на южноамериканских плантациях было мало известно, и только трагические события во время их транспортировки через просторы Индийского океана попадали в печать. В 1871 г. в пожаре на судне «Долларс Угарн» на его пути из Макао в Кальяо погибло 600 человек⁴.

Впрочем, содержание кули в самом Макао было не лучше. Здесь за год с улиц подбирали до ста валявшихся трупов кули, которых их хозяева не удосуживались предать земле. Когда местным губернатором была создана специальная комиссия для обследования ситуации с кули, она установила, что с ними обращались «хуже, чем с собаками»⁵.

Пережитки тех порядков можно было наблюдать до последнего времени. Так, например, в перуанском обществе кули и их потомки подвергались дискриминации вплоть до второй половины XX в. Такое отношение к себе испытывали подчас и японские эмигранты начала того же века, внешне не отличавшиеся для перуанцев от потомков кули. Японских детей в школе презрительно называли «чино», а в некоторых ресторанах требовали убираться вон. Как о парадоксе писала японская печать, когда в Перу впервые президентом был избран японец по происхождению⁶, который занимал этот пост с 28 июля 1990 г. по 17 ноября 2000 г.

Этот факт говорил о том, что времена изменились. Но следует признать, что с дискриминацией пытались бороться и тогда. В Макао была введена система лицензирования «контрактов» с кули, был принят закон, по которому все «рабы» въезжавшие в пределы португальской империи, становились свободными. Но в реальности законы нарушались, торговля кули продолжала процветать, а мировое сообщество продолжало смотреть на нее сквозь пальцы.

Поэтому произошедшее в Иокогаме можно все же рассматривать как нечто экстраординарное. Вот как докладывал о нем представитель

² Watt Stewart. Chinese Bondage in Peru: A History of the Chinese Coolie in Peru, 1849–1874. Greenwood Press. Westport, CT. 1970, p. 19.

³ Ibid, p. 3.

⁴ New-York Times. 07. 07.1871.

⁵ New-York Times .09.11. 1872.

⁶ Майнити симбун, 25.05. 1990.

¹ Jonathan Porter. Macau, the Imaginary City: Culture and Society, 1557 to the Present. Westview Press. Boulder, CO. 1996, p. 130.

России в Японии Евгений Карлович Бюцов своему непосредственному начальнику директору Азиатского департамента российского МИД Петру Николаевичу Стремоухову. «В первый же день стоянки его (судна «Мария Луз» – К. С.) на рейде с борта его бросился в воду один из китайцев, который был спасен людьми, посланными со стоявшего поблизости броненосного фрегата «Iron Duke». Человек этот, переданный через английского консула японским властям (так как перуанское правительство, не заключившее договор с Японией, не имеет консула в Иокогаме), жаловался на жестокое обращение, которому он и другие китайцы подвергались на «Maria Luz» и умолял о том, чтобы его не возвратили на судно»⁷.

Бюцову, когда его назначили на должность первого постоянного представителя России в Японии после установления дипломатических отношений в 1855 г. было 26 лет. Другими словами, он родился в семье русских потомственных дипломатов шведского происхождения лишь через год после этого события. В Иокогаму его перевели из консульства в Хакодате за год до инцидента с перуанским судном. Российский МИД во главе с князем Горчаковым высоко ценил способности молодого дипломата, уже 19-летним юношей успевшего себя зарекомендовать в качестве секретаря по дипломатическим делам у генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского⁸.

Бюцов писал Стремоухову, что поначалу, несмотря на просьбы несчастного, японские власти вернули его капитану перуанского судна, некоему Эррера, взяв с того слово, что беглец не будет наказан. Но капитан своего слова не сдержал. Беглец был жестоко избит, и к тому же ему отрезали косу, что было верхом унижения для любого китайца. Крики избиваемого и тех, кто из его товарищей пытался защищать его, доносились до команды английского фрегата.

Обстановка вокруг перуанского судна особенно накалилась, когда еще одному китайцу удалось бежать. Как и первый, он доплыл до английского фрегата, и его рассказ о бесчинствах команды на судне настолько шокировал английских моряков, что они поставили об этом в известность британского консула в Иокогаме г-на Уотсона. Тот обратился к японским властям и посоветовал им провести расследование.

Не без колебаний, власти города последовали этому совету, и вскоре после посещения судна портовыми властями все кули были свезены на берег, где их поместили под надзор японской полиции. Допрашивали китайцев в присутствии иностранных консулов. Следствие подтвердило факты жестокого обращения, а главное, приняло во внимание заявления

кули, что на борту судна они оказались против своей воли в результате махинаций с «контрактами». Перед молодым японским государством встала нелегкая задача. Впервые оно оказалось причастным к инциденту, который следовало решать с позиции международного права. Это было не так просто уже потому, что само это право находилось в стадии становления, и еще не было никаких международных организаций, к которым можно было апеллировать.

Только открывшаяся миру страна с самого начала пыталась разобратся, по каким правилам этот мир живет. Двумя годами ранее на японский язык был переведен труд американского юриста Генри Уитона (Henry Wheaton) «Основы международного права» (по-японски «Банкоку кохо»), ставший своеобразной «библией» для формирования международно-правового самосознания японцев. Но и в этой книге вряд ли можно было бы найти какие-то ответы на конкретные вопросы.

Интерес к международному праву не был связан только с китайскими батраками. Япония сама нуждалась в правовых обоснованиях насильственного присоединения к своей территории островов Рюкю в споре с Китаем, который ссылался на свои верховные права (сюзеренитет) над королевством Рюкю. После убийства 54 рыбаков с о-ва Мияко (Окинава) аборигенами с о-ва Тайвань (в конце XVI в. португальцы стали называть его Формоза), входившего в состав китайской империи, Япония еще не решалась на акт «возмездия» из-за неясности статуса Окинавы, хотя националисты и печать требовали посылки на место происшествия карательной экспедиции. В момент кризиса с перуанским судном в 1873 г. произошло второе нападение тайваньских «дикарей» на этот раз на жителей самой Японии. И снова наблюдался подъем национализма и требования военных санкций⁹. Не очень заботясь о суверенитете Тайваня, в апреле 1874 г. один за другим японские корабли с войсками покидали Нагасаки и брали курс на Китай, откуда после кратковременного захода в порт Амои провинции Фудзян направлялись к Тайваню¹⁰.

Помимо внешнеполитических событий инцидент с перуанским судном разворачивался на фоне острого политического кризиса в самой Японии. Он начался после отплытия из Иокогамы 23 декабря 1871 г. в Соединенные Штаты и далее в страны Европы делегации во главе с князем Ивакура Томоми. 15 января 1872 г. почтовое судно «Америка» с японским посольством на борту на три дня раньше срока причалило к морскому вокзалу Сан-Франциско. С попутным ветром за границу уехала наиболее активная часть мэйдзийского правительства¹¹. Оставшиеся в Токио политики, несмотря на заключенное соглашение не предпри-

⁷ АВПРИ (Архив внешней политики Российской Империи), фонд «Японский стол» (150), опись 493, д. 2025, л. 1.

⁸ Из Японии в 1873 г. его перевели на работу в Пекин, где он руководил Русской Миссией 10 лет. После Китая он был посланником в Греции, Иране и Швеции.

9 New-York Times. 06.10. 1873.

10 Токио Нити-Нити симбун. 23.05.1874.

11 New-York Times. 16. 01.1872.

нимать ничего радикального, пытались добиться согласия императора, которому только исполнилось двадцать лет, на реализацию плана военного давления на соседнюю Корею. Прошло три года с тех пор, как в Корею было направлено письмо с предложением об установлении дипломатических отношений, а Сеул не только не признавал новое государство, но даже грозил карательной экспедицией.

У судей в Иокогаме были свои проблемы. По японским законам за плохое обращение с пассажирами капитан перуанского судна подлежал наказанию. Как свидетельствуют перуанские материалы, капитану Эррера грозило наказание – сто ударов плетью или 100 дней заключения. Однако кули как «контрактники» обязаны были следовать к месту своей работы. Мучительно долго судьи взвешивали все «за» и «против», и, в конечном счете, было принято «соломоново решение». Капитана освободили от ответственности, но отказали ему в его требовании вернуть кули на судно. Взамен предложили подать гражданский иск на кули за «невыполнение» контрактов¹².

Капитан «Марии Луз» опротестовал решение губернатора и потребовал проведения нового суда в Японии, ссылаясь на нарушение особого режима порта Иокогама, который, по его мнению, не позволял администрации вмешиваться во внутренние дела судов и кораблей в нем находящихся¹³. В этом его активно поддержало консульство Португалии, под юрисдикцией которой находилось Макао.

Судьей нового разбирательства стал губернатор префектуры Канагава Оэ Таку, только что назначенный на этот пост после ухода в отставку его земляка и близкого друга Муцу Мунэмицу, который был одной из ключевых фигур событий Мэйдзи. Муцу ушел в знак протеста как раз против того, что японское правительство ввязалось в это сомнительное, по его мнению, дело, грозившее осложнением отношений с Португалией и большинством европейских стран. В их число не входила Россия, репутация которой после миссий Путятина была на высоком уровне, к тому же стали налаживаться добрососедские отношения. Об этом свидетельствовал тот факт, что в качестве губернатора Оэ Таку в начале ноября следующего, 1873 года, приветствовал в порту Иокогамы великого князя Алексея Александровича, младшего сына российского императора Александра II. Спустя годы, Оэ на встрече в Сеуле с русским поверенным в делах в Корее Павловым говорил, что имел счастье «принимать у себя Его Императорское Высочество Великого Князя», и что с тех пор «проникся сознанием необходимости тесного сближения Японии с Россией»¹⁴.

¹² Watt Stewart. Цит. соч., с. 156.

¹³ Payson J. Treat. Japan and the United States, 1853–1921. Stanford University Press. Stanford, CA. 1928, p. 102.

¹⁴ АВПРИ, фонд «Миссия в Токио» (195), опись 529, дело 191, л. 202.

Сложность миссии Оэ Таку заключалась в том, что он представлял государство, которое, не имея опыта международных отношений, брало на себя миссию защитника прав человека. Как отмечалось в мировой прессе, некоторая ирония была еще и в том, что только «вылупившаяся из скорлупы» восточного феодализма Япония защищала ценности гуманизма в споре с цивилизованными «христианскими» странами, к коим относились и Португалия, и Перу¹⁵.

Ситуация была тем более деликатной, что в самой Японии с «правами человека», мягко говоря, не все обстояло благополучно. Сохранялась практика продажи девочек для занятия проституцией и дискриминация в отношении *буракумин* (японские парии). Не случайно, адвокатом капитана Эррера неожиданно стал англичанин Фредерик Диккенс. Юрист, врач и филолог, прославившийся в ту пору переводами на английский язык произведений классической японской литературы, был близким другом другого известного японоведа и дипломата Эрнста Сатоу. Вместе с ним он стоял у истоков организованного все в том же 1872 г. и в той же Иокогаме «Азиатского Общества Японии», старейшего центра японоведения в самой Японии.

Диккенс взялся защищать перуанцев, чтобы заставить японское правительство обратить внимание на внутренние проблемы в стране. Не столько под давлением Диккенса, сколько из-за ситуации, в которой японское правительство оказалось в связи перуанским судном («ноблес оближ»), в ноябре 1872 г. был принят закон, запретивший в принципе куплю-продажу людей во временное или постоянное пользование, и «армия» проституток, существовавшая в стране, получила юридическую свободу¹⁶.

Суд длился более двух недель, и в окончательном приговоре иск Эррера о возвращении кули на борт «Марии Луз» был отклонен. Было принято постановление об их депортации в Китай в сопровождении специально назначенного для этого лица. Кули была выдана одежда и провиант на дорогу. Вскоре из Шанхая прибыл представитель китайского правительства и увез их домой. Позднее пришло и благодарственное письмо в адрес Японии от Цинского правительства. Судно «Мария Луз» было продано с открытого аукциона за 7250 долл., и после выплаты расходов по организации его продажи чуть менее 7 тыс. долл. было помещено на счет в один из банков до решения конфликта¹⁷.

Но этим дело не закончилось. Для Японии проблемы только начинались. Португальское консульство подало апелляцию на решение судьи. Как писал Бюцов, португальцев поддержал германский представитель, к которому примкнули все остальные, кроме него самого, консулов

¹⁵ New-York Times. 11.11. 1872.

¹⁶ Wilhelm Rohl. History of Law in Japan since 1868. Brill, Boston, 2005, p. 143.

¹⁷ АВПЯ. Том 7 (1974 г.). Раздел 8, с. 541

США и Англии. По инициативе германского консула Эдуарда Заппе 29 августа 1872 г. в Немецком клубе в Иокогаме собрались консулы Дании, Нидерландов, Португалии, Италии, Англии и США. В ходе бурных дебатов Заппе выступал за возвращение кули на борт португальского судна. Он говорил о неправомерности японских властей выносить суждение о действиях капитана в отношении пассажиров, которые имели место не на территории Японии, а в открытом море. Заход в Иокогаму был совершен не по своей воле, а из-за погодных условий. По его мнению, японские власти не могли судить и о легитимности контрактов между сторонами, к которым Япония не относилась¹⁸.

В своем донесении в Петербург Бюцов отмечал, что он не согласен с этим мнением, считая его предвзятым и формалистским. Из документов видно, что русский представитель пользовался особым доверием японских властей. У него сложились хорошие отношения с тогдашним министром иностранных дел Японии Создзима Танэоми. Последнему импонировало, что Бюцов не скрывал своей солидарности с позицией японского суда, основанной на приоритете принципов гуманизма над формальным правом. *«Министр иностранных дел по самому возбуждению дела «Мария Луз» обратился к моему совету относительно некоторых его подробностей; вполне одобрив человеколюбивые побуждения японского правительства, я обратил внимание Созэсима на необходимость очень осторожного образа действий, с тем, чтобы не дать повода к претензиям со стороны Перуанского правительства».* И еще: *«Созэсима по этому случаю доверительно сообщил мне, что здешний министр (посланник – К. С.) Соединенных Штатов Де-Лонг заявил ему намерение принять под свое покровительство капитана «Мария Луз» и изъять его таким образом из подсудности японским законам на том основании, что Перуанское правительство уполномочило его принять под защиту интересы граждан этой страны в Японии»*¹⁹.

У Делонга (De Long) поначалу не оказалось формального подтверждения его полномочий со стороны Лимы, но он вскоре их получил от Гамильтона Фиша, бессменного госсекретаря в правительстве Уиллиса Гранта. В американской позиции было свое противоречие. Сразу после победы над рабовладельческим Югом, в которой, собственно, и отличился генерал Грант, Вашингтон принципиально выступал против торговли людьми. С другой стороны, он стремился завязать хорошие отношения с молодыми южноамериканскими странами, и поэтому взялся защищать интересы Перу. Эта противоречивость и выразилась в попытках решить конфликт с помощью компромисса. Но больше всего американцы стремились не допустить силового решения. Делонг вместе с английским консулом воспротивился намерению перуанцев послать к

берегам Японии и Китая броненосец «Индепенденс» («Independencia»), лишь несколькими годами до этого построенный на английской судовой верфи, а также быстроходный корвет «Юнион» французского производства, ранее перекупленный у США²⁰.

Авантюристность такого шага была очевидной, и к этому же не располагала внутренняя ситуация в Перу. Изнурительная война с Испанией, острое столкновение во время президентских выборов трех основных политических партий – гражданской, военной и католиков. Победивший на выборах Мануэль Пардо, в конечном счете, принял решение вместо броненосца «Индепенденс» послать в Японию его командира, одного из самых ярких и многообещающих морских офицеров страны в то время – капитана Аурелио Гарсия²¹.

Еще до прибытия в Японию перуанского посла упоминавшийся Делонг стремился убедить токийское правительство в необходимости уступок, уверяя его, что это можно сделать так, что не будет восприниматься как одобрение работорговли²². Но Токио не собирался даже частично признавать своей вины, отстаивая право на юрисдикцию в отношении иностранцев. О причине, которая скрывалась за этой «неуступчивостью» Бюцов писал самому Горчакову. *«Милостивый Государь Князь Александр Михайлович... перуанскому министру (Гарсия – К. С.) вряд ли удастся сломить упорство японцев, так как они во всех сношениях с иностранцами руководствуются стремлением ослабить исключительные права, которыми иностранцы пользуются по договорам; по предстоящей же ревизии договоров они надеются совершенно уничтожить это право»*²³.

В январе 1973 г. Гарсия получил инструкции для своей поездки в Японию и в Китай. Ему надлежало «обеспечить выплату компенсации за нарушение закона и насильственные действия в отношении капитана «Марии Луз» Эррера, контрибуции за нанесенный материальный ущерб и оскорбление перуанского флага»²⁴. Делегация из восьми человек, в основном молодых морских офицеров, старшему из которых было не более 30 лет, 1 февраля 1872 г. на американском корабле покинула Сан-Франциско и направилась в Иокогаму.

Предупрежденный телеграммой из Вашингтона Делонг активно готовился к встрече перуанцев. Еще в декабре 1872 г. он обратился к Создзима с нотой, в которой извещал о предстоящем визите перуанской делегации. Ее основной целью, по уверению Делонга, было заключение

²⁰ New-York Times, 16 12.1872 .

²¹ New-York Times, 08. 02. 1873 .

²² Payson J. Treat. Japan and the United States, 1853–1921, с. 103–104.

²³ АВПРИ, фонд 150 («Японский стол»), опись 493, дело 2025, л. 13. Бюцов Горчакову. 10.03 1873.

²⁴ Watt Stewart. Chinese Bandage in Peru, 1849–1874, с. 164, 165.

¹⁸ АВПЯ. Том 5 (1972 г.). Раздел 9, с. 466.

¹⁹ АВПРИ, Фонд 150 («Японский стол»), опись 493, дело 2025, л. 2.

Договора о дружбе и торговле²⁵. Инцидент с работоторговлей, таким образом, как бы отодвигался на второй план. Японская сторона охотно согласилась с такой интерпретацией цели визита. Перуанцев принимали на самом высоком уровне. Их разместили в дворцовом комплексе на территории бывшей резиденции сёгунов Хамаготэн (ныне территория парка на берегу Токийского залива «Хама рикю»), чего удостаивались обычно самые высокие гости и принцы крови из зарубежных стран. Все говорило о том, что у Японии нет ни малейшего желания конфликтовать, а все, что случилось с перуанским судном, ни в коем случае не следовало воспринимать как «унижение национального достоинства».

Кульминацией, как сообщал Бюцов, был прием Гарсия японским императором. Аудиенция состоялась 3 марта 1873 г., как и следовало ожидать, церемониально, но очень дружелюбно. Гарсия преподнес императору множество подарков, тщательно приготовленных специально для этого случая. В тот же вечер министр иностранных дел Созэзима устроил прием в честь перуанской делегации в их резиденции в Хамаготэн.

Несмотря на демонстративную доброжелательность и проявления взаимной вежливости, поиски решения были очень трудными. Пытаясь действовать на уровне личных отношений, Делонг устраивал «неформальные» встречи перуанцев с Созэзима. В японских архивах сохранилась его записка, в которой он фамильярно пишет японскому министру иностранных дел, что вместе с Гарсия и тремя его спутниками хотел бы «без церемоний» в три часа дня навестить его²⁶.

Но все усилия были напрасными. Ни одна из сторон не была готова к уступкам. 31 марта Гарсия передал ноту с изложением своей принципиальной позиции и.о. министра иностранных дел Японии Уэно Кагэнори. На это Уэно ответил длинным списком контраргументов. «Перетягивание каната» продолжалось вплоть до лета 1873 г. Лишь 19 июня на встрече в японском МИДе был найден выход из тупика. Из подписанного обеими сторонами «Протокола» следовало, что обе стороны остались при своем мнении, но полны желания положить конец конфликту как можно скорее и установить между собой дружественные отношения. Перуанская сторона «с удовлетворением» приняла во внимание официальную ноту Японии, в которой говорилось, что все ее действия не имели «намерения нанести ущерб достоинству Перу». В результате обе стороны согласились передать дело на окончательное и бесповоротное решение «главе» третьей дружественной страны²⁷. В «Протоколе» не было указано конкретное имя. Но уже 23 июня Бюцов

в телеграмме Горчакову сообщал, что за день до этого на встрече в японском МИДе представители Перу и Японии решили «просить посредство ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА» и спрашивал «последует ли ВЫСОЧАЙШЕЕ согласие?»²⁸.

Итак, выбор Японии и Перу в качестве «третьей стороны» пал на Александра II. Можно только догадываться, что повлияло на это. Японцев могла привлечь популярность «царя-освободителя», пять лет назад даровавшего свободу собственному крестьянству, а также прославившегося беспрецедентным в ту пору актом предоставления Финляндии автономии. На решение перуанцев мог повлиять Делонг, сумевший убедить перуанцев в беспристрастности русского царя.

Не дожидаясь согласия из Петербурга, в новом «Протоколе» от 25 июня 1873 г. обе стороны зафиксировали свое решение просить Российского Монарха стать «арбитром» в их споре. Царь должен был решить, правомерен ли иск перуанского правительства, а также его требования о выплате компенсации за причиненный ущерб. Стороны условились, что каждая из них самостоятельно обратится к Александру II с ходатайством о посредничестве, и в случае его согласия в течение года направит на его усмотрение имеющие отношение к делу документы. Решение царя признавалось как «абсолютно окончательное и неоспоримое», а также обязательное для выполнения «без каких-либо возражений, уклонений и отсрочек»²⁹.

22 июля Бюцов в послании заместителю (товарищу) министра иностранных дел России Владимиру Ильичу Вестману подтвердил получение его телеграммы, в которой тот сообщал, что «ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было согласиться на предложение о принятии ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ на Себя в качестве посредника (третьей стороны) разрешения дела»³⁰.

После этого японский МИД энергично взялся за подготовку всех документов. В архивах хранится многостраничный документ, написанный на английском языке, – обоснование японской стороной правоты своей позиции. Его вместе с другими материалами по делу нужно было передать непосредственно царю. Миссия эта была возложена на Ханабуса Ёситада. Этот тридцатидвухлетний дипломат только два года назад поступил в японский МИД, но уже успел зарекомендовать себя при подготовке первого договора с Китаем (13 сентября 1871 г.). После двухлетней стажировки в Америке и странах Европы Ханабуса хорошо владел иностранными языками, а главное был отлично знаком с делом «Марии Луз» – с начала конфликта он был помощником Созэзима по связям с прессой.

²⁵ АВПЯ, том 5 (1972 г.), раздел 9, с. 541.

²⁶ АВПЯ, т. 6 (1973 г.), раздел 6, с. 321.

²⁷ АВПЯ, том 6 (1973 г.), раздел 13, с. 528, 529; АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025, лист 18.

²⁸ АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025, л. 20.

²⁹ АВПЯ, том 6 (1973 г.), раздел 13, с. 532, 533.

³⁰ АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025, л. 20.

По приезде в Россию временным поверенным Ханабуса на встрече с Горчаковым официально обратился с просьбой об аудиенции. И уже на следующий день, 29 марта 1874 г., сотрудник Азиатского департамента российского МИД посетил японскую миссию и сообщил, что царь примет японскую делегацию 30 марта в 2 часа дня. На следующий день в миссию прибыл сам управляющий Азиатским департаментом барон Федор Романович Остен-Сакен. Он в деталях ознакомил японцев с тем, как будет проходить встреча с царем, а вечером того же дня пришло официальное приглашение от обер-церемониймейстера Его Величества.

Описание приема японской делегации сохранилось в виде дневниковых записей Ханабуса. Ровно в 1 час 35 минут делегация покинула здание миссии и в коляске направилась к центральным воротам Зимнего дворца. Пройдя анфиладу комнат, делегаты очутились в приемной, где их приветствовал обер-церемониймейстер «светлейший князь» Павел Иванович Ливен. Он провел японцев в помещение, где их ожидал царь. Александр II приветствовал членов делегации и, прежде всего, просил передать японскому императору благодарность за очень теплый прием, оказанный им и всем японским народом великому князю Алексею Александровичу, его сыну во время визита в Японию. Тогда японский император не только принял великого князя в своем дворце, но и посетил его с ответным визитом на корвете «Светлана». Но, чтобы не было сомнения в том, что этот факт никоим образом не повлияет на его решение по делу перуанского судна, он твердо заявил, что будет разбираться с ним «без предвзятости». Больше об этом не говорили, и оставшееся время прошло в непринужденной беседе на общие темы. Царь, обращаясь то к одному, то к другому члену японской делегации, говорил по-английски и по-французски, заметив при этом, что неплохо было бы японцам выучить и русский язык³¹.

Спустя год, 31 мая 1875 г. посланник Японии в Петербурге вице-адмирал Эномото Такэаки получил письмо от барона Александра Генриховича Жомини, временно замещавшего Горчакова. Ему сообщали, что Александр II вынес решение в пользу Японии и это решение является «окончательным и обязательным для обеих сторон»³². Постановление от 29 мая 1875 г. за подписью Александра Второго было написано по-французски в блестящем стиле юридического документа, которым в совершенстве владел барон Жомини. Оно начиналось словами «Мы, Александр Второй, Божьей милостью Император Всея Руси...». В нем отмечалось, что японское правительство вело расследование дела «добросовестно» и заканчивалось «приговором»: «Правительство Японии не несет ответственности за действия, предпринятые им в отношении

³¹ АВПЯ. Том 7 (1974 г.). Раздел 8, с. 498–500.

³² АВПЯ, том 8 (1975 г.), раздел 10, с. 455.

перуанского судна «Мария Луз» в порту Канагава»³³. Текст венчала собственноручная роспись царя по-русски «Быть по сему»³⁴.

Российский монарх оправдал действия молодого японского государства, подтвердив, что в данном случае моральная сторона вопроса преобладает над чисто формальной. Решение было беспрецедентно и вызвало широкий резонанс в Японии. Центральные японские газеты опубликовали текст вердикта Александра II³⁵. Газета «Иомиури» писала в те дни, что решение царя было встречено с большой радостью³⁶. 23 июня 1875 г. в письме в адрес российского посланника в Токио министр иностранных дел Тэрасима выражал «чувства глубокого удовлетворения и благодарности» за решение российского монарха. В письме сообщалось, что японскому посланнику Энмото поручено передать царю официальное письмо с выражением благодарности³⁷. Затем 19 июля Энмото сообщал Тэрасима, что он обратился к и.о. канцлера министерства иностранных дел барону Жомини с просьбой об аудиенции у Александра II. Уже 11 августа в царской резиденции в Петергофе состоялась встреча посланника с царем, и как сообщал Энмото, она была очень дружественной³⁸.

Спустя некоторое время он передал благодарственное письмо в адрес Александра II от императора Мэйдзи, в котором японский монарх выражал «чувство глубокого удовлетворения» вердиктом. «Крайне неловко, что пришлось беспокоить Вас, Ваше Величество», писал он, «но я в высшей степени восхищен Вашим решением, принятым во имя гуманизма и на принципах международного права и справедливости»³⁹.

³³ Там же, с. 456.

³⁴ АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025, л. 76.

³⁵ Токио Нити Нити симбун, 19.08.1875.

³⁶ Иомиури симбун, 19.06.1875.

³⁷ АВПЯ. Том 8 (1975). Раздел 10, с. 459.

³⁸ АВПЯ. Том 8 (1975). Раздел 10, с. 460.

³⁹ Оригинал письма: АВПРИ, фонд «Японский стол» (150), опись 493, дело 2025. л. 318–320; АВПЯ. Том 7 (1974 г.). Раздел 8, с. 70–471.

М. К. Ковальчук

В XIX в. представления о других странах, уровне их экономического и политического развития, а также культурных особенностях населяющих их народов, складывались, как правило, либо на основе информации, публикуемой в газетах и других периодических изданиях, либо на основе личных впечатлений, полученных во время поездок в эти страны. Значение личных впечатлений было особенно значимым в тех случаях, когда они принадлежали не рядовым гражданам, а представителям политической, экономической или интеллектуальной элиты.

История формирования образа Великобритании в Японии не является исключением. Считается, что впервые японцы услышали об Англии в 1600 г. из уст Уильяма Адамса – английского моряка, попавшего на японский о. Кюсю на борту голландского фрегата «Лифдэ». Адамсу удалось сделать головокружительную для иностранца карьеру. Получив покровительство тогдашнего правителя Японии Токугава Иэясу, он фактически стал его личным советником по вопросам внешней политики Японии, в первую очередь в сфере торговли. Благодаря его усилиям, англичанам удалось открыть на островке Хирадо, находящемся вблизи о. Кюсю торговую факторию, составив тем самым конкуренцию голландским купцам.

Трудно сказать, как бы стали развиваться англо-японские отношения в дальнейшем, если бы в 30-х годах XVII в. сегунат не издал ряд указов, приведших к «закрытию страны». В эпоху изоляции представления японцев о далекой островной державе формировались на основе сведений, почерпнутых из разрозненных письменных источников. Как правило, это были европейские книги и энциклопедии о западных странах и населявших их народах. Японцы знакомились с ними в китайском, либо в голландском переводах. Сведений об Англии в этих книгах зачастую было либо очень мало, либо они не соответствовали действительности. В первую очередь это касалось голландских переводов. Существует предположение, что голландцы намеренно принижали торговую мощь и военную силу своей давней торговой соперницы Великобритании, боясь утратить монополию на торговлю с Японией.

Осознание того, что небольшое островное государство, расположенное на берегу Атлантического океана, обладает огромной военной и экономической мощью пришло к японцам после того, как Англия путем

проведения политики, известной как «опиумные войны» (1839–1842 и 1858–1860), фактически поставила под свой контроль экономику и финансы Китая. Эта страна на протяжении многих веков являлась для Японии источником знаний и примером для подражания. Именно поражение Китая в «опиумных войнах» заставило японцев задуматься о целесообразности сохранения политики изоляции. Известный сторонник преобразования японского общества Сакума Сёдзан (1811–1864) писал в то время, оценивая политику англичан в Китае: «Когда англичане закончат свои дела в Китае, они захотят послать военные корабли в Нагасаки или даже в Эдо»¹. Слова Сакума свидетельствуют о том, что, хотя пальма первенства в открытии Японии для международного общения принадлежит американцам, не будет преувеличением сказать, что разбудили японцев от двухсотлетней спячки именно англичане, а точнее их усилия по экономическому закабалению Китая.

Официально политика закрытых дверей была прервана с подписанием Японией первого международного соглашения. Им стал японо-американский договор о дружбе и согласии 1854 г. В последующие четыре года подобные соглашения были заключены Японией и с другими западными державами, в том числе и с Англией. После прекращения политики изоляции японцы получили возможность лично познакомиться с далеким островным государством, расположенным на берегах Атлантического океана, военная сила и политическое влияние которого вызвали одновременно опасение и восхищение. В конце 50-х гг. XIX в. на учебу в Лондон и другие английские города было направлено несколько японских студентов. Часть из них поехала в Великобританию по приказу *бакуфу*², часть была послана оппозиционными сегунатами княжествами, прежде всего Сацума и Тесю³.

В 1862 г. Англию посетила первая официальная дипломатическая миссия Японии, представлявшая правительство сегуната. В японской историографии ее принято называть миссией Такэноути, по фамилии ее главы. В ней принял участие Фукудзава Юкити (1835–1901) – один из самых известных японских просветителей периода Мэйдзи. После своих зарубежных поездок⁴ Фукудзава начал активно высказываться в поддержку идеи о реформировании Японии по западному образцу, в первую очередь в сфере государственного устройства и образования. В последующие годы он дал теоретическое обоснование необходимости этих реформ в таких своих работах как «Положение дел на Западе»

¹ Sansom G. B. The Western World and Japan. London, 1950. p.269.

² Бакуфу – название центрального правительства в эпоху правления сегунов Токугава (1603–1868).

³ Подробнее см. Cobbing A. The Japanese Discovery of Victorian Britain. Early Travel Encounters in the Far West. Japan Library, 1998.

⁴ До поездки в Великобританию в составе дипломатической миссии Фукудзава в 1860 г. побывал в США.

(«Сэйё дзидзё»), «Призыв к знаниям» («Гакумон но сусумэ»), «Краткий очерк цивилизации» («Буммэйрон но гайряку») и др.

Однако, наиболее значимой из всех японских дипломатических миссий, побывавших в Великобритании в XIX в., без сомнения, стала миссия Ивакура, направленная в США и ряд наиболее развитых европейских стран в первые годы правления императора Мэйдзи. Миссия покинула Японию в ноябре 1871 г. В нее вошли японские государственные чиновники самого высокого ранга. Возглавил ее председатель правой палаты центрального японского правительства – Ивакура Томоми (1825–1883). Основными помощниками Ивакура были назначены: член центральной палаты советник Кидо Такаёси (1833–1877), министр финансов⁶ Окубо Тосимити (1830–1878), министр по общественным работам Ито Хиробуми (1841–1909) и представитель департамента иностранных дел Ямагути Хисаёси (1842–1894).

Помимо посланника и его четверых заместителей в миссию в качестве ее первых секретарей вошли: Танабэ Ясукадзу, Ган Нориуки, Сиода Ацунобу, Фукоти Гэнъитиро. Первые трое – представители департамента иностранных дел, последний – представитель министерства финансов. Состав миссии был чрезвычайно многочисленным – около 50 официальных лиц. Кроме того, в Британии (как впрочем, и в других странах) ее в качестве переводчиков сопровождали японские студенты, проходившие обучение в местных школах и университетах⁷.

Большой состав делегации был не единственной особенностью миссии Ивакура, главное то, что это была первая официальная делегация, направленная в страны Запада не правительством сёгуната, а императором Японии, который в результате реставрации 1868 г. вновь стал полноправным правителем страны. Этот факт, несомненно, имел большое значение. Английский историк Самуэль Моссман – современник Ивакура в своей работе «Новая Япония, земля восходящего солнца», которая вышла в свет в 1873 г. (год возвращения миссии в Японию), особо подчеркивал, что в США и странах Европы миссия Ивакура была воспринята как первое легитимное посольство японского государства⁸.

«Члены посольства – не просто представители аристократии и высокопоставленные чиновники, – писала о миссии Ивакура в 1872 г. лондонская «Таймс», – в своей стране, гораздо более древней, чем наша, они являются государственными деятелями, посвятившими свою жизнь работе над широкомасштабными и чрезвычайно важными пре-

образованиями. Можно только представить, какой огромной властью они обладают. От того, какие отношения мы сможем наладить с членами миссии, будет зависеть, насколько успешным будет дальнейшее развитие английского предпринимательства в Японии»⁹. Неудивительно, что во всех странах, в которых побывал Ивакура и его помощники, миссия получала радушный прием на самом высоком государственном уровне.

У миссии было несколько задач. Высокопоставленная японская делегация прибыла в США, первую из стран, запланированных для посещения, в 1872 г., поскольку именно в этом году, согласно ансэйским договорам (1854–1858)¹⁰, у Японии появлялась возможность обратиться к западным странам с инициативой по изменению их условий¹¹. В связи с этим принято считать, что начало переговорного процесса по пересмотру неравноправных договоров было одной из главных задач миссии. Японцы признавали эти договоры неравноправными, поскольку они лишали правительство права регулировать поведение иностранных граждан на территории страны и устанавливать таможенные пошлины на вывозимые и ввозимые в страну товары. С точки зрения японской стороны, сам факт наличия подобных пунктов в тексте международных соглашений ставил под сомнение суверенный статус японского государства и говорил о полуколониальном характере отношений между Западом и Японией.

Вместе с тем, судя по тексту официального обращения императора Муцухито, которое полномочный посол Ивакура Томоми должен был вручить главам западных держав, в 1871 г. японцы прекрасно осознавали, что за четыре года, прошедших с момента реставрации Мэйдзи, Япония не успела модернизировать свою административную и законодательную системы в той степени, которая позволила бы ей рассчитывать на успех подобных переговоров. «Время для пересмотра действующих соглашений наступит меньше чем через год, – говорилось в тексте обращения, – и нам хотелось бы пересмотреть их, с тем, чтобы Япония стала равноправным по отношению к цивилизованным странам государством и получила возможность защищать свои права и интересы. Однако, поскольку законы и обычаи Японии отличаются от законов и обычаев зарубежных стран, мы не настаиваем на их немедленном пересмотре. Сначала мы изучим государственные институты цивилизованных стран, возьмем на вооружение те из них, что наиболее

⁵ Фукудзава дзэнсю (Полное собрание сочинений Фукудзава). Токио, 1933, т. 2–4.

⁶ Термин «министр» используется в статье достаточно условно, поскольку «министерства» в современном понимании этого слова появились в структуре японской центральной администрации только в 1881 г., после реформы японского правительства по западному образцу.

⁷ The Iwakura Mission in America and Europe. Japan Library, 1998, p.2.

⁸ Mossman S. New Japan, the Land of the Rising Sun; it's annals during the past twenty years, recording the remarkable progressing of the Japanese in the Western civilization. London, 1873, p. 428.

⁹ Cit. in: The Iwakura Mission in America and Europe, p. 52.

¹⁰ Ансэйские договоры, неравноправные договоры, заключённые в 1854–1858 гг. США и другими западными державами с Японией в годы Ансэй (официальное наименование годов правления (1854 – 1860) императора Комэй).

¹¹ Согласно 13 статье торгового договора, заключенного между Японией и США 29 июля 1858 г., его пересмотр по желанию американской или японской стороны мог быть инициирован после 4 июля 1872 г. (Treaty of Amity and Commerce between the United States of America and Japan, Edo, July 29, 1858. Cit. in Meiji Japan through Contemporary Sources. Vol. 2. Tokyo, 1970, p. 35).

подходят для Японии, и проведем серьезную реформу нашей административной системы и стиля правления для того, чтобы достигнуть равноправного статуса с цивилизованными государствами»¹².

Во время визита в Соединенные Штаты члены миссии Ивакура предприняли несколько попыток начать переговорный процесс по пересмотру договоров, однако к моменту отъезда миссии в следующий пункт ее назначения – Англию, они смогли убедиться в тщетности своих усилий.

Нежелание Великобритании обсуждать действующие торговые соглашения было выражено предельно ясно в обращении к миссии Ивакура королевы Виктории во время аудиенции, данной японским дипломатам: «Мы чрезвычайно высоко ценим мудрость, проявленную Вами в отношении (заключенных ранее – М. К.) договоров. Когда наступит подходящий момент, мы объединим наши усилия с Его Величеством императором Японии в деле подписания новых договоров, на основе дружественных и мирных отношений между нашими странами»¹³. Членам миссии не оставалось ничего иного, как принять этот вежливый отказ и сконцентрироваться на выполнении второй из поставленных перед ними задач – подробном изучении всех составляющих государственного устройства Великобритании и других наиболее развитых стран Запада.

Все увиденное и услышанное членами японской делегации во время их поездок по Европе и США тщательно фиксировались главным секретарем миссии Кумэ Кунитакэ¹⁴, который по возвращению в Японию отредактировал и в 1878 г. опубликовал свои записи в пятитомном сборнике «Токумэй дзэнкэн тайси обэй кайран дзикки»¹⁵ («Дневник специального полномочного посла в Америку и Европу»). Долгое время этот сборник остается ценным историческим документом, дающим возможность познакомиться и сравнить впечатления, которые члены миссии Ивакура получили во время пребывания в таких странах как США, Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, Россия, Швеция, Италия и т. д. Кроме того, спустя много лет после выхода «Обэй кайран

дзикки», Кумэ опубликовал еще одну работу «Кумэ хакуси кюдзюнэн кайкороку» («Девяносто лет глазами доктора Кумэ»)¹⁶, представляющую собой его собственные воспоминания об этой поездке. Она также помогает составить представление о том, какое впечатление произвели страны Запада на японских государственных деятелей и дипломатов.

Ряд западных исследователей утверждает, что из всех вышеперечисленных стран Великобритании вызвала у членов миссии Ивакура наибольший интерес¹⁷. Действительно, в своем отчете Кумэ Кунитакэ посвятил пребыванию миссии в Англии самый большой раздел – 443 страницы – на 46 страниц больше, чем Соединенным Штатам, и это при том, что в США миссия провела на 83 дня дольше, чем в Британии¹⁸.

Повышенный интерес к Англии был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, в 70-х годах XIX в. Великобритания по праву считалась одной из самых передовых и высокоразвитых стран мира в области торговли и промышленного производства. Говоря о своих многочисленных колониальных владениях, разбросанных по всему земному шару, англичане пафосно заявляли, что солнце никогда не заходит над просторами британской империи. Правда, японцы, похоже, достаточно иронично относились к подобным заявлениям. Кумэ Кунитакэ, например, сопровождал вышеприведенную фразу англичан личным комментарием о том, что прежде о никогда не заходящем солнце любили говорить испанцы¹⁹.

Рассматривая вопрос о том, почему члены миссии Ивакура с особым вниманием отнеслись именно к Великобритании, нужно учитывать и тот факт, что она в основном состояла из представителей двух бывших княжеств – Сацума и Тёсю, которые в период *бакумацу* на собственном опыте сумели убедиться в силе британского оружия. Сацума потерпело поражение в вооруженном столкновении с Англией в 1864 г., а у представителей княжества Тёсю были еще свежи воспоминания от обстрела Симоносэки (1864 г.). Не удивительно, что японцы хотели своими глазами увидеть и понять, на чем же основана мощь Британской империи.

За время своего четырехмесячного пребывания (делегация находилась на территории Великобритании 122 дня) члены миссии посетили все основные города соединенного королевства: Лондон, Ливерпуль, Глазго, Эдинбург, Ньюкасл, Бредфорд, Галифакс, Шеффилд, Бирмингем

¹⁶ Кумэ Кунитакэ. Кумэ хакуси кюдзюнэн кайкороку (Девяносто лет глазами доктора Кумэ). Токио, 1934.

¹⁷ См. The Iwakura Mission in America and Europe. 1998.

¹⁸ Здесь, правда, нужно учесть, что в США часть времени была потрачена впустую. Те дни, когда миссия практически бездействовала в ожидании прибытия Ито Хиробуми и Окубо Тосимити. Последние были отправлены в Японию для получения специального документа, подтверждающего право миссии вести переговоры по пересмотру неравноправных договоров от лица императора. (The Iwakura Mission in America and Europe. 1998, p. 2–3.)

¹⁹ Кумэ Кунитакэ. Токумэй дзэнкэн тайси обэй кайран дзикки. Токио, 1985, т. 2, с. 22.

¹² Imperial Letter to Emperors and Presidents on the Despatch of Iwakura Mission, November 4, 1871. Cit. in Meiji Japan through Contemporary Sources. Vol. 2. Tokyo, 1970, pp.95–96.

¹³ Cit. in: Checkland O. Britain's Encounter with Meiji Japan, 1868–1912. London, 1989, с. 111.

¹⁴ Кумэ Кунитакэ (1839–1922) родился в 1839 г. в княжестве Сага. С 1854 по 1859 г. учился в одной из наиболее известных школ родного княжества – Кодокан. Во время обучения в этом учебном заведении познакомился с Окума Сигэнобу, основателем университета Васэда и одним из наиболее влиятельных государственных деятелей Японии эпохи Мэйдзи. С 1863 по 1864 г. Кумэ продолжил обучение в Эдо, в сегунатской академии Сёбэйдзака гакумондзё.

Во время реставрации Кумэ служил в родном княжестве, однако, после упразднения в 1871 г. феодальных вотчин и образования префектур, стал чиновником центрального административного аппарата Дадзёкан. В том же году он получил приказ сопровождать миссию Ивакура в качестве ее главного секретаря.

¹⁵ Кумэ Кунитакэ. Токумэй дзэнкэн тайси обэй кайран дзикки (Дневник специального полномочного посла в Америку и Европу). Т.2, Токио, 1985.

и другие. Они осматривали заводы, фабрики, судостроительные верфи, железные дороги, школы, тюрьмы, почтовые управления и другие промышленные и государственные учреждения.

Несомненно, продолжительность и насыщенность программы пребывания в первую очередь объяснялись желанием японцев понять устройство и механизм работы британской государственной системы, однако, похоже, что была еще одна причина, по которой Ивакура и остальным пришлось задержаться в Англии на столь длительный срок. Дело в том, что японская делегация изначально планировала получить официальную аудиенцию британской королевы, которая должна была пройти в Виндзорском дворце. Однако, к моменту прибытия миссии в Англию в августе 1872 г. королева Виктория уже покинула Лондон, направившись в свою шотландскую резиденцию в Балморале. Миссии пришлось дожидаться ее возвращения²⁰. За это время делегация в сопровождении полномочного британского посла в Японии сэра Гарри Паркеса, переводчика Вильяма Астона²¹ и генерала Александра²² успела совершить продолжительную познавательную поездку по Соединенному Королевству.

Нам кажется, что затянувшееся пребывание в Англии²³ из-за необходимости дожидаться королевской аудиенции объясняет и наличие в программе поездки достаточно большого количества (с учетом того, что миссия состояла из представителей политической, а не промышленной элиты Японии) экскурсий на сходные отраслевые предприятия. Свидетельства тому можно найти в воспоминаниях главного секретаря миссии Кумэ Кунитакэ. Комментируя визит на сталелитейный завод в Шеффилде, где членам миссии показывали бессемеровский процесс²⁴, Кумэ писал, «Месяц назад нам уже демонстрировали такой же процесс в г. Кру (Англия – М. К.). Видимо, к тому времени я уже настолько

привык к экскурсиям на заводы, что даже начал весьма неплохо понимать сопровождающие их объяснения»²⁵. Можно предположить, что если даже далекий от инженерного дела Кумэ, получивший классическое конфуцианское образование, стал разбираться в сложных заводских технологиях, члены миссии посетили немало подобных фабрик.

Английская сторона очень старалась продемонстрировать высокую степень промышленного развития своей страны. Однако, поскольку делегация прибыла в Великобританию после визита в Соединенные Штаты, достижения англичан в сфере заводского и фабричного производства произвели на японцев не такое сильное впечатление, как того можно было ожидать²⁶.

Кумэ вспоминал, что во время поездки в промышленный центр Британии Ланкашир сопровождавший делегацию английский посланник в Японии Гарри Паркес с гордостью заявил: «Говорят, что нигде в мире нет столько фабрик, сколько в Ланкашире». И доверительно добавил, что куда бы в будущем не направилась японская делегация, нынешний тур останется для нее самым запоминающимся. Однако, по словам Кумэ Кунитакэ, текстильные фабрики Ланкашира, произвели на них не такое сильное впечатление, как те, что они видели в американских городах – Бостоне и Филадельфии²⁷.

Осмотр британских заводов и фабрик привел японцев к одному важному выводу: Англия сумела достичь высокого уровня промышленного развития в течение нескольких последних десятилетий, и главным образом благодаря изобретению парового двигателя. Например, первая в мире железная дорога, связавшая Ливерпуль с Манчестером, была открыта в 1830 г. – за сорок лет до приезда миссии Ивакура в Англию, а первая международная выставка (Экспо), на которой европейские страны представили свои достижения в сфере промышленного производства, была проведена в Лондоне в 1851 г. – за двадцать лет до приезда миссии. Другими словами, японские посланники пришли к выводу, что Япония отстала от самой передовой державы Европы – Великобритании, не на двести лет (срок в течение которого, Япония придерживалась политики изоляции), а всего на сорок, а от остальных европейских стран и того меньше. Осознав, что достижение уровня развития западных стран является вполне выполнимой задачей, японцы со свойственным этой нации рационализмом попытались выяснить, что же лежит в основе успеха Британии.

Первый элемент британского могущества, на который они обратили внимание, можно было бы обозначить словами – *закон и порядок*.

²⁵ Кумэ Кунитакэ. Кумэ хакуси кюдзюнэн кайкороку, т. 2. с. 312, 383.

²⁶ Cobbing A. Early Meiji Travel Encounters // The Iwakura Mission in America and Europe. Japan Library, 1998, с. 44.

²⁷ Кумэ Кунитакэ. Кумэ хакуси кюдзюнэн кайкороку, т. 2, с. 309.

²⁰ Mossman S. New Japan, the Land of Rising Sun. Its annals during the past twenty years, recording the remarkable progress of the Japanese in Western Civilization. London, 1873, p. 439.

²¹ Вильям Астон (1841–1911) – с 1862 г. переводчик британской дипломатической миссии в Японии. Считается одним из выдающихся английских филологов эпохи Мэйдзи, занимавшихся японской литературой. Перевел Нихонги (1894 г.) и написал ряд работ по синто и японской литературе.

²² Существует несколько версий, кого Кумэ Кунитакэ именует в своих записях генералом Александром, по мнению английского исследователя Олива Чеклэнда, миссию сопровождал сэр Клод Александр (1831–1899). // Checkland O. Britain's Encounter with Meiji Japan, 1868–1912. London, 1989, p. 276.

²³ Для сравнения во Франции и Германии, которые также являлись объектами внимательного изучения японских делегатов, миссия пробыла гораздо более короткие сроки, в первой – два месяца, во второй – четыре недели.

²⁴ Бессемеровский процесс – процесс передела жидкого чугуна в литую сталь путём продувки сквозь неё сжатого воздуха, обычного атмосферного или обогащённого кислородом. Бессемеровский процесс был предложен английским изобретателем Г. Бессемером в 1856 г. связи с растущими потребностями в стали, вызванными ростом железнодорожного строительства, судостроения и машиностроения.

Японцы пришли к выводу, что уважительное отношение к закону и стремление к порядку является характерной особенностью национального характера британцев, на нем основано все государственное устройство Великобритании. Сравнивая английскую систему государственного управления с китайской и японской, Кумэ писал: «Законодательный орган Великобритании – парламент. Английский монарх является главой парламента и имеет право созывать и распускать его членов по своему усмотрению. Во всех европейских странах законодательная власть осуществляется народными представителями, которые избираются на общенациональных выборах. И в этом отношении европейские правительства значительно отличаются от китайских и японских. Последние традиционно видели свою основную задачу во внедрении и поддержании моральных устоев нации, не заботясь при этом о ее благосостоянии. И, поскольку правящий класс и простой народ существовали в двух изолированных друг от друга мирах, эти страны постепенно стали терять свои силу и богатство»²⁸.

Возможно, выводы Кумэ звучат несколько пространно, но в целом, мысль его ясна: если Япония хочет встать в один ряд с западными странами, она должна строить свою государственно-административную систему не на устаревших принципах конфуцианской морали, а на рационально сформулированной законодательной базе, создание которой должно осуществляться при тесном сотрудничестве народа и правительства. Причем, данная законодательная база должна быть составлена таким образом, чтобы в первую очередь способствовать росту благосостояния государства.

Выводы членов миссии Ивакура, основанные на практических наблюдениях, в последующие годы нашли свое теоретическое развитие в работах Фукудзава Юкити. Идеи о том, каким должно быть японское правительство, и чем оно должно заниматься, прозвучали сразу в нескольких работах Фукудзава. В 1876 г. в своем теоретическом труде «Краткий очерк цивилизации» («Буммэйрон но гайряку») он особо подчеркнул, что в цивилизованном обществе регулирование личной жизни граждан не входит в сферу деятельности правительства. Поскольку правительство состоит из обыкновенных людей, которые по сути своей ничем не отличаются от всех остальных, у него нет никакого права давать своему народу наставления морального характера²⁹. «Функции правительства должны ограничиваться созданием национальных вооруженных сил, регулированием вопросов войны и мира и принятием законов, направленных на поддержание порядка в стране, а также роста благосостояния своих граждан»³⁰, – подытожил Фукудзава

28 Кумэ Кунитакэ. Токумэй дзэнкэн тайси обэй кайран дзикки, т. 2, с. 83.

29 Буммэйрон но гайряку (Краткий очерк цивилизации) // Фукудзава дзэнсю. Токио, 1933, т. 4, с. 146.

30 Аннэйсаку (Меры по установлению социального порядка) // Фукудзава дзэнсю, т. 8, с. 288.

в другой своей работе. Как мы видим, его выводы перекликались с мыслями Кумэ, выраженными на страницах «Обэй кайран дзикки».

Вторым краеугольным камнем и залогом процветания Британской империи, по мнению японцев, являлись *развитая торговля и производство*. «Размеры британской торговли позволяют назвать Англию крупнейшим мировым рынком. Расположение страны, которая лежит между Европой, Америкой и Африкой, окруженная со всех сторон морями, говорит об отсутствии каких-либо природных препятствий для развития торговли. К тому же, Британские острова обладают большим количеством хороших портов и гаваней. Существует немало исторических причин, которые поспособствовали развитию английского торгового бизнеса: почвы британских островов очень бедны, таким образом, исторически англичане могли обеспечить себе пропитание только за счет товарообмена с другими странами... Англичане быстро освоили мореплавание, и стали вывозить из страны местные минеральные ресурсы и крупнорогатый скот и обменивать их на другие товары. Успех этого бизнеса позволил им накопить капитал, который впоследствии был использован для повышения уровня благосостояния государства»³¹.

Великобритания середины XIX в. действительно являлась самой мощной внешнеторговой державой мира, причем ее успехи в сфере торговли были неразрывно связаны с высоким уровнем её промышленного производства. «Англия – это страна торгового бизнеса, – продолжал Кумэ, – на нем сосредоточены все мысли ее народа. Английские корабли плавают по пяти океанам. В различных землях и странах они закупают сырье и привозят его на родину. С помощью силы угля и железа они превращают сырье в промышленные товары, а затем вывозят их для продажи в других странах. Этот процесс дает средства на существование тридцатимиллионному населению Великобритании»³². Кумэ подчеркивал, что производство и внешняя торговля стали основой для роста благосостояния как государства в целом, так и его отдельных граждан. Поскольку и производство, и торговля были сосредоточены в крупных городах, в них стекалась большая часть населения британской империи, что вело к сокращению численности людей, занимающихся сельским хозяйством.

Кумэ подчеркивал, что англичане считают, что им выгоднее купить сельскохозяйственные продукты за рубежом, чем отвлекать на их производство финансовые средства и часть работоспособного населения³³. По мнению Кумэ, Японии, остававшейся в начале 70-х гг. 19 в. преимущественно сельскохозяйственной страной, следовало поучиться у Великобритании умению правильно расставлять приоритеты в экономике государства.

31 Кумэ Кунитакэ. Токумэй дзэнкэн тайси обэй кайран дзикки, т. 2, с. 33.

32 Кумэ Кунитакэ. Кумэ хакуси кюдзюнэн кайкорoku, т. 2, с. 381.

33 Там же, с. 384.

Нужно отдать должное Кумэ, который постарался как можно объективнее отразить английскую действительность и, говоря о высоком уровне промышленного развития Англии, не забыл упомянуть о том, как негативно оно отразилось на внешнем виде английских городов, создав в них, как бы мы сказали сегодня, неблагоприятную экологическую обстановку.

Описывая Ливерпуль, Кумэ подчеркнул, что «с южного берега р. Мерсей было видно, что небо над городом затянуто черными облаками угольной копоти...» «Наш сопровождающий, – продолжал он, – рассказывал, что людям, живущим здесь, каждый день приходится дышать этим грязным воздухом, поэтому средняя продолжительность жизни составляет у представителей высшего класса 35 лет, а у среднего класса – 25 лет. Что касается рабочих, то мало кто из них доживает до 16 лет»³⁴. Схожие картины можно встретить и при описании Манчестера: «Во всем городе воздух наполнен угольной копотью, из-за которой небо кажется черным»³⁵. Кумэ вспоминает, что тур по индустриальным центрам Великобритании негативно сказался на здоровье Ивакура Томоми. В связи с этим Гарри Паркес принял решение прервать на время осмотр промышленных достижений Великобритании, с тем, чтобы миссия могла отдохнуть и подышать несколько дней чистым воздухом в горах Шотландии.

Поскольку внешняя торговля стала основным источником благосостояния Британии, то неотъемлемым условием процветания империи стало ее умение защитить свои внешнеторговые интересы и сохранить за собой право и возможность передвигаться по основным морским торговыми путям, соединяющим английскую метрополию с ее многочисленными колониями, поставляющими сырье для английской промышленности. Другими словами, третьим фактором могущества Англии стал ее *высокий военный потенциал*. А поскольку, как абсолютно верно отметил Кумэ Кунитакэ, «географическое положение Англии таково, что защитить ее территорию от нападения может только военно-морской флот»³⁶, то, говоря о военном потенциале Англии, Кумэ фактически имел в виду ее морской потенциал.

Как мы видим, при описании второго и третьего факторов британского могущества, Кумэ в определенной степени предвосхитил выводы, прозвучавшие через несколько лет в работе «Влияние морской силы на историю, 1660–1783»³⁷ американца Альфреда Мэхэна, ставшего одним из основоположников теории геополитики. Как и Мэхэн, Кумэ отметил, что такие факторы, как островной характер английского государства и наличие на побережье британских островов большого количества

удобных бухт и гаваней, подтолкнули англичан к торговому и военно-морскому развитию. Как и Мэхэн, он пришел к выводу, что географические особенности Британских островов дали ей значительные преимущества в деле защиты ее суверенитета, исключив необходимость тратить большие средства на создание многочисленной боеспособной армии. Это позволило Англии сконцентрировать все свои финансовые и людские ресурсы на создании мощного торгового и военно-морского флота.

Думается, что Кумэ уделил так много внимания географическим характеристикам Британских островов еще и потому, что они имели немало общего с его родными Японскими островами. Упоминание об этом прозвучало на первой же странице раздела «Обэй кайран дзикки», посвященного Англии. «Страна Великобритания, – писал Кумэ, – лежит к северо-западу от Европы и состоит из двух больших и около 5.500 мелких островов. Она отделена от Европы проливом, на другой стороне которого расположен французский порт Кале. Ширина пролива в самой узкой его части не более двадцати двух миль. Площадь соединенного королевства составляет 121.362 квадратных мили; согласно статистике 1871 г., его населяют 31.817.108 жителей. Конфигурация, расположение и численность населения Британских островов очень схожи с Японскими. Именно поэтому британцы частенько называют Японию «Восточной Британией»³⁸.

До сих пор точно не известно, кто изначально был автором данного сравнения, японцы или англичане. Определенная схожесть в конфигурации и географическом расположении двух островных архипелагов Британского и Японского очевиден. По словам английского исследователя Грэйс Фокс, автора работы «Великобритания и Япония, 1858–1883», параллели между Британией и Японией начали проводиться еще во времена правления сегуната, когда между Японией и Англией были заключены первые торговые договоры³⁹. Доподлинно известно, что еще в декабре 1852 г. в Ньюкаслской библиотеке и в Лондонском философском обществе были представлены лекции доктора С. Т. Даунинга, посвященные Японской империи. Согласно английским исследователям, данные лекции являлись первыми публичными выступлениями о Японии в Великобритании, и именно в них впервые были проведены параллели между Англией и Японией. Один из разделов лекций Даунинга, описывающий особенности японской нации, назывался не иначе как «восточные англичане»⁴⁰.

Несомненно, подобные сравнения были очень комплиментарны для Японии, хотя, по сути, между Викторианской Англией и Японией пе-

³⁴ Кумэ Кунитакэ. Токумэй дзэнкэн тайси обэй кайран дзикки, т. 2, с. 119.

³⁵ Там же, с. 158.

³⁶ Там же, с. 96.

³⁷ Mahan A. The influence of Sea Power in history, 1660–1783. London, 1890.

³⁸ Кумэ Кунитакэ. Токумэй дзэнкэн тайси обэй кайран дзикки, т. 2, с. 22.

³⁹ Fox G. Britain and Japan, 1858–1883. Oxford, 1969, p. 3.

⁴⁰ Marie Conte-Helm. Japan and the North East of England. From the 1862 to the Present Day. London, 1989, p. 55–56.

риода *бакумацу* не было ничего общего. Британия представляла собой мировую империю, исповедующую принцип свободной торговли, Япония – группу островов, практически полностью изолированных от внешнего мира. Британия управлялась конституционной монархией, поддерживаемой развитой парламентской системой; в Японии царил военная диктатура, которая к тому времени практически полностью утратила свою эффективность. Британия являлась богатым промышленным государством, Япония – традиционным феодальным обществом, подрываемым изнутри развивающейся денежной экономикой. Британия – оплот протестантской веры, Япония – страна, где с 1616 г. проповедь христианства была строжайше запрещена. Британия выступала за повышение уровня информированности своих граждан, в Японии полностью отсутствовали средства массовой информации. Обе страны имели богатое, но абсолютно несхожее культурное наследие. Общим было, пожалуй, одно – в свое время культуры обеих стран формировались под сильным влиянием их континентальных соседей. Однако, в то время как Англия к середине XIX в. сумела превратиться из адепта чужой культуры в распространителя собственной, Япония находилась в самом начале длительного и нелегкого процесса освоения традиционно чуждых ей ценностей западной цивилизации.

Несмотря на вышеперечисленные различия, отыскав в начальный период Мэйдзи нечто общее между «Великой Японией» и «Великой Британией», японцы, стоящие на пороге масштабных государственных преобразований, решили очень важную на тот момент задачу. Они обрели *ориентир*. И хотя, при проведении реформ они со свойственным этой нации прагматизмом рассматривали и анализировали государственное, экономическое и военное устройство всех передовых европейских держав, отбирая лучшие и наиболее жизнеспособные с учетом японского «культурного климата» образцы, приоритет Великобритании в этом процессе был очевиден. Возможно, японцы, взращенные на синтоистских верованиях о божественности окружающей их природы, подсознательно восприняли схожесть природно-географических характеристик Британских и Японских островов как своего рода знак, который давала им мать-природа.

Другими словами, приступая к строительству современного и цивилизованного по европейским меркам государства, Япония не пыталась искать свой «особый путь». Она перенимала и усваивала наиболее подходящие для нее элементы устройства западного государства и общества с тем, чтобы максимально реализовать те преимущества, которые давали ей природно-географические особенности Японских островов.

Помимо вышеперечисленных фундаментальных аспектов, на страницах «Обэй кайран дзикки» были отмечены и другие, возможно не менее значительные секреты британского успеха. Секреты, которые, судя по разрозненным высказываниям Кумэ, он напрямую связывал с особенностями национального характера англичан.

Описывая первые впечатления от британской столицы и ее жителей, Кумэ писал: «Британия и Америка похожи как мать и ребенок. Язык и культура практически идентичны, однако в то время как американцы поспешны в своих действиях и делают работу достаточно небрежно, англичане осторожны и большое внимание уделяют деталям. Кстати, храбрость и отвага англичан тоже спокойна и рассудительна, они принимают решения без спешки и на холодную голову, именно поэтому они всегда одерживают победу»⁴¹.

По мнению Кумэ, национальный характер англичан нашел свое отражение и в производимых ими изделиях: «Благодаря высокой степени прочности и надежности английские товары, демонстрирующие высокий уровень квалификации их производителей, сумели завоевать признание и уважение во всем мире... Если сравнить вещь, сделанную в Англии, с вещью, произведенной во Франции, то французская вещь окажется одновременно красивой и дешевой (примерно в два раза дешевле английской), но в носке она быстро изнашивается и теряет свой вид, и в этом ее главное отличие от английской. Поэтому разумнее купить английскую, даже если она стоит дороже. Это (прочность и надежность – М. К.) является сильной стороной английских товаров. Хотя, правда и то, что даже самые лучшие их экземпляры значительно уступают в элегантности и изяществе французским»⁴².

Говоря об особенностях английского производства, Кумэ особо подчеркнул, что в Англии ценится узкоспециализированный профессионализм. Рассказывая о фабрике по производству свинца в г. Нью-касле, которую делегация посетила в конце октября 1872 г., Кумэ отметил: «Когда мы в Японии, читая об огромных масштабах производства и научном прогрессе западных странах, пытаемся себе их представить, мы частенько начинаем думать, что каждый представитель западной нации хорошо знаком со всеми отраслями науки и всеми технологическими процессами. В действительности это совершенно не так. Люди, ответственные за отдельные операции в производстве, обладают доскональными знаниями только в своей узкой специализации»⁴³. Видимо, в узкоспециализированном профессионализме, который, между прочим, является отличительной особенностью и современной Японии, Кумэ видел причину высокого качества английских товаров и эффективность работы промышленного производства Великобритании в целом.

Не менее высоко Кумэ оценил педантичность, работоспособность и рационализм жителей Британских островов. «У англичан есть такая присказка: «время – деньги». Они все как один очень усердно и старательно трудятся, каждый в своей области. Европейцы, сравнивая анг-

⁴¹ Кумэ Кунитакэ. Токумэй дзэнкэн тайси обэй кайран дзикки, т. 2, с. 38–39.

⁴² Там же, с. 38–39.

⁴³ Там же, с. 273–274.

личан, американцев, немцев и французов говорят так: если ты дашь каждому из них одинаковое задание, и попросишь выполнить его за шесть часов, то американец выполнит его за четыре часа, а оставшиеся два потратит на праздную прогулку; француз тоже закончит работу за четыре часа, а остальное время будет пить, петь и танцевать; англичанин справится с заданием за пять часов, а оставшийся час посвятит работе над следующим; немец не сможет закончить задание за шесть часов, но будет работать над ним до утра. Эта история очень ярко характеризует национальные особенности этих четырех наций»⁴⁴ – подытожил Кумэ. Сам факт приведения данной истории на страницах «Обэй кайран дзикки» говорит о том, что подход к работе, свойственный англичанам, вызывал у японцев восхищение и стремление подражать.

Хотя в 1872 г. миссия Ивакура не сумела добиться от Англии согласия на пересмотр неравноправных торговых договоров, ее нельзя рассматривать как неудачную. Основную свою цель она выполнила: образ Великобритании, сформировавшейся у японских государственных деятелей, принявших участие в миссии, помог им составить более ясные представления о том, к чему и какими путями должна стремиться Япония. Другими словами, благодаря этой поездке формула успеха западных стран стала для них более ясной и понятной.

Впереди были еще Франция, Германия, Россия и другие европейские государства. Ивакура, Окубо, Кидо, Ито и остальные вплоть до середины 1873 г. продолжали осматривать, сравнивать и собирать информацию об этих представителях западной цивилизации, чтобы впоследствии применить накопленные знания при проведении модернизации собственного государства. Модернизации, результаты которой уже через двадцать лет позволили Японии заявить о себе как о стране, ни в политическом, ни в военном развитии не уступающей развитому Западу. А еще через десять лет стать равноправным международным партнером «Великой Британии», подписав с ней в 1902 г. первый союзнический договор.

Япония и парижский финансовый рынок после русско-японской войны (сентябрь 1905 – март 1907 г.)

Э. А. Барышев

Победа в русско-японской войне далась Японии нелегко. Она была достигнута мобилизацией всех национальных ресурсов при активной политической, экономической, финансовой и информационной поддержке Запада. Во время русско-японской войны японское правительство через своего особого финансового представителя вице-президента Банка Японии Такахаси Корэкиё (1854–1936) четырежды размещало за рубежом крупные займы на общую сумму около 800 млн иен (82 млн ф. ст.). Банковский синдикат каждый раз создавался в Лондоне вокруг близких к японским экономическим кругам Гонконг-Шанхайского банка и Парр-банка (Parr's Bank) при участии брокерской конторы «Панмюр, Гордон энд Ко.» (Panmure, Gordon & Co, далее ПГК). Вышеуказанные акционерные банки, не располагавшие достаточным капиталом, сумели привлечь к данному делу при посредничестве «банкира короля Англии» Эрнеста Касселя (Ernest Cassel, 1852–1921) и лорда Ревельстока (John Baring, Lord Revelstoke, 1863–1929) нью-йоркский банковский дом «Кун, Лёб энд Ко.» Якоба Шиффа (Jacob Schiff, 1847–1920), взявшего на себя размещение половины всех японских военных займов. Благодаря американскому финансисту участие в указанных финансовых операциях приняли также гамбургский банк родственного Шиффу Макса Варбурга (Max Moritz Warburg, 1867–1946) и Немецко-Азиатский банк¹.

Русско-японская война оказала огромное влияние на всю систему международных взаимосвязей, в результате чего отношения Японии с мировыми финансовыми центрами должны были претерпеть немалые изменения. С одной стороны, крупнейший в мире парижский финансовый рынок таил в себе огромные возможности, и Япония желала во что бы то ни стало открыть его для себя. С другой стороны, излишняя ориентация на Лондон и особенно на Нью-Йорк грозила Японии потерей части своей внешнеполитической самостоятельности и значительно суживала возможность маневра страны на международной арене. По-

⁴⁴ Там же, с. 54–56.

¹ См. об этом: *Smethurst R. J.* From Foot Soldier to Finance Minister: Takahashi Korekiyo, Japan's Keynes, Cambridge – London, 2007, p. 141–181; Такахаси Корэкиё дзидэн (Автобиография Такахаси Корэкиё). Токио: , 1936, с. 657–740; *Adler C., Jacob Schiff*: His Life and Letters, New York: , 1929, Vol. I, p. 212–230; *Байсүэй С. Дж.* Нихон кэйдзай то гайкоку сихон, 1858–1939 (Японская экономика и иностранный капитал, 1858–1939), Токио, 2005, с. 111–114.

сле выдвижения — еще во время русско-японской войны — со стороны американских капиталистов ощутимых экономических требований на их участие в освоении маньчжурского рынка необходимость поиска новых финансовых партнеров для Японии стала еще более насущной². К счастью для Японии, в Европе имелись финансовые круги, такие, например, как всемогущие и вездесущие Ротшильды, которые были не прочь вложить свои свободные капиталы в экономику страны-победительницы и тем самым попытаться восстановить статус-кво на мировой финансовой арене. Японское правительство, столкнувшееся с необходимостью реструктуризации прежних военных займов, сумело воспользоваться данной ситуацией для проникновения на финансовый рынок Франции.

В данной статье автор пытается рассмотреть процесс освоения Японией парижского рынка после русско-японской войны, установить влияние этого процесса на общую расстановку сил на международной арене, обращая первостепенное внимание на политико-экономические контакты императорской Японии в Европе и состояние русско-японских отношений в начале XX в.

* * *

Попытки использовать в своих интересах парижский финансовый рынок стали предприниматься японской дипломатией еще с конца 1904 г., однако в условиях русско-французского союза парижские банкиры во главе с домом Ротшильдов (“Rothschild et Frères”) не могли открыто поддержать японское правительство во время войны. В этих условиях японский посланник во Франции Мотоно Итиро (1862–1918) уже в январе 1905 г. предложил японскому правительству начать подготовку к тому, чтобы получить выход на парижский рынок после восстановления мира на Дальнем Востоке, и посоветовал направить в Париж особого представителя финансового ведомства с целью установления прочных контактов с местными политическими и экономическими кругами.

Вскоре в обстановке усилившегося революционного движения и новых военных поражений России стало ясно, что парижские банковские круги больше не желают оказывать финансовую поддержку России, что выразилось в их отказе предоставить ее правительству новый крупный заем в размере 1,5 млрд франков (около 562,5 млн. рублей) в

середине марта 1905 г. Примечательно, что сразу же после срыва русско-французских переговоров об открытии нового кредита представители парижских финансовых кругов изъявили свое желание участвовать в выпуске послевоенного японского займа³.

27 марта 1905 г. глава брокерской конторы ПГК В. М. Кох (W. M. Koch) сообщил Такахаси, что с ним желает встретиться находящийся в Лондоне синдик парижских биржевых маклеров М.-Л.-А. Вернейль (Maurice Louis Alfred Millon d’Ailly de Verneuil, 1858–1941), имеющий соответствующее указание от премьер-министра и министра финансов Франции Мориса Рувье (Maurice Rouvier, 1842–1911). При этом Кох подчеркнул, что первое лицо парижской биржи принципиально не возражает против помещения обязательств японского правительства в официальный бюллетень биржи и всецело поддерживает идею предоставления крупного кредита Японии сразу после окончания войны.

Встреча Такахаси и Вернейля состоялась в обстановке строгой секретности в конторе маклера Коха на следующий день. Во время беседы парижский «гость» прежде всего отметил, что французы, вложившие в российские ценные бумаги около 7 млрд иен, сильно озабочены исходом русско-японского военного конфликта и желают его скорейшего завершения. Тем не менее, — добавил Вернейль, — если Япония будет настаивать на получении от России контрибуции, нет никакой перспективы восстановления мира. В этих условиях, — продолжал синдик, — по мысли премьер-министра Рувье, Франция могла бы, как бы восполняя потери Японии от утраченной контрибуции, открыть свой финансовый рынок для Японии и предоставить ей сразу же после окончания военных действий кредит на общую сумму в 500–700 млн иен, что принесло бы Японии гораздо большие долгосрочные выгоды. 7 апреля Такахаси узнал от вернувшегося в Париж Вернейля, что последний получил соответствующее одобрение данного проекта со стороны Рувье, и что сумма в 500 млн. иен (именно кредит такого объема предполагалось выделить до этого России!), нужная японскому правительству для покрытия своих нужд, признается во Франции небольшой⁴.

Таким образом, уже к началу апреля 1905 г. японское правительство в лице своего агента Такахаси установило непосредственный контакт с представителями парижских финансовых и политических кругов и заручилось их поддержкой. Вышеуказанный канал связи стал возможен благодаря тесным отношениям, установившимся между парижскими и

² См.: *Иноуэ Киёси*. Нихон тэйкокусюги но кэйсэй (Формирование японского империализма). Токио, 1970, с. 298–299; *Цуруми Юсукэ*. Сэйдэн: Гото Симпэй, кэттэй-бан (Полная биография Гото Симпэй: заверщенное издание). Т. 4. Мантэцу дзидай, 1906–1908 (На службе в ЮМЖД, 1906–1908). Токио, 2005, с. 181–192; *Schiff J. H.* Our Journey to Japan, New York, 1907; Нитиро сэно ни тоси сита отоко: Юдаядзин гинкока но никки (Человек, инвестировавший в русско-японскую войну: Записки еврейского банкира). Пер. *Табата Норисигэ*. Токио, 2005, с. 192, 196–198; Adler C. Op. cit., Vol. I, p. 246–259.

³ Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы, далее — НГБ). Т. 38, кн. 2, Токио, 1959, с. 46–48 (данная серия документов находится в открытом доступе на интернет-страницах МИД Японии — (<http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/shiryo/archives/mokuji.html>); *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, 1897–1914: Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970, с. 135–137; *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903 – 1919 гг. Т. 1. М., 1992, с. 69–71.

⁴ НГБ. Т. 38. Кн. 2, с. 71–75, 88–90; Такахаси Корэкиё дзидэн. с. 758–763.

лондонскими банкирами. Дело в том, что глава ПГК Кох приходился свояком влиятельному парижскому финансисту, директору Французского банка для торговли и промышленности (*Banque française pour le commerce et l'industrie*), барону Жаку (Якову) де Гинцбургу (*Jacques de Gunzburg, or Günzbouurg, 1853–1929*). Гинцбург же, в свою очередь, был близок к тогдашнему министру финансов Франции Рувье, стоявшему у истоков создания вышеуказанного банка, называемом нередко «банком Рувье». Примечательно, что Жак Гинцбург – официальный маклер парижской биржи – имел русское происхождение и даже являлся участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Получением своего баронского титула в первой половине 1870-х гг. влиятельнейшее в России еврейское семейство Гинцбургов было обаяно императору Александру II. Основанный в 1859 г. в Петербурге банкирский дом «И. Е. Гинцбург» после смерти его основателя Евзеля (Иосифа) (1812–1878) и его старшего сына Зискинда (Александра) (1831–1878) перешел в руки Горация (1833–1909), а парижское отделение дома возглавил Соломон (1848–1905). Со смертью последнего во главе парижской ветви семейства встал сын Зискинда Жак, ставший к тому времени важным связующим звеном между французскими и российскими финансово-экономическими кругами. Его ближайшим помощником являлся сын Соломона Жан (*Jean-Maurice de Gunzburg, 1884–?*). Предположительно, через своих петербургских родственников парижские Гинцбурги имели непосредственное отношение к «Ленскому золотопромышленному товариществу» и другим предприятиям банкирского дома «И. Е. Гинцбург». Впрочем, все вышеуказанное не мешало им тайно через того же Коха «из жадности к наживе» участвовать в подписке на японские военные займы в самый разгар русско-японской войны⁵.

В середине июля, когда делегации России и Японии направлялись в Портсмут, Вернейль через Коха дополнительно информировал Такахаси о том, что ждет его приезда в Париж сразу после заключения мирного договора с тем, чтобы обсудить вопрос предоставления Японии круп-

ного кредита. Министерство финансов Японии признало этот момент удобным, чтобы установить прочный контакт с парижскими банковскими кругами, как с точки зрения вопроса реструктуризации своих прежних займов, так и с позиции долгосрочной стратегии установления более тесных торгово-экономических отношений с Францией⁶. Так подготавливались условия для частичного переключения парижских финансов с российского на японский рынок.

5 сентября 1905 г. в американском Портсмуте был заключен мирный договор между Россией и Японией, согласно которому Япония приобрела права на Ляодунский полуостров, южную ветку Китайской Восточной железной дороги, южную половину Сахалина, однако ее надежды на получение контрибуции не оправдались. Финансы Японии изрядно поистожились (хотя на счетах японского правительства оставалось еще около 518 млн. иен), поэтому находившийся в Лондоне Такахаси немедленно получил указания организовать новый долгосрочный заем для реструктуризации прежних военных займов Японии. Речь шла о погашении заграничных 6 %-ных займов 1904 г. на сумму 22 млн. ф. ст. и внутренних 6 % займов на сумму 200 млн. иен, что требовало не менее 400 млн. иен в иностранной валюте. Такахаси попробовал прозондировать мнение лондонских и нью-йоркских банкиров на этот счет, однако лорд Ревельсток, Кассель и Шифф рекомендовали отложить размещение займа до весны следующего года.

Несмотря на это, нужда в денежных средствах была столь велика, что 9 сентября президент Банка Японии Мацуо Сигэёси (1843–1916) вновь подтвердил, что японское правительство не может ждать наступления весны и вынуждено осуществить переучет внутренних займов в размере 200 млн. иен, для чего нужно соответствующее количество иностранной валюты. В случае необходимости Мацуо порекомендовал обратиться к помощи парижского финансового рынка, указав на то, что еще в начале марта 1905 г. французская банковская контора Зауэрбах-Тальман (*“Sauerbach, Talmann & Cie”*) предложила свои услуги в деле размещения японского займа во Франции⁷.

В условиях, когда размещение займа целиком на лондонском и нью-йоркском рынках представлялось невозможным, в качестве чрезвычайной меры было решено начать переговоры с французскими банкирами. Необходимость в этом стала еще более насущной после распространения слухов о том, что Россия готовится разместить крупный послевоенный заем в Париже. По мнению только что вернувшегося из Санкт-Петербурга Коха, успех японской финансовой операции целиком

⁵ Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 760; № 37. Хонпо канкэй гайкокудзин кинъю-гёся-тё (Исследование относительно иностранных финансистов) (далее – ХКГК) // Нихон гайко сирёкан (Архив внешней политики Японии – далее АВПЯ). № 3.3.7-37. Кайгай ни окэру гайкокудзин ни ситэ хонпо сёхин тёку-юсюонно мата ва накагай дзюгёся тёса иккэн (Исследование, касающееся живущих за границей иностранцев, занимающихся прямым ввозом-вывозом японских товаров либо посреднической торговлей). Т. 3. (Этот и ряд других японских архивных источников находятся в открытом доступе на интернет-страницах токийского Центра документации азиатской истории (Адзиа рэкиси сирё сэнта) – <http://www.jacar.go.jp>); *Игнатъев А. А.* 50 лет в строю. М., 1986, с. 285–287; *Бовыкин В. И.* Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в. М., 1999, с. 200. О деятельности клана Гинцбургов в России см. также: *Барышников М. Н.* Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб, 1998, с. 120–122; *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. глава III.

⁶ НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 71–75, 88–90; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, с. 135–137.

⁷ Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 763–772; *Smethurst R. J.*, Op. cit., p. 182–184; НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 72–75.

зависел от того, сможет ли Россия получить новый кредит во Франции или нет. При посредстве сотрудника ПГК Артура Левиты (Arthur Francis Levita, 1865–1911), сына влиятельного лондонского финансиста, Такахаси удалось установить надежный контакт с лондонским домом Ротшильдов (N. M. Rothschild & Sons). Такахаси предполагал вовлечь в данную операцию парижский клан указанного семейства, и вскоре получил одобрительный ответ барона Натана Мейера Ротшильда (Nathan Mayer Rothschild, 1840–1915), согласившегося отправить в Париж соотвествующее письмо. 15 сентября Такахаси выехал во Францию с целью непосредственного зондажа позиции тамошних финансовых и политических кругов по отношению к предполагаемой кредитной операции⁸.

Утром 16 сентября Такахаси встретился в Париже с Вернейлем, Гинцбургом и Кохом (прибывшим в Париж на день раньше Такахаси с письмом для Ротшильдов), предложив французским капиталистам участвовать вместе с английскими, американскими и германскими банкирами в организации нового японского 4 %-ного займа на сумму 50 млн. ф. ст. Во время этой и последующих встреч Такахаси с представителями французского финансового и политического мира Кох неизменно выполнял роль надежного проводника и переводчика представителя японского правительства. Вернейль высказал принципиальное согласие поддержать данный проект в Париже, указав при этом, что для размещения займа удобными будут октябрь и ноябрь 1905 г. При этом синдик отметил, что для успеха финансовой операции необходимо будет провести соответствующую кампанию во французской прессе, расходы на оплату которой должно взять на себя японское правительство. В то же время французская сторона ясно дала понять, что заем может быть предоставлен Японии лишь после предоставления кредита России, формальной союзницы Франции. 18 сентября Такахаси провел переговоры с представителями банка «Ротшильд Фрер», которые после обсуждения данного вопроса с членами лондонского семейства также выразили свое согласие на участие в банковском синдикате при условии, что в него войдет и лондонский дом Ротшильдов. 19 сентября Такахаси в сопровождении Вернейля, Гинцбурга и Коха встретился с министром финансов Рувье, который также высказал свое принципиальное одобрение по отношению к японскому займу⁹.

Таким образом, успех предстоящего японского международного займа формально зависел от исхода российско-французских финансовых переговоров, которые безуспешно велись с начала 1905 г. Тем не

менее при вышеуказанных обстоятельствах неудача данных переговоров была уже предрешена, и французским банкирам нужно было лишь время, чтобы найти повод для их разрыва. Западноевропейская финансовая буржуазия, настроенная преимущественно прояпонски, сначала постаралась усадить Россию за стол мирных переговоров, обусловив предоставление новых займов окончанием войны, а затем дополнительно потребовала осуществления либеральных преобразований внутри страны. В смысле внутривластной ситуации, Россия «дозрела» до переговоров о новом займе в Европе лишь после обнародования «Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка» от 17 (30) октября 1905 г., поэтому переговоры представителей европейских банков, прибывших в Петербург 20 октября, с российским финансовым ведомством проходили в обстановке крайней общественно-политической напряженности и закончились разрывом¹⁰.

4 ноября, сразу же после возвращения парижских банкиров из Петербурга во Францию, исполняющий обязанности министра иностранных дел Кацура Таро (1848–1913) сообщал Мотоно, что японское правительство желает воспользоваться разрывом франко-российских финансовых переговоров, чтобы организовать свой заем на этом рынке, и Такахаси занят сейчас улаживанием этого вопроса. После достижения предварительного соглашения Мотоно предписывалось официально выступить в поддержку организации данного займа перед дипломатическим ведомством Франции.

7 числа, после встречи с бароном Гинцбургом и премьер-министром Рувье, Мотоно передал в Лондон для Такахаси, что французское правительство даст окончательный ответ в самые ближайшие дни по обсуждению данного вопроса с вернувшимися из Петербурга банкирами и русским послом в Париже. 13 ноября Мотоно встретился с исполняющим обязанности министра иностранных дел Рувье, который сообщил, что правительства Франции и России не возражают против размещения японского займа в Париже ранее российского. На следующий день японское правительство официально наделило Такахаси полномочиями на ведение переговоров о новом займе на сумму в 50 млн. ф. ст.¹¹.

К этому времени многие вопросы, касающиеся образования нового банковского синдиката для предоставления займа Японии, были благополучно разрешены. Французская сторона не выражала особого желания к совместному участию в займе с германскими банкирами, однако экономические выгоды заставили их пересмотреть свой взгляд на это. При этом парижский дом Ротшильдов взял на себя обязанность обработки общественного мнения Франции к предстоящему японскому

⁸ Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 772–774; 778–779; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7–37. Т. 3; Smethurst R. J., Op. cit., pp. 184–186.

⁹ Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 774–777, 779–780; Smethurst R. J., Op. cit., p. 185–186; НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 94.

¹⁰ НГБ. Т. 38. Кн. 2, с. 46–48, 71–75; Ананьич Б. В. Россия и международный капитал, с. 128–133, 145–152; Коковцов В. Н. Указ. соч. Т. I, с. 84–99; Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 782–785.

¹¹ НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 94–95; Такахаси Корэкиё дзидэн, с. 785–786.

займу, что помогло сэкономить японскому правительству немалые денежные средства¹².

15 ноября Такахаси вновь отправился вместе с Кохом в Париж для ведения – на этот раз официальных – переговоров о займе во Франции. Прямо с вокзала «искатели больших денег» поехали в особняк Ротшильдов на улице Лаффит, чтобы обсудить детали финансовой сделки. При этом во время переговоров неожиданно обнаружилось, что Ротшильды не желают давать деньги на переучет 4 %-ных японских займов 1904 г. На следующий день Такахаси в компании Вернейля, Гинцбурга и Коха вновь посетил резиденцию премьер-министра Рувье, где было принято решение о дате выпуска японского займа. 18 числа, после утряски всех деталей предстоящего контракта с Ротшильдами, Такахаси выехал обратно в Лондон, где немедленно встретился с представителями лондонского банковского синдиката, сообщил о результатах поездки и попросил ускорить переговоры с американскими и германскими банкирами. 19 ноября было достигнуто соглашение с прибывшим в Лондон Варбургом и получен благожелательный ответ Шиффа¹³.

В результате вышеуказанных усилий Такахаси и его заграничных помощников, 28 ноября 1905 г. в Лондоне и Париже были выпущены 4 %-ные облигации нового японского займа стоимостью в 25 млн ф. ст., покрывавшего расходы по погашению внутреннего займа на сумму 200 млн. иен. Заем выпускался по цене 90 за 100, без банковской комиссии, на срок 25 лет с погашением к 1 января 1931 г. Облигации выпускались номинальной стоимостью в 10, 20, 100 и 200 ф. ст. Подписчиками выступили парижские, лондонские, нью-йоркские и гамбургские банкиры: 12 млн. ф. ст. были предоставлены через парижских Ротшильдов; прежний лондонский консорциум, английские Ротшильды и возглавляемая Шиффом «Кун, Лёб энд Ко.» выделили по 3,25 млн, а банк Варбургов и Немецко-Азиатский банк – по 1,625 млн. ф. ст. Переговоры о размещении второй половины займа было решено продолжить в дальнейшем при наступлении более благоприятной экономической конъюнктуры¹⁴.

Уже 28 ноября лорд Ротшильд отправил на имя министра финансов Сонэ Арасукэ (1849–1910) поздравительную телеграмму, в которой отмечал небывалый успех настоящей финансовой операции и превозносил талант Такахаси. В декабре по рекомендации Мотоно японское правительство за размещение данного займа во Франции решило наградить Рувье орденом Восходящего солнца первой степени. Затем, в марте 1906 г., японское правительство наградило Коха и Гинцбурга ор-

денами Восходящего Солнца третьей степени, Левиту – тем же орденом четвертой степени.; директору-распорядителю парижского банка «Ротшильд Фрер» Эдмону (Edmond James de Rothschild, 1845–1934, младший брат Майера Альфонса, возглавлявшего дом до 1905 г.), известному покровителю сионистского движения, был пожалован орден Восходящего Солнца первой степени, а главе парижской биржи Вернейлю – орден Сокровища второй степени. Не был забыт и лондонский лорд Ротшильд, которому был отправлен портрет императора Мэйдзи с личной подписью микадо¹⁵.

Это были те лица, благодаря которым Японии удалось открыть для себя парижский финансовый рынок. Примечательно, что почти все они проявили себя к этому времени на российском направлении и располагали влиятельными связями и интересами в Петербурге. Рувье и Вернейль являлись даже обладателями высших российских наград, полученных за участие в организации российских займов в Париже¹⁶.

Таким образом, финансовые отношения между Японией и Францией после окончания русско-японской войны заметно окрепли, однако нужно иметь в виду, что тон в них по-прежнему задавали лондонские посредники во главе с ПГК, которая не только замкнула на себе все правительственные займы Японии, но и стала в октябре 1905 г. официальным представителем Промышленного банка Японии (Ниппон когё гинко, ныне «Мидзухо Корпорэйт Банк»), войдя в число акционеров последнего. Примечательно, что представителем Промышленного банка Японии во Франции стал вездесущий Жак Гинцбург, а в Германии – банк Макса Варбурга, что прекрасно очерчивало финансовые связи ПГК на континенте. Остается добавить, что в лице семейства Гинцбургов вышеуказанная брокерская контора имела влиятельных партнеров и в Санкт-Петербурге. Разумеется, что широкие банковские круги Европы во главе с домом Ротшильдов и в особенности парижские финансисты были недовольны таким положением дел, и это ставило на повестку дня вопрос о создании других каналов европейско-японского экономического общения. Открытие французского рынка должно было вызвать некоторые изменения в общей конфигурации международных связей Японии с великими державами¹⁷.

* * *

22 августа 1906 г. японское финансовое ведомство приняло решение возобновить переговоры о размещении второй половины займа с целью переучета дорогих 6 %-ных кредитов, полученных в самом начале

¹² Такахаси Корэкиё-дзидэн, с. 777–778, 781–783; *Smethurst R. J.*, Op. cit., pp. 186–187.

¹³ Такахаси Корэкиё-дзидэн, с. 786–788.

¹⁴ Такахаси Корэкиё-дзидэн, с. 788–793; *Smethurst R. J.*, Op. cit., pp. 186–187; НГБ. Т. 38, кн. 2, с. 96–100; *Байсуэй С. Дж.* Указ. соч., с. 106, 114.

¹⁵ *Smethurst R. J.*, Op. cit., p. 187; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7-37. Т. 3.

¹⁶ *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, с. 174–175.

¹⁷ Нихон когё гинко дзюэн-си (История Промышленного банка Японии за 10 лет). Токио, 1912. с. 95–96; Такахаси Корэкиё-дзидэн, с. 752–757.

войны. Такахаси давались полномочия на заключение нового займа в Европе и США по образцу ноябрьского 4 %-ного займа 1905 г. В начале сентября 1906 г. Такахаси отправился в Америку, а в конце октября – начале ноября прибыл в Англию. К этому времени между Такахаси и представителями дома Ротшильдов в Лондоне была достигнута принципиальная договоренность о том, что известный банковский дом с участием парижской ветви семейства учтет обязательства японской казны весной 1907 г., однако пока условия финансового рынка в целом были неблагоприятными, и Такахаси лишь оставалось ждать наступления подходящего момента. Как раз в это время французская сторона выступила с инициативой углубить диалог между Парижем и Токио¹⁸.

Уже с весны 1906 г. видные представители французской элиты, такие как бывший генерал-губернатор Индокитая и бывший морской министр Жан де Ланессан (Jean Marie Antoine de Lanessan, 1843–1919) и бывший министр финансов Жозеф Кайо (1863–1944), стали заявлять, что экономические отношения Франции с Россией должны претерпеть немалые изменения, поэтому Франция не прочь направить свои избыточные капиталы в Японию; вопрос лишь в том, какие компенсации Париж может получить от Японии. Париж предлагал Токио заключение политического соглашения, в котором будут прописаны гарантии безопасности французского Индокитая, в обмен на которые Франция пойдет на открытие своего финансового рынка для Японии. Впрочем, до поры до времени представители японского правительства предпочитали пропускать данные намеки, исходящие от «французской общественности», мимо ушей. Благоприятные условия для обсуждения различных вопросов двусторонних отношений появились в конце октября 1906 г., после образования нового кабинета министров Жоржа Клемансо (Georges Benjamin Clemenceau, 1841–1929). Новый министр финансов Кайо при первом же разговоре с японским посланником во Франции Курино Синъитиро (1851–1937) недвусмысленно дал понять, что предоставление нового займа во Франции возможно лишь в случае подписания нового политического соглашения по Индокитаю¹⁹.

В сложившихся условиях после проведения предварительных переговоров в британской столице в середине ноября Такахаси, прислушавшись к совету японского посла во Франции, направился в Париж. 13 ноября Такахаси нанес визит министру иностранных дел Стефану Пишону (Stéphane Pichon, 1857–1933). Во время беседы с министром Такахаси подробно объяснил испытываемые финансовые затруднения Японии и высказал надежду, что французское правительство не будет

против участия парижских банкиров (в лице Ротшильдов) в предстоящем займе, который состоится в январе–феврале следующего года. Пишон пообещал обсудить данный вопрос, касающийся, по его словам, более общих восточных проблем, с премьер-министром Клемансо и министром финансов Кайо на следующий же день.

16 ноября министр финансов передал Такахаси ответ французского правительства, заявив, что последнее не возражает против открытия для Японии крупного кредита в Париже. При этом министр добавил, что, если предложенные домом «Ротшильд Фрер» условия не устроят японскую сторону, к данной финансовой операции можно привлечь другие банки Парижа. Такахаси усмотрел за этими словами желание Кайо привлечь к займу близкий к правительству Индо-Китайский банк (Banque de l'Indo-Chine), являвшийся главным колониальным банком Франции и определявшим стратегический курс страны в Восточной Азии. Кроме того, в качестве «компенсации» Кайо попросил японское правительство поддержать английских и французских капиталистов в продвижении железнодорожного проекта в Южном Китае²⁰.

Французское правительство немедленно сообщило своим дипломатическим представителям в Лондоне и Петербурге о зондаже со стороны Японии. При этом содержание депеши Пишона от 16 ноября на имя французского посла в Лондоне свидетельствует о том, что в парижских финансовых кругах вызревали планы использовать новый японский заем для погашения русских 5,5 %-ных правительственных бумаг на сумму 250 млн. франков. Иными словами, русские ценные бумаги во Франции должны были служить покрытием нового японского займа²¹.

Реакция российского правительства, неудовлетворенного ходом русско-японских переговоров относительно торгового договора и рыболовной конвенции, не заставила себя долго ждать. В последние дни ноября, едва узнав о желании японского правительства разместить крупный заем в Париже, Извольский на правах представителя правительства союзного государства потребовал объяснений со стороны французского правительства. «Я нахожусь в более тяжелом положении, нежели наши полномочные представители в Портсмуте... Если в нынешних обстоятельствах Япония получит денежные средства – единственное, что ей не хватает для того, чтобы начать новую военную кампанию – во Франции, это сильнейшим образом ободрит ее в проведении своей военной поли-

¹⁸ Smethurst R. J. Op. cit., p. 196–197; НГБ. Т. 39, кн. 1. Токио, 1959, с. 387–393; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7-37. Т. 3.

¹⁹ АВПЯ. № 2.1.1.18. Нитифуцу кёяку тэйкэцу иккэн: Гокухи (Дело о заключении японо-французского соглашения: Строго секретно). Мацумото кироку (Фонд Мацумото), с. 2–8.

²⁰ Доклад № 7 Такахаси Корэкиё от 20 ноября 1906 г. Мидзумати-кэ бунсё (Документы рода Мидзумати). № 5. Б. с. // Кокурицу кобунсёкан (Государственный архив Японии). Дзай-мусё. 2003 г. Цукуба-сёко 5.5-59.5 (Этот документ также находится в открытом доступе на интернет-страницах токийского Центра документации азиатской истории); АВПЯ. Нитифуцу кёяку тэйкэцу иккэн. № 2.1.1.18, с. 9–10; Documents Diplomatiques Français (1871–1914) (далее – DDF). 2e série (1901–1914). Tome X (10 Avril 1906 – 16 Mai 1907). Paris: Imprimerie Nationale, 1948, p. 435–437.

²¹ DDF. 2e série. Т. X., p. 435–437.

тики и в своем непримиримом отношении к России». Бомпар ответил на это, что, по мнению министра иностранных дел Франции, данная ситуация предоставляет удобный случай для того, чтобы получить от токийского кабинета удовлетворительные гарантии в отношении России, и что Франция ищет возможности помочь российскому правительству в его трудных переговорах с правительством микадо²².

10 декабря во время новой встречи с Бомпаром Извольский повторно напомнил послу, что Пишон обещал использовать желание японского правительства открыть парижский финансовый рынок с тем, чтобы добиться от японского правительства доказательства его доброй воли, и выразил надежду, что правительство Франции именно так и поступит. На следующий день Пишон ответил Бомпару, что французское правительство намерено помочь японскому с размещением кредита в Париже только после того, как российскому правительству будут даны необходимые гарантии, и просил посла выяснить, чем Франция может быть полезна России в отношении разрешения вопросов русско-японского урегулирования на основе Портсмутского мирного договора²³. Таким образом, правительство Франции решило воспользоваться предоставившейся возможностью, чтобы стать посредником при разрешении стоявших между Россией и Японией проблем и укрепить отношения как с той, так и с другой стороной.

Политические препятствия на пути к размещению нового японского займа во Франции дали о себе знать в начале января 1907 г., когда Такахаси после совместного с Гинцбургом рождественского «турне» по Германии вновь прибыл в Париж, чтобы сверить часы с тамошними банковскими и политическими кругами. 7 января во время встречи Такахаси с Вернейлем, синдик заявил, что в деле размещения займа появились затрудняющие обстоятельства: французское правительство обеспокоено действиями Японии на международном финансовом рынке и, в частности, ее планами разместить новые иностранные займы якобы для нужд только что созданного Общества Южно-Маньчжурской железной дороги, что угрожает интересам как России, так и США на Дальнем Востоке. Данные опасения подкреплялись слухами о том, что недавняя поездка Такахаси в Германию вызвана именно этими планами, и что в обмен на предоставление кредита Япония согласна заказать в Германии постройку броненосцев и другого вида оружия. Такахаси постарался развеять эти слухи, однако положение было изрядно подпорчено: Вернейль выступил категорически против допуска японских облигаций, выпущенных в прошлом в Лондоне, к котировке на парижской бирже, указывая на значительную разницу в цене на них на лондонской и парижской биржах.

²² DDF. 2e série. T. X., p. 509–510.

²³ Ibid, p. 546, 549. См. также: DDF. 2e serie. T. X., p. 564–565.

Во время беседы с Кайо, состоявшейся в тот же день, Такахаси пришлось вновь оправдываться. Японский финансовый представитель заявил, что им движет единственное желание продолжить начатые в ноябре прошлого года переговоры о займе и получить подтверждение того, что французское правительство не возражает против выпуска японских облигаций в Париже при первом предоставившемся случае в конце февраля – марте 1907 г., однако Кайо холодно ответил, что переговоры об этом следует вести через японского посла в Париже с министром иностранных дел. Затем Кайо прямо сказал, что положение дел по сравнению с ноябрем сильно изменилось, и что на повестке дня теперь стоят некоторые политические вопросы, требующие немедленного разрешения. Вернейль упомянул, что от Такахаси поступила просьба внести японские облигации от ноябрьского займа 1905 г., выпущенные в Англии, США и Германии, в официальный бюллетень парижской биржи, на что тотчас же последовало резкое возражение министра²⁴.

После этой встречи с министром прекрасно осведомленный в тайных пружинах международной политики Гинцбург разъяснил изумленному Такахаси, что, согласно слухам, русское правительство обратилось к союзному французскому не оказывать поддержки в размещении японских ценных бумаг на европейском рынке. В условиях, когда несколько более года назад Франция уже пошла на открытие кредита Японии, отказав в аналогичном пожелании России, французское правительство не может полностью отвергнуть просьбу России и пойти на предоставление займа Японии в разрез со своими союзническими обязательствами. В этой обстановке французское правительство предложило свои посреднические услуги для разрешения вопросов зашедших в тупик русско-японских переговоров. Только после этого для Такахаси стало очевидно, что помехой японскому займу является неурегулированность русско-японских отношений.

Впрочем, Такахаси верил, что сопротивление французского и русского правительств вскоре удастся сломить и продолжал переговоры с парижскими банкирами и биржевиками. Встретившись с отказом Ротшильдов допустить облигации, выпущенные в Лондоне в ноябре 1905 г., к котировке на парижской бирже, Такахаси предложил Вернейлю в качестве принципиального способа поддержки парижского финансового рынка интервенционную скупку Банком Японии в Лондоне японских облигаций на сумму до 3 млн ф. ст. Вернейль, ожидавший от японской стороны предоставления именно таких гарантий, сразу же согласился предпринять новую попытку уговорить министра финансов Франции на совершение данной сделки, с удовлетворением отметив, что «у Японии нет желания перекладывать свои трудности на другие страны»²⁵.

²⁴ Доклад № 13 Такахаси Корэкиё от 15 января 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё, № 5.

²⁵ Там же.

9 января, во время встречи посла Курино с французским министром иностранных дел, Пишон заявил, что позиция французского правительства не претерпела принципиальных изменений, однако прямо сообщил о просьбе союзной России не предоставлять заем японскому правительству, пока не будут урегулированы – в полном соответствии с Портсмутским мирным договором – вопросы российско-японских отношений, указав на невозможность для Франции игнорировать эту просьбу России и попросив отсрочки в данном деле. Из разговора с Пишоном стало ясно, что французский МИД не рассматривает вопрос допуска японских ценных бумаг к обращению на парижской бирже зависимым от данной просьбы России, и что для этого необходимо лишь получить разрешение от министра финансов Кайо. В тот же день Такахаси узнал от Левиты, что парижские Ротшильды в целом согласны на помещение японских 4 % -ных облигаций в официальный бюллетень парижской биржи²⁶.

В тот же день 9 января 1907 г. находившийся в новогоднем отпуске в Париже французский посланник в Петербурге Бомпар посетил японского посла Курино и сообщил ему принципиальную позицию российского правительства насчет спорных вопросов, касающихся торгового договора и рыболовной конвенции: «Должно быть, Россия в известной степени пойдет на признание японских пожеланий в отношении договора о торговле и мореплавании. Что касается рыболовного вопроса, то... он может породить множество проблем и, вероятно, потребует тщательнейшего изучения. Позиция России, основанная на приверженности в разрешении всех вопросов духу Портсмутского мирного договора, не претерпит изменения и в дальнейшем, однако Россия не собирается уступать Японии в вопросе судоходства по Сунгари. Последнее исходит не только из опасений торгово-промышленного соперничества, но и объясняется некой подозрительностью по отношению к Японии с военной точки зрения»²⁷.

Так при посредстве Франции начался поиск компромисса применительно к вопросам русско-японского послевоенного урегулирования. Между тем, тесно связанная с Индо-Китайским банком «группа Кайо» не желала уступать и в вопросах чисто экономического свойства. 10 января во время встречи с Вернейлем министр финансов просто вышел из себя, как только услышал от синдика слова о японских ценных бумагах. Во время состоявшейся в тот же день беседы с директорами «Ротшильд Фрер» Такахаси неожиданно для себя столкнулся с резким отпором в этом вопросе со стороны банкиров, не упускавших возможности показать, кто является хозяином положения. Тон речи Эдмона

заметно помягчел после того, как Такахаси и Левита предложили пустить половину из 3 млн. ф. ст. на поддержание парижского рынка, однако он лишь неопределенно пообещал приложить силы для открытия нового кредита Японии, как только позволит ситуация на финансовом рынке. В ответ на замечание Такахаси о том, что «дорогу Японии пытаются перейти» российское правительство и российские экономические круги, старший Ротшильд ответил, что в экономической области никаких интриг со стороны России не предвидится, и что в кредитах России отказано²⁸. В указанной обстановке особой необходимости в новой встрече с министром финансов уже не было, поэтому Такахаси принял решение вернуться в Лондон, поручив дальнейшее улаживание вопросов Вернейлю.

* * *

Нужно отметить, что, имея перед собой удачный пример размещения займа во Франции в конце 1905 г., японское правительство не особенно взволновалось возникшими политическими вопросами, понимая, что Франция не собирается упорствовать в этом вопросе до последней черты, а лишь соблюдает определенный ритуал международного общения, пытаясь добиться от Японии наибольших уступок. Таким образом, японская сторона отдавала себе отчет в том, что основная причина отказа Франции удовлетворить пожелания Японии кроется не в позиции России, а в ней самой.

17 января 1907 г. глава внешнеполитического ведомства Хаяси Тадасу (1850–1913) направил Курино и Такахаси новые указания относительно ведения будущих переговоров. Курино предписывалось в самое ближайшее время выступить с новой просьбой об открытии для Японии нового кредита во Франции до разрешения «всех вопросов русско-японских отношений», не давая при этом никаких обещаний и соглашаясь лишь отложить само размещение займа до конца марта 1907 г. В особой памятной записке в качестве условий принятия французского посредничества на российско-японских переговорах назывались допуск прежде выпущенных 4 % японских обязательств к обращению на парижской бирже и предоставление совместно с Англией нового кредита на сумму 25 млн. ф. ст. Кроме того, перед Курино также была поставлена задача выяснить, нет ли у российского правительства плана самому разместить заем во Франции, опередив Японию²⁹.

В результате предварительного зондажа, осуществленного послом Курино через Ланессана, было выяснено, что причиной обращения России к помощи Франции является желание уладить вопросы двусторонних

²⁶ Доклады №№ 12 и 13 Такахаси Корэкиё от 25 декабря 1906 г. и от 15 января 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5; НГБ. Т. 40, кн. 2. Токио, 1961, с. 46–48.

²⁷ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 47–48.

²⁸ Доклад № 13 Такахаси Корэкиё от 15 января 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 66–72.

²⁹ Доклад № 14 Такахаси Корэкиё от 7 февраля 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5; НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 50–52.

отношений, и что это никоим образом не связано с финансовыми делами. Курино стало известно, что российские финансовые круги в тесном сотрудничестве с бывшим премьером Рувье обсуждают возможность новой финансовой комбинации, однако новый кредит во Франции Россия вряд ли получит. С другой стороны, Ланессан после беседы с Пишоном сообщил, что предоставление займа Японии задерживается тем обстоятельством, что между Японией и Францией не достигнуто соответствующее политическое соглашение. Пожелания Японии относительно открытия нового займа во Франции были переданы послом Пишону в среду 23 января³⁰.

Переговоры о новой финансовой комбинации, о которой говорил в своем отчете Курино, действительно шли в это время во Франции. Так, еще в середине декабря 1906 г. парижские банковские круги во главе с Вернейлем обратились к министру финансов Коковцову с предложением создать «мощную финансовую группу из русских и французских банков для содействия развитию в России коммерческих и промышленных предприятий с помощью французских капиталистов». Российский министр финансов выразил свое принципиальное одобрение по отношению к данному проекту, вследствие чего 15–19 января во французской столице состоялись переговоры между французскими и российскими банкирами, в которых участвовали кроме Вернейля не только близкие к Ротшильдам Готтингеры и Нозль Бардак (Noel Bardac, 1868–?), но и неоднократно упоминавшийся выше Жак Гинцбург. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о том, что парижские банкиры вели достаточно сложную «беспроектную» дипломатическую игру между Петербургом и Токио, пользуясь существующими международно-политическими обстоятельствами. Заигрывания с Японией являлись сильным инструментом давления на Петербург и наоборот³¹.

30 января Пишон дал Курино ответ по памятной записке японского правительства от 17 января. Министр сообщил, что им было передано российскому правительству о желании Франции заключить общеполитическое соглашение с Японией, на что принципиальных возражений со стороны России не последовало, однако российские дипломаты отметили, что и политическое соглашение, и предоставление кредита Японии возможны лишь после того, как Россия получит от Токио гарантии безопасности своих дальневосточных владений в полном соответствии с духом Портсмутского мирного договора. Российские дипломаты во главе с Извольским в доверительных беседах с французскими коллегами дали понять, что готовы удовлетвориться получением от японского правительства общих гарантий безопасности, не дожидаясь полного завершения переговоров о торговом договоре и рыболовстве³².

³⁰ НГБ. Т. 4., кн. 2, с. 52–53.

³¹ Бовыкин В. И. Указ. соч., с. 199–204.

³² НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 53–55; НГБ. Т. 40. кн. 1. Токио, 1960, с. 97–98.

Тем временем Такахаси продолжал переговоры с лондонскими Ротшильдами, пытаясь через них воздействовать на парижскую ветвь семейства. В начале февраля после совещания с Кохом и Левитой Такахаси подготовил письменное обращение к парижским Ротшильдам, в котором просил немедленно приступить к необходимым формальностям для помещения японских ценных бумаг в официальный бюллетень парижской биржи и сообщить французскому правительству о своем намерении участвовать совместно с лондонскими банкирами в выпуске японского займа в течение марта 1907 г., обещая содействие японского правительства в поддержании стабильности на парижском фондовом рынке. В случае готовности «Ротшильд Фрер» на вышеуказанные действия, Такахаси обещал немедленно – при посредстве посла Курино – предпринять необходимые дипломатические меры, направленные на получение разрешения со стороны правительства Франции³³.

Несмотря на обращение, парижские Ротшильды не давали утвердительного ответа ни в отношении своего участия в займе, ни в отношении допуска японских ценных бумаг к обращению на парижской бирже. Тем временем, 5 февраля, Такахаси получил вести от находившегося в Париже Коха о встрече Вернейля с Кайо, на которой министр якобы заявил следующее: допуск японских бумаг к котировке на бирже невозможен без участия французских банкиров в предстоящем японском займе, поэтому разрешение о допуске не может последовать ранее, чем решение о самом участии, сдерживаемом, в свою очередь, вопросами русско-японских отношений. В этих условиях Такахаси сделал вывод о том, что экономических препятствий к финансовой операции больше не наблюдается, и что все силы должны быть направлены на устранение политических помех. Вечером 6 февраля Левита передал Такахаси пожелание Коха, чтобы тот срочно прибыл в Париж для улаживания различных вопросов³⁴.

В начале февраля на российско-японских переговорах обозначился значительный прогресс. 4 февраля между Мотоно и Извольским состоялось обсуждение общих вопросов двусторонних отношений в долгосрочной перспективе, при этом глава российского внешнеполитического ведомства обрисовал возможный фундамент будущих добрососедских отношений. Мотоно тотчас же донес телеграммой о своей беседе с министром, прося одобрения выдвинутой Россией идеи двустороннего политического соглашения. Принципиальное согласие на это с указаниями обратиться к российскому МИДу с просьбой подготовить проект соглашения было получено от Хаяси 8 февраля. С другой стороны, телеграммой от 9 февраля из Токио Мотоно предписывалось встретиться с российским министром иностранных дел и передать об отсутствии у

³³ Доклад № 14 Такахаси Корэкиё от 7 февраля 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5.

³⁴ Там же.

Японии агрессивных устремлений по отношению к России и попросить российское правительство снять свои возражения против готовящегося японского займа во Франции. Для сведения посла сообщалось, что Такахаси готов выехать в Париж 11 февраля, чтобы окончательно уладить дело с указанной кредитной операцией. 9 февраля Мотоно встретился с Извольским и передал просьбу подготовить проект будущего политического соглашения, а на следующий день сделал заявление относительно готовящегося займа во Франции³⁵.

Днем 11 февраля Такахаси вновь отправился в Париж, чтобы предпринять последнюю попытку уговорить парижские политические и экономические круги на участие в предстоящей кредитной операции. Внутриполитическая ситуация во Франции позволяла Такахаси и его единомышленникам рассчитывать на благоприятный исход дела. 8 февраля во французском парламенте депутаты от социалистов обрушились с резкой критикой на действия своего правительства и буржуазии, которые якобы жертвуют интересами французского народа и ссужают огромные капиталы на поддержание российских финансов. Их выпады встретили мощный отпор со стороны Пишона, подчеркнувшего особый характер русско-французских отношений и надежность гарантий, предоставляемых Россией по займам. По мнению Гинцбурга и Вернейля, такие реверансы в сторону Петербурга создавали благоприятную атмосферу для предоставления займа Японии. Вечером 11 февраля Вернейль передал Пишону особую записку, в которой указывал, что просьба России не предоставлять заем Японии может лишь помешать русско-японскому и франко-японскому сближению, лишит Францию прибыли и оттолкнет японцев от парижского рынка³⁶.

13 февраля Курино посетил министра иностранных дел и попросил его дать утвердительный ответ по поводу займа до 16 числа. Министр ответил, что он надеется получить благожелательный ответ от российского правительства в течение недели и готов поторопить Петербург с ответом. Тем временем, в тот же день Мотоно получил ответ российского правительства на свое заявление от 10 февраля: «В виду шага, искренне предпринятого японским правительством по отношению к России и принимая во внимание недавние заявления виконта Хаяси в пользу создания прочной связи между двумя странами, российское правительство готово дать гарантии в том, что, если французское правительство будет консультироваться с ним на предмет японского займа на парижском рынке, оно не будет препятствовать его осуществлению. Российское правительство лишь просит японское правительство принять со своей стороны во внимание тот факт, что определенный остаток от

последнего займа, организованного Россией, должен быть размещен на французском рынке, и что одновременная кредитная операция со стороны Японии отразилась бы негативным образом на наших облигациях по этому займу. Следовательно, японское правительство окажет, в свою очередь, услугу российскому правительству, отложив, скажем, на два месяца осуществление предполагаемого ныне займа»³⁷.

Вечером 14 числа содержание ответа России было сообщено Такахаси. Казалось, последнее препятствие на пути к организации японского займа в Париже было устранено, однако даже после этого министр финансов Кайо продолжал упорствовать. Как удалось узнать Такахаси, причина этого была в том, что близкие к Индо-Китайскому банку силы желали самостоятельного участия в предстоящей финансовой сделке. Рупором правительственных сил была газета «Ла Съекль» («Век») во главе с Ланессаном и Арманом Массипом (Armand Massip), установившими еще во время русско-японской войны тесные контакты с японской миссией в Париже. Через вторых и третьих лиц они предлагали группе Гинцбурга-Ротшильдов «поделиться» прибылью с Индо-Китайским банком, обещая свое содействие при организации займа. По словам представителей ПГК, парижские Ротшильды были не на шутку обеспокоены инициативой некоторых кругов исключить их из предстоящей комбинации и дали знать об этом своим лондонским родственникам. 16 февраля представитель «группы Кайо», некто Жако, посетил Гинцбурга и попросил включить Индо-Китайский банк в банковский синдикат, однако получил отрицательный ответ. В тот же день сотрудник японского посольства в Париже встретился с Массипом, который заверил, что правительство не будет препятствовать размещению японского займа, даже в случае неприглашения Индо-Китайского банка в состав синдиката³⁸.

Допуская, что известные противоречия между Индо-Китайским банком и Ротшильдами действительно имели место, в свете дальнейшего развития событий (попыток Ротшильдов создать свой канал финансово-экономического взаимодействия с Японией в обход ПГК и их противодействие плану создания Японо-Французского банка под эгидой Вернейля-Гинцбурга) логично в то же время предположить, что между ними имела некая договоренность или, по крайней мере, согласованность действий. Дело в том, что «Ротшильд Фрер» вместе с лондонским домом Ротшильдов был непосредственно заинтересован в затягивании данных переговоров, желая добиться наиболее выгодных условий сделки и встать во главе банковского синдиката. Несмотря на устранение политических препятствий, в силу сопротивления француз-

³⁵ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 55–57; НГБ. Т. 40, кн. 1. Токио, 1961, с. 98–102.

³⁶ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 58–59; Доклад № 15 Такахаси Корэкиё от 3 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 8–14; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, с. 203.

³⁷ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 59–60; Доклад № 15 Такахаси Корэкиё от 3 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 14–20.

³⁸ Доклад № 15 Такахаси Корэкиё от 3 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 22–36.

ского министерства финансов и банка «Ротшильд Фрер», отказавшихся допустить выпущенные ранее обязательства Японии к обращению на парижской бирже, положительной договоренности и на этот раз достигнуто не было, поэтому Такахаси почти отказался от мысли разместить заем в Париже весной 1907 г.³⁹ Таким образом, на этот раз дело расстроилось уже не из-за сопротивления России, а совершенно по другим причинам. Такахаси не оставалось ничего, как продемонстрировать готовность прервать переговоры, и 19 февраля он вернулся в Лондон.

Последующие переговоры Такахаси с лондонскими Ротшильдами показали, что сопротивление «Ротшильд Фрер» было вызвано исключительно тактическими соображениями: действия обеих ветвей семейства банкиров, как и прежде, были направлены на усиление своего веса в новом банковском синдикате путем ослабления влияния ПГК. Такахаси придавал большое значение установлению тесных отношений с Ротшильдами, однако не собирался отказываться от партнерства с прежним лондонским банковским синдикатом и решительно отказался от продолжения переговоров во Франции. 22 февраля он встретился с представителями Гонконг-Шанхайского банка и Парр-банка, предложив им принять к учету вместе с американскими и германскими банкирами японские 5 % обязательства на сумму 23 млн ф. ст. При этом им было отмечено, что особенно рассчитывать на заокеанских банкиров и Ротшильдов (не имевших отношения к предоставлению 6 % займов 1904 г.) не приходится. Такахаси не забыл сказать о том, что Банк Японии готов использовать в случае необходимости 5 млн. ф. ст. для интервенции на лондонском финансовом рынке⁴⁰.

Ротшильды почувствовали, что могут остаться не у дел, поэтому уже 22 февраля младший брат главы лондонского семейства Леопольд (Leopold Rothschild, 1845–1917) намекнул Такахаси о желании «Ротшильд Фрер» продолжить обсуждение известных вопросов о займе и спросил, какой ответ следовало бы дать в Париж. Такахаси заявил, что с его стороны переговоры с парижскими финансистами прекращены и ему больше нечего предложить на этот счет. По слухам, дошедшим до Такахаси, после этого разговора Леопольд немедленно отправил письмо в Париж, советуя парижскому дому Ротшильдов изменить свое отношение к данной финансовой операции. В тот же день Вернейль передал Коху содержание своей беседы с управляющим парижским домом Нейбургером (Neuburger) и сообщил, что «Ротшильд Фрер» согласны участвовать в японском 5 %-ном займе. Посовещавшись с представителями ПГК и управляющим лондонским отделением Парр-банка Александром Шандом (Alexander Alland Shand, 1844–1930), Такахаси в доверительном

порядке сообщил Коху и Левите условия, на которых он может допустить участие парижских Ротшильдов в предстоящей операции. В итоге, 26 числа из Парижа был получен ответ, официально сообщавший, что парижский дом Ротшильдов готов принять к учету японские обязательства в размере половины от всей суммы займа по цене около 99 за 100 с соответствующей премией⁴¹.

Иными словами, как только японское правительство выказало готовность обойтись при проведении предстоящей операции без участия Парижа, французские банкиры, а затем и французское правительство сняли свои возражения в отношении условий предстоящей сделки. 27 февраля Пишон сообщил Курино о решимости Франции содействовать открытию нового 5 %-ного кредита для Японии с участием английских финансистов. Министр отметил, что весьма сожалеет о том, что недавние переговоры о займе были прерваны, несмотря на столь дружественные отношения между Японией, Францией, Англией и Россией. 28 февраля Ланессан сообщил Курино о том, что Пишон весьма доволен позицией, которую Япония заняла по отношению к России, и готов на продолжение с ней конструктивного диалога⁴².

В этих условиях переговоры с французскими финансистами благополучно завершились, и 2 марта японское правительство направило Такахаси доверенность на подготовку технических условий нового 40-летнего 5 %-ного займа на сумму 23 млн. ф. ст. Вечером того же дня японский финансовый представитель вместе с Кохом прибыл в Париж для согласования окончательного проекта контракта. 6 марта, по возвращении Такахаси в Лондон, представителями Парр-банка, Гонконг-Шанхайского банка, Йогоама Спеши Банка (Yokohama Specie Bank), лондонского дома Ротшильдов, парижского банка Ротшильд Фрер и Такахаси было подписано итоговое соглашение о выпуске нового японского займа, половина которого – 11,5 млн. ф. ст. – размещалась во Франции. При этом банк «Ротшильд Фрер» предоставлял одну треть от парижской суммы (чуть менее 40 млн иен), а остальная часть была распределена внутри образованного вокруг Парижско-Нидерландского банка синдиката⁴³.

* * *

Франция и ее финансовые круги умело воспользовались существованием союза с Россией, а также дружественными отношениями с Вели-

⁴¹ Доклад № 16 Такахаси Корэкиё от 7 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 25–41, 50–51, 59–60.

⁴² НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 66–67.

⁴³ НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 67–73; Доклад № 17 Такахаси Корэкиё от 14 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 1–22; *Smethurst R. J.*, *Op. cit.*, pp. 197–198; *Baiyūyū C. Дж.* Указ. соч., с. 114; ХКГК // АВПА. № 3.3.7–37. Т. 3.

³⁹ Доклад № 15 Такахаси Корэкиё от 3 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 36–69; НГБ. Т. 40, кн. 2, с. 63–64.

⁴⁰ Доклад № 16 Такахаси Корэкиё от 7 марта 1907 г. Мидзумати-кэ бунсё. № 5, с. 4–7.

кобританией для укрепления своих отношений с Японией после войны, действуя в качестве посредника-миротворца. Еще во время войны французские банкиры и биржевики, опасавшиеся за свои вложенные в российские предприятия капиталы, предложили Японии вместо призрачной российской контрибуции предоставление кредита в размере 500–700 млн. иен. Осенью того же года французским Ротшильдам удалось благодаря своим лондонским сородичам войти в число участников японского займа и получить японские обязательства на сумму более 120 млн. иен. Через год французское правительство, используя заинтересованность Японии в парижском финансовом рынке, попыталось политизировать данный вопрос и постаралось закрепить новое состояние двусторонних отношений в виде общеполитического соглашения. Японское правительство поначалу не проявляло к данной инициативе особого интереса, однако Франция воспользовалась тупиковым состоянием на российско-японских переговорах и обусловила дачу нового займа укреплением франко-японских отношений. За данной инициативой стояли интересы французского правительства и Индо-Китайского банка, опасавшихся за безопасность французских владений на Востоке. С другой стороны, это было удобным поводом к созданию независимого канала финансово-экономической связи с Японией, в чем были заинтересованы широкие банковские круги Парижа во главе с Ротшильдами. Именно это желание заставило французское правительство в марте 1907 г. начать переговоры о заключении общеполитического соглашения с Японией, благополучно подписанного 10 июня того же года.

Важным посредником во франко-японских и российско-японских финансово-экономических отношениях являлось семейство банкиров Гинцбургов, имевшее свои «точки опоры» в Лондоне и Париже, Берлине и Петербурге. Благодаря своим тесным связям с лондонской ПГК и парижскими банковскими кругами парижский клан семейства оказался вовлечен как в дело финансирования Японии во время войны, так и в процесс переориентации французских капиталов с России на Японию в последующие годы⁴⁴. Играя столь неблагоприятную роль в деле ослабления России на мировой арене, парижская и петербургская ветви семейства Гинцбургов сумели в полной мере воспользоваться перестройкой международных отношений после русско-японской войны. 28 января 1907 г. – в самый разгар переговоров о размещении японского займа в Европе – в Петербурге был утвержден Советом министров устав русско-японского внешнеторгового общества, среди учредителей которого значилось имя барона Давида Горациевича Гинцбурга (1857–1910),

приходившегося двоюродным братом неоднократно упоминавшемуся Жаку. Предположительно, за учреждением данной компании также стояли интересы парижских финансовых кругов, занимавших определяющее положение на российском рынке⁴⁵. Данный проект не получил большого развития, однако благодаря этой инициативе появился еще один мостик экономического взаимодействия между Западной Европой и Токио.

⁴⁴ См. об этом: *Хара Тэруси*. Нитифуцу гинко (1912–1954) но сэцурицу, кэйэй о мэгуру сякай кэйдзайситэки косацу (Учреждение и система управления Японо-Французского банка (1912–1954) Размышления в рамках социально-экономической истории) // Васэда сёгаку, № 388, март 2001., с. 591–643; ХКГК // АВПЯ. № 3.3.7-37. Т. 3.

⁴⁵ Цусё исан (Торговый вестник). Т. 113, № 45, 8 октября 1907, с. 508; Йомиури симбун, № 10699, 21.03.1907, с. 2; Йомиури симбун, № 10744, 05.05.1907, с. 2.

Танака Такэюки

Предвзятое мнение о Кокурюкай (Общество реки Амур)

Среди распространенных исторических мифологем о политической жизни довоенной Японии немалое место занимает откровенно предвзятое мнение о деятельности общества Кокурюкай, название которого было принято переводить за границей как «Общество черного дракона». Это красиво, но неверно по сути, поскольку это название должно переводиться как «Общество реки Амур» или «Амурское общество». Как и почему это произошло?

Заметную роль в формировании таких представлений сыграл канадский дипломат и исследователь истории Японии Герберт Норман, который после окончания Второй мировой войны был переведен из Министерства иностранных дел Канады в Штаб оккупационных войск в Японии. Присмотримся повнимательнее к этой фигуре. Норман родился в 1909 г. в Каруидзава (преф. Нагано) в семье канадского миссионера. По возвращении в Канаду он поступил в университет Торонто и увлекся идеями социализма. Вскоре Норман получил широкое признание как специалист по истории Японии, а его суждения оказали большое влияние на оценку исторических событий Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (МВТДВ), заседания которого начались в Токио весной 1946 г. Норман также был консультантом трибунала при определении причастности тех или иных лиц к «военным преступлениям».

Канадский историк категорически осудил как «реакционное» общество Гэнъёся (Общество черного океана), которое после *Мэйдзи исин* (1868 г.) сопротивлялось господству в правящей элите могущественного союза Саттё² и вместе с «движением за свободу и народные права» (*дзию минкэн ундо*) выступало за реформы и пересмотр неравноправных договоров с иностранными державами. Столь же «реакционным» Норман называл и Кокурюкай, тесно связанное с Гэнъёся. Он утверждал, что «возникшие вслед за этими обществами многочисленные организации сыграли особую роль зачинателей политики продвижения

Японии на материк; внутривосточная же их роль заключалась в том, чтобы, вооружившись патриотической идеей борьбы со всем иностранным, отравлять общественное мнение. Таким образом, они оказывались проводниками идей политиков, которых по сути дела и замещали»³.

Занявший свой пост в Штабе оккупационных войск в Японии как раз в тот период, когда их командование приступило к роспуску «неудобных» политических партий и организаций, Норман писал о Гэнъёся и Кокурюкай, что «одни только их названия⁴ уже свидетельствуют о притязаниях на заморские территории, поэтому есть основания считать намерения их членов экспансионистскими». Он особо отметил, что оба этих общества создавали для деятельности за пределами Японии «дочерние» организации, которые занимались разведкой среди гражданского населения в разных регионах Восточной Азии. Ученый утверждал, что «эти организации, строго говоря, не были ни тайными, ни массовыми, а опирались на элиту. <...> Люди из Гэнъёся и Кокурюкай принадлежали к числу тех, чье влияние в течение последних 50 лет в истории японской политики было наиболее неблагоприятным». Подвергая резкой критике Гэнъёся и Кокурюкай, Норман сделал вывод: «Обе эти организации продолжали свою деятельность во время войны на Тихом океане и оставались закулисной силой, несмотря на частичную потерю влияния»⁵.

Руководствуясь характеристиками и выводами Нормана, командование оккупационных войск 4 января 1946 г. отдало распоряжение о роспуске 27 политических организаций, в первую очередь Гэнъёся и Кокурюкай. Приказ был приведен в исполнение: общества распущены, их документы, архивы, земли, недвижимое и прочее имущество конфискованы. Десятый председатель Гэнъёся Синдо Кадзума и второй глава Кокурюкай Кудзуу Ёсихиса были включены в список военных преступников категории «А» и заключены в токийскую тюрьму Сугамо.

Данное канадским историком определение Гэнъёся и Кокурюкай как «авангарда японского империализма» стало причиной того, что сегодня многие ученые в Японии и за её пределами, рассуждая об этих обществах, не проводя собственных разысканий, некритически пользуются оценками Нормана, которые искажают действительность. Для автора настоящей работы – как историка и как правнука основателя Гэнъёся Хираока Котаро, связанного родственными узами с основателем Кокурюкай Утида Рёхэй, – это очень прискорбно.

³ Хабато Норуман дзэнсю. (Полное собрание сочинений Герберта Нормана). Токио, 1977, т. 2, с. 3.

⁴ Название Гэнъёся происходит от названия пролива Гэнкай, отделяющего остров Кюсю от Кореи (прим. пер.).

⁵ Хабато Норуман дзэнсю, с. 367–368. Работа Нормана: *Norman E. The Genyosha // Pacific Affairs. Vol. XVII, 3 September 1944* – во многом была основана на вышедшем в 1934 г. в Нью-Йорке переводе книги *О. Танина и Е. Иогана* (О. С. Тарханова и Е. С. Иолка) «Военно-фашистское движение в Японии». М., 1933. (Прим. пер.).

¹ Статья написана специально для настоящего издания. Авторизованный перевод с японского М. П. Герасимовой и В. Э. Молодякова (Прим. ред.).

² Саттё (Союз Сацума и Тёсю) – союз представителей автономных кланов Сацума и Тёсю в конце периода Эдо с целью свержения сёгуната Токугава и восстановления прямого императорского правления (Прим. пер.).

В работах Нормана деятельность Кокурюкай оценивалась в таких выражениях: «старые методы ку-клукс-клана времен войны Севера и Юга в США – создание империи, не знающей власти закона, путем угроз и насилий, вплоть до убийств из-за угла»⁶. Эта картинка с подачи Нормана нашла широкое распространение в Европе и Америке, однако она совершенно не соответствует фактам.

Истинный характер Кокурюкай

Общество Гэнъёся во главе с Хираока Котаро было создано в декабре 1879 г. группой бывших участников борьбы за восстановление императорского правления в период *бакумацу* (1853–1867 гг.) в провинции Тикудзэн (западная часть современной преф. Фукуока). Многие из них были причастны к Сацумскому восстанию 1877 г. под руководством Сайго Такамори, который хотел довести до конца «реставрацию Мэйдзи» в условиях монополии на власть клики Саттё, но им удалось избежать казни или смерти в бою. Таким образом, Гэнъёся – это общность людей, объединенных не только кровным родством, узами землячества или политическими взглядами, но и стремлением к сохранению единства и взаимопомощи, которые сформировались в ходе их участия в борьбе за восстановление императорского правления. Гэнъёся было не единственной организацией такого рода. Общество участвовало в широком «движении за свободу и народные права», которое выступало за пересмотр неравноправных договоров, за создание парламента и расширение возможностей для ведения политической деятельности. Действия Гэнъёся можно сравнить, например, с деятельностью партии Рисся в провинции Тоса (преф. Коти) и даже с отдельными элементами политики клики Саттё. Гэнъёся – это не клика, стремившаяся к власти чтобы использовать ее в личных интересах. Ключевыми фигурами этого общества были такие известные и влиятельные в стране люди, как Хираока Котаро, Тояма Мицуру, Синдо Кихэйта, Накано Сэйго, Огата Такэтора. Члены Гэнъёся принадлежали к миру политики и финансов, и в силу их многих достижений создалось превратное впечатление об обществе как о некоем тайном союзе.

3 февраля 1901 г. Утида Рёхэй – член Гэнъёся и племянник Хираока Котаро – создал общество Кокурюкай, ядро которого составляли члены Гэнъёся.

В то время Гэнъёся по большей части состояло из людей, родившихся в самом начале периода *бакумацу* или ранее, объединенных идеей борьбы за восстановление императорского правления, а также зачастую связанных узами землячества или крови. Кокурюкай широко распахнуло двери желающим вступить в него. Его основатели Утида

Рёхэй и Кудзуу Ёсихиса родились в 1874 г., Такэда Норинуки в 1863 г., Гондо Сэйкё в 1867 г. Они принадлежали к так называемому второму поколению борцов за народные права. Членами правления новой организации также стали Иноуэ Масадзи, Танабэ Ясуносукэ, Наканиси Масаки близкие к обществу Тоадобункай (Общесекретарская ассоциация Восточной Азии). Оно было создано в 1898 г. для «улучшения испорченных войной (1894–1895 гг.) отношений между Китаем и Японией» и для укрепления позиций Японии на континенте⁷. Деятельность Кокурюкай поддерживали влиятельные деятели Гэнъёся и «движения за свободу и народные права»: Хираока Котаро, Хираока Цунэдзиро, Тояма Мицуру, Инукаи Цуёси (будущий премьер-министр), Хатояма Кадзуо, Ои Кэнтаро, Коно Хиронака, Накаэ Тёмин и другие.

Очевидно, что уже в начале своей деятельности Кокурюкай не было тайной организацией, а в ее создании принимали участие люди, которые занимали высокие посты и играли ведущую роль в разных сферах жизни тогдашнего общества.

При Кокурюкай был создан издательский отдел, выпускавший журналы «Кокурю» («Амур»), «Найгай дзидзи гэккан» («Ежемесячник о событиях внутри страны и за её пределами»), «Адзиа дзирон» («Азиатское обозрение»), «Тоа гэнпо» («Восточная Азия») на китайском языке и «The Asian Review» на английском языке. Общество выпускало много книг и брошюр, посвященных современным проблемам региона, и увековечило свою историю в ряде официальных изданий, включая трехтомник «Биографические материалы о первых патриотах в Восточной Азии» под редакцией Кудзуу.

Если подробно и непредвзято ознакомиться с программными документами Кокурюкай и выпущенной им литературой, с мнениями и суждениями членов общества, многое станет понятно. Прежде всего, то, что эта организация и её деятельность не имели ничего общего со «старыми методами ку-клукс-клана», о которых писал Норман. Исследователи могут убедиться в этом сами, обратившись к 11 томам «Документов Утида Рёхэй» и к 10 томам «Документов Кокурюкай», выпущенных издательствами «Фуё сёбо» и «Касива сёбо» в первой половине 1990-х годов. Было бы желание.

Происхождение названия Кокурюкай

Напомню, что входящие в название общества иероглифы *коку* (черный) и *рю* (дракон) вместе образуют японское название реки Амур – Кокурю. В автобиографии Утида Рёхэй свидетельствовал: «Название общества порождено мыслью о материке, в центре которого протекает

⁶ Хабато Норуман дзэнсю, с. 228.

⁷ Кокурюкай кайхо. Вып. 1 (1901), с. 121. Репринтное воспроизведение: Хакки Кокурюкай кайхо. 1–2 сю. (Запрещенный «Информационный бюллетень Кокурюкай». Вып. 1–2). Токио, 1989.

река Кокурю, посредине Сибири и Маньчжурии»⁸. «Название нашего союза, – пояснил он в другом месте, – происходит от местности, где ветер созывает облака над рекой, от местности, которую, как мечту, увидел наш отважный воин. Однако англичане перевели его как «Черный дракон» и в подписях к фотографиям, отражающим нашу деятельность, пишут именно так. <...> Это всё равно, как если бы мы стали называть Кэмбридж – Кэнкё (Мост мечей), а Оксфорд – Усидзу (Переправа быков), потому что записываем их иероглифами, которые читаются как *кэнкё* и *усидзу*. На самом деле *кокурю* – это река Амур»⁹. Добавлю, что на выпущенных Кокурюкай в марте 1904 г. «Новых картах Манчжурии и Кореи» значилось по-английски «Amur Association».

Утида Рёхэй и изучение русского языка

Интерес к Сибири и Маньчжурии у основателя Кокурюкай Утида Рёхэй зародился во время его пребывания в Сибири, где он провел много месяцев, переезжая с одного места на другое. 17 августа 1897 г. он выехал из Владивостока на запад и вернулся туда лишь в середине июня 1898 г. Придя к выводу, что «изучающих дружественные Китай и Корею достаточно много, но нет ни одного изучающего Россию», Утида решил, что «займется этим сам»¹⁰, и поступил в школу русского языка при обществе Тохокёкай (Восточное общество).

Эта организация была создана в январе 1890 г. в Токио по инициативе членов Гэнъёса Фукумото Макото, Одзава Кацуо и Сираи Ситаро, а возглавил его Созэдзима Танёоми. Своими задачами оно провозгласило академическое изучение вопросов, связанных с Россией, а также широкое исследование современной ситуации в Азии. Общество отплатило во Владивосток Инамасу Кадзуёси, который регулярно сообщал оттуда о положении дел.

В январе 1892 г. Восточное общество открыло в токийском районе Канда-Нисикитё школу русского языка, директором которой стал Такахаши Кэндзо. В нее сразу записались около 80 человек. Занятия в школе проводились в вечернее время, чтобы их могли посещать работающие люди или студенты других учебных заведений¹¹.

Путешествие Утида Рёхэй по Сибири

В апреле 1895 г. в результате Тройственного вмешательства России, Франции и Германии Японии пришлось согласиться на пересмотр Симо-

носекского мирного договора, завершившего японско-китайскую войну 1894–1895 гг., и вернуть Китаю Ляодунский полуостров, передача которого была закреплена этим договором. Общественное мнение с сожалением говорило о слабости Японии, уступившей давлению России и других великих держав. Так появился лозунг «Претерпеть лишения во имя высокой цели» – укрепить мощь страны и восстановить ее права.

Именно Тройственное вмешательство побудило Утида отправиться в Сибирь. В автобиографии он зафиксировал свои настроения той поры: «Японско-китайская война благодаря убедительной победе нашей армии принесла Японии Тайвань и Ляодунский полуостров. Однако в результате Тройственного вмешательства Ляодунский полуостров пришлось вернуть Китаю, что не может не вызвать негодования. Прежде всего, я собираюсь изучить внутреннее положение России и отомстить. Я принимаю решение поехать в Сибирь»¹².

В том же году будущий основатель Кокурюкай отправился во Владивосток, где узнал, что Россия собирается протянуть Транссибирскую железную дорогу по Маньчжурии. Захотев увидеть всё своими глазами, Утида решил морем добраться до Порт-Артура, для чего на немецком судне «Вэлос» направился в Чжифу и нанял джонку до Порт-Артура. Во время плавания погода испортилась, путешественники потерпели крушение и были вынуждены пристать к берегу в Вэйхайвэй, откуда упорный Утида все же добрался до Порт-Артура, а затем до Инкоу. Дальше в Маньчжурию его не пропустили китайские власти. Вынужденный вернуться в Чжифу, а в январе 1896 г. в Фукуока, он задумал всё повторить заново.

В феврале 1896 г. Утида снова во Владивостоке. Он арендовал дом, устроил зал для занятий дзюдо и начал проводить тренировки, обучив десятки человек. Настроение, испытываемое им в то время, выражено в следующих словах: «Я обучаю молодых людей дзюдо, но в действительности я замыслил изучать Россию»¹³.

В первой декаде октября 1896 г. Утида поручил прибывшему из Японии другу и единомышленнику Кусумото Масатэцу заняться изучением ситуации в приграничных районах трех стран – России, Кореи и Китая. Чем привлёк его этот регион? «Если дело дойдет до того, что японские силы займут Корею, то ее северная часть станет предметом споров между тремя странами – Россией, Японией и Китаем. Поэтому необходимо изучать пути для возможного контроля действий России и Китая»¹⁴. В середине июня 1897 г. Утида осмотрел район от залива Посьета до Янчиче и Думана и в последней декаде июля вернулся во Владивосток.

¹² Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 30.

¹³ Там же, с. 32.

¹⁴ Там же.

⁸ Утида Рёхэй. Косэки годзюнэнпу. (Полвека твердости). Токио, 1978 (впервые: 1927), с. 82. Это один из важнейших источников по данной теме.

⁹ Цит. по: Кинсэй кайдзин дэн. (Биографии выдающихся людей Нового времени). Токио, 1995, с. 201.

¹⁰ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 15.

¹¹ Тоа сэнкаку сиси кидэн. (Биографические материалы о первых патриотах в Восточной Азии). Т. 1, Токио, 1933, с. 420.

Полагая, что «для понимания действительного положения дел на месте, к чему бы это ни относилось, – к восточной России, Порт-Артуру или приграничным районам трех государств, необходимо, прежде всего, досконально изучить ситуацию в европейской части России»¹⁵, Утида 17 августа 1897 г. отправился из Владивостока в Санкт-Петербург. В этот день он написал танка о природе необъятной Сибири – о том, что «забываешь себя, глядя на бескрайние просторы»¹⁶.

Десять тяжелых месяцев, включая период сильных холодов, ушли на то, чтобы проделать долгий путь по маршруту: Владивосток – озеро Байкал – Иркутск – Санкт-Петербург – Сретенск – Владивосток. Рассказы Утида Рёхэй о том, как он пересекал Сибирь, напоминают фильм о необыкновенных путешествиях, в них множество эпизодов, достойных романа или кино, но здесь их, к сожалению, придется опустить. Его путевые заметки появились в четырех номерах первого тома журнала «Кокурю» (август-ноябрь 1901 г.), причем главы отсылались в редакцию по мере написания, еще до завершения всей работы. Описание сибирского опыта содержится также в автобиографии Утида, вышедшей в 1927 г. и переизданной в 1978 г.

В письме к дяде Хираока Котаро из Сретенска Утида писал: «Освоение Россией дикой сибирской тайги не столь далеко от того, как это представляется японцам. Это действительно внушает трепет. Если всё будет оставаться в таком же положении лет десять, прямо над Японией нависнет мощное государство. Китай, конечно, падет. Слабая Корея и ей подобные не могут быть партнерами России. Очевидно, что Японию может ждать участь Кореи или Китая». Таким образом, Утида предостерегал от продвижения в Сибирь и в то же время выразил сожаление о том, что у японцев нет интереса к России: «Наш народ не думает о России, нет людей, которые посвятили бы свою жизнь решению проблем, связанным с Россией, они только охают, что, дескать, Японии скоро придет конец». «Однако нет толку в том, чтобы сидеть и горевать, – заключил он. – Я окончательно решил посвятить свою жизнь проблемам, связанным с Россией»¹⁷.

Изменение мнения Утида Рёхэй о России

В марте 1898 г. Утида прибыл в Санкт-Петербург. К этому времени, благодаря приобретенному опыту и знакомству с российским обществом, он оценил положение дел и настроения народа. В результате его первоначальное мнение об опасности для Японии продвижения Российской империи в Сибирь изменилось следующим образом:

¹⁵ Такидзава Макото. Хёдэн Утида Рёхэй. (Биография Утида Рёхэй). Токио, 1976, с. 130.

¹⁶ Утида Рёхэй. Кокурюкайдзин касю. (Собрание стихотворений членов Кокурюкай). Токио, 1934, с. 3.

¹⁷ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 41.

«Мораль в России находится на низком уровне, политика прогнила окончательно. Проявления недовольства народа контролируются и сдерживаются охранкой. Правящий класс считает задачей первостепенной важности лишь собственное возвеличение. Агрессия против других стран является единственной государственной политикой. Невозможно этого не заметить, даже не зная всех подробностей. Устранить противоречия во внутренней политике – дело непростое, здесь трудно добиться успеха.

Положение внутри страны, если случится хотя бы один срыв во внешней политике, станет настолько бедственным, что полностью исправить его будет невозможно. Это очевидно и без углубления в подробности российской жизни. Революционеры пользуются ситуацией в своих интересах и планируют свержение самодержавия. В ответ российское правительство усиливает тайную деятельность за границей и еще упорнее берет курс на внешнюю агрессию. Следовательно, Япония не сможет решить проблемы, имеющиеся в отношениях с Россией, дипломатическим путем, и тогда крупные столкновения неизбежны. Как раз сейчас, если между Россией и Японией возникнет конфликт, нет сомнения в том, что нашу армию ждет верная победа, а Россия, исходя из того положения, в котором страна находится сегодня, будет разгромлена»¹⁸.

Вывод о том, что «не стоит бояться России», Утида подкрепил следующими доводами.

«1. Создается впечатление, что руководители правительства, разрабатывавшие внешнюю политику и легко получавшие признание за выдающиеся заслуги, только её и рассматривают в качестве политики государства. Они игнорируют ситуацию внутри страны, хотя и считают необходимым подавлять нарастающее недовольство народа России царским режимом. Точнее, их не то чтобы вовсе не заботит внутреннее положение, но они считают невозможным полностью искоренить издавна накопившиеся пороки. Следовательно, правительство остро ощущает необходимость приглушить недовольство народа успехами во внешней политике. Если бы их планы хоть однажды провалились, создалась бы ситуация, которую невозможно было бы уладить.

2. Планирующие свержение царского режима революционные партии России знают о том, что правительство форсирует осуществление агрессивных планов против Маньчжурии, не учитывая опасность войны с Японией, и всячески способствуют развитию политики именно в этом направлении. Это объясняется их уверенностью в том, что планы России относительно Маньчжурии непременно встретят сопротивление со стороны Японии и провалятся. Тогда, получив поддержку народа, они смогут осуществить свои цели и свергнуть царский режим.

¹⁸ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 74.

3. Вследствие этого агрессия России в Маньчжурии неизбежно окажется ездой верхом на тигре¹⁹. Следовательно, усилия, направленные на разрешение связанных с Россией проблем дипломатическим путем, будут тщетными. Иного средства кроме войны не остается.

4. Морские и сухопутные силы России обладают военной мощью для проведения операций на Дальнем Востоке, но не смогут в полной мере ее использовать вследствие ограничений пространства и времени. Военное взаимодействие с Францией как союзником почти не подлежит обсуждению. Страх революции и стратегическое одиночество России, не имеющей мощного союзника для операций против Японии, осознаются обеими сторонами, и это также ослабляет военную мощь России. Если будет нанесен один сокрушительный удар с моря и с суши, то в России начнут нарастать антивоенные настроения.

5. Таким образом, на дальневосточном театре фактическая военная мощь России слабее, чем это кажется из статистических данных. Напротив, фактическая мощь вооруженных сил Японии больше, чем она выглядит в цифровом выражении. Тем не менее, если Япония будет сидеть сложа руки и спокойно смотреть на планы России в отношении Маньчжурии, существует опасность, что ситуация кардинально изменится. Следовательно, для Японии необходимым условием успешной войны против России является инициативность и выбор удобного момента для ее начала»²⁰.

Исходя из личного опыта, приобретенного во время путешествия по Сибири, Утида предсказал революцию в России и предугадал, что в результате японско-русской войны такая перспектива станет более реальной. Действительно, на второй год после начала войны с Японией 22 (9) января 1905 г. в Санкт-Петербурге произошло «Кровавое воскресенье», а в июне того же года восстание на броненосце «Потемкин» Черноморского флота.

Угроза революции, перед которой оказались сторонники войны в царской России, была достаточно велика. В этих условиях, а также учитывая помощь российским революционным партиям со стороны японского военного атташе в Санкт-Петербурге (позднее в Стокгольме) Акаси Мотодзиро, сведения и анализ ситуации, предоставляемые Утида Рёхэй, были чрезвычайно полезны²¹. Уверенный в том, что «не стоит бояться России», Утида 26 марта 1898 г. вместе с майором Нонака Кацуаки выехал из Санкт-Петербурга в Москву, снова пересек Сибирь и в середине июня прибыл во Владивосток, откуда месяцем позже вернулся на родину в Фукуока.

¹⁹ Поговорка, употребляемая для обозначения дела, которое невозможно прервать: если наездник слезет с тигра, он будет им съеден (Прим. пер.).

²⁰ Кокуси Утида Рёхэй дэн. (Биография патриота Утида Рёхэй). Токио, 1967, с. 157–158.

²¹ Кстати, Акаси родился в городе Фукуока и одно время был связан с Гэнъёся.

По итогам путешествия он опубликовал в журнале «Тоа дзирон», органе общества Тоадобункай, статью «Главные недостатки России с изнанки», проводя в ней мысль о том, что Россию следует знать и не следует бояться. Автор анализировал негативные моменты в российской политике и рассуждал об усилении революционных партий. «Ситуация в России напоминает езду на велосипеде: в случае остановки есть риск опрокинуться. Но если идти вперед, то, до какого предела? Продвижение России на Дальний Восток невозможно остановить путем дипломатических переговоров. Военное столкновение станет неизбежным. Наша страна (Япония) должна выступить неожиданным для неприятеля образом. Необходимо быстро подняться и начать сражение»²².

Утида Рёхэй и Кокурюкай

Выполнив в одиночку свой героический план и «прочесав» Сибирь, что потребовало изрядного мужества, Утида вернулся на родину, но уже в первой декаде августа 1898 г. вновь направился во Владивосток. На родину он вернулся в конце декабря того же года, получив телеграммы от лидера китайского революционного движения Сунь Ятсена и близких к нему японцев Суэнага Сэцу и Миядзакэ Тотэн. С этого времени Утида занялся помощью китайским революционерам и борцам за независимость Филиппин.

В 1900 г., когда Россия, используя Ихэтуаньское («боксерское») восстание в Китае²³, как повод для осуществления своих планов по оккупации Маньчжурии, заняла северо-восточную часть Китая – провинцию Шаньдун, возникла опасность столкновения между Россией и Японией. По этому поводу Утида говорил: «Направляясь в Маньчжурию, мы должны помнить о необходимости выступить против России только в наиболее подходящий момент»²⁴. Он предлагал создать ситуацию, для разрешения которой будут применены военные средства, что, в свою очередь, явится поводом для начала войны против дислоцированной в Манчжурии русской армии.

Решив осуществить этот замысел на практике, Утида Рёхэй с группой единомышленников, включая Кудзуу, отправился в Маньчжурию, однако по прибытии в Пусан они получили приказ от властей покинуть Корею и вернуться домой. Замысел провокации против расположенных

²² Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 55.

²³ Ихэтуаньское восстание, известное так же как «Боксёрское восстание», – восстание ихэтуаней (буквально – «отрядов гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая, длилось с 1898 года по 1901 год. Сначала пользовалось поддержкой китайских властей, но через некоторое время императрица Цыси перешла на сторону Альянса восьми держав (военный альянс, в который вошли Российская империя, США, Германская империя, Великобритания, Франция, Японская империя, Австро-Венгрия и Италия).

²⁴ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 77.

в Манчжурии российских войск провалился в силу запрета японского правительства²⁵. Отказавшись от ведения подрывной работы, Утида решил объединить потенциальных единомышленников для решения проблем, связанных с Россией. Так возникло Кокурюкай.

В конце 1900 г. прошли предварительные консультации о создании новой организации. 13 января 1901 г. на квартире Утида в токийском районе Кодзимати-сита собрались 20 человек, включая Кудзу Ёсихиса, Хираяма Аманэ, Одзаки Юкимаса, Ёсикура Осэй, Миядзаки Райки, Гондо Синдзи, чтобы обсудить главные задачи общества и его устав. Миядзаки составил проект декларации, в которой говорилось: «Подавив силы могущественных западных держав, вторгшихся в Азию, необходимо начать войну, цель которой – возрождение Азии. Для этого первой неотложной задачей является война с Россией и изгнание её войск из Азии. После этого необходимо разработать основу для развития азиатского материка вокруг объединения Маньчжурии, Монголии и Сибири»²⁶.

Утида вспоминал: «3 марта (1901 г.) в Канда-Нисикитё, в здании Кинкикан состоялась официальная церемония создания общества. Присутствовали 59 человек. Председательствовал Цукуда Синобу. Изложили цели, стоящие перед обществом. Обсудили устав. Приняли решение назвать общество Кокурюкай. 30 человек избрали членами совета. Наканиси Масаки, Хондзе Катахира, Такахаси Хидэоми и другие прочитали *норито*²⁷. Затем выступили с речами Цудзи Эй, Ито Умасаки и другие. Итак, 3 управляющих, 2 секретаря, 5 аудиторов и 30 членов совета»²⁸.

Таким образом, название Кокурюкай – «Общество реки Амур» отражает грандиозные замыслы организаторов, связанные с материком, в центре которого между Сибирью и Маньчжурией протекает река Амур.

В июне 1898 г., завершая путешествие, Утида Рёхэй спустился из Нерчинска в Хабаровск по Амуру, когда в Сибири была пора цветения. Повсюду, насколько можно было охватить взором пространство, по обе стороны реки буйно цвели множество цветов, названий которых путник не знал. Пробудившаяся природа встретила его в ослепительном наряде. Утида впервые оказался на этом великолепном празднике природы. «О!» – невольно вырвалось у него восхищенное восклицание. Его пронзило желание почтительно преклонить колени перед этим даром богов, и тогда он произнес в душе клятву: «Весь азиатский мир превратится в такой же цветущий сад. В этом наша миссия»²⁹. Название

Кокурюкай было дано обществу для того, чтобы увековечить принесенную в тот момент клятву.

Запрет «Информационного бюллетеня» и книги «Гибель России»

Через месяц после создания Кокурюкай начало выпускать «Информационный бюллетень» открыто антироссийской ориентации. В предисловии ко второму номеру мы видим недопустимые с точки зрения дипломатии высказывания: «Оценивая реальную мощь России, мы оцениваем выгоды войны для Японии». Далее говорилось: «По нашим наблюдениям, в отношении России можно заключить следующее. Основа российского государства – его промышленность – не развивается. Религиозная политика является главнейшей политикой правительства, в результате чего религия становится бедствием. Российское общество загнивает, система образования несовершенна, финансовая база слаба. Политика в упадке, управление железными дорогами в застое. В результате того, что Сибирью управляет Россия, здесь отсутствует современная система администрации. Размышляя о фактическом положении дел в России, понимаешь, что у нее множество проблем и что эта древняя и огромная страна становится препятствием на пути развития». По утверждению Кокурюкай, «мир не знает о том, что Россия нагоняет страх, пользуясь показными мерами», поэтому «не стоит бояться России»³⁰.

Кульминацией этих усилий должен был стать выпуск сочинения Утида «Гибель России», запланированный на сентябрь 1901 г. Однако чтобы избежать возможных политических осложнений японские власти немедленно запретили продажу книги, в которой пропагандировалась идея войны против России³¹. Во время неожиданного налета полиция изъяла все 5000 экземпляров. Запрету подвергся и второй выпуск «Информационного бюллетеня» Кокурюкай за пассажи вроде процитированного выше: «Оценивая реальную мощь России, мы оцениваем выгоды войны для Японии». Замечу, что в это же самое время появление книги социалиста Котоку Сюсуй «Империализм», в которой тот выступал против войны, не вызвало никаких проблем.

³⁰ Кокурюкай кайхо. Вып. 2 (1901), с. 38.

³¹ Характеризуя деятельность Кокурюкай как «намерение восстановить и неприязненно настроить японцев против русских и всего русского», российский военно-морской агент в Токио А. И. Русин в 1902 г. сообщал в Главный морской штаб: «Деятельность Амурского общества достигла своего апогея в прошлом году изданием брошюры под заглавием “Гибель России”, стремившейся доказать, что Япония в случае столкновения с Россией имеет все шансы на успех и потому должна без промедления вызвать войну. Брошюра была написана в таких резких выражениях, что японское правительство, вообще крайне снисходительное к подобным образчикам гласности (в особенности по адресу России), сочло нужным запретить и конфисковать издание, почему достать таковую брошюру трудно, разве за большую цену». Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А. И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. Кн. 6. СПб., 199, с. 62 (Прим. пер.).

²⁵ Тоа сэнкаку сиси кидэн. Т. 1, с. 678.

²⁶ Цит. по: *Хацусэ Рюхэй*. Дэнтотэкина уёку Утида Рёхэй-но кэнкю. (Традиционный правый Утида Рёхэй). Фукуока, 1980, с. 70.

²⁷ Синтоистские молитвословия (Прим. пер.)

²⁸ *Утида Р.* Косэки годзюнэнпу, с. 82.

²⁹ Цит. по: Кокуси Утида Рёхэй дэн, с. 133.

После запрета «Гибели России» Утида пересмотрел текст и исключил наиболее одиозные фрагменты, вроде пятой главы с оценкой вероятности военной победы Японии. Обновленный вариант под нейтральным заглавием «О России» вышел в ноябре того же 1901 г. и уже не вызвал цензурных преследований.

Сам автор писал о содержании своей работы: «Я уже не раз говорил о том, что ситуация в России напоминает езду на велосипеде: при остановке есть риск опрокинуться. При овладении обширными территориями вторжение в материковую часть Китая не сможет предотвратить действия сил, стремящихся к свержению российского правительства. Именно в случае такого положения вещей нам следует подняться на борьбу. Российская политика гнивает и разлагается. Если случится война Японии с Россией, результатом будет не только победа Японии, но и свержение правительства революционными партиями и падение Российской империи»³².

На основании своего видения ситуации Утида сделал вывод: «Российская империя похожа на Китай. Лет семь-восемь назад Китай тоже считался одной из сильных мировых держав, но в результате японско-китайской войны выяснилась поверхностность этого мнения и стала понятна реальная сила этой державы. Неудивительно, что подобным образом мы видим только внешнее величие России»³³.

Работа «О России» – результат не просто кабинетных размышлений, но опыта, приобретенного в течение четырех лет пребывания в России и путешествий по Сибири. Сам Утида говорил, что «приводя многочисленные факты, основываясь на цифрах, обосновывая победный исход войны с Россией», он способствовал формированию общественного мнения³⁴.

Солидарность японцев со славянами³⁵

«Я никогда не испытывал враждебных чувств по отношению к славянам, – заявлял Утида. – Не произносил резких, неприятных слов в их адрес, не писал подстрекательских текстов, не играл на чувствах японцев, содрогающихся от страха перед Россией. Я буду счастлив, если действия России внутри страны и на дипломатическом поприще будут гуманны. Человечество должно быть мирным. Поэтому неверно было бы считать, что я думаю только о тех опасностях, о которых писал».

Для книги «О России» характерны критика царского самодержавия и сочувствие революционерам, стремившимся свергнуть этот режим. Утида писал: «До сих пор многие русские революционеры собирались

в Вене, в Париже или в Лондоне, наблюдали за положением дел на родине из эмиграции. Однако они не достигли такой степени организованности, чтобы повсеместно подняться на борьбу, и страдают от того, что положение не меняется. Мы проливаем слезы от сочувствия к ним». Автор прямо призвал оказать им содействие: «Мы, руководствуясь соображениями гуманности, отдадим собственные рубахи ста тридцати миллионам русских, чтобы они смогли выполнить свои революционные задачи». Есть и такие признания: «По отношению к России, к русским у нас нет никаких дурных чувств. Грех лежит на русском правительстве. Мы с одинаковым сочувствием относимся к китайцам, корейцам, одинаково скорбим вместе с ними, и наши чувства к славянам ничем не отличаются от того, что мы испытываем по отношению к другим».

Так Утида Рёхэй, провозглашая солидарность японского и русского народов, произнес знаменитые слова: «Славяне, ваши друзья придут с Востока. Осознайте это и будьте спокойны». Он выразил надежду на то, что «дружба и согласие между японским народом и славянами будут становиться все глубже и глубже».

Имевший репутацию яростного русофоба, Утида Рёхэй на самом деле желал солидарности со славянами. Его антирусские выступления – это выступления против царского режима. Он надеялся на то, что благодаря революции будет построена свободная Россия, центром которой станет Сибирь, а японцы и русские рука об руку пойдут по пути развития и процветания.

«Ни с точки зрения территориальных притязаний, ни с точки зрения политики мы не говорим «японская Азия», или «японская Россия», – развивал он свою мысль. – Однако если посмотреть с гуманной точки зрения, и Азия – японская, и Россия – японская. Почему? Потому что за 3000 лет, прошедших со времен прародителей, японцы не захватывали земель, принадлежавших другим людям, и строили свою жизнь, руководствуясь соображениями гуманности. У нашего народа есть только одно желание – чтобы любимая страна всегда оставалась независимой, а злых умыслов нет и в помине. С точки зрения гуманности это значит, что и славяне, и китайцы должны любить свою страну и нести за неё ответственность, как они несут её за воспитание своих любимых детей».

Утида утверждал, что «Европа не озабочена правами славян», поэтому стремление Японии, направленное на утверждение в России «цивилизованных прав», не является вмешательством в ее дела. При этом он еще более парадоксально заявлял: «Для достижения цели, каковой является революция в России, мы не отказываемся и от войны. <...> С помощью цивилизованной армии мы нанесём чувствительный удар по России и сокрушим варварские силы царской системы. Тогда угнетенный русский народ, быстро поднявшись по всей России, должен будет выразить японскому народу чувство благодарности. Это чрезвычайная мера для совершения революции в России».

³² Утида Рёхэй. Росия рон. (О России). Токио, 1901, с. 84.

³³ Утида Р. Росия рон, с. 22.

³⁴ В сб.: Син Росиакан. (Взгляд на новую Россию). Токио, 1927, с. 13.

³⁵ Все цитаты в данном разделе: Утида Р. Росия рон, с. 154–160.

Истинное лицо Утида становится понятным из следующего высказывания: «Предположим, что паче чаяния мы проиграли войну с варварской Россией. Тогда, спустя много времени, историки напишут в энциклопедиях: в начале XX века существовал японский народ. Японцы подняли войска на справедливую борьбу для того, чтобы оказать помощь несчастным русским, но в жестоком бою были разгромлены превосходящими силами противника. Это очень почетное поражение».

Открытие школы по изучению русского языка

Утида Рёхэй считал необходимым воспитывать кадры со знанием русского языка. Поэтому в декабре 1901 г. он открыл школу русского языка Кокурю гогакко при токийской средней школе Канда, находящейся в районе Канда-Нисикитё, поблизости от штаб-квартиры Кокурюкай. «В нашей стране по-прежнему чрезвычайно мало людей, изучающих русский язык. Это прискорбное обстоятельство не может не вызывать сожаления, поэтому я решил открыть школу»³⁶, – объяснял он свое начинание.

Уже в № 7 первого тома журнала «Кокурю» (ноябрь 1901 г.) появилась его статья «О необходимости создания языковой школы при Кокурюкай». Автор едко критиковал японских дипломатов за незнание языка могущественного соседа: «Если среди наших дипломатов и находятся те, кто говорит по-русски, уровень у них хуже, чем у бродящих по Сибири японских проституток. Человек, плохо говорящий по-русски, имеет в России жалкий вид». «Не зная языка, невозможно разобраться в ситуации, – продолжал он. – Незнание ситуации порождает подозрительность и недоверие. Усиление подозрительности приводит к враждебности. Недобрые чувства японцев к русским – результат незнания языка»³⁷.

В мае 1902 г. языковая школа при Кокурюкай переехала в здание штаб-квартиры общества, а ежемесячная плата за обучение была отменена. Там обучались более 50 человек, а среди преподавателей был сам Утида. Упор делался на ускоренное интенсивное обучение, поэтому уроки были трудными и насыщенными. В основу программы были положены популярные учебники Д. И. Тихомирова. Занятия проводились с 6 часов вечера и длились три часа, причем учебный процесс не прерывался ни зимой, ни летом. Отличившихся учеников Кокурюкай командировало в Россию для продолжения обучения, но в феврале 1904 г., после начала японско-русской войны, школу пришлось закрыть³⁸.

До открытия школы Утида поместил в четырех выпусках журнала «Кокурю» (август-ноябрь 1901 г.), в конце каждой книжки тексты

«Японско-русского разговорника» (с началом работы школы их печатание было прекращено). В предисловии он писал: «Вследствие тенденций времени необходимость знания нашими соотечественниками русского языка возрастает с каждым годом. Просмотрев имеющиеся учебники по русскому разговорному языку, я обнаружил, что среди них много вредных, запутанных, ориентированных на механическое заучивание. Занятиям по практическому использованию уделяется мало внимания, да и то в последнюю очередь».

Утида знал, о чем говорил. «На основе собственного опыта пребывания в Сибири я разработал способ, благодаря которому можно быстро и легко овладеть русским». Что это за способ? «Я начинаю обучение с самых необходимых слов, затем постепенно перехожу к трудному словоупотреблению и грамматике. Моя цель заключается в том, чтобы при занятиях не тратить напрасно время и силы, с легкостью овладеть русским языком, так чтобы не испытывать затруднений во время путешествий и не чувствовать скованности в обычной беседе»³⁹.

Автору настоящей статьи удалось овладеть русским языком именно так, как об этом писал Утида Рёхэй. Это даёт мне основания говорить о результативности «метода Утида».

Создание Японско-российского общества

В сентябре того же 1901 г., когда было создано Кокурюкай, Утида Рёхэй решил организовать Японско-российское общество. Для того чтобы сделать его влиятельным, необходимо было заручиться одобрением и поддержкой высокопоставленных персон. С этой целью Утида нанес визит влиятельнейшему японскому политику того времени Ито Хиробуми, неоднократно занимавшему пост премьер-министра, а также известному как основной автор и комментатор конституции Японии. Цель своего предприятия он объяснил следующим образом: «Оставим в стороне вопрос, будет война или нет, вообще вопросы войны и мира, не будем делать проблему из того, как и что, до или после войны. Остановимся на том, что Японско-российское общество должно быть органом культурного обмена между двумя странами. Если, к счастью, не случится войны, оно будет способствовать развитию и упрочению японско-русских дружеских отношений. Если же, к несчастью, разразится война, то ассоциация, не концентрируя внимание на её результате, не делая проблемы ни из победы, ни из поражения, будет разрабатывать пути установления дружеских отношений после войны, выполняя тем самым важную миссию»⁴⁰. Выслушав объяснение, Ито не только одобрил план, но и порекомендовал своим влиятельным сторонникам – бывшему вице-министру иностранных дел Цудзуки Кэйроку и бывшему

³⁶ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с 84.

³⁷ Кокурю. Т. 1. № 7. (Ноябрь 1901), с. 1–3.

³⁸ Нихондзин то росиаго. (Японцы и русский язык). Токио, 2000, с. 56–57.

³⁹ Кокурю, т. 1, № 4, (август 1901), с. 1–2.

⁴⁰ Кокуси Утида Рёхэй, с. 161–162.

министру юстиции Канэко Кэнтаро – принять участие в его осуществлении.

Японско-российское общество было официально создано в 1902 г. при ближайшем участии Утида. Однако на первый план выдвинули более известных и сановных людей. Первым председателем стал бывший посланник в Санкт-Петербурге Эномото Такэаки. В правление вошли начальник политического департамента министерства иностранных дел Накада Таканори, профессор русского языка из Токийского института иностранных языков Судзуки Ухэй, драматург Осада Сюто и сам Утида.

Замечу, что официальная история Японско-российского общества считает годом его создания 1907 г., а началом активной деятельности – 1911 г.⁴¹ До начала войны в 1904 г. общество, действительно, успело сделать немного. Затем оно было вынуждено приостановило работу, но возобновило её уже в 1906 г. Позднее при нем была открыта школа русского языка, которая в 1920 г. была преобразована в Харбинский институт (Харбин гакуин) в Маньчжурии.

Послевоенное примирение

Активисты Кокурюкай и сам Утида Рёхэй, считавшийся сторонником войны против России, резко критиковали политику японского правительства, которое недооценивало опасность ухудшения двусторонних отношений. Позднее Утида подвел итог своим мыслям по данному вопросу в брошюре «Кризис в отношениях с Россией», выпущенной от имени Кокурюкай как программный документ. «Высокопоставленные чиновники из японского правительства несут ответственность за то, чтобы Япония существовала всегда, поэтому они должны понимать, что закулисные махинации России не могут не закончиться войной. Именно мы, видя каковы действия этих высокопоставленных лиц из японского правительства, должны решить, как следует действовать. Следовательно, излагая здесь наше мнение, мы сообщаем его и высокопоставленным господам из японского правительства. Если они решатся на нанесение сокрушительного удара по России, эта заслуга будет приписана не только народу, но и им. Высокопоставленные чиновники будут отмечены в истории. Тогда и они, и политики, представляющие разные партии, будут причислены к тем, кому на самом деле принадлежат эти заслуги.

Аристократия, промышленники и деловые люди тоже входят в число тех, на кого они опираются. Но сегодня наступила пора, когда каждый шаг, каждое движение чиновников должны быть предметом внимания со стороны общественности. Если в результате тайных действий

этих господ будет упущен момент для нанесения удара по России, основе, на которой стоит Япония, грозит кризис», – писал он, призывая единомышленников всячески пропагандировать сказанное»⁴².

Для того чтобы в случае цензурного запрета невозможно было бы конфисковать весь тираж брошюры, она была отпечатана в Корее, в Пусане, где находился зарубежный штаб Кокурюкай. Это символично, ибо Утида старался оперировать масштабами всей Азии: «Сегодня, говоря о русских, мы можем говорить только о войне. Если мы упустим момент, когда следует развернуть военные действия, русские, в конце концов, разграбят Азию. Меры, принимаемые государственными чиновниками, ни к чему не приведут, и русские обманут нас. Ситуация, сложившаяся в настоящее время, не может закончиться мирными переговорами и отводом войск из Маньчжурии. Желательно, чтобы правительственные чиновники прилагали все усилия для поддержания мира на Востоке и для обеспечения государственной безопасности перед лицом угрозы со стороны России»⁴³.

Кокурюкай призывало к скорейшему принятию решения о войне с Россией. Острое чувство кризиса, подкрепленное личным опытом, подсказывало Утида, что если начало войны затянется хотя бы на день, то по причине усиления мощи России удобный момент будет упущен, и шансы Японии на победу станут весьма сомнительными.

С началом японско-русской войны Кокурюкай выпустило «Новые карты Маньчжурии и Кореи», брошюры «О ведении войны с Россией», «Маньчжурия летом», «Армейские дневники» и другие. Среди единомышленников и представителей властей распространялась не поступившая в открытую продажу брошюра «Мое видение ситуации в Японии», в которой Утида под псевдонимом «Член Кокурюкай» изложил свои соображения о ходе и итогах конфликта, которые могут показаться парадоксальными.

«Пассивная политика заключается в том, чтобы не дать русским продвинуться на юг и не позволить ни на один шаг приблизиться к береговой линии Японии. В такой ситуации Сибирская железная дорога перестанет быть полезной, и прибылей от торговли не будет.

Активная политика заключается в том, чтобы даже если Россия достигнет японской береговой линии и попытается наладить торговлю, допустить это и дать ей возможность добиться успехов. Однако в этом случае подходы к России с юга должны быть в руках японцев. Это даст толчок к развитию Сибири. Торговля, рыболовство и пр. станут выгодны Японии и начнут бурно развиваться. Если нам представится возможность выбрать из этих двух политик, то лучше отказаться от пассивной и выбрать активную политику». Иными словами, вместо того чтобы

⁴¹ См.: *Томита Такэси*. Сэнканки-но ниссо канкэй, 1917–1937. (Японско-советские отношения межвоенного периода, 1917–1937). Токио, 2010, с. 218, 389.

⁴² Тайро-но кики. (Кризис в отношениях с Россией). Токио, 1906, с. 51–52.

⁴³ Тайро-но кики, с. 25.

отталкивать или изгонять русских, лучше вступить с ними в контакт с позиций активного сотрудничества и налаживать взаимоотношения через торговлю.

«Если бы взявшись за руки, взаимно радоваться добрососедским отношениям! – продолжал автор. – Если бы находящаяся сегодня в состоянии войны с нами, Россия стала дружественной страной. Пользуясь тем, что Япония и Россия воюют, великие державы, прибегая к разным уловкам, пытаются получить прибыли от рыболовства и способствуют беспорядкам в Азии. Нетрудно догадаться, что они враждебны нам и пытаются нарушить мир в нашей стране»⁴⁴.

Цель Утида и Кокурюкай, призывавших к войне с Россией, заключалась в том, чтобы изгнать ее колониальное господство из Манчжурии, Сибири и с Камчатки, но не в том, чтобы враждовать с русскими. Он настойчиво повторял, что для японско-русского сосуществования и совместного процветания эти районы необходимо осваивать и развивать общими усилиями.

В 1905 г. президент США Т. Рузвельт оказал содействие в примирении Японии и России. По этому поводу Утида, обращаясь к Ито Хиробуми и тогдашнему премьер-министру Кацура Таро, заявил: «Полководец Такэда Сингэн говорил: «Победа в войне, если она одержана на 60 процентов, может считаться полной победой». Война с Россией уже принесла более 60 процентов победы. Если продолжать войну дальше, силы нашего государства будут исчерпаны. Россия тоже будет повержена и великие державы – Англия, Германия, Америка хлынут в Китай. Ничего умного в этом нет. Как говорит пословица, “защищаясь от волка, стоящего перед воротами, можно быть съеденным тигром, стоящим за воротами”. Таким образом, сейчас наилучший момент для заключения перемирия с Россией». В ответ Ито сказал: «Если ты считаешь перемирие правильным решением, то поезжай по стране и просвети на этот счет народ. Это принесет пользу государству». Он не только одобрил инициативу Утида, но и снабдил его деньгами для поездки на северо-восток страны, в район Тохоку⁴⁵.

Истинные намерения Утида в деле пропаганды скорейшего перемирия не шли вразрез с позицией общества относительно необходимости войны с российским самодержавием. Кокурюкай было влиятельнейшим членом объединения антироссийских организаций, куда входили Клуб сакура (Сакура курабу), Народная партия молодёжи (Сэйнэн кокуминто), Коко курабу (Клуб рек и озер), Досикиса курабу (Клуб единомышленников-журналистов), Кова мондай доси рэнгокай (Союз единомышленников по проблеме перемирия), и не собиралось его покидать. Однако Кокурюкай не поддержало движение против Портсмутского

мирного договора, как «недостаточного» для Японии, поскольку считало нужным умерить пыл опьяненных победой масс.

5 сентября 1905 г., в день заключения договора, в токийском парке Хибия вблизи императорского дворца начались митинги недовольных. Отряды запретившей собрания полиции ворвались в толпу, что вызвало жестокие столкновения. Утида не участвовал в событиях, так как находился на приеме в честь приехавшего в Токио американского железнодорожного магната Э. Гарримана, где демонстрировал приемы дзюдо. Кроме того как раз в это время он был занят переводом штаб-квартиры Кокурюкай из Акасака-Хинокитё в Адзабу-Тансутё. Тем не менее полиция попыталась выставить Утида зачинщиком инцидента в Хибия, изготовив фальшивую фотографию, на которой он выглядел так, словно руководил бунтарями, и его попытались арестовать.

После японско-русской войны

После японско-русской войны, в период Первой мировой войны и формирования революционной ситуации в России, Утида Рёхэй продолжал пропагандировать сближение двух стран: «Наш народ по своему характеру из всех народов мира имеет более всего общих черт со славянами, а именно с русскими. Прямота, которая считается национальной чертой японцев, наиболее роднит нас именно с русскими»⁴⁶.

После большевистской революции Утида поначалу поддерживал «белых», особенно атамана Г. М. Семёнова, в войсках которого служили добровольцами более десятка членов Кокурюкай. Однако, когда «красную» Россию поразил страшный голод, он счел необходимым помочь пострадавшим и в октябре 1922 г. опубликовал от имени Кокурюкай брошюру «Правда о голоде в России», в которой обратился к японскому народу с призывом помочь России продуктами, одеждой, медикаментами: «Помощь голодающим – вопрос человеколюбия, он не связан с политикой. С точки зрения современных международных отношений, мы живем в странах с разным государственным строем. Но вопрос “нравится” или “не нравится” здесь не при чем»⁴⁷. Однако японское правительство все еще не признавало советскую власть.

В ноябре 1922 г. Утида направил в Пекин члена Кокурюкай Комаи Ёсидзиро для встречи с советским полпредом в Китае А. А. Иоффе, чтобы обсудить с ним вопрос о возможности нормализации двусторонних отношений. В предисловии к составленному Комаи «Отчету о встрече с г-ном Иоффе» Утида отметил: «Японско-русские переговоры в Дайрене и Чаньчуне дважды были прерваны, но они непременно

⁴⁴ Вакёку сиан. (Мое видение ситуации в Японии). Токио, 1905, с. 2–3.

⁴⁵ Утида Р. Косэки годзюнэнпу, с. 101.

⁴⁶ Утида Рёхэй. Нитиро синдзэн-но соин. (Первопричина японско-русской дружбы) // Нитиро дзицугё симпо. 1916. № 7, с. 15; Барышев Э. Нитиро домэй дзидай, 1914–1917 нэн. (Эпоха русско-японского союза, 1914–1917 гг.). Фукуока, 2007, с. 336.

⁴⁷ Росиа кига-но синсо. (Правда о голоде в России). Токио, 1922, с. 2.

но начнутся в третий раз. Это произойдет в не столь отдаленном будущем, но если итог окажется столь же неутешительным, обеим странам останется только сожалеть об этом»⁴⁸.

В том же месяце Утида составил «Меморандум о формировании государственной политики», в котором писал: «Поскольку суверенитет над Сибирью принадлежит России, то вопрос о переселенцах туда из числа крестьян, так же как и вопросы развития торговли и промышленности, необходимо решать по договоренности с Россией. Однако после произошедшей в России революции существует проблема разрыва дипломатических отношений, и в настоящее время двусторонние действия невозможны. Поэтому необходимо в ближайшее время восстановить дипломатические отношения с Россией и создать условия для передвижения лиц, занятых в сельском хозяйстве, рыболовстве, торговле, в разных отраслях промышленности, в том числе горнодобывающей, и пр. При этом я думаю, что наиболее важно, опередив великие державы, получить приоритет в отношениях с Россией. Японские власти в ближайшее время еще раз должны подумать о том, каким образом можно вести переговоры с Россией»⁴⁹.

Фамилия Утида не фигурирует в списке участников собрания «инициаторов нормализации японско-русских отношений и их единомышленников», устроенного 2 июня 1923 г. в токийском ресторане «Цукидзи Сэйкэн». Но там мы видим имя бессменного члена Кокурюкай и его второго председателя Кудзуу Ёсихиса – правой руки Утида Рёхэй во всех делах⁵⁰. Когда 20 января 1925 г. Токио и Москва, наконец, восстановили дипломатические отношения и заключили договор об основных принципах взаимоотношений (Пекинская или Основная конвенция), Утида откликнулся следующим образом: «Конечно, заключение этого договора радостное событие, но, к великому сожалению, оно произошло поздно»⁵¹.

Что он имел в виду? Прежде всего, Вашингтонское морское соглашение 1922 г., которое ограничило размер японского военного флота в пропорции 3:5:5 по отношению к флотам США и Англии. Затем дискриминационные законы против японских иммигрантов, принятые в США в 1924 г. Кокурюкай резко выступило против решения правительства подписать морское соглашение и смириться с антияпонскими

иммиграционными законами. Именно это имел в виду Кудзуу, когда говорил: «Широко распространенное в Англии и Америке мнение о том, что в результате японско-советского соглашения СССР поможет Японии, не соответствует действительности, поскольку очевидно, что исходя из внутривнутриполитической и экономической ситуации, у СССР для этого нет возможностей. Поэтому можно сказать только то, что даже если начнется японско-американская война, СССР не предпримет в интересах Японии ничего такого, что не будет выгодно ему самому. Помощь будет пассивной. Однако даже это для Японии будет очень выгодно. Следовательно, происходящая сейчас нормализация японско-советских отношений, способствует их приоритету над отношениями с Англией и Америкой»⁵². Таким образом, идеолог Кокурюкай оценивал установление дипломатических отношений между Токио и Москвой с антиамериканских и антианглийских позиций.

Заключение

Взгляд Утида Рёхэй на Россию стал результатом его личного опыта, в том числе путешествий по Сибири и Дальнему Востоку, Маньчжурии и Корейскому полуострову. Осознав неизбежность японско-русской конфронтации, он настоятельно убеждал свое правительство в том, что мощь России – в Сибири и что прежде чем осуществлять военное планирование необходимо принять принципиальное решение о войне.

В России Утида увидел бедственную картину жизни крестьян и рабочих в условиях самодержавия и деятельность революционных партий, которые стремились свергнуть этот режим. Именно с ними он связывал свои надежды, заявляя: «Славяне, ваши друзья придут с Востока. Уясните это и будьте спокойны».

Говоря о сходстве японцев и славян, Утида был уверен, что для взаимопонимания между народами необходимо знать языки друг друга, поэтому он открыл при Кокурюкай школу русского языка, и этот факт не следует забывать.

Выступив инициатором создания Японско-российского общества, Утида думал о том, как избежать войны, а если война все-таки начнется, как поскорее заключить перемирие и перейти к развитию взаимовыгодных, прежде всего экономических и торговых отношений.

После победы большевистской революции и создания Советского Союза, когда японское правительство отказывалось признавать государство с иной политической системой, Утида считал, что даже при различии социального строя отсутствие дипломатических отношений между странами-соседями – явление негативное. С помощью членов Кокурюкай он пытался нащупать пути к возможной нормализации отношений с Москвой через личные контакты с советскими представителями.

⁴⁸ Утида Рёхэй канкэй бунсё. (Документы Утида Рёхэй). Т. 6. Токио, 1994, с. 72.

⁴⁹ Утида Рёхэй канкэй бунсё. Т. 6, с. 85.

⁵⁰ Архив МИД Японии. Нитиро кокко кайфуку косё иккэн. Токё-ни окэру ёби кайги. Дзёхобу сёкан-но бу. (Материалы переговоров о восстановлении японско-русских отношений. Предварительные переговоры в Токио. Материалы департамента информации). 2-5-1 / 106-4-5.

⁵¹ Нитиро косё сэйрицу-ни кансуру найгайдзин-но кансо. (Мнения японцев и иностранцев об установлении японско-русских отношений). Ч. 5 // Там же. 2-5-1 / 106-4-2 (02.02.1925).

⁵² Там же. Ч. 3 (26.01.1925).

На основании этого мы можем сделать вывод, что считавшийся русофобом Утида Рёхэй на деле стремился к установлению дружеских отношений между Японией и Россией. Вопреки репутации антиросийски настроенного деятеля, он пытался найти пути для сотрудничества двух народов и оставался борцом за идею единой Евразии.

Из истории периодической печати Японской Православной Церкви

Э. Б. Саблина

Уважаемый читатель! У Вас в руках, юбилейный, номер Ежегодника «Япония». 40 лет выходит он в свет. Несколько поколений японоведов рассказывают на его страницах о своих исследованиях в различных областях жизни страны-соседа, тем самым способствуя развитию и укреплению российско-японских отношений.

В мае нынешнего, 2012 г., прошёл буднично незамеченным ещё один юбилей: вышел в свет 1460 (тысяча четыреста шестидесятый !) номер «Православного вестника» (Сэйкё Дзихо) – издающегося с 1880 г. ежемесячного журнала Японской Православной Церкви.

Национальная Японская Православная Церковь, ставшая ветвью мирового православия, является результатом 50-летней деятельности в стране, бывшей поначалу враждебной христианству, Святителя Николая Архиепископа Японского, выдающегося учёного-японоведа, почётного члена Русско-Японского Общества и Императорского Общества Востоковедения. В 2012 г. отмечается 100-летняя годовщина со времени кончины Архиепископа Николая (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина).

Летом 1861 г. 25-тилетний иеромонах Николай прибыл в Хакодате в качестве священника церкви учреждённого там несколькими годами ранее российского консульства во главе с И. А. Гошкевичем. С первых лет пребывания на дальневосточной земле Николай пришёл к убеждению, что между Японией и Россией нет поводов для разногласий. «Всё, что делается в Японии, более, чем всякое другое государство, должно интересоваться Россию как непосредственную соседку её на крайнем востоке. Оба государства....совершенно различные по своему географическому положению, вследствие чего в будущем они могут только помогать друг другу, но не встречаться одно с другим на перекрёстных дорогах и не мешать одно другому»¹.

Будучи свидетелем глубоких перемен, происходивших в Японии, Николай предчувствовал, что его ожидает широкое поле деятельности, и в 1869 г. он отправился в Петербург хлопотать перед Святейшим Синодом об открытии православной миссии в японской столице, куда он переехал из Хакодате в 1872 г. С отменой антихристианского законода-

¹ Древняя и новая Россия. СПб., 1875, №10, с. 228–229.

тельства (1873 г.) открылся простор для миссионерского дела. В Токио с 1875 г. при Русской миссии начала действовать духовная семинария (просуществовала до 1919 г.) с программой, рассчитанной на семь лет, которая предусматривала как теологические, так и общие предметы: в ней преподавали языки, историю (российскую и японскую), читали китайские классические книги. Первый выпуск семинарии состоялся в 1882 г.

Появилась и семинария для девушек, где наряду с Законом Божиим ученицы усваивали навыки домоводства и шитья, рисования и пения. Семинария быстро приобрела репутацию одной из лучших женских школ в Японии, включая национальные и европейские. Деятельность Архиепископа Николая, его стремления были направлены на то, чтобы японцы сами создавали свой духовный мир. Он хотел иметь местных церковных архитекторов, японских иконописцев, японские хоры. Необходимы были японские катехизаторы и священники для евангелизации страны, а значит, и переводы на японский язык Священного Писания и богослужебной литературы.

Для более успешного проповедования христианского учения Русская Духовная Миссия за время своего существования издавала четыре периодических журнала. 15 декабря 1880 г. начал выходить два раза в месяц официальный орган Миссии «Сэйкё симпо» («Православные вести»), печатавшийся частично на японском, частично на русском языке. Объём номера составлял, как правило, около сорока страниц. Журнал содержал обзор жизни Японской Православной Церкви и всего христианства и занимал одно из самых видных мест в ряду христианских миссионерских изданий в стране. Газета «The Japan Daily Mail» ежемесячно печатала обзоры религиозной прессы в стране, и в редком из таких обзоров не встречалось весьма лестных отзывов по поводу статей, помещаемых в «Сэйкё симпо». Журнал под этим названием выходил до ноября 1912 г., а с ноября 1912 г. издаётся по сей день ежемесячно под названием «Сэйкё дзихо» («Православный вестник»). Сейчас объём его составляет двадцать три страницы, и печатается он на японском языке. Как выглядела обложка старинного журнала, можно узнать из дневника Архиепископа Николая в записи от 18/30 ноября 1880 г.: «Выбрали виньетку – ангел, летящий с Евангелием, – Виссарион дал мысль»². Рисунок поручили сделать художнице Ямасита Рин.

Архиепископ Николай, чья деятельность была направлена на японизацию христианского учения, думал и о воспитании местных иконописцев. Вначале иконы для японских храмов ввозились или присылались из России, чтобы делать печатные иконы, оттуда же были привезены и литографические станки. С распространением православия возникавшие японские общины и их храмы нуждались в церковной утвари и особенно в иконах. Вставала настоятельная необходимость создавать

при Миссии иконописную школу, но учиться мастерству иконописи нужно было в России. Владыка собирался отправить туда Окамура Масакэ (1858–1936), православную ученицу первой в Японии государственной промышленной школы искусств, Но она вышла замуж, и послать её в монастырь стало невозможно. Вместо неё в декабре 1880 г. Архиепископ Николай отправил в Петербург, в Новодевичий Воскресенский женский монастырь, насельницы которого много помогали Владыке в его миссийских делах, 23-летнюю девушку по имени Ямасита Рин (1857–1939), учившуюся вместе с Окамура Масакэ. В 1878 г. она стала православной и приняла в крещении имя Ирина. Начинаящей художнице поручили сделать эскиз обложки для журнала «Сэйкё симпо», и видимо, тогда начальник Миссии и заметил её одарённость.

Ямасита Рин происходила из обедневшей самурайской семьи в г. Камама (преф. Ибараки). Как явствует из её автобиографии, она сначала училась у Хасимото Тиканобу, художника школы *укиёэ*, позже её наставником стал Накамару Сэйдзюро, занимавшийся европейской живописью. В 1876 г. в Японию прибыл итальянский художник Антонио Фонтанези (1878–1882) для работы в промышленной школе искусств, где впервые в Японии он стал преподавать живопись маслом. Ямасита Рин, судя по сохранившимся ведомостям школы, была лучшей ученицей.

10 марта 1881 г. Рин приехала в Петербург и поселилась в монастыре, при котором была иконописная мастерская и куда приходил давать уроки ректор Академии художеств Федор Иванович Иордан (1800–1883), знакомый Архиепископа Николая. Ямасита Рин часто посещала Эрмитаж, где делала копии с картин итальянского Возрождения, в основном, с изображений мадонн.

Подробности её пребывания в Петербурге запечатлены в её дневнике. Из него стало известно, как трудно она переносила сырой, холодный климат, часто болела, как нелегко давалось ей мастерство иконописи с его строгими канонами, совершенно отличными от навыков, усвоенных в Токио.

Покойный племянник Ямасита Рин, Ода Хидэо, который жил в Камама, бережно хранил два письма к ней Архиепископа Николая, следившего за её успехами из Токио. Письма Владыки излучают сердечность и заботу о своей подопечной, повествуют о том, какие надежды возлагал он на молодую художницу. Вот, что писал он 27 января 1882 г.: «Любезная Ирина Петровна, Божие благословение да будет над Вами! Благодарю Вас за известия о себе. Очень рад Вашим успехам. Все здесь, слыша всегда доброе и приятное о Вас, радуются и благодарят Бога за Вас; все ждут от Вас со временем большой службы и пользы для церкви.

Из Сейкёо-симпо Вы отчасти знаете, что делается здесь. Всё вообще по-старому; как прежде, церковь Божия не перестаёт понемногу расширяться; школы также идут.

² Дневники Святого Николая Японского. Т. I (1870 – 1880 гг.). СПб., 2003, с. 326.

На нашем Симпо, вероятно, Вам приятно встречаться каждый раз с Вашим старым знакомым и Вашим же произведением – заглавным рисунком; одна медная доска истёрлась, недавно вырезали другую. Но хорошо было бы если не переменить, то улучшить рисунок. Не представляется ли Вам, что Ангел несёт свиток – как будто в кладовую положить? Потому что виднеющиеся внизу здания, как Вы сами знаете, все похожи на нескораемые японские кладовые, а не на жилые здания. Лицо Ангела также нужно сделать красивое. Вообще, сцену не мешало бы оживить, иначе всё как будто совершается ночью, без всякого участия каких-нибудь других существ, кроме Ангела. Если бы Вы нашли возможным написать новый рисунок и приложить его в письме сюда, то мы были бы весьма благодарны Вам».

В письме от 10 октября 1882 г. Владыка писал: «Милая наша Иконописица госпожа Ирина, Благодать Божия да будет с Вами во веки веков!

Весьма благодарен Вам за картинку для Сейкё-Симпо. К Вам уже пошёл один номер с ней; к сожалению, резчик не совсем хорошо вырезал на меди; простая случайность тому виной: главный мастер внезапно должен был отправиться к себе в деревню, а его первый ученик сделал вот так, как видите... Впрочем, нужно заметить, картинка – очень нелёгкая для выполнения в резьбе; – особенно трудна картинка, – трудна потому, что хлебы совсем не ясны, вероятно, хлебы Вы хотели изобразить, – иначе нечего для соответствия с виноградом, но подите же, разберите их – хлебы, когда они пекутся в разных местах – разных форм; я сам едва догадался, что это хлебы. Мне кажется, всего лучше было бы изобразить их в виде просфор что ли, по крайней мере, просфоры везде одни и те же, стало быть, всякий христианин тотчас поймёт. Но вообще картинка всем нравится, и мы все Вам очень благодарны.

Все мы в большой надежде, что из Вас выйдет превосходная иконописица, которая не только сама будет славные иконы писать, но и многих научит тому же искусству, т. е. заведёт здесь, вернувшись, иконописную мастерскую, соберёт учеников и учениц и обеспечит Православную Японскую Церковь иконописью, так что не нужно будет в этом отношении помощи заграничной церкви, каковую помощь, по дальности расстояния, не легко получать. Укрепит Вас Господь на это важное дело! ... Переносите с терпением скуку и тоску, ради той великой цели, к которой стремитесь – принести несомненную пользу отечественной церкви»³.

Ямасита Рин проучилась в Петербурге два года. Переносимые ею трудности усугублялись ещё и тем, что Рин почти не владела русским языком. Владыка Николай, беспокоясь о её здоровье, советует ей вернуться на родину. В марте 1883 г. Ямасита Рин покидает Россию.

После возвращения в Японию она стала писать иконы для православных церквей, строившихся по всей стране, работая в созданной для неё иконописной мастерской при миссийском женском училище, где она и жила в предоставленной ей отдельной комнате. Сведений об иконописной мастерской почти не сохранилось, кроме того, что она существовала и её официальное название было «Иконописная мастерская православной церкви». В 1893 г. здесь работала ещё одна женщина – Такахаси Масуко (годы жизни неизвестны), однако вскоре Ямасита Рин осталась одна.

Тридцать лет спустя после Рин, в 1909–1913 гг., по рекомендации Архиепископа Николая в России, сначала в Петербургской школе искусств барона Штиглица, а затем в Академии художеств, училась Мария Хидэко Сибаяма, в замужестве Ои. В её судьбе горячее участие принимала семья будущего учёного-японоведа Сергея Елисеева, в которой она жила как член семьи. Выйдя замуж за журналиста Ои Канэ-така, Мария вернулась в Японию и посвятила себя мужу и детям. Она не оставила заметного следа в церкви и единственным дошедшим до наших дней её произведением является икона в церкви Яматэ в Токио.

Ямасита Рин, не имевшая семьи, полностью отдала себя работе, протрудившись в иконописной мастерской тридцать пять лет, до 1918 г., когда она переехала в свой родной Касама. Ею написано около двухсот пятидесяти икон, находящихся в православных храмах по всей Японии. Однако общее число их неизвестно, так как она не ставила ни подписи, ни даты, да это и не принято у иконописцев. Писала она темперой, что обеспечило её работам хорошую сохранность. Много её икон было в Токио в Воскресенском кафедральном соборе, но всё сгорело во время Великого землетрясения Канто в 1923 г. На некоторых иконах указана дата их отправки из мастерской Миссии, есть реестры и в различных церквях, что позволяет установить время создания работ, хотя эти даты могут считаться нижним пределом создания икон.

Одна датированная работа Ямасита Рин хранится в Эрмитаже. Это икона Воскресения Христова – дар Японской Православной Церкви наследнику Российского престола, будущему царю Николаю Второму, во время его посещения Японии в 1891 г. Поездка наследника была омрачена известным событием в Оцу, городке близ Киото, где, по пути из Кобэ в Токио, он подвергся нападению полицейского Цуда Сандзо, нанёсшего ему удар саблей по голове. Икону цесаревичу преподнесла делегация православных японцев, получившая к нему доступ на фрегат «Память Азова» в порту Кобэ. На обратной стороне иконы по серебряному полю написан золотом храм Воскресения Христова в Токио и внизу храма золотом сделана надпись по-русски и по-японски: «Его Императорскому Высочеству, Наследнику Российского Императорского Престола, Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу почтительнейшее приношение Японской Православной

³ Архиепископ Николай. Письма к Ямасита Рин // Частный архив Ода Хидэо.

Церкви, в знак усерднейшей её молитвы о здравии и благоденствии Его. 6 мая 1891, Токио».

Для иконы и киота к ней использована доска из дерева хиноки, взятая из разобранного главного буддийского храма Дзодзёдзи в Токио, построенного в XVII в. На золотом поле лицевой стороны киота выпукло изображены золотом цветы четырёх времён года: вишня, лилия, астра, нарцисс. Лак, смешанный с порошком из чистого золота, положен в десять слоёв. Боковые стороны киота, покрытые чёрным лаком, украшены золотыми астрами, и обратная сторона – чёрный лак с золотыми блёстками. Украшения по заказу японских православных христиан сделал в 1891 г. известный мастер лако-золотых дел Такаи Ясухару, унаследовавший своё мастерство от отца и занимавшийся им 41 год.

При женской духовной школе издавался ежемесячный журнал «Уранисики» («Скромность»). *Уранисики* буквально означает «Подкладка из парчи» и включает в себе целое мировоззрение. Согласно конфуцианскому учению, дорогая парчовая ткань (парчу принято было носить покрытой тонким шёлком) символизировала душу человека, которому надлежит, прежде всего, заботиться о внутренней чистоте, о совести, пренебрегать показной суетой. Интересно, что конфуцианская мысль о том, что показной суетой следует пренебрегать, перекликается с христианской. В Новом Завете, в Первом послании Петра, главе 3, говорится: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом».

Издание «Уранисики» было начато 15 ноября 1892 г., но в 1907 г. за недостатком средств было прекращено. Здесь печатались духовно-нравственные, практически-наставительные и художественные произведения, полезные для воспитания в православном духе японских женщин. Журнал знакомил читателей с русской литературой, помещая переведённые из неё на японский язык фрагменты: Круг авторов включал Пушкина, Гоголя, Тургенева, а также Короленко, Горького и других. В «Уранисики» был напечатан «Борис Годунов», первый из переводов А. С. Пушкина в Японии. «Уранисики» получил наибольшую известность, став первым журналом для женщин, издававшимся в Японии.

С сентября 1893 г. миссия издавала ежемесячный журнал апологетического характера под названием «Син кай» («Духовное море»), начатый в сентябре 1893 г. Он являлся органом семинарии, но выходил недолго и за недостатком средств был прекращён на 70-м номере в 1899 г. В отличие от «Уранисики», посвящавшего большую часть своих страниц русской художественной литературе, «Син кай» печатал переводы статей по богословию и философии из различных российских журналов, включая такой известный, как «Вопросы философии и психологии» Н. Я. Грота.

Ежемесячно выходил журнал «Сэйкё ёва» («Православная беседа»), посвящённый проповедям и речам и обсуждению религиозных истин в целях выработки у верующих японцев христианского мышления. Журнал выходил с 1893 г. по 1918 г.

В разные годы, кроме вышеуказанных основных журналов, выходили и другие издания: «Нива» («Сад»), «Нироку симбун» («Круглосуточная газета»), «Симэй» («Предназначение»). В первую очередь в них печатались религиозно-нравственные тексты, сокращённое изложение догматов православной церкви, жития святых. Определённое место в этих изданиях отводилось и светской литературе, как поэзии, так и прозе. Святитель Николай, высоко ценивший изящную словесность, благословлял такие переводы, полагая не без основания, «что, полюбив Пушкина и Толстого, японцы не смогут не полюбить Россию»⁴.

Архиепископ Николай особое значение придавал переводческому отделу, в котором, по его мнению, заключалась вся суть миссийского дела. Он считал, как свидетельствовал современник Владыки Д. Позднеев, что «в настоящее время, вообще, работа миссии в какой бы то ни было стране не может ограничиваться одной устной проповедью. Времена Франциска Ксавье, бегавшего по улицам с колокольчиком и созывавшего таким путём слушателей, прошли. В Японии же, при любви населения к чтению и при развитом уважении к печатному слову, верующим и оглашаемым прежде всего нужно давать книгу, написанную на их родном языке, непременно хорошим слогом и тщательно, красиво и дёшево изданную»⁵.

В основу переводческой работы Владыкой Николаем был положен тот принцип, что душой миссии должно быть печатное слово, и этому принципу он неуклонно следовал всю жизнь. На протяжении тридцати лет с 1881 г. ровно в шесть часов вечера входил к нему его постоянный и единственный помощник по переводам Павел Накаи (Цугумаро), глубокий знаток китайского и японского языков, садился рядом с Владыкой и начинал писать под его диктовку переводы. Владыка выбрал Накаи из среды православных учёных японцев за его прекрасное знание иероглифической письменности, громадную трудоспособность и преданность православной вере. Эта работа продолжалась в течение четырёх часов и оканчивалась в десять вечера. Исключения составляли праздничные дни и дни вечерних богослужений. Архиепископ Николай говорил: «Хотя бы небо разверзлось, а я не имею права отменить занятий по переводу»⁶.

Владыка Николай начал свои переводы богослужебных книг с круга воскресного богослужения, затем перешёл к Цветной Триоди, далее

⁴ Цит. по: Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX-начала XX веков. М., 1993, с. 73.

⁵ Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский. Воспоминания и характеристика. СПб., 1912, с. 14.

⁶ Там же, с. 14.

перевёл Триодь Постную и потом постепенно заполнял весь круг богослужений. Одновременно с этим шёл перевод Евангелия, которое Владыка переиздавал несколько раз. Из Ветхого Завета им были переведены все части, которые необходимы для годового круга богослужений. По свидетельству Д. Позднеева, «заветной мечтою его было восполнить недостающее и издать всю Библию. В 1910 г. он говорил мне, что для завершения этого труда, по его расчётам, ему нужно ещё пять лет»⁷.

Архиепископ Николай вёл свою переводческую работу чрезвычайно осторожно и педантично. В японском языке особую опасность для православия представляло употребление тех иероглифов, которые имеют в буддийском и синтоистском каноне особый смысл, расходящийся с православием. В этом отношении все термины, касающиеся, например, нирваны или детерминистического определения человеческой воли и тому подобных понятий, составляли особую трудность, как совершенно расходящиеся с православным представлением о личном Боге, рае, свободной воле человека. По воспоминаниям современников Архиепископа Николая, иногда установление одного иероглифа требовало долгих часов совещания Владыки с Павлом Накаи, а иногда случалось, что о переводе одной фразы рассылались по всей Японской Церкви архипастырские послания с просьбой к верующим высказаться о соответствующей православия редакции текста.

Кроме того, Архиепископ Николай придерживался принципа никогда не читать ни католических, ни протестантских переводов Библии из опасения невольно что-либо из них позаимствовать. Он говорил Позднееву, что «лучше самому, исходя из личного понимания православия, преодолевать трудности японской письменности и искать в них соответствия с нашими текстами, чем подчиняться инословным переводам и брать из них готовые термины»⁸.

Вследствие такого отношения Архиепископа Николая к переводам им был выработан совершенно особый православно-богословский японский язык, термины в котором точно передают значение славянских и греческих православных слов. Однако для общей массы верующих японцев подбор иероглифов был в значительной степени труден, но Архиепископ Николай считал, что перевод Евангелия и богослужения не должен опускаться до уровня развития японцев, а, наоборот, верующие должны возвышаться до понимания евангельских и богослужебных текстов. И этого, в определенной мере, удалось достичь по мере развития работы переводческого отдела Миссии и создания в Японии православно-богословской библиотеки, благодаря чему японцы стали привыкать к христианско-православному мышлению. Почти все богословские сочинения, признаваемые в России классическими, были переведены на японский язык.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Там же, с. 16.

В состав переводческого отдела, трудившегося под контролем Владыки и при его ближайшем участии, входили, главным образом, лица, получившие высшее богословское образование в России, а позднее и японцы, окончившие миссийскую духовную семинарию и хорошо знавшие русский язык. Среди них были директор семинарии Иван Сэнума и его жена Каё, первая познакомившая японцев с миром Чехова. Гордостью Владыки являлось появление и оригинальных японских православно-богословских сочинений. Согласно каталогу изданий Миссии, помещённому в «Прибавлении к церковным ведомостям», № 49, в 1896 г. было опубликовано пять таких сочинений, а в 1903 г. – уже пятнадцать.

Архиепископ Николай, воодушевляя собственным примером своих ближайших учеников и помощников на научные труды, создал целую школу переводчиков произведений русской литературы на японский язык. Приведем наиболее известных из них.

Сэки Такэсабуро (1871–1920), внесший большой вклад в издание органа семинарии «Син кай». Он написал много статей, посвящённых критике западноевропейской философии с позиций славянофильства. Во время Первой мировой войны он перевёл «Лекции о Богочеловеке» Владимира Соловьёва. Их публикация была прервана его гибелью в 1920 г., в бою с советскими партизанами в Николаевске-на-Амуре, где он служил в японской торговой фирме.

Кониси Масутаро (1862–1940), окончив семинарию Миссии, девять лет провёл в России, где учился в Киевской духовной академии и в Московском университете (занятия психологией у профессора Л. М. Лопатина на юридическом факультете). Учёный-психолог Н. Я. Грот (1852–1899) представил его в 1892 г. Л. Толстому, после чего Кониси не раз бывал в Ясной Поляне, консультировал писателя, интересовавшегося древнекитайской философией. Об этом он оставил воспоминания и очерк «Толстой – сын России». Кониси Масутаро печатался в основном Н. Я. Гротом журнале «Вопросы философии и психологии».

Кониси привёз в Японию собрание сочинений Л. Н. Толстого. Им переведены «Крейцера соната» (в содружестве с известным писателем Одзаки Коё), рассказ «Два старика», повесть «Детство». «Крейцера соната» вызвала особенно большой резонанс в Японии, в обстановке происходивших там поисков новой морали. Возвратившись в Токио, Кониси преподавал в семинарии философию и богословие. Его статьи в миссийских журналах знакомили японцев с русской общественной мыслью.

Сэнума Каё (1875–1915) – выпускница, а затем учительница женской православной школы, в девичестве Ямада Икуко, (Каё – псевдоним, означающий «Летний лист», по созвучию с литературным именем почитаемого ею учителя, писателя Одзаки Коё – «Багряный лист» – Э. С.) она прославилась своими, впервые сделанными в Японии, переводами А. П. Чехова, собрание сочинений которого имелось в библиотеке Миссии. Н. И. Конрад указывал, что «именно Сэнума Каё принадлежит

историческая заслуга – дать японской литературе Чехова в тот момент, когда это было для неё особенно нужно»⁹, имея в виду обновление японской литературы и театра, происходившее в 1900 г. О том, что Сэ-нума Каё явилась не только первым, но и лучшим интерпретатором Чехова, свидетельствует и Накамура Ёсикадзу, посвятивший деятельности переводчицы обстоятельное исследование.

Нобори Сёму (1878–1958) по праву называют патриархом современной русистики. В 1904 г., через год после окончания православной семинарии, он опубликовал книгу о Н. В. Гоголе, а итогом его восьмидесятилетней жизни явились переводы и исследования русской литературы, составившие более сотни томов. В число авторов, которых переводил Нобори Сёму, входили Ф. Достоевский, Л. Толстой, М. Горький. Он познакомил японцев с такими писателями, как И. Бунин, А. Куприн, М. Арцибашев, Б. Зайцев, Л. Андреев, Ф. Сологуб. Самой важной работой Нобори Сёму как критика стал его капитальный труд «История русской и советской литературы» (Россия то совэтто бунгаку си), 1955 г. Он преподавал во многих учебных заведениях – в Токийской православной семинарии, Военной академии, университете Васэда – и составил многочисленные учебные пособия: «Новый самоучитель русского языка» (Син росияго дзисю кодза), 1932 г. в пяти томах, «Введение в русский язык» (Росияго нюмон), 1934 г. и другие.

Таким образом, Японская Православная Церковь, вырастив не одно поколение глубоких знатоков русского языка и России, внесла большой вклад в развитие и взаимодействие культурных связей двух стран. Богатая библиотека, издание художественных переводов способствовали тому, что русская литература завоевала прочные права гражданства в Японии. Г. Д. Иванова в своей книге «Русские в Японии XIX – начала XX в.» отмечала: «...после русско-японской войны появилась выразительная присказка: японцы победили русских в сражениях, сами же побеждены их литературой»¹⁰. Можно сказать, что стараниями Архиепископа Николая и его учеников в Японии была создана русистика.

Владыка Николай хотел, чтобы христианское учение в Японии стало японским православием, как оно стало греческим православием в Греции и русским православием в России. Ему удалось достичь всего этого, основав японскую православную культуру. Православие приобрело реальное значение в истории Японии. Духовное влияние Святителя Николая на японцев не было ограничено узкой сферой, но распространилось во всём обществе, где оно сохраняется и по сей день.

Надеемся, что и впредь ежегодник «Япония» будет собирать обильный урожай статей российских японоведов, небесным покровителем которых можно по праву считать Святого Николая Японского.

⁹ Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974, с. 454.

¹⁰ Там же.

«Теперь бы меня в НКВД не узнали...»: неизвестный источник о жизни русских в Токио в 1926–1927 годах

В. Э. Молодяков

В этой истории пока больше загадок, чем разгадок, больше вопросов, чем ответов, но если не задать вопросы сейчас, ответы не найдутся. Конечно, вводя в научный оборот новый источник, надо стремиться прокомментировать его как можно подробнее, но это не всегда оказывается возможным. Я решил не медлить с обнародованием своей находки, имея в виду важность не столько самого текста, хотя интерес к истории повседневной жизни сейчас велик, сколько контекста, в который он может быть помещен, а также возможность использования данного источника исследователями в России и в Японии.

Коллекционерская удача капризна: ей соответствует пословица «то густо, то пусто» – но усилия ищущего, как правило, вознаграждаются. Осенью 2011 г., когда я вносил последнюю правку в рукопись монографии «Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи» (М., 2012), в мое собрание попали шесть неопубликованных писем, отправленных в 1926–1927 гг. из Токио в Москву¹. Купленные в антикварном магазине бумаги оказались фрагментом семейной переписки, выяснить происхождение («провенанс», как говорят коллекционеры) которой мне не удалось. Использовать найденные документы в книге я не успел, но считаю их заслуживающими внимания, поскольку авторы писем оказались в интересном месте в интересное время.

Место действия – Токио (отправители) и Москва (получатель). Время – с 29 июня 1926 г. по 23 августа 1927 г. Адресат – Алексей Николаевич Животовский, проживавший вблизи Даниловского рынка по адресу: Татищева улица, дом 23 (не сохранился; сейчас нечетная сторона улицы заканчивается домом 17), квартира 2. Авторы писем – его мать, имени которой мы не знаем и потому, в соответствии с древней японской традицией, будем называть ее «мать Алексея» (вспомним «Митицуна-но хаха», «мать Митицуна»), а также ее дочь, сестра Алексея, «Леля», то есть Елена или Ольга. Что мы знаем о них? Практически ничего. Что мы можем узнать из писем? Немного (известные автору электронные базы данных не помогли), но попробуем извлечь из источника максимум информации. Это весьма увлекательный процесс.

¹ Далее письма цитируются с исправлениями исключительно пунктуационного характера.

На момент переписки Алексей Животовский – молодой человек, видимо, в возрасте от 20 до 25 лет. «Животовский» – фамилия относительно редкая, что сужает круг поисков, но не дает бесспорных результатов. Разумеется, первым делом приходит на ум банкир Абрам Животовский – дядя Льва Троцкого (брат его матери), в годы первой мировой войны связанный с Японией деловыми интересами в связи с военными закупками, но это, вероятно, ложный след. Отцом нашего героя теоретически мог быть Николай Николаевич Животовский, который в 1909 г. служил в неизвестном мне артиллерийской бригаде Императорской армии в чине штабс-капитана. Такой же чин, но в пехоте имел Георгий Николаевич Животовский – очевидно, брат предыдущего². Алексей родился в начале июня, так как в письме от 29 июня мать пишет о его недавнем дне рождения. Служил на неназванном «предприятии», которое в любой момент могут закрыть, – вероятно, на частном или кооперативном. Высшего образования на тот момент не имел. Осенью 1926 г. поступил на «подготовительные курсы» неназванного вуза, но весной следующего года вознамерился их бросить из-за окончания службы и отсутствия жалования. Военскую повинность не отбывал. Вот, собственно, и всё. Ровным счетом ничего примечательного. Зато его токийские родственники намного интереснее.

Дипломатические отношения между Москвой и Токио были установлены в соответствии с заключенной 20 января 1925 г. Конвенцией об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии, известной как «Пекинская» (по месту подписания) или «Базовая». 20 февраля она была ратифицирована ЦИК СССР, 25 февраля – императором Японии. Обмен нотами о вступлении конвенции в силу состоялся в Пекине 26 февраля, обмен ратификационными грамотами – там же 15 апреля. 16 марта первый секретарь советского полномочного представительства (полпредства)³ в Китае Николай Кузнецов был командирован в Токио для подготовки к началу работы новой дипломатической миссии. Он получил у представителей МИД Японии и столичной мэрии ключи от здания бывшего посольства Российской империи, которые им месяцем раньше сдал последний «белый» поверенный в делах Дмитрий Абрикосов, категорически отказавшийся от каких-либо прямых контактов с «красными». Вскоре в Токио прибыли первые советские дипломаты во главе с полпредом Виктором Коппом, персонал торгового представительства во главе с торгпредом Яковом Янсоном⁴, сотрудники торговых

организаций и корреспондент ТАСС. В течение 15 месяцев после подписания конвенции на территории Японской империи (включая Корею и арендованную территорию на Ляодунском полуострове в Китае) также открылись восемь советских консульств⁵.

Таковы немногочисленные «красные русские» в Стране корня солнца. «Белые русские» (хаккэй росиадзин – данный термин был принят в официальном японском делопроизводстве) также были сравнительно немногочисленны, поскольку видели мало привлекательных сторон в японской жизни, особенно после Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 г., почти полностью разрушившего Токио и Иокогама. Не вполне определенным оставался и их правовой статус. «На заключительной встрече, состоявшейся 15 февраля 1925 г., министр иностранных дел Японии барон Сидэхара Кидзюро еще раз подтвердил Абрикосову намерение японского правительства оградить русских беженцев от возможных преследований, подчеркнув при этом, что главным условием их пребывания в Японии будет полный отказ от антибольшевистской деятельности»⁶. Требуемые гарантии были ему даны.

И здесь следует подчеркнуть, что обещание защитить эмигрантов (данное министром Абрикосову фактически в приватном порядке) довольно аккуратно выполнялось на протяжении всех последующих лет, невзирая на протесты со стороны посольства СССР, которое регулярно призывало эмигрантов принимать советское гражданство и возвращаться на родину. В случае отказа последних (как оно чаще всего и было, особенно в довоенные годы) японскими властями не принималось каких-либо серьезных мер по депортации россиян, что позволило Абрикосову уже на склоне лет отметить, что «Япония стала не худшей мачехой русским беженцам», дав им в итоге приют и защиту»⁷.

Иными словами, русские в Японии были либо «белые», бежавшие от большевиков или не пожелавшие возвращаться под их власть, либо «красные», прибывшие из СССР в служебную командировку на определенный срок. К самой малочисленной «промежуточной» категории можно отнести таких людей, как художница Варвара Бубнова. В 1922 г. она вместе с матерью приехала в Японию по вызову своей младшей сестры Анны Оно, которая вышла замуж за японца. При переезде Бубнова сохранила советское подданство, но потеряла его в середине 1930-х

⁵ Подробнее: *Молодяков В. Э.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012. Гл. 10–11.

⁶ В соответствии со статьей 5 Пекинской конвенции, которая предусматривала «право каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по собственному желанию» и недопущение на своей территории деятельности лиц или организаций, представляющих угрозу для другой стороны, в том числе «претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны» (Прим. В. М.).

⁷ *Подалко П. Э.* Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004, с. 169.

² Данные сайта www.rosgenea.ru со ссылкой на общий список офицеров за указанный год.

³ Так до 9 мая 1941 г. назывались все дипломатические представительства СССР в зарубежных странах.

⁴ Его часто смешивают (автор этих строк, к сожалению, не исключение) с Карлисом Янсоном, который в то же самое время представлял в Японии Коминтерн и Профинтерн под «крышей» сотрудника отдела бюро печати полпредства.

годов и восстановила лишь после второй мировой войны (вернулась в СССР в 1958 г.).

Токийские Животовские, с одной стороны, «красные»: «Леля» не только служила в советском торговом учреждении, но и занималась «общественной работой». С другой стороны, в семье отмечали Пасху, но скорее как привычный домашний, нежели как религиозный праздник. Мать Алексея не работала и занималась домашним хозяйством, хотя в одном из писем обмолвилась: «Если у меня будет личный заработок, то буду к тебе время от времени приезжать». Служба «Лели» обеспечивала всю семью: мать, маленького сына «Кику» (видимо, Кирилла), родившегося в 1924 г., и японскую бонну. Животовские снимали отдельный дом, но обратный адрес на конвертах не указан. «Леля» и ее мать переписывались с Алексеем по обычной почте, т. е. не пользовались ни дипломатической почтой, как большинство сотрудников полпредства и торгпредства, ни оказиями, к которым прибегали те, кто не хотел компрометировать себя или адресата. В известной мне переписке, действительно, нет ничего такого, что могло бы заинтересовать «компетентные органы» обеих стран, но в СССР уже присматривались к письмам от «соотечественников» из-за границы. В Японии шпиономания и боязнь «красных» хоть и не достигли пика ксенофобской паранойи второй половины 1930-х годов, но уже прочно вошли в жизнь и быт: «В 1926 г. всякий советский гражданин воспринимался японским правительством как потенциальный шпион»⁸.

Из первого письма мы узнаем: «Леля поступила на новую службу 10 мая (1926 г. – В. М.) и, следовательно, 10 ноября ей будет 1/2 года. Тогда она думает начать хлопотать об отъезде, ее обещали через полгода отпустить. Если энергично приняться за это дело, то, конечно, отпустят, так что, думаю, к Рождеству мы сможем вернуться. Служба Лелина находится в том же здании, где и раньше она служила, и даже вместе с одной из прежних сослуживиц. Вообще, перемена чувствуется очень мало, но Леля все-таки хочет по приезде домой постараться устроиться на прежней службе. Здесь не ее лично сократили, а должность, которую она занимала, т. е. ей бы нужно было ехать назад. Но дело в том, что это всё вышло внезапно, и хотя ей бы дали денег на проезд, но здесь полагается только половина, а остальное в Москве. Раньше давали больше на проезд, но теперь убавлено, и так как нужно было бы расплатиться со всеми, то почти ничего бы и не осталось на то, чтобы купить что-нибудь хотя бы самое необходимое, и неизвестно, что бы было в Москве».

В Токио «Леля» служила «по торговой части». «Готова с поводом и без повода отстаивать свои чужие права, – писала она брату. – Теперь

бы меня в НКВД не узнали». Значит, в Москве она работала в Народном комиссариате иностранных дел и была отправлена в Токио в командировку от этого ведомства. В одном из писем она пояснила: «Хотелось бы, конечно, закончить свое образование, но это вопрос далекого будущего, и не сейчас разрешать его. Почему-то мне кажется, что я все-таки буду учиться». Легко предположить, что и в полпредстве, и «по торговой части» она была техническим сотрудником (в списках советских дипломатов в Японии за эти годы женщины не значится), машинисткой или стенографисткой. Если же данное предположение верно, получается, что простого технического сотрудника НКВД отправили в далекуюграничную командировку, позволив взять с собой мать и маленького ребенка (о муже «Лели» или отце ребенка ни в одном из писем не говорится даже намеком), и положили такое жалованье, что на него можно было снимать дом (и вообще разрешили жить за пределами полпредства или торгпредства!), содержать семью и японскую бонну и постоянно предлагать деньги брату, чтобы он спокойно учился, как это неоднократно делала и мать Алексея. Для истории советской дипломатической службы 1920-х годов, да и более позднего времени, ситуация, мягко говоря, маловероятная, но объяснить это автор статьи не берется.

В Токио Животовские жили экономно, но не бедствовали. «Эта зима довольно холодная, – сообщала мать Алексею 17 февраля 1927 г., – и по ночам мы мерзнем, у нас в доме замерзает вода. Я встаю в 6–30 утра и зажигаю керосиновую печь – тогда температура поднимается, а самое лучшее обогревание – это солнце, которое здесь всегда греет, так что днем, если день ясный, всегда тепло. Ночью у нас в доме бывает очень холодно – мы из экономии не затапливаем печки, но и то недавно Кирочка простудился и немного кашлял, поэтому надо было и ночью затопить печь». Замечу, что японцы и сейчас, не говоря уже об описываемом времени, часто экономят на обогреве в зимний период, так что переживавшиеся Животовскими лишения не были чем-то из ряда вон выходящим. «Вы думаете все, – многозначительно заметила «Леля» в письме к брату 7 января 1927 г., – что нам здесь так уж хорошо живется... не лучше, чем вам, глубокоуважаемые!». Возникает резонный вопрос – как жилось Алексею в Москве? Судя по одному из писем, квартира, в которой он проживал, была не коммунальной, а закрепленной за Животовскими. Мать тревожилась: «Когда тебе призываться? Как дела с нашей квартирой? Я тебе писала, что ее можно забронировать, но надо иметь от тебя какие-нибудь определенные известия, а то не вышло бы какого-либо недоразумения».

На ребенке они не экономили. «Он гуляет со своей Опоней (как он ее называет), – продолжала мать в письме от 17 февраля 1927 г., – во всякую погоду и даже в дождь, если только он небольшой; тогда они идут под большим бумажным японским зонтом, и картина очень

⁸ Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. // Пильняк Б. Корни японского солнца. Савелли Д. Борис Пильняк в Японии, 1926, М., 2004, с. 183. Приведенные исследователем данные красноречиво подтверждают справедливость этого вывода.

умильная: японка в кимоно под зонтом и рядом с ней за руку наш Кирушка путешествует». Не отказывали они себе и в других, типично японских радостях жизни: «Сейчас (письмо от 28 марта 1927 г. – В. М.) зацвели вишни, а это здесь большое событие – цвет вишни священный. Мы все собираемся поехать в Уэно-парк, там масса вишен и зоологический сад. Киручка все просится туда, но, к сожалению, как праздник (т. е. выходной день – В. М.), так дождь. Да кроме того надо всегда что-нибудь купить, и поедешь в город в магазины, потом уже ночь куда-нибудь еще ехать. Вчера были в Хибия-парке (это в центре города), там есть немного зверей, и Кирушка получил удовольствие. <...> Киручке вчера купили две вязаных кофточки, здесь они очень дешевы. Жаль, что на твой (Алексея – В. М.) рост и размер в Японии вещей не имеется. Если бы ты жил здесь, то тебе всё пришлось бы делать на заказ».

Примечательная деталь: в сохранившейся части переписки нет ни одной жалобы на «трудности перевода». Владели ли мать и дочь японским языком? Во всяком случае, проблем с этим у них, похоже, не возникало, что тоже не слишком типично для тогдашних «гайдзинов».

Еще одна деталь, бросающаяся в глаза при чтении писем: в них полностью отсутствуют упоминания о культурных или духовных интересах корреспондентов, кроме вопроса о продолжении образования (мы даже не знаем, какого именно). Не берусь делать из сказанного какие-либо выводы, но отметить это необходимо. Вместе с тем письма матери Алексея показывают в ней человека, способного остро чувствовать разлуку с сыном и беспокоящегося, что «за эти два года ты совсем отвык от меня». Последняя фраза из письма от 23 августа 1927 г. позволяет примерно датировать начало их разлуки, то есть, вероятно, отъезд матери и «Лели» из Москвы в Японию.

Самый интригующий сюжет в переписке – тема возвращения на родину. Эта перспектива их не только не пугает – напротив, мать Алексея мечтает приехать в Москву чтобы повидать сына, добавляя: «Надо надеяться, что это первый и последний раз в жизни; больше я от тебя уезжать не буду. <...> Знай, что где бы ты ни служил, я обязательно, как только приеду, отправлюсь к тебе; я уже заранее заявила Леле, что возьму себе отпуск, а может быть, и все к тебе приедем повидаться». «Приехавшим из Японии уже ничто не покажется далеко», – пояснила она. О поездке из Токио в Москву мать пишет как о вполне будничном деле, сетуя лишь на некоторую нехватку денег и на то, что «Лелю» не отпускают со службы.

«Меня зовут переходить в Полпредство, – сообщила сама «Леля» брату 10 февраля 1927 г., – но т. к. это связано с пребыванием в Японии еще не менее года, то я решительно отказалась. Будь, что будет в Москве. Если даже я и останусь без работы, как-нибудь какую-нибудь работу найду; я что-то никак не могу представить себе такого положения, чтобы совершенно остаться без заработка. Здесь только один вопрос

для меня очень существенный, а именно: работа в П<олпредст>ве или в НКВД для меня во много раз интересней работы по торговой части». «Думаю, что уже самое позднее мы должны быть в Москве в конце мая, – писала Алексею мать 17 февраля 1927 г. – Я по крайней мере всё время об этом хлопочу (перед кем и в каком качестве? – В. М.). Лелю очень уговаривают опять перейти в П<ол>предство – но тогда, конечно, нужно еще оставаться здесь по крайней мере на год, а это нам не улыбается, и Леля отказалась». Действительно, в то время некоторые советские дипломаты просили перевести их из Японии – в основном из-за тяжелого климата⁹, а отъезд в Москву не воспринимался как наказание. Иными словами, еще не наступило то время, когда в экземпляре «Записных книжек» Ильи Ильфа (М., 1939), находившемся в библиотеке советского полпредства в Токио (ныне в собрании автора этой статьи), читатели старательно отчеркивали на полях фразу: «Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу» (запись 1928 г.; с. 67).

Можно предположить, что уход «Лели» из полпредства и нежелание возвращаться туда на службу могли быть связаны не только с необходимостью оставаться в Японии (от этого она, как видно по письмам, не слишком страдала), но и с обстановкой внутри этого учреждения. Обратимся к мемуарам Григория Беседовского «На путях к термидору», который как раз в эти годы был советником полпредства и поверенным в делах. Свидетельства перебежчиков (Беседовский написал эту книгу после того, как в 1929 г. стал «невозвращенцем») – не лучший источник, однако это единственные воспоминания о жизни и работе советских дипломатов и технического персонала полпредства в Японии в описываемое время, поэтому пренебречь ими нельзя. Итак, весна-лето 1926 г.; пояснения в скобках даны автором статьи.

«В токийском полпредстве полным ходом шла совершенно невероятная склока, главными действующими лицами которой являлись полпред Копп и военный атташе латыш (Яков) Янель, красный генштабист. Я застал склоку в “развернутом” виде и не знал ее “истоков”. Передавали, что начало склоки положила жена Янеля, молодая дама, обидившаяся на Коппа за недостаточно внимательное отношение к ее “правам дипломатической дамы”. Надо отдать справедливость Коппу: в грубости он не уступал своему другу Литвинову. <...> Как всегда бывает, наиболее горячее участие в склоке приняла дамская половина полпредства, полностью ставшая на сторону мадам Янель против Коппа. Жизнь посольства была совершенно отравлена. Сотрудники глядели друга на друга зверями, устраивали друг другу гадости, писали доносы. Представитель ОГПУ Сверчевский плавал в этой обстановке, как рыба в воде. Он принимал доносы от обеих враждующих сторон, поощрял, как мог,

⁹ Например, поверенный в делах Г. З. Беседовский и полпред В. С. Довгалецкий в течение одного только 1927 г.

доносителей. <...> Так как одной из опор Коппа был (третий) секретарь посольства (Альфред) Аустрин, то против него был устроен настоящий заговор, и, когда он мирно диктовал очередной доклад машинистке в своем кабинете, к нему ворвался вдруг Сверчевский в сопровождении одного из сотрудников посольства, жениха машинистки, ревновавшего ее к Аустрину, и поднял скандал с обвинением Аустрина в том, что он диктовал машинистке на чересчур близком расстоянии от ее плеча и что это есть «злостное использование служебного положения в половых целях...»

В такой обстановке вопрос был вынесен на общее собрание ячейки и дебатировался в продолжение нескольких дней, причем ячейка вынесла компромиссную резолюцию: «Признавая факт чересчур близкого нахождения т. Аустрина от машинистки во время диктовки доклада, считать недоказанным, что это произошло на почве использования им своего служебного положения». Если принять во внимание, что Аустрин был женат, а машинистка, очень милая и порядочная девушка, собиралась выходить замуж, легко себе представить, с каким остервенением обсуждали эту резолюцию кумушки из полпредства и торгпредства»¹⁰.

Оказавшиеся в моем собрании документы – не более чем фрагмент семейной переписки, но остальная ее часть, видимо, утрачена безвозвратно, а потому поставленные вопросы рискуют остаться без ответов. Ключ к разгадке может находиться среди материалов японской полиции по надзору за иностранными гражданами, в числе которых – в рутинном порядке – были и Животовские. Но это уже следующий этап исследования.

Япония как судьба и призвание

*К 75-летию доктора исторических наук профессора Э. В. Молодяковой**

И. Л. Тимонина

Среди российских японоведов доктор исторических наук профессор Эльгена Васильевна Молодякова, которой 29 июля этого года исполняется 75 лет, занимает особое место. Она входит в число ведущих специалистов по современной Японии, является одним из лучших знатоков этой страны в России и выдающимся организатором японоведческих исследований (да простится мне казенная формулировка, но точнее не скажешь). Скромная, неизменно корректная и доброжелательная, какой коллеги знают Эльгену Васильевну по многолетней совместной работе, ОНА вряд ли согласится с подобной оценкой, разве что процитировав слова своего любимого Маяковского: «Мой труд вливается в труд моей республики». Но сделанное ей на ниве японоведения – даже в виде сухого перечня трудов – говорит само за себя.

Время и место рождения Эльгены Васильевны выглядят символично. Она родилась 29 июля 1937 г. – ровно через полвека после Сигэмицу Мамору, который 2 сентября 1945 г. в качестве министра иностранных дел подписывал Акт о безоговорочной капитуляции Японии, а затем занимался восстановлением дипломатических отношений между Токио и Москвой, и день в день с Хасимото Рютаро, возглавлявшим японское правительство в 1996–1998 гг. Выступая перед японской аудиторией, профессор Молодякова иногда представляется родившейся в 12-м году Сёва, одновременно с «Китайским инцидентом» 1937 г., который разросся в японо-китайскую войну, – то есть очень давно. На свет она появилась не слишком далеко от страны своей будущей специализации, хотя тогда это казалось другой планетой, – в поселке Черное Озеро Ольского района Магаданской области – и получила свое экзотическое имя в честь реки Эльген, притока реки Колыма. «1937 год» и «Колыма» сразу вызывают определенные ассоциации, но в данном случае они неверны. Отец будущего японоведа Василий Павлович Лазарев, выпускник Московского института инженеров транспорта 1931 г., отправился работать на Дальний Восток по распределению и поступил на службу в «Дальстрой»,

¹⁰ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997 (впервые: Париж, 1931), с. 178–179.

* В статье использованы материалы бесед и интервью с Э. В. Молодяковой, цитирующиеся без сносок.

возглавлявшийся Э. П. Берзиным, задолго до превращения Колымы в «лагерный край». Именно там прошли ее «детство и отрочество», как и детство старшей сестры Лидии Васильевны – всемирно известного ученого-миколога, доктора биологических наук и профессора биологического факультета МГУ.

Сегодня может показаться невероятным, но Эльгена Васильевна стала японоведом случайно – точнее, по воле Его Величества Случая. Она рассказывает, что в 1954 г. хотела поступать в Московский институт иностранных языков, чтобы в будущем работать переводчиком, однако оставшийся на Дальнем Востоке отец прислал ей категорическую телеграмму: «Поступать только в МГУ». Это было не столько прихотью, сколько мечтой Василия Павловича. «Он за десять тысяч километров, но у меня и мысли не было о том, чтобы его послушаться», – не раз говорила профессор Молодякова коллегам и студентам, возможно, не без оттенка наставительности. А тогда она фаталистически решила подать документы на тот факультет МГУ, стол приемной комиссии которого будет ближе всех к входу. Это оказалась приемная комиссия восточного отделения исторического факультета. Жребий был брошен.

Испытания на этом не закончились. «Мне на выбор достались корейский, индонезийский и японский языки, – вспоминает Эльгена Васильевна. – Наибольшей популярностью тогда пользовался китайский язык, поэтому на него был перебор. Для меня это была ужасная травма, поскольку я тоже хотела изучать китайский. Японский я выбрала, можно сказать, от отчаяния, на что знакомый корреспондент газеты «Правда», который окончил Московский Институт востоковедения (предшественник восточного отделения истфака МГУ) по Индии, сказал, что с японским языком у нас в стране мне нечего будет делать. Действительно, те, кто окончил Институт востоковедения с японским языком, не могли найти работу по специальности. Кто-то уходил в «Пионерскую правду», кто-то на радио для детей. Многие переквалифицировались на Юго-Восточную Азию. Бытовала такая шутка, что Япония потеряла Юго-Восточную Азию, а японоведы ее завоевали. В 1956 г. на базе восточного отделения исторического факультета был создан Институт восточных языков при МГУ, и мы в 1960 г. стали первыми его выпускниками. Сейчас он известен как Институт стран Азии и Африки при МГУ. Для нас было огромным праздником, когда в 1956 г. подписали Совместную декларацию между СССР и Японией, и нас, студентов, допустили в Дом дружбы, где состоялась встреча с общественностью. Приехала японская делегация. Как раз в это время начинались деловые, научные связи с представителями Японии, в основном с коммунистами. Например, когда я окончила институт и начала работать, к нам приехали японские коммунисты, под чужими именами, чтобы учиться в Высшей Комсомольской школе, которая находилась в Вешняках».

Эльгена Васильевна пришла в науку не сразу по окончании института. Целых шесть лет (фактически уже с последнего курса) ей пришлось провести на «практической работе» – в качестве переводчика в КГБ СССР (как говорится, «теперь об этом можно рассказать»), Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ и Исполкоме Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца, а фактически в Международном отделе ЦК КПСС. Здесь она прошла отличную школу устного и письменного перевода, научившись справляться и с «нестандартными ситуациями», знакомыми каждому «толмачу», и с формализованной лексикой правительственных и политических документов, что потом пригодится ей в исследовательской деятельности, которая будет связана именно с японской политикой. «Годы учения» оказались трудными, порой неоправданно трудными, но не бесполезными. В кругу друзей профессор Молодякова любит вспоминать различные случаи из опыта своей работы на Старой площади, говоря с улыбкой даже о том, что тогда, почти полвека назад, совсем не казалось приятным или забавным. Будем надеяться, что когда-нибудь она подробнее поведает нам об этом.

В качестве переводчика молодежной делегации Эльгена Васильевна впервые приехала в Японию в 1963 г.: по ее собственным словам, «до Токийской олимпиады, когда в этой стране еще не было синкансэнов, скоростных дорог и многого другого, с чем она у нас теперь прочно ассоциируется». С тех пор она много раз бывала в Японии, проехав всю страну вдоль и поперек, хотя в советское время ее неохотно выпускали в научные командировки. Как большинству японистов не только ее поколения, будущему профессору пригодилось «ремесло» устного переводчика, которое в те далекие, ушедшие времена открывало дорогу за границу многим ученым. Это, конечно, не самый правильный способ использования потенциала научных работников, но он позволял им – а не только номенклатурным начальникам – быть в постоянном контакте с изучаемой страной. Кроме того, Эльгене Васильевне такая работа принесла немало интересных знакомств – с Екатериной Максимовой и Владимиром Васильевым, Альгисом Жюрайтисом и Владимиром Мининым, а Сергей Образцов и его жена Ольга не просто стали ее близкими друзьями, но и сыграли важную, можно сказать, знаковую роль в научной деятельности.

В 1965 г. Эльгена Васильевна смогла, наконец, оставить тяготившую ее службу на Старой площади и поступила в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, в котором работает по сей день. Начало научной деятельности тоже оказалось непростым: сначала Молодякову долго не отпускали с «практической работы», а затем обязали заниматься историей Коммунистической партии Японии (КПЯ). «Я двадцать лет жизни потратила на «закрытые» исследования, и никто даже не знал, что я существую», – с грустью заметила она, пояснив для молодежи, не

знающей реалии той эпохи: «Тогда была система спецбюллетеней “для служебного пользования”, существовали закрытые темы и даже закрытый учёный совет. Я с каждой статьей для закрытого издания ходила в ЦК, просила разрешения». Темой кандидатской диссертации новому аспиранту утвердили «Вопросы единого фронта в программных документах Коммунистической партии Японии в период 1950–1960 годов». Научным руководителем был назначен доктор исторических наук И. А. Латышев, в то время заведовавший Отделом Японии (ныне Центр японских исследований). Отношения между диссертантом и руководителем сложились непростые как в профессиональном, так и в личном плане, но Эльгена Васильевна успешно довела работу до конца, хотя и позже установленного срока. В 1970 г. она стала младшим научным сотрудником отдела, а 20 апреля 1973 г. успешно защитила «закрытую» диссертацию и получила ученую степень кандидата исторических наук.

Первая печатная работа Молодяковой – статья «Постановка вопроса о едином фронте в документах Коммунистической партии Японии с 1950 по 1961 гг.», раскрывавшая основные положения готовящейся диссертации, – появилась в 1972 г. в «Специальном бюллетене» Института востоковедения, который выпускался под грифом «для служебного пользования» и рассылался по определенному «инстанциями» списку. Там же в 1976 г. вышла и сама диссертация – но можно ли сказать, что она «увидела свет»? Не берусь судить, кем на деле, практически были востребованы эти информативные работы, как и ее более поздние статьи в «закрытом» институтском журнале «Восток и современность», посвященные главным образом внешнеполитической деятельности КПЯ и ее отношениям с Китаем. Нынешние читатели, особенно молодые, не знакомые с идеологическими и цензурными реалиями того времени, вряд ли поймут, почему эти работы не могли быть опубликованы в обычных академических изданиях. Оценивая сегодня исследования Молодяковой о КПЯ (которые автор, по ее собственным словам, много лет не перечитывала и к которым никак не намерена возвращаться), следует отметить в них глубокое знание японского материала (в том числе доступного тогда очень немногим – один из возможных плюсов «закрытой» работы), взвешенность исторического и политологического анализа, минимальное количество идеологической риторики, которой в «открытых» работах было бы несравненно больше.

Теория и практика парламентской деятельности японских коммунистов стали темой второй монографии Эльгены Васильевны, опубликованной в виде «спецбюллетеня» в 1987 г.: «перестройка» уже шла, но «оттепель» в японоведении только начиналась. Изучение этой проблематики, а также взаимоотношений коммунистов с другими политическими партиями (не только японскими), профсоюзами и общественными организациями расширило тематический диапазон ее исследований и проложило ей путь в «открытую» печать. Первая «открытая» публикация

Молодяковой – статья «Комэйто в поисках путей к участию в парламенте» – появилась в 1981 г. на страницах ежегодника «Япония», главным редактором которого она является с 2000 г. За ней последовал цикл статей о японских профсоюзах, переживавших в то время сложный переходный период «правореформистской перестройки», в сборниках и в журналах «Рабочий класс и современный мир», «Восток и современность» (последний по инерции оставался «закрытым»), позднее – в ряде коллективных монографий и в содержательном бюллетене «Японский опыт для российских реформ», издававшемся в 1995–2006 годах при поддержке японской компании «Искра». Следует отметить, что эти статьи приобрели неожиданную политическую актуальность для России 1990-х годов, профсоюзы которой после распада СССР и системы ВЦСПС переживали трудный период реорганизации и приспособления к новым условиям взаимодействия с государством, образовавшимся классом работодателей и друг с другом.

Итогом этой работы стала диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук «Социальная и политическая роль профсоюзов в японском обществе», которую Эльгена Васильевна успешно защитила в Институте востоковедения РАН 21 декабря 1992 г. В 1994 г. она была выпущена отдельной книгой в издательстве «Восточная литература» под заглавием «Япония: профсоюзы и общество» и получила высокую оценку со стороны коллег. Это фундаментальное исследование сохраняет ценность и сегодня, когда интерес, особенно среди молодых ученых, к подобной тематике заметно снизился, а проблемы остались. Те, кто сталкивается с ними, еще много лет будут обращаться к работам Молодяковой, отмеченным глубоким знанием материала, четкостью анализа, логичностью изложения и читабельностью, даже если речь идет о не слишком «увлекательных» вещах. Это можно назвать «фирменным стилем» автора, о чем бы она ни писала. «Признаться, я занималась профсоюзами без всякого интереса, – рассказывает Эльгена Васильевна, – и оставила эту тему, защитив докторскую диссертацию и выпустив монографию. Скажу откровенно, мне и сейчас за неё несколько не стыдно. И вот недавно, в очередной раз побывав в Японии, я увидела и узнала столько нового, что опять заинтересовалась этой проблемой! Не раз бывало так, что человек втягивался в тему, которая поначалу казалась не слишком интересной, и потом занимался ею от души».

«Перестройка» и «гласность» коренным образом изменили положение дел в отечественном японоведении, сначала «раскрепостив» тематику исследований, а затем избавив их от идеологического диктата. Это относится и к научному пути Молодяковой, но справедливости ради надо сказать, что ее личная «перестройка» началась раньше и опять-таки по воле Его Величества Случая. В конце 1970-х годов в Отдел Японии из издательства «Планета» прислали на рецензию рукопись перевода книги известного итальянского японоведа Фоско Маранини

«Япония: образы и традиции». Много лет живший в Японии, Мараини – имя которого сейчас не нуждается в рекомендациях – был не только хорошим учёным, но и отличным фотохудожником. «На эту книгу нас попросили написать официальный отзыв, – вспоминает Эльгена Васильевна. – В. А. Попов полистал перевод и сказал, что незачем связываться с такой пропагандистской книгой, лучше её сразу отвергнуть. «Планета» уже решила издавать этот альбом, но им нужна была рекомендация из академического института. В ЦК согласия не дали. Я сказала, что прочитаю и напишу рецензию, хотя меня предупреждали, что я ищу неприятностей. Я прочитала книгу, она мне очень понравилась, и об этом я честно сказала в издательстве. Там мне дали карт-бланш, предложив выкинуть из рукописи все «сомнительные» фрагменты, оставив самое безобидное. Я выкинула много про религию, про буддизм и теперь так об этом жалею! Чтобы «протолкнуть» книгу, нужно было предисловие известного человека. Они позвонили В.В. Овчинникову, который в итоге это предисловие и написал, а книга имела огромный успех. Правда, редактор мне потом говорил, что в ней совершенно не отражена, например, антивоенная тема... Сказал бы он это Мараини!».

Работа над книгой Мараини подготовила поворот в сторону той тематики, которой Эльгена Васильевна давно хотела заниматься. Другим импульсом стали слова Сергея Образцова, который помимо всего прочего, был талантливым литератором: «Вы так много знаете о Японии и так интересно об этом рассказываете. Почему бы вам не написать об этом?». Понятно, что речь шла не о «едином фронте» и не о «народном парламентаризме». Сама Эльгена Васильевна определяет эту тематику словами «как живут японцы». За нарочито простой формулировкой – национальная психология и духовные традиции, религиозные верования и народные праздники, обычаи и обряды, промыслы и ремесла, традиционная кухня, словом – повседневная жизнь во всем многообразии. Изучению этой проблематики она отдала тридцать лет – и именно эти работы принесли профессору Молодяковой не только заслуженное признание и авторитет в академическом мире, но и любовь широкого круга читателей, к интересам и запросам которых она относится с неизменным уважением и вниманием.

«Первой ласточкой» стала глава «Японцы», написанная для коллективной монографии «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл» под редакцией Р. Ш. Джарылгасиновой и М. В. Крюкова, выпущенной издательством «Наука» в 1985 г. – в год начала «перестройки». Кстати, это первая работа Эльгены Васильевны, написанная в соавторстве с доктором экономических наук С. Б. Маркарьян – не только коллегой, но и ближайшим другом на протяжении многих десятилетий. Тогдашний ответственный секретарь редакции ежегодника «Япония» С.И. Вербицкий, по воспоминаниям юбиляра, «мельком

взглянув на рукопись, сразу сказал, что это неинтересно: кому нужны японские праздники?!». Время быстро показало, что он ошибался.

Работу приняли «на ура» специалисты-этнографы, прежде всего выдающийся знаток Японии С. А. Арутюнов, который порекомендовал соавторам развить ее в полноценную монографию. По условиям времени об утверждении такой темы в качестве «плановой» не могло быть и речи – пришлось совмещать работу над ней с выполнением институтского плана исследований. Обстановка в науке и в стране в целом менялась не по годам, а буквально по дням, поэтому статьи Молодяковой и Маркарьян о японских праздниках, которые с 1988 г. начали появляться на страницах широко читаемых журналов, вызвали большой интерес. Предварительным итогом работы стала выпущенная издательством «Наука» в 1990 г. монография «Праздники в Японии: традиции и социальные функции» под редакцией С. А. Арутюнова. Такого комплексного труда, сочетавшего солидную теоретическую базу с результатами полевых исследований и социально-политическим анализом, в отечественной литературе о Японии еще не было, поэтому его успех оказался закономерным. Однако с условиями, точнее условностями, времени еще приходилось считаться. «Когда в 1989 г. мы принесли рукопись в редакцию восточной литературы издательства «Наука», – вспоминает Эльгена Васильевна – ее глава О. К. Дрейер намекнул: «Книга-то полезная? Там написано про то, куда пойти бездомным в новогоднюю ночь? А то они греются на решетках метро...». Я намёк поняла и ответила: «Есть». «Ну и нормально», – сказал он». Второе, переработанное издание под названием «Мацури. Традиционные праздники Японии» вышло в 2004 г. с большим количеством иллюстраций и уже без всяких условностей.

С конца 1980-х годов, когда фамилия «Молодякова» стала непременным атрибутом любого серьезного издания, пишущего о Стране корня солнца, отчетливо проявились комплексный, системный характер и энциклопедический диапазон научной деятельности юбиляра. За четверть века Эльгена Васильевна показала себя как ведущий специалист в области изучения современной Японии, как автор выдающихся работ в сфере «традиционного цикла» и, наконец, как талантливый популяризатор знаний о традиционной и современной Японии.

Круг научных интересов профессора Молодяковой применительно к современности очень обширен, что неизменно удивляет японских коллег, привыкших к узкой специализации. Однако все его компоненты логично связаны друг с другом. Опыт, накопленный при изучении парламентской и политической деятельности «левой» оппозиции (коммунистов, социалистов и связанных с ними профсоюзов), стал основой для работ, посвященных трансформации всего оппозиционного лагеря в условиях «тотальной победы консерваторов» (формулировка юбиляра) в 1990–2000-е годы вплоть до превращения Демократической партии

Японии сначала в ведущую силу оппозиции, а затем в правящую партию. Разумеется, оппозиция интересует исследователя не сама по себе, а как неотъемлемая часть политической системы страны, прежде всего во взаимодействии с Либерально-демократической партией, находившейся у власти более полувека. В этой связи хочу отметить подготовленную под руководством Молодяковой коллективную монографию «Япония: полвека правления либерал-демократов» (2010), писавшуюся уже тогда, когда вчерашние монополисты политической власти, казавшиеся непобедимыми, оказались в оппозиции, причем с беспрецедентно малым для них количеством депутатских мандатов.

На примере статей по рассматриваемой тематике хорошо видна характерная особенность научного «почерка» Эльгены Васильевны: она редко проводит черту между собственно историческим и политологическим исследованием, между обобщением уже завершившихся процессов и актуальным политическим комментарием. Как один из главных специалистов по данной проблематике она часто выступает с откликами на происходящие события, в том числе в СМИ, но не ограничивается днем сегодняшним, стараясь по возможности показать исторический «фундамент» случившегося. В то же время изложение в ее работах более общего характера – например, в цикле статей о политической системе послевоенной Японии, об уникальном положении императорского дома, о правящей элите и о механизмах взаимодействия бюрократов и политиков – как правило, доведено почти до момента их написания, то есть автор старается все время «держать руку на пульсе». Этим объясняется то, что исследователь по несколько раз обращается к одним и тем же проблемам, дополняя, а порой и пересматривая сказанное ранее в соответствии с меняющейся ситуацией.

Характерной чертой работ Эльгены Васильевны является интерес к людям, «делающим политику», и обращение к жанру политического портрета. Изучение особенностей жизненного пути и личных качеств государственных деятелей дает возможность не только более точно и адекватно проанализировать их действия и намерения, но придает исследованию многомерность и делает его более интересным для читателей. Автор редко «ставит оценки» своим героям, но и у нее есть свои «фавориты». Она отдает предпочтение политикам с реформаторским потенциалом, обладателям сильной воли и лидерских качеств, людям, с которыми связаны переломные моменты в истории Японии: императору Сёва и премьер-министрам Ёсида Сигэру, Накасонэ Ясукиро, Коидзуми Дзюнъитиро.

С «политическим блоком» в работах Молодяковой по современным проблемам органично соседствует «социальный блок», многие тексты которого написаны в соавторстве с Маркарян – «тандем» оказался удачным применительно ко всем темам, над которыми они работают совместно. Жесткой границы между двумя «блоками» нет и не может

быть, что видно, например, по монографии «Японское общество: книга перемен. (Полтора века эволюции)» (1996). Рассматривая, например, «перманентную реформу образования», «вклад Японии в мировую технологическую культуру» или «среду обитания современных японцев» (заголовки статей Эльгены Васильевны отличаются лаконичностью и конкретностью), исследователь не может пройти мимо государственной политики в данной области, которую определяют парламент и кабинет министров и в выработке которой стремятся участвовать не только стоящие у кормила власти, но и оппозиционные политические силы и общественность. Автору удается сочетать «вид сверху» на данные проблемы, со стороны парламента, правительства и законов, с «видом снизу», включая деятельность гражданских движений и местных организаций, которым она в последние годы уделяет специальное внимание.

«Социальный блок», в свою очередь, неразрывно связан с «культурным блоком», тематический диапазон которого также весьма широк. Давний интерес ученого к повседневной жизни японцев и к сочетанию в ней старого и нового отразился в известных и широко читаемых монографиях о японских праздниках, ставших «классикой жанра», и в книге «Секреты японской кухни» (2001) – все в соавторстве с Маркарян. Книга о кухне, в которой академическое исследование структуры питания японцев соседствует с историческим очерком и подборкой рецептов, консультантами которых выступили авторитетные японские специалисты, давно стала «источником вдохновения» для компиляторов. Особого упоминания заслуживает цикл статей Молодяковой о религиозной ситуации в Японии: позитивный опыт мирного сосуществования различных религий в этой стране актуален для сегодняшней России, где проблемы межнационального и межконфессионального согласия встают с пугающей остротой. Не только академический, но и практический интерес представляют ее исследования по таким, казалось бы, частным вопросам, как сохранение традиционных искусств и ремесел, охрана исторических памятников или вклад Японии в программу ЮНЕСКО «Мировое культурное наследие». В последнее время в работах юбиляра большое внимание уделяется усилиям по созданию «информационного общества», что не замыкается на научно-технических достижениях и разработках, но имеет прежде всего социокультурное значение.

Эти исследования Эльгены Васильевны оказались особенно востребованы за пределами «цеха» японоведов. Многие из них появились не только в коллективных монографиях Института востоковедения и Центра по изучению современной Японии РАН или на страницах нашего ежегодника, но и в таких изданиях как «Политические системы и политические культуры Востока», «Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие», «Образовательное законодательство и образовательные

системы зарубежных стран», не говоря уже о материалах многочисленных симпозиумов.

Другой особенностью научного творчества профессора Молодяковой является неразрывность «современного» и «традиционного» циклов. После многих лет увлеченного и продуктивного изучения японских праздников, в котором исторический подход неотделим от социо-этнографического, она обратилась к традиционной религии японцев синто, которой, по словам выдающегося религиоведа Като Гэнти, столько же лет, сколько самой Японии, и которая будет жива, пока жива Япония. Изучение синто в России уже невозможно представить без работ Эльгены Васильевны, и не только потому что она с 2004 г. является бессменным главой Московского представительства Международного научного общества синто. Акцентируя внимание на роли и месте синто в жизни послевоенной Японии, автор рассматривает этот вопрос комплексно, от сугубо политической «проблемы Ясукуни» – визитов японских государственных мужей в святилище, посвященное памяти всех павших за Японскую империю, и негативной реакции на это в соседних странах, до роли синтоистских храмов и духовенства в повседневной жизни локального общества. Четкий, прагматичный анализ социально-политических аспектов духовной жизни сочетается в работах юбиляра с глубоким знанием и тонким пониманием традиционной Японии. Молодякова и Маркарьян первыми в нашей стране применили к анализу синто и его роли в истории японской цивилизации теорию интегральной традиции Рене Генона (с учетом ее развития Юлиусом Эволой) и «активизировали» в отечественном японоведении разыскания и достижения Мирчи Элиаде.

Несомненным достоинством работ Молодяковой, вне зависимости от их тематики и уровня специализированности, является доступность, не переходящая однако в упрощенчество. Даже в работах, предназначенных для специальных изданий, Эльгена Васильевна никогда не прибегала к «языку посвященных», перенасыщенному неологизмами и англицизмами, стремясь сделать понятным изложение любой сложной научной проблемы. Наряду с этим она проявила себя и как мастер научно-популярного рассказа о Японии, основанного на солидном академическом фундаменте, но облеченного в общедоступную, увлекательную форму. Примером этого стали ее яркие статьи о японской бане *фуро*, традиционных гостиницах *рёкан*, народных промыслах и даже эротической гравюре *сюнга* в журналах «Проблемы Дальнего Востока» и «Знакомьтесь – Япония», а также циклы «зарисовок» «Праздник всегда с тобой», «Жемчужины туризма» и «Уголки Токио» в журнале «Япония сегодня», рассчитанном на самого широкого читателя. Жаль, что они так и не были собраны в книгу, а ведь это был бы отличный подарок многим людям, интересующимся Японией и Востоком в целом!

Некоторые специалисты, не только среди японоведов, считают такую работу «упрощенчеством» и «низким жанром», неприемлемым для адептов «настоящей науки». «Нет, это не упрощенчество – решительно возражает Эльгена Васильевна. – Это классическое научно-популярное изложение. Этим крупнейшие ученые занимались всегда. Что значит «популярный»? Да просто хорошо написано, чтобы люди могли понять, о чём идет речь! Какой смысл писать друг для друга? Наши коллективные монографии профессионально написаны, но в то же время доступны и понятны. Их читают не только японоведы, но широкий круг интересующихся. Вот для чего надо работать! Мы выходим в широкую аудиторию, не замыкаемся в себе». Трудно не согласиться со сказанным, но непросто и соответствовать такому стандарту.

За последние десятилетия Эльгена Васильевна проявила себя не только как разносторонний и оригинальный исследователь и талантливый популяризатор, но и как педагог и администратор. В течение 13 лет (1995–2008) она преподавала на кафедре востоковедения факультета международных отношений МГИМО(У), где получила ученое звание профессора и изрядно «подтянула» японское направление. Сегодня ее многочисленных учеников можно встретить повсюду – от государственной службы до частного бизнеса, но прежде всего, конечно, среди ученых и дипломатов. Под ее формальным руководством защитились шесть аспирантов, получивших ученую степень кандидата наук, не говоря о многочисленных магистрантах. Слово «формальный» в данном случае требует пояснения. Это не означает, что научное руководство со стороны профессора Молодяковой имело формальный характер. Напротив, я имею в виду лишь те работы, где она была официальным научным руководителем, поскольку фактически помогла гораздо большему количеству диссертантов. К ученикам Эльгены Васильевны можно по праву отнести и ее сына Василия Элиарховича – япониста во втором поколении – ныне доктора политических наук, автора более 30 книг, ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН и профессора токийского университета Такусёку. Символично, что Молодяковы в соавторстве с Маркарьян написали «Историю Японии. XX век» (2007; 2009) – не имеющее пока аналогов комплексное и в то же время компактное исследование, в котором каждый заинтересованный читатель найдет информацию по нужной ему теме. Приятно отметить и то, что свою обобщающую монографию по истории двусторонних отношений «Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи» Василий Молодяков посвятил Эльгене Васильевне – как матери и учителю, коллеге и другу. Японцы очень оценили бы такой поступок.

Профессор Молодякова никогда не тяготела к административной работе, не стремилась «командовать», не находила вкуса в заседаниях

и отчетах. Коллеги помнят, что она неохотно взяла на себя в 2000 г. руководство Центром японских исследований Института востоковедения и его коллективными монографиями, а также ежегодником «Япония», понимая сложность стоящих задач и ответственность за их решение, а также то, сколько времени будет потрачено на это в ущерб исследовательской работе. Сегодня, через 12 лет, можно сделать вывод, что Эльгена Васильевна справилась на «отлично».

Под ее руководством Центр японских исследований, по многим причинам переживавший непростые времена, всегда оставался не только флагманом отечественного японоведения, но и одним из наиболее «живых», динамично развивавшихся и продуктивно работавших подразделений Института востоковедения РАН. Выпускаемые общими усилиями сотрудников Центра труды превратились в настоящие коллективные монографии, скрепленные общей идеей, концептуально организованные, с четкой внутренней логикой и продуманной структурой. Как одна из их неизменных участниц признаюсь, что работать с Эльгеной Васильевной интересно, так как она постоянно генерирует новые идеи, но нелегко из-за высокого уровня требований к авторам, каждому из которых она ставит конкретную задачу, а затем индивидуально работает с каждой главой. Впрочем, самые высокие требования она предъявляет и к самой себе, никогда не предлагая для обсуждения и, тем более, для публикации «рыбу», а не окончательно отделанный текст.

Как руководитель коллективных изданий, включая ежегодник «Япония», профессор Молодякова всегда прилагала и прилагает усилия для расширения круга их авторов. Не секрет, что в советское время «на японские темы» в печати выступали в основном одни и те же люди, считавшие себя своего рода «избранными» и не слишком расположенные к возможному «конкурентам». Ситуация стала меняться в годы «перестройки», с «физическим» увеличением возможностей публиковаться, но именно Эльгена Васильевна сделала из этого «расширения» принцип. «Мы перешли – может быть, интуитивно или по воле случая – на европейскую, западную систему работы, – поясняет она. – Постоянно работает небольшая группа, а когда делается проект, приглашаются специалисты отовсюду. Поэтому, несмотря на то, что в центре не так много людей, мы можем сделать проект и разработать практически любую тему». Как руководитель и редактор она, во-первых, всегда предоставляет «зеленую улицу» молодежи, причем не только собственным аспирантам и ученикам, полушутя замечая, что «мы, люди старшего поколения, и так уже много опубликовали». Во-вторых, Молодякова открыла страницы руководимых ею изданий ученым из всех регионов России и из других стран, оперативно отреагировав на географическое расширение границ отечественного японоведения в 1990-е годы. В-третьих, она охотно работает с «неостепененными» авторами,

считая единственным критерием оценки представленных работ их качество, а не наличие у пишущего «корочек» или «регалий».

Результат – налицо. Поэтому то, что именно Эльгена Васильевна возглавила журнал «Знакомьтесь – Япония» после смерти его основателя и бессменного главного редактора В. Б. Рамзеса в 2008 г., ни у кого не вызвало удивления или непонимания. Будучи одним из постоянных авторов журнала с самых первых номеров, она смогла придать ему новый импульс. Достоин сожаления лишь то, что год спустя издание журнала прекратилось по независящим от редакции причинам.

В 2009 г. по приглашению избранного директором Института востоковедения член-корреспондента РАН В. В. Наумкина Э. В. Молодякова заняла пост заместителя директора Института. Забот ощутимо прибавилось, времени для исследовательской работы стало еще меньше, но она по-прежнему старается всё успеть.

Эльгена Васильевна заслуженно пользуется не только профессиональным, но и нравственным авторитетом среди коллег. Возможно, не всем и не всегда приходится по вкусу ее требовательность в работе, за что ее порой называют «железной леди», но вряд ли кто-то сможет упрекнуть ее в предвзятости, профессиональной необъективности или личной недоброжелательности, когда затронуты интересы дела. Заботясь о расширении рядов японоведческого «цеха» и стараясь по мере сил помогать начинающим, профессор Молодякова нетерпима к любым проявлениям дилетантизма и к нарушениям академической этики, прививая ее азы своим ученикам уже со студенческой скамьи. Этим сознанием проникнута и ее организационная работа в правлении Ассоциации японоведов, вице-президентом которой она является, и в правлении общества «Россия-Япония».

Юбилера уважают и ценят представители многих «смежных» дисциплин – специалисты в области международных отношений и психологии, истории и педагогики, философии и культурологии. В 2000 г. Государственный музей искусства народов Востока избрал ее членом ученого совета. В декабре 2005 г. Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI присудила ей звание «Почетный доктор АИРО». Мнением Эльгены Васильевны интересуются ученые, аналитики, журналисты, знающие, что на самые трудные вопросы они получают четкий и квалифицированный ответ, не омраченный конъюнктурой и веяниями момента.

Молодякову-сэнсэя хорошо знают в академических, общественных и политических кругах Японии, к ней прислушиваются профессора и дипломаты, журналисты и чиновники. Работа в качестве приглашенного исследователя в университетах Хосэй (Токио), Кэйо (Токио), Рикугэйкан (Киото) и главы Московского представительства Международного научного общества синто не только помогли ей в собственных разы-

сканиях, но и способствовали сотрудничеству учёных двух стран. Думая о будущем, Эльгена Васильевна отдает много сил и времени японским исследователям, аспирантам и студентам, приезжающим в Россию. «Партнерство – ключевое слово! – любит повторять она. – Если ничего не делать, то ничего и не изменится». Сознанием этого наполнен каждый день и час ее работы.

К очерку академических «трудов и дней» профессора Молодяковой необходимо добавить, что это разносторонне образованный человек, знаток мировой литературы, ценитель живописи и классической музыки, завсегдатай выставок и концертных залов. И, наконец, Эльгена Васильевна красивая и неизменно элегантная женщина, являющаяся образцом для подражания для многих коллег-женщин и предметом восхищения коллег-мужчин. Всем своим обликом она подает окружающим пример позитивного отношения к жизни и работе, несмотря на трудности и испытания.

Наши авторы

Алпатов Владимир Михайлович, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН

Барышев Эдуард Анатольевич, доктор философии, Университет Кюсю (Япония)

Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Ковальчук Марина Константиновна, кандидат исторических наук, Восточный институт Дальневосточного государственного университета

Ковригин Евгений Борисович, профессор, Университет Сэнсан гакуин, Фукуока (Япония)

Кудряшова Анастасия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова

Кузель Юрий Леонидович, доктор искусствоведения, профессор, Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича.

Куланов Александр Евгеньевич, директор Центра изучения Восточной Азии

Кульнева Полина Викторовна, сотрудник, Институт востоковедения РАН

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Маркарьян Седя Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Молодяков Василий Элинархович, доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Мурашкин Николай Юрьевич, докторант, Кембриджский Университет (Великобритания)

Панов Александр Николаевич, главный научный сотрудник, Институт США и Канады РАН

Полхов Святослав Александрович, научный сотрудник Института Востоковедения РАН

Саблина Элеонора Борисовна, кандидат филологических наук, Токийский государственный университет иностранных исследований (Япония)

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, член Ассоциации японоведов

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, МГИМО(У) МИД РФ

Танака Такэюки, историк (Япония)

Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова

Торопыгина Мария Владимировна, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН

Хоменко Ольга Анатольевна, доктор философии, Национальный университет Киево-Могилянская Академия (Украина)

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Молодякова Э. В. Три премьер-министра в интерьере
трехлетнего правления демократов **5**

Мурашкин Н. Ю. Дипломатия «Великого шелкового пути» в
Центральной Азии через призму японских представлений
о безопасности (1992–2009 гг.) **24**

Добринская О. А. Японо-американские отношения
во внешней политике ДПЯ **51**

Стрельцов Д. В. Новые моменты в развитии японо-американского
военно-политического союза **67**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лебедева И. П. О применении японской системы управления
на азиатских филиалах **80**

Ковригин Е. Б. Китайско-японские отношения через призму
официальной помощи развитию (ОПР) в 1980–2000-х годах **97**

Кульнева П. В. Влияние конфуцианских ценностей
на японскую деловую этику **123**

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Алпатов В. М. Русский взгляд на Японию: мифы и реальность **141**

Маркарьян С. Б. Неприбыльные организации в Японии.
Анализ повседневной деятельности **152**

Панов А. Н. Институт императора и его место в государственной
системе современной Японии **172**

Хоменко О. А. Женщина плюс автомобиль: из истории
японской рекламы 1950–1970-х годов **185**

Катасонова Е. Л. Осима Нагиса: наперекор всем табу **205**

Герасимова М. П. О специфике «японского»
(красота мгновения, исчезающего в Вечности) **223**

Кудряшова А. В. Эстетика дзэн-буддизма в традиции Пути Чая
на примере чайной керамики и кухни тя-кайсэки **239**

Куланов А. Е. Василий Ощепков: человек-легенда **250**

Кужель Ю. Л. Буддийская иконография святынь о. Сикоку **266**

Торопыгина М. В. Стихотворение высшей пробы «Бухта Акаси» **282**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Полхов С. А. «Дзинкайсё» – законодательное уложение Датэ Танэмунэ
(1536г.) **293**

Саркисов К. О. Посредничество Александра II в конфликте
между Японией и Перу (1872–1875 гг.) **340**

Ковальчук М. К. Великая Британия глазами японцев.
Миссия Ивакура в Англии, 1872 год **352**

Барышев Э. А. Япония и парижский финансовый рынок после
русско-японской войны (сентябрь 1905 – март 1907 г.) **367**

Танака Т. Утида Рёхэй: взгляд на Россию **390**

Саблина Э. Б. Из истории периодической печати Японской
Православной Церкви **413**

Молодяков В. Э. «Теперь бы меня в НКВД не узнали...»: неизвестный
источник о жизни русских в Токио в 1926–1927 годах **423**

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Тимонина И. Л. Япония как судьба и призвание **431**

К 75-летию доктора исторических наук профессора Э. В. Молодяковой

Наши авторы 445

Научное издание

Япония 2012

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО–XXI»
e-mail: andmak@ www.airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать 28.09.2012 г. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 25
Тираж 300 экз.